F II 15464

Ф II 15464.

РАЗСКАЗЫ и СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ МЛАДШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

СОСТАВИЛЪ

К. В. Елпатьевскій.

ТРЕТЬЕ ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

3

Цѣна 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 л., 28.
1909.

Fп 15464.

РАЗСКАЗЫ и СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ МЛАДШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

19028

Перепис. 1950

СОСТАВИЛЪ

К. В. Елпатьевскій.

ТРЕТЬЕ ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 л., 28.
1909.

УЧЕБНЫЯ КНИГИ ПО ИСТОРІИ

К. Ѳ. Елпатьевскаго,

допущенныя Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія:

Разсказы и Стихотворенія изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. 3-е вновь переработанное изданіе 1909 г. Ц. 1 р. 25 к.

Въ 1-мъ и 2-мъ изданіяхъ „Разсказы и Стихотворенія" были допущены Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Особымъ Отдѣломъ Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія были допущены въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни. Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній были рекомендованы для ротныхъ библіотекъ трехъ младшихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ и Ученымъ Ком. при Св. Синодѣ одобрены для ученическихъ библіотекъ духовно-учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

Учебникъ русской исторіи. 11-е изданіе. 1907 г. Цѣна 1 р. 40 к.

Сборникъ легендъ и стихотвореній изъ всеобщей исторіи. Историческая хрестоматія для учащихся. 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Сборникъ бытовыхъ очерковъ изъ русской исторіи. Историческая хрестоматія для учащихся. 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Въ пособіе учащимся: **Подробный Конспектъ учебнаго курса русской исторіи.** 2-ое изданіе. 1907 г. Ц. 50 к.

Заглавія разсказовъ и стихотвореній.

		стран.
1*.	О любви къ отечеству и народной гордости.—Карамзина[1]).	1
2.	Югъ и сѣверъ.—Никитина	3
3.	Родина.—Вяземскаго	4
4.	Откуда мы знаемъ о родной старинѣ.—Бунакова	4
5.	Курганъ.—А. Толстого	5
6.	Русскій лѣтописецъ.—Пушкина	6
7.	Кіевъ—мать городовъ русскихъ.—Радонежскаго	7
8.	Кіевъ.—Хомякова	8
9.	Кіевъ.—Козлова	9
10.	Какъ жили наши предки болѣе тысячи лѣтъ назадъ.—Петрушевскаго	9
11.	Какъ началась Русская земля и кто были первые князья въ Кіевѣ.—С. Соловьева: Изъ „Русск. Лѣтописи для первон. чтенія“	13
12.	Лѣтописное сказаніе объ Олегѣ.—Изъ Лаврентьевской лѣтописи	15
13.	Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.—Пушкина	17
14.	Игорь сынъ Рюрика.—С. Соловьева: Изъ „Русск. Лѣтописи для первон. чтенія“	19
15.	Ольга Правительница.—Ушинскаго	21
16.	Мщеніе Ольги древлянамъ.—Соколова	23
17.	Святославъ Игоревичъ.—Ушинскаго	27
18.	Крещеніе Руси при св. Владимірѣ.—Изъ народныхъ чтеній	31
19.	Пѣснь о великомъ князѣ Владимірѣ.—А. Толстого	36
20.	Былины о Владимірѣ-Красномъ Солнышкѣ и богатырѣ его Ильѣ Муромцѣ.—Изъ книги Соколова и Хитрово	38
21.	Повѣсть о князѣ Владимірѣ и о томъ, какъ парень Янъ побѣдилъ Печенѣжина.—Данилевскаго	43
22*.	Св. Кириллъ и Меѳодій—просвѣтители славянъ.—Незеленова	48
23.	Сыновья св. Владиміра.—С. Соловьева	51
24.	Ярославъ Мудрый.—Хрущова	53
25.	Грамота и просвѣщеніе въ древней Руси.—Трауцкой—Изъ „Общедоступныхъ разсказовъ изъ русск. исторіи для школъ“	55

[1]) Статьи, помѣченныя звѣздочкой, дополнены или сокращены составителемъ Хрестоматіи.

СТРАН.

26. Русская Правда — Трауцкой — Изъ „Общедоступныхъ разсказовъ изъ русск. исторіи для школъ“ 57
27*. Святые Антоній и Ѳеодосій. — Павлова 59
28. Кудесникъ. — Языкова 63
29. Удѣльная система на Руси. — Алексѣева 63
30*. Владиміръ Мономахъ и его поученіе дѣтямъ. — Фармаковскаго 66
31*. Андрей Боголюбскій. — Тихомирова 72
32*. Походъ Игоря, князя Новгорода-Сѣверскаго, на половцевъ. — Ушинскаго 73
33. Великій Новгородъ. — Сиповскаго 80
34. Двѣ пѣсни о Садкѣ. — Сурикова 85
35. Василій Буслаевъ. — Народная былина 92
36. Ушкуйники. — Немировича-Данченко. 95
37. Татарскій погромъ. — Изъ книгъ Рогова и Хрущова 96
38. Разореніе татарами рязанскаго княжества. — Мея . . . 105
39. Евпатій Коловратъ. — Мея 108
40. Великая княгиня Домникія. — Навроцкаго 110
41. Князь Михаилъ Черниговскій. — Навроцкаго. 111
42. Авдотья Рязаночка. — Историческая пѣсня 113
43. Татарскій полонъ. — Народная былина 115
44. Щелканъ Дудентьевичъ. — Историческая пѣсня 116
45. Александръ Невскій. — Рогова 117
46. Въ Городцѣ въ 1263 г. — Майкова 124
47*. Даніилъ Романовичъ король Галицкій — Изъ нар. чтеній и стих. Юрьева 126
48. Начало города Москвы. — Мельгунова 128
49. Предсказаніе. — Навроцкаго 132
50*. Иванъ Калита и митрополиты св. Петръ и св. Алексѣй — Майкова 132
51. Москва. — Глинки. 137
52. Москва. — Аксакова 138
53. Св. Сергій Радонежскій. — Сиповскаго 138
54. Монастырь. — Майкова 142
55*. Куликовская битва. — Сиповскаго 142
56. Игуменъ всея Руси. — Навроцкаго 150
57. Мамаево побоище. — Голенищева-Кутузова 152
58. Преп. Кириллъ, основатель Бѣлозерской обители. — Изъ нар. чтеній 154
59. Основаніе Соловецкой обители. — Баранова 159
60. Коссовская битва. — Изъ „Бесѣдъ по русской исторіи“ изданія Учил. Совѣта при св. Синодѣ. 161
61*. Завоеваніе турками Константинополя. — Майкова 164
62. Іерей. — Розенгейма 166
63*. Іоаннъ III Васильевичъ. — Майкова 167
64. Дмитрій Іоанновичъ, внукъ Іоанна III. — Лажечникова . . 175

СТРАН.

65. Москва—третій Римъ. — Майкова 180
66. Послѣднее прощаніе. — Мея 182
67. Паденіе Новгорода. — Губера 183
68*. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный. — С. Соловьева . 183
69. Василій Шибановъ. — А. Толстого 189
70. Грозный царь Иванъ Васильевичъ. — Историческая пѣсня. 192
71. Печальникъ русской земли. — Навроцкаго 194
72. Кулачный бой. — Лермонтова 198
73. Покореніе Казани и Астрахани. — Майкова 202
74. Покореніе Казанскаго царства. — Историческая пѣсня . . 206
75. Старая пѣсня. — Кольцова 208
76. Завоеваніе Сибири. — Петрушевскаго 208
77. Пѣснь про Ермака Тимофеевича. — Историческая пѣсня . 215
78. Далекій край. — Розенгейма. 217
79. Казакъ. — Майкова. 220
80*. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. — Назаревскаго 220
81. Чудо отъ мощей царевича Дмитрія. — Пушкина 225
82. Отмѣна Юрьева дня. — Навроцкаго 226
83*. Смутное время на Руси. — Изъ книгъ Козлова, Грекова, Фармаковскаго 226
84. Монологъ Бориса Годунова. — Пушкина. 239
85. Князь Михаилъ Скопинъ Шуйскій. — Чюминой 240
86. Смерть патріарха Гермогена. — Розенгейма 242
87. Заслуги Троицкой Сергіевской Лавры въ смутное время. — Изъ нар. чтеній 244
88. Ночь передъ приступомъ. — А. Толстого. 248
89. Козьма Мининъ на нижегородской площади. — Загоскина. 248
90. Козьма Мининъ и князь Пожарскій. — Историческая пѣсня 251
91. Памятникъ Козьмѣ Минину и князю Пожарскому въ Москвѣ. — Розенгейма 252
92. Мечъ Пожарскаго. — Растопчиной 253
93. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. — Изъ нар. чтеній. 253
94. Иванъ Сусанинъ. — Рылѣева 257
95*. Михаилъ Ѳеодоровичъ первый царь изъ дома Романовыхъ. — Козлова 259
96*. Литва и Югозападная Русь. — Изъ нар. чтеній 262
97. Происхожденіе казачества. — Гоголя 269
98. Запорожская Сѣчь. — Сиповскаго. 272
99. Казнь Остапа и смерть Тараса Бульбы. — Гоголя . . . 275
100. Иванъ Подкова. — Шевченко 279
101. Украйна. — Гербеля. 280
102. Кобзарь въ степи. — Фруга 280
103. О дѣлахъ царя Алексѣя Михайловича. — С. Соловьева . 281
104. Царь Алексѣй Михайловичъ и его бояринъ Матвѣевъ. — Изъ книгъ Щебальскаго и Сиповскаго 287

		стран.
105.	Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. — Данилевскаго	294
106.	Какъ жили наши предки въ XVII в. — Покровскаго.	302
107.	Школы и просвѣщеніе въ московскомъ царствѣ. — Изъ „Общедост. разсказовъ изъ русск. ист. для школъ“	309
108.	Уничтоженіе мѣстничества. — Соллогуба	312
109.	Дѣтскіе годы Петра В. — Изъ нар. чтеній	314
110.	Паденіе царевны Софіи. Азовскіе походы и постройка флота. — Елпатьевскаго	319
111.	Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. — Майкова	322
112.	Царевна Софья. — Чюминой	323
113.	Путешествіе Петра Великаго за границу. — Щебальскаго	326
114.	Великая сѣверная война. — Изъ „Бесѣдъ по русской исторіи“	330
115.	Петербургъ. — Пушкина	336
116.	Старый домъ. — Розенгейма	336
117.	Полтавскій бой. — Пушкина	338
118*.	Главнѣйшія преобразованія Петра Великаго. — Турцевича	339
119.	Бояринъ. — Навроцкаго	343
120.	Всадникъ. — Розенгейма	344
121.	Личность Петра Великаго. — Изъ нар. чтеній	345
122.	Кто онъ. — Майкова	351
123.	Значеніе царствованія Петра Великаго. — Погодина	351
124.	Рожденіе Петра Великаго. — Историческая пѣсня	354
125.	Плачъ солдата о смерти Петра Великаго. — Историческая пѣсня	354
126.	Преемники Петра Великаго на русскомъ престолѣ. — Изъ нар. чтеній.	355
127.	Наталія Борисовна Долгорукова. — В. Острогорскаго.	362
128.	Наталія Долгорукова. — Рылѣева	369
129.	Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. — Тихомирова	370
130.	Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ. — Глинки	374
131.	Личность императрицы Екатерины II Великой. — Борзаковскаго	376
132.	Внутреннія распоряженія Екатерины II. — Борзаковскаго	378
133.	Чума и Пугачевскій бунтъ. — Козлова	382
134.	Войны Екатерины II Великой. — Изъ нар. чтеній	386
135.	Общество въ Екатерининскую эпоху. — Покровскаго	391
136.	Менуэтъ. — Майкова	398
137.	Суворовъ — великій русскій полководецъ. — Баранова	399
138.	Суворовъ. — Державина	402
139.	Чудо-богатырь. — Навроцкаго	403
140*.	Императоръ Александръ I Благословенный. — Изъ нар. чтеній	403
141.	Отечественная война 1812 г. — Радонежскаго	407
142.	Переходъ черезъ Нѣманъ. — Полонскаго	412
143.	Ожиданіе французовъ. — Историческая пѣсня	413

СТРАН.

144. Бородино. — Лермонтова 413
145. 1812 годъ. — Языкова 414
146. Великая панихида. — Щербины 414
147. Сказаніе о 1812 годѣ. — Майкова 415
148. Полководецъ. — Пушкина 416
149. Къ тѣни полководца. — Пушкина 417
150. Освобожденіе Европы изъ-подъ ига Наполеона. — Изъ. нар. чтеній 417
151. Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 1 января. 1813 г. — Батюшкова. 421
152. Два великана. — Лермонтова 421
153. Наводненіе въ Петербургѣ. — Пушкина 422
154*. Императоръ Николай I. — Изъ нар. чтеній 422
155. Клеветникамъ Россіи. — Пушкина 429
156. Севастопольская оборона. — Баранова. 430
157. На войну. — Кота-Мурлыки 435
158. Къ русскому орлу. — Хомякова 436
159. Высадка въ Крыму. — Розенгейма 437
160. Послѣдній штурмъ Севастополя. — Розенгейма. . . . 437
161. Солдатская пѣсня о Севастополѣ. — Апухтина. 439
162. Къ Россіи. — Аксакова 439
163. Александръ II — Царь Освободитель. — Грекова 440
164. Передъ волей. — Плещеева 444
165. Картинка. — Майкова 445
166. Пѣсня о волѣ. — Грекова 445
167. На освобожденіе крестьянъ. — Аксакова 446
168. Покореніе Кавказа и завоеванія въ средней Азіи. — Изъ нар. чтеній 446
169. Споръ. — Лермонтова 451
170. Война съ турками за освобожденіе славянъ. — Изъ журнала „Досугъ и Дѣло“ 452
171. Императоръ Александръ II на смотру въ Плоэшти въ 1877 г. — Гаршина 456
172. Кладъ. — Голенищева-Кутузова 457
173. Братьямъ-Славянамъ. — А. Толстого 459
174. Мученическая кончина Царя-Освободителя. — Изъ нар. чтеній 459
175. Царю-Освободителю. — Яхонтова 462
176. Памятникъ Императору Александру II Освободителю. — В. К. 463
177*. Александръ III—Царь Миротворецъ. —Изъ нар. чтеній . 463
178. 17-ое октября 1888. — Майкова 471
179. Видѣніе. — Ма—това 472
180. Къ портрету Императора Александра III. — Майкова. . 473
181. На могилѣ Императора Александра III. — Голенищева-Кутузова 473

СТРАН.

182. Стародавняя пора. — Хрущова 474
183. Русь. — Никитина 476
184. Пѣснь русскому царю. — Жуковскаго 477
185. Москва—сердце Россіи. — Баранова 478
186. О необходимости изученія исторіи. — Карамзина 484
187. Памятникъ тысячелѣтія Россіи. — Радонежскаго 487

1. О любви къ отечеству и народной гордости.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество! Самое расположеніе нервовъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется. Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству, ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая, или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая. мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе, ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ. лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ, или звеньевъ. На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучить себя къ новостямъ и мнѣ скучно“.

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и потому не всѣ люди имѣютъ его. Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ

самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою патріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ. Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было немного патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишне смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ, а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того, безъ сомнѣнія, и другіе уважать не будутъ. Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе, ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго, станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое и повторимъ его съ благородною гордостію.

2. Югъ и Сѣверъ.

Есть сторона, гдѣ все благоухаетъ;
Гдѣ ночь, какъ день безоблачный, сіяетъ
Надъ зыбью водъ, и моря вѣчный шумъ
Таинственно оковываетъ умъ;
Гдѣ на коврахъ долины живописной
Ложится тѣнь отъ рощи кипарисной;
Гдѣ все быстрѣй и зрѣетъ, и цвѣтетъ;
Гдѣ жизнь безпечная идетъ.
Но мнѣ милѣй роскошной жизни Юга
Сѣдой зимы полуночная вьюга,
Морозъ и вѣтеръ, и грозный шумъ лѣсовъ,
Дремучій боръ по скату береговъ,
Просторъ степей и небо надъ степями
Съ громадой тучъ и яркими звѣздами.
Глядишь кругомъ, все сердцу говоритъ:
И деревень однообразный видъ,
И городовъ обширныя картины,
И снѣжныя безлюдныя равнины,
И удали размашистый разгулъ,
И русскій духъ, и русской пѣсни гулъ,

То глубоко безпечной, то унылой,
Проникнутой невыразимой силой.
Глядишь вокругъ — и на душѣ легко,
И зрѣетъ мысль такъ вольно-широко,
И сладко пѣснь въ честь родины поется,
И кровь кипитъ, и сердце гордо бьется,
И съ радостью внимаешь звуку словъ:
„Я Руси сынъ! Здѣсь край моихъ отцовъ!“

3. Родина.

Тихія равнины,
Ель, ветла, береза,
Сѣверной картины
Облачная даль,
Сѣверное море,
Сѣренькое небо,
Чуется въ васъ горе,
Но и прелесть есть.
Праздничнымъ нарядомъ
Воздухъ, волны, горы,
Расцвѣтая садомъ,
Облачаетъ югъ.
Вѣчнымъ воскресеньемъ
Тамъ глядитъ природа,
Вѣчнымъ упоеньемъ
Нѣжится душа.
Будничныя дѣти
Будничной природы,
Рѣдко знаемъ эти
Праздничные дни.
День деньской намъ труденъ,
Жизнь не безъ лишеній,
Теменъ кровъ нашъ, скуденъ
Нашъ родной очагъ.
Но любовь и ласки
Матери, хоть бѣдной,
Дѣтямъ тѣ же ласки,
Та же все любовь.
Въ рубищѣ убогомъ
Мать — любви сыновней
Предъ людьми и Богомъ
Та же другъ и мать.

Чѣмъ она убоже,
Тѣмъ для сердца сына
Быть должна дороже,
Быть должна святѣй.
Грѣхъ за то злословить
Нашу мать-природу
Что намъ изготовить
Пиршествъ не могла.
Здѣсь родныхъ могилы,
Здѣшними цвѣтами
Прахъ ихъ, сердцу милый,
Усыпаемъ мы.
Не съ родного ль поля,
Нѣжно, мать цвѣтами
Украшала, холя,
Нашу колыбель.
Все, что сердцу мило,
Чѣмъ оно страдало,
Чѣмъ живетъ и жило,
Здѣсь вся жизнь его.
Струны есть живыя
Въ этой тихой пѣснѣ,
Что поетъ Россія
Въ сумракѣ своемъ.
Тѣ родныя струны
Умиляютъ душу
И въ нашъ возрастъ юный,
И въ тѣни годовъ;
Имъ съ любовью внемлю,
Имъ я вторю, глядя,
На родную землю,
На родную мать.

4. Откуда мы знаемъ о родной старинѣ?

Каждый человѣкъ помнитъ многое изъ своего прошедшаго. Въ нашей памяти сохраняются воспоминанія о пережитыхъ нами радостяхъ и горестяхъ, о разныхъ событіяхъ и лицахъ. Съ годами эти воспоминанія измѣняются: событія давнишнія вспоминаются не

такъ уже ясно и вѣрно, какъ близкія; они перепутываются, переиначиваются; одни лица смѣшиваются съ другими, иныя совсѣмъ забываются, иныя представляются не такими, каковы они были на самомъ дѣлѣ. Такъ и въ памяти народа сохраняются воспоминанія о прошедшемъ, которыя со временемъ также измѣняются. Изъ этихъ воспоминаній складываются преданія, былины, пѣсни о минувшихъ событіяхъ, о бѣдствіяхъ и радостяхъ, о страданіяхъ и подвигахъ народа, о его защитникахъ, герояхъ, любимцахъ, о его притѣснителяхъ и врагахъ. Эти преданія, былины, пѣсни переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и такимъ образомъ мы узнали о далекомъ прошломъ. Понятно, что въ преданіяхъ давнишнія событія представляются далеко не въ такомъ видѣ, какъ они происходили на самомъ дѣлѣ; труды и подвиги самого народа приписываются въ нихъ могучимъ богатырямъ; любимцы народа являются чудесными благодѣтельными героями, его враги и притѣснители — чудовищами. Въ помощь народной памяти является письменность. Письменность у насъ началась вмѣстѣ съ христіанствомъ; она прежде всего служила для утвержденія на Руси ученія Христа. Письменными людьми въ старину были больше духовныя лица, особенно монахи. Первые русскіе сочинители писали поученія, въ которыхъ объясняли ученіе Христа; но скоро въ монастыряхъ же явились сочиненія и съ другимъ содержаніемъ. Монахи стали записывать преданія о прошедшемъ, а также разсказы стариковъ и все то, что́ слышали и сами знали о важныхъ событіяхъ и лицахъ въ жизни русскаго народа, о войнахъ, о бѣдствіяхъ, о построеніи городовъ, о святыхъ угодникахъ, о государяхъ и т. д. Эти записки обыкновенно располагались по лѣтамъ; они назывались лѣтописями, а сочинители ихъ — лѣтописцами. Многія изъ этихъ лѣтописей сохранились до нашего времени. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилось въ нашемъ отечествѣ письменныхъ людей. Сочиненія ихъ переписывались и въ рукописяхъ расходились по Русской землѣ. Многія изъ этихъ рукописей дошли и до нашего времени. Вотъ откуда мы знаемъ о родной старинѣ.

5. Курганъ.

Въ степи, на равнинѣ открытой,
Курганъ одинокій стоитъ;
Подъ нимъ богатырь знаменитый
Въ минувшіе вѣки зарытъ.
Въ честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разомъ заклали
Всѣхъ женъ и любимца коня.
Когда-же его схоронили
И шумъ на могилѣ затихъ,

Пѣвцы ему славу сулили,
На гусляхъ гремя золотыхъ:
„О, витязь, дѣлами твоими
Гордится великій народъ!
Твое громоносное имя
Столѣтія всѣ перейдетъ!
И если курганъ твой высокій
Сравнялся-бы съ полемъ пустымъ,
То слава, разлившись далеко,
Была-бы курганомъ твоимъ!“
И вотъ миновалися годы,
Столѣтія вслѣдъ протекли,
Народы смѣнили народы,
Лицо измѣнилось земли;
Курганъ-же съ высокой главою,
Гдѣ витязь могучій зарытъ,
Еще не сравнялся съ землею,
Попрежнему гордо стоитъ;
А витязя славное имя
До нашихъ временъ не дошло.
Кто былъ онъ? Вѣнцами какими
Свое онъ украсилъ чело?
Чью кровь проливалъ онъ рѣкою?
Какіе онъ жегъ города?
И смертью погибъ онъ какою?
И въ землю опущенъ когда?
Безмолвенъ курганъ одинокій,
Наѣздникъ державный забытъ,
И тризны въ пустынѣ широкой
Никто ужъ ему не свершитъ.
Лишь мимо кургана мелькаетъ
Сайгакъ, черезъ поле скача,
Иль вдругъ на него налетаетъ,
Крылами треща, саранча;
Порой журавлиная стая,
Окончивъ подоблачный путь,
Къ кургану шумитъ подлетая,
Садится на немъ отдохнуть;
Тушканчикъ порою проскачетъ
По немъ, при мерцаніи дня,
Иль всадникъ высоко маячитъ
На немъ удалого коня!
А слезы прольютъ развѣ тучи,
Надъ степью плывя въ небесахъ,
Да вѣтеръ лишь свѣетъ летучій
Съ кургана забытаго прахъ.

6. Русскій лѣтописецъ.

Келья Чудова монастыря въ Москвѣ; ночь; старый монахъ Пименъ сидитъ и пишетъ передъ лампадой; молодой монахъ, послушникъ старика, Григорій, спитъ.

„Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ, —
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу:
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-океанъ?

Теперь оно безмолвно и спокойно;
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье.“ (Пишетъ).
Григорій (пробуждается). „А, все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ — и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна? [1])
О бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ? [2])
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ — смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.“
(Пименъ обращается къ Григорію).
„Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.“

7. Кіевъ — мать городовъ русскихъ.

Нѣтъ для человѣка на свѣтѣ мѣста милѣе родины: тамъ для него все полно дорогихъ, сладкихъ и святыхъ воспоминаній. Тамъ родительскій домъ, гдѣ впервые увидѣлъ онъ свѣтъ Божій, гдѣ услышалъ надъ своею колыбелью первыя молитвы, первыя пѣсни и сказки. Тамъ храмъ, въ которомъ онъ крестился, въ которомъ въ первый разъ его дѣтскій взоръ любовался красотою и благолѣпіемъ церковныхъ службъ, и подъ сѣнію котораго покоятся почившіе его родители и родственники. Словомъ, родина дорога че-

[1]) Іоаннъ IV Грозный — московскій царь.
[2]) Вѣче — народная сходка для рѣшенія важныхъ дѣлъ.

ловѣку потому, что на родинѣ онъ началъ жить... Въ лѣта-ли юности, въ пору-ли зрѣлаго мужества, или на закатѣ дней всегда человѣкъ испытываетъ одинаково сладкое влеченіе посѣтить родимый край. Такъ бываетъ съ отдѣльнымъ человѣкомъ. Тоже должно сказать о цѣломъ народѣ: и народъ не вдругъ становится сильнымъ, мощнымъ. У него также есть свое дѣтство, своя родина, откуда беретъ начало его настоящая, разумная, гражданская жизнь. Въ этомъ смыслѣ Кіевъ — родина Русскаго парода. Не даромъ онъ издавна зовется матерью городовъ Русскихъ. Въ Кіевѣ положено начало настоящей гражданской и христіанской жизни Русскаго народа: здѣсь въ Днѣпрѣ купель его крещенія; здѣсь возникли первые храмы, первыя училища. Въ Кіевѣ прославились первые русскіе святые, подвижники благочестія и первые мученики христіанскіе. Въ Кіевѣ княжили первые Русскіе князья; въ кельѣ Кіево-Печерскаго монастыря явилась и первая лѣтопись. Кіевъ дорогъ Русскому человѣку; вся Россія чтитъ матерь городовъ своихъ. Со всѣхъ сторонъ нашъ народъ каждый годъ, сотнями тысячъ, не взирая на желѣзную дорогу, пѣшкомъ стремится въ обѣтованный городъ, откуда пошла Русская земля.

8. Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ...
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Сладко пѣсни раздались,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
Вы откуда собрались,
Богомольцы, на поклонъ?
„Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей“.
„Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!“
„Край мой—теплый брегъ Эвксина!“ [1])
„Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ“,
„Дикъ и страшенъ верхъ Алтая [2]),
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!“
„Мнѣ отчизна—старый Псковъ“.
„Я—отъ Ладоги холодной“.
„Я—отъ синихъ волнъ Невы“.
„Я—отъ Камы многоводной“.
„Я—отъ матушки Москвы“.
Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ!..
Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ!..
И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ—
Полкъ молящихся дѣтей,
Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны.

[1]) Брегъ Эвксина—берегъ Черпаго моря.
[2]) Алтай—горы въ Сибири.

9. Кіевъ.

О, Кіевъ-градъ, гдѣ съ вѣрою святою
Зажглася жизнь въ краю у насъ родномъ,
Гдѣ свѣтлый крестъ съ Печерскою главою
Горитъ звѣздой на небѣ голубомъ,
Гдѣ стелются зеленой пеленою
Поля твои въ раздольи золотомъ,
И Днѣпръ-рѣка, подъ древними стѣнами
Кипитъ, шумитъ пѣнистыми волнами!
Какъ часто я душой къ тебѣ летаю,
О, свѣтлый градъ, по сердцу мнѣ родной!
Какъ часто я въ мечтахъ мой взоръ плѣняю
Священною твоею красотой!
У Лаврскихъ стѣнъ земное забываю
И надъ Днѣпромъ брожу во тьмѣ ночной:
Въ очахъ моихъ все Русское прямое—
Прекрасное, великое, святое.

10. Какъ жили наши предки болѣе тысячи лѣтъ назадъ.

Болѣе тысячи лѣтъ назадъ Россію уже населялъ народъ, отъ котораго мы происходимъ. Народъ этотъ называлъ себя славянами и раздѣлялся на нѣсколько племенъ. Городовъ тогда было немного, и состояли они изъ такихъ же хижинъ, какъ и селенія, только были побольше селеній. Городами назывались такія села потому, что были огорожены валомъ, рвомъ, тыномъ или засѣкою. Деревнями земля наша въ то время тоже была небогата; земли было много, а народу мало. Славяне жили каждый со своимъ родомъ; родъ состоялъ изъ всѣхъ людей, бывшихъ въ родствѣ между собою; начальникъ цѣлаго рода назывался княземъ; онъ былъ старшій по рожденію или выбирался родичами. Ему оказывали всѣ большой почетъ; онъ творилъ судъ между родичами. Грамоты тогда не зналъ изъ нашихъ предковъ никто, да и грамоты славянской еще не было, а потому судили по старинѣ, по старымъ обычаямъ и порядкамъ. Роды жили особо одинъ отъ другого, широко; каждый родъ сообща владѣлъ всею землей, на которой сидѣлъ. Если встрѣчалось дѣло, которое касалось нѣсколькихъ родовъ, то рѣшали его, какъ тогда говорилось, вѣчемъ, т.-е. міромъ; на вѣче сходились всѣ родоначальники. Вѣче вершило всякія дѣла въ одинъ голосъ, т.-е. такъ, чтобы всѣ постановили одинъ и тотъ же приговоръ. А какъ до этого дойти было мудрено, то зачастую вѣче кончалось дракой; которая сторона перемогала, та на своемъ и ставила.

Славяне были права добраго и очень гостепріимны. Выходя изъ дома, славянинъ не запиралъ дверь и на столѣ оставлялъ разную ѣду, на случай, если зайдетъ странникъ. У иныхъ не считалось даже безчестьемъ, если хозяинъ за бѣдностью украдетъ что-нибудь для гостя. Съ плѣнными славяне обходились кротко и черезъ нѣсколько лѣтъ пускали ихъ на волю. Но не мало было и худого въ славянахъ: они любили напиваться безъ мѣры, ходили грязные, немытые; многія племена были очень грубы, жили поскотски. Дѣвушкамъ была большая воля, а замужнимъ никакой: онѣ были рабынями своихъ мужей и работали самыя тяжелыя работы. За женъ славяне обыкновенно платили, давали за нихъ вѣно (какъ тогда говорили); обычай этотъ не совсѣмъ вывелся на Руси донынѣ: и теперь во многихъ мѣстахъ ведется, что женихъ даетъ подарки роднымъ невѣсты. Въ обычаѣ было держать по двѣ, по три жены и больше. Но какъ за каждую жену приходилось платить вѣно, то больше одной жены держали только люди богатые. Мало кто изъ славянскихъ племенъ хоронилъ мертвыхъ въ землю, а больше жгли ихъ, собирали пепелъ и въ посудинахъ ставили на столпѣ или распутіи. Такъ какъ мертвецы были некрещенные, то потомъ завелось повѣрье и живетъ у насъ до сей поры, будто на перекресткахъ собирается нечистая сила. По умершимъ славяне справляли трызну, т.-е. поминки: боролись, скакали и бѣгали въ перегонку; въ знакъ горя рѣзали и царапали себѣ лицо. Жили славяне въ худыхъ избахъ, дѣлали въ нихъ по два, по три выхода, чтобы легче было уйти при нежданномъ вражескомъ нападеніи, потому что времена были неспокойныя, и селянину приходилось ждать врага въ любой часъ отовсюду. А что̀ у зажиточныхъ людей было подороже, то они прятали въ землю, оттого въ прежнія времена многимъ удавалось находить клады. При избахъ славянскихъ были и бани, только не въ деревянныхъ срубахъ, а въ землянкахъ; печей въ баняхъ не ставили, а нагрѣвали бани раскаленными каменьями. При своей безпокойной жизни, славяне однако не бросали землю впустѣ, а пахали пашню и сѣяли хлѣбъ. Кромѣ пахотной работы, жили они и другими промыслами: ловили рыбу, били звѣря лѣсного, разводили стада, водили пчелъ въ бортяхъ, торговали съ окольными народами. Лѣса въ славянскихъ земляхъ стояли огромные, звѣря въ нихъ было всякаго много; водились даже такіе, про которыхъ теперь и помину нѣтъ, напримѣръ, бобры. Рыбы въ рѣкахъ и озерахъ тоже водилось вдоволь. Торгъ славяне вели хлѣбомъ, шкурами звѣриными, воскомъ, медомъ. Большого

торговаго промысла у нихъ не было, да и быть не могло: времена были безпокойныя, всякъ боялся за себя и за свое добро и дома, не только въ пути. Земля почти сплошь заросла дремучими, непроходимыми лѣсами, вперемежку съ топями и болотами; дорогъ не было. Вездѣ можно было наткнуться на лихихъ людей, на грабителей; въ пути нечего было ждать никакого удобства; даже переслаться съ кѣмъ-нибудь вѣстью было дѣло не легкое. Оттого и ѣздили при нуждѣ, и торгъ вели не сухопутьемъ, а больше рѣками. Славяне были высоки ростомъ, статны, крѣпки тѣломъ, легко сносили и стужу, и зной. Они не любили биться съ врагами открытымъ боемъ, а выбирали мѣста узкія, закрытыя. Они хорошо плавали и могли долго держаться подъ водой. Для этого они брали въ ротъ выдолбленный тростникъ и плавали подъ водой такъ, чтобы конецъ тростника выходилъ выше воды: такъ и дышали. Бились они больше короткими копьями и стрѣлами; стрѣлы часто намазывали смертоноснымъ зельемъ.

Славяне того времени были язычники, идолопоклонники, т.-е. молились идоламъ, кумирамъ и приносили имъ жертвы, даже иногда людей. Боговъ у нихъ было много, но главнымъ ихъ божествомъ былъ Перунъ, богъ грома и молніи, войны и мира. Солнце тоже считалось богомъ: его называли Даждь-богъ. Солнцу Славяне праздновали нѣсколько разъ въ году. Праздникъ Коляда былъ въ концѣ декабря, когда солнце поворачиваетъ на весну и дни начинаютъ прибывать. Въ это время ходили изъ дома въ домъ, славили божество и собирали подаяніе, чтобы принести богу жертву. Этотъ языческій обрядъ сохранился на Руси во многихъ мѣстахъ и понынѣ; колядуютъ въ сочельникъ передъ Рождествомъ. Другой праздникъ былъ весенній, его справляютъ и теперь и называютъ Масляницей. Весну обыкновенно встрѣчали на Красной горкѣ и водили хороводы, а зиму сожигали, сдѣлавши для этого женское чучело, которое называли Мара или Марана. Чучело теперь не жгутъ; вмѣсто того на саняхъ возятъ наряженнаго мужика, который сидитъ на колесѣ. Дѣлается это не спроста, хоть и незавѣдомо: колесо встарину изображало солнце, солнцу же былъ праздникъ. Еще большой праздникъ у Славянъ былъ 23 іюня и назывался Купала. Вечеромъ въ этотъ день собирали травы, купались, зажигали костры и прыгали черезъ нихъ; приносили въ жертву солнцу бѣлаго пѣтуха, а чучелу Мару топили въ водѣ. Этотъ праздникъ справляютъ у насъ и понынѣ, только называютъ его не просто Купалой, а Иваномъ Купалой, потому что онъ при-

ходится на Ивановъ день. Про него есть разныя повѣрья; говорятъ, будто деревья въ эту ночь ведутъ между собой бесѣду, будто они расхаживаютъ по лѣсу, и многое другое. Правды тутъ нѣтъ, а смыслъ есть: видно, встарину такъ думали. Славяне вѣрили въ будущую жизнь; они думали, что души умершихъ начальныхъ людей и по смерти имѣютъ заботу о своихъ родичахъ, а потому молились имъ. Молились, напримѣръ, Чуру или Щуру, что значитъ дѣдъ, прадѣдъ; слово это не забылось у насъ и доселѣ. Когда кто боится нечистой силы, то говоритъ: „чуръ меня“, т.-е. зоветъ себѣ Щура на защиту, самъ того не разумѣя. Чуръ и домовой почти одно и то же; только древніе славяне считали домового за старика добраго и не боялись его.

Славяне думали, что души усопшихъ воскресали всякую весну и бродили по землѣ; поэтому съ весны начинали ихъ поминать, ѣли блины—поминальное кушанье—и вѣрили, что покойники ѣдятъ тутъ же. Да и теперь у насъ многіе думаютъ, будто въ святки души умершихъ ходятъ по землѣ; такъ же, какъ встарину, мы ѣдимъ блины; иные поливаютъ могилы виномъ, кладутъ на нихъ для покойниковъ разную снѣдь, зарываютъ красныя яйца. Предки наши вѣрили въ русалокъ, думали, что онѣ—души умершихъ, которыя весною выходятъ изъ могилъ на свѣтлое солнышко и водятъ хороводы. Въ честь ихъ заводили разныя игры, переряживались, надѣвали маски, личины. Главнымъ праздникомъ русалокъ былъ Семикъ; въ это время справляли имъ какъ будто проводы въ могилу. Вѣрятъ въ русалокъ и до сей поры, и теперь около Троицына дня празднуютъ Семикъ, и теперь думаютъ, что русалки-души усопшихъ, только не всѣхъ, а младенцевъ некрещеныхъ. Про русалокъ и теперь разсказываютъ, будто онѣ бѣгаютъ по полямъ и приговариваютъ, „бухъ, бухъ, соломенный духъ; меня мати породила, некрещену положила“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ даже до послѣдняго времени обычай развѣшивать полотенца по деревьямъ — русалкамъ на рубашки. Славяне вѣрили въ водяныхъ, лѣшихъ, кикиморъ и считали ихъ за души умершихъ. Вездѣ у нихъ были боги: въ лѣсу лѣшій, въ водѣ водяной, въ избѣ домовой. Вѣрили они и въ кащея ядуна (кащея безсмертнаго), и въ треклятую бабу-ягу, въ наговоры, заговоры и гаданья. Всѣ эти повѣрья живутъ у насъ и теперь вмѣстѣ со старинными играми и забавами, хороводами, горѣлками, вмѣстѣ съ разными суевѣріями. Было, напримѣръ, у Славянъ божество, которое называлось Живый; Славяне думали, что Живый оборачивается весною въ кукушку, и по-

тому спрашивали у кукушки, кому сколько лѣтъ жить. Нынче въ Живаго никто не вѣритъ и мало кто про него слыхивалъ, а про года на кукушкѣ все-таки загадываютъ. Вотъ каковы были наши предки болѣе тысячи лѣтъ назадъ.

11. Какъ началась Русская земля и кто были первые князья въ Кіевѣ.

Вотъ повѣсть о томъ, откуда пошла Русская земля, кто началъ первый княжить въ Кіевѣ и какъ стала Русская земля.

Мы такъ начнемъ эту повѣсть. Послѣ потопа три сына Ноевы, Симъ, Хамъ и Афетъ, раздѣлили землю: востокъ достался Симу, южная страна Хаму, сѣверъ и западъ Афету; отъ племени Афетова пошелъ народъ Славянскій. Спустя много времени Славяне сѣли по Дунаю, гдѣ теперь земля Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись по землѣ многіе народы и назвались каждый своимъ именемъ, гдѣ кто сѣлъ на какомъ мѣстѣ; такъ, напримѣръ, одни поселились по рѣкѣ, именемъ Морава, и назвались Моравами, а другіе назвались Чехами; а вотъ тоже Славяне: Бѣлые Хорваты, Сербы и Хорутане. Когда Волохи напали на Славянъ подунайскихъ, поселились сзади нихъ и стали ихъ притѣснять, то Славяне опять начали двигаться къ сѣверу: такъ, одни пришли и сѣли на Вислѣ, и прозвались Ляхами: отъ этихъ Ляховъ пошли Поляки, Лутичи, Мазовшане, Поморяне. Другіе Славяне пришли и сѣли по Днѣпру, и назвались Полянами, иные Древлянами, потому что стали жить въ лѣсахъ, а нѣкоторые стали между Припетью и Двиною, и назвались Дреговичами; Полочане прозвались отъ рѣчки, именемъ Полоты, которая впадаетъ въ Двину. Тѣ, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своимъ именемъ, Славянами; они построили себѣ городъ, назвали его Новгородомъ. Такъ разошелся Славянскій народъ.

Всѣ эти племена жили особо другъ отъ друга, каждое на своемъ мѣстѣ съ своими нравами, обычаями и преданіями. У полянъ были обычаи кроткіе и тихіе, а другія племена жили какъ звѣри. Между Полянами были три брата: одному имя Кій, другому Щекъ, третьему Хоривъ, сестру ихъ звали Лыбедью. Они построили городъ и назвали его по имени старшаго брата, Кіевомъ. По смерти этихъ братьевъ Древляне и другіе окольные народы стали притѣснять Полянъ; тогда пришли къ нимъ Козары и сказали: „платите намъ дань“. Поляне подумали и дали имъ по мечу отъ каждаго дома.

Козары принесли мечи къ князю своему и старшинамъ, и сказали: „вотъ мы нашли новую дань“. Старшины спросили: „откуда вы это взяли?“ — „Да вотъ тамъ, въ лѣсу, на горѣ, надъ рѣкою Днѣпровскою“, отвѣчали они. Тогда старцы Козарскіе сказали: „Охъ, не хороша эта дань, князь! мы воюемъ саблями, острыми съ одной только стороны, а у этого народа мечи съ обѣихъ сторонъ острые: будутъ они брать дань и на насъ, и на другихъ странахъ“. Такъ и сбылось, какъ предсказали старцы: Русскіе и до сихъ поръ владѣютъ Козарами.

Въ то время, какъ Поляне, Сѣверяне и другія племена платили дань Козарамъ, по бѣлкѣ съ каждаго дома, Варяги изъ-за моря брали дань на Славянахъ новгородскихъ, на Кривичахъ, также на Чуди и Мери. Скоро однако эти народы прогнали Варяговъ за море, перестали давать имъ дань и начали владѣть сами собою. Но прогнавъ Варяговъ, они никакъ не могли уладиться другъ съ другомъ и начали междоусобныя войны. Тогда они стали говорить между собою: „поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ всѣ дѣла справедливо“, — отправили пословъ къ Варягамъ, къ Руси; Русью назывались Варяги точно такъ же, какъ другіе зовутся Шведами, иные Норвежцами, Англичанами, Готами. Чудь, Новгородцы и Кривичи сказали Руси: „земля наша велика и обильна, да порядку въ ней нѣтъ, пойдите княжить и владѣть нами“. Собрались три брата съ родственниками своими, взяли съ собою всю Русь, и пришли: Рюрикъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро, Труворъ въ Изборскъ; отъ нихъ-то и прозвалась Русская земля. Черезъ два года умерли Синеусъ и Труворъ; Рюрикъ одинъ принялъ всю власть и роздалъ города приближеннымъ къ себѣ людямъ. Двое изъ нихъ, Аскольдъ и Диръ, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились идти къ Царю-граду. Идучи внизъ по Днѣпру, они увидали на горѣ городокъ и спросили: „чей городокъ?“ Жители отвѣчали имъ: „были три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ; они-то и построили этотъ городъ, да послѣ изгибли, а мы вотъ платимъ дань Козарамъ“. — Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, собрали много Варяговъ и начали владѣть Полянами, а Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ.

Въ 866 году пошли Аскольдъ и Диръ на Грековъ, при царѣ Михаилѣ. Царь, въ ихъ время, пошелъ было войною на Аравитянъ, но, получивъ вѣсть, что Русь идетъ на Царь-градъ, возвратился. Между тѣмъ Аскольдъ и Диръ вошли въ Константинопольскую гавань, перебили множество христіанъ, и съ двумя стами кораблей

обступили городъ. Царь съ патріархомъ всю ночь молились въ церкви Влахернской и потомъ, вынесши ризу Богородицы, погрузили ее въ воду. До того времени море было тихо: вдругъ поднялась буря съ вѣтромъ, встали волны и разбили русскіе корабли; очень немногіе изъ Аскольдовыхъ воиновъ спаслись отъ такой бѣды и возвратились въ свою землю.

12. Лѣтописное сказаніе объ Олегѣ (879—912 г.).

Въ годъ 6387 [1]). Рюрикъ, умирая, передалъ княжество Олегу, своему родственнику, сдѣлавъ его опекуномъ своего сына Игоря, очень малолѣтняго.

Въ годъ 6388 г. Въ годъ 6389. Въ годъ 6390. Отправился въ походъ Олегъ, взявъ много воиновъ, Варяговъ, Чуди, Словенъ, Мери, Веси, Кривичей, и пришелъ къ Смоленску съ Кривичами, и принялъ власть надъ этимъ городомъ, и посадилъ въ немъ мужа своего. Оттуда пошелъ внизъ, взялъ Любечъ и посадилъ тамъ своего мужа. Прійдя къ горамъ кіевскимъ, увидѣлъ Олегъ, что Аскольдъ и Диръ княжатъ. Онъ спряталъ часть воиновъ въ ладьяхъ, а часть оставилъ назади; самъ-же пришелъ, имѣя на рукахъ малолѣтняго Игоря. Онъ приплылъ къ Угорскому и, спрятавъ воиновъ своихъ, послалъ къ Аскольду и Диру, и велѣлъ сказать: „Мы гости, идемъ въ Грецію, посланные Олегомъ и княжескимъ сыномъ Игоремъ; придите къ намъ съ родомъ своимъ“. Аскольдъ и Диръ пришли. Тогда вышли прочіе люди изъ ладьи, а Олегъ сказалъ Аскольду и Диру: „Вы не князья и не княжескаго рода, я же рода княжескаго“, и, указывая на Игоря, добавилъ: „И вотъ сынъ Рюрика“. Воины Олеговы убили Аскольда и Дира, снесли ихъ тѣла на гору и похоронили на горѣ, называемой нынѣ Угорскимъ, гдѣ теперь находится Олминъ дворъ. На ихъ могилѣ построилъ Олма церковь св. Николы. Дирова-же могила находится за церковью св. Ирины. Олегъ сталъ княжить въ Кіевѣ и сказалъ: „Это будетъ мать городовъ русскихъ“. Съ нимъ были Варяги и Славяне и прочіе, прозывавшіеся Русью. И вотъ, сталъ Олегъ строить города, установивъ дани со Славянъ, Кривичей и Мери, приказалъ Новгороду платить дать Варягамъ 300 гривенъ въ годъ, ради мира, что онъ и платилъ Варягамъ до смерти Ярослава.

---

[1]) На Руси до Петра В. считали время отъ сотворенія міра, такъ что 6387-й годъ былъ 879-й по Р. Х.

Въ годъ 6391. Началъ Олегъ воевать съ Древлянами, поразилъ ихъ и сталъ брать дань отъ нихъ по черной куницѣ.

Въ годъ 6392. Пошелъ Олегъ на Сѣверянъ и побѣдилъ ихъ, и обложилъ ихъ данью легкою, и не дозволилъ имъ платить дань Хозарамъ, говоря: „Для Хозаръ я врагъ, но не для васъ“.

Въ годъ 6399. Послалъ Олегъ къ радимичамъ спросить: „Кому дань даете?“ Они же сказали: „Хозарамъ“. И Олегъ сказалъ имъ: „Не давайте Хозарамъ, но давайте мнѣ“. И стали они давать Олегу по шелягу, какъ давали Хозарамъ. Подъ властью Олега были такимъ образомъ Поляне, Древляне, Сѣверяне, Радимичи; съ Угличами же и Тиверцами была война...

Въ годъ 6415. Пошелъ Олегъ на Грецію, оставивъ Игоря въ Кіевѣ. Онъ взялъ съ собою много воиновъ Варяговъ, Славянъ, Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Родимичей, Хорватовъ, Дулебовъ, Тиверцевъ. Всѣ они назывались великою Скуфью. Съ ними всѣми, отчасти на коняхъ, отчасти на судахъ, пошелъ Олегъ. Судовъ было 2,000. Когда онъ пришелъ къ Царь-Граду, Греки заперли гавань и затворились въ городѣ. Олегъ высадился на берегъ, велѣлъ вытащить на сушу суда, повоевалъ около города, умертвилъ много Грековъ, многія зданія разрушилъ, церкви выжегъ. Взявъ многихъ плѣнныхъ, воины Олега однихъ изрубили, другихъ замучили, иныхъ разстрѣляли, иныхъ бросили въ море и сдѣлали вообще много вреда Грекамъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ воины. И велѣлъ своимъ Олегъ дѣлать колеса и ставить суда на колеса. При попутномъ вѣтрѣ, распустивъ паруса, они двинулись сухимъ путемъ къ городу. Увидя это, Греки испугались и сказали Олегу черезъ пословъ своихъ: „Не губи города. Дадимъ дань какую хочешь“. Олегъ остановилъ воиновъ, а Греки вынесли ему пищу и вино, но онъ не принялъ ни того, ни другаго, такъ какъ сюда была примѣшана отрава. Греки испугались и сказали: „Это не Олегъ, а св. Димитрій, посланный Богомъ на насъ“. И велѣлъ Олегъ дать дань на 2,000 судовъ по 12 гривенъ на человѣка; въ каждомъ же суднѣ считалось по 40 человѣкъ. Греки согласились и просили мира и прекращенія войны въ своей странѣ. Олегъ же, отступивъ нѣсколько отъ города, вступилъ въ переговоры съ царями греческими Леономъ и Александромъ, послалъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, говоря: „Вы должны дать мнѣ дань“. Греки сказали: „Дадимъ, чего захочешь“. И потребовалъ Олегъ чтобы дали воинамъ, находящимся на 2000 судовъ, по 12 гривенъ на ключъ, и, кромѣ того, потребовалъ платежа

въ пользу русскихъ городовъ: прежде всего въ пользу Кіева, потомъ въ пользу Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и въ пользу другихъ городовъ, въ коихъ сидѣли князья, находившіеся въ зависимости отъ Олега... И сказалъ Олегъ: „Пусть Русь сошьетъ себѣ паруса изъ паволоки, а у славянъ пусть будутъ паруса полотняные“. Такъ и было сдѣлано. Воины Олеговы, повѣсивъ свои щиты на вратахъ въ знакъ побѣды, ушли отъ Царь-Града. И распустила Русь свои паволочные паруса, а славяне полотняные. Вѣтеръ порвалъ ихъ, и славяне сказали: „Примемся за свои холстинные паруса, не дано славянамъ парусовъ полотняныхъ“. И вернулся Олегъ въ Кіевъ, неся золото, паволоки, овощи, вина и всякое узорочье, и прозванъ былъ онъ Вѣщимъ, такъ какъ люди того времени были язычники и невѣжды.

13. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

19028

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ,
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.
„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что̀ сбудется въ жизни со мною?
И скоро-ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня“.
„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
Запомни-же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,

И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могучему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ, и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего".
Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.
„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужь не вступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!
Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите".
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
„А гдѣ мой товарищъ?" промолвилъ Олегъ;
„Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ-ли? Все также-ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же-ль онъ бурный, игривый?"
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „Что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть-бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ-бы меня".
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ, на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,

И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „Спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!
Такъ вотъ, гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась,
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

14. Игорь, сынъ Рюрика (912—945 г.).

По смерти Олега началъ княжить Игорь. Древляне затворились отъ него; Игорь пошелъ на нихъ, побѣдилъ и наложилъ дань больше, чѣмъ Олегъ. Въ 941 году пошелъ Игорь на Грековъ. Болгары послали вѣсть къ императору, что идетъ Русь на Царь-городъ. Русскіе опустошали азіатскіе берега до тѣхъ поръ, пока не пришли греческіе воеводы съ востока и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе, посовѣтовавшись, вышли на Грековъ, и послѣ злой сѣчи Греки едва могли одолѣть. Русскіе сѣли ночью въ лодки и побѣжали; но греческій воевода встрѣтилъ ихъ въ лодкахъ съ огнемъ и началъ пускать его трубами на русскія лодки, такъ что было страшно смотрѣть. Русскіе, увидавъ пламень, пометались въ морскую воду, чтобъ уйти какъ-нибудь, и такимъ образомъ возвратились домой. Пришедши, каждый разсказывалъ своимъ о чудесномъ огнѣ.— „У Грековъ въ рукахъ точно молніе небесное, которое они пускали и жгли насъ; вотъ почему и не одолѣли мы ихъ“, говорили воины Игоря. Игорь же, пришедши, началъ собирать большое войско и послалъ звать Варяговъ изъ-за моря: онъ опять хотѣлъ идти на Грековъ. Въ 944 году Игорь отправился къ Царю-городу въ лодкахъ и на конях. Корсунцы, услыхавъ объ этомъ, послали сказать императору Роману: „идетъ Русь; кораблей у нихъ множество; покрыли все море корабли“. Также и Болгары послали вѣсть: „идутъ Русскіе, наняли и Печенѣговъ“. Тогда царь послалъ къ Игорю луч-

шихъ мужей съ просьбою: „не ходи, но возьми дань, какую бралъ Олегъ; придамъ и еще къ той дани“. Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ дружину и сталъ думать съ нею о предложеніи царя. Дружина сказала: „Если царь такъ говоритъ, то чего же намъ еще больше: безъ битвы возьмемъ золото, серебро и дорогія ткани. Вѣдь неизвѣстно, кто одолѣетъ—мы или они? съ моремъ нельзя заранѣе уговориться; теперь мы не по землѣ ходимъ, но по глубинѣ морской: здѣсь одна смерть грозитъ намъ всѣмъ“. Игорь послушался дружины и велѣлъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую землю, а самъ, взявши у Грековъ золото и ткани на всѣхъ воиновъ, возвратился назадъ въ Кіевъ.

Вслѣдъ за княземъ пришли назадъ и послы русскіе и привели съ собой пословъ отъ греческаго царя Романа. Игорь призвалъ къ себѣ греческихъ пословъ и спросилъ ихъ: „скажите, что же вамъ говорилъ царь?“ Послы отвѣчали: „вотъ царь послалъ насъ къ тебѣ; онъ очень радъ миру, хочетъ миръ имѣть и любовь съ русскимъ княземъ: твои послы водили нашихъ князей къ присягѣ, и насъ послали привести тебя и мужей твоихъ также къ присягѣ“. Игорь обѣщался исполнить это. На другой день онъ призвалъ пословъ и пошелъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ: поклали передъ идоломъ оружіе, щиты и золото, и клялись Игорь и всѣ люди его, сколько было язычниковъ между русскими. А христіанъ русскихъ приводили къ присягѣ въ церкви св. Иліи, что надъ ручьемъ: то была соборная церковь, потому что многіе Варяги были уже христіане. Игорь, утвердивъ миръ съ Греками, отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ звѣриными шкурами, рабами и воскомъ. Послѣ этого Игорь началъ княжить мирно въ Кіевѣ; когда же пришла осень, началъ задумывать походъ на Древлянъ, желая взять съ нихъ еще больше дани. Дружина сказала ему: „наши товарищи, которые съ Свѣнельдомъ, богаты оружіемъ и платьемъ, а мы наги; пойдемъ, князь, съ нами за данью, и ты добудешь, и мы“. Игорь послушался: пошелъ къ Древлянамъ за данью и началъ обижать ихъ; побравши дань, пошелъ-было назадъ въ свой городъ, однако, на дорогѣ раздумалъ и сказалъ дружинѣ: „ступайте вы съ данью домой, а я возвращусь назадъ, похожу еще“. Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: отпустилъ дружину домой, а самъ съ немногими возвратился назадъ, желая взять еще больше съ Древлянъ. Тѣ, услыхавъ, что Игорь опять идетъ, начали совѣтоваться съ княземъ своимъ Маломъ; они говорили: „повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, если не убьютъ его; такъ теперь и съ нами: если не убьемъ Игоря, то

всѣхъ насъ погубитъ". Послѣ совѣщанія они послали сказать Игорю: „зачѣмъ идешь опять, вѣдь ты уже взялъ всю дань". Но Игорь не послушался ихъ; тогда Древляне вышли изъ города и убили Игоря и дружину его, потому что ея было очень мало.

15. Ольга Правительница (945—957 г.).

Убивши Игоря, Древляне сказали: „Вотъ мы убили князя русскаго; возьмемъ же и жену его Ольгу за князя нашего Мала, возьмемъ и сына его, младенца Святослава, и сдѣлаемъ съ нимъ, что хотимъ". И послали Древляне двадцать лучшихъ мужей своихъ къ Ольгѣ. Тѣ въ ладьѣ спустились по Припети и Днѣпру къ Кіеву, стали подъ Кіевскими горами и послали сказать княгинѣ, что пришли послы древлянскіе. Ольга призвала ихъ и спросила: что имъ нужно? Древляне отвѣчали: „послала древлянская земля сказать тебѣ такъ: мужа-де мы твоего убили за то, что онъ былъ хищенъ, какъ волкъ; наши же князья добры и хорошо управляютъ своею землею, — выйди замужъ за князя нашего Мала". — „Ваша рѣчь мнѣ нравится, отвѣчала Ольга, и мужа своего мнѣ уже не воскресить; я же хочу васъ почтить передъ людьми моими. Идите же теперь въ свою ладью и разлягтесь въ ней. Я пошлю за вами утромъ, а вы и скажите: не хотимъ-де на коняхъ ѣхать, ни пѣшкомъ идти, а несите насъ въ ладьѣ". Древляне ушли, а Ольга велѣла выкопать большую и глубокую яму за городомъ, на дворѣ своего терема, и утромъ послала за гостями сказать имъ: „зоветъ-де васъ Ольга на честь великую". Они же отвѣчали: „не ѣдемъ ни на волахъ, ни на коняхъ, ни пѣшкомъ не идемъ, — но несите насъ въ ладьѣ".—„Что-жъ дѣлать? отвѣчали кіевляне, приходится намъ васъ слушаться: князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ выйти замужъ за вашего князя", и понесли ихъ въ лодкѣ; а древлянскіе послы сидѣли и величались. Ихъ принесли на дворъ княжескій и бросили въ яму съ ладьей. „Хороша-ли вамъ честь?" спросила Ольга у Древлянъ, наклонившись надъ ямой, и велѣла засыпать ихъ живыхъ землею. Потомъ уже сама Ольга послала къ древлянамъ сказать: „Если вы поистинѣ хотите, чтобъ я вышла замужъ за вашего князя, то пришлите за мной побольше лучшихъ людей вашихъ, чтобы мнѣ идти къ вамъ съ великою честью, а то, иначе, кіевляне меня не пустятъ". Древляне выбрали лучшихъ мужей своихъ, управлявшихъ древлянскою землею, и послали ихъ за Ольгою. Когда же пришли древлянскіе послы, то Ольга велѣла

жарко вытопить баню и сказала: „пусть сначала вымоются въ банѣ и придутъ ко мнѣ“. Когда древлянскіе послы пошли въ баню, ихъ тамъ заперли, а баню зажгли. Послѣ этого послала Ольга сказать Древлянамъ: „Вотъ ужъ я иду къ вамъ: наварите побольше медовъ и приготовьте пиръ тамъ, гдѣ убили мужа моего; я хочу прежде поплакаться надъ его могилой и сотворить тризну“. Древляне такъ и сдѣлали. Тогда Ольга взяла небольшую дружину и налегкѣ пошла въ древлянскую землю. Поплакала надъ могилой мужа своего и стала праздновать тризну, а отрокамъ своимъ велѣла прислуживать Древлянамъ. Когда же Древляне спросили: „гдѣ дружина наша, которую мы за тобою послали“, то Ольга отвѣчала: „идутъ за мною съ дружиною мужа моего“. Древляне перепились на тризнѣ,—и тогда дружина Ольгина напала на нихъ и перебила до 5000 человѣкъ, а Ольга возвратилась въ Кіевъ.

На слѣдующій годъ Ольга собрала много войска и пошла съ сыномъ своимъ Святославомъ на Древлянъ. Древляне вышли противъ нея, и когда оба полка сошлись, то Святославъ бросилъ въ Древлянъ копье; копье пролетѣло между ушей лошади и ударило ей въ ноги, потому что Святославъ былъ еще дитя. Тогда воеводы сказали: „князь уже началъ; пойдемъ, дружина, за княземъ!“ Древляне были разбиты, разбѣжались и затворились по городамъ. Ольга пошла на главный древлянскій городъ, Искоростень, потому что жители этого города убили мужа ея. Простояла Ольга подъ городомъ цѣлое лѣто, но не могла взять его. Тогда послала сказать жителямъ: „До чего вы хотите досидѣться въ городѣ? Всѣ ваши города уже отдались мнѣ, взялися платить дань и спокойно пашутъ свои нивы; а вы хотите, вѣрно, вымереть голодомъ, жалѣючи дани“. Древляне отвѣчали: „Рады бы мы дать тебѣ дань, но ты хочешь мстить намъ за мужа своего“. Отвѣчала имъ Ольга: „Вы знаете, что я уже отомстила за мужа, и разъ, и два, и три, и отпраздновала по немъ тризну; не хочу болѣе мстить — давайте мнѣ небольшую дань, и я, помирившись съ вами, пойду домой“. И спросили ее Древляне: „Чего хочешь отъ насъ? Рады дать тебѣ дань и медомъ, и шкурами звѣриными“. Отвѣчала древлянамъ Ольга: „Не нужно мнѣ ни меду, ни звѣриныхъ шкуръ, не хочу на васъ класть дани, какъ мужъ мой, — вы же теперь изнемогли въ осадѣ; а потому и прошу у васъ немногаго: дайте мнѣ по три голубя и по три воробья отъ каждаго дома“. Обрадовались Древляне такой легкой дани, собрали отъ каждаго дома по три голубя и по три воробья и послали къ Ольгѣ съ поклономъ. „Вотъ те-

перь вы покорились мнѣ и моему сыну", сказала Ольга, „идите же въ свой городъ, а я завтра отступлю и пойду къ себѣ домой". Когда Древляне ушли, Ольга раздала голубей и воробьевъ своимъ воинамъ и приказала къ хвосту каждой птицы привязать по тряпочкѣ съ сѣрой, а когда смеркнется, зажечь эти тряпочки и пустить птицъ. Все такъ и случилось, какъ разсчитывала Ольга: голуби воротились въ свои голубятни, воробьи забились подъ свои стрѣхи, и разомъ загорѣлись всѣ дома въ городѣ, такъ что невозможно было тушить. Побѣжали всѣ люди изъ города; а Ольга велѣла убивать ихъ или брать въ плѣнъ и обращать въ рабовъ. Потомъ пошла Ольга по всей древлянской землѣ и наложила на нее тяжелую дань. Такъ мстила язычница Ольга, по языческимъ обычаямъ, за смерть мужа. Но съ тѣхъ поръ княжила она въ Кіевѣ спокойно и мудро.

Въ это время, вѣроятно, узнала Ольга христіанскую религію. Еще со времени Аскольда и Дира въ Кіевѣ были уже христіане. Сжалился Богъ надъ Русской землей и внушилъ Ольгѣ отбросить язычество и принять христіанскую вѣру, несмотря на то, что княгиня была уже преклонныхъ лѣтъ, когда человѣкъ охотнѣе держится стараго. Ольгѣ было уже болѣе 60 лѣтъ, когда она въ 955 году отправилась въ Грецію, въ Царь-градъ, и приняла тамъ христіанство. Патріархъ крестилъ ее и далъ ей имя Елены, а царь греческій былъ крестнымъ отцомъ. Возвратившись въ Кіевъ, Ольга думала преклонить и сына своего Святослава принять христіанство. „Я познала истиннаго Бога, сынъ мой, говорила она ему, и радуюсь, узнай и ты, и будешь радоваться". Святославъ же отвѣчалъ: „Какъ мнѣ одному принять новую вѣру? Дружина станетъ смѣяться надо мной!" Ольга молилась за сына, но принуждать его не хотѣла, говоря: „да будетъ воля Божія! Если Богъ хочетъ помиловать родъ мой и землю Русскую, то обратитъ ихъ къ себѣ, какъ обратилъ меня". Желаніе Ольги скоро сбылось: и вотъ почему лѣтописецъ назвалъ ее зарею христіанства въ Россіи, а церковь причислила къ лику святыхъ.

16. Мщеніе Ольги Древлянамъ.

У рѣки сходились двѣ дороги.
Надъ рѣкой, на самомъ раздорожьи
Быть кургану Ольга указала.
Для кургана выровняли мѣсто,
Повалили молодой березникъ
На клину къ рѣкѣ по косогору,

На верху кусты, валежникъ выжгли,
Стали насыпь на верху готовить,—
На гужахъ подкатывали бревна,
На носилкахъ землю подносили,
По краямъ кургана клали камни,
Убивали и равняли насыпь
И опять горой валили землю.
А когда курганъ до половины
Довели, могилу стали ставить.
Изъ досокъ дубовыхъ крѣпкій помостъ
На дубовыхъ бревнахъ положили,
Полъ тесовый обнесли столбами,
Надъ столбами снова клали бревна,
Чтобъ земля на князя не давила,
Княжій срубъ пескомъ не засыпала.
Срубъ опять землею обложили,
Но досками не закрыли сверху.
Поднялась тогда къ могилѣ Ольга,
Надъ могилой стали тризну править.
Вотъ запѣли дѣвы надъ могилой
Заунывно жалобныя пѣсни,
Съ тихой пѣсней обошли могилу.
А Свѣнельдъ, дружинники и гридни
У рѣки на лодкѣ обряжали,
Какъ для сѣчи передъ боемъ, князя.
Смутны были сумрачныя лица,
У ладьи никто не молвилъ слова,
Лишь доспѣхъ порой звенѣлъ на князѣ,
Да съ кургана доносились пѣсни.
У кормы въ княжомъ доспѣхѣ князя
На дубовой лавкѣ посадили,
Лодку съ княземъ подняли на плечи
И неспѣшно понесли къ кургану.
А на князѣ былъ шеломъ пернатый,
Красный плащъ надъ темною бронею,—
Онъ рукою въ наручнѣ узорномъ
На плечѣ держалъ копье, какъ воинъ,—
Щитъ и мечъ у ногъ его лежали,
Лукъ походный въ налучнѣ богатомъ,
А въ колчанѣ стрѣлы на запасѣ.
А на лодкѣ былъ уложенъ парусъ,
Въ лодкѣ снасти были наготовѣ,
У уключинъ струганыя весла,
Подъ рукою княжій стягъ багряный.
Пѣли дѣвы жалобныя пѣсни,
Обходили съ пѣснями могилу.
И ладью носили вкругъ могилы
На плечахъ дружинники и гридни,
А потомъ подъ жалобныя пѣсни
На гужахъ въ могилу опустили.
Пѣли дѣвы жалобныя пѣсни,
Обходили съ пѣснями могилу.

А въ могилу къ Игорю по сходнѣ
Къ черной лодкѣ опускалась Ольга
По завѣтамъ дѣдовъ стародавнихъ
Подъ фатой вѣнчальной, какъ невѣста,
Съ милымъ мужемъ, съ Игоремъ прощаться,
Обряжать въ походъ далекій мужа.
А когда изъ сруба вышла Ольга
И въ печали стала надъ могилой, —
За Свѣнельдомъ отошла дружина
Править князю боевую тризну.
Подвели лихихъ коней къ кургану, —
На ремняхъ изъ золоченой кожи,
На подпругахъ подтянули сѣдла,
На коней наѣздники вскочили,
Въ перегонъ помчались у кургана.
Девять разъ курганъ они объѣдутъ,
Притомятъ лихихъ коней до поту
И потомъ зарѣжутъ на могилѣ
И опустятъ къ Игорю въ могилу.
Дѣвы пѣсни пѣли на курганѣ,
Обходили съ пѣснями могилу.
А внизу дружина снаряжалась
Къ лютой сѣчѣ, къ боевой потѣхѣ.
Съ грознымъ кличемъ воины сойдутся,
По щитамъ мечи ихъ загрохочутъ,
Засвистятъ надъ головами стрѣлы,
Будутъ биться воины до крови,
Будутъ биться, поминая князя,
Чтобы гулъ послѣдней грозной сѣчи
Долетѣлъ до Игоря въ могилу.
А надъ срубомъ пѣсни затихали.
За княгиней становились дѣвы, —
Наклонилась Ольга надъ могилой,
Скорбный плачъ надъ Игоремъ запѣла
Въ причитаньяхъ съ нимъ заговорила.
Долго пламя надъ костромъ стояло,
Дымный столбъ тянулся къ темнымъ тучамъ,
По кургану разлетались искры,
Надъ рѣкою полосой багряной
Разливалось зарево пожара.
А когда погасъ костеръ и пепелъ
Отъ костра по вѣтру разметали,
На курганѣ стали пиръ готовить.
Сѣла Ольга подъ цвѣтнымъ наметомъ,
За княгиней сѣлъ Свѣнельдъ съ дружиной,
Съ княземъ Маломъ подошли Древляне,
На курганѣ сѣли за столами,
У кургана на скамьяхъ и бревнахъ,
За курганомъ на травѣ зеленой,
По рѣкѣ на берегу песчаномъ.
По рядамъ дружинники и гридни
Въ бочкахъ пиво и меды катили.

По ковшамъ, по чашамъ разливали,
Поминать добромъ просили князя.
По рукамъ пошли ковши и чаши,
Гулъ стоялъ надъ полемъ и рѣкою.
На курганѣ загудѣли гусли,
Стали славить Игоря баяны,
Пѣсни пѣть про сѣчи и походы,
Про ночлеги въ половецкихъ вежахъ,
Про царей въ далекомъ Цареградѣ,
А за ними запѣвали дѣвы,
Въ старыхъ пѣсняхъ славили княгиню,
Величали Кіевъ и дружину,
Князя Мала въ пѣсняхъ величали.
На курганѣ подъ наметомъ Ольга
Подняла съ виномъ царьградскимъ кубокъ
И сказала отрокамъ и гриднямъ:
„По ковшамъ разлейте медъ и пиво,
До краевъ, полнѣе наливайте, —
Пить хочу теперь за князя Мала,
За Древлянъ, моихъ гостей на тризнѣ.
Пить бы имъ до дна меды и пиво, —
Намъ въ любовь, а имъ, Древлянамъ, въ почесть“.
Снова бочки по рядамъ катились,
По рукамъ опять ковши ходили, —
Захмелѣли, напились Древляне,
По землѣ валяются, какъ звѣри.
Вечерѣло. Надъ горою солнце
Наклонилось, зажигая тучи
По краямъ багряными огнями.
Надъ рѣкою потянулись тѣни.
За рѣкою боръ стоялъ въ туманѣ.
Встала Ольга, темными очами
На Древлянъ съ кургана поглядѣла,
Засвѣтились, разгорѣлись очи
Злобной местью, гнѣвною обидой,
Потемнѣла, надъ столомъ пригнулась,
Вся дрожитъ — и вдругъ могучій голосъ
Прозвенѣлъ, ликующій и гнѣвный:
„Въ топоры ихъ! За мечи, дружина!
Бейте смердовъ! На смерть пьяныхъ бейте!
Пусть земля отъ крови задымится
На кровавой игоревой тризнѣ!“
Словно волки изъ лѣсу на стадо,
На Древлянъ накинулась дружина.
Топорами Мала изрубили,
За столами прикололи старцевъ,
Перебили лучшихъ на курганѣ, —
Кровь изъ ранъ струей горячей била,
По столамъ, по лавкамъ разливалась,
На пескѣ дымилась передъ Ольгой.
И съ кургана видѣла княгиня,
Какъ мечи и топоры сверкали

За курганомъ на лугу зеленомъ,
У рѣки на берегу песчаномъ,
Подъ кустами въ рощѣ, у дороги...
Кровью выкупъ отдали древляне, —
Кто пришелъ, домой не воротился,
Всѣ остались на кровавой тризнѣ.
Догорало за горою солнце,
На низинахъ у рѣки стемнѣло,
Поползли туманы надъ землею,
А заря послѣдними лучами
Озаряла Ольгу на курганѣ.
Словно къ небу въ пламени багряномъ
Надъ землею Ольга поднималась.
Съ головы свалился княжій обручъ,
Расплелись, по вѣтру бьются косы,
Красный плащъ съ плеча назадъ отброшенъ,
Руки къ небу подняты высоко,
Въ небо смотрятъ вспыхнувшія очи,
И далеко звонкій, ясный голосъ
По ночнымъ туманамъ отдается:
„Васъ зову, васъ заклинаю, боги.
Я клялась — и я сдержала клятву.
Вотъ курганъ. Подъ нимъ въ могилѣ Игорь.
Кровью я за кровь его отмстила.
Слава — мнѣ. Вамъ въ небѣ — радость, боги“.
По щитамъ дружинники и гридни
Съ грознымъ гуломъ копьями стучали,
Снизу старцы подходили къ Ольгѣ,
До земли предъ нею преклонялись,
На колѣни становились дѣвы
Цѣловали край ея одежды,
И далеко радостные клики
Отдавались по ночнымъ туманамъ:
„Слава Ольгѣ, кіевской княгинѣ!..
Слава, слава — мстительницѣ Ольгѣ.
Вѣщей Ольгѣ — слава, слава, слава!..“

17. Святославъ Игоревичъ (957—972 г.).

Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ собирать много храбрыхъ воиновъ и, ходя легко, какъ барсъ, только и дѣлалъ, что воевалъ. Въ походахъ не бралъ съ собою ни возовъ, ни котловъ и не варилъ мяса, а, изрѣзавъ тонкими ломтями конину или какое другое мясо, пекъ его самъ на угляхъ. Шатра у него не было, а спалъ всегда подъ открытымъ небомъ, положивъ сѣдло подъ голову. Такъ же жили всѣ его воины. Когда же Святославъ хотѣлъ идти на кого-нибудь войною, то посылалъ сказать: „Иду на васъ!“ Святославъ воевалъ безпрестанно; ходилъ на Оку и на

Волгу; на Окѣ нашелъ Вятичей и спросилъ у нихъ: „Кому вы дань даете?“ Они отвѣчали: „Хозарамъ, по бѣлкѣ отъ каждой сохи“. Тогда пошелъ Святославъ на Хозаръ и побѣдилъ ихъ, а Вятичей обложилъ данью. Потомъ пошелъ на Дунай, на болгаръ, и побѣдилъ ихъ, взялъ главный ихъ городъ Переяславецъ, куда сходилось много товаровъ изъ Греціи и Россіи, и сталъ тутъ княжить.

Узнавъ, что Святославъ далеко, въ Переяславцѣ, Печенѣги (степная орда) подошли къ Кіеву и облегли его со всѣхъ сторонъ, такъ что нельзя было никому выйти изъ города, ни вѣсти послать. и кіевляне изнемогали отъ голода и жажды. Въ Кіевѣ въ это время была Ольга съ внуками своими, дѣтьми Святослава: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. На другой сторонѣ Днѣпра собралось немного русскаго войска, но нельзя ему было пройти въ Кіевъ. Сильно опечалились жители Кіева и говорили: „нѣтъ ли кого-нибудь, кто бы могъ перейти на ту сторону и сказать имъ: если къ утру никто насъ не выручитъ, то мы должны будемъ сдаться печенѣгамъ. Вызвался одинъ мальчикъ: „я перейду“, говоритъ. Взялъ узду и, ходя по печенѣжскому стану, сталъ спрашивать на печенѣжскомъ языкѣ: не видалъ ли кто его лошади? Печенѣги приняли его за своего. Когда же мальчикъ подошелъ къ Днѣпру, то скинулъ платье и бросился вплавь. Тутъ Печенѣги догадались, кинулись за нимъ и стали пускать въ него стрѣлами, но не могли уже ничего сдѣлать. Люди съ той стороны Днѣпра подъѣхали въ лодкѣ и взяли мальчика. Когда мальчикъ передалъ слова кіевлянъ. тогда воевода Претичъ сказалъ: „поѣдемъ завтра утромъ въ лодкѣ; возьмемъ княгиню и молодыхъ князей и умчимъ ихъ на эту сторону. Если же этого не сдѣлаемъ, то Святославъ насъ погубитъ“. На другой день, на разсвѣтѣ Претичъ съ воинами сѣлъ въ лодку, и начали они громко трубить, а кіевляне отвѣчали на это радостными криками. Печенѣги подумали, что пришелъ самъ Святославъ, и побѣжали отъ города, а Ольга съ внуками вышла къ лодкѣ. Князь печенѣжскій воротился одинъ къ воеводѣ Претичу и спросилъ: „Кто это пришелъ?“ „Лодка съ той стороны“, отвѣчалъ Претичъ. „А ты князь ли?“ спросилъ Печенѣгъ. „Нѣтъ, я не князь, отвѣчалъ Претичъ, а воевода его, пришелъ въ передовыхъ, а за мной идетъ войско съ княземъ, — народу и не перечесть!“ Испугался печенѣжскій князь и сказалъ Претичу: „будь мнѣ другомъ!“ „Пожалуй“, отвѣчалъ Претичъ. Подали другъ другу руки и помѣнялись оружіемъ. Печенѣгъ далъ коня, саблю, стрѣлы, а Претичъ — броню, щитъ и мечъ. Когда Печенѣги отступили отъ

Кіева, то кіевляне послали сказать Святославу: „Ты, князь, ищешь чужой земли, а о своей не заботишься: чуть-было не взяли насъ печенѣги, мать твою и дѣтей твоихъ; а если не воротишься, то придутъ опять и возьмутъ. Развѣ тебѣ не жаль ни родины своей, ни старухи-матери, ни дѣтей?“ Услышавъ это, Святославъ тотчасъ сѣлъ съ дружиною на коней и воротился въ Кіевъ. Пожалѣлъ онъ, что натерпѣлась мать его такого страху; потомъ собралъ войско и прогналъ печенѣговъ далеко въ степь. Но на другой же годъ соскучился Святославъ въ Кіевѣ и сказалъ матери и боярамъ: „не нравится мнѣ здѣсь жить и хочу я переселиться въ Переяславецъ, на Дунай; тамъ должна быть середина земли моей, потому что тамъ сходится много всякихъ богатствъ: отъ Грековъ идетъ золото, ткани драгоцѣнныя, вина плоды южные; отъ Чеховъ и Венгровъ— серебро и дорогіе камни, а изъ Руси—мѣха, воскъ, медъ и рабы“. На это сказала ему Ольга: „Ты видишь, что я больна, какъ же ты хочешь меня покинуть,—похорони меня прежде, а потомъ иди, куда вздумается“. Черезъ три дня Ольга умерла. Сынъ и внуки, и всѣ люди съ плачемъ провожали ее до могилы. Похоронилъ ее христіанскій священникъ, и не дѣлали надъ ней языческой тризны.

По смерти матери, Святославъ посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, Олега въ древлянской землѣ, Владиміра далъ новгородцамъ, самъ же опять отправился на Дунай, въ Переяславецъ. Но Болгары затворились и не хотѣли пускать Святослава. Святославъ сталъ подъ городомъ, а Болгары вышли и напали на него. Началась сѣча и продолжалась цѣлый день; къ вечеру одолѣлъ Святославъ, взялъ городъ и послалъ сказать Грекамъ: „хочу на васъ идти, взять вашъ городъ, какъ взялъ Переяславецъ!“ Греки отвѣчали: „мы не можемъ вамъ противиться; возьми дань на себя и на дружину; скажи намъ только, сколько васъ, чтобы мы могли разсчитать дань по числу людей“. Хитрые Греки желали только вывѣдать, сколько народу у Святослава. „Насъ двадцать тысячъ“, отвѣчалъ Святославъ, и десять тысячъ прибавилъ: Русскихъ было всего десять тысячъ. Тогда Греки собрали сто тысячъ войска на Святослава и окружили его. Видя множество греческаго войска, Русскіе было испугались, но Святославъ сказалъ: „уже намъ некуда дѣться! волею ли, или неволею, а должны биться. Не посрамимъ же земли Русской, но ляжемъ здѣсь костьми! Мертвымъ срама нѣтъ: а если побѣжимъ, то падетъ на насъ стыдъ; а отъ стыда же убѣжать некуда. Станемъ крѣпко, я пойду впередъ. Если сложу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите“. — Отвѣчали воины: „гдѣ твоя голова

ляжетъ, князь, тамъ и мы свои сложимъ". — Началась страшная сѣча: Святославъ одолѣлъ—греки бѣжали.

Тогда пошелъ Святославъ къ Царь-городу, грабя и разоряя все на дорогѣ. Сильно испугался греческій царь, созвалъ бояръ во дворецъ и сталъ говорить имъ: „Что намъ дѣлать?—не можемъ никакъ одолѣть Святослава". Отвѣчали бояре царю: „Пошли къ нему дары и испытай, что̀ онъ больше любитъ: золото или драгоцѣнныя ткани!" Такъ и сдѣлали. Когда сказали Святославу, что пришли Греки съ поклономъ, онъ приказалъ ввести ихъ. Пришли послы, поклонились князю Святославу и разложили передъ нимъ золото и драгоцѣнныя ткани. Святославъ и не взглянулъ на то, что принесли, а только небрежно сказалъ отрокамъ: „спрячьте!". Когда возвратились послы къ царю и разсказали, что Святославъ и не взглянулъ даже на золото и на драгоцѣнныя ткани, то одинъ боярин̀ъ посовѣтовалъ царю: „попробуй послать ему оружіе!" Царь послушалъ совѣта и послалъ Святославу мечъ и другое оружіе. Увидавъ оружіе, Святославъ обрадовался, сталъ разсматривать, хвалить и приказалъ благодарить царя за подарокъ. Узнавъ объ этомъ, греческіе бояре сказали царю: „Лютъ долженъ быть человѣкъ этотъ: пренебрегаетъ золотомъ, а хватается за оружіе. Соглашайся скорѣе на дань!" Послалъ царь къ Святославу, который уже былъ недалеко отъ Царь-города, и велѣлъ ему сказать: „Не ходи къ городу, а возьми дани, сколько хочешь!" Взялъ Святославъ дань, взялъ на живыхъ и на убитыхъ, взялъ, кромѣ того, много даровъ и воротился въ Переяславецъ съ великою славою. Однако же дружины осталось у Святослава мало, и сталъ онъ съ ней совѣтоваться: „Насъ осталось мало, сказалъ онъ, Русская земля далеко, а Печенѣги съ нами въ войнѣ. Если провѣдаютъ Греки, что насъ немного, и обступятъ насъ въ городѣ, то неоткуда ждать намъ помощи. Заключимъ же миръ съ царемъ. Онъ взялся платить дань — довольно и этого. Если же перестанетъ платить, то соберемъ войско въ Руси и пойдемъ на Царь-городъ". Понравилась рѣчь эта дружинѣ, и миръ съ царемъ былъ заключенъ, записанъ и подтвержденъ клятвами съ обѣихъ сторонъ.

По заключеніи мира, Святославъ хотѣлъ повидаться съ царемъ, и царю также хотѣлось видѣть русскаго героя. Рѣшено было устроить свиданіе на берегу Дуная. Царь греческій Іоаннъ, въ блестящихъ латахъ, подъѣхалъ на копѣ къ берегу. Царя окружало множество всадниковъ въ богатыхъ доспѣхахъ, покрытыхъ золотомъ. Святославъ съ другого берега сѣлъ въ лодку и поплылъ,

работая самъ весломъ, наравнѣ съ прочими гребцами. Онъ былъ средняго роста, широкоплечъ, съ голубыми глазами и длинными усами. Волосы его были подстрижены, а внизу спускался только длинный чубъ. Одѣтъ онъ былъ очень просто: въ бѣлой рубахѣ, такой же, какъ и у другихъ воиновъ, только почище. Въ одномъ ухѣ у него блестѣла серьга, украшенная рубиномъ и двумя жемчужинами. Глядѣлъ онъ мужественно и сурово. Не выходя изъ лодки, Святославъ поговорилъ немного съ царемъ и отправился назадъ. На обратномъ пути въ Русь Печенѣги напали на Святослава у днѣпровскихъ пороговъ: Русскіе были разбиты, а Святославъ убитъ. Воевода Святослава Свѣнельдъ воротился въ Кіевъ и принесъ вѣсть о гибели князя.

18. Крещеніе Руси при св. Владимірѣ (988 г.).

Послѣ смерти своихъ братьевъ, Ярополка и Олега, Владиміръ сталъ одинъ княжить въ Русской землѣ. Въ началѣ своего княженія онъ показалъ себя ревностнымъ язычникомъ. Послѣ одного удачнаго похода Владиміръ воротился въ Кіевъ съ богатою добычею, и задумали кіевскіе граждане-язычники устроить по этому случаю большое торжество и возблагодарить Перуна человѣческою кровью. Бросили жребій, и онъ палъ на христіанскаго мальчика Іоанна, единственнаго сына у отца, также христіанина, именемъ Ѳеодора. Послали объявить объ этомъ Ѳеодору. Но онъ отвѣтилъ пришедшимъ, что не можетъ отдать имъ сына, что Перунъ и идолы не боги, а бездушные истуканы, дѣло человѣческихъ рукъ, и что одинъ Богъ — Творецъ неба и земли. Посланные возвратились на мѣсто торжества и передали слова Ѳеодора народу. Народъ заволновался. Съ оружіемъ въ рукахъ бросилась толпа къ дому Ѳеодора, разметали заборъ и, ворвавшись во дворъ, стали кричать: „Подавай сына, боги обрекли его себѣ на жертву!“ Ѳеодоръ въ это время стоялъ, обнявъ сына, въ сѣняхъ своего дома и отвѣчалъ народу: „Если ваши боги точно боги, то пусть пришлютъ кого-нибудь изъ своихъ и возьмутъ у меня сына, а вы напрасно хлопочете“. Тогда кіевляне бросились къ дому и подрубили столбы, на которыхъ держались сѣни; сѣни обрушились, и подъ развалинами ихъ погибли первые мученики на Руси — Ѳеодоръ и Іоаннъ.

Этотъ случай произвелъ сильное впечатлѣніе на князя Владиміра, и съ этой поры онъ не взлюбилъ язычества, пересталъ приносить жертвы идоламъ. И разошелся слухъ по Кіеву, что хочетъ

князь перемѣнитъ вѣру, а въ Кіевѣ, по торговымъ дѣламъ, жили люди разныхъ земель, различныхъ вѣроисповѣданій. Дали они знать объ этомъ каждый въ свою землю, и со всѣхъ сторонъ стали приходить послы въ Кіевъ ко Владиміру, потолковать съ нимъ о своей вѣрѣ. Прежде всѣхъ пришли послы отъ живших въ на Волгѣ магометанъ; потомъ приходили послы отъ Римскаго папы и отъ Евреевъ. Владиміръ выслушивалъ ихъ и отсылалъ отъ себя ни съ чѣмъ. Наконецъ явился греческій монахъ, и его простая разумная рѣчь проникла въ сердце Владиміру. Особенно поразила Владиміра картина страшнаго суда, которую монахъ показалъ ему, говоря о загробной жизни. „Когда придетъ Христосъ Богъ во славѣ Своей съ неба на землю судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его“ — такъ говорилъ греческій проповѣдникъ, — „тогда тѣхъ, которыхъ найдетъ праведными, поставитъ одесную Себя и пошлетъ ихъ въ царствіе Свое небесное на вѣчное веселіе; тѣхъ же, которыхъ найдетъ грѣшными, поставитъ ошуюю и пошлетъ на неугасимую геенну огненную, на безконечныя муки“. Смотря на картину, Владиміръ глубоко вздохнулъ и сказалъ: „Хорошо тѣмъ, что направо, и горе тѣмъ, которые налѣво“. — Если и ты хочешь стать съ праведниками“, сказалъ ему монахъ, „то крестись“. Владиміръ ничего ему не отвѣтилъ, но въ сердце у него глубоко залегла мысль принять вѣру православную. И вотъ въ слѣдующемъ году, посовѣтовавшись со своими приближенными, Владиміръ послалъ десять мудрѣйшихъ мужей по чужимъ землямъ — испытать, какая вѣра лучше. Ходили послы на Волгу, гдѣ жили тогда магометане-Болгары, ходили къ Нѣмцамъ, которые держались римско-католической вѣры. Но ни та, ни другая вѣра не понравилась имъ. Пришли они наконецъ и къ православнымъ Грекамъ въ Царьградъ. Греческіе императоры, узнавъ, зачѣмъ пришли русскіе послы, велѣли повести ихъ въ Софійскій храмъ. Самъ патріархъ совершалъ литургію. Его окружало множество сослужащихъ въ золотыхъ и серебряныхъ облаченіяхъ. Кадильный дымъ наполнялъ воздухъ благоуханіемъ, стройное пѣніе услаждало слухъ, тысячи молящихся съ благоговѣніемъ преклонялись передъ Господомъ и возсылали Ему свои молитвы... Наши предки не знали, что́ и подумать. Они чувствовали въ храмѣ присутствіе высшей благодатной силы, присутствіе Бога; „осіялъ ихъ въ то время свѣтъ небесный, и были они какъ бы внѣ себя отъ духовной радости, которою наполнились сердца ихъ“. Поэтому и возвратившись въ свое отечество, они похвалили только вѣру греческую, православную. „Сего ради вѣруемъ, — говорили они, — яко

истинная есть вѣра ихъ, и съ тѣми токмо людьми живетъ Богъ истинный". На это сказали Владиміру бояре-совѣтники: „Если бы вѣра греческая не была хороша и истинна, то мудрѣйшая изъ женъ, бабка твоя Ольга, не приняла бы той вѣры".—И порѣшилъ Владиміръ принять эту вѣру, креститься у Грековъ. Это было въ 987 году.

Въ слѣдующемъ году пришлось Владиміру воевать съ Греками. Собравъ дружину, пошелъ онъ войною въ Крымъ и осадилъ греческій городъ Херсонесъ, или иначе Корсунь, близъ нынѣшняго Севастополя. Владиміръ взялъ городъ и послалъ сказать греческимъ императорамъ: „Я взялъ вашъ городъ, такъ поступлю и съ самимъ Царьградомъ, если не отдадите за меня свою сестру Анну". Императоры отвѣчали ему: „Непристойно намъ, христіанамъ, отдать сестру нашу за пребывающаго въ нечестивой вѣрѣ. Если же ты хочешь имѣть ее женою, то отрекись отъ идоловъ твоихъ, увѣруй во Христа, истиннаго Бога, какъ и мы вѣруемъ, прими святое крещеніе — и тогда невозбранно возьмешь въ супружество сестру нашу и, какъ единовѣрецъ, пребудешь съ нами въ любви и наслѣдуешь притомъ небесное царство". Владиміръ послалъ имъ сказать, что онъ готовъ принять ихъ вѣру, и просилъ прислать сестру вмѣстѣ съ епископомъ для его крещенія. Тяжело было царевнѣ Аннѣ покидать родной городъ и идти къ народу некрещенному, къ князю, который еще недавно преслѣдовалъ христіанъ; но покорилась она волѣ Божіей и съ епископомъ Михаиломъ, священниками и діаконами поплыла въ Корсунь. Между тѣмъ Владиміръ заболѣлъ глазами такъ сильно, что ничего не могъ видѣть. И началъ онъ сомнѣваться въ святой вѣрѣ и говорить: „Боги русскіе разгнѣвались на меня, что хочу оставить ихъ и принять иную вѣру, и за то наказали меня слѣпотою". И откладывалъ онъ со дня на день совершеніе надъ собою таинства крещенія. „Если хочешь выздоровѣть, велѣла сказать ему царевна, то поскорѣе крестись, иначе не получишь исцѣленія". Владиміръ отвѣчалъ на это: „Если истинны слова твои, то изъ этого я познаю, что великъ Богъ христіанскій". Епископъ со священниками совершилъ надъ нимъ таинство св. крещенія. И въ ту минуту, когда Владиміръ вошелъ въ купель, и епископъ возложилъ на него руку, онъ мгновенно прозрѣлъ и въ восторгѣ воскликнулъ: „Теперь-то позналъ я Бога истиннаго!" Чудо поразило всѣхъ присутствовавшихъ, и многіе изъ дружины княжеской увѣровали и крестились. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало и вѣнчаніе Владиміра съ греческою царевною Анною. Во св. крещеніи Владиміръ былъ

нареченъ Василіемъ. Въ память своего крещенія Владиміръ заложилъ въ Корсуни церковь и сталъ собираться домой. Городъ онъ возвратилъ греческимъ императорамъ, а изъ города взялъ мощи св. Климента, епископа римскаго, и ученика его Ѳива; взялъ съ собою и возведеннаго имъ въ митрополиты Михаила, священниковъ и діаконовъ: взялъ богослужебныя книги, церковные сосуды, облаченія, а также строителей и художниковъ. Слѣды древняго Корсуня, или Херсонеса, существуютъ и до настоящаго времени вблизи Севастополя: видны основанія нѣсколькихъ церквей и домовъ, мѣста площадей и улицъ; сохранились углубленія, высѣченныя въ скалахъ для погребенія умершихъ. Уцѣлѣли и остатки храма, въ которомъ крестился князь Владиміръ. Надъ этими священными остатками выстроенъ теперь великолѣпный храмъ во имя св. Владиміра. Онъ вмѣщаетъ въ себѣ развалины древней церкви и святую купель, въ которой Владиміръ принялъ крещеніе.

Слухъ о крещеніи Владиміра распространился по Кіеву еще до прибытія туда князя, и языческіе жрецы потеряли значеніе у народа. Показались на Днѣпрѣ ладьи княжескія, и народъ толпами хлынулъ къ берегу. Вышелъ на берегъ митрополитъ со священниками и діаконами, и съ молитвою ступили на Русскую землю. При радостныхъ кликахъ народа сошли на берегъ и князь съ молодою княгинею. Взглянулъ Владиміръ на своихъ подданныхъ, пожалѣлъ объ ослѣпленіи и невѣжествѣ ихъ и усердно молился о томъ, чтобы Господь сподобилъ его утвердить на Руси святую православную вѣру. Прежде всего призвалъ онъ сыновей своихъ, и митрополитъ Михаилъ крестилъ ихъ въ источникѣ, извѣстномъ съ тѣхъ поръ подъ именемъ Крещатика. Вмѣстѣ съ ними крестились многіе изъ бояръ и дружины. Затѣмъ Владиміръ отдалъ приказаніе истребить языческіе памятники. Теперь, по волѣ Владиміра, ниспроверглись тѣ самые истуканы, которые такъ недавно воздвигъ онъ для народнаго поклоненія, которымъ самъ поклонялся и приносилъ жертвы. Всѣ идолы были уничтожены. Главнымъ идоломъ былъ Перунъ — его привязали къ лошадиному хвосту, спустили съ горы и бросили въ Днѣпръ. Прибывшіе съ Владиміромъ духовныя лица были славяне. Они понимали нашъ родной языкъ, и народъ понималъ ихъ. Они обходили площади и улицы, заходили въ дома и наставляли язычниковъ въ истинахъ святой православной вѣры. Не всѣ однако соглашались принять христіанство. Многіе прямо выражали желаніе остаться въ язычествѣ, другіе со дня на день откладывали крещеніе. Узнавъ объ этомъ, Владиміръ приказалъ объявить по всему городу, чтобы къ

назначенному имъ времени всѣ люди Русскіе — бояре и рабы, богатые и убогіе — пришли на рѣку Почайну креститься, а кто не придетъ, тотъ нелюбъ будетъ князю. Приказаніе всѣми любимаго князя произвело свое дѣйствіе. Кіевляне рѣшили исполнить его волю, разсуждая такъ: „если бы нехорошъ былъ законъ греческій, то князь и бояре не приняли бы его“, и къ назначенному времени огромныя толпы народа уже стояли на мѣстѣ, ожидая крещенія. Владиміръ, вмѣстѣ съ митрополитомъ и священниками, прибылъ на берегъ Почайны, и, по данному имъ знаку, тысячи народа — мужчины и женщины, дряхлые старцы и дѣти — благоговѣйно вступили въ рѣку. Многія матери явились сюда съ грудными младенцами. Митрополитъ и священники стояли на берегу, читая молитвы. Когда настало время, весь стоявшій въ рѣкѣ народъ трижды погрузился въ воду — и въ водахъ Почайны исчезла Русь языческая и явилась Русь христіанская, православная! Исполнились пророческія слова св. апостола Андрея: на горахъ Кіевскихъ возсіяла благодать Божія! Древнее преданіе говоритъ, что святые апостолы, по сошествіи на нихъ Св. Духа, помолившись, бросили жребій, кому куда идти съ проповѣдью Евангелія. Св. апостолу Андрею Первозванному выпалъ жребій проповѣдывать Евангеліе народамъ, жившимъ у Чернаго моря. Св. апостолъ проникъ въ Крымъ, а оттуда направилъ путь къ Скиѳамъ, жившимъ у береговъ Днѣпра. По Днѣпру апостолъ Андрей доходилъ до тѣхъ горъ, на которыхъ стоитъ теперь Кіевъ — тогда они были не заселены и пустынны — и здѣсь на одной изъ нихъ водрузилъ крестъ. „Видите ли эти горы? — сказалъ онъ ученикамъ своимъ, — „на горахъ этихъ возсіяетъ благодать Божія и будетъ великій городъ, и многія церкви воздвигнетъ здѣсь Господь“.

Крещеніе кіевлянъ совершилось въ 988 году. Вслѣдъ затѣмъ обращены были въ христіанство и нѣкоторыя другія области русскія. Принявъ крещеніе на 27-мъ году отъ роду, Владиміръ смирилъ въ себѣ противные христіанству наклонности и порывы, сталъ кротокъ, милосердъ, снисходителенъ, пересталъ воевать изъ-за одной славы и добычи. Обратилъ онъ вниманіе на нужды народа: заботился о распространеніи и укрѣпленіи въ народѣ истинной вѣры Христовой, строилъ церкви, приказывалъ переписывать богослужебныя книги, велѣлъ священникамъ обучать дѣтей грамотѣ при церквахъ. На духовенство, кромѣ просвѣщенія народа, возложена была забота о неимущихъ и немощныхъ. При церквахъ должны были находиться пріюты для бѣдныхъ, больницы, дома для принятія странниковъ и паломниковъ (такъ назывались въ старину странники.

ходившіе въ Іерусалимъ). Кому негдѣ было жить—хромые, слѣпые, калѣки, отпущенные на волю безземельные рабы, безпріютныя вдовы и сироты — всѣ эти люди были отданы княземъ Владиміромъ на попеченіе церкви. Заботился князь и о томъ, чтобы ввести правду въ судѣ, защитить слабаго отъ сильнаго и помочь бѣдствующимъ. Онъ дозволилъ всѣмъ входить на княжескій дворъ и просить всего, что̀ кому было нужно, а для больныхъ велѣлъ развозить по домамъ хлѣбъ, мясо, рыбу и овощи, медъ и квасъ. Прежде, въ язычествѣ, Владиміръ не щадилъ своихъ враговъ и убилъ даже родного брата, а принявъ христіанство, онъ сталъ до того милостивъ и мягкосерденъ, что долго не рѣшался велѣть казнить осужденныхъ преступниковъ, говоря: „боюсь взять грѣхъ на душу“. Въ хоромахъ его появились лица духовныя и ученыя, съ которыми любилъ теперь бесѣдовать Владиміръ. По смерти (1015 г.) Владиміръ былъ причисленъ церковью къ лику святыхъ, а за подвигъ распространенія христіанства между язычниками, — подвигъ, равный апостольскому, — названъ Равноапостольнымъ; празднованіе его памяти установлено 15 іюля.

19. Пѣснь о великомъ князѣ Владимірѣ.

Свершился въ соборѣ крещенья обрядъ,
Свершился обрядъ обвѣнчанья [1]),
Идетъ со княгиней Владиміръ назадъ;
Вдоль улицъ старинныхъ до свѣтлыхъ палатъ
Кругомъ ихъ толпы ликованье.
И князь говоритъ: — „Я построю вамъ храмъ
На память, что здѣсь я крестился,
А городъ Корсунь возвращаю я вамъ,
И выкупъ обратно всецѣло отдамъ,
Зане я душою смирился!“
Застольный гремитъ, заливаяся, хоръ,
Шипучія пѣнятся вина,
Веселіемъ блещетъ Владиміра взоръ,
И строить готовится новый соборъ
Крещенная съ княземъ дружина.
Приносится яшма водой и гужомъ,
И мраморъ привозится бѣлый,
И быстро Господень возносится домъ,
И ярко на полѣ горятъ золотомъ
Иконы муссійскаго дѣла.
И взапуски князя синклитъ и сенатъ,
И сколько тамъ Грековъ ни сталось, —
Всю зиму пирами честятъ да честятъ;

[1]) Въ городѣ Корсуни, гдѣ Владиміръ принялъ крещеніе и вѣнчался съ греческой царевной.

Но молвитъ Владиміръ: — „Пора мнѣ назадъ,
По Кіевѣ мнѣ встосковалось!
— Вы, отроки, други, спускайте ладьи,
Трубите дружинѣ къ отбою,
Кленовыя весла берите свои!
Ужъ въ Кіевѣ, чаю, поютъ соловьи.
И въ рощахъ запахло весною!
— Спускайте-жъ ладьи, бо и ночью, и днемъ
Я гласу немолчному внемлю;
Велитъ онъ въ краю намъ не мѣшкать чужомъ,
Да свѣтъ, озаряющій насъ, мы внесемъ
Торжественно въ Русскую землю“.

По лону днѣпровскихъ сіяющихъ водъ,
Гдѣ, празднуя жизни отраду,
Весной все гремитъ и цвѣтетъ, и поетъ,
Владиміръ съ дружиной обратно плыветъ
Ко стольному Кіеву-граду.
Все звонкое птаство летаетъ кругомъ,
Ликуючи въ тысячу глотокъ,
А князь многодумнымъ поникнулъ челомъ,
Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его миренъ и кротокъ.
Забыла княгиня и слезы, и страхъ:
Одеждой алмазной блистая,
Глядитъ она, съ юнымъ весельемъ въ очахъ,
Какъ много пестрѣетъ цвѣтовъ въ камышахъ,
Какъ плещется лебедей стая.
Плыветъ и священства, и дьяконства хоръ
Съ ладьею Владиміра рядомъ;
Для Кіева синій покинувъ Босфоръ,
Они оглашаютъ днѣпровскій просторъ
Уставнымъ демественнымъ ладомъ.
Когда жъ умолкаетъ священный канонъ,
Запѣвъ зачинаютъ дружины,
И съ разныхъ кругомъ раздаются сторонъ
Завѣтныя пѣсни минувшихъ временъ
И дней богатырскихъ былины.
Такъ вверхъ по Днѣпру, по широкой рѣкѣ,
Плывутъ ихъ ладей вереницы,
И вотъ передъ ними, по лѣвой рукѣ,
Все выше и выше растетъ вдалекѣ
Градъ Кіевъ съ горой Щековицей.
Владиміръ съ княжого сѣдалища всталъ,
Прервалось весельщиковъ пѣнье,
И мигъ тишины и молчанья насталъ,
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ [1]),
Открылося новое зрѣнье:
Какъ сонъ, вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;

[1]) Т.-е. христіанской вѣры.

И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владиміру: въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня.
Народъ, издалека ихъ поѣздъ узнавъ,
Столпился на берегъ, и много
Скитавшихся робко безъ крова и правъ
Пришло христіанъ изъ пещеръ и дубравъ
И славятъ Спасителя-Бога.
И палъ на дружину Владиміра взоръ:
„Вамъ, други, доселѣ со мною
Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
Но время настало, — и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силой иною!
Что смутно въ душѣ мнѣ сказалось моей,
То ясно вы нынѣ познайте:
Дни правды дороже воинственныхъ дней!
Гребите же, други, гребите сильнѣй!
На весла дружнѣй налегайте!“
И на берегъ вышелъ, душой возрожденъ,
Владиміръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ.
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы!

20. Былины о Владимірѣ-Красномъ Солнышкѣ и богатырѣ его Ильѣ Муромцѣ.

Щедрость и доброта Владиміра пришлись по душѣ русскимъ людямъ. Въ своихъ былинахъ народъ нашъ вспоминаетъ о пирахъ Владиміра, называетъ его „ласковымъ княземъ“, „краснымъ солнышкомъ“. Въ былинахъ этихъ смѣшались преданія народа о глубокой языческой старинѣ, о Владимірѣ и о томъ, что было послѣ него. Тутъ сказывается память о той порѣ, когда тяжело жилось людямъ: только и дѣла имъ было, что отбиваться отъ сильныхъ враговъ; налетали они на русскую землю, словно хищныя птицы. Да и дома у себя было довольно тяжелаго труда предкамъ нашимъ; лѣсныя трущобы шли на сотни верстъ; полны онѣ были лютымъ звѣремъ; ни проѣзду, ни проходу не было въ непролазныхъ дебряхъ. Надо было и пути прокладывать, и отъ злого звѣря землю очищать, и отъ хищнаго врага ее стеречь. Приходилось вести тяжелую борьбу; нужна была тутъ сила да ловкость. Силачи да удальцы въ большомъ почетѣ бываютъ въ такія времена. Выдавались въ ту пору и у предковъ нашихъ „удалые добрые молодцы“, „богатыри могучіе“. О нихъ-то и сложилъ народъ тѣ былины, гдѣ говорится и о Владимірѣ. Вотъ что, между прочимъ, разсказывается въ нихъ. Пируетъ Владиміръ-Красное Солнышко въ своей гридницѣ высокой,

пируетъ съ нимъ и дружина его храбрая. Много у него на пиру славныхъ, могучихъ богатырей. Подаютъ тутъ яства сахарныя, питья медвяныя; всѣ наѣдаются досыта и напиваются допьяна. Весело и привольно всѣмъ подлѣ Краснаго Солнышка: на гусляхъ звонкихъ наигрываютъ, пѣсни веселыя поютъ: самъ князь радъ, потѣшается, по свѣтлой гридницѣ похаживаетъ да гостей потчуетъ: ихъ обходитъ турій рогъ съ виномъ заморскимъ. Много на пиру славныхъ, могучихъ богатырей, но нѣтъ могучѣе Ильи Муромца! Былъ Илья родомъ крестьянскій сынъ. Не владѣлъ онъ сначала ни руками, ни ногами, въ сидняхъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и три года. Пришли къ нему разъ нищіе, калики перехожіе; просятъ они Илью дать имъ воды испить,—не можетъ онъ встать. Второй разъ требуютъ у него калики воды; вдругъ почуялъ онъ въ себѣ силу, всталъ „словно встрепаный“. Пьютъ калики и Ильѣ велятъ испить воды. Выпилъ онъ и почуялъ въ себѣ силу непомѣрную. Не сидится Ильѣ послѣ этого въ родительскомъ домѣ:

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются,—
Разстилается сынъ передъ батюшкой.
Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
„Охъ, ты, гой еси, родимый, милый батюшка!
Дай ты мнѣ свое благословеньице,
Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ-градъ
Помолиться чудотворцамъ кіевскимъ,
Заложиться за князя Владиміра,
Послужить ему вѣрой-правдою,
Постоять за вѣру христіанскую“.
Отвѣчаетъ старый крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:
„Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
Поѣдешь ты путемъ и дорогою,—
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина“.
Поклонился Илья Муромецъ отцу до земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра коня,
Поѣхалъ онъ во чисто поле.

Начинаетъ Илья свои подвиги. Подъѣзжаетъ онъ къ городу Чернигову, а подъ городомъ стоитъ вражья сила — смѣты нѣтъ. Богатырское сердце „разгорчиво“ и „неуемчиво“, беретъ Илья въ руки саблю острую и началъ ею „по силушкѣ похаживать“: „гдѣ повернется—дѣлалъ улицы, поворотится—часты площади“. Избилъ онъ рать вражью, только трехъ царевичей въ живыхъ оставилъ:

„Вы чините вездѣ такову славу,
Что святая Русь не пуста стоитъ,
На святой Руси есть сильны, могучи богатыри“.

Напали разъ на Илью разбойники: хотѣли его ограбить. Снимаетъ онъ съ себя тугой лукъ, накладываетъ калену-стрѣлу на тетивочку шелковую и стрѣляетъ, но не въ разбойниковъ а „въ сыръ-матеръ дубъ“. Разлетѣлся дубъ мелкой щепкой, а отъ треску и грому разбойники попадали „на сырую землю ницъ лицомъ“, пять часовъ безъ памяти пролежали. Придя въ себя, они просили Илью идти къ нимъ въ товарищи, но тотъ отказался, сказавъ:

„Я ѣду въ Кіевъ-градъ,
Къ Володиміру князю на воспоможеніе,
На его сбереженіе“.

Захотѣлъ Илья изъ Мурома проѣхать въ Кіевъ дорогою прямоѣзжею, да заложена была та дорога Соловьемъ-разбойникомъ: сидитъ онъ на семи дубахъ, кричитъ онъ по-звѣриному, свиститъ по-соловьиному, никому не устоять противъ его посвиста. Поѣхалъ Илья дорогой прямоѣзжею, подъѣхалъ къ Соловью. Сталъ Соловей свистать по-соловьиному, шипѣть по-змѣиному, ревѣть по-звѣриному. Палъ конь Ильи на колѣни. Но пустилъ Илья стрѣлу каленую и угодилъ Соловью въ правый глазъ. Полетѣлъ Соловей съ дуба комомъ къ сырой землѣ. Привязалъ его Илья къ сѣдлу и повезъ его въ Кіевъ, къ князю Владиміру.

Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ-градъ;
Среди двора княженецкаго
И скочилъ онъ, Илья, со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
И шелъ онъ во гридню во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
На всѣ на четыре стороны.
У великаго князя Владиміра,
У него, князя, почестный пиръ,
А и много на пиру было князей и бояръ.
Много сильныхъ, могучихъ богатырей.
И поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина,
Чару зелена вина въ полтора ведра.
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.
Говоритъ ему ласковый Владиміръ-князь:
„Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ;
А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловати“.
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:

„А ты, ласковый, стольный Владиміръ-князь!
А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
Изъ стольнаго города изъ Мурома,
Изъ того села Корочарова“.
Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
„А ласково солнце, Владиміръ-князь!
Въ очахъ дѣтина завирается:
А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?
Залегла та дорога тридцать лѣтъ
Отъ того Соловья-разбойника“.
Говоритъ Илья Муромецъ:
„Гой еси, ты, сударь, Владиміръ-князь!
Ты изволь смотрѣть мою удачу богатырскую:
Вонъ я привезъ Соловья-разбойника на дворъ къ тебѣ“.
И втапоры Илья Муромецъ
Пошелъ съ великимъ княземъ на широкій дворъ
Смотрѣть его удачи богатырскія.
Выходили тутo князи-бояре,
Все русскіе могучіе богатыри.
Выходилъ Илья на широкій дворъ
Къ тому Соловью-разбойнику.
Онъ сталъ Соловья уговаривать:
„Ты послушай меня, Соловей-разбойникъ младъ!
Посвисти, Соловей, по-соловьиному,
Пошипи, змѣй, по-змѣиному,
Зрявкай, звѣрь, по-туриному
И потѣшь князя Владиміра“.
Засвисталъ Соловей по-соловьиному,
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Зашипѣлъ злодѣй по-змѣиному,
Онъ втретье зрявкаетъ по-туриному;
А князи и бояре испужалися,
На корачкахъ по двору наползалися,
И всѣ тѣ сильные богатыри могучіе.
И накурилъ онъ бѣды несносныя:
Гостины кони со двора разбѣжалися,
И Владиміръ князь едва живъ стоитъ
Съ душой-княгиней Апраксѣевной.
Говорилъ тутъ ласковый Владиміръ-князь:
„А и ты, гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Уйми ты Соловья разбойника:
А и шутка намъ не надобна!“

Съ этой удачи богатырской вошелъ Илья въ большую славу, сталъ служить Владиміру и оборонять землю русскую.

А и во городѣ было во Кіевѣ,
А явилося чудо неслыхано:
Наѣхало Идолище поганое.
Ростомъ идолище трехъ аршинъ,

Межъ глазами у него пяда мѣрная.
Глаза у него — какъ чаши пивныя;
Онъ спдитъ, ѣстъ да пьетъ, прохлаждается,
Надъ Владиміромъ-княземъ похваляется:
„Я Кіевъ-градъ вашъ во полонъ возьму,
А Божьи церкви всѣ на дымъ спущу,
Князей-бояръ всѣхъ повырублю“.
Тутъ Владиміръ-князь ужахнулся,
Пріужахнулся да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
„Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся!
На бою мнѣ-ка смерть не написана:
Поѣду я въ раздольице-чисто поле
И убью-то я Идолища поганаго“.
Обулъ Илья лапотики шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шапку земли греческой,
И пошелъ онъ ко Идолищу къ поганому,
Пришелъ къ нему и поздравствовалъ.
Говоритъ ему Идолище поганое:
„Ай же ты, калика перехожая!
Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?“
Говоритъ Илья таковы слова:
„Толь великъ Илья, какъ и я“.
Говоритъ ему Идолище поганое:
„По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
По многу ли Илья вашъ пива пьетъ?“
Говоритъ Илья таковы слова:
„Постольку ѣстъ Илья, какъ и я,
Постольку пьетъ Илья, какъ и я“.
Говоритъ ему Идолище поганое:
„Экій вашъ богатырь Илья!
Я вотъ по семи ведеръ пива пью,
По семи пудъ хлѣба кушаю“.
Говоритъ ему Илья таковы слова:
„У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
У него была корова ѣдучая:
Она много пила-ѣла — и лопнула“.
Это Идолищу не слюбилося:
Схватилъ свое кинжалище булатное
И махнулъ онъ въ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько;
Пролетѣлъ его мимо-то булатный ножъ,
Пролетѣлъ онъ на вонную сторону съ простѣночкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское:
Схватилъ съ головушки шляпу земли греческой,
И ляпнулъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.

Стоитъ потомъ Илья съ могучими богатырями на заставѣ богатырской, оберегаетъ вѣру православную и землю свято-русскую;

бьется тутъ онъ съ Жидовиномъ-богатыремъ и убиваетъ его. Подвиги свои Илья совершаетъ тогда, когда нужно избавить кого отъ бѣды, постоять за честь земли русской. Дѣйствуетъ онъ не изъ корысти, почета не ищетъ, похвальбы не любитъ, да и принимается за дѣло только тогда, когда нельзя обойтись безъ него, когда ему „некѣмъ замѣнитися“. Хитрости, лукавства въ немъ нѣтъ: всякое дѣло ведетъ онъ прямо, на чистоту. Всѣ эти свойства высоко цѣнитъ нашъ народъ; потому-то Илья и самый любимый его богатырь.

Много былинъ сохранилось въ народѣ и о другихъ богатыряхъ Владиміра. Въ пѣсняхъ этихъ много и небылицъ, похожи онѣ на сказки, но есть въ нихъ и доля правды: въ нихъ живо отражается то время, когда безпрерывная борьба вызывала богатырскія силы; безъ этихъ силъ плохо жилось бы нашимъ предкамъ!

21. Повѣсть по преподобному Нестору, зѣло предивна, о князѣ Владимірѣ и о томъ, какъ парень Янъ побѣдилъ Печенѣжина.

То не въ небѣ взыграло двѣ радуги,
Въ княжьемъ теремѣ стало двѣ радости,
А и первая радость великая
У него ли, у свѣтъ у Владиміра,
У кіевскаго Краснаго Солнышка:
Побивалъ свѣтелъ князь силу вражію,
Покорялъ поморянъ-побережниковъ;
И вторая-то радость немалая —
На воскресной зарѣ, на утренней,
Только стали звонить, свѣтъ-княгинюшка
Даровала ему сына-первенца.
Собирались во дворъ няньки-мамушки,
Во злату во купель клали княжича
И купали его, припѣваючи,
Во злату пелену пеленаючи.
Князь въ тайницы сходилъ заповѣдныя,
Отпиралъ погреба съ медомъ, брагою.
И скликали гонцы Русь со всѣхъ сторонъ
Славить князя и княжаго первенца.
Надъ быстрымъ Днѣпромъ, по взгорію,
Словно по полю кинуты цвѣтики,
Все стоятъ терема княженецкіе,
Со рѣшетками, бѣлыми крыльцами,
Съ пѣтушками на вышкахъ, съ перильцами;
Вдоль по горенкамъ стѣны тесовыя
Узорочьями всѣ изувѣшены;
А въ углу, гдѣ кивотъ златокованный,
Княженецкое знамя поставлено
Парчевое, древко кипарисное,

На томъ знамени шелкомъ вытканы
Чуденъ Спасъ со своею Пречистою,
Гавріилъ и Михайло Архангелы,
Еще всѣ ли тутъ силы небесныя.
Въ княжемъ теремѣ окна растворены;
Смотритъ въ нихъ со двора чернь служивая.
По десную-жъ и лѣвую сторону
Вокругъ князя сидятъ други вѣрные, —
Вся дружина его богатырская...
И на каждомъ-то шапка бебряная,
По краямъ чернымъ соболемъ браная:
На ногахъ семицвѣтные лапотки,
А кафтанъ распашной, онъ камки дорогой.
Не камка дорога — узоръ хитеръ:
Словно по небу звѣзды разметаны.
Изъ окошекъ летятъ во всѣ стороны,
Будто гусли поютъ златострунныя,
Рѣчь и гулъ со стола княженецкаго.
Выходилъ свѣтелъ князь изъ-за трапезы,
И вставали за нимъ, Солнцемъ Краснымъ,
Сотрапезники, рать богатырская.
Они вышли, съ тесоваго глянули —
Шапки вверхъ надъ толпой заметалися.
Началось угощенье на міръ-народъ.
Князь идетъ, таково смотритъ весело:
На лоткахъ стоятъ жарены лебеди,
Кабаны, пѣтухи, рыба всякая:
Виночерпіи чернаютъ чарочки,
Хлѣбодары кладутъ на столъ прянички.
Тутъ, когда пили всѣ, потѣшалися.
Приворотники игрища зачали...
Они зачали свайкою тѣшиться.
И самъ князь, ласковъ князь, выступаючи,
Парчевой кушачокъ оправляючи,
Свайку бралъ, щурилъ глазъ и кидалъ
Онъ гвоздемъ въ кольцо золоченое...
Вдоль по выгону дѣти посадскіе
Межъ собой стали тѣшиться бабками.
Подходилъ свѣтелъ князь со дружиною,
Въ бѣлы руки бралъ биткy свинчатую,
Въ костяной городокъ съ ходу цѣлился
И съ носка разбивалъ частокольчатый.
А и было веселье великое
Въ славу князя и княжаго первенца.
А тѣмъ часомъ гроза подымалася,
Подъ горою труба откликалася...
Разступается людъ на двѣ стороны,
Подбѣгаетъ ко князю Владиміру
Въ рысьей шапкѣ гонецъ, самъ запыхался.
Таково говоритъ, въ поясъ кланяясь:
„Свѣтелъ князь, выводи свои полчища!
Подступаетъ къ твому граду Кіеву

Сила велія, рать печенѣжская.
Самъ Каганъ съ ней идетъ, сталъ окопами,
А тебѣ шлетъ привѣтъ, слово ханское:
„Я не даромъ-де шелъ и не попусту, —
Я пришелъ покорить князь-Владиміра.
А и полно войсками намъ тѣшиться, —
Изберемъ отъ себя поединщиковъ:
Покоритъ твой мово — я отправлюся
И три года въ войнѣ жить закаюся;
Если-жъ мой побѣдитъ — не прогнѣвайся...
Въ Кіевъ-градъ я къ тебѣ, ханъ, пожалую,
Златоверхую сѣнь выжгу, вырублю,
Богатырскую рать возьму въ конюхи,
А тебя самого, со княгинею,
Въ кандалы закую — уведу въ полонъ“.
Усмѣхнулся тутъ князь, слово вымолвилъ:
„У меня ли, у князя Владиміра,
Не найтись на врага супротивника,
Коль дружина моя богатырская
Не побита никѣмъ, вся кругомъ стоитъ:
Щелканъ богатырь, сынъ Дудентьевичъ,
Самсонъ богатырь, Колывановичъ,
Полканъ богатырь, сынъ Ивановичъ,
Святогоръ богатырь, и Полканъ другой,
И Суханъ богатырь, съ богатырской семьей,
Да и онъ ли, Добрыня Никитьевичъ?
Ты бѣги, скороходъ, къ хану грозному,
Отвѣчай ты псу-печенѣжину:
А и день не дойдетъ, въ путь я выступлю
И отыщемъ ему поединщика.
Не силачъ-богатырь, пойдетъ всячина;
Да и нѣтъ той души во поднебесной,
Чтобъ сломила когда силу русскую!“
Скороходъ побѣжалъ по дорогѣ вспять,
Только пыль по слѣдамъ закурилася...
А народъ загудѣлъ и задвигался,
Словно лѣсъ загудѣлъ въ бурю-непогодь,
И со всѣхъ-то сторонъ бойцы-соколы
На борьбу выходить выкликалися.
Не сизы орлы, не кречеты
Ко Днѣпру слетались, ко широкому,
Свѣтелъ князь выступалъ со дружиною;
И стѣной становились, какъ встрѣтились,
Печенѣжская рать противъ княжеской.
Возсѣдалъ тутъ Каганъ на сѣдалищѣ,
Ставилъ боги, изъ камени сѣчены,
Возжигалъ противъ нихъ жертвы цѣнныя.
Солнце-князь становился подъ яворомъ,
Вкругъ него его рать, всѣ приспѣшники,
А надъ нимъ подымали съ молитвами
Княженецкое знамя походное,
Парчевое, древко кипарисное...

Ой, не слонъ во чистомъ полѣ слонится,
Не сырой дубъ во полѣ качается,
А качается, слонится чудище,
Человѣкъ-печенѣгъ, сила крѣпкая.
Онъ идетъ, не идетъ, озирается,
Охомъ сиръ-человѣкъ подпирается.
А на немъ-то броня трехпудовая,
Шапка рысія, очи крысія;
Черепъ голъ, какъ котелъ, самъ, собака, хитеръ:
Что куда онъ, песъ, ни повернется,
Тутъ въ народѣ и вольныя улицы,—
Плакуны ревунамъ громко плачутся,
Бѣгуны скакуновъ гонятъ взапуски.
Да какъ сталъ-то силачъ, пріосанился,
Онъ на весь народъ и расхвастался:
„Выходи, говоритъ, Русь запечная,
Не робѣй, а узнай, каковы-де мы!
Ужъ и нѣтъ на землѣ нашимъ супротивъ:
Кистенемъ мы метнемъ—караванъ въ плѣнъ возьмемъ.
Выходите на битву, не бойтеся:
Я не всѣхъ положу въ пищу воронамъ,—
Сохраню человѣка на сѣмены!“
Да недолго орда потѣшалася...
Разступается людъ на двѣ стороны,
Къ князю старецъ выходитъ засельщина,
Слово молвитъ ему деревенщина:
„Сударь-князь, не казни, слово выслушай!
У меня на селѣ есть дѣтинушка,
Парень Янъ, Усмошвецъ, по прозванію.
Его силъ, осударь, я не вѣдаю,
Только съ дѣтства никто съ нимъ не игрывалъ,
Шутки съ нимъ въ забавахъ не шучивалъ.
Было разъ, мялъ онъ кожи на торжищѣ,
На меня, старика, младъ разгнѣвался
И порвалъ пополамъ кожи крѣпкія,
Сыромятныя, вдвое положены!
Не обидь ты его, сударь-батюшка,—
Прикажи съ супостатомъ помѣряться!“
Говорилъ свѣтелъ князь: „Старецъ, честный мужъ!
Гдѣ же сына твово намъ отыскивать?
Врагъ не ждетъ, да и время намъ спѣшное...“
„Во кружалѣ искать парня надобно...
Со голытьбою тамъ со кабацкою
Младъ-дѣтина любитъ забавиться:
Хороводы водить, вволю бражничать,
Свѣтло-русскую душеньку тѣшити!“
Посылалъ князь гонцовъ во всѣ стороны,
Ждалъ-пождалъ, оглядалъ свои полчища,
А тѣмъ часомъ къ ставкѣ княжеской
Привелъ парня Яна посыльные.
Свѣтлорусъ шелъ дѣтина, приземистый,
Бородатъ да плечистъ, лапти драные,

Набивные порты, въ бѣломъ тѣльникѣ,
И пытали его силу крѣпкую —
Выпускали быка разъяреннаго.
И какъ быкъ побѣжалъ вдоль по выгону,
Ухватилъ его Янъ, не шелохнувшись
И ногою на пядень не сдвинувшись,
Какъ заялъ пятерней грудь рогатаго,
Такъ и вырвалъ клокъ мяса съ кожею.
Вышли въ поле тутъ княжьи глашатаи,
Вольный конъ по уставу размѣряли.
Становились на конъ поединщики;
Вѣстовая труба откликалася,
Борьба смертная начиналася...
Поглядѣлъ на бойца малорослаго,
Сталъ смѣяться силачъ надъ дѣтиною:
„Ужъ и гдѣ же бывало то видано,
Чтобъ такой мелкотой битву красили?
А остался бы лучше ты съ бабами,
Веретена-бъ строгалъ, спалъ безъ просыпу...“
Выходилъ парень Янъ на противника,
Словно вдругъ заробѣлъ, не умѣючи,
На врага-то и глянуть не смѣючи...
И схватились бойцы, крѣпко обнялись,
Будто братья родимые, кровные;
Они такъ ужъ и такъ изловчалися,
Какъ съ невѣстой женихъ цѣловалися.
Тутъ и дрогнули рати дозорныя,
Громкій кличъ пролетѣлъ надъ Днѣпромъ-рѣкой.
Парень Янъ подхватилъ Печенѣжина,
Подхватилъ онъ его, поприжалъ къ груди,
Да потомъ, какъ развелъ руки крѣпкія
И съ размаха ударилъ имъ о землю,
Инда вольная степь перекликнулась...
Поломалъ ему сразу всѣ кости онъ,
Всѣ суставы, всѣ ребра и голени...
Тутъ и смерть врагу приключилася.
Оробѣла орда, заметалася,
Во всѣ стороны вдругъ разбѣгалася.
А покамѣстъ бойцы свѣтло-русскіе
Выходили въ погоню за ворогомъ,
Свѣтелъ князь созывалъ слугъ-приспѣшниковъ,
Нарекалъ тѣ мѣста Переяславомъ, —
Переялъ-де онъ тамъ славу вражію...
И опять пили всѣ, прохлаждалися,
На честномъ пиру потѣшалися.
Они славили князя съ княгинею,
Первороднаго княжаго первенца,
Кіевъ-градъ, и весь свѣтъ, и веселіе...
На пиру тутъ сидѣли старѣйшины
И сложили такое вѣщаніе:
„Не удачей возьметъ, не уловкою,
Не мудреной какою сноровкою, —

Своей силой возьметъ Русь-кормилица:
Передъ ней же ничто не схоронится...
Какъ пойдетъ, — все на свѣтѣ сторонится!“

22. Святые Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ.

Письменность началась у насъ на Руси одновременно съ христіанствомъ. Для русскихъ людей, просвѣщенныхъ Христовою вѣрой, понадобились священныя и богослужебныя книги. Такія книги уже существовали на славянскомъ языкѣ у одноплеменниковъ нашихъ—Болгаръ и Сербовъ. Онѣ были привезены къ намъ и у насъ ихъ стали переписывать. Въ тѣ древнія времена славянскіе языки еще очень мало отличались одинъ отъ другого, и книги одного славянскаго народа были совершенно пригодны для другого. Апостолами-просвѣтителями славянъ, изобрѣтателями славянской азбуки и переводчиками книгъ на славянскій языкъ были св. братья Кириллъ (въ мірѣ Константинъ) и Меѳодій. Языкъ, на который они перевели св. писаніе, называется теперь церковнославянскимъ; предполагаютъ, что это былъ древне-болгарскій языкъ. Св. братья Кириллъ (827—869 г.) и Меѳодій († въ 885 г.) были дѣти вельможи и родились въ Солуни (Ѳессалоникахъ), главномъ городѣ Македоніи, странѣ, населенной по-преимуществу славянами. Старшій братъ, Меѳодій, послѣ домашняго воспитанія, вступилъ въ военную службу, былъ потомъ правителемъ одной славяно-греческой области, и затѣмъ оставилъ міръ и постригся на горѣ Олимпѣ. Младшій братъ, Кириллъ, отличавшійся блестящими способностями къ ученію, былъ воспитанъ въ Константинополѣ вмѣстѣ съ молодымъ императоромъ Михаиломъ; онъ учился наукамъ словеснымъ, философскимъ и математическимъ подъ руководствомъ знаменитаго Фотія, впослѣдствіи цареградскаго патріарха. Кирилла ожидали почести въ свѣтѣ; но онъ не прельстился этимъ, принялъ санъ священника и мѣсто библіотекаря при храмѣ Св. Софіи. Потомъ онъ ушелъ въ монастырь и, лишь по настоянію друзей, возвратился въ столицу и взялъ на себя должность учителя философіи; прозвище „философа“ сохранилось за нимъ навсегда. Первымъ апостольскимъ подвигомъ Кирилла было состязаніе съ магометанами, для котораго онъ былъ посланъ (въ 851 г.) къ митиленскому эмиру. По возвращеніи изъ этого путешествія, онъ удалился къ брату на Олимпъ. Предполагаютъ, что въ это время жизни на Олимпѣ св. братья и начали переводить священныя книги на славянскій языкъ; изобрѣтеніе славянской азбуки относится къ 855 году. По имени своего

творца азбука называется „кирилловской“. Въ основу ея припята была св. Кирилломъ греческая азбука; для тѣхъ же звуковъ славянскаго языка, для которыхъ не было буквъ въ греческомъ алфавитѣ, были взяты буквы изъ азбукъ еврейской, армянской и коптской, а нѣкоторыя буквы изобрѣтены вновь (таковы „юсы“). Азбука св. Кирилла сначала употреблялась у всѣхъ славянскихъ племенъ; но впослѣдствіи славяне западные приняли латинскую азбуку. Около 858 г. въ Константинополь прибыло посольство изъ хозарской земли, съ просьбою прислать мудраго учителя для споровъ съ Іудеями и Сарацинами. Императоръ Михаилъ и патріархъ Фотій послали къ Хозарамъ Кирилла и Меѳодія. Въ хозарскую страну надо было ѣхать черезъ Корсунь. Въ Корсуни братья открыли мощи священномученика Климента, папы римскаго. Хозарскій ханъ принялъ братьевъ дружелюбно, и хотя самъ не крестился, но позволилъ свободно креститься всякому. Въ хозарской землѣ, въ нынѣшней южной Россіи, жили различныя народности, были здѣсь и Славяне; такимъ образомъ, еще задолго до Владиміра Святого, въ предѣлахъ Русской земли уже была начата проповѣдь христіанства. Крестивъ около 200 человѣкъ, св. братья возвратились въ отечество.

Въ 862 году Кириллъ и Меѳодій посланы были въ славянскую страну Моравію, по просьбѣ моравскаго князя Ростислава. Здѣсь начинается главная дѣятельность св. братьевъ. Въ княжествахъ Моравскомъ и Паннонскомъ (гдѣ нынѣ Венгрія и Чехія) христіанство уже было проповѣдано нѣмецкимъ латинскимъ духовенствомъ, но латинское духовенство не дало новымъ христіанамъ св. Писанія на родномъ языкѣ и богослуженіе устраивало на языкѣ латинскомъ, исходя изъ убѣжденія, что для христіанства пригодны только три языка: еврейскій, греческій и римскій. По этимъ причинамъ проповѣдь нѣмецкаго духовенства оказалась безуспѣшной. Св. братья Кириллъ и Меѳодій, начавъ учить Славянъ Христовой вѣрѣ, дали имъ священныя и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ, на немъ же учредили богослуженіе; они начали заводить и училища. И христіанство стало быстро распространяться. Тогда нѣмецкое духовенство изъ зависти принесло жалобу въ Римъ, и папа Николай I вызвалъ св. братьевъ къ себѣ на судъ. Они отправились въ Римъ (въ то время еще не было раздѣленія Церкви, и только что начинались несогласія между Римомъ и Византіей). Между тѣмъ папа Николай умеръ, и преемникъ его Адріанъ, узнавъ, что братья несутъ съ собою св. мощи папы Климента, встрѣтилъ ихъ

торжественно за городомъ. Кириллъ представилъ папѣ Евангеліе на славянскомъ языкѣ, и папа положилъ переводъ на престолъ въ соборѣ Св. Петра. Св. Кириллъ въ Римѣ заболѣлъ и скончался, принявъ передъ смертію схиму. Умирая, онъ убѣждалъ Меѳодія не покидать пути проповѣданія и распространенія вѣры. Папа Адріанъ рукоположилъ Меѳодія во епископы Моравіи, отпустилъ его съ честью и далъ ему буллу, въ которой призналъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ законнымъ. По возвращеніи Меѳодія къ славянамъ, враги не оставили его въ покоѣ; не успѣвъ въ Римѣ, они стали дѣйствовать на свѣтскую власть, возбудили противъ него императора Людовика и добились того, что Меѳодій былъ посаженъ въ заточеніе, гдѣ и пробылъ два съ половиною года. Освобожденный наконецъ, вновь оклеветанный передъ папою и вновь оправданный имъ, св. Меѳодій продолжалъ свое великое дѣло. По кончинѣ его, латинскій языкъ получилъ господство въ богослуженіи въ Моравіи, и ученики св. Меѳодія, изгнанные изъ этой страны, ушли въ другія славянскія земли, главнымъ образомъ, въ Болгарію. Болгарія на долгое время сдѣлалась хранительницею славянскаго духовнаго просвѣщенія. Когда же, спустя сто лѣтъ послѣ кончины св. Меѳодія, христіанская вѣра окончательно утвердилась на Руси, и Русскій народъ крещенъ былъ княземъ Владиміромъ Святымъ, тогда Русскій народъ сталъ главнымъ хранителемъ православія и славянскаго просвѣщенія. Поэтому и память славянскихъ просвѣтителей дорога намъ, Русскимъ, болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ славянамъ.

Мы чтимъ святыхъ Кирилла и Меѳодія за то, что они своимъ переводомъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ сдѣлали евангельское ученіе доступнымъ пониманію нашихъ предковъ. Благодаря ихъ славянскому переводу священныхъ и богослужебныхъ книгъ, благодаря введенному ими славянскому богослуженію, христіанство легко распространилось въ Русскомъ народѣ; церковь сдѣлалась для Русскихъ людей не только домомъ молитвы, но и училищемъ православной вѣры. Православная вѣра сдѣлалась такъ близка Русскому народу, такъ съ нимъ сроднилась, что Русскій народъ полагаетъ въ ней все свое спасеніе. Стоять за православную вѣру всегда значило и значитъ для насъ то же, что стоять за отечество. Потому-то православная вѣра была всегда опорою и поддержкою Русскаго народа и государства въ трудныхъ обстоятельствахъ. Въ теченіе тысячелѣтняго своего существованія Русскій народъ не мало перенесъ испытаній, не разъ подвергалась опасности даже самая его независимость; но всегда въ православной

вѣрѣ находили Русскіе люди утѣшеніе въ страданіяхъ, въ ней почерпали силы и надежду на избавленіе. Изобрѣтеніемъ славянскихъ письменъ и славянскимъ переводомъ священныхъ книгъ Кириллъ и Меѳодій положили начало нашему просвѣщенію. Утвержденіемъ православной вѣры и славянскаго просвѣщенія они сообщили Русскому народу духъ единенія и тѣмъ содѣйствовали его силѣ и величію. На обширномъ пространствѣ нашего отечества отдѣльныя части Русскаго народа на сотни и тысячи верстъ удалены другъ отъ друга; есть иногда не малая разница между жителями нѣкоторыхъ мѣстностей въ образѣ жизни, въ одеждѣ, въ обычаяхъ, даже въ разговорѣ; но въ какой бы отдаленной части своего отечества ни находился Русскій человѣкъ, онъ тотчасъ почувствуетъ себя на родинѣ, какъ только войдетъ въ церковь и услышитъ тамъ знакомое чтеніе и пѣніе, увидитъ тѣ же самые обряды, къ которымъ онъ привыкъ съ младенческихъ лѣтъ. Такъ церковный, кирилло-меѳодіевскій славянскій языкъ издревле роднилъ и сближалъ всѣ части Русскаго народа, и сдѣлалъ возможнымъ то, что отдѣльныя русскія племена, въ древности составлявшія отдѣльныя княжества, мало-по-малу соединились въ одно государство, подъ властію одного царя, слились въ единый Русскій народъ. Сознаніе же народнаго единства всегда давало и даетъ Русскому народу могущество и силу.

23. Сыновья св. Владиміра.

Послѣ смерти Владиміра Святого осталось нѣсколько сыновей отъ разныхъ матерей, потому что, будучи въ язычествѣ, Владиміръ имѣлъ много женъ. Какъ вездѣ тогда водилось, Владиміръ еще при жизни разослалъ сыновей княжить по разнымъ городамъ; когда онъ умеръ, то старшій Святополкъ сталъ княжить въ Кіевѣ, но онъ боялся младшаго брата Бориса, которому отецъ далъ Ростовскую область; Борисъ былъ любимый сынъ у отца, да и всѣ его любили, потому что онъ былъ вмѣстѣ и храбръ, и добръ, и кротокъ необыкновенно. Владиміръ, разнемогшись передъ смертью и слыша, что идутъ Печенѣги, послалъ противъ нихъ Бориса съ дружиною и войскомъ, собраннымъ изъ кіевлянъ. Борисъ не нашелъ Печенѣговъ и возвращался въ Кіевъ, какъ вдругъ получилъ вѣсть о смерти Владиміра. Когда онъ горько плакалъ, отцовская дружина и войско сказали ему: „Вотъ у тебя отцовская дружина и войско, пойди сядь въ Кіевѣ на отцовскомъ столѣ“. Но Борисъ отвѣчалъ: „Не подниму руки на брата старшаго; если и отецъ у меня умеръ, то

пусть Святополкъ будетъ мнѣ вмѣсто отца". Услышавъ такой отвѣтъ, дружина и войско разошлись отъ Бориса, который остался съ одними своими слугами. Между тѣмъ Святополкъ задумалъ беззаконное дѣло и послалъ сказать Борису: „Хочу съ тобою дружно жить и придамъ тебѣ еще къ той волости, которую получилъ ты отъ отца". Но все это былъ обманъ; онъ хотѣлъ погубить его и ночью отправилъ убійцъ. Когда убійцы подкрались къ шатру, то услыхали, что Борисъ поетъ заутреню. Помолившись, онъ легъ въ постель, и тогда убійцы, какъ дикіе звѣри, напали на шатеръ, просунули въ него копья и прикололи Бориса. Вмѣстѣ съ нимъ прикололи и любимаго слугу его Георгія, который палъ на него, желая тѣломъ своимъ защитить господина; тутъ же было побито и много другихъ слугъ Борисовыхъ. У Бориса былъ братъ любимый Глѣбъ, князь муромскій, отъ одной съ нимъ матери. Святополкъ началъ думать: „Вотъ я убилъ Бориса: какъ бы убить Глѣба?" и послалъ сказать ему обманомъ; „Пріѣзжай сюда въ Кіевъ поскорѣе, отецъ тебя зоветъ, онъ очень боленъ". Глѣбъ немедленно сѣлъ на коня и пошелъ съ малою дружиной. На дорогѣ онъ узналъ, что отецъ его Владиміръ умеръ, а любимый братъ Борисъ убитъ. Когда Глѣбъ, получивши эту страшную вѣсть, молился съ горькими слезами, вдругъ явились убійцы, посланные Святополкомъ; слуги Глѣбовы обмерли отъ страха, и начальникъ убійцъ тотчасъ же велѣлъ зарѣзать князя, что и было исполнено поваромъ Глѣбовымъ.

Святополкъ началъ думать: „Перебью всѣхъ своихъ братьевъ и стану владѣть одинъ Русскою землей". Но одинъ изъ его братьевъ, Ярославъ Владиміровичъ, княжившій въ Новгородѣ, не хотѣлъ допустить его до новыхъ злодѣйствъ и шелъ съ войскомъ къ Кіеву; Святополкъ отправился къ нему навстрѣчу, былъ разбитъ подлѣ Любеча и убѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ сѣлъ княжить въ Кіевѣ. Но Святополкъ не оставилъ его въ покоѣ; скоро онъ возвратился на Русь съ польскимъ королемъ Болеславомъ, который взялся помогать ему. Ярославъ не успѣлъ приготовиться, былъ побѣжденъ и убѣжалъ только самъ пятъ въ Новгородъ, а Болеславъ вошелъ въ Кіевъ съ Святополкомъ. Когда Ярославъ прибѣжалъ въ Новгородъ и хотѣлъ уже оттуда плыть за море, то новгородцы разсѣкли лодки его, сказавъ: „хотимъ еще биться съ Болеславомъ и Святополкомъ". Они начали собирать деньги, призвали Варяговъ, роздали имъ жалованье, и у Ярослава оказалось много войска. Болеславъ все жилъ въ Кіевѣ, а дружина его была разведена по городамъ; чтобы выжить его поскорѣе отъ себя, Святополкъ сказалъ своимъ: „Сколько

ни есть Поляковъ по городамъ, бейте ихъ",—и Поляковъ перебили. Болеславъ ушелъ изъ Кіева, а Святополкъ началъ здѣсь княжить; но услыхалъ, что Ярославъ идетъ на него, ушелъ къ Печенѣгамъ за войскомъ. Набравши множество Печенѣговъ, Святополкъ возвратился и встрѣтился съ Ярославомъ на рѣкѣ Альтѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Сѣча была злая, какой еще не бывало на Руси; начали биться, какъ только показалось солнце, схватывались трижды, къ вечеру одолѣлъ Ярославъ; Святополкъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти, заслуживши проклятіе отъ русскихъ людей и постоянное прозвище окаяннаго; братья же, отъ него погибшіе, Борисъ и Глѣбъ, причтены къ лику святыхъ.

24. Ярославъ Мудрый (1019—1054 г.).

По смерти всѣхъ своихъ братьевъ Ярославъ объединилъ всю Русскую землю подъ своею властію. Прочно утвердившись на кіевскомъ престолѣ, Ярославъ отправился къ своимъ вѣрнымъ союзникамъ—новгородцамъ и посадилъ у нихъ княземъ своего старшаго сына Владиміра. Въ то время, какъ Ярославъ былъ въ Новгородѣ, пришла къ нему вѣсть, что Печенѣги осаждаютъ Кіевъ. По этой вѣсти онъ собралъ Варяговъ и новгородцевъ, пустился къ Кіеву, дошелъ и успѣлъ тайкомъ прокрасться въ городъ. Вокругъ всего Кіева стояли Печенѣги огромнымъ обозомъ, по теперешнему лагеремъ; ихъ было нѣсколько ордъ. Ярославъ не думалъ отсиживаться за стѣнами города; устроивши полки, онъ выступилъ къ Печенѣгамъ и сталъ передъ городомъ. Печенѣги первые сдѣлали нападеніе, и началась жестокая сѣча, продолжавшаяся цѣлый день, и только къ вечеру Печенѣги были сбиты на всѣхъ мѣстахъ и обратились въ бѣгство въ разныя стороны, не зная кто куда; и никто изъ нихъ не вернулся назадъ въ свое кочевье. Это былъ послѣдній набѣгъ Печенѣговъ; въ степяхъ, гдѣ они жили, на Дону и Волгѣ уже явились новые кочевники—Половцы, отъ которыхъ Печенѣгамъ болѣе не было житья, оттого-то они и бились подъ Кіевомъ цѣлый день и не воротились назадъ въ свои степи; имъ некуда было возвращаться, кочевье ихъ было разорено.

Ярославъ, побѣдивъ Печенѣговъ, торжествовалъ побѣду не пирами, а построеніемъ около Кіева новыхъ стѣнъ съ златыми воротами, по образу златыхъ воротъ цареградскихъ, и построеніемъ великолѣпнаго храма св. Софіи, Премудрости Божіей, на томъ мѣстѣ, гдѣ была послѣдняя битва съ Печенѣгами. Потомъ Ярославъ

построилъ еще церковь Благовѣщенія на златыхъ вратахъ и монастыри св. Георгія и св. Ирины. Ярославъ во святомъ крещеніи получилъ имя Георгія, или Юрія, жена его была во св. крещеніи Ирина, а роду она была королевскаго изъ варяжской страны. Вообще Ярославъ, не уступавшій Владиміру въ воинскихъ подвигахъ, далеко не походилъ на отца въ мирной жизни. О пирахъ Ярослава нѣтъ и помину ни въ одномъ преданіи, а напротивъ въ древнемъ писаніи говорится, что при Ярославѣ вѣра христіанская начала плодиться и расширяться, что появились въ Кіевѣ чернецы многіе, что князь этотъ любилъ церковные уставы, былъ расположенъ къ священникамъ и особенно любилъ монаховъ, читалъ книги и днемъ и ночью, собралъ множество писцовъ и переводчиковъ. При немъ и по его приказу много было переведено греческихъ книгъ на церковный славянскій языкъ и много ихъ переписано. Ярославъ заботился, чтобы новопросвѣщенные христіане, т.-е. Русскіе, не только вѣровали, но и поучались и наслаждались божественнымъ ученіемъ. Ярославъ, когда была отстроена Софійская церковь, украсилъ ее золотомъ и серебромъ и драгоцѣнными церковными сосудами и положилъ въ ней написанныя по его приказанію книги, т.-е. устроилъ при этой церкви книгохранилище, также какъ было устроено книгохранилище при Софійской церкви въ Константинополѣ. Софійскій соборъ, построенный Ярославомъ, сохранился въ цѣлости до нашего времени. Въ этомъ храмѣ Пресвятая Богородица изображена на сводѣ, надъ главнымъ алтаремъ, съ воздѣтыми горѣ руками. Яркими цвѣтами блестятъ ея одежды подъ покровомъ, опоясывающимъ ее. Подъ стопами блестящій коверъ; все поле иконы золотое. Если посмотрѣть попристальнѣе, то легко можно замѣтить, что икона не писана красками, а составлена изъ мелкихъ каменьевъ разныхъ цвѣтовъ. Это искусство составлять иконы и узоры изъ мелкихъ камней или разноцвѣтнаго стекла называется мозаическимъ искусствомъ, или мусіею. Кромѣ несокрушимыхъ временемъ мозаическихъ иконъ, въ Софійскомъ соборѣ сохранились и древнія изображенія красками по стѣнамъ, столпамъ и въ сводахъ. Многія изъ этихъ изображеній были въ недавнее время открыты подъ новою штукатуркою. Въ Цареградѣ былъ храмъ Св. Софіи. Красотою, благолѣпіемъ и величиною храмъ этотъ превосходилъ всѣ храмы міра. Въ честь и подражаніе этой цареградской святынѣ задумалъ Ярославъ построить кіевскую Софію. Строитель церкви во имя Софіи, Ярославъ самъ прослылъ мудрымъ. Онъ прославился составленіемъ законовъ, извѣстныхъ

подъ именемъ „Русской Правды“ Владиміръ Святой вмѣстѣ съ христіанствомъ утвердилъ въ Россіи и порядокъ греческой церкви. Русская церковь составила особую митрополію, зависимую отъ патріарха константинопольскаго. Зависимость эта выражалась въ особенности тѣмъ, что патріархъ ставилъ митрополита кіевскаго. При Ярославѣ въ первый разъ былъ созванъ соборъ изъ русскихъ епископовъ, и соборомъ этимъ былъ поставленъ на митрополію священникъ изъ села Берестова, подъ Кіевомъ, Иларіонъ, отличавшійся мудростію, книжною ученостью и благочестіемъ. Этотъ Иларіонъ является такимъ образомъ первымъ кіевскимъ митрополитомъ русскаго происхожденія. Поставленіемъ Иларіона однако не была нарушена связь русской церкви съ греческой. И русская церковь много вѣковъ послѣ того любила посылать избраннаго въ митрополиты всея Руси іерарха въ Царьградъ, гдѣ онъ утверждался въ своемъ званіи патріархомъ.

Ярославъ дожилъ до глубокой старости. Смерть постигла его на 76 году отъ роду въ Вышгородѣ, въ 15 верстахъ отъ Кіева, въ февралѣ 1054 года. Тѣло покойнаго князя, по тогдашнему обычаю, положили на сани, съ молитвами и церковными пѣснопѣніями перевезли въ Кіевъ и опустили въ мраморную гробницу, которая поставлена въ одномъ изъ придѣловъ воздвигнутаго Ярославомъ Софійскаго собора. Создатель многихъ церквей, Ярославъ прославляется въ древнихъ писаніяхъ за любовь къ церкви, ея уставамъ, за любовь къ чину духовному, въ особенности же за прилежное чтеніе книгъ. Онъ многихъ русскихъ научилъ вѣрѣ, и умножились при немъ священники, и вѣра христіанская распространилась по нашей землѣ. Имя Ярослава осталось до сихъ поръ въ построенномъ имъ городѣ Ярославлѣ на Волгѣ и въ другомъ городѣ Юрьевѣ (Дерптѣ), въ землѣ чудской. Въ Новгородѣ при жизни Ярослава сыномъ его, княземъ Владиміромъ, былъ сооруженъ донынѣ существующій соборъ, названный также Софійскимъ, но посвященный самому Спасителю, а не Богородицѣ, какъ Софійскій храмъ кіевскій. Въ Новгородѣ главнымъ мѣстомъ народныхъ совѣщаній и суда былъ въ теченіе многихъ вѣковъ дворъ Ярославовъ. Но въ Кіевѣ еще живѣе его память: тамъ неприкосновенно сохранилась его мраморная гробница, подъ сводами Св. Софіи.

25. Грамота и просвѣщеніе въ древней Руси.

Изъ Греціи вмѣстѣ съ христіанствомъ пришло на Русь и просвѣщеніе, появились у насъ и первыя книги. Это были книги

церковныя. Кириллъ и Меѳодій перевели ихъ съ греческаго на языкъ, которымъ тогда говорили западные Славяне; понятенъ былъ этотъ языкъ тогда и Русскимъ. Когда-то всѣ Славяне были однимъ народомъ и говорили однимъ языкомъ. Потомъ, когда Славяне разселились въ разныя стороны, появились отдѣльные славянскіе народы: Сербы, Чехи, Поляки, Русскіе. И языкъ понемногу измѣнялся, у каждаго народа становился особымъ. Теперь уже Русскому трудно понять Поляка или Болгарина, а во времена первыхъ русскихъ князей языки славянскихъ народовъ еще мало отличались одинъ отъ другого. Намъ теперь непонятны ужъ многія слова и выраженія въ церковныхъ книгахъ, а когда-то наши предки сами почти такъ говорили. Только мало было людей, умѣющихъ читать эти книги. А для церковной службы нужны были грамотные люди. Первыми священниками были у насъ Болгары или знающіе славянскій языкъ Греки; они обучали грамотѣ Русскихъ по часослову или по псалтирю. Владиміръ открылъ въ Кіевѣ первую русскую школу на 300 человѣкъ, чтобы подготовлять грамотныхъ священниковъ. Для начала пришлось силой вербовать учениковъ; матери, приводя сыновей, плакали и причитали, какъ надъ покойниками: они думали, что надъ ихъ дѣтьми Богъ знаетъ что̀ сдѣлаютъ. Люди знатные, близкіе къ князю, стали первые охотно обучать своихъ дѣтей; ихъ примѣру понемногу слѣдовали и другіе. Ярославъ Мудрый, открылъ новое большое училище въ Новгородѣ. Стали у насъ и переписывать книги. О печатаніи въ старину и помину не было. Не водилось и такой легкой, дешевой бумаги, какая у насъ имѣется теперь. Вмѣсто нея писали на толстыхъ прочныхъ листахъ пергамента (по славянски харатья); пергаментъ выдѣлывался изъ бараньей, свиной и козьей кожи и стоилъ очень дорого. Обученные писцы переписывали книги на продажу и по заказу. Списывали медленно, съ полнымъ вниманіемъ, чтобы не портить дорогого матеріала, а также, чтобы всякій человѣкъ, хоть и не весьма твердый въ грамотѣ, могъ читать рукопись. Зато и умѣли въ старину писать красиво и крупно; глядя на старинное письмо, трудно повѣрить, что строки выводили отъ руки. Каждая буква выводилась отдѣльно, прямо, безъ закругленій, большія буквы бывали узорчатыми. Такой прямой, крупный почеркъ называли „уставомъ“. Иноки въ монастыряхъ много поработали надъ книгами. Кіево-Печерская Лавра славилась на всю Русь своими книжниками. Цѣлая мастерская была въ кельѣ преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго; искусный писецъ, отецъ Иларіонъ, часто день и ночь проспживалъ здѣсь за писаніемъ; св. Никонъ

тутъ же работалъ надъ переплетами книгъ; самъ неутомимый Ѳеодосій садился съ ними прясть нитки, необходимыя для переплета, и пѣлъ псалтирь для назиданія трудящихся. Вслѣдъ за церковными книгами появились на Руси и книги для чтенія—по большей части благочестиваго и нравоучительнаго содержанія. Сначала эти книги шли изъ Болгаріи и только переписывались на Руси. Потомъ наконецъ Русскіе сами стали переводить греческія книги и писать собственныя сочиненія. Первыми писателями были у насъ митрополиты, архіереи и монахи; первыми сочиненіями—проповѣди, поученія и посланія. Ходили у насъ переведенныя съ греческаго историческія книги: въ этихъ книгахъ описывались разныя событія, дѣянія царей, жизнь великихъ людей. По примѣру Грековъ, въ монастыряхъ старцы, начитанные и много видавшіе на своемъ вѣку, начали сами записывать въ книги то, что дѣлалось на Руси: они описывали дѣянія русскихъ князей, войны съ сосѣдними народами, народныя бѣдствія, неурожаи, пожары и проч. Чего старцы сами не видали, про то имъ разсказывали заѣзжіе богомольцы и странники. Толпами стекались, бывало, богомольцы къ святынямъ монастырскимъ, особенно въ Кіевскую Лавру; и образованный монахъ-книжникъ узналъ изъ ихъ разсказовъ, что дѣлается въ разныхъ концахъ Русской земли. Старцы записывали событія въ книги по годамъ: въ такое-то лѣто было то-то... Отъ этого самыя книги стали называться лѣтописями. Изъ такихъ лѣтописей мы узнаемъ о томъ, что̀ было въ старину на Русской землѣ. Самымъ знаменитымъ лѣтописцемъ былъ преп. Несторъ (1056—1114 г.), инокъ Кіево-Печерской Лавры. Сами Русскіе князья иногда бывали большими любителями книгъ, собирали въ свои хоромы десятки писцовъ, которые переписывали имъ рукописи. Многіе князья сами помогали писцамъ; переписывать книги считали дѣломъ богоугоднымъ,—книги просвѣщали христіанъ.

26. Русская Правда.

При Ярославѣ и слѣдующихъ князьяхъ составленъ нашъ первый русскій сборникъ законовъ—„Русская Правда“. Въ старину ссоры и споры разбирали старики—родоначальники или выборные старшины; потомъ стали судить намѣстники князя. Судили по старымъ обычаямъ. За большія преступленія—воровство, убійство, грабежъ—преступникамъ отплачивали жестокой местью самъ потерпѣвшій или его родственники. Не мстить за смерть родственника счи-

талось позорнымъ. По „Русской Правдѣ“ установлены вмѣсто кровавой мести денежные штрафы. Такой штрафъ назывался „вира“. Платилъ виру преступникъ, часть виры шла въ казну князя за судебныя издержки, а другую часть выдавали потерпѣвшему отъ преступленія. Въ старину на Руси денегъ водилось очень мало; поэтому вира была очень тяжкимъ наказаніемъ. А кто не могъ выплатить виры, того отдавали въ рабство пострадавшему. Виры были разныя, смотря по преступленію; большія—за убійство, меньшія—за нанесеніе раны, самыя мелкія—за мелкое воровство. Разная также бралась вира, смотря по тому, кто потерпѣлъ отъ преступленія: боярин, простой человѣкъ или рабъ (холопъ). Такихъ сословій, какія потомъ явились на Руси, тогда еще не было. Въ началѣ всѣ русскіе люди были одинаково свободны и другъ съ другомъ равноправны. Понемногу потомъ возвысились „княжьи мужи“ или „бояре“, т.-е. близкіе къ князю люди изъ его дружины. Боярамъ князь давалъ выгодныя должности. Вмѣсто жалованья отъ князя, княжескому намѣстнику полагалось брать съ народа дань или „кормленіе“. Но и князь часто давалъ своимъ приближеннымъ богатые дары, дѣлился съ ними захваченною на войнѣ добычею. Такъ бояре сильно богатѣли. На свои богатства они вели крупную торговлю. Было у нихъ много и земель во владѣніи. На боярскихъ земляхъ работали купленные боярами рабы и бобыли-крестьяне. Чѣмъ больше богатѣли бояре, тѣмъ выше себя считали. Тогда и установленъ былъ двойной штрафъ за убійство княжого мужа; а раньше жизнь каждаго человѣка цѣнилась одинаково. Остальные русскіе люди, горожане, купцы и крестьяне, назывались просто „люди“. Всѣ они были людьми свободными, имѣли одинаковыя права и одинаковыя обязанности: имѣли право участвовать въ обсужденіи общихъ дѣлъ на народномъ вѣчѣ и обязаны были давать дань на содержаніе князя и дружины; а въ случаѣ нужды должны были сами снаряжаться въ войско на подмогу княжеской дружинѣ. По закону бояре особой власти надъ народомъ не имѣли. Но по своему богатству иной разъ боярин господствовалъ надъ людьми небогатыми. Не хватаетъ у крестьянина денегъ на поправку хозяйства или на выплату долга или на военное снаряженіе—и приходится кланяться богатому боярину, просить ссуду. Случалось, что взявшій ссуду крестьянинъ не могъ ее выплатить; тогда приходилось идти къ боярину въ кабалу, отрабатывать ссуду съ процентами, а проценты въ старину были большіе, не легко было ихъ отработать. А попробуетъ должникъ бѣжать, не заплативъ долга, тогда его со-

всѣмъ отдавали въ рабство заимодавцу: онъ становился „холопомъ“. Холопъ или рабъ—ужъ не былъ полноправнымъ гражданиномъ; его и въ судъ не вызывали, за его проступки отвѣчалъ его господинъ. Раба можно было продавать и покупать, какъ рабочій скотъ. Рабство было въ старину несчастьемъ, въ которое могъ впасть всякій бѣдный человѣкъ. Захваченные на войнѣ плѣнники всѣ дѣлались рабами, если не давали выкупа. Отдавались въ рабство и преступники, если они не платили виры. За рабовъ заступалось духовенство. Священники внушили православнымъ обычай отпускать передъ смертью по духовной на волю рабовъ; проповѣдывали они, чтобы со всѣхъ мірянъ собирали деньги на выкупъ плѣнныхъ изъ неволи и должниковъ отъ заимодавцевъ. Холопы, отпущенные по духовному завѣщанію, переходили подъ покровительство церкви. Бывало и такъ, что по завѣщанію господинъ не прямо отпускалъ на волю холоповъ, а отдавалъ ихъ храму или монастырю или архіерейскому дому, тогда эти холопы переходили подъ власть духовенства. Много было въ древней Руси людей, подвластныхъ церкви: кромѣ церковнаго причта и монаховъ, считались церковными людьми всѣ бѣдные, увѣчные и нищіе, призрѣваемые при церквахъ и богадѣльняхъ, и всѣ работники и челядь въ церковныхъ имѣніяхъ; этихъ людей и судили не князь и княжескіе намѣстники, а митрополитъ и епископы.

27. Святые Антоній и Ѳеодосій.

Въ первое время послѣ принятія Русью христіанства язычество еще продолжало жить въ народѣ. Народъ, нося на шеѣ крестъ, еще служилъ своимъ языческимъ богамъ, праздновалъ языческіе праздники, велъ языческую жизнь. Жить въ такомъ кругу было не по душѣ принявшимъ на дѣлѣ христіанскую вѣру, просвѣщеннымъ ученіемъ Христа. И такіе люди стали удаляться изъ міра въ лѣса и пещеры, и тамъ вдали отъ міра спасать свою душу. Выкопавъ пещеру, срубивъ келью, такіе отшельники жили тутъ въ трудахъ, постѣ и молитвахъ. Прослышавъ о нихъ и ихъ подвижнической жизни, къ нимъ приходили міряне, чтобы поучиться у нихъ жизни во Христѣ. Пришедшіе строили себѣ тоже келіи, и такимъ образомъ вокругъ одного отшельника собиралась цѣлая братія. Братія выбирала себѣ настоятеля и заводила чинъ, порядокъ. Такъ прежняя одинокая пещера ушедшаго отъ міра отшельника обращалась въ монастырь. Такъ основались многіе монастыри, также основался и старѣйшій и славнѣйшій русскій монастырь Кіево-Печерскій. Иногда

монастыри основывались богатыми людьми и князьями, дѣлавшими это для спасенія души. „Много монастырей поставлено отъ царей и бояръ на богатомъ иждивеніи, говоритъ древне-русскій книжникъ: но не таковы эти монастыри, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ, молитвою, бдѣніемъ“. Истинно христіанская и труженническая жизнь такихъ монастырей служила хорошимъ примѣромъ для мірянъ. Міряне, приходя въ монастырь и видя подвижническую жизнь монаховъ, сами проникались христіанствомъ и оставляли язычество. Такъ монастыри открыли новый путь въ народъ для христіанской вѣры. Строились монастыри на дѣвственной землѣ, близъ воды и лѣса. Чтобъ жить безъ чужой помощи, нужно было распахать эту дѣвственную землю и засѣять ее. За это и принимались основатели монастырей. Они выкорчевывали лѣсъ и заводили хозяйство. Къ нимъ шли крестьяне и садились на монастырскую землю. Забота о пропитаніи братіи дѣлала, такимъ образомъ, монастырь сельскимъ хозяиномъ.

Основателями Кіево-Печерскаго монастыря были два подвижника св. Антоній и Ѳеодосій. Антоній родился въ мѣстечкѣ Любечѣ, неподалеку отъ Чернигова. Съ юныхъ лѣтъ онъ отличался благочестіемъ и набожностью. Онъ странствовалъ по Греціи и достигъ св. горы Аѳонской, гдѣ было нѣсколько монастырей. Благочестивая жизнь въ этихъ обителяхъ такъ пришлась ему по душѣ, что онъ пожелалъ принять монашество и поселиться въ одной изъ обителей. Игуменъ постригъ его въ монахи. Поселился Антоній въ уединенной пещерѣ и началъ свою подвижническую жизнь. Видя его благочестіе и строгую жизнь, игуменъ, постригшій его, сказалъ ему: „Иди опять въ Русскую землю, да будетъ съ тобою благословеніе святой горы. Отъ тебя произойдетъ множество монаховъ“. Пришелъ Антоній въ Кіевъ, долго искалъ себѣ мѣсто, обходилъ всѣ монастыри, но нигдѣ не хотѣлъ остаться. Тогда началъ онъ ходить по горамъ и лѣсамъ близъ Кіева и, наконецъ, нашелъ себѣ мѣсто, небольшую пещеру въ лѣсу, у берега Днѣпра, и поселился здѣсь. Пещеру эту выкопалъ Иларіонъ, священникъ изъ села Берестова, бывшій тогда митрополитомъ Кіева. Иларіонъ любилъ уединяться для молитвы въ лѣсу и на случай непогоды выкопалъ себѣ въ крутомъ обрывѣ прибрежнаго холма небольшую пещеру. Антоній прорылъ ему пещерку поглубже и поселился здѣсь (1051 г.). Онъ пребывалъ постоянно въ молитвѣ, трудахъ, не давалъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Сухой хлѣбъ, и то черезъ день, былъ его пищею, простая вода—единственнымъ напиткомъ. Скоро провѣдали

люди о подвижнической жизни Антонія. Стали приходить къ нему набожные люди за благословеніемъ. Нашлись между ними и такіе, что стали просить у него позволенія поселиться близъ него и вести жизнь по его примѣру. Первый поселился подлѣ него Никонъ, а потомъ пришелъ Ѳеодосій.

Родился Ѳеодосій неподалеку отъ Кіева, въ городкѣ Васильевѣ. Родителямъ его пришлось вскорѣ переселиться отсюда въ Курскъ. Здѣсь провелъ Ѳеодосій свое отрочество. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ обнаруживалъ набожность и благочестіе. Церковь Божья была первымъ его училищемъ. Любилъ онъ слушать въ церкви чтеніе божественныхъ книгъ, дѣтскихъ игръ чуждался, не любилъ богатой цвѣтной одежды. Напрасно принуждали его родители надѣвать богатые наряды и играть съ дѣтьми. Скоро онъ научился грамотѣ у одного изъ городскихъ учителей. Тринадцати лѣтъ онъ лишился отца. Однажды Ѳеодосій при чтеніи Евангелія услышалъ слова: „аще кто не оставитъ отца и мать и вслѣдъ Мене не идетъ, нѣсть Мене достоинъ“, и далѣе: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы“. На этотъ разъ слова эти особенно сильно подѣйствовали на Ѳеодосія. Онъ рѣшилъ уйти изъ дому во что бы ни стало. Слышалъ онъ, что въ Кіевѣ есть монастыри, тамъ думалъ онъ найти пріютъ. Дороги въ Кіевъ онъ не зналъ. По счастію для него шелъ въ это время купеческій обозъ въ Кіевъ; Ѳеодосій пошелъ слѣдомъ за нимъ, не упуская его изъ виду. Такимъ образомъ добрался онъ до Кіева. Услыхалъ онъ объ Антоніи и пришелъ къ нему. Увидѣвъ его, Ѳеодосій поклонился ему до земли и со слезами сталъ умолять, чтобы онъ принялъ его къ себѣ. „Чадо, сказалъ Антоній, видишь ли эту пещеру? Мѣсто это печальное, тѣсное, ты же еще юнъ и, думаю, не снесешь ты печали въ этомъ мѣстѣ“. — „Честной отецъ, отвѣчалъ Ѳеодосій, ты знаешь, что Богъ привелъ меня къ тебѣ. Все, что только ты велишь, буду я дѣлать“. Тогда Антоній благословилъ Ѳеодосія и велѣлъ Никону постричь его и возложить на него черныя монашескія ризы. Молва о днѣпровской пещерѣ и трехъ подвижникахъ ея: Антоніи, Никонѣ и Ѳеодосіи далеко разнеслась по Русской землѣ. Со всѣхъ концовъ ея стала стекаться братія изъ всѣхъ сословій. По недолгомъ времени, съ благословенія Антонія, братія Печерскаго монастыря избрала Ѳеодосія своимъ игуменомъ. Первыми заботами Ѳеодосія въ игуменствѣ была постройка церкви и введеніе монастырскаго устава. Недалеко отъ пещеры нашелъ Ѳеодосій удобное мѣсто для церкви, построилъ тамъ церковь во имя Пресв. Богородицы, выстроилъ около

нея кельи. Ѳеодосій ввелъ въ своемъ монастырѣ уставъ Студійскаго Константинопольскаго монастыря. Правила этого устава очень строги. Общая молитва всей братіи въ церкви считается выше одиночной, келейной. У иноковъ должна быть общая трапеза. Пищу вкушать за братской трапезой должны были безмолвно, внимая чтенію. Безъ благословенія игумена никто не смѣлъ ни ѣсть, ни держать хлѣба или воды въ кельѣ, ни ѣсть ягоды въ полѣ. Имущество у иноковъ должно быть общее, даже одежда. Никто не могъ назвать ничего своимъ. Даже въ разговорѣ запрещалось употреблять слова: мое, собственное, твое. Инокъ не долженъ былъ принимать милостыни ни отъ кого. Взять что-либо у кого-нибудь позволялось не иначе, какъ съ благословенія игумена. Инокамъ не позволялось ходить по келіямъ, другъ къ другу. Безъ разрѣшенія игумена никто не смѣлъ выходить за монастырскія ворота. Разныя ремесла и искусства составляли занятія иноковъ въ досужее время отъ молитвы. Такимъ образомъ монастырь устраивался, болѣе и болѣе расширялся, число братіи увеличивалось. Благодаря вкладамъ и пожертвованіямъ, монастырь все больше и больше богатѣлъ. Задумалъ Ѳеодосій воздвигнуть большую каменную церковь въ честь Успенія Богородицы. Великій князь Святославъ подарилъ для новой церкви хорошее мѣсто близъ стараго Печерскаго монастыря и пожертвовалъ большія деньги (около ста гривенъ золота) на сооруженіе ея. Были и другія пожертвованія. Закладка церкви происходила въ 1073 году. Ѳеодосій съ братіею ежедневно работалъ при постройкѣ и помогалъ мастерамъ. Но не пришлось ему дожить до окончанія ея: онъ сильно занемогъ и скончался 3-го мая 1074 года на 65-мъ году отъ роду. За годъ передъ тѣмъ скончался Антоній 90-ти лѣтъ. Долго строилась Успенская церковь. Окончена постройка была черезъ 16 лѣтъ послѣ закладки. Красота этой церкви изумляла современниковъ. Внутренность ея блистала золотомъ, мозаикою. Помостъ устроенъ былъ изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ узорами. Церковныя главы были позолочены. Крестъ на главномъ куполѣ былъ выкованъ изъ чистаго золота. Современники называли Печерскую церковь славою и украшеніемъ всей земли Русской. Прославленный подвигами своихъ основателей и ихъ учениковъ, кіевопечерскій монастырь достигъ огромнаго значенія въ удѣльной Руси. Люди всѣхъ сословій и состояній со всѣхъ концовъ Русской земли стекались въ печерскую обитель, чтобы получить совѣтъ и благословеніе отъ святыхъ подвижниковъ или постричься въ ней; и монахи другихъ монастырей подражали въ своихъ подвигахъ печерскимъ инокамъ. Изъ этого монастыря

вышло много проповѣдниковъ христіанства, многіе изъ его монаховъ занимали мѣста епископовъ, другіе извѣстны, какъ лѣтописцы и духовные писатели.

28. Кудесникъ.

На мѣстѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ дней,
Счастливый дарами природы,
Народъ Ярославовъ, на волѣ своей,
Себѣ избираетъ и ставитъ князей,
Полкамъ назначаетъ походы
И жалуетъ миромъ сосѣдей-враговъ,
Толпятся: кудесникъ явился изъ Чуди...
Къ нему-то съ далекихъ и ближнихъ концовъ
Стеклись любопытные люди.
И старецъ-кудесникъ, съ соблазномъ въ устахъ,
Въ толпу изъ толпы переходитъ;
Народу о черныхъ крылатыхъ духахъ,
О многихъ и страшныхъ своихъ чудесахъ
Твердитъ и руками разводитъ;
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и Пречистую Дѣву поноситъ;
Онъ сдѣлаетъ чудо и добрыхъ людей
На чудо пожаловать проситъ.
Онъ сладко, хитро празднословитъ и лжетъ,
Смущаетъ умы и морочитъ;
Ужъ онъ-то потѣшитъ великій народъ;
Ужъ онъ-то, кудесникъ, чрезъ Волховъ пойдетъ
Водой и ноги не замочитъ.
Вотъ вышелъ епископъ Ѳеодоръ съ крестомъ
Къ народу, — народъ отъ него отступился,
Лишь князь со своимъ правовѣрнымъ полкомъ
Къ святому кресту приложился
И вдругъ къ соблазнителю твердой стопой
Подходитъ онъ, грозенъ и пылокъ:
— Кудесникъ! скажи мнѣ, что будетъ съ тобой?
Замялся кудесникъ, и самъ онъ не свой,
И жмется, и чешетъ затылокъ.
— Я сдѣлаю чудо. — „Безумный старикъ,
Солгалъ ты!“ И княжеской дланью своей
Онъ поднялъ топоръ свой тяжелый и въ мигъ
Чело раздвоилъ чародѣю.

29. Удѣльная система на Руси.

Въ 1054 г. умеръ великій князь Ярославъ Мудрый. Передъ смертію князь собралъ всѣхъ своихъ дѣтей и сказалъ имъ: „Вотъ я отхожу отъ этого свѣта, дѣти мои! Любите другъ друга, потому что вы братья родные, отъ одного отца и отъ одной матери. Если

будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами. Онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить въ мирѣ; если же станете ненавидѣть другъ друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они пріобрѣли трудомъ своимъ великимъ. Такъ живите же мирно, слушаясь другъ друга; свой столъ Кіевъ—поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, какъ меня слушались; пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня". Старшему сыну Изяславу Ярославъ далъ, кромѣ Кіева, еще Новгородъ и земли, тянувшіяся къ Кіеву и Новгороду. Второму Святославу—Черниговъ, Тмутаракань (на югѣ Руси) и Муромо-Рязанскій край; третьему Всеволоду—Переяславль-Южный съ землею по Волгѣ, также Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро; четвертому Вячеславу—Смоленскъ; наконецъ пятому Игорю—Владиміръ-Волынскъ. Всѣ эти, розданные Ярославомъ города съ землею составляли цѣлыя области, или волости, какъ тогда говорили. Каждая область называлась по своему главному стольному городу; такъ, были области Кіевская, Черниговская, Смоленская, Волынская, Галицкая. Раздавъ города съ землями своимъ дѣтямъ, Ярославъ запретилъ имъ ссориться между собой и выгонять другъ друга изъ городовъ, а Изяславу сказалъ: „Если кто обидитъ брата, ты помогай обиженному".

Розданныя Ярославомъ земли были неодинаковы: однѣ были меньше и бѣднѣе, другія больше и богаче, доходнѣй. Назначая каждому изъ сыновей городъ съ землей, Ярославъ соблюдалъ старшинство. Старшимъ изъ нихъ былъ Изяславъ, и потому отецъ далъ ему богатѣйшую Кіевскую область съ столицей тогдашней Руси Кіевомъ! Остальные сыновья Ярослава получили отъ отца города и земли, уже худшія Кіевской, по порядку старшинства. Кіевъ былъ и сердцемъ Руси—отсюда управлялась Русь, и сюда стекались всѣ богатства страны. Доходность и выгодность положенія Кіева дали особое положеніе и владѣльцу его стола—князю кіевскому. Будучи самымъ богатымъ, онъ сталъ и самымъ вліятельнымъ, „первымъ" изъ русскихъ князей и получилъ названіе „великаго". Сначала великій означало тоже, что старшій, ибо кіевскій князь обыкновенно бывалъ старшимъ изъ всѣхъ князей. Потомъ названіе „великій князь" стало значить больше, чѣмъ старшій. Великій князь получалъ все больше и больше почета, власти и владѣній и въ концѣ концовъ обратился въ князя всей Руси. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, при Ярославѣ, „великій князь" былъ еще только старшимъ. Поэтому, по смерти Ярослава, званіе

„великаго князя“ получилъ Изяславъ, какъ старшій. Раздавъ своимъ дѣтямъ города съ волостями, Ярославъ не далъ имъ права собственности на земли. Онъ роздалъ ихъ только во временное владѣніе. Русская земля была „собственностью всего княжескаго рода“, потомства князя Ярослава, и потому князья, дѣти Ярослава, должны были владѣть и управлять Русской землей сообща, сидя каждый въ стольномъ (гдѣ находился княжескій „столъ“, т.-е. престолъ) городѣ своей области. Старшій изъ нихъ — „великій князь“ сидѣлъ въ Кіевѣ, остальные, по старшинству, въ другихъ городахъ. Старшій князь, какъ старшій во всемъ княжескомъ родѣ, заступалъ прочимъ князьямъ мѣсто отца. Такъ, напримѣръ, Изяславъ, по смерти Ярослава, замѣнилъ своимъ братьямъ и племянникамъ покойнаго отца. Старшій князь обязанъ былъ заботиться о нуждахъ и о пользахъ всего княжескаго рода и земли Русской, о своей чести и чести своихъ родичей. Ему же, старшему князю, принадлежалъ судъ надъ младшими князьями. На немъ лежала забота о княжескихъ дочеряхъ-сиротахъ и раздача волостей послѣ смерти князя. Младшіе же князья, въ свою очередь, должны были во всемъ слушаться старшаго князя, являться по первому его зову, выступать вмѣстѣ съ нимъ въ походъ и уважать его. Но младшіе обязывались повиноваться старшему лишь тогда, когда онъ поступалъ справедливо, любилъ ихъ, какъ дѣтей, и заботился о нихъ. Когда же старшій нарушалъ права младшихъ, насильничалъ, то младшіе могли отказать ему въ послушаніи. Обыкновенно старшій князь совѣщался о дѣлахъ съ младшими. Для этого князья съѣзжались въ какой-нибудь городъ и здѣсь, потолковавъ, рѣшали дѣло съ общаго согласія. Такъ какъ князья владѣли землями и городами по старшинству, то они долго не засиживались на однихъ мѣстахъ. Какъ только кто-нибудь изъ князей умиралъ и освобождалась его земля, нужно было эту землю отдать кому-нибудь изъ князей. И вотъ князья съѣзжались и рѣшали вмѣстѣ съ великимъ княземъ кіевскимъ, кому владѣть „выморочной“ землей. Тутъ же снова передѣляли всѣ земли: каждый получалъ, по старшинству, себѣ новую землю и уѣзжалъ въ нее. Если же умиралъ великій князь кіевскій, то на его мѣсто тотчасъ же садился въ Кіевъ старшій изъ оставшихся въ живыхъ князей. Новый князь кіевскій созывалъ князей на съѣздъ для передѣла земли и разсаживалъ ихъ по городамъ по старшинству. Такъ князья, время отъ времени, передвигались; оставивъ насиженное мѣсто, переходили на другое. Передвижка князей шла къ Кіеву. Смерть каждаго князя измѣняла старшинство князей между собой и передвигала каждаго

изъ нихъ поближе къ старшему княжескому столу, къ кіевскому. И такъ какъ Русской землей правилъ цѣлый княжескій родъ, то каждый членъ княжескаго рода имѣлъ право быть великимъ княземъ, занимать княжескій столъ. Для этого ему нужно было быть старшимъ во всемъ родѣ, когда освобождается кіевскій столъ. Только тѣ князья, отцы которыхъ умирали, не посидѣвъ на кіевскомъ столѣ, теряли право на кіевскій столъ; такихъ князей въ древней Руси называли „изгоями“.

Старшинство и богатство Кіева среди прочихъ городовъ привлекало къ нему всѣхъ князей древней Руси. Тамъ, въ Кіевѣ, были думы всѣхъ князей, къ нему тянулись ихъ руки, съ нимъ вмѣстѣ были всѣ ихъ желанія и стремленія; посидѣть хоть немного на кіевскомъ столѣ, попользоваться его благами было завѣтной мечтой каждаго князя. И не одна корысть влекла князей къ Кіеву. Они любили его, какъ сердце Руси. „Кіевъ-градъ всѣмъ градамъ мати“, говорили тогда о немъ. Такое общее стремленіе всѣхъ князей къ Кіеву невольно объединяло ихъ. Но тотъ же Кіевъ и разъединялъ князей, ссорилъ ихъ между собой, сѣялъ раздоры и смуту на Руси. Занимать кіевскій столъ можно было по старшинству, точно такъ же, какъ и столы другихъ городовъ. И пока блюли старшинство—все шло порядкомъ. Но старшинство не всегда было выгодно. Другой, особенно если онъ самый младшій въ родѣ, всю жизнь свою прождетъ въ своемъ углу и не увидитъ Кіева, ни другого какого-либо повыгоднѣе города. Зачѣмъ ему старшинство? Ему лучше въ обходъ старшинства пойти и занять себѣ силой какой-нибудь городъ получше. Такіе удальцы князья, забывшіе старину и завѣты предковъ, скоро появились на Руси и стали добывать себѣ княжескіе столы, помимо старшинства, оружіемъ. Конечно, изъ-за Кіева, лучшаго и самаго богатаго города, больше всего ссорились князья. Къ тому же со временемъ родъ княжескій размножился. Князей стало такъ много, что трудно было по правдѣ, по старшинству разсѣсться по княжескимъ столамъ. Счеты перепутались, пошли недовольства, ссоры, неурядицы.

30. Владиміръ Мономахъ (1113—1125 гг.) и его поученіе дѣтямъ.

Едва только скончался Ярославъ, начались раздоры сначала между сыновьями Ярослава, а потомъ между внуками и правнуками. Мирнаго времени почти не было, а постоянно тянулась война

съ самыми небольшими промежутками. Часто князья приглашали къ себѣ на помощь дикарей-половцевъ, жившихъ къ юго-востоку отъ Руси, которые отличались разбойническими нравами. Вслѣдствіе постоянныхъ войнъ поля часто оставались необработанными, хлѣба не доставало, явился голодъ. Голодъ всегда ведетъ болѣзни: много народу умирало отъ недостатка продовольствія. Такъ гибла Русская земля, такъ бѣднѣло ея населеніе. Вотъ какъ современный пѣвецъ говоритъ объ усобицахъ княжескихъ: „Тогда земля сѣялась и росла усобицами, погибала жизнь внуковъ св. Владиміра Краснаго Солнышка, въ княжескихъ несогласіяхъ вѣкъ человѣческій сокращался. Тогда по Русской землѣ рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, часто говорили свою рѣчь галки, сбираясь летѣть на добычу. Встоналъ Кіевъ тоскою, а Черниговъ напастями; тоска разлилась по Русской землѣ. Сказалъ братъ брату: это мое, и это мое же, и за малое стали князья говорить большое, начали сами себѣ бѣды готовить; а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю Русскую“.

Но не всѣ князья этого времени поступали одинаково. Время отъ времени и между ними являлись люди, которые понимали, какъ гибельны для Русской земли раздоры князей, и которые употребляли всѣ старанія къ водворенію мира и согласія между князьями. Таковъ былъ Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ [1]), внукъ Ярослава. Это былъ очень образованный человѣкъ, много читавшій, мастеръ писать, а вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій богатырь. Онъ отличался необыкновенною любовью ко всякой работѣ, ко всякому труду. Онъ не зналъ ни минуты покоя. До всего доходилъ онъ самъ, не вѣрилъ чужой услугѣ и самъ наблюдалъ за всякой мелочью. Съ ранняго утра Владиміръ, выслушавши обѣдню, начиналъ свою работу и работалъ цѣлый день, судилъ и рядилъ народъ, каждый почти день ѣздилъ на охоту, да кромѣ того находилъ время присматривать за хозяйствомъ. Народъ очень любилъ князя. Полюбился онъ народу прежде всего своимъ богатырствомъ. Много разсказывали о томъ, какъ ходитъ Владиміръ на дикаго звѣря и какъ ловко умѣетъ онъ извернуться въ опасности: не разъ онъ попадалъ на рога дикому буйволу, не разъ его олень бодалъ, лось топталъ ногами, медвѣдь кусалъ, волкъ сваливалъ его вмѣстѣ съ лошадью. Слыхалъ также народъ, какъ выносливъ Владиміръ въ походахъ,—

[1]) Мономахомъ онъ назывался въ честь своего дѣда по матери, византійскаго императора Константина Мономаха.

Владиміръ не бралъ съ собой постели и спалъ на сырой землѣ. Любили Владиміра и за его ласковость и щедрость. Бѣдный человѣкъ не уходилъ отъ него съ пустыми руками. Позвавши гостей, онъ самъ служилъ имъ; гости ѣли и пили, а онъ только угощалъ. Но больше всего любили Владиміра за его миролюбіе, умѣнье избѣгать ссоръ и улаживать княжескіе раздоры. По настоянію Владиміра, разъ всѣ князья съѣхались въ г. Любечѣ, порѣшили между собой всякіе споры, подѣлили Русскую землю и поклялись на будущее время не нарушать мира и строго наказывать всякаго князя, который затѣетъ смуту. Но только что принесена была эта клятва, какъ двое изъ князей, ее давшихъ, совершили страшное клятвопреступленіе, и, что̀ всего прискорбнѣе, въ этомъ дѣлѣ принялъ участіе самъ великій князь кіевскій, старшій изъ князей, который долженъ былъ бы подавать примѣръ другимъ князьямъ. Святополкъ—такъ звали кіевскаго князя—по уговору съ княземъ Давидомъ рѣшились погубить князя Василька, подозрѣвая его въ злыхъ умыслахъ противъ себя. Василько пріѣхалъ въ Кіевъ на богомолье и, помолившись Богу, собирался домой. Святополкъ послалъ къ нему пословъ, чтобы уговорить его остаться погостить. Василько отказался. Тогда Святополкъ сталъ упрашивать его, чтобы онъ зашелъ къ нему хоть на короткое время. Василько пришелъ и засталъ у Святополка Давида. Стыдно было Святополку и Давиду смотрѣть въ глаза Васильку, разговоръ у нихъ не вязался; одинъ за другимъ они вышли изъ комнаты, гдѣ былъ гость. Только они вышли, явились сюда святополковы люди, схватили Василька, заковали его въ кандалы и бросили въ тюрьму. Потомъ его увезли изъ Кіева, и въ одной избѣ овчарь Святополка ножемъ вырѣзалъ у Василька оба глаза, въ то время какъ четверо другихъ служителей сидѣли на груди Василька и удерживали его отъ сопротивленія. Владиміръ заплакалъ, узнавъ объ этомъ происшествіи. По уговору въ Любечѣ, князья должны были теперь идти на Святополка и Давида. Князья были уже подъ Кіевомъ, но кіевляне умолили князей простить Святополка. Святополкъ былъ прощенъ, потому что онъ совершилъ злое дѣло по наговорамъ Давида. Святополку же и было поручено князьями наказать Давида; но Святополкъ ничего не могъ сдѣлать съ Давидомъ. Владиміръ устроилъ другой княжескій съѣздъ, на который вытребовали и Давида. Съѣздъ наказалъ Давида отнятіемъ нѣкоторыхъ городовъ. Строго наказать его не посмѣли, потому что опасались опять новыхъ усобицъ, которыя надоѣли уже всѣмъ.

Послѣ этого ссоры княжескія покончились. Наступило спо-

койное время. Владиміръ воспользовался этимъ временемъ, чтобы убѣдить князей идти на Половцевъ, отъ которыхъ до сихъ поръ онъ одинъ оборонялъ Русскую землю. Во второе воскресенье великаго поста 1111 года соединенныя силы русскихъ князей двинулись во внутрь Половецкой земли, и во вторникъ на шестой недѣлѣ достигли перваго половецкаго города. Половцы такъ долго и такъ много дѣлали зла Русскимъ, что Русскіе считали ихъ нечистою силою. Поэтому противъ Половцевъ поднята была сила духовная. Когда русскіе надѣли свои брони, выстроили полки и пошли къ городу, то, по приказу Владиміра, священники ѣхали передъ полками и пѣли молебны. Городъ сдался Русскимъ. Жители вышли на встрѣчу князьямъ и поднесли имъ рыбу и вино. Наканунѣ Благовѣщенія, въ пятницу, Русскіе встрѣтили половецкое войско. Князья русскіе перецѣловались и рѣшились биться на смерть. Половцы были побѣждены, но не въ конецъ. Черезъ 4 дня, въ страстной понедѣльникъ, Половцы опять собрались въ большомъ числѣ и обступили русскіе полки. Когда полки русскіе столкнулись съ полками половецкими, то раздался точно громъ, брань была лютая, и много падало людей съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ вступилъ въ дѣло полкъ Владиміра, и Половцы кинулись бѣжать. Половцевъ было побито страшно много, и народъ говорилъ, что Русскимъ помогала невидимая сила. Русскіе возвратились домой съ большою добычею. Пораженіе Половцевъ доставило Владиміру великую славу, и народъ сталъ любить Владиміра больше прежняго.

Владиміръ былъ въ это время однимъ изъ второстепенныхъ князей, старшимъ же княземъ считался кіевскій. Вскорѣ затѣмъ умеръ кіевскій князь, и кіевляне никого не хотѣли имѣть своимъ княземъ, кромѣ Владиміра, хотя Владиміръ не былъ самымъ старшимъ между удѣльными князьями. Кіевляне подняли бунтъ и не успокоились до тѣхъ поръ, пока Владиміръ не согласился быть ихъ княземъ. Слѣдующіе затѣмъ годы, когда кіевскій престолъ былъ занятъ Владиміромъ Мономахомъ, были самымъ счастливымъ временемъ Русской земли за все время княжескихъ смутъ. При Владимірѣ младшіе князья не смѣли ссориться, да и сосѣди побаивались Владиміра. Русская земля отдохнула, но не на долго. Когда умеръ Владиміръ, князья стали ссориться больше прежняго. Скончался великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ 19 мая 1125 года. Дѣти его, внуки и многіе другіе князья похоронили его, при всенародномъ плачѣ, въ кіевской соборной церкви Софіи. „О немъ плакалъ народъ, говоритъ лѣтописецъ,

какъ дѣти плачутъ по отцѣ или по матери. Свѣтился на Русской землѣ онъ, какъ солнце, пуская лучи. Слухъ о немъ прошелъ по всѣмъ странамъ. Врагамъ онъ былъ страшенъ, а дома былъ братолюбецъ и нищелюбецъ и добрый страдалецъ за землю Русскую". Въ этихъ словахъ вся заслуга Мономаха. Примирять князей, оберегать отечество, о благѣ его думать и не щадить трудовъ своихъ— было дѣломъ всей его жизни. И долго помнилъ народъ Владиміра Мономаха. При внукахъ, при правнукахъ его, когда возникали междоусобія, народъ не дерзалъ поднимать руку на „Владимірово племя". И много изъ этого племени было доблестныхъ, славныхъ князей. Кто изъ князей шелъ на враговъ отечества, кто поступалъ справедливо, тотъ „уподоблялся Мономаху". Лучшей похвалы князьямъ не было, какъ это сравненіе съ великимъ прадѣдомъ.

Владиміръ Мономахъ оставилъ прекрасное завѣщаніе дѣтямъ своимъ. „Дѣти, говоритъ онъ въ немъ, не осудите писанія моего, не посмѣйтесь ему: я собралъ въ немъ любимыя мѣста изъ псалмовъ Давида, которыми утѣшался въ печали, и многія другія мысли и слова. А вы примите въ сердце, дѣти мои". И вслѣдъ затѣмъ Мономахъ приводитъ псаломскія изреченія объ упованіи на Бога, о помощи праведнику. Онъ какъ бы молится вслухъ и молитву свою завѣщаетъ дѣтямъ и ею же поучаетъ ихъ добродѣтели. Онъ говоритъ просто, не мудрствуетъ, а только выбираетъ трогательныя святыя изреченія: месть надо предоставить Богу, гордость и злобу изгнать изъ сердца, надо пещись о бѣдныхъ, защищать вдовъ и сиротъ, оказывать помощь притѣсненнымъ. Можно спастись покаяніемъ, молитвою, милостынею. Отъ такихъ совѣтовъ Мономахъ переходитъ къ прославленію Бога: „Велій Господь и чудны дѣла Твоя; разумъ человѣческій не можетъ повѣдать чудеса Твои!" Вслѣдъ затѣмъ онъ указываетъ дѣтямъ на могущество Творца и премудрость Его творенія—окружающаго насъ міра, всей природы земной. „Послушайте меня, дѣти", продолжаетъ онъ, „если не все примите, то хотя половину. Если Богъ умягчитъ сердце ваше, плачьте о грѣхахъ своихъ и твердите: какъ разбойника и мытаря помиловалъ, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй. И въ церкви молитесь такъ, и дома, ложась спать. Ночью, когда проснетесь, не забывайте хоть разъ сдѣлать земной поклонъ съ молитвою. Въ дорогѣ, и на конѣ и среди людей, когда недосугъ стоять на молитвѣ, твердите втайнѣ: Господи помилуй! и не допускайте въ голову пустыхъ мыслей. Главное — не забывайте убогаго, но по силѣ накормите, надѣлите сироту и сильнымъ не давайте сдѣлать вредъ человѣку.

Ни праваго, ни виноватаго не казните смертною казнью. Если кто и повиненъ смерти — не губите души христіанской. Цѣлуйте крестъ (присягайте), подумавши; если въ силахъ, соблюдите клятву. Старыхъ почитайте, какъ отцовъ, молодыхъ считайте за братьевъ. Въ дому своемъ не лѣнитесь, не надѣйтесь ни на кого, а сами смотрите, какъ идетъ дѣло — и тогда будетъ порядокъ и приходящіе не посмѣются ни дому вашему, ни обѣду вашему. Вышедъ на войну, не лѣнитесь, не полагайтесь на воеводъ, не проводите много времени за ѣдою и спаньемъ. Сами наряжайте стражу и ночью спите около воиновъ и раньше всѣхъ вставайте. На походѣ въ своихъ и чужихъ земляхъ не давайте слугамъ вашимъ дѣлать вредъ кому бы то ни было. Если гдѣ остановитесь въ жильѣ, напойте, накормите хозяина и не обижайте его. Гостя почтите, откуда бы онъ ни пришелъ: будь онъ простой человѣкъ, будь знатный или посолъ. Если не можете одарить, такъ почтите брашномъ и питьемъ. Больного посѣтите; надъ мертвымъ пойте и молитесь, „яко вси мертвенни есмы“. Никогда не обойдите человѣка, не привѣтствовавъ его, не сказавъ ему добраго слова. Женъ своихъ любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Что̀ знаете добраго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Вотъ мой отецъ, сидя дома, изучилъ пять чужихъ языковъ, и за это ему честь отъ всѣхъ земель. Лѣность всему злу мать. Лѣнивый что и зналъ, то забудетъ, а чего не знаетъ, тому никогда не научится. Да не застанетъ васъ солнце въ постели. Отецъ мой и другіе добрые мужи встрѣчали солнце съ молитвою и по восходѣ солнца прославляли Бога съ радостью, говоря: „Просвѣти очи мои, Христе Боже“ — и „далъ ми еси свѣтъ Твой красный“ и еще: „Господи, приложи мнѣ годъ къ году, чтобы я очистился отъ грѣховъ моихъ, и оправдай жизнь мою передъ Тобою, чтобы я тѣмъ восхвалилъ Тебя“. Помолившись, начинайте дѣлать свои дѣла, или созовите дружину на совѣтъ, или рѣшайте дѣла судныя! Послѣ того или поѣзжайте на охоту, или такъ поѣздите, а потомъ и лечь спать можно. Въ полдень и звѣри и птицы и человѣки отдыхаютъ: Богомъ такъ установлено“.

Далѣе Мономахъ разсказываетъ дѣтямъ своимъ о трудахъ своихъ и о походахъ, которыхъ не сосчитать. Онъ говоритъ, что всѣхъ походовъ большихъ онъ совершилъ 83, а малыхъ и „не упомню“. Говоритъ опъ потомъ, какъ трудился на охотѣ. Съ коня много разъ падалъ онъ, голову дважды разбилъ, и руки и ноги повредилъ; не берегъ жизни своей, не щадилъ головы своей. Что надо было сдѣлать слугѣ, то дѣлалъ самъ на войнѣ и на охотѣ,

ночью и днемъ, во время зноя и во время стужи, спокоя не зналъ. Все дѣлалъ, что нужно было, и въ дому своемъ держалъ порядокъ; смотрѣлъ и за ловчими и за конюхами, заботился и о церковномъ порядкѣ и о службѣ. „Я не хвалюсь, дѣти, но хвалю Бога, что сдѣлалъ меня способнымъ на всѣ человѣческія дѣла. Читая „грамотницу“ эту, почтитесь на всѣ добрыя дѣла, славя Бога и святыхъ Его. Смерти не бойтесь, дѣти, ни войны, ни звѣря, но мужское творите дѣло. Кто можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ. А если отъ Бога назначена смерть, никто не можетъ отъ нея уберечь: ни отецъ, ни мать, ни братья. Божье блюденье лучше человѣческаго“.

31. Андрей Боголюбскій (1157—1174 г.).

Отъ постоянныхъ княжескихъ усобицъ бѣднѣла южная Русь. Прежде рабами у Русскихъ были только плѣнники-иноземцы, а теперь и сами Русскіе стали продавать себя и съ дѣтьми въ холопство. И пошелъ народъ искать новыхъ мѣстъ для спокойнаго труда: уходили на западъ, въ польскія земли, переселялись и на сѣверъ—въ Суздальскую область. Годъ отъ года приходили въ запустѣніе южно-русскіе города и земли, а Суздальская область все гуще заселялась народомъ. Земля въ Суздальской области не такъ плодородна, какъ въ южной Руси, и земледѣльцу много надо потрудиться, чтобы прокормить себя съ семьею. Зато здѣсь свободной земли много, и легче живется: не добраться сюда степняку-грабителю, да и княжескихъ усобицъ здѣсь меньше. А къ народу князья суздальскіе добры и милостивы, какъ домовитые хозяева, заботливы они о порядкахъ и добромъ устроеніи. Суздальская область много усилилась при князѣ Юріи Долгорукомъ, младшемъ сынѣ Владиміра Мономаха. Но больше всего возвысилось Суздальское княжество при сынѣ Юрія Долгорукаго, Андреѣ Боголюбскомъ. Андрей Боголюбскій жилъ во Владимірѣ (на рѣкѣ Клязьмѣ). Захотѣлъ Андрей возвысить свой Владиміръ надъ другими городами русскими: построилъ онъ здѣсь Успенскій соборъ изъ бѣлаго камня съ позолоченнымъ куполомъ и перенесъ сюда чудотворную икону Пр. Богородицы (взятую имъ изъ Кіева), соорудилъ много церквей, построилъ монастыри. Украсился городъ Владиміръ и сталъ подобенъ Кіеву. Андрей Боголюбскій былъ князь сильный, властный; онъ хотѣлъ завести на Руси новые порядки. Не пожелалъ жить Андрей ни въ Суздалѣ, ни въ Ростовѣ, потому что въ этихъ старыхъ го-

родахъ народъ привыкъ къ волѣ, держался старинныхъ вѣчевыхъ порядковъ. Не давалъ Андрей воли и боярамъ, держалъ ихъ строго, казнилъ за ослушанье и ни въ чемъ не спрашивалъ у нихъ совѣта. И князья сѣверные были у Андрея въ строгомъ повиновеніи, какъ его подручники. Желалъ Андрей Боголюбскій, чтобы всѣ — и народъ, и бояре, и князья — одного его во всемъ слушали, чтобы вся Русь была подъ его единою властью. Хотѣлось Андрею, чтобы и южные князья были ему послушны, чтобы распоряжаться ему и въ сѣверной и въ южной Руси единовластно. Собралъ онъ огромное союзное войско и послалъ на Кіевъ. Союзное войско осадило Кіевъ и взяло его приступомъ. Древняя столица русская, мать русскихъ городовъ — Кіевъ былъ разоренъ и отданъ на разграбленіе войску (1169 г.). Суздальцы два дня грабили богатый городъ и много жителей перебили. Андрей Боголюбскій сталъ послѣ этого называться великимъ княземъ, но жить въ Кіевъ не поѣхалъ, а поставилъ править Кіевскимъ княжествомъ подручнаго себѣ князя, своего младшаго брата. Съ того времени Суздальская область возвысилась надъ всѣми русскими областями. Владиміръ на Клязьмѣ сдѣлался главнымъ городомъ Русской земли, а разоренный и униженный Кіевъ сталъ рядовымъ городомъ.

32. Походъ Игоря, князя Новгорода-Сѣверскаго, на Половцевъ.

Въ 1184 и 1185 годахъ Половцы нападали на Русь, но были жестоко разбиваемы кіевскимъ княземъ Святославомъ. Въ этихъ славныхъ битвахъ не принималъ участія молодой князь Новгорода-Сѣверскаго Игорь Святославичъ; не потому не принималъ, чтобы онъ отрекался идти на поганыхъ (какъ зовутъ лѣтописцы Половцевъ): „не дай Богъ отрекаться“, говорилъ Игорь, „поганые намъ общій врагъ!“ — но единственно потому, что не могъ же онъ перелетѣть птицею изъ Новгорода-Сѣверскаго на мѣсто битвы. Поѣхалъ было даже князь, несмотря на убѣжденія старѣйшихъ изъ дружины, что ѣхать далеко и къ битвѣ онъ не поспѣетъ; но помѣшали ему сильные степные туманы, и онъ на дорогѣ узналъ, что Половцы уже ушли въ степь. Побѣды Святослава не давали покоя удалому Игорю и его братьямъ, сѣверскимъ князьямъ. „Развѣ мы также не князья?“ сказалъ Игорь: „пойдемъ и мы, добудемъ себѣ чести и славы!“ и сталъ готовиться къ походу; велѣлъ своему юному сыну, Владиміру, вести къ нему дружину изъ Путивля, велѣлъ

племяннику своему Святославу спѣшить изъ Рыльска; выпросилъ себѣ въ помощь отрядъ черниговскихъ воиновъ, оповѣстилъ и своего младшаго брата Всеволода, князя трубчевскаго, прозваннаго буйнымъ туромъ за его неукротимость въ битвахъ; не далъ только Игорь знать въ Кіевъ старому Святославу, великому князю кіевскому: боялся Игорь, что Святославъ станетъ удерживать его отъ похода или захочетъ самъ принять въ немъ участіе. Не долго ждалъ Игорь отвѣта отъ своего милаго брата, Всеволода трубчевскаго. — „Одинъ ты у меня братъ, одинъ свѣтъ, свѣтъ Игорь; оба мы съ тобою Святославичи!“ извѣщаетъ Игоря Буй-Туръ-Всеволодъ: „сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы, осѣдланы стоятъ у Курска. Куряне, мои молодцы, тебѣ извѣстны. Ихъ сповивали подъ звуки трубъ, подъ шлемами они выросли, концомъ копья вскормлены. Имъ вѣдомы всѣ степныя дороги, знакомы всѣ степные овраги; луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли отточены; сами же они, какъ сѣрые волки, рыщутъ по полю, ищутъ себѣ чести, а князю славы“.

Кони ржутъ за Сулою, трубятъ трубы въ Новгородсѣверскѣ, подняты стяги въ Путивлѣ: Игорь вступилъ въ свое золотое стремя, съѣхалъ съ горъ новгородсѣверскихъ и выѣхалъ съ дружиною въ чистое поле. Медленно подвигается онъ впередъ, собирая по дорогѣ дружину, поджидая князей. Вотъ онъ уже и на берегахъ Малаго Донца, по пути къ великому Дону. Но что это дѣлается на небѣ? Солнцу еще далеко до заката, а ночная тьма легла внезапно на поля и рощи; птицы въ страхѣ кричатъ и мечутся въ воздухѣ, волы ревутъ въ стадахъ, кони ржутъ и подымаются на дыбы; изумленный Игорь смотритъ на небо и видитъ, что солнце закрылось какимъ-то чернымъ щитомъ. — „Что это значитъ, братцы?“ спрашиваетъ князь у своей дружины. — „Не добрый знакъ, князь!“ говорятъ старшіе изъ дружины, печально опуская головы, „не добро сулитъ намъ это небесное знаменіе“. На минуту призадумался Игорь; но ему такъ сильно хотѣлось попытать счастья на берегахъ великаго Дона, что онъ не испугался даже и страшнаго небеснаго знаменія, и, когда солнце опять засіяло на небѣ, сказалъ дружинѣ: — „Чему быть, того не миновать! Богъ — Господинъ всѣмъ намъ и этому знаменію; посмотримъ, что̀ пошлетъ Онъ намъ, добро или зло. Сядемъ-жъ, братцы, на своихъ добрыхъ коней и поѣдемъ посмотрѣть синяго Дона. Хочу сломить копье мое о край половецкой земли! Хочу либо сложить мою голову, либо шлемомъ моимъ зачерпнуть воды изъ широкаго Дона“. Двинулись Русскіе

далѣе. Дни стояли пасмурные; ночью ревѣли бури, такъ что птицы отъ страха вылетали изъ гнѣздъ, а зловѣщій филинъ наводилъ тоску своимъ крикомъ. Но Игорь, соединившись съ своимъ братомъ Всеволодомъ, идетъ все дальше и дальше.

Вотъ уже Игорева дружина за границею Русской земли, за высокимъ Половецкимъ валомъ; за нимъ стелется безграничная, пустынная, враждебная степь—степь половецкая. Голоса соловьевъ замолкли въ русскихъ рощахъ, только что одѣтыхъ весеннею зеленью, а степные орлы уже носятся надъ Игоревою дружиною и клектомъ своимъ будто созываютъ дикихъ звѣрей на кровавый пиръ; крикливыя галки застилаютъ небо черными стаями и слѣдятъ за Русскими, чуя кровавую добычу; волки воютъ въ степныхъ оврагахъ, а степныя лисицы, показываясь вдали, лаютъ на красные щиты Игоревой дружины; но она, сомкнувшись стройными рядами, уходитъ все дальше и дальше въ безбрежную степь, ища себѣ чести, а князю славы. Послали удальцовъ впередъ, въ степь—развѣдать, что̀ дѣлаютъ Половцы. Развѣдчики, воротясь, сказали князьямъ: „Половцы всполошились, ихъ много и они готовятся къ битвѣ; или идите скорѣй, или воротитесь назадъ, — теперь не наше время“. — „Нѣтъ, отвѣтилъ Игорь и другіе князья, ворочаться поздно; стыдъ хуже смерти. Пойдемъ дальше, что̀ Богъ дастъ, то и будетъ“. Ѣхали не быстро: кони у Русскихъ были слишкомъ тучные; ѣхали весь день и всю ночь, и только на другой день къ обѣду встрѣтили полки половецкіе. Битва продолжалась недолго: перваго молодецкаго натиска не выдержали поганые и кинулись бѣжать къ своимъ вѣжамъ (кочевьямъ). Русскіе пошли въ погоню за Половцами. Всполошилась вся половецкая степь: поспѣшно собираютъ Половцы свои кибитки, укладываются наскоро, какъ попало, гонятъ скотъ и, не разбирая дороги, напрямикъ бѣгутъ къ великому Дону. Повсюду распространилась тревога, и въ полночь половецкія телѣги скрипятъ по степи, словно распуганное стадо лебедей. Бѣгутъ Половцы, а русская дружина въ погоню за ними,—разсыпалась стрѣлами по полю: ловитъ плѣнныхъ, беретъ награбленное золото, парчи, дорогія ткани; столько набрали добычи, что половецкими войлоками и шубами гатили болота, устилали топи. Только ночь остановила преслѣдованіе. Русскіе расположились отдыхать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно стояли половецкія кибитки. Три дня пировали Русскіе, пировали и хвалились: „братья наши съ княземъ Святославомъ били Половцевъ, озираясь на Переяславль,

не смѣя идти въ землю половецкую; мы же сами зашли сюда въ самую середину половецкой земли, поганыхъ перебили, женъ и дѣтей ихъ переловили; а теперь пойдемъ за Донъ, дойдемъ до самого моря, куда не ходили ни отцы, ни дѣды наши, перебьемъ поганыхъ до одного и до конца возьмемъ себѣ всю славу и честь". Такъ-то отдыхали посреди половецкихъ степей внуки храбраго Олега Черниговскаго, птенцы одного родимаго гнѣзда. Далеко, далеко залетѣло ты, храброе гнѣздо Олегово! Но не на обиду порождено оно ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый Половчанинъ.

Ханъ половецкій Гзакъ рыщетъ по степи сѣрымъ волкомъ, сбирая отовсюду своихъ распуганныхъ Половцевъ; ханъ половецкій Кончакъ правитъ ему путь къ великому Дону. На третій день встаетъ надъ степью кровавая заря, подымаются съ моря черныя тучи, трепещутъ въ нихъ синія молніи: быть грому великому, идти дождю стрѣлами надъ Дономъ великимъ; много переломится копій, много иступится сабель о половецкіе шлемы—на рѣкѣ на Каялѣ, у великаго Дона. Земля стонетъ, рѣки мутятся, пыль столбомъ стоитъ на степи: Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, оглашаютъ степь пронзительнымъ крикомъ; какъ черныя тучи, облегли они Русскихъ со всѣхъ сторонъ; со всѣхъ сторонъ стоятъ, какъ стѣны, половецкіе полки.— „Чтожъ, братцы! мы сами этого искали, сами подняли на себя всю половецкую землю, сказалъ Игорь, вынимая изъ ноженъ свой широкій мечъ; если побѣжимъ, то простыхъ людей оставимъ, и будетъ на насъ тяжелый грѣхъ; умремъ ли, будемъ ли живы, — но вмѣстѣ". И началась кровавая сѣча. Буй-Туръ-Всеволодъ со своими курянами впереди всѣхъ; онъ прыщетъ на Половцевъ стрѣлами, гремитъ объ ихъ шлемы стальными мечами; куда только Буй-Туръ ни кинется, своимъ золотымъ шлемомъ посвѣчивая, тамъ валятся половецкія головы, разлетаются въ щепы крѣпкіе аварскіе шлемы. Чего побоится Буй-Туръ, когда онъ все забылъ для славы: и родимый городъ—Черниговъ, и золотой престолъ своего отца, и свою милую жену, красавицу Глѣбовну? Тяжело раненъ въ руку Игорь, но держится онъ еще на конѣ и ободряетъ воиновъ. Съ утра до вечера и съ вечера до утра летятъ каленыя стрѣлы, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ стальныя копья посреди необозримой глухой степи половецкой. Почернѣла зеленая степь подъ копытами лошадей: усѣяна она трупами, полита кровью... тяжелая печаль взойдетъ на ней для всей Русской земли! Русскіе изнемогаютъ отъ усталости и жажды: Половцы не пускаютъ ихъ за-

черпнуть воды изъ рѣки Каялы. Пробились Русскіе къ водѣ, но дорого это имъ стало: Половцы прижали ихъ со всѣхъ сторонъ къ своему берегу. Много уже пало добрыхъ витязей; но бьются еще Русскіе, живъ еще Игорь, буйнымъ туромъ носится еще Всеволодъ. Бились день, бились другой—на третій день къ полудню пали стяги Игоревы! Игорь въ плѣну, Игоря везутъ поганые Половцы, пересаживаютъ изъ княжескаго сѣдла въ поганое сѣдло половецкое. Но князь забылъ все и смотритъ только на любимаго брата Всеволода. Всеволодъ еще бьется. Но уже окружили его Половцы со всѣхъ сторонъ; и сталъ Игорь просить у Бога смерти, чтобы только не видать гибели брата. Но Всеволода также схватили Половцы и потащили въ степь; схватили и молодого сына Игорева. Разлучились братья надолго на берегу быстрой рѣки Каялы. Дружина же вся полегла головами: не осталось даже кому принести печальную вѣсть на родину. Такъ-то кончился этотъ пиръ! Недостало у насъ кроваваго вина; храбрые русскіе воины! сватовъ напоили вы досыта и сами легли головами за Русскую землю. Степная трава никнетъ отъ жалости и тяжелая скорбь гнетъ дерево къ землѣ.

Влекутъ Игоря въ плѣнъ, и онъ горько вспоминаетъ, что по дѣламъ наказалъ его Господь; вспоминаетъ, какъ, взявши на щитъ Переяславль, не пощадилъ онъ жителей и пролилъ кровь христіанскую. Не случилось бы такой бѣды, если бы князья, позабывъ ссоры, не завидуя одинъ другому, пошли на Половцевъ дружно; еслибы Игорь далъ знать о своемъ походѣ Святославу Кіевскому, а не ушелъ въ степь тайкомъ отъ него. Сгубила Игоря и его дружину молодецкая удаль. Святославъ Кіевскій уже собиралъ въ это время войска на Половцевъ и, проходя мимо Новгорода-Сѣверскаго, только тутъ узналъ, что Игорь съ братьями и дружиной уже ушли въ степь. Разгнѣвался сѣдой Святославъ на Игоря; но когда услыхалъ въ Черниговѣ о печальной Игоревой участи, то горько заплакалъ и, мѣшая со слезами золотыя слова, сказалъ: „Какъ прежде сердитъ былъ я на Игоря, такъ теперь жаль мнѣ его стало. Любезные мои братья и дѣти, князья и дружина! не сдержали вы своей молодости, своей молодецкой удали; не дали вы мнѣ притомить поганыхъ; широко вы имъ раскрыли ворота въ Русскую землю“. Быстро разнеслась печальная вѣсть: въ Кіевѣ—стонъ, въ Черниговѣ—скорбь; лютая тоска разлилась по всей Русской землѣ. А Половцы не дремлютъ: Кончакъ уже грабитъ подъ Переяславлемъ, а Гзакъ подъ Путивлемъ, уводя въ полонъ русскихъ женъ и дочерей, отгоняя въ степь богатыя стада, зажигая пожары по-

всюду; князья же наши тутъ еще ссорятся и считаются между собою. Услыхавъ однако, что Святославъ со своею дружиною уже плыветъ на лодкахъ по Днѣпру, Половцы отхлынули въ степь, какъ морскія волны, унося съ собою много всякаго добра и оставляя по себѣ развалины, трупы, плачъ и стонъ.

Но кто же вступится за Игоря? кто отомститъ Половцамъ за его раны? кто вырветъ его изъ постыднаго половецкаго плѣна? Что бы вступиться за Русскую землю хотя великому князю Владимірскому, Всеволоду? Но далеко онъ на сѣверѣ мутитъ синюю Волгу своими лодками. Что бы вступиться хотя смѣлымъ Рязанскимъ князьямъ? Развѣ ихъ золотые шлемы не забрызганы вражеской кровью? Что бы вступиться за Русь хотя Ярославу Галицкому? Не онъ ли славится повсюду своимъ великимъ умомъ? Не онъ ли сидитъ высоко на златокованномъ престолѣ, подперъ горы Карпатскія своими желѣзными полками, заступилъ путь венгерскому королю, затворилъ ворота къ Дунаю и далеко, далеко по всѣмъ землямъ разсылаетъ свои стрѣлы, нагоняя страхъ на враговъ? Что бы ему послать хотя одну стрѣлу къ Кончаку, поганому Кащею, за землю Русскую, за раны Игоревы, удалого Святославича! Но всѣ, всѣ забыли Игоря и дѣлятъ уже его города и села! Не забыла удалого Игоря одна только милая жена, прекрасная Ярославна; всякое утро выходитъ она на городскую стѣну въ Путивлѣ; все смотритъ въ далекое поле, не ѣдетъ ли ея милый; смотритъ, горько плачетъ и воркуетъ, какъ горлица.

Звучный голосъ раздается
Ярославны молодой;
Стономъ горлицы несется
Онъ предъ утренней зарей:
—„Я быстрѣй лѣсной голубки
По Дунаю полечу
И рукавъ бобровой шубки
Я въ Каялѣ омочу;
Князю милому предстану
И на тѣлѣ на больномъ
Окровавленную рану
Оботру тѣмъ рукавомъ“...
Такъ въ Путивлѣ [1]), изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:
—„Вѣтеръ, что ты завываешь
И на крыльяхъ на своихъ
Стрѣлы ханскія вздымаешь,
Мечешь въ воиновъ родныхъ?
Иль тебѣ ужъ на просторѣ
Тѣсно вѣять въ облакахъ,
Корабли на синемъ морѣ
Мчать, лелѣять на волнахъ?
Для чего-жъ однимъ размахомъ
Радость лучшую мою
Ты развѣялъ легкимъ прахомъ
По степному ковылю?“
Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:
—„Днѣпръ мой славный! Ты волнами
Горы крѣпкія пробилъ,
Половецкими землями
Путь свой дальній проложилъ.

[1]) Городъ въ Черниговской землѣ.

На себѣ, сквозь всѣ преграды,
Ты лелѣяла, рѣка,
Святославовы насады
До улусовъ Кобяка [1]).
О, когда-бъ ты вновь примчала
Друга къ этимъ берегамъ,
Чтобы я къ нему не слала
Слезъ на море по утрамъ!“
Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ на городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:
—„Солнце красное трикраты,
Всѣмъ ты красно и тепло!
Для чего лучомъ утраты
Войско милаго сожгло?
Для чего въ безводномъ полѣ
Жаждой луки имъ свело
И, что гнетъ тоски-недоли,
На колчаны налегло?“

Тяжело Игорю въ половецкомъ плѣну, — тяжело, хотя и самые Половцы, устыдясь его удальства, держатъ его въ чести: приставили къ нему крѣпкую стражу, но позволяютъ тѣшиться княжеской забавой, соколиной охотой. Въ чести держатъ Половцы и сына Игорева, молодого князя—Владиміра; сильно онъ приглянулся степной красавицѣ, дочери хана половецкаго, Кончака; полюбилъ его за удальство и самъ старый ханъ. Но не тѣшитъ Игоря соколиная охота: скучно орлу и въ золотой клѣткѣ; гложетъ Игоря тоска по святой Руси; смотритъ онъ угрюмо въ пустую, безграничную степь, гдѣ осенній вѣтеръ катитъ серебристые, легкіе клубы ковыля, думаетъ князь крѣпкую думу, забываетъ онъ соколиную охоту; хочется ему на святую Русь. Не сжалились люди—сжалился Богъ надъ Игоремъ. Нашелся между Половцами одинъ добрый человѣкъ; предлагаетъ онъ князю бѣжать съ нимъ въ Русскую землю. Мать у Авлуря была русская, и ему давно хотѣлось убѣжать къ Русскимъ, бросить поганое племя и поганую вѣру. Задумался князь на слова Половчанина: стыдно показалось Игорю бѣжать тайкомъ отъ поганыхъ Половцевъ. Но вѣрный конюшій, бывшій съ княземъ въ плѣну, говоритъ ему: „Бѣги, князь, если Богъ кажетъ тебѣ путь въ Русскую землю; высокія мысли твои Богу не угодны; слышно, что Половцы хотятъ перебить всѣхъ насъ, русскихъ князей, и истребить всю землю Русскую; не будетъ тебѣ тогда ни славы, ни жизни“. И вотъ Игорь рѣшился бѣжать, а Авлурь взялся приготовить ему коня за рѣкою. Стало темнѣть; Половцы перепились кумысомъ и заснули по своимъ кибиткамъ. Притворяется спящимъ и князь Игорь; но онъ не спитъ, а мысленно мѣритъ поле отъ великаго Дона до малаго Донца. Раздался свистъ за рѣкою: Авлурь даетъ знать князю, что быстрый конь уже ждетъ его. Тихо поднялся Игорь со своей постели, поклонился Спасову образу и Кресту честному; горячо помолился

[1]) Кобякъ—имя половецкаго хана.

онъ, хотя и коротка была его молитва: „Господи сердцевѣдче! спаси меня недостойнаго!“ сказалъ Игорь и надѣлъ на себя крестъ и пкону, родительское благословеніе; поднялъ тихо полу кибитки, вышелъ: горностаемъ проскользнулъ въ тростникѣ, бѣлымъ гоголемъ проплылъ по водѣ и кинулся на борзаго коня. Соколомъ летитъ князь по степи, прикрываемый ночною тьмою; сѣрымъ волкомъ спѣшитъ за нимъ Авлурь, отрясая съ себя холодную ночную росу, загоняя на смерть легкаго коня; спѣшатъ они оба къ берегамъ Донца. Проснулись поутру Половцы, а князя уже и слѣдъ простылъ! Застрекотали поганые, какъ сороки, кинулись Гзакъ и Кончакъ въ погоню; но не могли найти, не могли догнать удалого князя. Бѣглецы ѣхали быстро, пока несли ихъ добрые кони; но когда кони пали—пошли пѣшкомъ: ночью—прямо по степи, а днемъ—въ глубокихъ степныхъ оврагахъ. Часто приходилось имъ ползти ползкомъ въ травѣ или красться по дну глубокаго оврага, угадывая путь только по птичьему крику, слушая, какъ раздавались надъ ними вверху пѣсни свободныхъ пташекъ. Воротились ханы домой съ неудачной погони, воротились сердитые, злые, и Гзакъ говоритъ Кончаку: „Если соколъ улетаетъ изъ гнѣзда, то соколенка слѣдуетъ разстрѣлять стрѣлами“. Но старому Кончаку стало жаль молодого Игорева сына и сказалъ онъ злому Гзаку: „Если соколъ улетѣлъ изъ гнѣзда, то мы опутаемъ соколенка красною дѣвицею“. „Если опутаемъ соколенка красною дѣвицею, отвѣчалъ Гзакъ, то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, а начнутъ насъ самихъ клевать хищныя птицы посреди нашихъ же степей половецкихъ“. На одиннадцатый день добрался Игорь до города Донца, а оттуда проѣхалъ въ Новгородсѣверскъ. Тяжело головѣ быть безъ тѣла, тяжело тѣлу быть безъ головы: тяжело было Новгородсѣверску безъ князя Игоря. Но не долго праздновалъ Игорь съ милой женой и друзьями: вспомнилъ онъ свою молитву и поѣхалъ въ Кіевъ, къ Святой Богородицѣ Пирогощей, молился усердно, а потомъ просплъ своихъ братьевъ, князей, помочь ему отомстить поганымъ Половцамъ. Сынъ Игоря женился на красавицѣ — дочери стараго хана Кончака и черезъ нѣсколько времени воротился на родину вмѣстѣ съ дядей своимъ, Буй-Туръ-Всеволодомъ.

33. Великій Новгородъ.

Новгородъ находится въ двухъ верстахъ отъ истока рѣки Волхова изъ озера Ильменя. Рѣка дѣлитъ городъ на двѣ стороны:

Торговую и Софійскую. Главною частью города былъ дѣтинецъ на Софійской сторонѣ. Это было довольно пространное мѣсто, обнесенное стѣнами съ башнями и воротами. Въ дѣтинцѣ, или кремлѣ, жили князь со своей дружиной и новгородскій владыка (архіепископъ). Здѣсь же красовалась и главная церковь новгородская—Софійскій соборъ. Вокругъ кремля шелъ посадъ, который образовался изъ отдѣльныхъ поселковъ и дѣлился на три части (конца). Здѣсь были еще двѣ каменныя стѣны съ башнями и воротами, выстроенныя въ XII—XIII столѣтіи. На восточномъ берегу Волхова была Торговая сторона. Изъ названія видно, что здѣсь главнымъ образомъ помѣщались торжища, или рынки, и лавки. Главнымъ мѣстомъ на Торговой сторонѣ было Ярославово дворище (здѣсь нѣкогда помѣщался дворъ Ярослава). Мѣсто это представляло обширную площадь, около которой было построено много церквей. Здѣсь находилась вѣчевая башня, у которой собиралось обыкновенно вѣче. Подлѣ нея расположены были готскій торговый дворъ, нѣмецкій и др. Торговая сторона заключала въ себѣ два конца города, такъ что весь Новгородъ заключалъ въ себѣ, кромѣ кремля и Ярославова дворища, пять концовъ. Торговая и Софійская стороны соединялись мостомъ. Новгородъ былъ самымъ торговымъ городомъ въ древней Руси. Мѣстоположеніе его было удобно для торговли: по Волхову можно легко спуститься въ Ладожское озеро, а отсюда по Невѣ—въ Балтійское море; по рѣкамъ изъ Новгорода не трудно было подойти близко къ верховьямъ Днѣпра и Волги. Въ XI и XII столѣтіяхъ новгородцы ведутъ уже большую торговлю съ островомъ Готландомъ на Балтійскомъ морѣ, а въ XII вѣкѣ новгородцы заводятъ торговыя сношенія съ нѣмцами, особенно съ городомъ Любекомъ. Позже, въ XIII столѣтіи, нѣсколько нѣмецкихъ городовъ, въ томъ числѣ и Любекъ, составляютъ союзъ (Ганзейскій), и торговля съ Новгородомъ усиливается. Иностранцы привозили въ Новгородъ разные товары въ обработанномъ видѣ: шерстяныя ткани, сукна, полотна, вина, стекло и другія издѣлія фабричной промышленности. Русскіе продавали иноземцамъ по большей части произведенія въ сыромъ видѣ, необработанныя: мѣха, кожи, сало, ленъ, коноплю и др. Иностранные товары новгородскіе купцы развозили и по другимъ русскимъ городамъ и тамъ продавали ихъ съ большимъ барышомъ для себя.

Новгородская область не отличалась плодородіемъ, бывали часто неурожаи, и потому новгородцы нерѣдко нуждались въ хлѣбѣ, который доставлялся въ Новгородъ изъ приволжскихъ странъ по

Волгѣ, а иногда и съ юга по Днѣпру. Мѣха и шкуры были наиболѣе цѣннымъ товаромъ, который продавали новгородцы иностранцамъ. Не мало можно было добыть этого товару и близъ Новгорода; но чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ пушистѣе и красивѣе мѣха у звѣрей. Предпріимчивые промышленники изъ Новгорода подвигались все дальше и дальше на сѣверъ и востокъ. Земли здѣсь были бѣдныя, малонаселенныя: на далекомъ разстояніи одинъ отъ другого были разбросаны маленькіе финскіе поселки; зато лѣсныя дебри здѣсь шли безконечныя, а пушного звѣря было пропасть. Новгородскіе промышленники, заходившіе сюда обыкновенно вооруженными толпами, заставляли финновъ подчиняться власти Великаго Новгорода, платить дань мѣхами, а не то устраивали и сами новые поселки (колоніи), охотничьи станицы, въ болѣе удобныхъ мѣстахъ, на берегахъ рѣкъ. Эти поселки иной разъ разростались въ большія селенія и города. Такъ основанъ былъ городъ Хлыновъ (Вятка). Такимъ образомъ мало-по-малу почти вся страна къ сѣверу отъ Волги, весь нынѣшній сѣверный край былъ подчиненъ Новгороду, сталъ его волостью. Благодаря обширной торговлѣ, Новгородъ раньше другихъ русскихъ городовъ достигъ цвѣтущаго состоянія и даже независимости. Во всѣхъ городахъ въ древности былъ обычай у жителей собираться на вѣче для рѣшенія наиболѣе важныхъ дѣлъ. Но нигдѣ вѣче не имѣло такой силы, какъ въ Новгородѣ. Ярославъ I въ благодарность за помощь новгородцевъ во время борьбы его со Святополкомъ далъ разныя льготы Новгороду. Съ этого времени Новгородъ все больше и больше богатѣетъ, и вѣче его становится все сильнѣе и сильнѣе; дѣло доходитъ до того, что вѣче само приглашаетъ князя въ Новгородъ и указываетъ ему путь изъ Новгорода, если князь чѣмъ-либо неугоденъ народу. Вѣче иной разъ судитъ даже князя и другихъ властныхъ людей, избираетъ всѣхъ должностныхъ лицъ въ Новгородѣ: посадника, тысяцкихъ и др., издаетъ законы, отмѣняетъ ихъ, объявляетъ войну, заключаетъ миръ, установляетъ подати и повинности. Населеніе Новгорода состояло изъ бояръ, владѣвшихъ большими владѣніями, житьихъ (т.-е. богатыхъ) людей, купцовъ и черныхъ людей. На вѣчѣ могли участвовать всѣ члены новгородскихъ общинъ, т.-е. всѣ домовладѣльцы, хозяева, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре, купцы, такъ и черные люди. Собиралось вѣче по старому обычаю на Ярославовомъ дворѣ или на площади у Софійской церкви. Вѣче созывалъ или князь, или посадникъ. Когда всѣ сходились на Ярославовъ дворъ и разсаживались въ извѣстномъ порядкѣ на при-

готовленныхъ для нихъ ступеняхъ, тогда звономъ колокола на вѣчевой башнѣ возвѣщалось открытіе вѣча. Водворялась тишина. Самъ посадникъ или вѣчевой дьякъ громогласно заявлялъ собравшимся тѣ вопросы, которые подлежало рѣшить. Собранные на вѣче новгородцы свое согласіе и несогласіе выражали криками. Когда дѣло было рѣшено, то писалась грамата. Къ граматѣ прикладывалась вѣчевая печать съ надписью: „печать Великаго Новгорода“. Новгородъ въ граматахъ обыкновенно величался „Господиномъ Великимъ Новгородомъ“. На бѣду для новгородцевъ не всегда вѣча бывали правильныя. Случалось, что народъ, недовольный распоряженіями посадника, собирался на вѣче, не соблюдая никакихъ правилъ. Порою разомъ въ нѣсколькихъ церквахъ начинали звонить, и народъ сходился въ разныхъ концахъ города. Нерѣдко между противными сторонами происходили драки. Впослѣдствіи нерѣдко бывали случаи, что разомъ собиралось два враждебныя другъ другу вѣча: одно у Св. Софіи, а другое на Ярославлѣ дворѣ. Враждебныя стороны сходились на Волховскомъ мосту, и происходила свалка. Въ такихъ случаяхъ, бывало, новгородскій владыка являлся съ причтомъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ и старался умиротворить враждующихъ.

Владыка новгородскій выбирался такъ же, какъ и посадникъ, на вѣчѣ. Выбирали обыкновенно трехъ лицъ изъ новгородскаго духовенства, достойныхъ, по мнѣнію народа, быть владыками. Затѣмъ три жребія съ именами этихъ лицъ клали въ алтарѣ Софійскаго собора на престолъ и приводили въ алтарь слѣпца или ребенка; онъ бралъ два жребія; оставшійся на престолѣ третій жребій указывалъ на избранника Божія. Онъ долженъ былъ съѣздить въ Кіевъ, гдѣ митрополитъ и посвящалъ его въ архіепископы. Главнымъ выборнымъ лицомъ въ Новгородѣ былъ посадникъ. Онъ былъ посредникомъ между народомъ и княземъ, созывалъ вѣче, велъ переговоры съ сосѣдними областями. Безъ посадника не могла быть выдана ни одна важная грамата отъ имени новгородской общины. Въ случаѣ войны полки новгородскіе были обыкновенно подъ его начальствомъ, такъ что князь могъ вполнѣ свободно распоряжаться только своей дружиной. Иные посадники, умѣвшіе угождать народу, часто оставались въ этой должности по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ. Ближайшимъ помощникомъ посадника былъ тысяцкій, избираемый на вѣчѣ изъ боярскихъ фамилій; тысяцкій былъ начальникомъ черныхъ людей. При помощи черни, составлявшей большинство, тысяцкіе могли многое сдѣлать на вѣчѣ; сверхъ того,

они помогали посадникамъ во всѣхъ дѣлахъ. Тысяцкій съ пятью старостами завѣдывалъ преимущественно судомъ между черными людьми. Народовластіе въ Новгородѣ было такъ сильно, что здѣсь издавна завелся обычай избирать себѣ князей и удалять ихъ „на всей волѣ новгородской“; но все же князь считался лицомъ необходимымъ: въ немъ видѣли верховнаго судью, а, главное, предводителя войска, защитника земли отъ враговъ. Княжая дружина составляла главную военную силу, около которой собиралась земская рать. Понятно, что князь получалъ большую силу въ военное время, когда Новгороду грозило вражье нападеніе; въ мирное время, напротивъ, значеніе князя здѣсь уменьшалось, а орудовали всѣми дѣлами въ городѣ свои избранные и излюбленные люди, посадники и тысяцкіе. Вѣче уже въ тринадцатомъ вѣкѣ вошло въ такую силу, что, призывая князей, вступало съ ними въ „ряды“, т.-е. предписывало князю разныя условія. Понятно, что при такихъ порядкахъ князьямъ не жилось въ Новгородѣ: бывали случаи, что ему по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ приходилось оставаться безъ князя. Князья, имѣвшіе свою волость, не шли княжить сюда, а посылали обыкновенно своихъ сыновей. И тѣ большею частью не долго сидѣли тутъ: какъ только выходила имъ очередь наслѣдовать какую-нибудь другую область, они спѣшили покинуть Новгородъ.

За предѣлами Новгорода начиналась Новгородская земля. Она занимала большое пространство на востокъ до Торжка, на западъ до Финскаго залива, рѣки Наровы и Чудскаго озера, на югъ до Великихъ Лукъ и на сѣверъ до Ладожскаго озера. На этой землѣ было до 30 городовъ, подчиненныхъ Новгороду, „пригородовъ“ его. Важнѣйшіе изъ нихъ были Псковъ, Ладога, Руса, Изборскъ, Великіе Луки, Торжокъ и др. Затѣмъ, кромѣ Новгородской земли, Новгороду, какъ сказано уже, принадлежала огромная волость, занимавшая почти весь сѣверъ нынѣшней Европейской Россіи. Изъ этой волости добывались мѣха, самый цѣнный товаръ вывозной торговли. Бойко шла новгородская торговля, но не жилось никому спокойно въ Новгородѣ. Много было тутъ и честолюбцевъ, и недовольныхъ; многочисленная новгородская чернь нерѣдко волновалась. Случались голодные годы, повальныя болѣзни, страшные пожары,—все это причиняло волненія. Бывали случаи, что новгородская чернь подымалась противъ нелюбимаго посадника или противъ бояръ, творившихъ какое-нибудь насиліе. Случалось, что и сами бояре, враждуя между собою, возбуждали народъ къ волненію, подкупали новгородскую чернь. Являлись на вѣчахъ подкуп-

ленные крикуны—вѣчники. Трудно бывало иногда удержать порядокъ на вѣчѣ: подымался шумъ и гамъ со всѣхъ сторонъ; пускались въ дѣло кулаки да дубины, и начиналась свалка. Не мало гибло народу иной разъ во время такихъ побоищъ. Случалось, что дравшіеся входили въ такой задоръ, что нельзя было и унять ихъ. Ненавистныхъ людей народъ обыкновенно топилъ, бросалъ съ моста въ Волховъ. Недовольныхъ въ Новгородѣ и между чернью, и между боярами было много. Бывали случаи, что недовольные люди и удальцы, которымъ не по вкусу приходились разныя стѣсненія въ Новгородѣ, уходили отсюда искать удачи да счастья на чужой сторонѣ. Иногда составлялись цѣлыя шайки такихъ „повольниковъ или ушкуйниковъ“; пускались иногда они на ладьяхъ (ушкуяхъ) по рѣкамъ, разбойничали, грабили купцовъ, плавали и по морю, нападали на береговыхъ жителей. Иногда они основывали новые поселки. Въ дружины повольниковъ шла обыкновенно буйная и разгульная молодежь, искавшая простора, гдѣ бы развернуться и себя показать. Вождями по большей части становились сыновья богатыхъ новгородскихъ бояръ или купцовъ. Повольниковъ нельзя назвать разбойниками въ полномъ смыслѣ этого слова: каждый изъ нихъ долженъ былъ горячо любить родину, радѣть о славѣ „Господина Великаго Новгорода“, долженъ былъ уважать старость, оборонять слабыхъ и несчастныхъ отъ обидъ и въ то же время считалъ позволительнымъ для себя поубавить богатства у какого-нибудь чужого купца, обозъ съ товаромъ отбить у него, напасть на какой-нибудь чужой городъ, надѣлать переполоху. Конечно, отъ этой буйной удали, не знавшей удержу, приходилось порою плохо и самому Господину Великому Новгороду.

34. Двѣ пѣсни о Садкѣ, богатомъ гостѣ [1]) новгородскомъ.

На Святой Руси, въ Новѣгородѣ
Жилъ богатый гость, звали Садкою!
Прежде Садко былъ бѣднякомъ-бѣднякъ,
А потомъ казну мѣрилъ кадкою.
Гдѣ же Садко такъ разжился казной,
Отчего же такъ Садко сталъ богатъ?..
Садко былъ гусляръ, на пирахъ игралъ,—
Садкѣ грошъ дадутъ, Садко грошу радъ.
Разъ онъ ходитъ день, не зовутъ играть;
Ходитъ онъ другой, хоть бы кто позвалъ;
И на третій день Садкѣ зову нѣтъ;
На четвертый день Садко грустенъ сталъ.

[1]) Гостями въ старину называли богатыхъ купцовъ.

Онъ пошелъ тогда къ Ильмень-озеру
И надъ озеромъ Садко сталъ играть;
Звуки чудные полились, дрожатъ, —
Встрепенулась озерная гладь,
Всколыхнулося Ильмень-озеро,
И подводный царь передъ Садкой всталъ,
Говоритъ ему; „За игру твою
Наградить хочу, — хорошо игралъ!
Награжу тебя, — будешь въ почести,
Золотой казной будешь ты богатъ.
Ступай въ Новгородъ, бейся, Садко, ты
Съ новгородцами на великъ закладъ.
Заложи ты имъ свою голову,
А они въ закладъ пусть кладутъ товаръ,
Что поймаешь ты въ Ильмень-озерѣ
Золотыхъ трехъ рыбъ, золотыхъ, какъ жаръ.
Какъ побьешься ты съ новгородцами
На великъ закладъ, приходи сюда,
Закинь въ озеро неводъ шелковый, —
Золотыхъ трехъ рыбъ тебѣ дамъ тогда“.
Всколыхнулося Ильмень-озеро,
Всколыхнулося во всю ширь и мочь,
И подводный царь подъ водой исчезъ;
И отъ озера пошелъ Садко прочь.
Входитъ въ Новгородъ, — Садку ждутъ давно
На почетный пиръ — поиграть, попѣть;
Зеленымъ виномъ Садку подчуютъ;
Съ зелена вина Садко сталъ хмелѣть.
Захмелѣвши, онъ сталъ похвастывать,
На честномъ пиру похваляться сталъ,
Будто знаетъ онъ чудо чудное,
Будто чудо то онъ не разъ видалъ:
„Въ Ильмень-озерѣ есть три рыбины,
Чиста золота чешуя на нихъ“.
Купцы Садкѣ въ томъ не повѣрили,
Говорятъ ему: „Нѣту рыбъ такихъ“.
„Я кладу въ закладъ свою голову,
Говоритъ Садко богачамъ-купцамъ, —
„Вы кладите же свой товаръ въ закладъ —
Золотыхъ тѣхъ рыбъ я поймаю вамъ...“
На такой закладъ трое вызвались,
Бились съ Садкою на весь свой товаръ.
И связалъ Садко неводъ шелковый,
И поймалъ трехъ рыбъ, золотыхъ, какъ жаръ,
И забралъ Садко у купцовъ товаръ.
Сталъ въ Новгородѣ Садко торгъ вести,
Нажилъ онъ казны, что и смѣты нѣтъ,
И въ Новгородѣ Садко сталъ въ чести.
Распахнувъ шубу мѣха куньяго,
Разъ идетъ Садко по Новгороду;
Входитъ на площадь онъ торговую,
Посередкѣ сталъ, гладитъ бороду.

Заломивъ шапку соболиную,
Предъ купцами онъ похваляется:
„Богачи, купцы новгородскіе!
Кто со мной казной потягается!
На казну свою я въ Новѣгородѣ,
Захочу, скуплю весь, что есть, товаръ
До послѣдняго горшка битаго, —
Будетъ Новгородъ, что пустой базаръ.
На другой-то день въ Новѣгородѣ
По пустымъ рядамъ буду я ходить
И у васъ, купцы новгородскіе,
Будетъ нечего мнѣ тогда купить“.
Богачи, купцы новгородскіе,
На слова Садки подивилися,
Въ похвальбѣ Садкѣ поперечили,
На большой закладъ съ нимъ побилися,
Что не скупитъ онъ весь, что есть, товаръ, —
Безъ товару имъ не бывать, купцамъ,
И не быть тому въ Новѣгородѣ,
Чтобъ ходилъ Садко по пустымъ рядамъ.
Садко утромъ всталъ, призываетъ слугъ,
Одѣляетъ ихъ золотой казной,
Посылаетъ ихъ по Новгороду,
Чтобъ скупить товаръ весь, гдѣ есть какой.
Разославши всѣхъ, Садко самъ пошелъ;
Сыплетъ золотомъ, по рядамъ идетъ,
Закупаетъ все чисто-начисто,
Закупаетъ все, что метлой мететъ.
Время къ вечеру и въ Новгородѣ
Ничего купить не осталося,
И по улицамъ Новагорода
Кой-какая лишь дрянь валялася.
На другой же день Садко утромъ всталъ,
По Новгороду посмотрѣть пошелъ,
А товару въ немъ вдвое прежняго;
Все опять скупилъ, что метлой подмелъ.
Вотъ на третій день Садко утромъ всталъ,
По Новгороду посмотрѣть идетъ,
А товару въ немъ приналожено
Втрое прежняго. Садку зло беретъ,
Призадумался Садко, видитъ онъ,
Что приходится свой закладъ пробить,
Что Новгороду не бывать пустымъ,
Что товары въ немъ не повыкупить.
И пошелъ Садко прямо на площадь,
Предъ купцами онъ свою шапку снялъ,
Поклонился имъ низко-на-низко,
Поклонившися, Садко такъ сказалъ:
„Богачи, купцы новгородскіе!
Похвалился я, что казной богатъ;
Нѣтъ, не я богатъ, богатъ Новгородъ, —
Получайте вы отъ меня закладъ!“

За слова свои похвастливыя
Выдалъ Садко имъ закладъ большой,
Отсыпалъ Садко богачамъ-купцамъ
Ровно тридцать мѣръ золотой казной.

Садко у Морского царя.

Ѣдетъ Садко-купецъ на своихъ корабляхъ
По широкому синему морю;
Расходилась вдругъ буря на синихъ волнахъ
Ко великому Садкину горю.
Ходитъ буря, реветъ, корабли на-бокъ гнетъ,
Паруса рветъ на мелкія части,
За волною волна въ синемъ морѣ встаетъ
И трещатъ корабельныя снасти.
Струсилъ Садко-купецъ предъ бѣдою такой
И поникъ головою въ кручинѣ:
Не придется, знать, Новгородъ видѣть родной,
А придется погибнуть въ пучинѣ.
Говоритъ онъ дружинѣ своей удалой:
„Много лѣтъ мы по морю ходили,
А Морскому царю дани мы никакой
За проходъ кораблей не платили.
Знать, за это на насъ разсердясь, царь Морской
Причинить хочетъ злое намъ горе.
Вы берите боченокъ съ казной золотой
И бросайте его въ сине море“.
И дружина боченокъ съ казной золотой
Въ волны синяго моря кидаетъ...
Волны, пѣнясь, кипятъ надъ морской глубиной,
Корабли точно щепки швыряетъ...
Видитъ Садко, что море все больше бурлитъ,
Все сильнѣй и сильнѣе клокочетъ,
И дружинѣ своей удалой говоритъ:
„Видно, царь головы данью хочетъ!
Такъ давайте же, братцы, кидать жеребья,
Кому жертвою быть синю морю;
Если вамъ, то быть вамъ, если мой — буду я,
И кидайте меня — не поспорю“.
Всѣ берутъ жеребья, Садкѣ въ шапку кладутъ,
Садко въ море съ своимъ ихъ кидаетъ.
Жеребья всей дружины не тонутъ — плывутъ,
Только Садкинъ ко дну упадаетъ.
„Выпалъ жеребій мой морю жертвою быть,
Заплатить дань своей головою;
Безъ меня къ Новугороду, братцы, вамъ плыть,
Увидаться съ сторонкой родною.
Посадите меня на дубовой доскѣ,
Дайте гусли мои золотыя;
На дубовой доскѣ и съ гуслями въ рукѣ
Опустите на волны морскія“.
На дубовой доскѣ посадили его

И на синее море спустили;
Съ нимъ однѣ его гуселькн были.
И затихла вдругъ буря на синихъ волнахъ,
Улеглася морская пучина,
И безъ Садки-купца на его корабляхъ
Понеслася по морю дружина.
На морской глубинѣ, въ свѣтломъ царскомъ дворцѣ
Ходятъ рыбы-киты и дельфины
И сѣдые усы у царя на лицѣ
Очищаютъ отъ грязи и тины.
Съ неба солнца лучи свѣтятъ въ царскій дворецъ,
Зажигаютъ огни-изумруды;
Вотъ въ палаты царя входитъ Садко-купецъ,
За плечомъ у него звонкогуды.
„А! здорово, дружище! давно тебя ждемъ,“ —
Молвилъ Садкѣ Морской царь, зѣвая,
Ротъ широко раскрывъ и зубчатымъ жезломъ
Прочь придворныхъ своихъ отгоняя.
„Много лѣтъ ты возилъ на своихъ корабляхъ
Нашимъ моремъ безъ дани богатство,
Такъ за это потѣшь ты игрой на гусляхъ
Нашу царскую милость въ пріятство“.
Садко кудри съ лица прочь рукою отвелъ,
Взялъ онъ гусли свои звонкогуды
И придворныхъ царя смѣлымъ взглядомъ обвелъ
И подумалъ себѣ: „да, не худы!“
„Ладно, — молвилъ царю, — я потѣшить не прочь
Вашу царскую милость игрою“.
И хватилъ по струнамъ во всю русскую мочь —
Моря гладь заходила волною.
Царь ладонями уши закрылъ и кричитъ:
„Что за чортъ, за игра за такая?
Она царскій нашъ слухъ намъ совсѣмъ оглушитъ!
Эта штука для насъ, братъ плохая!“
Садко руку отвелъ, замираетъ струна,
Звуки тихіе чуть издавая, —
Надъ морской глубиной улеглася волна,
Передъ солнцемъ горя и сверкая.
Точно муха, кружась, защѣпляетъ струну,
Точно мошки, жужжа, гдѣ-то вьются,
Точно капли дождя тихо бьютъ о волну,
Звуки стройные, чудные льются.
Точно кто-то, рыдая, глубоко скорбитъ
О потерянномъ счастьѣ когда-то,
Точно тихая рѣчь чья-то грустно звучитъ
О погибшей любви безъ возврата.
И подъ звуки игры у Морского царя
Голова наклонилась сѣдая;
Хороша, какъ по-утру на небѣ заря,
Загрустилась царица морская.
Ей припомнился Новгородъ вольный, родной,
Ея дѣвичья вышка-свѣтлица,

Что стояла надъ Волховомъ, быстрой рѣкой,
И рыдаетъ морская царица.
Загубилъ ея вѣкъ-золотые деньки
Сынъ боярскій, свѣнчавшись съ другою;
Она бросилась въ Волховъ-рѣку отъ тоски,
Да и стала царицей морскою.
И придворные всѣ, ротъ разинувъ, ревутъ,
Точно горе какое стряслося,
И изъ рыбьихъ ихъ глазъ слезы льются, текутъ:
Всласть впервой имъ поплакать пришлося.
Садко дернулъ плечомъ и кудрями тряхнулъ —
Забѣгали пальцы быстрѣе,
И отъ струнъ побѣжалъ одуряющій гулъ,
Звуки льются живѣй и живѣе.
Точно дождикъ шумитъ, точно скачетъ волна,
Ударяясь о берегъ скалистый,
Зазвенѣла морская кругомъ глубина,
Понеслись гоготанье и свисты.
Ошалѣлъ царь Морской, головою трясетъ,
Плечи сами собой такъ и ходятъ,
И руками вертитъ, и ногами толчетъ,
И, моргая, глазами поводитъ.
Скачетъ царь водяной, ходитъ фертомъ кругомъ
И полой своей шубы онъ машетъ,
По хрустальнымъ палатамъ вертится вьюномъ,
Присѣдаетъ и съ присвистомъ пляшетъ.
Садко день проигралъ, проигралъ и другой —
Звуки прыгаютъ, скачутъ, дробятся,
Все сильнѣй и сильнѣй пляшетъ царь водяной,
Такъ что началъ дворецъ весь шататься.
Надъ морской глубинной волны, пѣнясь, кипятъ
И, свистя, другъ на друга несутся,
И трещатъ корабли, мачты въ воду летятъ,
Крики, стоны кругомъ раздаются.
Корабельщики всѣ предъ бѣдою такой
Затужились о ждущей ихъ долѣ,
Что придется погибнуть имъ въ глуби морской,
И взмолились святому Николѣ.
Два дня Садко игралъ и играетъ еще,
На щекахъ разгорѣлся румянецъ...
Кто-то Садку рукой тихо дергъ за плечо...
Глядь, стоитъ передъ нимъ сѣдой старецъ.
„Перестань на звончатыхъ ты гусляхъ играть,
Говоритъ ему старецъ сурово, —
Не честно православной душѣ потѣшать,
Не пригоже — царя водяного“.
„Не моя, старче, власть на морской глубинѣ,
Я въ водѣ здѣсь слуга подневольный
И, играя, грущу о родной сторонѣ,
Человѣкъ Новагорода вольный.
Не охотой попалъ на морское я дно,
Съ водянымъ мнѣ не радость возиться;

Я и самъ пересталъ бы играть ужъ давно,
Да вѣдь какъ отъ игры мнѣ отбиться?“ —
„А ты вырви колки изъ гуслей золотыхъ,
Зашвырни ты ихъ въ море далече,
Возьми, струны порви и скажи: нѣтъ другихъ,
На чемъ стану играть, человѣче?
Будетъ царь водяной тебя въ морѣ женить,
Будетъ дочекъ давать тебѣ въ жены,
Не бери, а то въ морѣ останешься жить,
Не увидишь свѣтъ вольный, крещеный.
Не прельщайся ты, Садко, морской красотой,
Хороши царя дочки на славу;
У царя водяного возьми ты женой
Некрасивую дѣвку Чернаву.
И какъ только поутру займется заря,
Въ Новѣгородѣ вольномъ проснешься“.
Старецъ сталъ невидимъ. Садко струны рванулъ —
На гусляхъ точно струнъ не бывало,
И замолкъ подъ водою рокочущій гулъ,
И въ палатахъ царя тихо стало.
Пересталъ царь морской и скакать, и плясать,
Говоритъ такъ онъ Садкѣ съ грозою: —
„Что-жъ ты, Садко, умолкъ, или насъ потѣшать
Не желаешь ты больше игрою?“
— „Я бы тѣшить не прочь, да вѣдь какъ-же мнѣ быть,
На губахъ наиграешь немного;
Царь! порвались всѣ струны, другихъ захватить
Не пришло мнѣ въ умишко убогій“.
„Дѣлать нечего, вижу, вина не твоя,
А хотѣлось еще поплясать-бы,
Ужъ утѣшилъ-бы всѣхъ своей пляскою я,
А особенно въ день твоей свадьбы.
За игру твою, Садко, хочу наградить,
За большую услугу такую:
Я хочу тебя, Садко, на дочкѣ женить,
Изъ царевенъ облюбишь какую.“ —
„Нѣтъ ужъ, батюшка царь, не изволь награждать,
Награжденье твое, мнѣ кручина,
Мнѣ царевна морская женой неподстать, —
Я простой новгородскій людина.
Для простого людины мнѣ честь велика —
Взять женою царевну морскую.
Подопью иногда, раззудится рука —
Ни за что твою дочку отдую.
За царевною нуженъ великій уходъ,
Обувать, одѣвать — нужны слуги,
А для этого скуденъ мой будетъ доходъ, —
Не возьму твою дочку въ супруги.
Царь, мнѣ надо жену вотъ такую-бы взять,
Чтобы съ ногъ сапоги мнѣ снимала,
Какъ побью иногда, чтобы стала молчать,
Говорить предо мной не дерзала.

Чтобы дѣлала то, что ей дѣлать велю,
Моему-бъ не перечила нраву;
Дай ты въ жены мнѣ лучше прислугу твою,
Некраспвую дѣвку Чернаву".
И женилъ его царь на Чернавѣ рябой,
На нечесаной дѣвкѣ, косматой,
Сорокъ бочекъ казны за Чернавой-женой
Далъ въ приданое царь тароватый.
И какъ только поутру зажглася заря,
Въ Новѣгородѣ Садко проснулся, —
И надъ Волховомъ, быстрой рѣкою, стоитъ,
Недалеко отъ дома родного,
И предъ нимъ сорокъ бочекъ съ казною лежитъ,
Награжденье царя водяного.
Вотъ и Садки суда принеслись по волнамъ.
Удивленье, дружинѣ — загадка,
Что за чудо такое? Не вѣрятъ глазамъ, —
Какъ ни въ чемъ не бывалъ, стоитъ Садко.

35. Василій Буслаевъ.

Въ славномъ великомъ Новѣградѣ,
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ, не перечился,
Со мужики новогородскими
Поперекъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и преставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье-бытье
И все имѣніе дворянское;
Оставалася матера вдова,
Матера Амелфа Тимоѳеевна,
И оставалося чадо милое,
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будетъ Васенька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимоѳеевна,
Учить его во грамотѣ,
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила перомъ его писать, —
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному, —
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такого пѣвца,
Во славномъ Новѣгородѣ,
Сопротивъ Василья Буслаева.
Повадился, вѣдь, Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, съ безумницы,
Со веселыми удалыми добрыми молодцы,
Допьяна ужъ сталъ напиватися, —
А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго хватитъ поперекъ хребта,
Тотъ кричитъ, реветъ, окорачь ползетъ.
Пошла-то жалоба великая: —
А и мужики новогородскіе,
Посадскіе, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на умъ учить.
Журьба Васькѣ не взлюбилася,
Пошелъ онъ Васька во высокъ теремъ,
Садился Васька на ременчатый стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчасты,
Отъ мудрости слово поставлено:
„Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкій дворъ, —
Тотъ пей и ѣшь готовое
И носи платье разноцвѣтное."
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ

На тѣ улицы широкія
И на тѣ частые переулочки.
Въ тоже время поставилъ Васька
чанъ середи двора,
Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
Во славномъ было во Новѣградѣ,
Грамотны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкій дворъ
Къ тому чану, зелену вину;
Вначалѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ Костя на широкій
дворъ,
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ—
Въ половинѣ было налито
Тяжело свинцу чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать
пудъ.
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ:
Стоитъ тутъ Костя не шевельнется,
И на буйной головѣ кудри не
тряхнутся,
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
„Гой еси, ты, Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названый братъ,
И паче мнѣ брата родимаго“.
А и мало время позамѣшкавши,
Собиралися, сходилися,
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Онъ самъ Василій тридцатый
сталъ.
Какой зайдетъ убьютъ его,
Убьютъ его за ворота бросятъ.
Послышалъ Васенька Буслаевичъ
У мужиковъ новгородскихъ
Канунъ варенъ, пива ячныя,
Пошелъ Василій со дружиною,
Пришелъ во братчину въ
Никольщину:
„Не малу мы тебѣ ссыпь платимъ,
За всякаго брата по пяти рублевъ“.—
А за себя Василій даетъ пятьдесятъ
рублевъ,
А и тотъ-то староста церковный
Принималъ ихъ во братчину въ
Никольщину:
А и зачали они тутъ канунъ варенъ
пить,
А и тѣ-то пива ячныя.
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,
Бросился на царевъ кабакъ,
Со своею дружиною хороброю;
Напилися они туто зелена вина,
И пришли во братчину въ
Никольщину.
А и будетъ день ко вечеру,
Отъ малаго до стараго,
Начали ужъ ребята боротися,
А въ иномъ кругу въ кулаки битися;
Отъ тое борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго,
Началася драка великая;
Молодой Василій сталъ драку
разнимать,
А иной дуракъ зашолъ съ носка,
Его по уху оплелъ;
А и тутъ Василій закричалъ громкимъ
голосомъ:
„Гой еси, ты, Костя Новоторженинъ,
И Лука, Моисей, дѣти боярскіе!
Уже Ваську меня бьютъ.“
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали.
Кричатъ, ревутъ мужики посадскіе,
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси, вы, мужики новогородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися,
Со всей дружиною хороброю;
Тако вы меня съ дружиною побьете,
Новымъ-городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы по
смерть свою,
На всякій годъ по три тысячи:
А буде же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритеся,
То вамъ платить мнѣ такову же
дань“.
И въ томъ-то договорѣ руки они
подписали.
Началась у нихъ драка-бой великая...
Пошелъ Василій по Волхъ-рѣкѣ,
А идетъ Василій по Волхъ-рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ;
Завидѣли добрые молодцы,
А его дружина хоробрая,
Молода Василья Буслаева, —
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,

У нихъ-то молодцовъ думушки прибыло:
Молодой Василій Буслаевичъ
Пришолъ-то молодцамъ на выручку, —
Со тѣми мужики новогородскими
Онъ дерется, бьется день до вечера;
А ужъ мужики покорилися,
Покорилися и помирилися —
Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ;
Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ, поклоняются:
„Осударыня матушка,
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и рады мы платить
На всякой годъ по три тысячи,
На всякой годъ будемъ тебѣ носить:
Со хлѣбниковъ по хлѣбику,
Съ калачниковъ по калачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Съ дѣвицъ повалечное,
Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
Опричь поповъ и дьяконовъ“.
Втапоры матера вдова
Амелфа Тимоѳеевна
Посылала дѣвушку-чернавушку
Привести Василья съ дружиною.
Приходитъ Василій Буслаевичъ
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ-матушкѣ,
Матерой вдовѣ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ,
Какъ вьюнъ, около ея увивается,
Проситъ благословеніе великое:
„А свѣтъ ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимоѳеевна!
Дай мнѣ благословеніе великое,
Итти мнѣ Василью въ Ерусалимъ-градъ,
Со всею дружиною хороброю,
Мнѣ ко Господу помолитися,
Святой святынѣ приложитися,
Во Ердани-рѣкѣ искупатися“.
Что возговоритъ матера вдова,
Матера Амелфа Тимоѳеевна:
„Гой еси, ты, мое чадо милое,
Молодой Василій Буслаевичъ!
То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго,
А и не носи Василья сыра земля“.
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распущается,
И даетъ она много свинцу, пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долгомѣрное:
„Побереги ты, Василій, буйну голову свою“.
Скоро молодцы собираются
И съ матерой вдовой прощаются.
Походили они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по озеру Ильменю;
Бѣгутъ они ужъ сутки другія,
А бѣгутъ уже недѣлю другую, —
Встрѣчу имъ гости-корабельщики:
„Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
Куда, молодецъ, поизволилъ погулять?“
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
„Гой еси, вы, гости-корабельщики!
А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти;
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямого пути
Ко святому граду Іерусалиму“.
Отвѣчаютъ ему гости-корабельщики:
„А и гой еси, Василій Буслаевичъ!
Прямымъ путемъ во Іерусалимъ-градъ
Бѣжать семь недѣль,
А окольной дорогой полтора года.—
На славномъ морѣ Каспійскімъ,
На томъ острову на Куминскіимъ,
Стоитъ застава крѣпкая,
Стоятъ атаманы казачіе,
Не много, не мало ихъ—три тысячи;
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червляны корабли“.
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ;
„А не вѣрую я, Васенька, ни въ сонъ, ни въ чохъ
А и вѣрую въ свой червленой вязъ;
А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ“...
Будутъ они во Ердань-рѣкѣ,

Бросали якори крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Іерусалимъ-градъ;
Пришелъ во церкву соборную,
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя, Василья Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Что съ молоду бито много, граблено.
И ко святой святынѣ приложился онъ.
И въ Ердани-рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами;
И которые старцы при церкви живутъ,
Даетъ золотой казны не считаючи.
И походитъ Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль.

36. Ушкуйники.

Что за дикія пустыни,
Что за темные лѣса!
Опрокинулись надъ ними
Голубыя небеса.
Глушь... Безлюдье... Бездорожье...
Оглашаютъ эту дичь
Только громы Божьей бури
И залетной птицы кличъ.
Не услышишь человѣка;
Вольный въ чащѣ вѣковой
Странникъ сѣвера, сохатый
Пробирается порой,
Вѣтви ельника ломая,
Въ тотъ невѣдомый просторъ,
Гдѣ надъ гладью океана
Поднялись уступы горъ.
Да медвѣдь бродитъ по лѣсу,
И реветъ онъ, и ворчитъ,
Словно царь свои владѣнья
Отъ кого-то сторожитъ.
Дальше—тундры вѣковыя
Неподвижно залегли...
Глушь... Безлюдье... Бездорожье...
Царство смерти... Край земли...
Широка среди пустыни
Свѣтловодная Двина;
Катитъ пѣнистыя волны
Въ море Бѣлое она.
На привольѣ зеленѣютъ
Заливные острова...
Какъ нѣжна на этихъ гладяхъ
Луговая мурава!
Чайки бѣлыя мелькаютъ,
Будто искры, надъ рѣкой,
Журавли, чернѣя высью,
Словно плачутся порой.
Малой точкой въ синемъ небѣ
Кречетъ взвился и виситъ,
Вся украйна, яркимъ солнцемъ
Озаренная, горитъ.
По заводьямъ стонутъ утки;
Гулъ рѣчной, и гулъ лѣсной
Низью стелятся повсюду
Надъ красавицей Двиной.
Глушь... Безлюдье... Бездорожье...
Говоръ волнъ и птичій кличъ.
И далеко залетаетъ
Неизвѣданная дичь...
То не говоръ-ли потока?
То не вѣтеръ-ли шумитъ?
Нѣтъ! Какъ будто издалека
Пѣсня звонкая гремитъ.
Пѣсня звонкая, лихая,
Вся-то удаль, сила, гнѣвъ...
И далеко, не смолкая,
Чьи-то груди надрывая,
Вольный носится напѣвъ.
Ближе... Лодки надъ волнами
Остроносыя скользятъ,
Весла искрятся на солнцѣ,
Флаги бѣлые блестятъ.
Ближе... Громче... Кто отважный
Въ глушь пустынную проникъ?
Чей надъ этими лѣсами
Далеко несется крикъ?
Дѣти-ль Чуди [1]) бѣлоглазой.

[1]) Чудью наши предки называли Финновъ.

Иль Варяговъ злая рать
Мчатся дикія кочевья
Грабить, бить и истреблять?
Нѣтъ—то Руси вольной слово,
Нѣтъ—то пѣснь ея сыновъ,
Точно вьется надъ пустыней
Стая дикая орловъ.
Это Новгорода дѣти,
Дѣти славы вѣчевой,
Ищутъ дали и простора,
Ищутъ битвы роковой.
Въ пѣснѣ ихъ—орлиный клекотъ,
Вольный кличъ лихихъ бойцовъ,
Точно слышится отзвучье
Вѣчевыхъ колоколовъ.
Оживляются пустыни.
Встрепенулся темный боръ;
Гдѣ бродилъ одинъ сохатый —
Тамъ съ утра звенитъ топоръ.
Глушь, безлюдье, бездорожье,
Царство смерти, край земли
Этимъ сѣятелямъ жизни
Новью тучною легли.
И бродитъ ушкуйникъ смѣлый
По трущобамъ вѣковымъ;
Какъ грибы, растутъ поселки,
Вѣче слышится за нимъ...
Ой! Сбирайтеся дружины!..
Воля кличетъ, бой зоветъ...
И съ конца въ конецъ, далеко
Громкій колоколъ гудетъ,
И отъ края и до края
Надъ пустынею глухой
Все звучитъ не умолкая,
Выше, выше залетая,
Пѣсня Руси молодой.

37. Татарскій погромъ.

Наступилъ 1223-й годъ, и съ нимъ пришла на Русь неслыханная бѣда. Сперва пронесся слухъ, что гдѣ-то за Волгой появился новый, невиданный дотолѣ народъ; что идетъ онъ по землѣ, будто „огнь палящій“, истребилъ уже многія царства и грозится покорить весь міръ. И думали книжные люди, что это, должно быть, тотъ нечестивый народъ, который долженъ явиться передъ концомъ свѣта. Потомъ узнали, что полчища этого ужаснаго народа прошли уже до тихаго Дона и бьются съ Половцами. Вскорѣ и сами Половцы прибѣжали толпами и стали разсказывать о силѣ и свирѣпости Татаръ. „Ополчайтесь“, говорили Русскимъ Половцы, „ополчайтесь всѣ, сегодня Татары насъ побили, завтра до васъ доберутся“. Самый храбрый изъ тогдашнихъ князей русскихъ, Мстиславъ Удалой, владѣвшій Волынью, немедленно сталъ собираться на защиту земли Русской отъ враговъ. Не дожидаясь дружины великаго князя, надѣясь и безъ нея управиться, онъ лишь съ немногими полками пошелъ на встрѣчу Татарамъ. У Днѣпра явились къ Русскимъ татарскіе послы и сказали: „Мы гонимъ холоповъ нашихъ Половцевъ, но съ вами воевать не хотимъ“. Когда же начались переговоры, Русскіе такъ были оскорблены дерзкими рѣчами пословъ, что всѣхъ ихъ убили. Соединившись съ дружинами Половцевъ, Русскіе двинулись впередъ и дошли до рѣки Калки, которая течетъ въ Азовское море, но тутъ, къ несчастью, начались несогласія между князьями. Другой Мстиславъ, князь кіевскій, не

хотѣлъ переходить черезъ Калку и, отдѣливъ свое войско, остался по сю сторону рѣки, огородившись лагеремъ на горѣ. Небольшіе отряды Татаръ то и дѣло встрѣчались Русскимъ; они завязывали дѣло и тотчасъ же убѣгали, чтобы заманить Русскихъ въ открытое поле. Когда же часть Русскаго войска переправилась черезъ Калку, то оно увидѣло передъ собой несмѣтныя татарскія полчища. Мстиславъ Удалой тотчасъ приказалъ готовиться къ битвѣ; взволновался и станъ татарскій, и двинулась вражья рать, словно черная туча, на русскіе полки. Началась сѣча лютая. Первый схватился съ Татарами князь галицкій, Даніилъ Романовичъ; онъ былъ раненъ въ грудь, но продолжалъ биться. Ужъ Татары съ одной стороны отступали передъ нимъ, а съ другой стороны на нихъ напиралъ Олегъ, князь курскій, какъ вдругъ Половцы побѣжали и стоптали своихъ союзниковъ Русскихъ. Мстиславъ Удалой сперва сдержалъ бѣгущихъ, потомъ бросился въ бой, но не могъ устоять противъ напора Татаръ; за нимъ побѣжали и всѣ остальные. Пораженіе было страшное, какого, по словамъ лѣтописца, не бывало отъ начала Русской земли. Разъяренные враги гнали Русскихъ до Днѣпра; Мстиславъ успѣлъ переправиться и тотчасъ велѣлъ жечь, рубить лодки и отталкивать ихъ отъ берега. Оставшіеся на мѣстѣ битвы Татары окружили лагерь другого Мстислава, кіевскаго. Три дня отбивались Русскіе; наконецъ Татары дали обѣщаніе отпустить ихъ. Но лишь только Мстиславъ выступилъ изъ лагеря, вѣроломный врагъ напалъ на его дружины и смялъ ихъ. Князей привели къ татарскимъ начальникамъ, которые приказали ихъ связать, положить на землю и покрыть досками. Потомъ усѣлись на доскахъ пировать, и несчастные князья задохлись въ ужасныхъ мученіяхъ. Послѣ того Татары двинулись по Днѣпру. Жители городовъ и селъ уже не думали защищаться; они выходили къ нимъ на встрѣчу съ образами и хоругвями, предлагая богатые дары, но ярость враговъ никого не щадила: всѣхъ перебили или перерѣзали. Застонала, затрепетала земля Русская. Но вскорѣ услыхали изумительную вѣсть о томъ, что Татары вдругъ поворотили назадъ.

Русскіе были въ недоумѣніи, не знали, что это за люди, откуда приходили? Лѣтописецъ подъ 1224 годомъ такъ и записалъ: „Пришли невѣдомые люди, никто не знаетъ, кто они, откуда, какого племени и какая ихъ вѣра, а зовутъ ихъ Татарами. Богъ одинъ знаетъ, что это за люди; ученые, что читаютъ книги, могутъ объ этомъ сказать, а мы не вѣдаемъ: записали только для памяти о тѣхъ бѣдахъ, какіе произошли отъ нихъ на землѣ Русской“.

Нежданно, негаданно стряслась бѣда надъ землею Русскою. Не успѣли еще опомниться, а ужъ и прошла она, какъ сонъ тяжелый, но несбывшійся. Только разоренныя села, сожженные города говорили, что не сонъ то былъ, а дѣйствительность, только плачъ матерей и женъ, скорбь родичей напоминали, что много Русскихъ костьми легло въ кровавой схваткѣ съ невѣдомыми пришельцами, а народъ ужъ готовъ и забыть миновавшую напасть, ужъ твердитъ о своихъ вѣчныхъ заботахъ; а князьямъ—не въ урокъ пошло: поднимаютъ они старую усобицу. А къ этому присоединяются еще новыя несчастія. Сдѣлалась засуха необыкновенная; повсюду горѣли лѣса и болота; густыя облака дыму стояли въ воздухѣ, затмевая самое солнце; такое было удушье, что птицы падали мертвыми въ воздухѣ. Въ Новгородѣ съ Успенія Богородицы до зимняго Николы густая тьма небо покрывала, шли дожди безпрестанные; сѣно, хлѣбъ гнили на лугахъ и поляхъ; житницы стояли пустыя. А на слѣдующій годъ морозъ, необыкновенно ранній, на Воздвиженіе Креста Господня, побилъ всѣ озими; цѣна на хлѣбъ стала неслыханная. Насталъ голодъ, свирѣпствовали болѣзни и моръ. Бѣдные ѣли мохъ, жолуди, сосну, ильмовый листъ, липовую кору, кошекъ и собакъ. Начались грабежи, мятежи и безпорядки еще болѣе увеличивали бѣдствія. „Не было жалости въ людяхъ, говоритъ лѣтописецъ: казалось, что ни отецъ сына, ни мать дочери не любитъ. Сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ уломить куска хлѣба!“ Кто могъ, бѣжалъ въ другія области; но зло было общее всей землѣ Русской, кромѣ Кіева. Въ Смоленскѣ умерло отъ болѣзни и голоду до 30,000, въ Новгородѣ—42,000. А по веснѣ въ Новгородѣ пожаръ испепелилъ богатую часть города. Поневолѣ на людей Божіихъ нападалъ страхъ и трепетъ великій. А тутъ еще на небѣ появилась комета, звѣзда необыкновенной величины, со свѣтлымъ хвостомъ. „Быть бѣдѣ“ говорилъ въ страхѣ народъ. И бѣда пришла.

Татары, или Монголы были народъ, вышедшій изъ Азіи; жилъ онъ по сосѣдству съ Китаемъ. Татары были кочевники, избъ не строили, земли не пахали, а держали при себѣ большія стада и переходили съ мѣста на мѣсто, чтобы найти новый кормъ своимъ стадамъ. Жили они въ круглыхъ шалашахъ или юртахъ, сплетенныхъ изъ хворосту и покрытыхъ войлокомъ. Посреди юрты разводили огонь; дымъ уходилъ въ отверстіе, бывшее наверху. Ѣли они всякое мясо и жидкую кашицу изъ проса; хлѣба не знали. Ѣли все нечистыми руками, обтирая ихъ о сапоги или траву. Татары отлично стрѣляли изъ лука и также отлично ѣздили на лошадяхъ.

Женщины смотрѣли за всѣмъ хозяйствомъ и были очень трудолюбивы. Вѣрили Татары въ одного Бога, но молились идоламъ. Были они честны; воровъ между ними вовсе не было, ласковы и дружелюбны между собою, охотно другъ другу помогали. Терпѣливо переносили и холодъ, и голодъ; въ походѣ не уставали и могли по двое сутокъ оставаться безъ ѣды. Но къ другимъ народамъ были люты, жадны на добычу, лживы и коварны; они жили грабежемъ, все разрушая и сожигая на пути. Сначала Татары жили въ степяхъ отдѣльными племенами или народцами; управлялось каждое племя своимъ княземъ или ханомъ и часто вели другъ съ другомъ войны, пока не появился между ними одинъ сильный ханъ, Темучинъ, который покорилъ всѣ эти племена, соединилъ ихъ въ одинъ народъ и за свои завоеванія былъ названъ великимъ ханомъ, или Чингисъ-ханомъ. Оставшись сиротою, онъ въ юности много вытерпѣлъ отъ своихъ родныхъ; пришлось ему въ тюрьмѣ сидѣть и быть недалеко отъ смерти; но онъ успѣлъ выйти изъ бѣды невредимымъ, а умомъ и храбростью съумѣлъ достигнуть великой власти. Покоривъ сосѣдніе народы, онъ задумалъ завоевать весь свѣтъ. Вотъ и двинулся онъ съ несмѣтными полчищами, какъ ничѣмъ неукротимая гроза: разорилъ Китайское государство, истребилъ царство Бухарское, ханъ котораго называлъ себя тѣнью Бога на землѣ и имѣлъ нѣсколько сотъ тысячъ войска. Затрепетали Персія и Индія; всюду полились рѣки крови и слезъ; города стали пепелищами, народъ и цари—рабами Монголовъ. Одинъ изъ отрядовъ этого страшнаго завоевателя и былъ тотъ самый, который переправился черезъ Кавказскія горы, разбилъ Русскихъ у береговъ рѣки Калки, прошелъ съ огнемъ и мечемъ до Днѣпра, но вдругъ поворотилъ назадъ и скрылся невѣдомо куда. А поворотилъ онъ за Волгу, по приказанію Чингисъ-хана. Чингисъ-ханъ, умирая, завѣщалъ своимъ дѣтямъ окончить завоеваніе всего свѣта. И вотъ внукъ его Батый съ полумилліономъ Монголовъ въ 1235 г. двинулся черезъ Волгу.

Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ битвы при Калкѣ снова пришла вѣсть, что съ восточной стороны въ землѣ Болгаръ, жившихъ по Волгѣ и Камѣ, опять появились Татары, разгромили землю болгарскую и съ несмѣтными полчищами идутъ на Русь, въ область Рязанскую. Не успѣли Русскіе опомниться отъ страшной вѣсти, какъ ужъ Татары чрезъ густые лѣса вступили въ южную часть Рязанской области. Ханъ ихъ Батый прислалъословъ къ князьямъ рязанскимъ сказать: „Если хотите мира, то давайте отъ всего десятину: отъ князей, отъ простыхъ людей, отъ коней“. Князья ря-

занскіе отвѣчали: „Когда насъ всѣхъ не станетъ, все будетъ ваше“. У князей рязанскихъ было мало ратныхъ людей: они просили помощи у великаго князя владимірскаго, Юрія Всеволодовича. Но Юрій отказалъ въ подмогѣ,—онъ думалъ одинъ управиться съ Татарами. Какъ ни тяжело было рязанскимъ князьямъ бороться однимъ, какъ ни мала была ихъ ратная сила, а они все-таки рѣшили постоять до конца противъ враговъ за свою родину. А Татаръ-то было видимо-невидимо. Есть преданіе, что князь рязанскій, не видя ни откуда себѣ помощи, послалъ къ Батыю сына своего Ѳеодора съ богатыми дарами, въ надеждѣ отвратить разореніе отъ своей земли. У этого князя Ѳеодора была жена красавица, по имени Евпраксія. Свѣдавъ о красотѣ ея, Батый пожелалъ ее видѣть. Но Ѳеодоръ дерзко отвѣтилъ ему: „Христіане не показываютъ женъ своихъ злымъ язычникамъ“. Батый за такой отвѣтъ приказалъ сперва подвергнуть его страшнымъ мукамъ и затѣмъ убить. Евпраксія, узнавъ о смерти мужа, бросилась съ малюткой-сыномъ на рукахъ съ высокаго терема и убилась до смерти. Двинулъ Батый свои полчища на стольный городъ Рязань, все разрушая, все уничтожая на пути: города разоряли до основанія, людей убивали безъ милосердія. Подступивъ къ Рязани, Татары зажгли городъ и ворвались въ него, истребляя все огнемъ и мечемъ. Князь, его жена, мать, бояре, народъ, всѣ погибли отъ рукъ татаръ. Городъ былъ выженъ до тла, по окрестностямъ его еще нѣсколько дней продолжались убійства. Одинъ изъ рязанскихъ князей, говоритъ лѣтописецъ, былъ во время погрома татарскаго вмѣстѣ съ бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ и своею дружиною въ городѣ Черниговѣ. Коловратъ, узнавъ о разореніи, постигшемъ землю Рязанскую, поспѣшилъ домой, увидѣлъ страшное опустошеніе, но Татаръ уже не засталъ: они ушли за рубежъ Рязанской земли. Не могъ спокойно Евпатій видѣть страданій родной земли; рѣшился онъ отмстить врагамъ ея. Не считая числа ихъ, съ небольшою дружиною, всего-то въ 1700 человѣкъ, онъ погнался за Татарами, настигъ ихъ и съ мужествомъ необыкновеннымъ ударилъ на полчища татарскія. Татары всполошились: за собой они оставили страну разоренную, покрытую только трупами. Ужъ не мертвецы ли рязанскіе возстали на защиту родины, думалось Татарамъ. „Что вы за люди?“—спрашивалъ Батый у пятерыхъ воиновъ, взятыхъ въ плѣнъ изъ дружины Евпатія. „Мы люди Рязанскіе, отвѣчали послѣдніе,—пришли мы проводить тебя съ честью, какая подобаетъ такому знаменитому царю, какъ ты; такъ проводить, какъ при-

выкли Русскіе люди провожать враговъ: стрѣлами и копьями". Горсть этихъ отважныхъ людей не могла, разумѣется, одолѣть несмѣтные полки Батыевы; большинство изъ нихъ съ мужественнымъ воеводою Евпатіемъ положили свой животъ въ честномъ бою за родную землю. Тѣхъ же, которые силою въ полонъ были забраны, пощадилъ Батый, не сотворилъ имъ зла никакого и невредимыми отпустилъ на родину. Но эти отдѣльные примѣры мужества и храбрости не могли спасти нашего несчастнаго отечества.

Батый двинулся въ область Владимірскую, сжегъ Москву и Суздаль, пограбилъ, что̀ могъ, остальное пожегъ, жителей часть взялъ въ плѣнъ, остальныхъ перебилъ и пошелъ прямо къ стольному городу Владиміру. Въ день Срѣтенія Господня подступили враги къ Владиміру. Народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ безчисленныя толпы. Великій князь отправился въ область Ярославскую собирать ратныхъ людей. Въ городѣ остались сыновья его съ княгинями. Татары подступили къ городу и спросили: „Что, великій князь въ городѣ?" Владимірцы отвѣчали имъ стрѣлами. Татары окружили городъ. Началась осада. Молодые князья хотѣли сразиться съ Татарами въ полѣ: „Умремъ, говорили они,—но умремъ передъ золотыми воротами владимірскими, честно за вѣру православную". Но воеводы имъ не позволили выйти изъ города, предвидя тогда ихъ неминуемую погибель, а надѣялись они, что подойдетъ великій князь съ войскомъ и выручитъ ихъ. На пятый день начался приступъ. Окружили Татары городъ стѣнобитными орудіями и скоро ворвались въ городъ. Князь Всеволодъ вышелъ имъ на встрѣчу, предложилъ богатые дары, но былъ тотчасъ же изрубленъ. Княгиня съ дѣтьми, съ епископомъ Митрофаномъ, со множествомъ бояръ и народа заперлись въ соборной церкви Богородицы; Татары подошли къ церкви, обложили ее лѣсомъ и зажгли. Тогда епископъ громогласно сказалъ: „Господи! простри невидимую руку Свою, пріими въ миръ души рабовъ Твоихъ", и благословилъ всѣхъ на смерть неизбѣжную. Одни изъ бывшихъ въ церкви задохлись отъ дыму, другіе сгорѣли или были перебиты Татарами, которые, разломавъ двери, ворвались въ соборъ и ограбили его. Драгоцѣнные камни, золото, серебро, древнія княжескія одежды, богатыя облаченія, старинныя рукописныя книги все было растащено Татарами. Поплѣнивъ всю Суздальскую землю, Татары пошли искать великаго князя. Юрій Всеволодовичъ стоялъ съ своимъ войскомъ на берегахъ рѣки Сити, впадающей въ Мологу, не далеко отъ Волги. Узнавъ о гибели стольнаго города, о бѣдствіяхъ, по-

стигшихъ его народъ, о лютой смерти всей семьи своей, Юрій Всеволодовичъ просилъ Господа Бога послать ему терпѣніе Іова многострадальнаго. Онъ проливалъ слезы скорби и печали, но не падалъ духомъ, снаряжалъ ратныхъ людей и приготовлялся встрѣтить враговъ земли родной. Батый не заставилъ себя долго ждать: передовыя его дружины окружили полки княжескіе. Юрій Всеволодовичъ съ князьями сѣли на коней и ударили на Татаръ. Сѣча была лютая, великій князь палъ въ битвѣ, а дружины его были истреблены (1238 г.). А Батый съ ордою своею шелъ дальше: взялъ Тверь, Торжокъ, двинулся къ Новгороду. Села исчезали, народъ гибнулъ. Батый находился въ 100 верстахъ отъ Новгорода. Приближалась весна, наступали оттепели; Новгородъ окруженъ болотами и лѣсами, которые дѣлали его недоступнымъ, и Батый къ радости и удивленію новгородскихъ жителей повернулъ назадъ и пошелъ къ Волгѣ. На пути Батый осадилъ небольшой городокъ Козельскъ. Семь недѣль продержались козельцы противъ Батыя, и когда Татары взяли таки городъ, они бросились на нихъ и рѣзались съ ними ножами, и полегли въ бою, защищая родной городъ. Татары, озлобленные столь продолжительною осадою, взявъ городъ, перебили всѣхъ жителей поголовно. Погромивъ землю Суздальскую и Рязанскую, Татары ушли въ степи — дали передохнуть Руси. Русскіе же подумали, что и бѣдѣ конецъ. Князья переяславскіе, черниговскіе и кіевскіе благодарили Бога, что ихъ миновала бѣда. Но горько они ошиблись.

На слѣдующій годъ Татары вновь появились и направились теперь на южную Русь. Пришлось и южнымъ князьямъ, смотрѣвшимъ прошлый годъ равнодушно на погибель сѣверныхъ, испытать на себѣ весь ужасъ татарскаго погрома; испытать, къ какимъ тяжкимъ бѣдствіямъ ведутъ рознь и несогласія. Татары взяли Переяславль, потомъ Черниговъ и затѣмъ приступили къ Кіеву. Давно уже Батый слышалъ о Кіевѣ. Слава этого города проникла въ отдаленныя страны, восточныя и западныя. И когда Татары подступили къ этому городу съ лѣвой стороны Днѣпра, они дивились и его красотѣ, и его величію. Татары послали пословъ къ кіевлянамъ съ предложеніемъ сдаться. Но кіевляне гордо отвергли постыдное предложеніе и убили пословъ, рѣшившись мужественно постоять за родной городъ и кіевскія святыни. Кіевомъ тогда владѣлъ князь Даніилъ Романовичъ Галицкій. Уже прежде бился онъ съ Татарами, зналъ онъ ихъ силу лютую, вѣдалъ, что однѣми своими силами съ Татарами не сладить, пошелъ искать помощи у сосѣдей, а въ

Кіевѣ оставилъ доблестнаго боярина Димитрія. Скоро Кіевъ обложили со всѣхъ сторонъ несмѣтныя силы татарскія. Отъ скрипа телѣгъ, отъ рева верблюдовъ и воловъ, отъ ржанія копей и криковъ враговъ, кіевляне не могли разслышать другъ друга въ городѣ. Димитрій не унывалъ, онъ не зналъ страха — онъ былъ бодръ; отдавалъ приказанія хладнокровно и обдуманно. Татары подвинули стѣнобитныя орудія къ городу и день и ночь били ими въ стѣны. Наконецъ пала стѣна и вмѣсто стѣны Татары встрѣтили ряды кіевлянъ, которые грудью своею отстаивали родной городъ. Бились крѣпко и Русскіе, и Татары; стрѣлы омрачали воздухъ; копья трещали и ломались, мертвыхъ и умирающихъ попирали ногами. Длился бой до поздняго вечера, и только послѣ совершеннаго утомленія Татары завладѣли кіевскою стѣною и тутъ же на ней, изнуренные, усталые, повалились на отдыхъ. Кіевляне же отступили въ городъ къ Десятинной церкви и всю ночь провели, воздвигая новыя укрѣпленія, огородились тыномъ и рѣшились защищаться, пока хватитъ силы. Мало было надежды на спасеніе, видѣли это и кіевляне, но никому и на умъ не приходило просить пощады. Безоружные жители искали спасенія въ самой церкви, стащили туда свои пожитки, поклали ихъ на хорахъ; стѣны не выдержали тяжести, рухнули и передавили народъ. Прошла ночь, заботная для Русскихъ. Наступило утро, поднялись Татары, подкрѣпленные сномъ, и съ удивленіемъ увидѣли, что снова должны были биться съ кіевлянами. Но не трудно имъ было одолѣть слабую ограду. Русскіе бились отчаянно, бились на смерть и трупами своими устлали всю площадь около церкви. Въ день зимняго Николы взяли Татары Кіевъ (1240 г.), взяли въ полонъ и боярина Димитрія; привели его къ Батыю, и Батый, дивясь его мужеству, оставилъ въ живыхъ. Димитрій же, чтобы спасти остальную землю Русскую отъ конечнаго разоренія, совѣтовалъ Батыю идти далѣе на западъ, пока тамъ не собрались съ силами. Батый послушалъ его, пошелъ далѣе, опустошая всѣ земли, по пути его лежавшія, перешелъ наконецъ рубежъ земли Русской; но тамъ нѣсколько иноземныхъ государей соединились вмѣстѣ, встрѣтили Монголовъ, загородили имъ путь и заставили ихъ вернуться назадъ.

Батый, вернувшись, сѣлъ на житье по низовьямъ Волги со всею своею ордою, и стало называться это царство татарское Золотою ордою. Тогда-то Батый потребовалъ, чтобы русскіе князья, которые еще остались въ живыхъ, явились къ нему на поклонъ и съ дарами. Князья противиться не смѣли и поѣхали въ Золотую

орду. Много пришлось имъ тамъ испытать оскорбленій, исполнить унизительныхъ обрядовъ, кланяться приближеннымъ хана, прежде чѣмъ ихъ допускали къ нему. И болѣло сердце у многихъ изъ нихъ и заставляло негодованіе всю кровь подниматься къ лицу, но благоразуміе говорило, что теперь ничего не подѣлаешь,—приходится пожинать, что посѣяли. И негдѣ было взять силы, чтобы стряхнуть это позорное униженіе, это ненавистное рабство татарское. Были отдѣльные примѣры мужественнаго сопротивленія Татарамъ; но тѣ изъ князей нашихъ, которые рѣшались не подчиняться Татарамъ, гибли, не принося никакого облегченія Русской землѣ. Такъ князь Черниговскій Михаилъ, позванный въ орду, твердо рѣшился не исполнять унизительныхъ татарскихъ обрядовъ и за это былъ замученъ вмѣстѣ съ бояриномъ своимъ Ѳедоромъ. Такіе примѣры показывали, что были еще мужи на Руси, готовые даже пострадать и умереть за православную вѣру, только надо было умѣть соединиться вмѣстѣ. А это было дѣло трудное. Ратные люди и жители или погибли въ кровавыхъ битвахъ съ страшнымъ, безпощаднымъ врагомъ, или взяты въ лютую неволю, горшую, чѣмъ самая смерть; а изъ тѣхъ, которые остались въ живыхъ, большинство такъ было запугано, что не смѣло выглянуть на свѣтъ Божій, пряталось по лѣсамъ и трущобамъ, бѣжало безъ оглядки, лишь завидитъ гдѣ Татарина. Города, деревни, села представляли груды пепла и развалинъ, среди которыхъ валялись и гнили тысячи труповъ. Поля были выѣзжены, вытоптаны; вмѣсто жилья въ окрестныхъ селеніяхъ торчали черныя, закоптѣлыя печи. Колодези, ручьи, рѣки загромождены были людскими трупами, валявшимися безъ честного погребенія. Заразительный смрадъ слышался на нѣсколько верстъ отъ этихъ ужасныхъ кладбищъ. Пришла осень со своими дождями и заморозками; наступала зима со своими снѣгами и морозами; измученные страданіями, изнуренные безкормицею, русскіе люди выходили изъ лѣсныхъ трущобъ, гдѣ искали спасенія отъ страшнаго врага. Но лучше было имъ гибнуть голодною смертью, чѣмъ попадаться въ руки злыхъ Татаръ. Злые побѣдители ихъ связывали, сковывали цѣпями, сдирали съ нихъ одежду, таскали ихъ за собой въ разъѣздахъ своихъ, издѣвались надъ ними, морили голодомъ, стужею и другими лютыми муками. Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами растоптанныхъ лошадьми татарскими. Жены боярскія, не знавшія трудовъ, украшенныя золотыми украшеніями и одеждою шелковою, всегда окруженныя толпою слугъ, сдѣлались теперь рабынями варваровъ, носили воду для ихъ женъ,

мололи жерновомъ и бѣлыя руки свои жгли на огнѣ, готовя пищу своимъ поработителямъ. Живые завидовали спокойствію мертвыхъ. Было всеобщее уныніе, всеобщій ужасъ. Веселились только коршуны, вороны, волки и другіе плотоядные звѣри, да Татары. Народъ видѣлъ въ неволѣ татарской гнѣвъ Божій за грѣхи мірскіе. Ему слышался въ напасти страшный гласъ, призывающій оглянуться на себя, приняться за умъ-разумъ. Не было братской любви, не было единенія... и пришлось стонать Русской землѣ.

Первымъ по зову Батыя явился въ Сарай, столицу Золотой Орды, великій князь Ярославъ Всеволодовичъ, братъ Юрія Всеволодовича; онъ преклонился передъ ханомъ и покорностью заслужилъ его милость. Батый назвалъ его главнымъ надъ всѣми русскими князьями. Возвратясь въ стольный городъ Владиміръ, Ярославъ сталъ укрѣплять остатки своихъ княжествъ подъ надзоромъ татарскихъ баскаковъ, т.-е. численниковъ, которые должны были переписывать весь народъ и облагать его данью. Налегла тяжелая неволя черной тучей на всю землю Русскую; смолкли пѣсни веселыя; опустились руки храбрыхъ ратниковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ стали хозяйничать Татары на Руси, великимъ княземъ среди прочихъ русскихъ князей становился по большей части уже не старшій въ родѣ между ними, какъ прежде, а тотъ изъ нихъ, кто подносилъ татарскому хану болѣе богатые дары, за которые ханъ и утверждалъ его великимъ княземъ и давалъ старшинство и права надъ другими князьями. Случалось, что, давши одному изъ князей старшинство великаго князя, ханъ отнималъ его и передавалъ другому, который привозилъ ему болѣе богатые подарки. Иной разъ къ хану съѣзжались одновременно нѣсколько князей для полученія старшинства; въ такихъ случаяхъ одинъ старался очернить другого передъ ханомъ, если не хватало денегъ. Распри между князьями въ ханской ставкѣ доходили до того, что Татары, по наущенію одного изъ князей-соперниковъ, убивали другихъ князей или ходили опустошать ихъ княжества.

38. Разореніе Татарами Рязанскаго княжества.

I.

По рязанскимъ лѣсамъ и по пустошамъ
Завелося подъ осень недоброе.
Кто ихъ знаетъ тамъ — марево али и зарево?
Вотъ: встаетъ тебѣ къ небу съ полуночи
Красный столпъ сполыньей бѣломорскою;

Вотъ: калякаетъ кто-то, калякаетъ,
По деревьямъ топоръ — ровно звякаетъ...
А кому тамъ и быть, коль не лѣшему?
Нѣтъ дороги ни конному тамъ, ни пѣшему...
Раскидали разсыльныхъ — вернулися,
Говорятъ: „Насъ впередъ не посылывать,
А не то ужъ не ждать: со полуночи
Мы того навидались-наслышались,
Что — храни насъ святые угодники!
Вы послушайте — что починается?...
Отъ царя, отъ Батыя безбожнаго,
Есть на Русскую землю нашествіе.
Слышь: стрѣлой громоносно-молнійной
Спалъ онъ къ намъ, а отколѣ — незнаемо...
Саранча агарянъ съ нимъ безсчетная:
Такъ про это и знайте — и вѣдайте...“

II.

Загорѣлося утро по лѣтнему,
Загорѣлось сначала на куполѣ,
А потомъ перешло на верхушки древесныя,
А потомъ поползло по землѣ, словно крадучись,
Гдѣ жемчужинки, гдѣ и алмазинки
У росистой травы отбираючи.
Куманика перловымъ обсыпалася бисеромъ,
Подорѣшникъ всей бѣлою шапкой своей нахлобучился
И поднялъ повалежные листья, натужившись.
У Николы Корсунскаго [1]) къ ранней обѣднѣ ударили...
И княгиня проснулась подъ колоколъ,
Къ колыбели птенца своего припадаючи,
Цѣловала его, миловала и пестовала,
И на красное солнышко вынесла,
На подборъ теремной, на свѣтелочный.
Вотъ стоитъ она съ нимъ, смотритъ на поле,
На лѣсъ, на рѣку, смотритъ такъ пристально
На дорогу, бѣгучую подъ гору.
Смотритъ... пыль по дорогѣ поднялася...
Скачетъ кто-то, и конь весь обмыленный...
Ближе глянула, анъ Ополоница [2]) —
Не примѣтилъ княгини бъ, да крикнула:
Осадилъ жеребца, задыхается...
А княгиня Евпраксія спрашиваетъ:
—„Гдѣ же князь мой, сожитель мой ласковый?“
Замоталъ головой Ополоница:
—„Не спросила бы, не было бъ сказано.
Благовѣрный твой князь Ѳедоръ Юрьевичъ,
Красоты твоей ради неслыханной,

[1]) Церковь Николы Корсунскаго въ Рязани.
[2]) Стремянной князя Ѳедора Юрьевича.

Убіенъ отъ царя, отъ Батыя неистоваго!“
Обмерла, окоченѣла княгиня Евпраксія,
Къ персямъ чадо прижала любезное,
Да съ нимъ вмѣстѣ съ подбора и ринулась
На сырую мать-землю, и тутъ заразилася до смерти...
И оттолѣ то мѣсто заразомъ прозвалося,
Потому-что на немъ заразилася
Съ милымъ чадомъ княгиня Евпраксія.

III.

Въ это время Батый, царь неистовый,
На Рязань поднялъ всю свою силу безбожную
И пошелъ прямо къ стольному городу;
Да на полѣ его вся дружина рязанская встрѣтила,
А князья впереди: самъ великій князь,
Князь Давидъ, и князь Глѣбъ, и князь Всеволодъ,
И кровавую чашу съ Татарами роспили.
Одолѣли бъ рязанскіе витязи,
Да не въ мочь было: по сту Татариновъ
Приходилось на каждую руку могучую...
Изрубить-изрубили они тьму несмѣтную,
Наконецъ утомились, умаялись
И сложили удалыя головы,
Всѣ, какъ билися, всѣ до единаго;
А князь Юрій легъ вмѣстѣ съ послѣдними,
Бороня свою землю и отчину,
И семью, и свой столъ, и княженіе.
Какъ объѣхалъ потомъ царь Батый поле бранное,
Какъ взглянулъ онъ на падаль татарскую, —
Преисполнился гнѣва и ярости
И велѣлъ всѣ предѣлы рязанскіе
Жечь и грабить, и рѣзать безъ милости
Всѣхъ, отъ стараго даже до малаго:
Благо, ихъ боронить было некому.
И нахлынули орды поганыя
На Рязанскую землю изгономъ неслыханнымъ:
Взяли Пронскъ, Ижеславецъ и Бѣлгородъ,
И людей изрубили безъ жалости,
И пошли на Рязань... Сутокъ съ четверо
Отбивались отъ нихъ горожане рязанскіе,
А на пятыя сутки ордынцы проклятые
Ворвались таки въ городъ по лѣстницамъ,
Сквозь проломы кремлевской стѣны и сквозь полымя,
Ворвалися и въ церковь соборную;
Тамъ убили княгиню великую
Со снохами ея и съ княгинями прочими;
Перебили священниковъ, иноковъ;
Храмы Божьи, дворы монастырскіе
Всѣ пожгли; городъ предали пламени;
Погубили мечемъ все живущее.
И свершилось по слову Батыеву:

Ни младенца, ни старца въ живыхъ не осталося.
Плакать некому было и не по-комъ.
По зимѣ Ингорь князь изъ Чернигова
Прибылъ въ отчину, въ землю Рязанскую,
И заплакалъ слезами горючими,
Какъ взглянулъ на пожарище стольнаго города.
Подо льдомъ и подъ снѣгомъ померзлые,
На травѣ-ковылѣ обнаженны, терзаемы
И звѣрями, и птицами хищными,
Безъ креста и могилы, лежали убитые
Воеводы рязанскіе, витязи,
И семейные князя, и сродники,
И все множество люда рязанскаго, —
Всѣ одну чашу смертную выпили.
Повелѣлъ погребать ихъ князь Ингорь немедленно,
Повелѣлъ іереямъ святить храмы Божіи
И очистить весь городъ, а самъ онъ съ Воронежа
Тѣло князя Ѳеодора Юрьича,
Перенесъ къ чудотворцу Корсунскому,
И княгиню Евпраксію съ сыномъ ихъ княжичемъ
Схоронилъ въ одно мѣсто, и три креста каменныхъ
Надъ могилой поставилъ...

39. Евпатій Коловратъ.

Отъ Коломны ордынцы пошли прямо къ Суздалю;
Станъ разбили на Сити-рѣкѣ, ради отдыха
И дѣлежки добычею русскою.
Ходенемъ пошло поле окрестное,
И сыръ-боръ зашатался вотъ-словно подъ бурею...
Налетѣла-ль она, многокрылая,
Или сила иная — на ставки татарскія,
Только ломятся ставки и валятся,
Только стонъ поднялся вдоль по стану ордынскому.
Загремѣли мечи о шеломы каленые;
Затрещали копья и бердыши;
Отъ броней и кольчугъ искры сыплются,
Полилася рѣкой кровь горячая...
Варомъ такъ и варитъ всю орду нечестивую:
Рубятъ, колютъ и бьютъ — кто? — невѣдомо:
Тутъ ордынцы совсѣмъ обезпамятѣли,
Точно пьяные или безумные.
Кто ничкомъ лежитъ — мертвымъ прикинулся,
Кто бѣжитъ вонъ изъ стана — коней ловить;
А и кони по полю шарахнулись —
Ржутъ и носятся тоже въ безпамятствѣ.
Тутъ все стадо реветъ — всполошилося,
Тамъ ордынки развылись волчихами,
Здѣсь костеръ развели, да не во-время:
Два намета сосѣдніе вспыхнули.
А наѣзжая сила незримая

Бьетъ и рубитъ и колетъ безъ устали, —
Слышно только, что русскіе витязи,
А нельзя полонить ни единаго...
Вопятъ батыри въ страхѣ и ужасѣ:
— „Мертвецы, мертвецы, встали русскіе,
Встали съ поля рязанцы убитые!“
Самъ Батый убоялся... Близко отъ ставки батыевой
Пронеслася толпа русскихъ витязей,
Прогоняя татарву поганую
И топча подъ копытами конскими;
А въ догонку ей стрѣлы, что ливень, посыпались, —
И упали съ коней на земь пятеро.
Подбѣжали ордынцы къ нимъ, подняли
И къ Батыю свели. Ханъ ихъ спрашиваетъ:
„Вы какой земли, вѣры какой, что невѣдомо —
Почему мнѣ великое зло причиняете?“
И отвѣтъ ему держатъ рязанскіе витязи:
„Христіанской мы вѣры, дружинники
Князь-Юрія рязанскаго, полку Евпатія
Коловрата: почтить тебя посланы —
Проводить, какъ царю подобаетъ великому“.
Удивился Батый ихъ отвѣту и мудрости,
И послалъ на Евпатія шурина,
И полки съ нимъ татарскіе многіе.
Хоздоврулъ похвалялся: „живьемъ возьму,
За сѣдломъ приведу къ тебѣ русскаго витязя“.
А заря занималася на небѣ,
И сступились полки... у Евпатія
Всей дружины-то было-ль двѣ тысячи —
Вся послѣдняя сила рязанская, —
А ордынцы шли черною тучею:
Не окинуть и взглядомъ, не то чтобъ довѣдаться —
Сколько ихъ?.. Впереди Хоздоврулъ барсомъ носится.
Молодецъ былъ и батырь: коня необгоннѣе,
И вѣрнѣе копья у ордынцевъ и не было.
И сступились полки... На Евпатія
Налетѣлъ Хоздоврулъ, только не въ пору:
Исполинъ былъ Евпатій отъ младости силою
И мечемъ раскроилъ Хоздоврула онъ на-полы
До сѣдла, такъ что всѣ — и свои, и противники —
Отшатнулись со страхомъ и трепетомъ...
Рать ордынская дрогнула, тылъ дала,
Самъ же кинулся вслѣдъ за ордынцами
И погналъ ихъ до самой ставки батыевой.
Огорчился Батый и разгнѣвался,
Какъ узналъ, что Евпатій убилъ его шурина,
И велѣлъ навести на Евпатія
Онъ пороки, — орудія тѣ стѣнобитныя...
И убили тогда крѣпкорукаго,
Дерзосердаго витязя; тѣло же
Принесли передъ очи батыевы.
Изумился и ханъ, и улусники

Красотѣ его, силѣ и крѣпости
И почтилъ ханъ усопшаго витязя:
Отдалъ тѣло рязанскимъ дружинникамъ
И самихъ отпустилъ ихъ, промолвивши:
„Погребите вы батыря вашего съ честію,
По законамъ своимъ и обычаямъ,
Чтобъ и внуки могилѣ его поклонялися“.

40. Великая Княгиня Домникія.

Взятъ Черниговъ!.. Ужъ по стогнамъ града
Разлилась побѣдная орда;
Ждетъ ее за жаркій бой награда,
Учинятъ расправу безъ суда.
Въ храмъ соборный собрался въ горѣ
Женщины и дѣти горожанъ;
Слышны стоны тяжкіе въ притворѣ
Изнемогшихъ отъ тяжелыхъ ранъ.
Кованыя двери поддаются
Отъ напора бревенъ и сѣкиръ;
Въ храмѣ гулъ и крики отдаются;
Въ алтарѣ поетъ церковный клиръ.
Ждутъ Татары съ нетерпѣньемъ въ бойню
Обратить привычно Божій храмъ...
На порогѣ двери въ колокольню
Мать стоитъ, прижавъ дитя къ устамъ.
Мать-княгиня. Мужъ ея любимый
Честно палъ съ татарами въ бою,
Поручивъ святому заступленью
Первенца и мать — жену свою.
Нѣтъ спасенья! Скоро рухнутъ двери.
Ужъ трещитъ бревенчатый затворъ.
Какъ потокъ, ворвутся разомъ звѣри,
Съ ними—смерть, насилье и позоръ!
Страшно!.. Жутко!.. Блѣдныя ланиты —
Страхъ сковалъ безмолвіемъ уста;
Только взоры, слезами залиты,
Умоляютъ Господа-Христа...
Скоро! Скоро! Нѣтъ нигдѣ спасенья!
Недалекъ страдальческій вѣнецъ.
Гибель близко!.. Нѣсколько мгновеній...
Вотъ и онъ, мучительный конецъ!
Двери грузно съ петель сорвалися,
Въ храмъ враги ворвалися толпой,
Вопли, стоны, крики раздалися,
Безпощадный начался убой!
Смолкъ іереевъ голосъ умиленный;
Лишь несется стонъ со всѣхъ концовъ,
Плачъ младенцевъ, хохотъ изступленный
Оньянѣлыхъ отъ крови бойцовъ.
Испугалась бѣдная княгиня
И летитъ по лѣстницѣ витой,
Чтобъ укрыть хотя малютку сына
Отъ грядущей участи лихой.
До площадки колокольной быстро
Добралася бѣдная она,
И застыла въ ужасѣ безмолвномъ,
Страхомъ смерти роковой полна.
Тьма ночная быстро опускалась;
Загорался городъ въ трехъ мѣстахъ;
Звукомъ трубъ окрестность оглашалась,
Кличъ побѣды слышался въ устахъ.
Крики боя, грабежа, насилья,
Кое-гдѣ еще набата звонъ,
Лязгъ оружья, стоны, вопли, пѣсни
Къ небесамъ неслись со всѣхъ сторонъ...
А на небѣ звѣзды загорались,
Поднималась изъ-за горъ луна,
Вся кроваво-красною казалась
При потокахъ зарева она.
Въ храмѣ—ужасъ! Въ немъ ужъ нѣтъ спасенья!
Впереди — объятья смерти злой!
Стало жаль княгинѣ на мгновенье
Разставаться съ жизнью молодой.
Прижимая горестно младенца,
Вся застыла, бѣдная! Враги
Одолѣли всюду! Что же дѣлать?
Вдругъ за ней послышались шаги.
Оглянулась—видитъ, уже близко

Показалась вражья голова:
Бритый черепъ, вздернутыя ноздри,
Какъ у волка свѣтятся глаза.
Весь въ крови; въ безумно-дикомъ взорѣ
Плотоядность хищника видна...
„Изнывать въ безчестьи и позорѣ—
Или смерть!..“ подумала она.
„Княжичъ мой рабомъ татаръ не будетъ,
На позоръ я чести не отдамъ;
Русь меня въ молитвахъ не забудетъ;
Нашу жизнь я Господу предамъ!..
О, прости мнѣ тяжкій грѣхъ, Создатель!
Мнѣ теперь спасенье только въ немъ,
Лучше смерть — чѣмъ страшное насилье,
Да позоръ подъ тягостнымъ ярмомъ!“
Осѣнивъ себя крестомъ, княгиня
Спрыгнула на крышу... шагъ... другой...
Зацѣпилась... въ ужасѣ рванулась
И скатилась съ ношей дорогой.
Разступились злобные Татары,
Среди нихъ горячій трупъ лежалъ;
Изъ разбитой головы кровавый,
Тонкой струйкой, ручеекъ бѣжалъ.
Разметались сломанныя руки,
Далеко откинулась коса,
Лишь очей открытыхъ, полный муки,
Стывшій взоръ стремился въ небеса.
Небольшимъ расплюснутымъ комочкомъ
Трупикъ сына пріютился къ ней,
Подъ рукой княгини холодѣвшей,
Близко къ сердцу матери своей.
Отлетала жизнь въ нихъ угасая,
И быстра кончина ихъ была;
Отъ позора рабства ихъ спасая,
Смерть подъ свой покровъ ихъ приняла.

41. Князь Михаилъ Черниговскій [1]).

Ѣдетъ князь Михаилъ въ Золотую Орду,
Къ басурману на тяжкій поклонъ.
Чуетъ сердце его близкой смерти бѣду:
Униженья не вынесетъ онъ.
Ѣдетъ съ внукомъ. Далеко въ приволжскихъ степяхъ
Злыхъ Монголовъ раскинулся станъ;
Тамъ отъ долгихъ, чудовищно-славныхъ трудовъ
Отдыхалъ ихъ излюбленный ханъ.
Долго ѣхалъ. Добрался. Былъ принятъ.
Хотѣлъ ужъ въ батыеву ставку войти;

[1]) Святой благовѣрный князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, по взятіи и разореніи Батыемъ Чернигова въ 1239 году, а затѣмъ Кіева въ 1240 году, тщетно искалъ помощи у короля венгерскаго, тестя сына своего Ростислава. Возвратившись въ Черниговъ, онъ вынужденъ былъ ѣхать въ Золотую Орду къ Батыю, чтобы получить отъ него ярлыкъ на княженіе въ Черниговѣ. Съ нимъ поѣхалъ любимецъ его, боярин Ѳеодоръ, и внукъ, князь Борисъ Ростиславичъ Ростовскій съ нѣсколькими ростовскими боярами. Мученическая кончина князя Михаила послѣдовала въ 1246 году. Вслѣдъ за нимъ былъ замученъ и боярин Ѳеодоръ, тоже не хотѣвшій поклониться идоламъ и одинъ изъ всѣхъ бояръ, окружавшихъ князя Михаила, утверждавшій его не подчиняться требованію жрецовъ. Тѣла обоихъ мучениковъ были брошены на съѣденіе псамъ, но стараніями русскихъ были сохранены и тайно увезены изъ Орды. Церковь причислила обоихъ мучениковъ къ лику святыхъ и ихъ нетлѣнныя мощи покоятся въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ.

Но жрецы, охранители вѣры Татаръ,
Задержали его на пути.
Говорятъ, чтобъ прошелъ чрезъ огонь русскій князь,
Что предъ ставкой Батыя горѣлъ,
И кумирамъ его поклонился, — не то
Его ждетъ непокорныхъ удѣлъ.
„Нѣтъ! — спокойно отвѣтилъ имъ князь Михаилъ,
Поклониться Батыю могу:
Онъ вашъ царь, и Господь ему нынѣ вручилъ
Русскихъ княжествъ удѣльныхъ судьбу.
Но я вѣру Христа въ своемъ сердцѣ ношу;
Крестъ святой у меня на груди.
Поклоненья огню и кумирамъ нѣмымъ
Отъ меня онъ напрасно не жди!“
Отъ Батыя выходитъ Эльдега баскакъ,
Говоритъ Михаилу: — „Смирись!
Не дерзай быть ослушникомъ князя князей
И кумирамъ его поклонись.
Поклонись иль умрешь у подножья боговъ,
И скатится предъ ними во прахъ
Голова твоя гордая; разомъ палачъ
Отсѣчетъ — непокорнымъ на страхъ!“
Внукъ Борисъ, еще отрокъ, волненьемъ объятъ.
Горсть бояръ, съ нимъ въ орду прибылыхъ,
Замутилася вдругъ; малодушья слова
Услыхалъ благовѣрный отъ нихъ:
Что берутъ на себя они княжескій грѣхъ;
Что не разъ подчинялись князья
Тѣмъ обрядамъ для блага земли, и за то
Ихъ проститъ милосердный Судья.
Но отвѣтилъ имъ князь: — „Искупленья завѣтъ
Позабыли вы въ страхѣ земномъ:
Кто отвергнется здѣсь отъ Меня, отъ того
Я отвергнуся въ Царствѣ Своемъ.
Не сгублю я души! Не отвергнусь Христа
Ни для васъ, ни для славы земной!
Не нужна мнѣ она! Не ее я ищу,
А стремлюся я къ славѣ иной“.
И могучей рукой бросилъ онъ далеко
Свою мантію съ княжескихъ плечъ;
Снялъ опушенный соболемъ княжій вѣнецъ;
Отстегнулъ, внуку передалъ мечъ;
И съ молитвою вынувъ Святые Дары,
Что въ ковчежцѣ хранилъ золотомъ,
Причастился и внуку ковчежецъ вручилъ,
И запѣлъ славословья псаломъ.
Изумились жрецы, и притихла толпа.
Божій страхъ въ ихъ проникнулъ сердца;
И побѣдно предъ ставкой Батыя звучалъ
Голосъ князя во славу Творца.
Властный крикъ, и набросилась стая убійцъ.
Повалили, топтали: люта

Была страшная казнь; но не смолкъ Михаилъ,
Славословили Бога уста.
Взмахъ меча и скатилась его голова,
Удостоясь иного вѣнца.
Донеслися послѣднія князя слова:
„Христіанинъ я есмь до конца“.

42. Авдотья Рязаночка.

Славный старый король Бахметъ турецкій
Воевалъ онъ на землю Россійскую,
Добывалъ онъ старую Рязань, городъ подлѣсную.
Онъ-де стоялъ подъ городомъ
Со своей силой-арміей
Много поры этой было времени,
Да и разорилъ Рязань, городъ подлѣсную,
Разорилъ Рязань-де городъ на пусто.
Онъ въ Рязани князей, бояръ всѣхъ вырубилъ,
Да и княгинь, боярыней
Тѣхъ живыхъ въ полонъ побралъ.
Полонилъ онъ народу многи тысячи,
Онъ повелъ-де въ свою землю турецкую,
Становилъ на дорогѣ три заставы великія:
Первую заставу великую —
Напускалъ рѣки, озера глубокія;
Другую заставу великую —
Чистыя поля широкія,
Становилъ воровъ-разбойниковъ;
А третью заставу — темны лѣса
Напустилъ звѣрьевъ лютыихъ.
Только въ Рязани во городѣ
Оставалась одна молодая женка, Авдотья Рязаночка.
Она пошла въ землю турецкую
Да ко славному королю, къ Бахмету турецкому,
Да она пошла полону [1]) просить.
Шла-де она не путемъ, не дорогою,
Да глубоки ты рѣки, озера широкія
Тѣ она пловомъ плыла,
А мелкія ты рѣки, озера широкія
Да тѣ ли она бродкомъ брела.
Да прошла ли она заставу великую,
А чистыя поля тѣ широкія,
Воровъ-разбойниковъ тѣхъ о полденъ прошла:
Какъ о полденъ воры лютые,
Тѣ опочивъ держа.
Да прошла-де вторую заставу великую,
Да темны ты лѣса дремучіе,
Лютыхъ звѣрей тѣхъ о полночь прошла:

[1]) Полонъ — плѣнники.

Да во полночь звѣри лютые,
Тѣ опочивъ держа.
Приходила во землю турецкую
Ко славному королю Бахмету турецкому,
Да въ его ли палаты королевскія.
Она крестъ-отъ кладетъ по-писаному,
А поклоны ты веде по-ученому,
Да она бье королю-де челомъ низко кланялась:
„Да ты осударь-король-де Бахметъ турецкій!
Разорилъ ту нашу стару Рязань, городъ подлѣсную,
Да ты князей нашихъ, бояръ всѣхъ повырубилъ,
Ты княгинь нашихъ, боярынеи тѣхъ живыхъ въ полонъ побралъ,
Ты бралъ полону народу многи тысячи,
Ты завелъ въ свою землю турецкую.
Я—молодая женка, Авдотья Рязаночка,
Я осталася въ Рязани одинешенька.
Я пришла, сударь, къ тебѣ сама да изволила,
Невозможно ли будетъ отпустить
Мнѣ народу сколько-нибудь плѣннаго,
Хошь бы своего-то роду-племени?..“
Говоритъ славный король Бахметъ турецкій:
„Ай же ты, молодая женка, Авдотья Рязаночка!
Умѣй попросить у короля полону-де головушки,
Да которой головушки боль вѣкъ не нажить буде“.
Да говоритъ молодая женка, Авдотья Рязаночка:
„Ай ты, славный король Бахметъ турецкій!
Я замужъ выйду да мужа наживу,
Да у меня буде свекоръ, стану звать батюшка,
Да ли буде свекровь, стану звать матушкой.
А вѣдь буду у нихъ снохою слыть;
Да поживу съ мужемъ, да я сынка рожу,
Да воспою-вскормлю: у меня и сынъ буде,
Да стане мене звати матушкою.
Да я сынка женю, да и сноху возьму,
Да буду ли я и свекровой слыть;
Да еще же поживу съ мужемъ,
Да у себѣ дочь рожу,
Да воспою-вскормлю: у меня и дочь буде,
Да стане меня звати матушкой.
Да дочку я замужъ отдамъ,
Да и у меня и зять буде,
И буду я тещей слыть.
А не нажить-то мнѣ той буде головушки,
Да милого-то братца любимаго,
И не видать-то мнѣ братца буде вѣкъ и по вѣку!“
Да тѣ ли рѣчи королю прилюбилися.
Говорилъ-де онъ женкѣ таково слово:
„Ай же ты, молодая женка, Авдотья Рязаночка!
Ты умѣла просить у короля полону ли головушки,
Да которой-то не нажить и вѣкъ буде.
Когда я разорялъ вашу стару Рязань, городъ подлѣсную,
Я князей, бояръ-де всѣхъ повырубилъ,

А княгинь, боярыней я тѣхъ живыхъ въ полонъ побралъ,
Бралъ полону народу многи тысячи,
Да убили у меня милаго братца любимаго,
И славнаго пашу турецкаго,
Да и не нажить мнѣ братца буде вѣкъ и по вѣку.
Да ты, молодая женка, Авдотья Рязаночка,
Да бери-тко народъ свой полоненый,
Да уведи ихъ въ Рязань до единаго.
Да за твои ты слова за учливыя,
Да ты бери себѣ золотой казны,
Да въ моей-то землѣ во турецкой,
Да ли только бери, сколько надобно".
Тутъ женка Авдотья Рязаночка
Брала себѣ народъ полоненый,
Да и взяла она золотой казны,
Да изъ той земли изъ турецкія,
Да сколько ей то было надобно.
Да привела-де народъ полоненый
Да во ту ли Рязань во опустѣлую,
Да она построила Рязань городъ наново.
Да съ той поры Рязань стала славная,
Да съ той поры стала Рязань-де богатая,
Да тутъ ли въ Рязани Авдотьино имя возвеличилось,
Да и тѣмъ дѣло кончилось.

43. Татарскій полонъ.

Какъ за рѣкою,
Да за великою,
Злы Татарове
Дуванъ дуванили.
На дуваньицѣ
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю.
Вотъ повезъ тещу зять
Во дикую степь,
Во дикую степь,
Къ молодой женѣ:
„Ну, и вотъ, жена,
Тѣ работница,
Съ Руси русская
Полоняночка.
Ты заставь ее
Три дѣла дѣлати:
Первое дѣло —
Куделю прясть,
Другое дѣло —
Лебедей стеречь,
А и третье дѣло —
Дитю качать".

Полоняночка
Съ Руси русская,
Она глазками
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышетъ.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
„Ты баю, баю,
Боярскій сынъ!
Ты по батюшкѣ
Золъ Татарченокъ,
А по матушкѣ
Ты Русеночекъ,
А по роду мнѣ
Ты внученочекъ.
Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята;
У ней на правой груди
Есть родинка;
На лѣвой ногѣ
Нѣтъ мизинчика.
Мнѣ бить тебя,
Такъ грѣхъ будетъ;
Мнѣ дитей назвать,
Мнѣ вѣра не та".

Услыхали то
Дѣвки сѣнныя,
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ:
„Государыня,
Наша барыня!
Полоняночка
Съ Руси русская,
Она глазками
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышетъ.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
„Ты баю, баю,
Боярскій сынъ!

Ты по батюшкѣ
Золъ Татарченокъ,
А по матушкѣ
Ты Русеночекъ,
А по роду мнѣ
Ты внученочекъ:
Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята;
На правой груди у ней
Есть родинка,
На лѣвой ногѣ
Нѣтъ мизинчика.
Мнѣ бить тебя,
Такъ грѣхъ будетъ;
Мнѣ дитей назвать,
Мнѣ вѣра не та“.—
Что стучитъ, гремитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ,
И дрожа дрожитъ
Дочка къ матери;
Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги:
„Государыня,
Моя матушка!
Не спознала тебя,
Моя родная!
Ты бери ключи,
Ключи золоты;
Отпирай ларцы,
Ларцы кованы;
Ты бери казны,
Сколько надобно;
Ты бери коня,
Что ни лучшаго;
Ты бѣги, бѣги, мать,
На святую Русь“.
„Не поѣду я
На святую Русь;
Я съ тобой, дитя,
Не разстануся“.

44. Щелканъ Дудентьевичъ [1]).

А и дѣялось въ Ордѣ,
Передѣялось въ большой,
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ;
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина,
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ, —
Его дома не случилося:
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія;
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесятъ,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ:
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;

[1]) Въ 1327 году пріѣхалъ въ Тверь ханскій посолъ, именемъ Шевкалъ или Щелканъ, какъ его называютъ наши лѣтописи, двоюродный братъ Узбека, и, по обыкновенію всѣхъ пословъ татарскихъ, позволялъ себѣ и людямъ своимъ всякаго рода насилія. Вдругъ въ народѣ разнесся слухъ, что Шевкалъ хочетъ самъ княжить въ Твери, своихъ князей татарскихъ насажать по другимъ русскимъ городамъ, а христіанъ привести въ татарскую вѣру... Когда пронеслась молва, что Татары хотятъ исполнить свой замыселъ въ Успеньевъ день, пользуясь большимъ стеченіемъ народа по случаю праздника, то князь Александръ Михаиловичъ съ тверичанами захотѣли предупредить ихъ намѣреніе и рано утромъ, на солнечномъ восходѣ, вступили въ бой съ Татарами, бились цѣлый день и къ вечеру одолѣли. Шевкалъ бросился въ старый домъ князя Михаила, но Александръ велѣлъ зажечь отцовскій дворъ, и Татары погибли въ пламени.

У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани, выходы,
Царскія невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота;
Она тѣмъ узда дорога,
Царское жалованье,
Государево величество:
А, нельзя, дескать,
Тоя узды ни продать, ни промѣнять,
И друга дарить.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
„Гой еси, царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ!
Пожаловалъ ты молодцовъ,
Любимыхъ шуриновъ:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Пожалуй ты, царь, Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи".
Проговорилъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
„Гой еси, шуринъ мой,
Щелканъ Дудентьевичъ!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимаго;
Крови ты чашу нацѣди;
Выпей ты крови тоя,
Крови горячія;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи".
Втѣпоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія;
Выпилъ чашу тоя крови горячія.
А втѣпоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою,
Тверью богатою
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ тверь ту богатую.
А немного онъ судьею сидѣлъ:
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, съ честными подарками;
И понесли они честные подарки:
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя,
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втѣпоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили:
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали:
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалася.

45. Александръ Невскій (1252—1263 г.).

Когда стонъ и плачъ восходили къ небесамъ, когда людямъ русскимъ доставались въ удѣлъ только тоска лютая да печаль сердечная; когда, кажется, гибла слава русская, пропадала наша честь народная въ горькой неволѣ татарской, изъ Великаго Нов-

города, словно въ темную осеннюю ночь, блеснула яркая звѣздочка, словно послѣ тяжелаго, холоднаго ненастья проглянуло красное солнышко. Это красное солнышко былъ благовѣрный князь Александръ Ярославичъ Невскій. Александръ, сынъ Ярослава Всеволодовича, былъ во время погрома татарскаго княземъ въ Новгородѣ, въ которомъ княжилъ сперва его отецъ. Дѣтство свое Александръ провелъ въ Новгородѣ, именно въ тѣ годы, когда Новгороду приходилось переносить различныя бѣдствія. Видѣлъ онъ страданія новгородцевъ отъ голода, болѣзней и мора; видѣлъ онъ и бѣды Новгорода отъ нападеній сосѣдей, разорявшихъ его окрестности. Слышалъ онъ и о великомъ горѣ, постигшемъ всю Русскую землю во время нашествія Татаръ. Лишенія и испытанія, которыя ему приходилось переносить еще въ дѣтствѣ, сдѣлали характеръ его твердымъ. Нападенія сосѣдей на Новгородъ, безпрестанные походы отца его, разсказы про ратную удаль, отвагу и удачу и въ немъ пробудили ратный духъ, готовность отразить врага, отличиться воинственнымъ подвигомъ. Былъ онъ высокъ ростомъ, статенъ, сановитъ, лицо имѣлъ прекрасное, взглядъ былъ быстрый и ясный. Добрая молва о его свѣтломъ разумѣ и его добродѣтеляхъ дошла до Нѣмцевъ и Татаръ. И слава эта была заслуженная, потому что Александръ мудро радѣлъ о своей землѣ. Ничто не могло его отвлечь отъ заботъ о народѣ.

Такая заботливость была не по сердцу сосѣдямъ Новгорода Шведамъ; не по нраву имъ было, что новгородцы усиливаются. И задумалъ король шведскій завладѣть Новгородскою землею, обратить православныхъ въ латинскую вѣру и выправилъ для этого грамату отъ папы римскаго. Папа этою граматою подымалъ Шведовъ войною противъ православныхъ, за что обѣщалъ всѣмъ выступившимъ въ походъ прощеніе грѣховъ. Охотниковъ нашлось много; король назначилъ надъ ними начальникомъ перваго своего полководца и зятя Биргера. Послѣ долгихъ сборовъ войско шведское сѣло на корабли и лѣтомъ 1240 г. поплыло къ устью Невы, чтобы Невою пройти въ Ладожское озеро, а потомъ по Волхову до самаго Новгорода. Загордился Биргеръ, увидѣвъ столько войска; онъ уже считалъ побѣду своею и, дойдя до устья Ижоры, послалъ сказать Александру: „Если можешь, противься мнѣ, я уже на твоей землѣ и скоро покорю ее“. Александръ не ждалъ нападенія, не былъ готовъ къ войнѣ; дружина его была малая, но терять времени было некогда. „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!“ сказалъ Александръ и пошелъ съ войскомъ противъ Шведовъ. На Невѣ князя

встрѣчаетъ старшина ижорцевъ Пелгусій, который держалъ стражу и далъ знать князю о приближеніи Шведовъ, о расположеніи ихъ войскъ и затѣмъ прибавилъ: „Простоявъ на стражѣ спокойно всю ночь, къ утру, передъ восходомъ солнечнымъ, слышу я шумъ какъ бы отъ плывущей лодки. Подумавъ, что это Шведы, я подошелъ къ берегу, чтобы поглядѣть попристальнѣе. Смотрю и вижу—идетъ ладья, по краямъ гребцы сидятъ, но лицъ ихъ разглядѣть нельзя, они покрыты какъ бы мглою; посреди же ладьи стоятъ св. Борисъ и Глѣбъ (сыновья Св. Владиміра), какъ ихъ на образахъ изображаютъ. И говоритъ св. Борисъ Глѣбу: „Братъ Глѣбъ, вели грести, намъ надо помочь сроднику нашему Александру Ярославичу“. Я затрепеталъ отъ страха, а ладья скрылась изъ глазъ моихъ“. Князь возблагодарилъ Господа Бога за доброе предзнаменованіе и изготовился къ битвѣ. 15 іюля Александръ дружно и быстро ударилъ съ своею дружиною на станъ шведскій. Шведы, не ждавшіе нападенія, проснулись отъ ратнаго шума. Въ станѣ произошла суматоха, сдѣлался переполохъ. Шведы метались, искали оружіе и доспѣхи, а новгородскіе витязи топорами и мечами рубили оторопѣлыхъ непріятелей. Самъ Александръ, увидѣвъ бѣгущаго Биргера, нагналъ его и поразилъ въ самое лицо, оставивъ по себѣ память на вѣки. Новгородцы дрались мужественно: бой продолжался до ночи, и только ночь спасла Шведовъ. Собравъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ, Шведы поспѣшно сѣли на корабли и отплыли во-свояси, надолго запомнивъ эту битву. Много ихъ полегло на мѣстѣ боя. Александръ возблагодарилъ Господа за дарованную побѣду и возвратился въ Новгородъ; за эту славную побѣду онъ получилъ названіе Невскаго.

Новгородцы любили Александра, какъ военачальника, но любили они крѣпко и свои вольности, стояли за льготы и порядки, данные имъ прежними князьями. Александръ же хотѣлъ по своей волѣ править новгородцами. Не поладили новгородскіе люди съ княземъ, и князь съ своею семьею отъѣхалъ въ Суздальскую землю. А къ новгородцамъ новая бѣда пришла. Стали грозить Новгороду Нѣмцы, жившіе по побережью Балтійскому; взяли Псковъ, появились въ 30 верстахъ отъ Новгорода, захватывали въ полонъ купцовъ новгородскихъ, грабили товары ихъ. Стали сожалѣть да каяться новгородцы, что не поладили съ княземъ своимъ. Снарядили владыку и бояръ и послали просить Александра Ярославича. Смиловался Александръ, забылъ старыя пререканія, пріѣхалъ въ Новгородъ, собралъ ратныхъ людей, ударилъ на Нѣмцевъ, взялъ ихъ

укрѣпленный городокъ, построенный на Новгородской землѣ, и сравнялъ его съ землею. Дождался подмоги отъ отца, пошелъ къ Пскову, возвратилъ его отъ Нѣмцевъ и погналъ ихъ въ землю Ливонскую. Нѣмцы собрали большое войско, двинулись противъ Александра и потѣснили его передовую рать; Александръ отступилъ и расположился съ своимъ войскомъ на льду Чудского озера. Нѣмцы врѣзались въ русскіе полки острою колонною и, какъ клиномъ, раздѣлили Александрову рать на двѣ части. Въ русскомъ войскѣ произошло-было замѣшательство, но Александръ приказалъ съ боковъ напасть на Нѣмцевъ, а самъ съ запаснымъ полкомъ ударилъ сзади. Нѣмцы и Чудь дрогнули и побѣжали. Русскіе кололи ихъ мечами и семь верстъ гнали ихъ. Пятьсотъ нѣмецкихъ витязей пали въ этомъ бою, 50 въ полонъ взяты, а Чуди было побито безъ счету: на семь верстъ трупы ихъ покрывали дорогу. Эта битва извѣстна подъ именемъ Ледоваго побоища и происходила 5 апрѣля 1242 г. Съ великимъ торжествомъ Александръ возвратился во Псковъ. Духовенство съ крестами и образами вышло къ нему на встрѣчу; всѣ славили его, какъ побѣдителя и избавителя отъ враговъ. Новгородцы тоже приняли его съ большимъ почетомъ и любовію. Память о побѣдахъ Александра долго жила среди новгородцевъ. Усобицы княжескія, внутреннее нестроеніе, татарское разореніе обезсилили Русскую землю. Этимъ-то безсиліемъ и пользовались теперь наши сосѣди — Литва: забирали города и селенія русскіе, нападали на русскіе предѣлы, грабили и опустошали ихъ. Вскорѣ послѣ Ледоваго побоища напали они на новгородскіе предѣлы. Александръ пошелъ на нихъ и одержалъ надъ ними нѣсколько побѣдъ.

Слава Александра достигла до римскаго папы. Папа прислалъ къ Александру пословъ съ предложеніемъ принять римскую вѣру, но получилъ отъ него рѣшительный отказъ. Услыхалъ объ Александрѣ и Батый и пожелалъ его видѣть. Послѣ погрома татарскаго всѣ князья поѣхали въ Орду съ поклономъ; не бывалъ только одинъ Александръ. Вотъ и прислалъ ему сказать Батый: „Знаешь ли ты, что Богъ покорилъ мнѣ многіе народы; ты ли одинъ не покоришься? Если хочешь соблюсти землю свою, то приходи поклониться мнѣ“. Дѣлать было нечего, надо было ѣхать: Александръ понималъ, что всякое прекословіе татарскому хану только навлечетъ на Русь новыя бѣдствія. Русь была безсильна, и Александръ, побѣдитель враговъ новгородскихъ, долженъ былъ смириться передъ Татарами. И поѣхалъ князь въ Орду. Батый принялъ его милостиво,

почтилъ дарами и сказалъ ближнимъ своимъ людямъ. „Правду мнѣ сказали, нѣтъ подобнаго ему князя!“ Отъ Батыя Александръ долженъ былъ ѣхать къ великому хану, въ самую глубь Азіи. Путь былъ трудный: надо было проходить страны неизвѣданныя, на пути переносить всякія лишенія и невзгоды. Но этого мало: князю, почтенному честью и уваженіемъ, пришлось теперь переносить униженія и обиды. Но князь все вытерпѣлъ и вернулся благополучно на родину. Александръ получилъ старшинство надъ всѣми братьями и званіе великаго князя владимірскаго.

Народъ ждалъ отъ него облегченія, уповалъ, что онъ будетъ печаловаться о немъ, будетъ радѣть о его счастіи. И народъ не ошибся. Александръ принялъ великое княженіе не на радость и отдыхъ, а на тяжелый трудъ для блага и счастія народнаго. А времена были трудныя, впереди было дѣло мудреное. Привыкъ князь до сихъ поръ прямо и честно отражать врага, биться съ нимъ въ честномъ бою и смирять его. Такъ смирилъ онъ Шведовъ, Нѣмцевъ и Литовцевъ. А теперь не то: нечего было и думать имъ противиться. Оставалось одно: угодить ханамъ татарскимъ, снискать ихъ довѣріе, держать ихъ вдали отъ Руси, чтобы дать ей оправиться, чтобы не накликать на нее новыхъ бѣдъ и разореній. Надо было пріучить и народъ къ благоразумной покорности, сдерживать его, вразумить, что открытый бой съ Татарами только увеличитъ напасть, только сдѣлаетъ неволю нашу горчайшею. Не легко было князю хитрить, угождать да задаривать Татаръ; разумѣлъ онъ, что этого требуетъ спокойствіе его родины, и не задумался отказаться отъ славы воинской и не жалѣлъ онъ себя, не щадилъ силъ своихъ. Но отъ этого слава его не только не померкнула, а еще болѣе просіяла, какъ слава народнаго радѣтеля. Прибывъ во Владиміръ, онъ тотчасъ же занялся устроеніемъ Русской земли. Началъ возстановлять храмы Божіи, собирать на родное пепелище разсѣянный народъ, всячески помогая ему обстраиваться и завестись хозяйствомъ. Но не дали ему долго заниматься этимъ дѣломъ. Въ Ордѣ умеръ прежній ханъ, мѣсто его занялъ новый; надо было къ нему ѣхать на поклонъ, да везти подарки. Новый ханъ собирался послать въ землю Русскую своихъ численниковъ, чтобы перечислить весь народъ православный и затѣмъ обложить его поголовною данью. И куда какъ тяжка была эта дань, особенно для бѣднаго люда неимущаго. Вотъ эту напасть и хотѣлъ князь отвратить отъ своихъ людей.

Александръ поѣхалъ умилостивлять Татаръ, раздавалъ деньги,

не жалѣлъ подарковъ, но не могъ ничего подѣлать; стоялъ ханъ на своемъ: „хочу Русь перечислить“. Перечислили русскія земли, кромѣ Новгородской области, собрали дань и повезли хану. Великій князь тоже поѣхалъ туда. Остался доволенъ ханъ послушаніемъ, собранной данью, только желалъ еще одного — перечислить и Новгородскую область, обложить и ее данью. Какъ услышалъ это князь, такъ и защемило сердце его. Зналъ онъ новгородцевъ, что они не послушаютъ, что они не считаютъ себя татарскими подданными: не были еще Татары въ ихъ области. Но поперечить хану онъ не смѣлъ, — пришлось исполнять, что приказано. Много труда ему было, чтобы уговорить новгородцевъ подчиниться волѣ хана — дать себя перечислить и заплатить дань Татарамъ. Татары, получивъ число, собрали дань и уѣхали. Только тогда могъ свободно вздохнуть Александръ: понималъ онъ, какая опасность миновала. Отправился спокойно во Владиміръ, гдѣ продолжалъ заниматься устроеніемъ Русской земли. А между тѣмъ собралась новая гроза, несла она съ собой новыя заботы, требуя отъ князя новыхъ силъ, чтобы отвратить эту грозу отъ Русской земли. Первую дань Татары сами собирали съ Русскаго народа. Ханскіе послы объѣзжали города и области русскія и при помощи князей собирали дань. Но потомъ рѣшили отдать ее на откупъ иноземнымъ купцамъ. Эти-то откупщики снимали русскую дань съ наддачею, а потомъ ужъ собирали съ русскаго народа и дань, и наддачу, да брали еще и себѣ за хлопоты. Тяжко было всѣмъ тогда отъ этихъ сборщиковъ. Сопровождаемые ханскими посланцами, или баскаками, съ толпою вооруженныхъ Татаръ, ходили они по Русской землѣ и безъ жалости, безъ милосердія обирали Русскій народъ: отнимали скотъ, имущество, продавали неплательщиковъ въ рабство. Чаша страданія Русскаго народа переполнилась. Народъ терпѣлъ, терпѣлъ, наконецъ и силъ не хватило болѣе терпѣть.

И вотъ въ 1262 году, какъ будто по уговору, во многихъ городахъ загудѣли вѣчевые колокола; народъ безъ княжеской воли поднялся на своихъ притѣснителей: однихъ избилъ, другихъ изгналъ. Народъ ликовалъ, не подозрѣвая тѣхъ бѣдъ, которыя накликала на него эта удача. Дѣйствительно, Русской землѣ грозила новая напасть: войско татарское готовилось новымъ разореніемъ наказать Русскій народъ. Великому князю пришлось опять спѣшить въ орду умилостивлять хана, отвращать напасть. А ханъ былъ гнѣвенъ; Александръ могъ за это поплатиться своею головой, но онъ не думалъ объ этомъ. Было у него и другое дѣло въ ордѣ:

ханъ требовалъ, чтобы русская рать помогала Татарамъ въ ихъ войнахъ. Не хотѣлось Александру проливать кровь христіанскую за Татаръ, но ханъ настаивалъ, надо было его уломать отмѣнить приказаніе. Дѣло было нелегкое, много труда оно требовало. Великій князь долженъ былъ въ ордѣ умаливать, упрашивать, задаривать, всячески изворачиваться, чтобы оправдать русскихъ людей. Много поклоновъ, много униженій и оскорбленій перенесъ Александръ Ярославичъ среди Татаръ, чтобы спасти Русскую землю. Горько ему было, но онъ возлюбилъ свой народъ больше своей чести, смирился передъ ханомъ, и ему удалось-таки вымолить прощеніе землѣ русской. Ханъ оставилъ безъ наказанія и избіеніе татарскихъ сборщиковъ, и ослушаніе ханскаго приказанія о присылкѣ рати. Такое дѣло, отвратившее отъ Русской земли новое разореніе, которое напомнило бы времена батыевы, было великимъ дѣломъ князя, оно стоило большой побѣды. И не легко его было устроить: безъ малаго годъ Александръ долженъ былъ прожить въ ордѣ. Его крѣпкое здоровье не вынесло тяжелыхъ заботъ и душевныхъ тревогъ: онъ заболѣлъ въ ордѣ. Оправившись, великій князь поѣхалъ въ обратный путь. На дорогѣ онъ снова разнемогся и 14 ноября 1263 года преставился въ Городцѣ (Балахнинскаго уѣзда), въ Ѳедоровскомъ монастырѣ, принявъ передъ смертію постриженіе въ монахи и схиму. Вѣсть о смерти его достигла Владиміра. Митрополитъ Кириллъ служилъ обѣдню, когда получилъ грустную вѣсть о кончинѣ Александра. Онъ обратился къ народу и сказалъ: „дѣти мои милые, закатилось солнце земли русской“... Голосъ его прервался отъ горючихъ слезъ, которыя душили его. Собравшись съ силами, онъ прибавилъ: „не стало Александра“. И князья, и бояре, и весь народъ на это скорбное извѣстіе, поразившее всѣхъ, какъ громомъ, отвѣчали однимъ восклицаніемъ „погибаемъ!“. Русскимъ людямъ того времени казалось, что со смертью Александра Невскаго къ нимъ вернутся всѣ невзгоды. Лѣтописецъ, говоря о смерти Невскаго, прибавляетъ: „Много онъ потрудился за землю русскую, за Новгородъ и за Псковъ, за все великое княженіе, отдавая животъ свой, и за вѣру православную“. Этою-то готовностью всегда всѣ силы свои принести въ пользу общую, земскую Александръ и заслужилъ постоянную память народа русскаго, который смотрѣлъ на него, какъ на своего ангела-хранителя; а церковь православная причла его къ лику святыхъ. Императоръ Петръ Великій въ послѣдніе годы своей жизни заложилъ монастырь и церковь во имя святого Александра Невскаго на берегахъ

Невы, прославленной побѣдою Александра. Когда лавра была построена, Петръ Великій торжественно перенесъ 30 августа 1724 г. мощи Александра Невскаго изъ Владиміра въ Александро-Невскую Лавру.

46. Въ Городцѣ въ 1263 году.

Ночь на дворѣ и морозъ.
Мѣсяцъ — два радужныхъ свѣтлыхъ вѣнца вкругъ него...
По небу словно идетъ торжество;
Въ кельѣ-жъ игуменской — зрѣлище скорби и слезъ...
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ;
Тихо игуменъ предъ нимъ на молитвѣ стоитъ;
Тихо бояре стоятъ по угламъ;
Тихъ и недвижимъ лежитъ, головой къ образамъ,
Князь Александръ, черной схимой покрытъ...
Страшнаго часа всѣ ждутъ: нѣтъ надежды, ужъ нѣтъ!
Слышится въ кельѣ порой лишь болящаго бредъ.
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Сонъ-ли проходитъ предъ нимъ, иль видѣній таинственныхъ цѣпь —
Видитъ онъ — степь, безпредѣльная, бурая степь...
Войлокъ разостланъ на выжженой солнцемъ землѣ.
Видитъ: отецъ! Смертный потъ на челѣ,
Весь изможденъ онъ, и блѣденъ, и слабъ...
Шелъ изъ орды онъ, какъ данникъ, какъ рабъ...
Въ сердцѣ, знать, силъ не хватило обиду стерпѣть...
И простоналъ Александръ: „Такъ и мнѣ умереть“...
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Видитъ — шатеръ, дорогой, златотканный шатеръ...
Тронъ золотой на пурпурный поставленъ коверъ...
Ханъ возсѣдаетъ средь тысячи мурзъ и князей...
Князь Михаилъ [1]) передъ ставкой стоитъ у дверей...
Подняты копья надъ княжеской свѣтлой главой...
Молятъ бояре горячей мольбой...
„Не поклонюсь истуканамъ во вѣкъ“, — онъ твердитъ...
Мигъ — и поверженъ во прахъ онъ лежитъ...
Топчутъ ногами и копьями колютъ его...
Ханъ, изумленный, глядитъ изъ шатра своего...
Князь отвернулся со стономъ и, очи закрывъ, —
„Я-жъ“, говоритъ, „поклонился болванамъ, чрезъ огонь я прошелъ,
Жизнь я святому вѣнцу предпочелъ...
„Но — на Спасителя взоръ устремивъ:
„Боже! Ты знаешь — не ради себя —
Многострадальный народъ свой лишь паче души возлюбя!..“
Слышатъ бояре и шепчутъ, крестясь:
„Грѣхъ твой, кормилецъ, на насъ!“

---

[1]) Михаилъ Черниговскій.

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Снится ему Ярославовъ въ Новгородѣ дворъ...
Въ шумной толпѣ и мятежъ, и раздоръ...
Всѣ собралися концы и шумятъ...
„Всѣ постоимъ за святую Софію! — вопятъ —
„Дань ей несутъ отъ Югорской земли до Ганзы...
Нѣмцамъ и Шведамъ страшнѣй нѣтъ грозы...
Самъ ты водилъ насъ, и — Биргеръ твое
Помнитъ досель на лицѣ, чай, копье!..
Рыцари, — памятенъ имъ поottаявшій ледъ!..
Конница словно какъ въ морѣ летитъ кровяномъ!..
Бейте, колите, берите живьемъ
Лживый, коварный, пришельческій родъ!..
Намъ-ли баскаковъ пустить
Грабить казну, на правежъ насъ водить?
Злата и серебра горы у насъ въ погребахъ, —
Намъ-ли валяться у хана въ ногахъ!
Бей ихъ, руби ихъ, баскаковъ поганыхъ, Татаръ!..“
И разлилася рѣка, взволновался пожаръ...
Князь приподнялся на ложѣ своемъ;
Очи сверкнули огнемъ,
Грозно сверкнули всѣмъ гнѣвомъ высокой души —
Крикнулъ: „Эй, вы, торгаши!
Богъ на всю землю послалъ злую мзду.
Вы-ли одни не хотите Его покориться суду?
Ломятся тьмами ордынцы на Русь — я себя не щажу —
Я лишь одинъ на плечахъ ихъ держу!..
Бремя нести — такъ всѣмъ міромъ нести!
Дружно, что боръ вѣковой, подыматься, расти,
Вѣруя въ чаянье лучшихъ временъ, —
Все лишь въ конецъ претерпѣвый — спасенъ!..“
Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвижно во тьму, въ безпредѣльность глядитъ...
Тьма, что завѣса, раздвинулась вдругъ передъ нимъ...
Видитъ онъ: облитый словно лучемъ золотымъ,
Берегъ Невы, гдѣ разилъ онъ врага...
Вдругъ возникаетъ тамъ городъ... [1]) Народомъ кишатъ берега...
Флагами вѣютъ цвѣтными кругомъ корабли...
Громъ раздается; корабль показался вдали...
Правитъ имъ кормчій съ открытымъ высокимъ челомъ...
Кормчаго всѣ называютъ царемъ... [2])
Гробъ съ корабля поднимаютъ, ко храму несутъ,
Звонъ раздается, священные гимны поютъ...
Крышу открыли... Царь что-то толпѣ говоритъ...
Вотъ — передъ гробомъ земные поклоны творитъ...
Слѣдомъ — всѣ люди идутъ приложиться къ мощамъ...
Въ гробѣ-жъ — князь видитъ — онъ самъ...

---

[1]) Петербургъ.
[2]) Петръ I.

Тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ...
Князь неподвиженъ лежитъ...
Словно какъ свѣтъ надъ его просіялъ головой,
Чудной лицо озарилось красой.
Тихо игуменъ къ нему подошелъ и дрожащей рукой
Сердце ощупалъ его и чело —
И, зарыдавъ, возгласилъ: „Наше солнце зашло“!

47. Даніилъ Романовичъ, король Галицкій (1229—1264 г.).

Изъ русскихъ удѣльныхъ княжествъ въ концѣ XI вѣка быстро усилилось княжество Галицкое, которое было расположено на самомъ западѣ тогдашней Руси, на склонахъ горъ Карпатскихъ. Въ концѣ XII в. Галиція перешла во владѣніе сосѣдняго князя Романа Мстиславича, княжившаго на Волыни, вслѣдствіе чего къ XIII вѣку на западной окраинѣ Руси образовалось одно огромное княжество Галицко-Волынское. Много князь Романъ потрудился и долго велъ упорную борьбу съ другими князьями, чтобы сохранить за собой богатыя галицко-волынскія земли, и онъ не только отстоялъ ихъ, но и значительно увеличилъ, отвоевавъ отъ Литвы и Польши пограничныя земли. Далеко пронеслась слава о побѣдахъ и могуществѣ храбраго Романа. Папа римскій засылалъ къ нему свего посла и обѣщалъ ему свою помощь и королевскую корону, если онъ приметъ латинство; но твердъ былъ Романъ въ православной вѣрѣ и не отступилъ отъ нея. Роману Мстиславичу наслѣдовалъ сынъ его Даніилъ. Своевольные галицкіе бояре, не желавшіе подчиниться Даніилу, князю мужественному, прославившемуся уже многими побѣдами, походившему на отца, сильно враждовали съ нимъ, составляли заговоры на его жизнь и призывали въ Галичъ Венгровъ и черниговскихъ князей. Послѣ упорной борьбы съ боярами и внѣшними врагами, Даніилъ все-таки побѣдилъ и усмирилъ бояръ. При немъ княжество Галицко-Волынское достигло наибольшихъ размѣровъ, подъ властью Даніила былъ даже Кіевъ, такъ что почти вся Западная (Заднѣпровская) Русь соединилась подъ властью одного галицко-волынскаго князя. Чтобъ обезопасить свои земли со стороны Польши, Даніилъ задумалъ укрѣпить нынѣшній Холмскій край, который граничилъ съ Польшей, и изъ-за котораго не разъ уже русскіе князья воевали съ Поляками. Для этого онъ возобновлялъ въ этой землѣ старые города, строилъ новые и укрѣплялъ ихъ. При нашествіи татаръ Даніилъ, видя невозможность сопротивленія, бѣжалъ въ Венгрію и только послѣ ухода ихъ возвратился въ Галицію. Снова началась его неустанная дѣятельность; ведя борьбу

съ боярами, разорявшими народъ, съ черниговскимъ княземъ, Поляками и Литовцами, онъ въ то же время старался загладить въ Галиціи слѣды татарскаго нашествія; онъ возобновлялъ разрушенные и строилъ новые города, созывалъ разбѣжавшихся жителей, льготами привлекалъ въ Галицію колонистовъ: Нѣмцевъ, Поляковъ, Евреевъ, также жителей Кіевской области, чѣмъ успѣлъ поднять промышленность и торговлю своей страны. Среди этой дѣятельности Даніилъ получилъ грозное приказаніе отъ хана явиться въ Орду на поклонъ, такъ какъ онъ еще не ѣздилъ туда. Тяжело было Даніилу исполнить это требованіе. много думалъ онъ съ братомъ, согласиться ли ѣхать или начать борьбу съ Татарами, но въ концѣ концовъ поѣхалъ, такъ какъ не желалъ подвергнуть свою область новому татарскому разоренію. Въ Ордѣ приняли его ласково, такъ какъ онъ исполнилъ всѣ унизительные обряды, и съ честью отпустили назадъ, но эта честь была для него злою обидою. Хотя Даніилъ поклонился хану, но мысль остаться на всю жизнь его подданнымъ была для него, южнаго князя, невыносима, и онъ началъ думать о томъ, какъ бы свергнуть тяжелое татарское иго. Но какъ его свергнуть?.. Одному нечего было и думать бороться съ Татарами, остальные русскіе князья были далеко, сосѣди же—Поляки, Чехи, Венгры—всѣ латинской вѣры, всѣ подъ духовною властью римскаго папы, безъ благословенія котораго не пошли бы на Татаръ. И вотъ Даніилъ рѣшился войти въ сношенія съ папой. Услышавъ объ этомъ, папа очень обрадовался,—онъ думалъ, что теперь навѣрное удастся ему обратить Западную Русь въ латинство; поэтому прислалъ Даніилу королевскій вѣнецъ, написалъ въ разныя стороны граматы, призывая всѣхъ въ походъ на невѣрныхъ; но никто не тронулся. Тогда Даніилъ прервалъ переговоры съ папой и задумалъ одними собственными силами начать борьбу съ Татарами и сталъ къ этому готовиться. Татары во-время догадались, въ чемъ дѣло, и приказали Даніилу срыть всѣ его укрѣпленія. Даніилъ умеръ данникомъ татаръ.

Покинулъ свой Галичъ Данило
И ѣдетъ въ орду на поклонъ.
Подарки и хану и ханшѣ
Везетъ драгоцѣнные онъ.
Давно всѣ князья поклонились
Врагу православной земли,—
Княжое чело осквернили
Въ поганой ордынской пыли.
Пришло и ему напослѣдокъ
Склониться предъ грозной ордой,—
Къ борьбѣ не готовъ еще Галичъ,
А ханъ угрожаетъ войной.
Князь ѣдетъ безбрежною степью:
Не слышно копыта въ травѣ...
И дума, глубокая дума
Засѣла въ его головѣ.
„Не нуженъ мнѣ санъ
королевскій,—

Корона отъ папы нужна,—
За насъ на враговъ всемогущихъ
Подыметъ весь Западъ она.
И Венгровъ, и Нѣмцевъ, и
Франковъ—
Всѣхъ папское слово сберетъ,—
Не даромъ-же эта корона
Надъ русской главою блеснетъ?
И грозно подымется Галичъ
За Русскую землю тогда,
И въ битвѣ великой погибнетъ
Надменная, злая орда.
Порвутся тяжелыя цѣпи,—
Мы братьямъ свободу дадимъ,
И дружно единой семьею
Сберемся подъ стягомъ роднымъ.
Довольно намъ княжьихъ раздоровъ,
Продавшихъ Россію врагамъ!
Довольно враги насъ терзали
И брали всю Русь по частямъ!
Да будетъ Россія единой,
Какъ быть ей съ начала должно...
Мой Галичъ не тронутъ врагами,—
Ему всѣхъ собрать суждено.
Поѣду я къ грозному хану,
Приму нашъ послѣдній позоръ,
Чтобъ послѣ готовить спокойно
Татарамъ жестокій отпоръ.
Я выстрою всюду твердыни,
Чтобъ, ярости дикой полна,
Разбилась объ русскія скалы
Татарскаго моря волна.
И только она разобьется
И въ степи на вѣки уйдетъ,—
Возстанетъ изъ праха и пепла
Великій, свободный народъ.
Довольно раздоровъ! Довольно
Лилась у насъ братская кровь!
Пусть царствовать будетъ отнынѣ
Лишь правда, да миръ, да любовь!..
Надменныхъ князей и корыстныхъ,
Готовыхъ къ раздорамъ лихимъ,
Мы общимъ соборомъ навѣки
Смиримъ и удѣловъ лишимъ".
Такъ думалъ Данило Романычъ,
Въ орду направляя свой путь,
И радостной, свѣтлой улыбкой
Лицо озарялось чуть-чуть.
За княземъ спѣшила дружина,
За нею подарки везли...
А въ Галичѣ толки иные
Въ ту пору бояре вели.
Сошлись они тайно въ свѣтлицѣ
И сѣли, ликуя, за столъ;
Пьютъ вина они и смѣются:
„Погибнетъ въ ордѣ нашъ орелъ!"
И судятъ, и рядятъ бояре,
Кому-бы имъ Галичъ продать?
Данило, вишь, солонъ пришелся:
Не любитъ имъ волю давать!
„Не любитъ бояръ! Всѣ заботы
О смердахъ, простыхъ мужикахъ!
И что онъ за князь?—Воеводамъ
Нажиться не дастъ въ городахъ!
Трясется надъ каждою гривной,—
Нужны ему стѣны да рвы!
Посмотримъ, что будетъ съ
Данилой?
Ему не снести головы!.."
И громко идутъ у нихъ толки:
Кто Ляховъ, кто Венгровъ зоветъ,
Кто Нѣмцамъ, а кто и Татарамъ
И Галичъ, и Русь продаетъ.

48. Начало города Москвы.

Если бы мы какимъ-нибудь чудомъ могли перенестись лѣтъ за тысячу назадъ отъ нашего времени, то тамъ, гдѣ теперь стоитъ Москва, мы нашли бы одинъ сплошной густой сосновый боръ. До сихъ поръ еще о существованіи этого бора напоминаютъ названія нѣкоторыхъ мѣстностей въ самой Москвѣ, напримѣръ—самой древней церкви въ Кремлѣ Спасъ на Бору и Боровицкихъ воротъ—тамъ же. Такія названія, какъ Моховая улица, площадь Болото, Елохова улица (отъ названія дерева „ольха") и т. д. также невольно переносятъ насъ въ давнопрошедшее время и напоминаютъ о томъ, что

было когда-то на мѣстѣ Москвы. Главными жителями этой, еще почти нетронутой человѣческою рукою, мѣстности были тогда дикіе звѣри, которые водились въ большомъ числѣ и принадлежали къ такимъ породамъ, которыя теперь или исчезли, или стали очень рѣдки: туры, т.-е. дикіе быки, медвѣди, бобры, куницы, лоси и т. д. Среди этого бора жили однако же тогда и люди, но люди эти были не русскіе и говорили не по-русски. Племя, къ которому они принадлежали, у насъ въ старину называлось Чудь (то-есть чужіе, не русскіе люди), а теперь мы привыкли употреблять другое, нѣмецкое названіе этого племени — Финны. Сравнительно небольшіе остатки Финновъ, разбросанные среди русскаго населенія, до сихъ поръ встрѣчаются кое-гдѣ на сѣверѣ Россіи и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, лежащихъ по Волгѣ, Камѣ и Уральскому хребту, напримѣръ: Нижегородской, Вятской, Пермской и т. д. (Мордва, Черемисы, Чуваши, Пермяки, Зыряне и проч.). Но лѣтъ за тысячу Финны одни занимали всю сѣверную половину Россіи, а Русскіе пришли сюда уже позже. Та Чудь, которая жила на мѣстѣ теперешней Москвы, называлась Меря, что по-фински значитъ просто: „человѣкъ“ или „люди“. Чудь въ тѣ далекія отъ насъ времена жила еще въ полудикомъ состояніи, полукочуя, полуосѣдло; занималась она большею частью не земледѣліемъ, а охотою. Многія племена долго не умѣли добывать и плавить столь нужное для нихъ желѣзо и ограничивались для наконечниковъ своихъ копій и стрѣлъ, для ножей и другихъ орудій употребленіемъ бронзы (т.-е. сплава мѣди съ оловомъ), которую получали отъ другихъ народовъ. Было даже время, когда жители нашей сѣверной Руси совсѣмъ не знали употребленія металла и свое оружіе выдѣлывали запросто изъ камня: и до сихъ поръ нерѣдко находятъ случайно въ разныхъ мѣстахъ на землѣ или въ землѣ каменные стрѣлы, топоры и другія вещи, сдѣланныя первобытными людьми. Простой народъ зоветъ обыкновенно такіе предметы „громовыми стрѣлками“ и такимъ образомъ не признаетъ ихъ за работу рукъ человѣческихъ, а думаетъ, что они произошли будто бы отъ удара молніи въ землю.

По истеченіи извѣстнаго времени въ мерянскую лѣсную и болотистую глушь и дичь стали заходить русскіе люди. Въ чудскую страну переселенцевъ этихъ манило сначала обиліе дикаго пушного звѣря, и потому сюда приходили промышленники, т.-е. охотники, надѣявшіеся не безъ основанія на богатую добычу. Но затѣмъ стали все болѣе и болѣе приходить и земледѣльцы, которыхъ въ свою очередь привлекалъ привольный просторъ, избытокъ земли, потому что

Славяне уже издавна занимались земледѣліемъ. Усердно начали они рубить дремучіе лѣса, выжигать въ нихъ „острова“ и на мѣстѣ вырванныхъ съ корнемъ деревьевъ строить свои деревни, а на расчищенныхъ полянахъ засѣвать хлѣбъ. Во многихъ мѣстахъ Россіи до сихъ поръ встрѣчаются такія названія мѣстностей („урочища“, говорится въ народѣ), которыя совершенно не похожи на окружающую дѣйствительность. Вы слышите названія, въ родѣ „Борки“, „Боровое“, „Ясная Поляна“ и видите кругомъ себя одну безлѣсную гладь. Но эти названія сохранились только отъ стародавнихъ временъ въ памяти жителей и переносятъ насъ, также какъ и названія нѣкоторыхъ московскихъ улицъ, въ ту старину, когда дѣйствительно здѣсь былъ боръ или поляна среди лѣса. Новые переселенцы по развитію были гораздо выше Чуди, имѣли лучшее желѣзное оружіе, были мужественнѣе и сильнѣе ея, и потому Чудь не могла долго устоять противъ незванныхъ пришельцевъ. Не безъ борьбы отказалась она отъ своей просторной родины, но, тѣмъ не менѣе, должна была, наконецъ, уступить Славянамъ и уходила постепенно все дальше и дальше на востокъ и сѣверъ, въ глубь вѣковѣчныхъ дремучихъ лѣсовъ, а гдѣ оставалась на прежнихъ мѣстахъ, тамъ подчинялась Славянамъ, принимала славянскій языкъ, славянскіе обычаи и такимъ образомъ мало-по-малу сливалась со Славянами. Проникая все дальше въ лѣса, Славяне добрались наконецъ и до рѣки Москвы. Это имя тоже не русское, а чудское; толкуютъ его разно: нѣкоторые думаютъ, что оно значитъ „коровья рѣка“, другіе—„мутная вода“. Спачала этихъ славянскихъ переселенцевъ на берегахъ Москвы-рѣки было немного. Есть преданіе, что однимъ изъ первыхъ здѣсь поселился какой-то пустынникъ Вуколъ, срубилъ будто бы келью на холмѣ, гдѣ теперь Кремль, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ до сихъ поръ стоитъ церковь „Спасъ на бору“. Вокругъ холма мало-по-малу появились помѣстья, и выросли усадьбы помѣщиковъ. Одинъ такой помѣщикъ назывался Степанъ Ивановичъ Кучко, а помѣстье его, лежавшее между рѣками Москвой и Яузой, называлось село Кучково. Въ это время Славяне, поселившіеся на берегу Москвы-рѣки, были уже подчинены князю, но князь этотъ жилъ не въ Москвѣ, а въ Суздалѣ, и только иногда пріѣзжалъ на Москву-рѣку поохотиться или похозяйничать. Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій однажды пріѣхалъ сюда, за что-то прогнѣвался на С. И. Кучко, казнилъ его, а село отобралъ за себя. Холмистая и живописная мѣстность по берегамъ рѣкъ Москвы, Яузы и Неглинной очень понравилась князю, и онъ по-

строилъ здѣсь городъ, „малъ градъ древянъ“, какъ говоритъ старинный повѣствователь, а также и первую церковь во имя Рождества Богородицы. Замѣтьте: въ старину „городомъ“ называлось всякое огороженное, укрѣпленное мѣсто; потому и подъ „городомъ Москвой“ разумѣлось только то мѣсто, гдѣ теперь Кремль; сначала оно было огорожено тыномъ изъ бревенъ или частоколомъ изъ кольевъ и уже послѣ, гораздо позже, было окружено такими каменными стѣнами, какія мы видимъ теперь. Все же, что лежало вокругъ города, называлось посадомъ; жители посада — посадскіе, когда приходилъ непріятель, укрывались за городскими стѣнами. Вотъ отчего и до сихъ поръ въ Москвѣ, по старой привычкѣ, говорятъ: „итти“ или „ѣхать въ городъ“, разумѣя обнесенный стѣнами Китай-городъ, гдѣ находятся лавки, или „гостиный“, т.-е. торговый или купеческій дворъ.

Первое извѣстіе о Москвѣ дошло до насъ отъ 28-го марта 1147 года, когда князь Юрій Владиміровичъ принималъ и угощалъ въ ней, какъ пограничномъ своемъ городѣ, своего союзника, черниговскаго князя, съ которымъ собирался наступающимъ лѣтомъ предпринять общій воинскій походъ. Это первый, достовѣрно намъ извѣстный, день изъ исторіи Москвы. Маленькою деревянною крѣпостью начала Москва свою жизнь, и не прошло еще ста лѣтъ со дня ея основанія, какъ она чуть-чуть не исчезла съ лица земли. На Русь сдѣлалъ нападеніе дикій степной народъ, Татары, которые жгли наши города и истребляли ихъ жителей или брали въ тяжкую неволю. За другими городами чередъ дошелъ и до Москвы. Храбрый московскій начальникъ, воевода Филиппъ Нянька, мужественно защищался за своими деревянными стѣнами, но былъ убитъ, а Москва, взятая Татарами, превратилась въ одно сплошное пожарище. Казалось, вотъ и конецъ чуть начавшему жить молодому городу; однако, случилось иначе. Татары черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ушли; лѣсу было кругомъ очень много, города строились тогда исключительно деревянные, и потому уцѣлѣвшіе отъ погрома москвичи вернулись назадъ на свое родное пепелище, опять стали строить себѣ дома, — и, вотъ, Москва выстроилась вновь и даже стала больше сравнительно съ прежней, потому что въ нее стали собираться также бѣглецы и изъ другихъ разоренныхъ городовъ. Такъ Москва стала понемногу главнымъ городомъ отдѣльнаго княжества.

49. Предсказаніе.

На высокомъ холмѣ, во дремучемъ бору,
Надъ Москвою-рѣкою въ былую пору
Жилъ отшельникъ святой; въ тихой кельѣ своей
Онъ молился за Русь, онъ печалился съ ней.
Въ тѣ поры ей съ востока грозила бѣда:
Надвигалась Татаръ злочестивыхъ орда;
Все губила она и все жгла за собой
И полономъ грозила всей Руси родной.
Горячо со слезами отшельникъ молилъ,
Чтобъ Господь благодати своей не лишилъ,
Чтобы спасъ Онъ всю Русь отъ нашествія тѣхъ,
Кто дѣтей не щадилъ для кровавыхъ потѣхъ,
Кто болвановъ нѣмыхъ, какъ боговъ своихъ, чтилъ,
Кто всю Русь въ царство вдовъ и сиротъ обратилъ.
На молитвѣ ночной старецъ долго стоялъ;
Вдругъ всю келью его яркій свѣтъ осіялъ,
И предсталъ передъ нимъ свѣтозарный посолъ:
Съ благодатью великой онъ къ старцу нисшелъ.
„Миръ Господень — онъ рекъ—днесь да будетъ съ тобой,
Долетѣлъ до Творца стонъ молитвенный твой:
Не печалься, не плачь, не томися за Русь,
На дорогѣ ея я всегда нахожусь.
Ей великій удѣлъ на землѣ положенъ,
Ею подвигъ любви будетъ въ мірѣ свершенъ,
Но подъ гнетомъ веригъ суждено ей идти
По тернистому, полному скорби пути.
Моремъ крови и слезъ освятится она,
Вѣрой въ Бога, въ любовь безгранично полна.
Тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ твой убогій пріютъ,
Тамъ, когда твои грѣшныя кости сгніютъ,
Тамъ — смотри!...“ И съ небесъ благодатный посолъ
Передъ ликомъ его своей дланью провелъ,
Очи духа открылъ и въ картинѣ одной
Весь удѣлъ показалъ ему Руси родной.
Умилился старикъ, возвелъ очи свои
И промолвилъ: „Господь, пути правы Твои!
Ты, кого возлюбилъ, — испытуешь и бьешь,
И ко благу тяжелой дорогой ведешь.
Очищай ее, Боже, въ горнилѣ борьбы,
Чтобъ достойно она, въ часъ грядущей судьбы,
Свой исполнила долгъ. Не печалюся я —
Да исполнится воля благая Твоя“.

50. Иванъ Калита (1328—1340 г.) и митрополиты св. Петръ и св. Алексѣй.

Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Москва не была такая большая, какъ теперь. Тогда это былъ маленькій деревянный городокъ; на

той горѣ, гдѣ теперь Кремль, стоялъ небольшой княжескій теремъ, со службами да пристройками и съ одной деревянной церковкой во имя Спаса, которая теперь называется „Спасъ на бору“. Горы кругомъ были покрыты еще густымъ лѣсомъ, и кой-гдѣ развѣ расчищены мѣста для пашни, да кой-гдѣ стояли слободы или деревушки. Въ городкѣ и въ этомъ терему проживалъ одинъ князь, внукъ св. Александра Невскаго, Иванъ Даниловичъ, по прозванію Калита. Митрополитомъ въ то время былъ св. Петръ, жившій во Владимірѣ на Клязьмѣ, который былъ тогда столицею великихъ князей. Объѣзжая свою паству, св. Петръ часто заѣзжалъ въ Москву къ князю Ивану Даниловичу. Полюбился ему этотъ князь. Въ маленькомъ городкѣ, въ бѣдномъ теремку, надъ Москвою-рѣкою, частенько долго и по душѣ бесѣдовали князь со святителемъ о несчастныхъ дѣлахъ Русской земли, какъ всѣ-то князья ссорятся другъ съ другомъ, никого не слушаются, Татары вмѣшиваются въ ссоры ихъ, и пдетъ повсемѣстная война и разореніе. Митрополитъ говорилъ князю Ивану Даниловичу: „Всѣхъ перевидалъ я князей и всѣхъ ихъ знаю; есть между ними и добраго нрава, да горячи и легкомысленны: вдаль не смотрятъ, а только думаютъ, какъ-бы нынче прошло хорошо; думаютъ о себѣ, а не о народѣ, не о всей Руси. И отъ раздѣленія ихъ вся-то Русь пополамъ распалась: одна часть подъ Литву подпала, другая подъ Татаръ. А князьямъ и горя мало: отъ татарскаго насилія страдаютъ и воздыхаютъ, а о томъ не думаютъ, какъ бы дѣло повести такъ, чтобы хоть со временемъ, дѣтямъ и внукамъ, и совсѣмъ отъ Татаръ избавиться. Изо всѣхъ князей только ты, Иванъ Даниловичъ, нрава твердаго и ума великаго. Принимайся съ Богомъ за собираніе земли подъ одну руку твою. Ты бережливъ, казны у тебя много, и такъ тебя прозвали „Калита“ — полный мѣшокъ. Скупай отъ князей села и города: имъ деньги нужны, задаромъ волости продаютъ. И устройся такъ, чтобъ у тебя народу было жить хорошо, и народъ отовсюду къ тебѣ потянетъ. А я въ Москвѣ поселюсь и въ ней свой престолъ митрополичій поставлю, и буду помогать тебѣ совѣтомъ и дѣломъ и молитвами моими передъ Господомъ и Пресвятой Богородицей.

Еще когда на родинѣ моей, въ землѣ Галицкой, удалился я въ пустыню и потомъ помогъ мнѣ Господь устроить тамъ монастырь, и объѣзжалъ паству митрополитъ Максимъ, и въ нашу землю пріѣхалъ, вышли мы, иноки, отъ него благословиться; и поднесъ я владыкѣ, моей рукой написанную, икону Успенія Божіей

Матери; а написалъ я эту икону, какъ она мнѣ явилась въ сонномъ видѣніи. И принялъ ее митрополитъ, и облобызалъ, и потомъ украсилъ ее золотомъ и каменьями и всегда хранилъ въ кельѣ своей. По кончинѣ его, выбрали меня, недостойнаго, митрополитомъ всея Руси, и поѣхалъ я къ патріарху въ Царьградъ на ставленіе. Оказалось, что въ то же время — попустилъ Господь — игуменъ Геронтій взялъ отъ того покойнаго владыки утварь святительскую и жезлъ, и икону Успенія, и отправился тоже въ Царьградъ къ патріарху, думая обмануть его и получить митрополію всея Руси. Значитъ, сами того не зная, на разныхъ корабляхъ плыли мы къ Царьграду. Мнѣ былъ вѣтеръ попутный и плаванье тихое; я пріѣхалъ и былъ посвященъ въ санъ митрополичій патріархомъ. Какъ вдругъ пріѣзжаетъ и Геронтій, и какъ вошелъ къ патріарху, такъ и палъ ему въ ноги и началъ каяться, просить прощенія. И разсказалъ онъ, что какъ плылъ онъ по морю, его постигла жестокая буря, и всѣ думали, что ужъ погибнутъ. И впалъ онъ, Геронтій, якобы въ забытье; въ этомъ забытьѣ явилась ему Божія Матерь и сказала: „Напрасно трудишься, санъ святительскій достанется не тебѣ“. И устрашился онъ, и положилъ, если Богъ его помилуетъ — жизнь оставитъ, то какъ пріѣдетъ въ Царьградъ, во всемъ покается патріаху. И Господь помиловалъ, и вотъ онъ принесъ похищенную имъ утварь святительскую, и жезлъ и икону, да приметъ ихъ тотъ, кому они принадлежатъ по праву. И всѣ мы дивились неизреченному чуду. Патріархъ простилъ Геронтія, видя слезы его, и всѣ мы купно прославили Господа и молили, да не оскудѣваетъ промыселъ Его надъ нами. Такъ икона моя опять перешла ко мнѣ, и ее-то хочу я поставить у тебя въ Москвѣ: да приметъ Царица небесная подъ святой покровъ свой твои благія начинанія. Ты же построй во имя Ея, во имя Успенія Пресвятой Богородицы, соборный храмъ, и пророчу тебѣ, что если ты меня во всемъ послушаешь, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ больше другихъ князей, и городъ твой прославится надъ всѣми русскими городами; святители послѣ меня будутъ жить въ немъ; руки его взыдутъ на плещи враговъ его, и Богъ прославится въ немъ“. Такъ бесѣдовалъ святитель съ княземъ, и послушался его князь Иванъ Даниловичъ.

Иванъ Калита получилъ въ наслѣдство небольшой городокъ Москву и еще семь городовъ малыхъ. Но былъ онъ заботливый хозяинъ и мудрый, дальновидный правитель: малое вначалѣ Московское княжество онъ поставилъ выше всѣхъ другихъ областей рус-

скихъ. „Надобно собирать Русь воедино,—тогда не будетъ больше княжескихъ усобицъ; соберутся тогда и силы свергнуть татарское иго“. Но какъ это сдѣлать? Все зависѣло тогда на Руси отъ дикой ханской воли: ханъ губилъ и миловалъ, казнилъ и жаловалъ, кого и какъ хотѣлъ. Нужно, значитъ, эту дикую силу незамѣтно на пользу Руси направить. Князь Иванъ Даниловичъ часто ѣздитъ въ Орду, возитъ туда богатые подарки, во всемъ угождаетъ хану. Полюбилъ ханъ князя Ивана и назначилъ его великимъ княземъ всей сѣверной Руси. Вѣритъ ханъ во всемъ князю Ивану и часто держитъ съ нимъ совѣты о дѣлахъ важныхъ. И внушаетъ князь хану, что лучше бы не отдавать русской дани на откупъ: много лишняго оставляютъ откупщики въ своихъ карманахъ, и хану черезъ это большой убытокъ, а его данникамъ—разоренье. Лучше поручить это дѣло князьямъ русскимъ. Послушался мудраго совѣта ханъ, и велитъ онъ князю Ивану собирать дань со всей сѣверной Руси. Собираетъ Иванъ Даниловичъ ханскую дань,—и всѣмъ лучше прежняго стало: ханъ получаетъ гораздо больше, народъ не страдаетъ отъ грабежа и насилій, и въ московской казнѣ остается еще много денегъ. А князь Иванъ бережливъ и разсчетливъ и казну свою тратитъ лишь на то, чтобы Москву усилить. Скупаетъ онъ у захудалыхъ князей деревни, села и цѣлые города, и Московское княжество растетъ годъ за годомъ. А когда святитель Петръ въ Москву переселился, то и стала Москва первопрестольнымъ городомъ, и начала вокругъ нея Русь воедино собираться. Потянули къ Москвѣ мелкопомѣстные князья и бояре: богатый и сильный московскій князь и охрану дастъ, и на службу къ себѣ приметъ. Потянулъ къ Москвѣ и простой народъ, — толпами стекаются люди изъ сосѣднихъ княжествъ и заселяютъ пустопорожнія земли. За московскимъ княземъ живется покойнѣе и легче: Татары въ московскія земли не приходятъ; не страдаетъ здѣсь народъ и отъ княжескихъ усобицъ. А внутри своей земли князь московскій строго слѣдитъ за порядкомъ, чтобы судъ по правдѣ творился, чтобы ворамъ и всякимъ насильникамъ потачки не давалось. Почитало и любило князя Ивана духовенство: не жалѣлъ онъ денегъ на построеніе и украшеніе храмовъ, милостивъ и щедръ былъ къ бѣднымъ и убогимъ. Князь Иванъ Даниловичъ Калита такъ усилился и въ Ордѣ, и на Руси, что Татары въ его владѣнія не ходили, а въ другихъ княжествахъ князь Иванъ, какъ въ своихъ отчинахъ, распоряжался. Умеръ Иванъ Даниловичъ Калита, а дума его не умерла при сынѣ его Симеонѣ Гордомъ. Умиралъ

Симеонъ и передъ смертью, передавая престолъ свой брату Ивану Ивановичу, писалъ ему въ своемъ завѣщаніи: „Слушайся старыхъ бояръ: они отцу нашему и намъ добра всегда хотѣли, слушайся затѣмъ, чтобы и свѣча не погасла“. А что разумѣлъ онъ подъ этою притчей, чтобы свѣча не погасла? А свѣча тутъ значитъ то дѣло, что задумалъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, и думу свою вложилъ въ сердца своимъ боярамъ, т.-е. — освобожденіе отъ Татаръ. „Не погасла свѣча“ ни при двоихъ сыновьяхъ Ивана Даниловича, одинъ за другимъ княжившихъ въ Москвѣ, ни даже при малолѣтнемъ внукѣ его Димитріи. Димитрій послѣ отца остался младенцемъ, но именемъ его управляли Русью бояре московскіе, и главное, св. митрополитъ Алексѣй; они занимались дѣлами и въ Орду ѣздили.

Но былъ тогда еще святой мужъ, который, удалясь отъ міра сего, въ глубинѣ лѣса дремучаго, въ тяжкихъ трудахъ передъ Господомъ подвизался, да благословитъ Богъ святое дѣло, въ Москвѣ затѣянное, и строгою жизнію своею подавалъ христіанамъ примѣръ, какъ удостоиться милости Господней. И по тропинкамъ къ обители св. Троицы, имъ построенной, частенько пробирались князья и бояре — укрѣпиться духомъ и посовѣтоваться о дѣлахъ; по всей Руси шла молва о его святой жизни и о чудесахъ, прославившихъ его и при жизни. Ученики его разошлись по всѣмъ концамъ Руси, даже до далекой Перми разнесли славу о его благочестіи и мудрости, и толпы народа валили къ его обители послушать его поученія. Мужъ этотъ былъ св. Сергій, изъ ростовскихъ бояръ. Особеннымъ другомъ его былъ двоюродный братъ великаго князя Димитрія Ивановича, Владиміръ Андреевичъ, который во всей своей жизни поступалъ по его совѣту, даже отказался отъ престола послѣ Димитрія, чтобы престолъ московскій переходилъ въ одномъ семействѣ отъ отца къ сыну, и не было бы смуты и спора за наслѣдство. Къ Троицѣ прорубили потомъ ужъ большую дорогу, и со всякимъ важнымъ дѣломъ ѣздили изъ Москвы за совѣтомъ и благословеніемъ къ Сергію: онъ мирилъ враждующихъ, обуздывалъ строптивыхъ и, можно сказать, сіялъ мудростью и святостью на всю Русь, живилъ ее своимъ духомъ и обнималъ ее своимъ умомъ. Никогда въ Русской землѣ не проявлялось столько благочестія; никогда, ни прежде, ни послѣ, не построилось столько монастырей, какъ въ это время — отъ Петра митрополита и при Алексѣѣ. Русь словно постомъ и молитвою готовилась къ чему-то великому. Митрополитъ Алексѣй питалъ великую дружбу къ Сергію, и самъ Алексѣй при

жизни своей былъ прославленъ многими чудесами, изъ которыхъ самое великое было изліеніе три года болѣвшей глазами ханской жены Тайдулы. Самъ ханъ писалъ къ московскому князю: „Слышалъ я, что у васъ въ Москвѣ есть такой служитель Божій, который о чемъ Бога ни попроситъ, даетъ ему. Отпусти его ко мнѣ, и если онъ исцѣлитъ любимую жену мою, то будетъ у меня съ вами миръ; если же не отпустишь, приду войною“... Смутился св. Алексѣй. „Дѣло это превыше силъ моихъ“, говорилъ онъ; но помолился Богу и отправился въ Орду. Тайдула ожидала его съ нетерпѣніемъ, и разъ, когда уже св. Алексѣй двинулся въ путь, видѣла она во снѣ приближающагося къ ней какого-то мужа, одѣтаго въ такія одежды, въ какія одѣвались русскіе священники, только великолѣпнѣе. Она запомнила эти одежды и велѣла такія приготовить. Пріѣхалъ Алексѣй и сталъ посѣщать болящую и лечить ее: горячо молился Богу и кропилъ болящую святою водою. Богъ не оставилъ его молитвы, и жена ханова прозрѣла. Святитель прославилъ чудо Господне, а Тайдула въ благодарность подарила ему приготовленныя ею ризы и перстень, и мѣсто, принадлежавшее ей въ Москвѣ, на которомъ потомъ Алексѣй построилъ обитель въ честь архангела Михаила. Эти-то святые мужи съ боярами московскими и наставляли юнаго Димитрія, какъ управлять ему государствомъ, и были вѣрными помощниками, когда онъ пришелъ уже въ возрастъ.

51. Москва.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ...
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ,
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ.
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастаютъ дерева;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ...
Это—матушка-Москва!
Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?
Кто Царь-Колоколъ подыметъ?
Кто Царь-Пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?
Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ, —
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ?
Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!
И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!

Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

52. Москва.

Столица древняя, родная,
Ее ль не вѣдаетъ страна?
Ее назвать — и Русь святая
Съ ней вмѣстѣ разомъ названа.
У ней—съ землей одна невзгода,
Одно веселье, общій трудъ.
Ея дѣла — любовь народа —
Ей право первенства даютъ.
За Русь не разъ она горѣла,
Встрѣчая полчища племенъ;
За Русь не разъ она терпѣла
И поношеніе, и плѣнъ.
Въ напастяхъ вмѣстѣ съ нею крѣпла,
Мужалась, Господа моля,
И возникала вновь изъ пепла —
И съ нею Русская земля.
Ея удѣлъ—всегда тревожить
Враговъ Россіи заклятыхъ.
Ее унизить, уничтожить
Не разъ пыталась злоба ихъ,
Но, въ страхъ врагамъ, но въ радость краю,
Она, великая, сильна, —
И старый кличъ я подымаю:
Да вѣчно здравствуетъ Москва!

53. Св. Сергій Радонежскій (1313—1391 г.).

Число монастырей во времена татарскаго владычества очень увеличилось; особенно много ихъ было основано, начиная съ XIV вѣка. Въ этомъ столѣтіи нѣсколько разъ опустошали Русскую землю страшныя заразительныя болѣзни; ужасъ и уныніе распространились всюду отъ этой новой Божіей кары. И прежде былъ обычай на Руси, что благочестивый человѣкъ, готовясь умереть, старался загладить грѣхи свои, постригался въ монахи, принималъ схиму, а теперь, когда лютая смерть грозила всякому, многіе въ молодыхъ даже лѣтахъ постригались въ монахи и отдавали свое имущество монастырямъ. До двухсотъ монастырей во времена татарщины возникло преимущественно въ сѣверныхъ лѣсахъ. Изъ сѣверныхъ монастырей особенно замѣчателенъ Троицко-Сергіевъ. Основателемъ его былъ св. Сергій Радонежскій. Варѳоломей (мірское имя св. Сергія) былъ боярскаго происхожденія. Родители его, когда онъ былъ еще ребенкомъ, переселились изъ Ростова въ мѣстечко Радонежъ. Уже съ дѣтства Варѳоломей выказывалъ склонность къ строгой подвижнической жизни. До двѣнадцатилѣтняго возраста онъ удручалъ себя постомъ: въ постные дни недѣли не ѣлъ ничего, а въ другіе питался только хлѣбомъ да водою. Большую часть ночи проводилъ безъ сна, въ молитвѣ. „Дитя мое, увѣщевала его мать,—не сокрушай тѣла своего многимъ воздержаніемъ! Ты слишкомъ еще молодъ, впадешь въ болѣзнь. Тѣло твое растетъ и цвѣтетъ. Никто въ годы твои такому

посту не предается". Увѣщанія эти не дѣйствовали на благочестиваго ребенка. Съ трудомъ ему давалась сначала грамота; но потомъ чудеснымъ образомъ открылась у него способность къ ней, и онъ сталъ бойко читать и помогать при церковной службѣ. Рано почувствовалъ онъ призваніе къ отшельничеству. Кротость, благочестіе, доброта и любовь ко всѣмъ,—вотъ свойства, которыми отличался онъ отъ своихъ сверстниковъ. Когда достигъ онъ юношескаго возраста, сталъ онъ проситься у родителей въ „пустынь", но родители уговорили его остаться съ ними, пока они живы. По смерти родителей Варѳоломей отдалъ свою часть наслѣдства женатому брату и пошелъ искать въ окрестностяхъ мѣсто для пустыннаго житья. Съ нимъ пошелъ и старшій братъ его Стефанъ: онъ послѣ смерти жены хотѣлъ тоже посвятить себя Богу. Въ 12-ти верстахъ отъ Радонежа, въ глухомъ лѣсу срубили они себѣ келейки и маленькую церковь (на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ богатый Троицкій соборъ Сергіевской Лавры). По просьбѣ Стефана митрополитъ послалъ священниковъ освятить церковь, по желанію Варѳоломея, во имя св. Троицы. Недолго прожилъ вмѣстѣ съ братомъ Стефанъ. Не вынесъ онъ скорбнаго житья среди глухого лѣса и тяжкихъ лишеній, какія приходилось переносить отшельнику. Ушелъ Стефанъ въ общежительскій монастырь въ Москву. Варѳоломей принялъ постриженіе отъ игумена одного изъ монастырей, ближайшаго къ его „пустыни", и нареченъ былъ Сергіемъ. Ему было тогда всего двадцать три года. Прожилъ Сергій въ лѣсу, въ своей пустыни, въ полномъ одиночествѣ около двухъ лѣтъ. Среди глухого непроглядnаго лѣса жилъ юноша-отшельникъ. Голодъ, жажду, зимнюю стужу, страхъ, уныніе приходилось вытерпѣть ему, но онъ подкрѣплялъ себя непрестанной молитвой. Не разъ въ ночное время, когда бушевалъ вѣтеръ, стоналъ лѣсъ, когда стаи голодныхъ волковъ выли подлѣ его кельи, жутко ему становилось. Ужасъ одолѣвалъ его; слышались ему чьи-то страшныя слова:—„Бѣги отсюда! Чего здѣсь ищешь? Развѣ не боишься умереть съ голоду? Душегубцы-разбойники убьютъ тебя, или звѣри плотоядные растерзаютъ тебя!" Но Сергій превозмогъ всѣ эти страхи. Непрестанная молитва и твердая надежда на Бога давали ему несокрушимую твердость; пересталъ онъ даже бояться и лютыхъ звѣрей; спокойно встрѣчался съ ними, и они не трогали его. Разъ Сергій увидѣлъ предъ своей кельей медвѣдя. Замѣтивъ, что онъ голоденъ, Сергій вынесъ кусокъ хлѣба и положилъ ему на пнѣ. Медвѣдь сталъ часто приходить за пищей, и пустынникъ дѣлилъ съ голоднымъ звѣремъ свою скудную

трапезу; бывали случаи, что Сергій отдавалъ ему послѣдній кусокъ хлѣба, а самъ голодалъ.

Когда стало извѣстно, что въ лѣсу, близъ Радонежа, спасается отшельникъ, начали приходить къ нему монахи одинъ за другимъ и строили подлѣ его хижины свои кельи. Скоро собралось 12 человѣкъ. Они служили сами въ деревянной церкви заутреню, вечерню и часы, а для литургіи призывали по временамъ сосѣдняго священника. Чрезъ нѣсколько времени съ большимъ трудомъ уговорили самого Сергія принять игуменство. Онъ былъ рукоположенъ въ священники и сдѣлался игуменомъ. Таково было начало Троицко-Сергіева монастыря. Сначала монастырь былъ очень бѣденъ. Братіи было всего двѣнадцать человѣкъ. Скудость во всемъ была такая, что богослуженіе совершалось при свѣтѣ березовой лучины, богослужебныя книги были писаны на березовой корѣ, священные сосуды были деревянные, священническія ризы сдѣланы были изъ простой крашенины Случалось, что по нѣскольку дней хлѣба не было, и братія голодала. Самъ игуменъ одѣвался такъ бѣдно, что его принимали иногда за нищаго; однако онъ постановилъ строгимъ правиломъ для братіи жить своимъ трудомъ, а просить милостыню было строго запрещено; позволялось принимать только добровольныя, невыпрошенныя даянія. Св. Сергій, подобно св. Ѳеодосію, подавалъ братіи примѣръ строгой жизни и трудолюбія: самъ пекъ хлѣбы, шилъ обувь, носилъ воду, рубилъ дрова. Никогда не видали его праздныхъ. Питался онъ только хлѣбомъ и водою, но крѣпкое его здоровье помогало ему выносить страшныя лишенія и труды. Денно и нощно наблюдалъ онъ, чтобы всѣ въ его обители строго выполняли свои монашескіе обѣты. Молва о святой жизни Сергія и его обители разносилась все шире и шире. Являлись новые ревнители святой жизни, и число братіи стало расти. Сергій не иначе постригалъ новыхъ лицъ, какъ послѣ долгаго и строгаго испытанія. Много богомольцевъ стало посѣщать обитель: приходили сюда толпами и нищіе-странники, и немощные, нуждавшіеся въ помощи монастыря; пріѣзжали и богатые люди, бояре, князья, и дѣлали щедрыя пожертвованія въ пользу монастыря. Обитель стала богатѣть. О Сергіи шла молва, что онъ обладаетъ даромъ предвидѣнія, что молитва его имѣетъ чудесную силу. Но смиренный подвижникъ ни въ чемъ не измѣнился: попрежнему велъ онъ суровую жизнь, полную страшныхъ лишеній и тяжкихъ трудовъ; попрежнему былъ простъ и добродушенъ въ обращеніи съ другими; съ тою же добротою обращался онъ какъ съ нищими, питав-

шимися насчетъ монастыря, такъ и съ князьями и боярами, дѣлавшими богатые вклады. Лѣса падали кругомъ обители, раскинулись около нея пажити и луга, возникали починки и села. Крестьяне охотно шли работать на монастырь. Дорога къ святой обители прорубалась сквозь лѣсную чащу все шире и шире. Молва о подвижнической жизни Сергія дошла до константинопольскаго патріарха. Предложилъ онъ подвижнику ввести въ его монастырь общежительскій уставъ. Митрополитъ св. Алексѣй любилъ Сергія, навѣщалъ его, совѣтовался съ нимъ. Чувствуя близость смерти своей, митрополитъ очень желалъ сдѣлать его преемникомъ своимъ, но Сергій рѣшительно отказался. Смиреніе было главнымъ свойствомъ Сергія: ему страшны были блескъ и величіе земли. Но и въ смиренномъ званіи игумена онъ принесъ большую пользу Русской землѣ. Дивилась братія строгости жизни своего игумена, его необыкновенной выносливости, его способности въ глубокой старости неустанно трудиться. Св. Сергій скончался 78 лѣтъ, въ 1391 году. Основанная имъ обитель имѣла такое же важное значеніе для сѣверной Руси, какъ Кіево-Печерская лавра для южной. И при жизни Сергія, по его благословенію, и по его смерти ученики его основывали новыя обители. Особенно замѣчателенъ впослѣдствіи былъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, основанный ученикомъ св. Сергія св. Кирилломъ. Ученики послѣдняго въ свою очередь распространяли монашество.

Великую службу сослужили Русской землѣ св. подвижники. Въ годы тяжкой неволи, рабскаго униженія, злобы, горькой нищеты, голода, повальныхъ болѣзней легко человѣку упасть духомъ, опуститься, зажить грубою, животною жизнью. И вотъ въ такую тяжкую пору въ разныхъ концахъ Русской земли, въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ не бывала человѣческая нога, гдѣ ютились только дикіе звѣри, являются одинъ за другимъ пустынники. Почетъ, богатство, семейныя радости,—все, что такъ дорого людямъ на землѣ,—все презрѣли эти подвижники; все это въ ихъ глазахъ ничто въ сравненіи съ иною жизнью, жизнью вѣчною, духовною. Провѣдаютъ о подвижникѣ люди, дивятся ему: старикъ одинъ-одинешенекъ живетъ въ безлюдной глуши, ни хищнаго звѣря не страшится, ни лихого человѣка не пугается, боится только одного грѣха,—боится его пуще лютой смерти. Тяжкіе труды несетъ онъ, голодъ и холодъ добровольно терпитъ и все Богу молится. Разсказываютъ тѣ, кому доводилось видѣть пустынножителя, что привѣтливъ онъ, свѣтелъ душою, что готовъ утѣшить онъ всякаго скорбнаго, что сладко слушать слова его. Свѣтлѣе становилось на душѣ у несчастнаго, подавлен-

наго горемъ человѣка отъ рѣчей подвижника: вѣра въ лучшую будущую жизнь согрѣвала душу его. Учился онъ у старца, немощнаго тѣломъ, но крѣпкаго духомъ, добровольно терпѣвшаго всякія лишенія и нужду, терпѣливо сносить свою горькую долю, не падая духомъ. Недоступны были простому, темному люду священныя книги, не приходилось ему слышать церковную проповѣдь: въ тяжкое время татарщины и въ большихъ городахъ на Руси все рѣже и рѣже раздавалась она, наконецъ, и совсѣмъ смолкла. Но сильнѣе книгъ и проповѣдей дѣйствовалъ на простыхъ людей живой примѣръ подвижниковъ и ихъ простое задушевное слово. Молва объ ихъ подвигахъ широко расходилась и повсюду проникала въ самые глухіе уголки и поддерживала у темныхъ людей вѣру въ Бога и въ будущую лучшую жизнь.

54. Монастырь.

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой.
И, вѣковымъ объята сномъ,
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ волшебствомъ
И чародѣйствами полна...
И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ пустыннымъ житіемъ
Въ той кельѣ Божій человѣкъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ,
И, что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщалъ...
И вотъ — вкругъ валятся лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ...
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться... И растетъ
За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостиницъ длинный рядъ;
И въ погреба течетъ казна,
И всюду трудъ, и всюду ладъ!

Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей...
Варятъ меды, творятъ пиры,
Всечасно братья ждетъ гостей...
А эти гости — то князья,
Въ орду идущіе съ казной...
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой...
И черный людъ, безвѣстный людъ,
Со всей Руси идетъ, бредетъ...
Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ —
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ...
Идутъ — съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исходу хоть слезамъ —
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ...
И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ,
Предъ образами въ жемчугахъ —
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ...

55. Куликовская битва (8 сентября 1380 г.).

Димитрій Ивановичъ Донской (1363 — 1389 г.) былъ очень силенъ, какъ великій князь, и всѣ князья сѣв.-восточной Руси ему повиновались. Утвердивъ власть свою надъ сѣверо-восточными

князьями и сознавая свою силу, Димитрій рѣшился вступить въ борьбу съ Татарами. Онъ видѣлъ слабость Орды, происходившую отъ кровавыхъ раздоровъ за ханскій престолъ, и зналъ, что русскіе люди уже перестали бояться Татаръ, такъ какъ со временъ Калиты Татары не приходили на Русь за данью. Димитрій былъ представителемъ того поколѣнія русскихъ людей, которые не испытали ужасовъ татарскаго нашествія и потому безъ боязни пошли съ нимъ противъ Татаръ. Въ 1378 г. послѣдовало первое столкновеніе съ Татарами на рѣкѣ Вожѣ въ Рязанскомъ княжествѣ, гдѣ Димитрій разбилъ большое татарское войско. Великая пора настала... Рѣшался вопросъ: быть ли Москвѣ и Русской землѣ, или окончательно погибнуть подъ ударами Татаръ!.. Ханъ Мамай, правившій въ то время Золотой Ордой, по словамъ одного сказанія, говорилъ своимъ сановникамъ: — „Возьму Русскую землю, разрушу церкви Русскихъ, вѣру ихъ на свою переложу, прикажу имъ поклоняться Магомету. Гдѣ были христіанскія церкви, тамъ велю поставить мечети, посажу своихъ баскаковъ по всѣмъ русскимъ городамъ, а князей русскихъ перебью!“ Усердно помолившись, Димитрій разослалъ гонцовъ по всѣмъ областямъ, чтобы поскорѣе шли отовсюду войска въ Москвѣ. Скоро вся сѣверная Русь пришла въ движеніе. Цѣлые города вооружались въ нѣсколько дней; тысячами ратники шли къ Москвѣ. Предъ выступленіемъ въ походъ отправился Димитрій въ Троицкую обитель Живъ былъ еще великій подвижникъ ея св. Сергій. Преподобный устроилъ для князя трапезу. Примѣтилъ Димитрій двухъ иноковъ, которые были прежде ратными людьми и слыли богатырями: одинъ звался Пересвѣтъ, другой Ослабя.—„Дай мнѣ, отче,—сказалъ Димитрій св. Сергію, — на брань этихъ двухъ иноковъ! Вѣдомо мнѣ, что были они великіе ратники, крѣпкіе богатыри, смышленные въ военномъ дѣлѣ“. Сергій приказалъ имъ идти съ Димитріемъ, взялъ схимы съ нашитыми крестами, возложилъ имъ на головы: — „Носите ихъ вмѣсто шлемовъ, — сказалъ онъ,—это вамъ доспѣхъ нетлѣнный вмѣсто тлѣннаго. Пострадайте, какъ доблестные воины Христовы!“ Затѣмъ послѣ трапезы Сергій благословилъ князя и всѣхъ бывшихъ съ нимъ крестомъ, окропилъ святою водою и сказалъ князю: — „Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ. Онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя“. Радостно забилось сердце Димитрія, когда услышалъ онъ эти пророческія слова.

На 20-е августа было назначено выступленіе рати изъ Москвы. Въ этотъ день великій князь усердно молился въ Успен-

скомъ соборѣ у мощей св. Петра митрополита, перваго заступника Москвы, молился и въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ были гробницы предковъ его. Въ это время священники съ иконами и хоругвями обходили ряды воиновъ, запрудившихъ всѣ площади и улицы у Кремля, и кропили ихъ освященной водой. Величавое зрѣлище представляло русское воинство. Вся Москва вышла провожать ратниковъ. Матери и жены плакали и голосили. Затрубили въ трубы, ударили въ бубны, и войско тронулось въ походъ... 24-го августа великій князь съ московскими полками вступилъ въ Коломну. Епископъ встрѣтилъ ихъ съ крестомъ у воротъ города. Здѣсь присоединились къ русскому ополченію еще нѣкоторые отряды. Устроенъ былъ смотръ всему войску. Никогда еще на Руси не собиралось такого большого ополченія: болѣе ста пятидесяти тысячъ конныхъ и пѣшихъ стояло въ стройныхъ рядахъ. 26-го августа русское войско переправилось за Оку, въ Рязанскую землю. Войска русскія бодро шли впередъ. Когда рать подходила уже къ Дону, прибыли навстрѣчу люди изъ передового отряда, посланнаго для развѣдокъ, и принесли важную вѣсть: — „Мамай стоитъ на Дону, на Кузьминой Гати, и дожидаетъ къ себѣ своего союзника, Литовскаго князя Ягелла, а силы у Мамая столько, что и перечесть нельзя“. Собралъ Димитрій на совѣтъ князей и воеводъ. Надо было рѣшить вопросъ: переходить-ли русскому войску за Донъ и напасть на Татаръ или не переходить и ждать нападенія враговъ? Одни говорили: — „Лучше остаться на этой сторонѣ рѣки. Врагъ силенъ: на всякій случай должны мы удержать себѣ путь назадъ“. Другіе болѣе рѣшительные, особенно Ольгердовичи, говорили иное: — „Лучше переправиться, какъ можно, скорѣе. Надо, чтобы ни у кого не было и мысли назадъ возвращаться; пусть не думаетъ о спасеніи. Говорятъ сила велика у враговъ. Что на это смотрѣть! Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!“ Въ это время гонцы отъ преподобнаго Сергія привезли грамату великому князю. Святой подвижникъ благословлялъ его и обѣщалъ ему помощь Бога и Пречистой Богородицы. Это посланіе сильно ободрило Димитрія. Прочелъ онъ въ кругу своихъ соратниковъ-вождей грамату. Великую силу въ глазахъ всѣхъ Русскихъ имѣло слово преподобнаго Сергія, — Димитрій больше не колебался. Присоединился онъ къ мнѣнію Ольгердовичей. — „Честная смерть лучше позорной жизни, — сказалъ онъ въ отвѣтъ слишкомъ осторожнымъ совѣтникамъ своимъ, — ужъ лучше было намъ не начинать похода противъ безбожныхъ Татаръ, чѣмъ, пришедши сюда и ничего не сдѣлавши, вернуться назадъ? Да и

надо было поспѣшить, чтобы не допустить Литовцевъ соединиться съ Татарами. Стали Русскіе искать на рѣкѣ бродовъ для конницы и строить мосты для пѣшихъ.

Въ ночь съ 7-го на 8-е сентября русская рать перешла черезъ Донъ. Въ эту ночь, говоритъ сказаніе, пришелъ къ великому князю воевода Дмитрій Боброкъ, родомъ волынецъ. Онъ былъ смышленый, опытный воинъ и слылъ искуснымъ гадателемъ. — „Не желаешь ли, — сказалъ великому князю Боброкъ,—я покажу тебѣ примѣты, по которымъ ты узнаешь, что̀ случится впередъ?“ Князь согласился, условившись держать это гаданіе въ тайнѣ, сѣлъ на своего коня и вмѣстѣ съ Боброкомъ выѣхалъ впередъ. Ночь была тихая и теплая. Предъ ними разстилалось широкое, ровное поле, звалось оно Куликово; позади нихъ былъ Донъ, впереди протекала рѣчка Непрядва, притокъ его. Димитрій съ гадателемъ остановились посреди поля. Ночная мгла скрывала оба стана. — „Оборотись къ татарской сторонѣ, князь, и слушай!“ сказалъ Боброкъ. Нѣсколько времени стояли они молча. Слышались имъ отъ татарскаго стана сильные крики, стукъ, звуки трубъ. Слышали они, какъ за вражескимъ станомъ страшно завывали волки, а по правой сторонѣ зловѣще кричали птицы, граяли вороны, стаями перелетали съ мѣста на мѣсто; на рѣкѣ Непрядвѣ гуси и лебеди крыльями плескали, предвѣщая грозу. — „Что̀, князь, слышалъ?“ спросилъ Боброкъ. — „Слышалъ грозу великую!“ отвѣчалъ Димитрій. — „Оборотись теперь на полки русскіе!“ сказалъ Боброкъ. Послушалъ князь нѣсколько времени и сказалъ:—„Не слыхать ничего. Тишина великая: вижу только множество огней и зарево отъ нихъ!“ — „Князь-господинъ, сказалъ Боброкъ, огни—это доброе знаменіе тебѣ. Призывай помощь небесную и вѣрою не оскудѣвай!“ — „Есть у меня еще примѣта“. сказалъ гадатель, сошелъ съ коня, припалъ къ землѣ ухомъ, долго пролежалъ онъ, — все къ чему-то прислушивался. Наконецъ онъ поднялся, но стоялъ съ опущенной головой, съ грустнымъ лицомъ, и молчалъ...—„Ну, что, братъ, какова примѣта?“ спросилъ его великій князь. Боброкъ въ тяжеломъ смущеніи молчалъ. Князь сталъ его упрашивать, умолять. Боброкъ прослезился. Заныло сердце у князя. „Братъ Дмитрій, скажи мнѣ, тревожно упрашивалъ онъ Боброка. сердце у меня очень болитъ!“ — „Господинъ князь! сказалъ наконецъ Боброкъ, повѣдаю тебѣ только одному объ этихъ примѣтахъ; ты же никому не говори о нихъ. Одна примѣта тебѣ на великую радость, а другая на великую скорбь!.. Слышалъ я, какъ земля горько, горько плакала, съ одной стороны казалось, будто жен-

щина-мать о дѣтяхъ своихъ плачетъ, по-татарски причитаетъ, голоситъ и слезами разливается; съ другой стороны слышалось мнѣ, будто дѣвица плачетъ нѣжнымъ голосомъ, тонкимъ какъ свирѣль. Много видывалъ я битвъ, не разъ извѣдывалъ я всякія примѣты, знаю я ихъ. Уповай на милость Божію, Татаръ ты одолѣешь; но твоего христіанскаго воинства на полѣ ляжетъ отъ вражьяго меча многое множество!“ — Заплакалъ князь отъ этихъ словъ, но потомъ сказалъ: „Какъ Богу угодно, пусть такъ и будетъ! Кто волѣ Его противникъ?“ Еще разъ Боброкъ просилъ князя никому не говорить о гаданіи, чтобы не напало на воиновъ уныніе. Когда князь съ Боброкомъ ѣхали съ поля въ свой станъ, слышали они, какъ вдали страшно завывали волки, каркали вороны и орлы клектали. Страшная была эта ночь. Въ эту же ночь, говоритъ сказаніе, одинъ воинъ, стоявшій на стражѣ, видѣлъ видѣніе: по воздуху двигалось съ востока, словно туча, громадное полчище Татаръ. Навстрѣчу ему неслись два юноши въ свѣтлыхъ, сіяющихъ ризахъ, съ мечами въ рукахъ, и слышенъ ему былъ голосъ: „Кто вамъ, Татарамъ, велѣлъ губить наше отечество?“ И начали юноши рубить враговъ. Многихъ изрубили, а остальные разбѣжались. Когда воинъ разсказалъ о своемъ видѣніи Димитрію, догадался онъ, что то были св. Борисъ и Глѣбъ.

Раннимъ утромъ стало готовиться войско къ бою. Сначала густой туманъ лежалъ на землѣ. Русскимъ это было кстати: Владиміръ Андреевичъ, князь Серпуховскій, и воевода Дмитрій Боброкъ съ отборнымъ войскомъ успѣли занять незамѣтно для Татаръ лѣсъ неподалеку отъ русскаго стана, вверхъ по Дону. Наконецъ, туманъ сталъ подниматься. Засіяло солнце. Русское войско стояло уже въ боевомъ строю. Великій князь съ холма глядѣлъ на свою рать. Тяжело стало, конечно, у него на душѣ, когда подумалъ онъ, что многое множество воиновъ его сложитъ головы свои на этомъ полѣ. Онъ палъ на колѣна предъ своимъ чернымъ знаменемъ, на которомъ сіялъ образъ Спасителя, и долго усердно молился. „Обрати, Господи, взывалъ онъ, лицо Твое съ яростью на нечестивыхъ, творящихъ зло рабамъ твоимъ!“ Сѣлъ затѣмъ великій князь на коня и сталъ объѣзжать ряды своего войска. Предъ каждымъ отрядомъ онъ останавливался и старался всѣхъ ободрить своимъ словомъ. Затѣмъ Димитрій сталъ снова подъ свое черное знамя и снялъ съ себя княжескій плащъ. Своего коня и плащъ отдалъ онъ боярину своему Михаилу Бренку; снова помолился и вкусилъ благословеннаго хлѣба, присланнаго ему Сергіемъ. Великій

князь хотѣлъ самъ биться въ рядахъ, какъ простой воинъ. Воеводы удерживали князя, говорили, что ему, какъ главному вождю, слѣдуетъ беречь себя; но все было напрасно.—„Братья мои милые, добрыя ваши рѣчи, отвѣчалъ Димитрій,—но хочу я общую чашу съ вами пить. Умру, такъ умру вмѣстѣ съ вами! живъ буду—вмѣстѣ съ вами же!“

Русское войско двинулось къ устью Непрядвы, къ татарскому стану. Часу въ шестомъ дня Русскіе увидѣли Мамаево полчище. Словно громадная туча двигалось оно, сходя съ холма. Пѣшіе воины ихъ шли рядами. Задніе клали свои копья на плечи переднимъ. Копья у воиновъ второго ряда были длиннѣе, чѣмъ у переднихъ. Татары по большей части сверхъ доспѣховъ надѣвали кафтаны, сверхъ шлемовъ мѣховые или кожаные колпаки. Одежда у Татаръ была темнаго цвѣта, и поэтому войско ихъ не имѣло такого нарядnаго и блестящаго вида, какъ русское. Мамай со своими мурзами остановился на холмѣ, чтобы наблюдать за битвою. Уже враждебныя полчища стояли одно противъ другого и ждали знака, чтобы начать бой. Тогда изъ татарскаго войска выѣхалъ наѣздникъ по имени Телебей. Онъ былъ громаднаго роста и необыкновенной силы. Шелъ онъ начинать бой. По обычаю Татаръ удальцы-силачи начинали битву и показывали другимъ примѣръ. Сталъ богатырь громко вызывать себѣ противника. Не сразу нашелся между Русскими охотникъ биться съ великаномъ; но вотъ выступаетъ Пересвѣтъ. Шлемъ его былъ покрытъ схимою, которую возложилъ на инока-воина св. Сергій. Помолился Пересвѣтъ, принялъ отъ священника благословеніе, низко поклонился русскому воинству.—„Отцы и братья, сказалъ онъ,—простите меня грѣшнаго!“ Затѣмъ сѣлъ онъ на боевого коня и со словами: „Преподобный Сергій, помоги мнѣ твоею молитвою!“ пустилъ онъ коня во всю прыть. На встрѣчу ему несся татарскій богатырь. На всемъ скаку, съ налету сшиблись они копьями. Ударъ былъ такъ силенъ, что копи ихъ едва устояли и присѣли на заднія ноги, а бойцы слетѣли наземь оба мертвые. Грянули трубы и начался бой. „Боже, помоги намъ! кричали Русскіе. Татары призывали помощь Магомета. Загорѣлась лютая схватка. Такой битвы не бывало никогда на Руси. На пространствѣ десяти верстъ кругомъ кипѣла кровавая сѣча. Нѣсколько сотъ тысячъ воиновъ бились съ яростью. Казалось, земля дрожала, и страшно гудѣло все поле отъ ярыхъ криковъ, стоновъ раненыхъ, треска оружія и конскаго топота. Бились оружіемъ, руками терзали одинъ другого. Часа два уже длилось страшное по-

боище. Кровью было залито все поле; тѣлами было устлано оно, такъ что трудно было пройти. Трупъ валился на трупъ. Татары стали одолѣвать. Въ русскомъ войскѣ были отряды молодыхъ новобранцевъ, небывалыхъ еще въ бою, притомились уже они, не выдержали новаго напора врага и обратились въ бѣгство. Погнались за ними Татары, пробились до чернаго великокняжескаго знамени; тутъ стоялъ любимецъ великаго князя, воевода Бренкъ; приняли его враги за великаго князя и убили. Много уже русскихъ вождей пало. Знамя падало за знаменемъ. Ужасъ охватилъ русскихъ. Дрогнули самые смѣлые. Все бѣжало... Пораженіе русскихъ было полное. Мамай торжествовалъ... Давно уже порывался князь Серпуховскій Владиміръ Андреевичъ ударить изъ лѣсу на Татаръ, спасти своихъ отъ пораженія; воевода Боброкъ удерживалъ его, говорилъ, что еще не время. Владиміръ терялъ терпѣніе.—„Чтожъ это такое?—съ досады говорилъ онъ Боброку:—къ чему же стоимъ мы тутъ? Кому отъ этого польза?! Бѣда пришла русскому войску!“ — „Да, бѣда великая, — отвѣчалъ Боброкъ, но еще не пришла наша пора. Кто не въ пору начинаетъ, тотъ бѣду себѣ принимаетъ!“ Наконецъ, когда Татары, считая Русскихъ окончательно разбитыми, гнались за ними уже нестройными толпами и были уже сильно утомлены, Боброкъ крикнулъ: — „Пора! Да поможетъ намъ благодать св. Духа“. Кинулись Русскіе изъ засады на Татаръ, словно соколы на стаю журавлей, съ громкимъ крикомъ ударили они на враговъ съ тылу и стали страшно разить ихъ. Неожиданный ударъ ошеломилъ Татаръ. Какъ испуганное стадо, разметались они, не зная, что̀ дѣлать. — „Бѣда намъ! — кричали они: — Русскіе перехитрили насъ. Худшихъ изъ нихъ мы побили, а теперь лучшіе ударили на насъ“. Съ переполоху чудилось Татарамъ, что они ужъ въ конецъ разбиты, что рать, напавшая на нихъ, безчисленна. Ободренные успѣхомъ, Русскіе смѣло разили враговъ, прорывали ихъ толпы, врубались въ середину ихъ полчища, рубили ихъ и справа и слѣва, и сзади и спереди. Татары въ ужасѣ кидали оружіе и бѣжали. Мамай, увидѣвъ неожиданный поворотъ битвы, такъ оторопѣлъ и растерялся, что не послалъ на помощь своимъ запасныя силы, бывшія у него, а самъ пустился бѣжать. Татары бѣжали толпами: одни бѣжали за Непрядву, и множество ихъ потонуло въ рѣкѣ; другіе бросились направо къ рѣкѣ Красивой Мечи. Русскіе гнали ихъ и страшно избивали. Множество возовъ со всякимъ добромъ досталось въ добычу побѣдителямъ. Часть русскаго войска преслѣдовала Татаръ до рѣки Мечи.

Князь Владиміръ Андреевичъ остановилъ своего коня на мѣстѣ побоища и велѣлъ трубить сборъ. Стали съѣзжаться къ нему вожди, оставшіеся въ живыхъ и не пострадавшіе въ бою. Великаго князя не было. По приказу Владиміра, отроки княжьи и множество ратныхъ людей разсѣялись по бранному полю отыскивать великаго князя. Долго искали его. Наконецъ, двумъ ратникамъ посчастливилось найти его. Подъ вѣтвями срубленной березы лежалъ Димитрій. Глаза его были закрыты, но воины замѣтили, что онъ дышитъ.— „Живъ, живъ!“ —радостно закричали они.— „Великій князь Димитрій Ивановичъ здравствуетъ!“ Владиміръ Андреевичъ съ князьями и воеводами поскакали къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ великій князь. Доспѣхи его были избиты и измяты ударами сабель. Когда сняли съ князя его вооруженіе, то оказалось, что ранъ на тѣлѣ не было. Лишился чувствъ онъ отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и утомленія. Когда великій князь совсѣмъ пришелъ въ себя и понялъ, въ чемъ дѣло, то прежде всего благодарилъ Бога за дарованную Русскимъ побѣду, а потомъ поѣхалъ со своими главными сподвижниками по бранному полю. Страшно было это поле. Было оно устлано убитыми, умирающими, ранеными. Казалось, все поле тяжело стонало... Тихо подвигались впередъ кони: едва находили они мѣсто, гдѣ ступать. Съ поникшими головами, съ тяжелой скорбью, со слезами на глазахъ ѣхали великій князь и спутники его. Все говорило о страшной жестокости боя: въ одномъ мѣстѣ убитый русскій воинъ лежалъ на тѣлѣ побѣжденнаго имъ врага, въ другомъ—убитый Татаринъ лежалъ на Русскомъ; здѣсь, крѣпко переплетясь руками и ногами, лежали мертвые Татаринъ и Русскій, боровшіеся, очевидно, даже и въ предсмертныхъ страданіяхъ, а тамъ лежала цѣлая груда тѣлъ Русскихъ и Татаръ, бившихся въ тѣсной схваткѣ до послѣдняго издыханія. Русская и татарская кровь тутъ смѣшалась и струилась однимъ потокомъ изъ-подъ груды тѣлъ!.. Побѣда была великая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скорбная! Изъ огромнаго русскаго войска едва уцѣлѣло тысячъ сорокъ. Болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ, Татаръ и Русскихъ, было убито на Куликовомъ полѣ, и Донъ, по словамъ сказанія, три дня текъ кровью. Восемь дней стояли Русскіе на мѣстѣ побоища; подавали помощь раненымъ, разбирали тѣла убитыхъ: Русскихъ погребали, а Татаръ оставляли на полѣ въ добычу хищному звѣрю и птицѣ. Димитрій установилъ обычай вѣчно праздновать память воиновъ, убитыхъ въ Куликовской битвѣ (Дмитровская суббота). На Куликовскомъ полѣ стоитъ теперь памятникъ, поставленный въ память о великой побѣдѣ.

Но съ пораженіемъ Мамая еще не кончились наши бѣды отъ Татаръ. Азія не вдругъ согласилась выпустить изъ рукъ своихъ Русь. И сама-то Русь еще не вошла во всю силу: въ роковую годину—Рязань ей измѣнила, Тверь, Псковъ и Новгородъ не прислали помощи. Азія еще разъ при Донскомъ, да два раза при сынѣ его Василіи I высылала изъ внутри себя страшныя орды, страшныхъ завоевателей—Тохтамыша, Эдигея и Тамерлана, изъ коихъ первые двое подходили подъ самую Москву и жгли ее; Тамерланъ же подходилъ только къ Рязанской землѣ и повернулъ назадъ, устрашенный, какъ говорятъ наши лѣтописи, видѣніемъ. Это было уже при Василіи I, сынѣ Димитрія Донского. Вдругъ пришла вѣсть, что идетъ на насъ свирѣпый завоеватель, что ужъ онъ покорилъ чуть не всю Азію, сокрушилъ турецкаго султана Баязета и возитъ его вездѣ съ собою въ желѣзной клѣткѣ, и что идетъ онъ на насъ въ страшныхъ силахъ, со всѣми покоренными имъ народами... Переполохъ былъ великій; войско не собрано; оставалось только прибѣгнуть къ помощи небесной; и послали во Владиміръ перенести въ Москву икону Владимірской Божіей Матери. И въ лѣтописяхъ нашихъ записано, что въ ночь на вшествіе Ея въ Москву Тамерланъ, стоявшій тогда въ Ельцѣ, увидѣлъ сонъ: видѣлъ онъ великую гору, и шли съ горы святители и грозили ему златыми жезлами своими, а надъ ними въ воздухѣ, въ сіяніи, стоитъ благолѣпная жена въ багряныхъ ризахъ и тоже гнѣвно грозитъ ему... И поутру страшный завоеватель, до сихъ поръ не вѣдавшій преградъ въ пути своемъ, повернулъ назадъ отъ предѣловъ россійскихъ въ степи (1395 г.).

56. Игуменъ всея Руси [1]).

Въ дальней степи, на поляхъ, за Непрядвою,
Русская сила грядетъ,
Русскую рать князь Димитрій Ивановичъ
На супостата ведетъ.
Всѣ, кто рѣшился слиться въ единую
Силу на битву съ врагомъ,
Всѣ подъ единой хоругвью сплотился
Въ храбромъ порывѣ одномъ.
Рать необъятная, силой могучая,
Вѣрой согрѣта святой,
Дружно клялась биться всѣмъ до послѣдняго,
Русь заслоняя собой.

[1]) Лѣтописцы называютъ пр. Сергія „Игуменомъ всея Руси“, такъ какъ имъ и его учениками было основано болѣе 70 монастырей.

Но и Татаръ была сила не малая:
Тучи собралъ ихъ Мамай,
Весь ополчился на Русь подъяремную
Ханства татарскаго край.
Палъ въ поединкѣ, сразивъ и Татарина,
Инокъ сѣдой Пересвѣтъ,
Палъ не въ желѣзную броню закованный,
Въ схиму святую одѣтъ.
И возгорѣлася битва ужасная,
Съ тучами копій и стрѣлъ,
Съ криками, съ воплями, съ смертными стонами
Тѣхъ, чей былъ смерти удѣлъ.
Падали сотнями, падали тысячей
Въ боѣ кро́вавомъ борцы,
Падали, вѣруя въ волю Господнюю,
Русскихъ дружинъ удальцы.
Помнили всѣ, какъ игуменъ имъ Троицкій
Вѣщимъ глаголомъ предрекъ,
Что истекаетъ, по милости Господа,
Ига татарскаго срокъ.
Битва кипитъ, а средь лѣса дремучаго,
Въ нѣдрахъ песковъ и болотъ,
Въ храмѣ убогомъ обители Троицкой
Служба иная идетъ.
Служба церковная, иноки въ сборищѣ,
Сергій святой впереди
Передъ вратами алтарными молится
Съ вѣрой могучей въ груди.
Молится долго и въ ясномъ видѣніи
Окомъ духовнымъ своимъ
Видитъ всю битву, весь бой представляется
Словно во-очью предъ нимъ.
Молится... вдругъ, осѣнясь крестнымъ знаменьемъ,
Имя порой возгласитъ
Падшаго витязя, князя, боярина,
Кто въ яромъ боѣ убитъ.
Провозгласитъ — и грѣховъ отпущеніе
Молитъ у Бога ему;
Вѣчную память загробную иноки
Провозглашаютъ тому.
Молятся иноки. Ночь надвигается.
Въ чащѣ лѣсной темнота.
Но ни усталость, ни скорбь, ни томленіе
Ихъ не смыкаютъ уста.
Сергій-игуменъ, склонившися до-земли,
Вдругъ передъ Господомъ ницъ
Палъ со слезами, со стономъ молитвеннымъ,
Съ пыломъ души безъ границъ.
Долго молился... затѣмъ въ умиленіи
Руки онъ къ небу воздѣлъ
И славословье побѣдное Господу
Самъ громогласно запѣлъ.

Дружно запѣли, охвачены радостью,
Иноки-братья за нимъ,
Чуя, что старецъ прозрѣлъ одолѣніе
Духомъ блаженнымъ своимъ.
Общая радость была тогда русская,
Ратниковъ, кто уцѣлѣлъ,
Иноковъ скромной далекой обители,
Чей былъ молиться удѣлъ.
Всѣхъ, передъ страшной, рѣшительной битвою,
Сергій, игуменъ святой,
Жаркій предъ Господомъ-Богомъ молитвенникъ,
Свѣточъ великій родной,
Всѣхъ, отъ князей до послѣдняго ратника,
Русскихъ крещеныхъ людей,
Объединилъ онъ надеждой побѣдною
Силой духовной своей.

57. Мамаево побоище.

Въ широкомъ привольѣ заволжскихъ степей
Собралось, къ набѣгу готово,
Татарское войско, и въ ставкѣ своей
Мамай собираетъ ордынскихъ вождей,
Къ нимъ гордое держитъ онъ слово:
„Москва позабыла Батыевы дни;
Князья ея дерзки и смѣлы,
Пусть нынѣ извѣдаютъ снова они,
Сколь мѣтки татарскія стрѣлы!
Селенія, веси и грады ихъ вновь,
Сожженные, въ прахъ обратятся;
Польется потоками русская кровь,
Предъ ханомъ рабы да смирятся,
Да снова съ повинной придутъ головой,
Придутъ, побѣжденные въ брани,
Въ орду на поклонъ, волоча за собой
Дары и обильныя дани!“
И слово Мамая по стану, какъ громъ,
Раскатомъ могучимъ катится;
Подъемлетъ несмѣтныя рати кругомъ
И, ихъ обгоняя въ просторѣ степномъ,
Къ Москвѣ грознымъ вызовомъ мчится.
Подъ тяжкою дланью пришельца-врага
Москвѣ преклониться не гоже.
На вызовъ отвѣтная рѣчь не долга:
„Кровь вѣрныхъ сыновъ для Руси дорога,
Но воля и честь ей дороже!“
И шлетъ князь московскій Димитрій гонцовъ
Къ князьямъ, воеводамъ, боярамъ;
И дружно отвсюду на княжескій зовъ
Стекается много дружинъ и полковъ:
„Служить не хотимъ, молъ, Татарамъ!

Позорно нести намъ на крѣпкихъ плечахъ
Яремъ иноземнаго гнета;
Давно на Руси, на земляхъ и водахъ,
Въ дремучихъ дубравахъ и чистыхъ поляхъ
Намъ быть господами охота!
Подъ стягомъ Христовымъ мы выйдемъ на бой:
Побѣда во власти Господней;
Но срамно предъ силой склоняться чужой,
А въ битвѣ за родину лечь головой
Честнѣе и Богу угоднѣй".
Такъ мыслитъ Димитрій, такъ мыслятъ князья, —
За Русь умереть всѣ согласны,
И, знаменемъ крестнымъ чело осѣня,
Садится предъ войскомъ своимъ на коня
Димитрій, веселый и ясный.
Выходятъ полки изъ кремлевскихъ воротъ;
Хоругви, кресты и иконы
Бойцовъ провожаютъ въ далекій походъ —
И ждетъ ужъ вѣстей о побѣдѣ народъ,
И молятся старцы и жены.
Межъ тѣмъ какъ впередъ, развернувъ знамена
Грядетъ боевая дружина,
Растетъ, прибываетъ, какъ въ морѣ волна,
И вотъ передъ нею вдали ужъ видна
Широкаго Дона равнина.
И князь черезъ Донъ перебраться спѣшитъ,
Дружину свою ободряя;
Впередъ онъ глядитъ и молитву творитъ, —
За Дономъ на рѣчкѣ Непрядвѣ стоитъ
Несмѣтное войско Мамая.
Москвы и Орды — двухъ враждующихъ силъ,
Близка неизбѣжная встрѣча.
Лучъ ранняго солнца поля освѣтилъ,
Проснулося утро — и часъ наступилъ,
И грянула славная сѣча!
На Русскихъ, какъ коршунъ, Мамай налетѣлъ:
Поднялись стенанья и клики,
Затмилося солнце отъ вражескихъ стрѣлъ,
И поле покрылося грудами тѣлъ,
И бой разгорѣлся великій.
Враговъ разъяренныхъ смѣшались ряды:
Гремѣли лихіе удары,
Сверкали доспѣхи, шеломы, щиты;
На стягахъ московскихъ сіяли кресты, —
Къ тѣмъ стягамъ рвалися Татары.
И близко ужъ были; но часъ роковой
Пробилъ; понеслись изъ засады
Ряды свѣжихъ войскъ и побѣдной волной
Смущенныхъ погнали Татаръ предъ собой,
Рубя бѣглецовъ безъ пощады.
И въ ужасѣ дикомъ Мамай увидалъ
Силъ грозныхъ своихъ пораженье,

И съ браннаго поля со срамомъ бѣжалъ, —
Богъ русскому войску побѣду послалъ,
Послалъ на враговъ одолѣнье.
Съ тѣхъ поръ пронеслося полтысячи лѣтъ,
На зло иноземной гордынѣ,
Русь много другихъ одержала побѣдъ,
Но равныхъ побѣдѣ великой той нѣтъ, —
Гремитъ ея слава донынѣ...
Затѣмъ, что впервые сказалась въ тотъ часъ
Народная русская сила, —
Та сила, что грозно потомъ разрослась,
Громила Востокъ и Закатъ и не разъ
Къ Царьграда вратамъ подходила.
Пусть ворогъ завистливо, чуткой душой
Ту силу познаетъ и цѣнитъ!
Стоитъ она крѣпкой и вѣрной стѣной,
Въ ней русская слава, и мощь, и покой, —
Она намъ и впредь не измѣнитъ!

58. Преподобный Кириллъ, основатель Бѣлозерской обители (1337—1427 г.).

Въ 1337 году въ Москвѣ, въ благочестивой семьѣ родился мальчикъ Косьма. Онъ росъ въ добродѣтели и былъ любимъ всѣми. Родители его скончались рано, поручивъ отрока богатому и знатному сроднику своему, великокняжескому вельможѣ Тимоѳею. Вскорѣ по смерти родителей Косьма почувствовалъ призваніе къ иноческой жизни, но игумены монастырей не рѣшались постричь его, потому что боялись вельможи Тимоѳея. Тимоѳей любилъ юношу за его добрыя свойства и, когда онъ возмужалъ, поручилъ ему управленіе своими имѣніями, потому разстаться съ нимъ Тимоѳею было тяжко. Косьма затаилъ завѣтное желаніе въ глубинѣ сердца и покорно ждалъ, когда Господу угодно будетъ удостоить его образа иноческаго, а пока старался воспитать себя въ духѣ подвижничества: постился, усердно молился, прилежно посѣщалъ храмы Божіи, творилъ милостыню, хранилъ чистоту тѣлесную, украшалъ себя незлобіемъ и смиреніемъ. Наконецъ Богъ помогъ исполниться его желанію. Въ Москву пришелъ игуменъ Махрищской обители Стефанъ, мужъ въ то время всѣмъ извѣстный святостью своего житія. Узнавъ о прибытіи Стефана, Косьма явился къ нему, припалъ къ ногамъ его и слезно молилъ о постриженіи. „Какъ Богу угодно, такъ пусть и будетъ!“ подумалъ Стефанъ, облекъ Косьму въ иноческое одѣяніе и назвалъ его Кирилломъ; но постriга не совершилъ, предоставляя дальнѣйшую судьбу новонареченнаго волѣ Божіей. Затѣмъ Стефанъ пошелъ къ Тимоѳею. Тимоѳей глубоко уважалъ преподобнаго, вы-

шелъ къ нему навстрѣчу и просилъ благословенія себѣ и семьѣ своей. — „Богомолецъ вашъ Кириллъ да благословитъ васъ!“ сказалъ Стефанъ. — „Какой Кириллъ?“ спросилъ удивленный Тимоѳей. — „Бывшій сродникъ вашъ Косьма, — отвѣчалъ Стефанъ, — а нынѣ инокъ, Господу работникъ и о васъ молельщикъ“. Тяжко отозвались эти слова въ сердцѣ Тимоѳея, и онъ сталъ грубо упрекать игумена. — „Иже аще не пріемлетъ васъ, ниже послушаетъ словесъ вашихъ“, — отвѣтилъ на эти упреки Стефанъ, вспоминая слова Христовы: „исходяще изъ дому, отрясите прахъ ногъ вашихъ!...“ и вышелъ. Узнала о случившемся жена Тимоѳея, Ирина, и стала увѣщевать мужа: „Возможно ли оскорблять такого святого человѣка!“ говорила она. Тимоѳей раскаялся. Призвавъ къ себѣ Стефана, онъ просилъ у него прощенія и заявилъ, что предоставляетъ Косьмѣ поступить по желанію. Стефанъ спѣшилъ принести добрую вѣсть Кириллу, который возвеселился духомъ, воздалъ хвалу Богу, благодарилъ Тимоѳея и просилъ Стефана наставить его на дальнѣйшіе подвиги. Игуменъ повелъ его въ московскій „Новый Симоновъ“ монастырь, къ архимандриту Ѳеодору, племяннику преподобнаго Сергія Радонежскаго. Ѳеодоръ постригъ Косьму, причемъ сохранилъ данное ему Стефаномъ имя—Кириллъ.

Въ Симоновомъ монастырѣ въ то время славился житіемъ своимъ инокъ Михаилъ (впослѣдствіи епископъ смоленскій). Ему Ѳеодоръ и поручилъ новаго брата; Кириллъ усердно подражалъ своему наставнику. Ревность его къ трудамъ и воздержанію была такова, что онъ просилъ у старца благословенія ѣсть только разъ въ два или три дня; но старецъ этого не разрѣшилъ, повелѣвъ ѣсть съ братіею, „только не до сытости“. Ночью Кириллъ вмѣстѣ съ Михаиломъ стоялъ на келейномъ правилѣ, творя поклоны, а въ церковь на утреннюю службу являлся первымъ. Изъ келіи Михаила Кириллъ вскорѣ переведенъ былъ на служеніе въ хлѣбню, а затѣмъ въ поварню: носилъ воду, рубилъ дрова, раздавалъ пищу братіи и, не взирая на утомленіе, проводилъ, попрежнему, ночи въ молитвѣ. Святой Сергій Радонежскій, уже бывшій тогда въ великой славѣ, приходилъ иногда въ монастырь Симоновъ посѣтить племянника своего, архимандрита, и всегда заходилъ къ Кириллу. Они проводили многіе часы наединѣ, бесѣдуя о пользѣ душевной. Всѣ дивились, что Кириллъ удостоился такой чести, и стали обращать на него особенное вниманіе; но похвалы тяготили скромнаго инока, и онъ искалъ укрыться отъ нихъ въ тишинѣ и безмолвіи. Видя такое настроеніе Кирилла, архимандритъ помѣстилъ его на нѣ-

которое время въ отдѣльную келію, поручивъ ему переписку книгъ; но затѣмъ снова перевелъ въ поварню, гдѣ подвижникъ служилъ братіи 9 лѣтъ. Даже удостоившись священства, правя церковныя службы на ряду съ прочими іеромонахами, онъ на время, свободное отъ служенія, возвращался къ трудамъ своимъ въ поварню. Когда архимандритъ Ѳеодоръ посвященъ былъ въ епископа ростовскаго, Кириллъ возведенъ былъ на его мѣсто. Но власть и почетъ тяготили его. Несмотря на просьбы братіи, онъ оставилъ должность настоятеля и уединился въ келіи на подвигъ безмолвія и непрестанной молитвы. „Но не можетъ свѣтильникъ утаиться подъ спудомъ: чѣмъ болѣе преподобный избѣгалъ почета отъ людей, тѣмъ болѣе прославлялъ его Господь въ людяхъ“. Отовсюду притекали къ нему и духовные, и міряне, ища назиданія. Видя это, поставленный вмѣсто Кирилла архимандритъ Сергій проникся завистью: въ почетѣ, оказываемомъ Кириллу, онъ видѣлъ небреженіе къ себѣ. Узнавъ объ этомъ, преподобный не оскорбился, не позволилъ себѣ ни малѣйшаго упрека архимандриту, но, полный незлобія и смиренія, удалился въ ближній монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы.

Тутъ запало ему въ душу желаніе уйти подальше отъ міра и соблазновъ мірскихъ—въ пустыню. Сталъ онъ усердно молиться Богу и Пречистой Богоматери: „Настави меня, укажи мнѣ, куда идти, покажи мнѣ мѣсто, ко спасенію удобное“. И услышалъ Господь моленіе угодника своего. Преподобный имѣлъ обычай каждую ночь пѣть акаѳистъ предъ иконою Богородицы; и вотъ однажды, дойдя до словъ акаѳиста: „Странное рождество видѣвше, устранимся міра, умъ на небеса приложше“... онъ умилился сердцемъ, весь отдался любимому помыслу: „какъ бы, дѣйствительно устранившись отъ всякой суеты мірской, поработать Господу въ уединеніи“ и съ новымъ усердіемъ сталъ молить Пресвятую Дѣву, да наставитъ его на путь спасенія. Вдругъ слышитъ онъ внѣ келіи какъ бы издалека призывающій голосъ: „Кириллъ, иди на Бѣлоозеро, тамъ найдешь покой душевный, тамъ уготовала Я тебѣ мѣсто, гдѣ обрящешь спасеніе“. Преподобный бросился къ окну и пораженъ былъ чуднымъ видѣніемъ: на сѣверѣ увидалъ онъ ярко озаренную незнакомую мѣстность, и лучъ свѣта, опускаясь съ небесъ, какъ бы указывалъ на нее. Пораженный радостнымъ трепетомъ, долго стоялъ Кириллъ у окна, вглядываясь въ сіяющую даль... Когда же видѣніе исчезло, сердце Кирилла исполнилось неизреченной радости. Полный благоговѣнія, докончилъ онъ прерванный акаѳистъ

и весь остатокъ ночи провелъ безъ сна въ горячей молитвѣ. Въ Рождественскомъ монастырѣ жилъ въ то время инокъ Ѳерапонтъ, постриженный въ монашество одновременно съ Кирилломъ. Онъ бывалъ на Бѣлоозерѣ. — „Есть ли тамъ мѣста, удобныя для безмолвнаго житія?“ спросилъ его Кириллъ.—„Много тамъ мѣстъ, удобныхъ для уединенія“, отвѣчалъ Ѳерапонтъ. Кириллъ предложилъ Ѳерапонту вмѣстѣ идти на Бѣлоозеро. Пройдя долгій путь, благочестивые иноки пришли въ желанный край; но Кириллъ долго бродилъ по нему, не находя мѣстности, указанной ему въ видѣніи, пока однажды не набрелъ на берега озера Сиверскаго, на „мѣсто, огражденное водами яко стѣною“, гдѣ нынѣ стоитъ святая обитель Бѣлозерская. — „Вотъ мѣсто успокоенія моего,—воскликнулъ Кириллъ:—здѣсь поселюсь по указанію Пречистой Матери Божіей. Благословенъ отнынѣ и до вѣка Господь Богъ, услышавшій моленіе раба своего!“—водрузилъ крестъ и, пропѣвъ хвалебный канонъ Богородицѣ, впервые разсказалъ Ѳерапонту о своемъ видѣніи. Пришельцы выкопали себѣ землянку и сначала жили въ ней вмѣстѣ, но вскорѣ разстались, „ища полнаго безмолвія“. Ѳерапонтъ поселился верстахъ въ 15-ти, близъ озера Павскаго, на мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи тоже возникла обитель (въ память Рождества Богородицы), нынѣ упраздненная и обращенная въ приходскую церковь, но славная въ лѣтописяхъ нашего монашества подъ именемъ „монастыря Ѳерапонтова“. Кириллу было 60 лѣтъ, когда онъ пришелъ на Сиверское озеро. Тридцать лѣтъ монастырской жизни воспитали въ немъ силу воли, готовую на трудные подвиги. Въ возрастѣ, когда другіе кончаютъ земное поприще, преподобный, бодрый духомъ и тѣломъ, еще смѣло выступаетъ на поприще духовнаго просвѣщенія обширнаго края Бѣлозерскаго. Усердно проходилъ угодникъ Божій подвиги пустыннаго житія. Но вотъ однажды на убѣжище его случайно набрели два благочестивые христіанина—Авксентій Воронъ и Матѳей Кукосъ. Изумленные житіемъ преподобнаго, глубоко потрясенные его бесѣдой, они стали посѣщать его ради поученія и благословенія. Они же разсказали святому, что за много лѣтъ до его прибытія на мѣстѣ, имъ избранномъ, жившій неподалеку земледѣлецъ Исаія и многіе люди часто, особенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, слышали звонъ и дивное пѣніе и не разъ приходили посмотрѣть — откуда этотъ звонъ, откуда голоса? Но видѣть имъ ничего не удавалось, и они каждый разъ уходили въ трепетѣ и недоумѣніи.

Вскорѣ слава о святомъ старцѣ распространилась далеко, и къ нему стали приходить жаждущіе пользы душамъ своимъ. Многіе

просили разрѣшенія поселиться при немъ; пришли къ нему и два „любезные и единомысленные“ ему инока Симонова монастыря, прося принять ихъ въ сожительство. Всѣ искали наставленій преподобнаго, искали себѣ въ немъ руководителя, отца духовнаго. Напрасно Кириллъ уклонялся, напрасно въ искреннемъ смиреніи заявлялъ, что не ему, грѣшному и недостойному, руководить ближними въ трудахъ спасенія; „побѣждаемый братолюбіемъ и желаніемъ спасенія душъ человѣческихъ“, онъ наконецъ сталъ принимать братію. Вокругъ скромнаго жилища угодника Божія возникли келіи учениковъ его. Вскорѣ братія стала думать, какъ бы воздвигнуть церковь для общей молитвы? Лѣса много вокругъ, но между отшельниками не было плотниковъ. Святой Кириллъ усердно молилъ Богоматерь о помощи, и вотъ однажды пришли откуда-то никѣмъ не званые плотники и соорудили церковь въ память Успенія Пресвятой Богородицы. Такъ положено было основаніе монастырю Бѣлозерскому. Преподобный много заботился о духовномъ преуспѣяніи обители и съ самаго начала установилъ въ ней твердыя правила благочестиваго общежитія. Инокъ долженъ былъ отказаться отъ всякаго личнаго имущества; всѣ иноки трудились, но плоды трудовъ братскихъ отдавались въ общую монастырскую казну,—изъ нея иноки получали все имъ потребное безъ излишества. Пища полагалась самая скудная; какъ питье, допускалась только вода, да и той никто въ келіи своей не держалъ: чувствуя жажду, инокъ, чтобы утолить ее, долженъ былъ идти въ трапезу. Инокамъ запрещалось посѣщать другъ друга безъ крайней надобности. Преподобный училъ братьевъ бесѣдовать между собою только въ духѣ Священнаго Писанія, воздерживаясь отъ собственнаго любомудрія, и т. д. Въ высокомъ подвижничествѣ св. Кириллъ прожилъ до глубокой старости и еще при жизни получилъ отъ Бога даръ чудотворенія. Скончался онъ, имѣя 90 лѣтъ отъ роду. Въ день смерти, чувствуя близкую кончину, преподобный призвалъ къ себѣ всю братію (53 человѣка). Иноки рыдали, скорбя объ отходящемъ и объ обители, опасаясь, что она оскудѣетъ безъ славнаго своего основателя. Кириллъ утѣшалъ ихъ: „Не скорбите, братія и дѣти, мѣсто это не оскудѣетъ, только любовь имѣйте между собою. Уже часъ мнѣ почити о Господѣ. Предаю васъ Богу и Пречистой Матери Его: Они да сохранятъ васъ отъ всѣхъ искушеній лукаваго“. Тутъ же преподобный назначилъ одного изъ иноковъ—Иннокентія своимъ преемникомъ, игуменомъ. Братія подходили къ умирающему; онъ всѣмъ оставлялъ послѣднее благословеніе и у всѣхъ

просилъ прощенія. Затѣмъ причастился Св. Тайнъ и тихо отдалъ Господу свою святую душу. Тѣло его было предано землѣ 9-го іюня 1427 года.

59. Основаніе Соловецкой обители.

Обитель эта была основана на необитаемомъ островѣ Бѣлаго моря. Въ одномъ изъ сѣверныхъ монастырей — Бѣлоозерскомъ подвизался инокъ Савватій. За свое безотвѣтное послушаніе игумену, кроткую любовь къ братіи и строгость жизни онъ пріобрѣлъ общее уваженіе; но это уваженіе однако тяготило Савватія, и онъ рѣшилъ удалиться въ другое мѣсто. Такимъ мѣстомъ онъ избралъ Валаамскій монастырь, находящійся на одномъ изъ острововъ Ладожскаго озера. Поживши нѣкоторое время въ обители Валаамской, Савватій узналъ, что еще далѣе на сѣверъ есть Соловецкій островъ, совершенно необитаемый и малодоступный даже для рыбаковъ. У него зародилось желаніе пожить въ томъ безлюдномъ мѣстѣ. Игуменъ и братія Валаамской обители не хотѣли разстаться съ Савватіемъ, но онъ ночью ушелъ изъ обители. Съ большимъ трудомъ достигъ Савватій береговъ Бѣлаго моря и сталъ разспрашивать жителей объ островѣ; ему сказали, что островъ великъ, съ озерами, лѣсами и горами, но необитаемъ, такъ какъ сообщеніе съ нимъ очень трудно. Этотъ разсказъ еще болѣе укрѣпилъ въ Савватіи рѣшеніе поселиться на островѣ. „Чѣмъ же ты будешь питаться и одѣваться тамъ, старецъ“, спросили его: „ты такъ старъ и дряхлъ?“ Подвижникъ отвѣчалъ: „У меня такой Владыка, Который и дряхлому даетъ силы юности, и голодныхъ питаетъ до сытости“. Вскорѣ Савватій встрѣтился съ отшельникомъ Германомъ, который также задумалъ отправиться на необитаемый островъ. На небольшой лодкѣ поплыли они въ море и на третій день благополучно пристали къ Соловецкому острову. Близъ одной горы они поставили крестъ и сдѣлали себѣ хижины. Подвижники Божіи терпѣливо переносили страшный холодъ сѣверной зимы, сырость осени и голодъ; они молились и пѣли псалмы, ожидая блаженной вѣчности. На шестомъ году строгой отшельнической жизни преподобный Германъ покинулъ островъ и ушелъ на землю къ рѣкѣ Онегѣ. Вскорѣ послѣ того Савватій также переправился съ острова на твердую землю, чтобы пріобщиться Св. Тайнъ, такъ какъ ему было извѣщеніе о приближеніи кончины. На берегу Савватій встрѣтилъ одного игумена, жившаго при часовнѣ, и просилъ пріобщить его.

Игуменъ согласился исполнить желаніе старца и просилъ Савватія подождать въ часовнѣ, а самъ отправился къ одному больному. Когда на другой день утромъ онъ вошелъ въ часовню, то увидѣлъ, что преподобный сидитъ мертвый въ мантіи съ кадильницей въ рукѣ; онъ скончался съ молитвою на устахъ. Это было 27-го сентября 1435 года.

По кончинѣ преподобнаго Савватія островъ, освященный его молитвами и подвигами, не долго оставался безлюднымъ. Къ Бѣлому морю пришелъ инокъ Зосима и встрѣтился съ преподобнымъ Германомъ. Узнавъ о подвигахъ Савватія, Зосима вмѣстѣ съ Германомъ отправился на островъ. Прибывъ туда благополучно, они ходили по острову и думали, гдѣ бы Богъ благословилъ устроить обитель. Они остановились на берегу озера съ хорошей водою, поставили тамъ хижины и провели ночь въ молитвѣ. На утро Зосима вышелъ изъ хижины и увидѣлъ надъ мѣстомъ, гдѣ они остановились, необыкновенный свѣтъ и церковь. Обрадованный этимъ видѣніемъ, преподобный Зосима рѣшился здѣсь основать обитель. Помолясь Богу, отшельники начали рубить деревья для сооруженія церкви и кельи; днемъ они занимались работою, а ночь проводили въ молитвѣ. Въ исходѣ лѣта Германъ отправился на землю, чтобы запастись хлѣбомъ, но дурная погода, а затѣмъ зима задержали его и Зосима остался одинъ на островѣ. Онъ удвоилъ свои молитвенныя бдѣнія и возложилъ упованіе на Господа. Скоро скудные запасы хлѣба стали исчезать, и Зосимѣ грозила голодная смерть. Онъ обратился съ молитвою къ Господу о помощи. И вотъ пришли къ нему два человѣка съ запасами хлѣба, муки и масла и сказали: „возьми это и положи у себя; если будешь имѣть нужду, то можешь пользоваться всѣмъ этимъ до нашего возвращенія“. Зосима не успѣлъ спросить, кто они и какъ попали зимой на островъ. Наконецъ онъ понялъ, что это помощь отъ Господа и возблагодарилъ Его. Когда разнеслась молва о новомъ подвижникѣ Соловецкомъ, къ преподобному Зосимѣ стали приходить со всѣхъ сторонъ благочестивые люди, искавшіе иноческой жизни; Зосима принималъ ихъ съ любовью. На мѣстѣ дивнаго видѣнія былъ срубленъ небольшой храмъ во имя Преображенія Господня и при немъ трапеза. Иноки послали одного монаха въ Новгородъ испросить благословеніе и антиминсъ для новаго храма. Такъ началась обитель Соловецкая. Для своего пропитанія братія рубили дрова, копали подъ огородъ землю, доставали изъ озера соль. Соль они продавали и на добытыя деньги покупали хлѣбъ. Пріобрѣтая трудами своихъ рукъ

средства къ жизни, иноки, по наставленію и примѣру Зосимы, ревностно славили Бога въ храмѣ и были довольны малымъ. Когда обитель Соловецкая устроилась, братія стали просить преподобнаго Зосиму, чтобы онъ принялъ на себя игуменство. Но смиренный подвижникъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Тогда иноки тайно послали въ Новгородъ просить епископа, чтобы тотъ вызвалъ Зосиму и посвятилъ его въ игумены. Святитель согласился и, вызвавъ преподобнаго Зосиму, убѣдилъ его принять санъ священника и игуменство. Въ Новгородѣ уже слышали о новомъ подвижникѣ соловецкомъ, и многіе обращались къ нему за благословеніемъ, дарили для обители церковную утварь и хлѣбъ. Соловецкій островъ и другіе сосѣдніе острова были отданы во владѣніе обители. Возвратясь на островъ, преподобный Зосима ревностно занялся устроеніемъ обители. Онъ установилъ общежитіе и внушалъ братіи вести иноческую жизнь такъ, какъ заповѣдали отцы общежитія. Преподобный Зосима прожилъ 42 года на островѣ. Убѣленный сѣдинами, чувствуя близость кончины, онъ созвалъ братію и сказалъ: „дѣти, я иду въ путь отцовъ; изберите себѣ наставника“. Братія зарыдали при этихъ словахъ. „Не печальтесь“, продолжалъ онъ: „поручаю васъ Милостивому Спасителю и Матери Божіей и заповѣдую вамъ строго соблюдать уставъ обители; тѣлесно разлучаюсь съ вами, но духомъ пребывать съ вами буду“. Потомъ, сказавъ послѣднее: „миръ вамъ“, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и предалъ душу свою Богу. Это было 17-го апрѣля 1478 года. Ученики преподобнаго Зосимы, крѣпкіе подвижники благочестія, продолжали заниматься устроеніемъ обители и распространяли свѣтъ Христовой вѣры среди полудикихъ жителей сѣвера.

60. Коссовская битва (1389 г.).

Въ той странѣ, которая называется Туркестаномъ и теперь принадлежитъ Россіи, съ незапамятныхъ временъ кочевали со своими стадами многочисленныя турецкія племена. Носили они разныя имена: Печенѣги, Турки, Половцы, Турки-Сельджуки, Турки-Османы. Стало имъ наконецъ тѣсно, и бросились эти дикари на сосѣднія съ ними земли, стали грабить села и города, уводить въ плѣнъ жителей и продавать ихъ въ рабство. Въ одно и то же время нападали они и на Русскую землю и на Греческую имперію. Столицей этой имперіи былъ городъ Константинополь или Византія, поэтому и все государство Греческое называлось имперіей Ви-

зантійской. Нѣкогда она была очень обширна и могущественна, но мало-по-малу ослабѣла. Сосѣди ея, Арабы отняли у нея много областей, въ числѣ которыхъ была и Палестина, гдѣ родился, жилъ, училъ и пострадалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Но Арабы, хотя и исповѣдывали вѣру магометанскую, однако не притѣсняли христіанъ и дозволяли имъ приходить въ Палестину и поклоняться гробу Господню и другимъ святымъ мѣстамъ. Прошло немного времени и изъ Туркестана явились Турки-Сельджуки. Они побѣдили Арабовъ и стали страшно притѣснять христіанъ, тамъ жившихъ и приходившихъ на поклоненіе въ Іерусалимъ. Собрались было государи Западной Европы и долго вели войну съ Сельджуками, даже отняли у нихъ на короткое время Палестину, но вскорѣ враги христіанъ оправились и снова подчинили Іерусалимъ своей власти. Наконецъ, нахлынули Турки-Османы. Мало-по-малу завоевали они и Палестину, и всю Малую Азію, и подошли къ Константинополю. Только одинъ проливъ отдѣлялъ ихъ теперь отъ Европы. Вскорѣ они перешагнули и черезъ него и завоевали большой греческій городъ Адріанополь. Тутъ ихъ султаны устроили свою столицу.

Въ это время на Балканскомъ полуостровѣ существовали могущественныя славянскія государства, Сербія и Болгарія. Но, къ несчастію, не жили они мирно между собою, а потому и не могли дать дружнаго отпора Туркамъ. Султанъ турецкій Мурадъ рѣшилъ подчинить ихъ своей власти. Онъ напалъ сначала на Болгарію, покорилъ ее, а потомъ двинулся и на Сербію. Сербскій краль Лазарь собралъ большое войско. Враги встрѣтились въ самой срединѣ Сербіи на Коссовскомъ полѣ. Султанъ Мурадъ выѣхалъ на возвышеніе, обозрѣлъ непріятельское войско и пришелъ въ ужасъ при видѣ его многочисленности. Войско Лазаря состояло не изъ однихъ только Сербовъ: тутъ были Босняки и Болгары, Валахи и Венгры. Воротился Мурадъ въ свой шатеръ, собралъ на совѣщаніе своихъ генераловъ и рѣшилъ дать битву. Между тѣмъ наступила ночь. Тихо было въ турецкомъ лагерѣ. Въ станѣ Сербовъ было весело. Никто изъ нихъ не сомнѣвался въ побѣдѣ. Рано утромъ пошелъ дождь, смочилъ землю, и пыль, которую вчера вѣтеръ несъ въ глаза Туркамъ, теперь совершенно улеглась. Начался тихій, ясный день, который долженъ былъ сдѣлаться несчастнымъ днемъ для нашихъ братьевъ Славянъ. Оба войска — сербское и турецкое стояли уже въ боевомъ порядкѣ. Въ срединѣ войска турецкаго стояли янычары, лучшая пѣхота въ то время.

Ими командовалъ самъ султанъ Мурадъ. На правомъ крылѣ начальствовалъ старшій сынъ Баязетъ, а на лѣвомъ—младшій Якубъ. Враги съ яростью бросились другъ на друга. И Турки, и Сербы дрались храбро, не уступая врагу ни шага. Но вотъ послѣ упорной битвы христіане одолѣли враговъ на лѣвомъ крылѣ. Войска Якуба начали понемногу отступать и наконецъ побѣжали. Смятеніе начало распространяться въ турецкомъ войскѣ. Казалось, побѣда уже была на сторонѣ христіанъ. Въ ней были уже всѣ увѣрены, и краль Лазарь послалъ объ этомъ извѣстіе въ свою столицу. Но вдругъ все измѣнилось. Баязетъ стремительно повелъ свои войска противъ Сербовъ. Онъ самъ сражался впереди всѣхъ. Кровопролитная, упорная сѣча закипѣла на правомъ крылѣ. Послѣ продолжительнаго боя Сербы поколебались. Тогда пришла очередь Босняковъ, полки которыхъ стояли тутъ, еще не принимая участія въ битвѣ. Но они не двинулись, а неожиданно повернули назадъ. Тогда истомленные Сербы не выдержали страшнаго натиска врага и обратились въ бѣгство. Разбитыя уже войска Якуба теперь ободрились и вновь вступили въ битву. Воодушевленные Турки сдѣлали общее нападеніе, и все сербское войско бѣжало. Краль Лазарь былъ взятъ въ плѣнъ. Султанъ Мурадъ, въ сопровожденіи своей свиты, объѣзжалъ поле сраженія. Вдругъ изъ кучи убитыхъ и раненыхъ поднялся Сербъ Милошъ, зять краля Лазаря. Онъ обратился къ Туркамъ, окружавшимъ султана, и просилъ указать ему, который изъ нихъ Мурадъ. Онъ говорилъ, что желаетъ сказать ему что-то важное. Доложили объ этомъ султану и онъ приказалъ подвести къ себѣ Милоша. Подошелъ Милошъ и, когда Мурадъ наклонился къ нему съ коня, вонзилъ ему въ грудь кинжалъ. Турецкая стража тутъ же изрубила Милоша, а сынъ султана, Баязетъ, приказалъ на глазахъ умирающаго отца казнить всѣхъ плѣнныхъ христіанъ, въ томъ числѣ и краля Лазаря. Это несчастное пораженіе было нанесено Славянамъ Турками въ 1389 году, и съ тѣхъ поръ они подпали подъ власть султановъ и много вѣковъ страдали подъ этимъ игомъ, пока уже въ XIX вѣкѣ не освободились отъ своихъ притѣснителей при помощи единовѣрной и единокровной имъ Россіи. Вскорѣ послѣ битвы на Коссовскомъ полѣ былъ завоеванъ Турками почти весь Балканскій полуостровъ. Только на югѣ его еще держались остатки Византійской имперіи. Но вскорѣ очередь дошла и до нея.

61. Завоеваніе турками Константинополя (1453 г.).

Куликовская побѣда показала Русскимъ, что близокъ конецъ татарской неволи; а для нашихъ братьевъ — Славянъ и единовѣрныхъ Грековъ началось съ того времени тяжкое рабство. Послѣ Коссовской битвы Турки разорили и разграбили славянскія земли, и обложили Славянъ тяжелою данью. Заполонили Турки почти всѣ греческія земли и, какъ желѣзнымъ обручемъ, стиснули со всѣхъ сторонъ Константинополь. Напрасно молилъ всѣхъ христіанъ о помощи греческій императоръ: до чужой бѣды никому нѣтъ дѣла! А сами Греки постоять за родину не умѣли: испортило ихъ богатство и роскошь. Гдѣ появлялись Турки, тамъ Греки собирали свои сокровища и бѣжали: имѣнье и жизнь для нихъ, видно, дороже были родины и чести. Турецкій султанъ Магометъ II рѣшилъ покончить съ греческой столицей. Собралъ онъ подъ крѣпкими цареградскими стѣнами двѣсти пятьдесятъ тысячъ закаленнаго въ бояхъ войска, а съ моря четыреста кораблей поставилъ. Греческій же императоръ Константинъ XI Палеологъ съ трудомъ могъ собрать только девять тысячъ. Но отчаянно защищала Царьградъ эта горсть храбрецовъ, съ императоромъ во главѣ. Ночью они поправляли проломы въ стѣнахъ, а днемъ отбивали неистовые приступы Турокъ, стрѣляли въ нихъ изъ пищалей, скатывали со стѣнъ огромные камни и мельничные жернова, зажигали на морѣ турецкія суда. Рвы у городской стѣны наполнились трупами. Турки шли по трупамъ, рвались въ проломы. Наконецъ сломили защитниковъ варвары и ворвались въ городъ (29 мая 1453 г.). Императоръ въ отчаяніи крикнулъ:—„Убейте меня, христіане! Избавьте отъ позорнаго плѣна и смерти отъ рукъ невѣрныхъ!“ Ринулся онъ въ толпу Турокъ, рубилъ враговъ направо и налѣво и самъ упалъ подъ ихъ мечами на груду вражескихъ труповъ. Ворвались Турки въ городъ, началась звѣрская бойня. Обезумѣлъ отъ ужаса народъ, мечется по улицамъ, бѣжитъ въ церкви, ищетъ тамъ спасенія. Нигдѣ никому нѣтъ пощады. Ручьями течетъ кровь по улицамъ, большими лужами стоитъ и въ Божьихъ храмахъ. Два дня позволилъ султанъ грабить богатый городъ, не велѣлъ только разорять зданій. На третій день султанъ торжественно вступилъ въ Стамбулъ,—новую свою столицу. На соборномъ храмѣ св. Софіи заблисталъ, вмѣсто креста, золотой полумѣсяцъ. Такъ началась для Балканскихъ Славянъ и Грековъ тяжелая турецкая неволя и тянулась она болѣе четырехъ столѣтій.

Послѣ завоеванія Турками Константинополя Греки, словно стадо разсѣянное, пошли скитальцами во всѣ земли, по всему міру, и вездѣ около нихъ сбирались люди, и всѣмъ они разсказывали жалобную повѣсть о взятіи Царьграда, и всѣ ихъ слушали съ воздыханіемъ и слезами. Множество этихъ Грековъ, а съ ними и Болгаръ и Сербовъ, потянулось къ Москвѣ, а изъ Москвы по русскимъ городамъ и обителямъ: вездѣ имъ былъ братскій пріемъ и посильная милостыня. Страданія ихъ церкви и жалкая судьба ихъ царствъ, родственныхъ нашему, сильно располагали русскихъ людей къ этимъ путникамъ; многіе изъ нихъ были въ своей сторонѣ великіе военачальники, философы и имѣли высокій духовный санъ, и всего лишились и едва жизнь спасли, и теперь питаются только подаяніемъ, а многое множество ихъ братій влачитъ дни свои въ неволѣ. Всѣ эти бѣдствія были понятнѣе на Руси, чѣмъ гдѣ-либо, потому что всѣ эти изгнанники были одной съ нами вѣры — и потому еще, что въ рѣдкомъ русскомъ семействѣ не оплакивали кого-нибудь изъ своихъ близкихъ, томящагося или умершаго въ неволѣ у татарскихъ хищниковъ; многіе и сами были выкуплены изъ рабства на обильныя приношенія, которыя собирались со всей Руси на выкупъ ордынскихъ плѣнниковъ. Руси было памятно, какъ Татары брали русскіе города, какъ народъ и князья сражались и умирали въ бою съ невѣрными, — и всѣ разспрашивали у Грековъ, какъ же у нихъ все это сдѣлалось? И Греки разсказывали. И слушали наши государи, и князья, и бояре, и митрополитъ, и епископы и сердце у нихъ разрывалось отъ жалости. И рвалось ретивое на защиту православія; но окидывая умственнымъ взглядомъ дѣла свои, видѣли, что Московское государство само еще подъ властью Татаръ, а другая половина Руси во власти у Латинянъ, у Литвы и Польши. „Ничѣмъ-то мы вамъ пособить не можемъ, съ горестью говорили наши Грекамъ, — остается только всѣмъ покориться волѣ Божіей, крѣпко стоять въ вѣрѣ и ожидать часа, когда Господь воздвигнетъ мстителя за неправды на враговъ имени Его“. — „Богъ даетъ крѣпость мышцѣ и младенцевъ умудряетъ, — отвѣчали Греки, — а наша вся надежда только на васъ, государи, и на единовѣрный намъ русскій народъ. У насъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ вотъ что̀ написано: Когда Св. Константинъ Великій избралъ мѣсто для постройки Царьграда, вдругъ изъ норы выползъ великій змій и на змія налетѣлъ съ неба орелъ и подхватилъ змія и унесъ на высоту, а змій вокругъ него обвился. Они скрылись изъ глазъ; но скоро орелъ показался и упалъ на

то же мѣсто, ибо змій сталъ его душить и одолѣвать; увидавши это, подбѣжали люди и змія убили, а орла освободили. Мудрецы тогда же объяснили, что орелъ есть знаменіе христіанское, а змій—мусульманское, и значитъ, что мусульманство одолѣетъ христіанъ, но потомъ и христіане побѣдятъ его. Теперь половина пророчества исполнилась: змій одолѣлъ орла. Сбудется и вторая половина: прійдутъ люди и убьютъ змія. Какіе же это будутъ люди? Охъ, государи, есть объ этомъ и другое у насъ пророчество, а записано оно уже пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, что пріидетъ русскій родъ и купно со строителями града побѣдитъ Измаильтянъ и приметъ Царьградъ, и въ немъ воцарится. На великія дѣла блюдетъ Божій промыслъ великій русскій народъ".

62. Іерей.

(Народное повѣрье на Востокѣ).

Штурмуютъ османы [1]) твердыни Царьграда.
Разметаны башни; въ дыму и въ огнѣ,
Послѣдняя пала предъ ними ограда,
Палъ кесарь [2]) послѣдній въ бою на стѣнѣ.
И сила невѣрныхъ во градъ покоренный
Вломилась отвсюду; за нею вослѣдъ,
Вождей и улемовъ толпой окруженный,
Вступилъ, торжествуя, султанъ Магометъ.
Спасаясь отъ плѣна, въ Святую Софію
Толпа заперлася и женъ, и дѣтей;
И къ смерти готовясь, свершалъ литургію,
Средь общихъ рыданій, старикъ іерей.
И вотъ, совершилась ужъ тайна святая
Безкровныя жертвы, разверзлись врата
И выступилъ старецъ съ дарами, взывая
Народъ пріобщиться во имя Христа.
Вдругъ съ громомъ разсѣлись наружныя двери,
Слетѣли запоры, и Турки толпой
Во храмъ ворвалися, какъ дикіе звѣри,
И кровь полилася въ Софіи Святой.
И храмъ обратился въ вертепъ преисподней;
Но въ ужасѣ общемъ и женъ, и дѣтей,
Какъ будто на стражѣ святыни Господней,
Одинъ не смутился сѣдой іерей.
И чашу святую, и взоръ умиленный
Всей силою вѣры онъ къ небу вознесъ;
Взоръ этотъ былъ воплемъ души сокрушенной,
Глубокимъ, сердечнымъ: „Владыко Христосъ!"

---

[1]) Османы—османскіе турки.
[2]) Кесарь—византійскій императоръ Константинъ XI.

Молилъ онъ, „не дай Твоему іерею
„Узрѣть оскверненье святыни своей!
„Не дай надругаться, о, Боже, злодѣю
„Надъ тѣломъ пречистымъ, надъ кровью Твоей!“
И вопль былъ услышанъ. Свершилося чудо:
Раздался вдругъ помостъ, глухая стѣна
Воочію всѣмъ поднялася оттуда
И скрыла алтарь съ іереемъ она.
Палъ градъ Константина,—и дѣти ислама
Въ немъ властвуютъ гордо на стыдъ христіанъ,
Давно ужъ святыня Софійскаго храма
Мечетію стала въ рукахъ мусульманъ.
Но въ тяжкой неволѣ народная вѣра
Хранитъ упованье изъ вѣка и въ вѣкъ,
Что гнѣва Господня исполнится мѣра —
То знаютъ и вѣрятъ и Турокъ и Грекъ,
Что тамъ, за чудесной стѣною, хранимый
Чудесною силой, живетъ іерей
И молитъ онъ Бога, для міра незримый,
И чаетъ спасенья великаго дней.
И дни тѣ настанутъ; изъ странъ полунощи
Господь избавленья пошлетъ благодать;
Подъ знаменемъ вѣры, исполнена мощи
Къ Стамбулу придетъ православная рать.
Падетъ передъ нею невѣрныхъ ограда,
Ихъ силу навѣки она сокрушитъ
И снова прибьетъ ко вратамъ Царяграда,
Какъ древле когда-то, побѣдный свой щитъ.
Отъ края Босфора до края Эвксина
Раздастся свободы призывъ громовой,
И вступитъ рать Божья во градъ Константина,
И кончится плѣна позоръ вѣковой.
И въ мигъ, какъ съ вершины Святыя Софіи
Она полумѣсяцъ низвергнетъ во прахъ,
Въ тотъ мигъ, какъ сыны православной Россіи,
Воздвигнувъ надъ ней искупленія стягъ,
Съ молитвою вступятъ во храмъ тотъ, смиренно
Склоняя честныя свои знамена,
Въ немъ новое чудо свершится мгновенно:
Исчезнетъ внезапно глухая стѣна,
Открытый алтарь вдругъ заблещетъ огнями,
И, выступивъ снова изъ царскихъ дверей,
На встрѣчу имъ выйдетъ съ святыми дарами
Сокрытый вѣками сѣдой іерей.

63. Іоаннъ III Васильевичъ (1462—1505 г.).

Въ Москвѣ съ 1425 по 1462 годъ великимъ княземъ былъ внукъ Дмитрія Донского, Василій Васильевичъ Темный. Много этотъ князь потерпѣлъ несчастій на вѣку своемъ: дядя и двоюрод-

ные братья отнимали у него престолъ и даже выкололи ему глаза, отчего онъ прозванъ Темнымъ; попался онъ въ плѣнъ къ Татарамъ и былъ выкупленъ за дорогую цѣну пожертвованіемъ бояръ и народа. Но несчастье не заставило его отступить отъ пути, указаннаго предками; съ помощью старыхъ бояръ своихъ онъ побѣдилъ враговъ и скрѣпилъ государство еще сильнѣе. Ему наслѣдовалъ на престолѣ сынъ его Іоаннъ III. Двадцать лѣтъ прошло со взятія Турками Царяграда. Въ это время, уже опомнившись отъ перваго удара, Греки увидѣли, что спасти ихъ отъ турецкаго ига можетъ только одно православное государство—Московское, вотъ почему на Москву и обратились съ надеждой очи всего Востока. Завязались у Грековъ тѣснѣйшія сношенія съ Москвою. Патріархъ греческой церкви самъ не могъ переѣхать въ Москву: ему нужно было бодрствовать за свою паству въ отечествѣ; онъ и благословилъ россійскому духовенству самому соборнѣ выбирать себѣ митрополита. Но званіе защитника церкви, лежавшее, по преемству отъ св. Константина Великаго [1]), на греческихъ царяхъ, Греки хотѣли передать торжественно и по всѣмъ правамъ государю Московскому. Дѣло это они устроили такъ: многіе изъ знатныхъ Грековъ проживали въ Римѣ и по наружности признавали папу. Они и, главное, Грекъ кардиналъ Виссаріонъ стали папѣ внушать мысль, что съ великимъ княземъ Московскимъ можно обдѣлать разомъ два дѣла: и обратить его въ католичество, и получить помощь на Турокъ; для этого постараться женить его на племянницѣ послѣдняго Греческаго императора, Константина Палеолога, Софіи, которая въ приданое принесла бы ему свои права на престолъ Константиновъ и обратила бы самого въ католичество. Папа съ радостью ухватился за эту мысль и послалъ въ Москву сватомъ Грека же, Георгія. Это сватовство Иванъ Васильевичъ взялъ въ мысль и, поговоривъ съ митрополитомъ и боярами, отправилъ въ Римъ своего посланца, Итальянца, принявшаго въ Москвѣ православіе, Ивана Фрязина, смотрѣть невѣсту и для переговоровъ. Дѣло длилось болѣе двухъ лѣтъ. Наконецъ невѣсту отправили въ Россію. „Ну, дочь моя, — говорилъ, отпуская ее, папа, — послужи святому престолу римскому, и будешь ты великая изъ женъ, если еретическаго царя Ивана приведешь въ нашу вѣру“. Невѣсту провожалъ папскій кардиналъ и хотѣлъ вступить въ Москву торжественно

[1]) Константинъ Великій — византійскій императоръ объявилъ христіанскую вѣру господствующей (324 г.).

въ своей красной мантіи, со всей своей свитой, и чтобъ впереди его несли большой латинскій крестъ. Онъ намѣревался и вѣнчать жениха съ невѣстой по-своему. Но за нѣсколько верстъ до Москвы крестъ ему велѣли спрятать; невѣста, какъ вступила въ Москву, такъ и объявила, что никогда и не измѣняла православію, — и въ тотъ же день, 12-го ноября 1472-го года, была обвѣнчана съ Иваномъ Васильевичемъ, въ Успенскомъ соборѣ, митрополитомъ. Кардиналъ началъ-было разговоръ о вѣрѣ; но когда митрополитъ изложилъ ему всю римскую неправду, онъ замолчалъ, сказавъ, что нужныхъ книгъ съ собой не взялъ, не ждалъ спора. Кардиналъ съ тѣмъ и уѣхалъ. Папа римскій остался ни при чемъ.

Иванъ же Васильевичъ, женившись на греческой царевнѣ, принялъ на себя и права ея предковъ, и облаченіе императорское, и гербъ византійскихъ императоровъ — двухглаваго орла. Митрополитъ на торжественныхъ службахъ, обращаясь къ нему, сталъ называть его царемъ: „Божіею милостію радуйся и здравствуй преславный царь Иванъ, великій князь всея Руси, самодержецъ“ и пр. Въ граматахъ своихъ къ иностраннымъ государямъ онъ сталъ именоваться царемъ и императоромъ. При дворѣ своемъ завелъ царскіе обычаи и чины, какъ было у греческихъ царей; иностранныхъ пословъ сталъ принимать — сидя на престолѣ, въ порфирѣ, въ шапкѣ древнихъ императоровъ греческихъ, въ бармахъ, со скипетромъ въ рукѣ. Всѣ эти царскія украшенія—было Софьино приданое и привезены ею. Утверждая себѣ наслѣдника, онъ уже торжественно вѣнчалъ его на царство, какъ вѣнчались греческіе цари. Въ глазахъ своихъ подданныхъ онъ уже сталъ монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до недосягаемой царственной высоты, передъ которою и бояре, и князья одного съ нимъ корня должны были благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ его подданныхъ. Прежніе государи московскіе женились или на дочеряхъ другихъ удѣльныхъ князей, или на дочеряхъ своихъ бояръ; Иванъ III уже хотѣлъ въ своемъ семействѣ браковъ съ вѣнценосцами: старшаго сына своего, тоже Ивана, умершаго прежде отца, женилъ на Еленѣ, дочери господаря молдавскаго; дочь Елену выдалъ за Александра, великаго князя литовскаго. Съ этой поры все въ Москвѣ пошло измѣняться, самый наружный видъ ея измѣнился: Иванъ III Васильевичъ засталъ ее деревянную, а оставилъ каменную, златоглавую. Онъ построилъ высокія каменныя стѣны съ башнями и стрѣльницами, Успенскій соборъ, соборы Архангельскій и Благо-

вѣщенскій, каменный дворецъ, Грановитую палату для торжественныхъ собраній и пріемовъ, и многіе храмы,—все изъ камня. Для всякаго дѣла сталъ выписывать изъ-за границы разныхъ мастеровъ, Итальянцевъ и Грековъ: пушкарей, литейщиковъ, строителей и всякихъ художниковъ.

Во всѣхъ своихъ дѣлахъ великій князь сталъ рѣшительнѣе: уже прежніе московскіе князья собрали подъ свою руку много мелкихъ княжествъ, но далеко еще не всѣ русскія земли. Были, между прочимъ, еще два большія государства на пространствѣ нынѣшней Россіи: Литовское съ Кіевомъ, Черниговомъ, Смоленскомъ, и пр., и другое—Новогородская земля. По мѣрѣ того, какъ стали усиливаться съ одной стороны Московское государство, а съ другой—Литовское, Новогородская держава очутилась вдругъ между двумя сильными сосѣдями. Поняли новгородцы, что имъ не устоять, и вышло между ними раздѣленіе: богачи купцы-бояре захотѣли поддаться Литвѣ, гдѣ панамъ было житье привольное, а простой народъ тѣснили, имѣли даже право казнить смертію,—такой порядокъ нравился богачамъ купцамъ-боярамъ новогородскимъ — и желательно было имъ завести его и у себя; но черный людъ новогородскій на это не соглашался и лучше хотѣлъ совсѣмъ отойти подъ государя московскаго, у котораго судъ равный для всѣхъ — и для большихъ, и для маленькихъ людей. Иванъ Васильевичъ ужъ одинъ разъ (1471 г.) усмирилъ Новогородцевъ, замышлявшихъ измѣнить ему, и поднялся теперь, чтобы окончательно присоединить Новгородъ къ Московскому государству, потому что понималъ — еслибы да успѣла Литва захватить Новогородскія земли, то и православію тамъ бы пришелъ конецъ, и Поляки стали бы господствовать надъ русскимъ народомъ. Онъ собралъ войско въ 1478 году и поздней осенью выступилъ въ походъ; но кровь проливать не желая, окружилъ войскомъ Новгородъ и заперъ всѣ у него входы и выходы, самъ сталъ подлѣ, на Городищѣ, и ждалъ. Попались какъ въ западню Новогородцы—и пошла у нихъ сумятица; звонятъ въ вѣчевой колоколъ, собираются, кричатъ; одни крпчатъ: хотимъ государя Московскаго; другіе: хотимъ Казиміра Литовскаго. Драка, крикъ; топятъ противниковъ въ Волховѣ. Главная заводчица всей смуты была вдова богатаго посадника Исаака Борецкаго, Марѳа, женщина ловкая, хитрая, честолюбивая, имѣвшая большую силу на вѣчѣ. Вотъ наконецъ стали у Новогородцевъ истощаться запасы. Начали они пересылаться съ Иваномъ Васпльевичемъ и спрашивать: чего онъ хочетъ? „Сами знаете“, отвѣчаетъ онъ. Въ Новѣгородѣ

наконецъ сдѣлался голодъ, и порѣшили граждане бить челомъ государю, чтобы онъ принялъ Новгородъ на всю свою волю. Государь и велѣлъ быть Новугороду, какъ другимъ русскимъ городамъ. Вѣче уничтожено; колоколъ снятъ, отвезенъ въ Москву и повѣшенъ тамъ на колокольнѣ звонить заодно со всѣми русскими колоколами. Вся держава Новгородская присоединена къ Московскому государству. Послѣ покоренія Новагорода были присоединены Тверское княжество (1485), Вятка (1489), еще прежде — Пермь (1472), и московскіе люди стали ходить за Уральскія горы. Оставались еще Рязань и Псковъ, но и тѣ были во всемъ покорны Ивану III и присоединены были ужъ при сынѣ и преемникѣ его Василіи III.

Также рѣшительнѣе Иванъ Васильевичъ сталъ поступать и съ Ордою. Золотая Орда къ этому времени распалась на три части: отъ главной Сарайской и Золотой Орды (на Нижней Волгѣ) отпали Крымская Орда и Казанская. Крымскій ханъ Менгли-Гирей былъ врагъ на смерть ханамъ Золотой Орды, и потому Иванъ III велъ съ нимъ тѣсную дружбу, всегда имѣлъ въ немъ вѣрнаго помощника, и посылалъ его то на Золотую Орду, то на Литву, чтобы не давать имъ соединиться, когда воевалъ съ Татарами или съ Литвой. Съ Золотой Ордой и господствомъ ея надъ Россіей онъ покончилъ слѣдующимъ образомъ: Разсказываютъ, что Софія Ѳоминишна постоянно твердила мужу: „не для того вышла я за тебя замужъ, чтобъ ты меня и дѣтей моихъ сдѣлалъ татарскими данниками“. Иванъ Васильевичъ на ея горячность усмѣхался и молчалъ, а дани въ Орду не посылалъ. У хана было подворье на Москвѣ — царь это подворье занялъ подъ церковь. Ханъ Ахматъ прислалъ наконецъ пословъ съ грозною рѣчью (1480 г.). По старому обычаю, послы, входя въ Москву, несли изображеніе хана (по-татарски басма), которому князья русскіе должны были кланяться. Иванъ Васильевичъ вышелъ со всѣмъ дворомъ своимъ навстрѣчу посламъ, взялъ изъ рукъ ихъ эту басму—и вдругъ къ ихъ ужасу изломалъ ее, бросилъ на землю и растопталъ ногами, а пословъ велѣлъ казнить, кромѣ одного, которому сказалъ: „ступай, разскажи хану, что̀ сдѣлалъ я съ его басмою и послами, то же будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ“. Ханъ потомъ пришелъ съ войскомъ и сталъ на рѣкѣ Угрѣ. Иванъ Васильевичъ и тутъ не хотѣлъ положиться на военную удачу: тянулъ время, передвигалъ то туда, то сюда свое войско, а самъ отправилъ внизъ по Волгѣ другое войско подъ самую столицу ханскую, Сарай, и ждалъ вѣстей. Такъ прошла вся осень. Въ войскѣ рус-

скомъ и не знали тайной посылки другого отряда подъ Сарай—и роптали, роптали и въ Москвѣ, стыдили великаго князя примѣромъ прадѣда его Дмитрія Донского, называли его „бѣгуномъ“ и писали къ нему укорительныя письма. Иванъ Васильевичъ все молчалъ. Вдругъ Ахматъ услыхалъ, что Русскіе сожгли его столицу,—и побѣжалъ. Великій князь съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву и устыдилъ всѣхъ, которые въ немъ усомнились, и самъ посмѣялся надъ ними. Побѣда не стоила ему ни единой капли крови. Вотъ какъ онъ умѣлъ обдѣлывать великія дѣла. Ахматъ потомъ въ Ордѣ былъ убитъ своими же. Золотая Орда распалась на части.

До Іоанна III и князья московскіе, начиная отъ Ивана Даниловича Калиты, и народъ московскій, словно молча, но понимая другъ друга, трудились надъ освобожденіемъ отъ Татаръ; и въ этой молчаливой работѣ, въ этой тайнѣ, которую знали всѣ, но и другъ другу не высказывали, чувствовали свою силу и свое превосходство надъ жителями прочихъ русскихъ областей, которые жили сами по себѣ, а объ общемъ дѣлѣ не помышляли и тяготы его не несли, каковы были, напримѣръ, Новгородцы. Теперь дѣло было сдѣлано. Отъ Орды Русь была свободна; народъ русскій, единый по крови, по вѣрѣ и языку, имѣлъ вмѣсто многихъ князей одного государя. Удачи, побѣды и великій умъ Ивана III еще болѣе возвысили мнѣніе Русскихъ о самихъ себѣ и о величіи своего государя. Когда же палъ Царьградъ и съ нимъ прирожденный защитникъ православія—императоръ греческій, и Иванъ Васильевичъ женился на греческой царевнѣ, и на него перешли вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ и царскими регаліями и законное званіе, права и обязанности великаго и единаго поборника истинной вѣры, тогда Русскіе съ гордостью стали говорить: „Государи наши во всемъ свѣтѣ единые браздодержатели святыхъ Божіихъ престоловъ! Чистое православное ученіе только въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ удержалось и паче солнца свѣтится! Два Рима пало, третій стоитъ, т.-е. Москва, а четвертому не быть“. И не одни русскіе люди разумѣли это. Съ паденіемъ Орды при Иванѣ III Васильевичѣ передъ очами всего міра словно вдругъ спала завѣса, скрывавшая доселѣ въ тишинѣ созрѣвшее государство Московское — единое изъ православныхъ государствъ, свободное отъ чуждаго ига. И къ престолу Московскихъ государей понеслись мольбы и вопли о защитѣ со всѣхъ православныхъ земель, стенавшихъ подъ игомъ мусульманскимъ и подъ гнетомъ латинскимъ. Эти жалобы и вопли ясно указывали, какое значеніе въ мірѣ получаетъ Россія, что̀ дѣлать

Московскимъ государямъ и на какой подвигъ направить имъ отнынѣ силы своего народа, у котораго подъ игомъ татарскимъ глубоко запечатлѣлась въ сердцѣ великая заповѣдь—стоять за своихъ и пострадать за Христа.

Послѣ перваго татарскаго нашествія южныя русскія княжества: Кіевское, Черниговское, Сѣверское, Полоцкое и др., отошли къ Литвѣ. Когда Литва соединилась съ Польшей (1386 г.), Литовскіе великіе князья приняли католичество, а вмѣстѣ и титулъ королевскій, къ нимъ втерлись паны польскіе и римскіе епископы и монахи, и православнымъ пошло великое утѣсненіе. И вдругъ къ этому времени въ Москвѣ проявился великій государь русскій, нареченный всѣмъ православнымъ востокомъ, яко единый защитникъ православія, и творитъ этотъ государь великія дѣла. Тогда весь русскій народъ въ Литовскомъ государствѣ пожелалъ стать подъ его великую руку. Множество владѣтельныхъ князей, потомковъ Владиміра Святого, и бояръ перешло на службу со всѣми городами и волостями въ подданство къ Московскому государю отъ Литовскаго. Въ 1492 году умеръ король Казиміръ. По смерти его Польша досталась одному его сыну, а Литва другому, Александру. Иванъ Васильевичъ послалъ въ Литву свое войско. Вельможи же литовскіе, чтобы какъ-нибудь уладить дѣло, стали просить Ивана III отдать свою дочь Елену за Александра. Иванъ Васильевичъ сперва и слышать не хотѣлъ, не выводилъ войскъ изъ Литвы, и согласился на это только тогда, когда Александръ принялъ миръ на всей волѣ Іоанновой, именно съ тѣмъ, что всѣ занятыя имъ земли отойдутъ къ Москвѣ, Русскимъ въ Литвѣ не было бы стѣсненія въ вѣрѣ, а Іоаннъ признанъ бы былъ государемъ всея Руси. Въ 1495 году состоялся и бракъ Александра съ Еленой; но и бракъ этотъ не измѣнилъ дѣла: князья русскіе все продолжали переходить къ Іоанну. Дѣло опять дошло до войны, славной для Іоанна. Папа вздумалъ-было ходатайствовать у Іоанна о мирѣ. Іоаннъ отвѣчалъ ему: „Отчина нынѣшняго короля Александра — Польша и Литва, а Русская земля отъ нашихъ предковъ, изъ старины, наша отчина. Мы, выдавая дочь за Александра, уступили ему, свойства ради, эти наши отчины; но когда зять нашъ не сталъ соблюдать договора, то намъ зачѣмъ свою отчину покидать и за нее не стоять? Папа положилъ бы то на своемъ разумѣ: хорошо ли король дѣлаетъ, что не за свою отчину хочетъ съ нами воевать?“ Война кончилась въ 1503 году перемиріемъ на шесть лѣтъ: почти вся Сѣверская и Черниговская области остались за Іоанномъ. Смерть помѣшала

Іоанну III довершить дѣло окончательнаго объединенія земли Русской отнятіемъ отъ Литвы находившихся подъ нею русскихъ земель. Иванъ Васильевичъ скончался въ 1505 году, 65 лѣтъ отъ роду, и былъ погребенъ въ построенномъ имъ Архангельскомъ соборѣ.

Ивану III наслѣдовалъ сынъ его отъ Софіи, Василій. Хотя онъ не обладалъ великою мудростью своего отца, но въ правленіи своемъ твердо держался правилъ родителя и стремился къ тѣмъ же цѣлямъ. Еще не истекъ срокъ заключеннаго съ Литвой перемирія, какъ въ 1507 году онъ уже двинулъ полки свои въ Литву и заставилъ новаго короля Польскаго и великаго князя Литовскаго Сигизмунда подтвердить договоръ, заключенный Иваномъ Васильевичемъ. Но и этотъ миръ былъ не дологъ. Русскіе въ Литвѣ все продолжали передаваться государю Московскому вслѣдствіе усиленныхъ притѣсненій за вѣру, и въ 1512 году опять началась война, памятная взятіемъ въ 1514 году Смоленска. Смоленскъ защищалъ храбрый литовскій воевода Сологубъ и два раза отбилъ нашъ приступъ. Когда великій князь открылъ въ третій разъ пальбу, жители закричали со стѣнъ, чтобы государь прекратилъ огонь. Государь велѣлъ перестать стрѣлять, и Смоляне, князья и бояре и весь народъ, старцы и юноши, матери и дѣвицы, иноки и инокини, всѣ предводимые епископомъ и духовенствомъ съ хоругвями и крестами, вышли изъ города со свѣтлыми очами, со многою любовью, на встрѣчу великому князю. Всѣ тотчасъ смѣшались съ московскими людьми, здоровались, обнимались и цѣловались, какъ единокровные и единовѣрные братья, послѣ долгой разлуки сошедшіеся. Кликъ радости не умолкалъ и провожалъ великаго князя при вшествіи его въ городъ, прямо къ собору Пречистыя Богоматери; тамъ совершенъ былъ молебенъ: протодіаконъ возгласилъ молебствіе природному государю; многолѣтіе повторили хоромъ епископъ со всѣмъ духовенствомъ, оба клироса, послѣ чего епископъ, благословивъ крестомъ Великаго князя, сказалъ ему: „Божію милостію радуйся и здравствуй, православный царь, великій князь всея Руси, самодержецъ на своей отчинѣ и дѣдинѣ, градѣ Смоленскѣ, на многая лѣта“. И снова въ церкви пролились слезы радости, и снова пошло цѣлованіе и обниманіе... Василій III носитъ въ исторіи названіе „послѣдняго собирателя русской земли“, такъ какъ онъ окончилъ дѣло, начатое его предками, т.-е. совершенно уничтожилъ удѣльную систему и соединилъ всѣ области сѣв.-восточной Руси подъ своею единодержавною властію. Во всемъ слѣдуя политикѣ своего отца, Василій III еще болѣе усилилъ свою власть и сталъ вполнѣ

самодержавенъ. Василій Ивановичъ умеръ въ 1533 году, оставивъ двоихъ сыновей, Ивана и Юрія; старшаго, Ивана, которому было всего три года, онъ благословилъ на царство, подъ опекой матери Елены, урожденной княжны Глинской.

64. Дмитрій Іоанновичъ, внукъ Іоанна III.

27-го октября 1505 года Іоаннъ III Васильевичъ, изнемогая и духомъ и тѣломъ, лежалъ на смертномъ одрѣ. Онъ забывалъ свои подвиги, онъ помнилъ только грѣхи свои и каялся въ нихъ. Было время къ вечеру. Въ храмахъ горѣли одинокія лампады, сквозь слюду и пузыри оконъ свѣтились въ домахъ огни, зажженные вѣрою и нуждою. Нигдѣ народная любовь не теплила ихъ, потому что народъ не понималъ заслугъ великаго государя и не любилъ его за нововведенія. Въ одномъ углу казеннаго двора черная изба позднѣе другихъ освѣтилась слабымъ огонькомъ. На пузырную оболочку окна желѣзная рѣшетка съ ершами отбросила клѣтчатую тѣнь, которую однакожъ пестрила точка, то блестящая какъ искра, то вьющая струю пара. Знать, узникъ провертѣлъ отверстіе въ пузырѣ, чтобы украдкой отъ своего сторожа глядѣть на свѣтъ Божій. Это была тюрьма, и въ ней на этотъ разъ томился молодой узникъ. Ему казалось не больше 20 лѣтъ. Такъ молодъ! Какія же раннія преступленія могли привести его сюда? По лицу его не вѣришь этимъ преступленіямъ, не вѣришь, чтобы Богъ создалъ такую обманчивую наружность. Такъ пригожъ и благовиденъ, что, кажется, ни одинъ черный помыселъ не пробѣжитъ по спокойному челу, ни одна страсть не заиграетъ въ его глазахъ, исполненныхъ любви къ ближнему и безмятежной грусти. И между тѣмъ статенъ, величавъ; какъ встрепенется изъ дремоты своей, какъ тряхнетъ черными кудрями, виденъ забывшійся господинъ, а не рабъ. Руки его бѣлы, нѣжны, словно женскія. На косомъ воротѣ рубашки горитъ изумрудная запонка; въ сырой, закопченой избѣ, на широкомъ прилавкѣ пуховикъ съ изголовьемъ изъ мисюрской камки и съ шелковымъ одѣяломъ, а подлѣ постели ларецъ изъ бѣлой кости филиграновой работы. Видно, не простой узникъ! Не простой, да еще вѣнчанный [1])... И чистъ дѣлами и помыслами, какъ житель неземной. Всѣ его преступленія въ вѣнцѣ, котораго онъ не искалъ

[1]) Іоаннъ III сначала объявилъ своимъ наслѣдникомъ внука Дмитрія и даже вѣнчалъ его на царство, но потомъ удалилъ Дмитрія съ его матерью отъ двора и назначилъ наслѣдникомъ сына своего Василія.

и который надѣла на него прихоть властителя; никакой крамолѣ, никакому злу не причастный, онъ виноватъ за чужія вины, за честолюбіе двухъ женщинъ, за коварство царедворцевъ, за гнѣвъ дѣда на сторонних, не на него-жъ. Ему назначили царство — и отвели въ тюрьму. Онъ не понималъ, почему вѣнчаютъ его, и теперь не понимаетъ, за что̀ его лишили свободы, свѣта Божьяго, всего, въ чемъ не отказываютъ и смерду. За него ближніе и молиться не смѣютъ вслухъ. Это внукъ Іоанна III, единственное дитя любимаго сына его, злополучный Дмитрій Іоанновичъ.

То сидѣлъ онъ въ грустномъ раздумьѣ, облокотясь на колѣни и утопивъ пальцы въ чернокудрой головѣ, то вставалъ, то ложился. Онъ метался, какъ будто ему дали отраву. Никого съ нимъ не было. Одинокій огонекъ освѣщалъ его бѣдное, несчастное жилище. Тишину избы нарушали капли съ потолка или мышь, подбиравшая крохи отъ трапезы узника. Огонекъ то замиралъ, то вспыхивалъ, и въ эти переливы свѣта, казалось, ползали по стѣнѣ ряды огромныхъ пауковъ. Въ самомъ же дѣлѣ это были каракульки на разныхъ языкахъ, начертанныя углемъ или гвоздемъ. Едва можно было разобрать въ нихъ: „Matheas“, Марѳа, посадница Великаго Новгорода“, „будь проклятъ“, „liebe Mutter, liebe A...“ и еще, еще какія-то слова, разорванныя струями, которыя текли по стѣнѣ, или стертыя негодованіемъ и невѣжествомъ сторожей. Дверь темницы тихонько отворилась; Дмитрій Іоанновичъ встрепенулся. — „Аѳоня, это ты?“ радостно спросилъ онъ; но, увидѣвъ, что принялъ вошедшаго за другого, присовокупилъ съ грустью: „ахъ, это ты, Небогатый!.. что-жъ нейдетъ Аѳоня?.. Мнѣ скучно, мнѣ тошнехонько, меня тоска гложетъ, будто змѣя подколодная лежитъ у сердца. Вѣдь, ты сказалъ, что будетъ Аѳоня, когда огни зажгутъ въ домахъ?“ — „Аѳанасій Никитичъ никогда не кривитъ словомъ, не то, что глазомъ“ — сказалъ дьякъ Дмитрій Небогатый, приставникъ добрый, услужливый и между тѣмъ строгій въ исполненіи наставленій, данныхъ великимъ княземъ, какъ стеречь внука. (Надо знать, что въ это время онъ же, за болѣзнію Дмитріева казначея и постельничаго, исполнялъ ихъ должности. Честь-честью князю, хотя и заключенному!)...—„Успокойся, Дмитрій Ивановичъ, голубчикъ мой, ужъ, конечно, скоро придетъ нашъ краснобай. Ты самъ вѣдаешь, хилъ становится, худо видитъ, такъ бредетъ себѣ ощупью. А ты покуда, милое дитятко мое, поиграй, потѣшься своими игрушками. Присядь себѣ хорошенько на постелюшкѣ, я подамъ тебѣ твой ларецъ“.

И Дмитрій Ивановичъ, дитя, которому было за 20 лѣтъ, отъ скуки, его томившей, исполнилъ тотчасъ предложеніе своего дьяка, сѣлъ съ ногами на постель, взялъ костяной ларецъ къ себѣ на колѣни и отперъ его ключемъ, который висѣлъ у него на поясѣ. Понемногу, одна за другою, выходили на свѣтъ Божій дорогія вещицы, заключенныя въ этомъ ларцѣ. Княжичъ подносилъ къ огню то цѣпь золотую съ медвѣжьими головками или чешуйчатый золотой поясъ, то жуковины (перстни) яхонтовыя и изумрудныя, то крестики, монисты, запястья, запонки драгоцѣнныя; любовался ими, надѣвалъ ожерелья себѣ на шею и спрашивалъ дьяка, идутъ ли они къ нему; бралъ зерна бурмицкія, клалъ въ горсть и пускалъ ихъ, будто дождь, сквозь пальцы, тѣшился ихъ игрою, какъ настоящее дитя — и вдругъ, послышавъ голосъ въ ближней комнатѣ, бросилъ все кое-какъ въ ларецъ. Лицо его просіяло. — „Это Аѳоня!“ молвилъ онъ, отдавая ларецъ дьяку, и слѣзъ съ постели. — „Запри, Дмитрій Ивановичъ, сказалъ съ твердостью Небогатый: безъ того не приму“. Проворно щелкнулъ ключъ въ ларцѣ; дверь отворилась, и вошелъ въ избу тюремную старичекъ небольшого роста, сгорбившійся подъ ношею лѣтъ; ими золотилось уже серебро волосъ его. Отъ маковки головы до конца вѣкъ лѣваго глаза врѣзался глубокій шрамъ, опустившій такимъ образомъ надъ этимъ глазомъ вѣчную занавѣску; зато другой глазъ вправленъ былъ въ свое мѣсто, какъ драгоцѣнный камень чудной воды, потому что блисталъ огнемъ необыкновеннымъ и, казалось, смотрѣлъ за себя и своего бѣднаго собрата. Сынъ не встрѣчаетъ ласковѣе отца нѣжнолюбимаго, какъ встрѣтилъ старика Дмитрій Ивановичъ. Радость горѣла въ глазахъ царевича, въ каждомъ движеніи его. Онъ принималъ отъ гостя посохъ, стряхалъ съ него порошинки снѣга, обнималъ его, усаживалъ на почетное мѣсто своей постели.

А гость былъ не иной кто, какъ тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ, купецъ безъ торговли, безъ денегъ, убогій, но богатый свѣдѣніями, собранными имъ на отважномъ пути въ Индію, богатый опытами и вымыслами, которые онъ сверхъ того умѣлъ украшать сладкою, вкрадчивою рѣчью. Онъ жилъ пособіями другихъ и не былъ ни у кого въ долгу: богатымъ платилъ своими сказками, а бѣдныхъ дарилъ ими. Ему позволено было посѣщать великаго князя Дмитрія Ивановича. Можно судить, какъ онъ наполнялъ ужасную пустоту его заключенія и какъ поэтому былъ дорогъ для него. Что́ же давалъ ему за труды Дмитрій? Много, очень много для добраго сердца: свои радости, единственныя, какія оставались

у него на свѣтѣ, и эту награду Тверитянинъ не промѣнялъ бы на золото. Какъ-то разъ хотѣлъ царевичъ подарить ему дорогую вещицу изъ своего костяного ларца, но дьякъ съ бережью напомнилъ узнику, что всѣ вещи въ ларцѣ его, что онъ можетъ играть ими, сколько душѣ угодно, да располагать ими неволенъ. Вчера Аѳанасій Никитичъ началъ современную ему повѣсть о Нѣмчинѣ, прозванномъ „басурманомъ“. Нынѣ, усѣвшись, продолжалъ ее. Рѣчь его текла, какъ пѣснь соловушки, котораго можно заслушаться отъ зари вечерней до утренней, не смыкая глазъ. Жадно внималъ царевичъ разсказчику; рдѣли щеки его, и нерѣдко струились по нимъ слезы. Далеко, очень далеко уносился онъ изъ тюрьмы своей, и только по временамъ грубая брань сторожей за перегородкою напоминала ему горькую существенность. Между тѣмъ дьякъ Небогатый бѣгло поскрипывалъ перышкомъ; листы, склеенные вдоль одинъ за другимъ, уписывались чудными знаками и свивались въ огромный столбецъ. Онъ писалъ со словъ Аѳанасія Никитича „Сказаніе о нѣкоемъ Нѣмчинѣ, иже прозванъ бесерменомъ“.

Вдругъ среди разсказа вбѣжалъ въ тюрьму дворецкій великаго князя.—„Иванъ Васильевичъ готовится отдать Богу душу“, сказалъ онъ торопливо: „онъ сильно воспечалился о тебѣ и послалъ за тобой. Поспѣшай“. Судорожно затрепеталъ княжичъ. По лицу его, которое сдѣлалось подобно бѣлому плату, пробѣжала какая-то дума; она вспыхнула во взорахъ его. О, это была дума раздольная! вѣнецъ?.. народъ... милости... можетъ быть, и казнь... чего не было въ ней? Узникъ дитя, только-что игравшій цвѣтными камешками, сталъ великимъ княземъ всея Руси. Іоаннъ—еще земной властитель на смертномъ одрѣ; еще смерть не сковала устъ его, и эти уста могутъ назначить ему преемника. Мысль о будущей жизни, раскаяніе, свиданіе со внукомъ, котораго онъ самъ добровольно вѣнчалъ на царство и котораго привели изъ тюрьмы, какую силу должны имѣть надъ волею умирающаго! Княжичу подали шапку, и онъ, въ чемъ былъ, сопровождаемый дьякомъ и приставами, поспѣшилъ въ палаты великокняжескія. Въ сѣняхъ встрѣтили его рыданія ближнихъ и слугъ великаго князя. — „Сталось — дѣдъ умеръ!“ подумалъ онъ, и сердце упало, шаги запнулись. Появленіе Дмитрія Ивановича во дворѣ великокняжескомъ остановило на время общую скорбь, настоящую и мнимую. Неожиданность, новость предмета, чудная судьба княжича, состраданіе, мысль о томъ, что онъ, можетъ статься, будетъ властителемъ Руси, сковали на мигъ умы и сердца дворчанъ. Но и въ это время между бородками были

умныя головы; тонкіе, дальновидные разсчеты, называемые нынѣ политикою, также, какъ и нынѣ, часто били навѣрное вмѣстѣ съ судьбою, хотя иногда такъ же, какъ и въ наши дни, подшибались могучею рукою провидѣнія. Разсчеты эти восторжествовали надъ минутнымъ недоумѣніемъ; плачъ и рыданія опять начались и сообщились толпѣ. Только одинъ голосъ, посреди причитаній изученной скорби, осмѣлился возвыситься надъ ними: „Поспѣшай, батюшка, родимый нашъ... за тобой послано ужъ не малое время... Иванъ Васильевичъ еще живъ... Благослови тебя Господь на великокняженіе!“ Этотъ голосъ одушевилъ княжича; но когда ему надо было вступить въ постельную хоромину, гдѣ лежалъ умирающій, силы его начали упадать. Дверь отворилась; онъ приросъ къ порогу...

Іоанну оставалось жить нѣсколько минутъ. Казалось, смерть ждала только прихода внука его, чтобы дать ему отходную. У постели его стояли сыновья, митрополитъ, любимые бояре, близкіе люди. „Сюда... ко мнѣ, Дмитрій... милый внукъ мой...“ сказалъ великій князь, увидавъ его сквозь смертный туманъ. Дмитрій Ивановичъ бросился къ одру, припалъ на колѣна, лобызалъ хладѣющую руку дѣда, орошалъ ее слезами. Умирающій, будто силою гальванизма, приподнялъ голову, положилъ одну руку на голову внука, другою благословилъ его, потомъ произнесъ задыхающимся голосомъ: — „Я согрѣшилъ передъ Богомъ и тобою... Прости мнѣ... прости... Господь и я вѣнчали тебя... будь... мо... имъ...“ Лицо Василія Іоанновича (сына Іоанна III отъ Софьи Ѳоминишны) искосило завистью и страхомъ. Еще одно слово... Но смерть стояла тутъ на сторонѣ сильнаго, и это слово не было произнесено на этомъ свѣтѣ. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ испустилъ послѣднее дыханіе, припавъ холодными устами къ челу своего внука. Сынъ его, назначенный имъ заранѣе въ наслѣдники, тотчасъ вступилъ во всѣ права свои. Дмитрія оттащили отъ смертнаго одра, вывели изъ палатъ великокняжескихъ и отвели... опять въ темницу. Тамъ, на его постели отдыхалъ Аѳоня крѣпкимъ сномъ праведника. Выплакавъ свое горе, прилегъ къ старцу подъ бокъ и злополучный Дмитрій. Царевичъ и убогій тутъ уровнялись. Одному снились въ эту ночь столы великокняжескіе и пышный вѣнецъ, горящій, какъ жаръ, на головѣ его, и пріемы пословъ чужеземныхъ, и смотръ многочисленной рати; другому—гостепріимная пальма и ручей въ степяхъ Аравіи. Убогій проснулся первый и какъ изумился онъ, увидавъ подлѣ себя царевича! Грустно покачалъ онъ

сѣдой головой, прослезился и только-что началъ благословлять его, какъ услышалъ веселый, отважный возгласъ во снѣ Дмитрія Ивановича: „Молодцы... на Татаръ... на Литву!..“ И вслѣдъ затѣмъ пробудился княжичъ. Долго протиралъ онъ себѣ глаза, озирался вокругъ себя и потомъ, упавъ на грудь Аѳони, залился слезами: „Ахъ, дѣдушка, дѣдушка! мнѣ снилось...“ Голосъ его заглушили рыданія. Скоро и все, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ въ палатахъ великокняжескихъ, стало казаться ему соннымъ видѣніемъ. Только припоминая себѣ этотъ тяжкій сонъ, онъ чувствовалъ на челѣ своемъ ледяную печать, которую наложили на него уста вѣнценоснаго мертвеца.

Пришла зима; все было въ черной избѣ попрежнему. Перемѣнились однѣ декораціи; утихъ однообразный шумъ капели, исчезла и свѣтлая точка на пузырѣ одинокаго окна; вмѣсто нихъ серебряная кора облѣпила углы стѣнъ и пазы потолка, а свѣтлую точку, сквозь которую узникъ видѣлъ небо съ его солнышкомъ и вольныхъ птичекъ, покрыла тяжелая заплатка. Но Аѳоня попрежнему навѣщалъ тюрьму. Онъ досказалъ свою повѣсть о Нѣмцѣ, котораго называли басурманомъ, и дописецъ Небогатый, передавъ ее исправно бумагѣ, положилъ свитокъ въ кованый сундукъ внукамъ на потѣшеніе. Прошло года три съ небольшимъ. Вѣнчаннаго узника не стало въ тюрьмѣ, и Аѳанасья Никитича не видать уже было въ ней. Знать, Дмитрія Іоанновича выпустили на свободу?... Да, Господь освободилъ его отъ всѣхъ земныхъ узъ. Вотъ что̀ пишетъ лѣтописецъ: „1509 г. 14 февраля преставился великій князь Димитрій Іоанновичъ въ нуждѣ, въ тюрьмѣ“. Герберштейнъ [1]) прибавляетъ: „Думаютъ, что онъ умеръ отъ холода, или отъ голода, или задохнулся отъ дыма“.

65. Москва—третій Римъ.

Съ мала ключика студена потекла рѣка;
Съ невелика зачиналась каменна Москва,
Наѣзжали тутъ князья тѣшиться,
По темнымъ лѣсамъ кабана ловить,
Въ тихихъ заводяхъ лебедей стрѣлять.
Гой, не туча въ синемъ небѣ разстилается:
Злы Татары, валъ за валомъ, по Руси валятъ...
Не видать въ дыму красна солнышка,

[1]) Герберштейнъ пріѣзжалъ въ Москву посломъ отъ германскаго императора въ 1517 г. и написалъ записки о Московскомъ государствѣ.

Стономъ стонъ стоитъ по лицу земли,
Гдѣ не бьютъ людей, гонятъ полоны...
Полоняннички идутъ, другъ друга спрашиваютъ:
„Изъ которой веси ты, какого города?“
„Я изъ Кіева — изъ Чернигова —
Я изъ Суздаля — изъ Владиміра —
Ты прости навѣкъ, милъ родимый градъ!“
Ты ли, Господи, въ конецъ на Русь прогнѣвался!
Ни пощады ей не будетъ, ни спасенія?..
Въ людяхъ рознь идетъ, въ князьяхъ которы,
Гдѣ ни глянь кругомъ — темна ночь лежитъ,
Темна ночь лежитъ, непроглядная...

То не звѣздочка
Засвѣтилася
Въ непроглядной тьмѣ;
То зажглась свѣча
Воску яраго
Въ каменной Москвѣ;
Зажигалъ ее
Тамъ святитель Петръ
Да Московскій князь...
Запримѣтили
Люди русскіе
Съ далека ее;
Ободрилися,
На нее глядятъ...
Богу молятся...
А она горитъ,
Разгорается,
Свѣтитъ всей Руси;
А Московскій князь
Возвышается,
Думу думаетъ
Думу думаетъ;
Дѣло дѣлаетъ,
Не торопится.

Часъ ударилъ жданный, радостный!
Колокольный звонъ по всей Руси,
И молебны по церквамъ поютъ!
И по всей землѣ веселіе!
Словно мутны воды вешнія,
Золота Орда растаяла,
Отъ святой Руси отхлынула.
Пронеслися тучи черныя,
Вышло солнце изъ-за черныхъ тучъ:
Засвѣтился имъ Московскій Кремль,
Золотыя церквей маковки,
А въ палатѣ узорочатой
Всѣхъ свѣтлѣй сидитъ и радостнѣй
На престолѣ самъ Московскій князь,
Самодержецъ всея Русіи,
А не ханскій уже данничекъ:
Его ноженькой растоптана
Басма ханская, тутъ валяется,
И бѣгутъ съ метлою конюхи
Выметать ее на задній дворъ.
Ужъ какъ изъ лѣса, лѣса темнаго
Богатырь выѣзжалъ въ поле чистое,
Въ поле чистое, во великій свѣтъ.
Погулять ему-бъ, да потѣшиться,
Силой-удалью похвалитися...
Да какъ вышелъ онъ во великій свѣтъ,
Увидали его люди Божіи
Ото всей страны, отъ восточныя,
И взмолилися, громко плачутся:
„Одолѣли насъ силы темныя!
Церкви Божіи у насъ всѣ поруганы,
Наши царства всѣ ниспровергнуты,
Царство Сербское и Иверское,
И Болгарское, и великъ-престолъ
Константинова Царя-города!
Ты для всѣхъ теперь для восточныхъ странъ, —
Что звѣзда взошла Вифлеемская,
Во своей святой каменной Москвѣ!
Возлюбилъ тебя и избралъ Господь —
Повязать тебѣ Константиновъ мечъ
И вѣнчаться вѣнцомъ Мономаховымъ,
Сирыхъ быть тебѣ да защитникомъ,
Поплѣненныхъ быть избавителемъ,
Вѣры правыя быть поборникомъ!
О Москвѣ-жъ твоей се пророчество:
„Пали два Рима — третій стоитъ,
А четвертому не быть“.

66. Послѣднее прощаніе.

Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудитъ-поетъ колоколъ.
Для чего созываетъ онъ Новгородъ?
Не мѣняютъ-ли снова посадника?
Не волнуется-ль Чудь непокорная?
Не вломились-ли Шведы иль рыцари?
Иль не время-ли кликнуть охотниковъ
Взять неволей-пль волей съ Югоріи
Серебро и мѣха драгоцѣнные?
Не пришли-ли товары ганзейскіе?
Или снова послы сановитые
Отъ великаго князя Московскаго
За обильною данью пріѣхали?
Нѣтъ! Уныло гудитъ-поетъ колоколъ —
Поетъ тризну свободѣ печальную;
Поетъ пѣсню съ отчизной прощальную.
„Ты прости, родимый Новгородъ!
Не сзывать тебя на вѣче мнѣ,
Не гудѣть ужъ мнѣ попрежнему:
— Кто на Бога? Кто на Новгородъ? —
Вы простите храмы Божіи,
Терема мои дубовые!
Я пою для васъ въ послѣдній разъ,
Издаю для васъ прощальный звонъ.
Налети ты, буря грозная!
Вырви ты языкъ чугунный мой,
Ты разбей края мнѣ мѣдные,
Чтобъ не пѣть въ Москвѣ далекой мнѣ
Про мое ли горе-горькое,
Про мою ли участь слезную,
Чтобъ не тѣшить пѣснью грустною
Мнѣ царя Ивана въ теремѣ.
„Ты прости, мой братъ названный, буйный Волховъ мой, прости!
Безъ меня ты празднуй радость, безъ меня ты и грусти!
Пролетѣло это время... Не вернуть его ужъ намъ,
Какъ и радости и горе мы дѣлили пополамъ,
Какъ не разъ печальный звонъ мой ты волнами заглушалъ,
Какъ не разъ и ты подъ гулъ мой, буйный Волховъ мой, плясалъ!
Помню я, какъ подъ ладьями Ярослава ты шумѣлъ,
Какъ напутную молитву я волнамъ твоимъ гудѣлъ!
Помню я, какъ Боголюбскій побѣжалъ отъ нашихъ стѣнъ,
Какъ гремѣли мы съ тобою: —Смерть вамъ, Суздальцы, иль плѣнъ!—
Помню я: ты на Ижору Александра провожалъ;
Я моимъ хвалебнымъ звономъ побѣдителя встрѣчалъ.
Я гремѣлъ, бывало, звучный — собирались молодцы;
И дрожали за товары иноземные купцы,
Нѣмцы рижскіе блѣдиѣли, и, заслышавши меня,
Погонялъ Литовецъ дикій быстроногаго коня. .

А я городъ, а я вольный звучнымъ голосомъ зову
То на Нѣмцевъ, то на Шведовъ, то на Чудь, то на Литву!
Да прошла пора святая; наступило время бѣдъ!
Еслибъ могъ—я-бъ растопился въ рѣки мѣдныхъ слезъ—да нѣтъ
Я не ты, мой буйный Волховъ, я не плачу — я пою!
Промѣняетъ ли кто слезы и на пѣсню, на мою?..
Слушай! Нынче, старый другъ мой, по тебѣ я поплыву:
Царь Иванъ меня отвозитъ во враждебную Москву.
Собери скорѣй всѣ волны, всѣ валуны, всѣ струи!
Разнеси въ осколки, въ щепки ты московскія ладьи!
А меня на днѣ песчаномъ синихъ водъ твоихъ сокрой,
И звони въ меня почаще серебристою волной:
Можетъ быть, изъ водъ глубокихъ, вдругъ услыша голосъ мой,
И за вольность, и за вѣче встанетъ городъ нашъ родной".
Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ,
На широкой Ярославовой площади,
Заунывно гудитъ-поетъ колоколъ.
Волховъ плещетъ, и бьется, и пѣнится
О ладьи москвитянъ острогрудыя;
А на чистой лазури, въ поднебесьи,
Главы храмовъ святыхъ бѣлокаменныхъ
Золотистыми слезками свѣтятся.

67. Паденіе Новгорода.

Время пролетѣло,
Слава прожита;
Вѣче онѣмѣло,
Сила отнята.
Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ,
Новгородъ великій
Тихо опочилъ.
Слава отшумѣла,
Время протекло;
Площадь опустѣла,
Вѣче отошло.

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вѣче распустили,
Колоколъ снесли...
Порѣшили дѣло, —
Все кругомъ молчитъ.
Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ.
Бѣлой плачетъ кровью
О былыхъ бояхъ
И поетъ съ любовью
О старинныхъ дняхъ...

68. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный (1533—1584 г.).

Великій князь Іоаннъ IV Васильевичъ остался по смерти своего отца, Василія III, трехъ лѣтъ. Это былъ ребенокъ съ необыкновенными способностями и чрезвычайно живой и пылкій. Чтобъ такого ребенка сдѣлать хорошимъ человѣкомъ, заставить его употреблять свои богатыя способности на добро другимъ и самому себѣ, надобно воспитаніе самое хорошее, самое осторожное, надобно удалять отъ него дурные примѣры, сдерживать его порывы и направлять его живость и пылкость на одно хорошее. Къ несчастію, воспитаніе Іоанна IV было самое дурное, клонившееся къ тому,

чтобъ постоянно держать его въ раздраженіи, окружать дурными примѣрами и потакать развлеченіямъ, которыя могли только портить его природу. Скоро по смерти отца Іоаннъ лишился и матери, Елены Васильевны, изъ рода литовскихъ князей Глинскихъ, остался круглымъ сиротою, и правленіе, за его малолѣтствомъ, перешло въ руки бояръ. Бояре начали сейчасъ же ссориться за власть и въ своихъ ссорахъ не только не обращали вниманія на то, какъ воспитывается великій князь, чѣмъ занимается, но и вредили его воспитанію, образованію изъ него хорошаго человѣка; ссорились, дрались въ его глазахъ, при немъ отдѣлывались другъ отъ друга насильственными средствами и такимъ образомъ учили его, какъ отдѣлываться отъ непріятныхъ людей, пріучали къ насиліямъ, къ крови. Людей, къ которымъ сирота привязывался, отгоняли, истребляли, въ борьбѣ съ противниками не останавливались ни передъ чѣмъ, свергли двоихъ митрополитовъ, и одного съ позоромъ.

Видя все это, слыша, какъ цѣлый народъ страдаетъ отъ дурного управленія, Іоаннъ волновался безсильнымъ гнѣвомъ, что̀ портило его душу; онъ затаивалъ въ себѣ вражду и месть, и ждалъ только удобнаго случая, чтобъ освободиться отъ боярской опеки и раздѣлаться съ людьми, которые его оскорбляли, и можно было догадаться, какъ онъ съ ними будетъ раздѣлываться: такъ, какъ они сами его научили. Еще будучи тринадцати лѣтъ только, онъ вдругъ велѣлъ схватить главнаго боярина, князя Андрея Шуйскаго, и убить его. Съ этихъ поръ бояре стали его бояться, никто не смѣлъ ему противорѣчить: но тринадцатилѣтній ребенокъ не могъ управлять государствомъ, не могъ и выбирать людей искусныхъ, а потому старые безпорядки въ правленіи продолжались. Сильнѣе всѣхъ другихъ бояръ стали князья Глинскіе, родные дядья великаго князя по матери; но это были плохіе правители; прислуга ихъ, пользуясь силою господъ, притѣсняла простой народъ, а Глинскіе ея не унимали. 16-ти лѣтъ Іоаннъ короновался и принялъ титулъ Царя, потому что русскіе люди приписывали этому слову „царь“ гораздо больше силы, чѣмъ названію „великій князь“; царь значило то же, что императоръ; царями называли императоровъ греческихъ и римскихъ, хановъ татарскихъ, по прежней памяти ихъ власти надъ Россіею, надъ ея великими князьями. Скоро послѣ коронаціи Іоаннъ женился на Анастасіи Романовнѣ Захарьиной, происходившей изъ старинпаго московскаго боярскаго рода: предки ея были главными совѣтниками великаго князя Василія Дмитріевича. Въ томъ же 1547 году, въ которомъ была

коронація и свадьба молодого царя, весною начались сильные пожары; въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ такой пожаръ, какого никогда не бывало въ Москвѣ: народа сгорѣло 1.700 человѣкъ! Царь съ царицею и боярами уѣхали на Воробьевы горы, гдѣ было село и небольшой дворецъ, а въ народѣ вспыхнулъ мятежъ: недовольные Глинскими стали кричать, что Москву жгутъ эти князья, родная бабка царская, княгиня Анна съ двумя сыновьями. Князь Юрій Васильевичъ Глинскій, услышавши о себѣ такія рѣчи, поспѣшилъ скрыться въ Успенскій соборъ; но бояре, злобясь на Глинскихъ за ихъ силу при царѣ, подожгли чернь: та бросилась въ соборъ, убила Глинскаго, послѣ чего толпы черни явились въ село Воробьево, у царскаго дворца, съ крикомъ, чтобъ государь выдалъ имъ бабку свою и другого ея сына, князя Михаила Глинскаго. Іоаннъ велѣлъ схватить главныхъ крикуновъ и казнить, остальные въ страхѣ разбѣжались.

Молодой царь увидалъ, что дѣла идутъ дурно и пойдутъ еще хуже, если онъ станетъ жить попрежнему; увидалъ, что нельзя ни на кого полагаться, даже на самыхъ близкихъ родственниковъ, и рѣшился самъ заняться государственнымъ управленіемъ. Такъ какъ онъ былъ человѣкъ чрезвычайно живой, то въ немъ произошла быстрая перемѣна: изъ человѣка, думавшаго только какъ бы повеселиться, онъ сталъ набоженъ, серьезенъ, неутомимъ въ занятіяхъ государственными дѣлами. Въ это время онъ приблизилъ къ себѣ двоихъ людей за ихъ честность и добрую, безупречную жизнь: священника Благовѣщенскаго собора Сильвестра и одного изъ придворныхъ, Алексѣя Ѳедоровича Адашева. Прошло года два послѣ пожаровъ, и молодому царю захотѣлось торжественно, предъ цѣлымъ народомъ, предъ цѣлою Россіею объявить, что онъ самъ началъ править государствомъ, и потому не будетъ больше такихъ безпорядковъ и насилій, какіе были прежде, во время боярскаго правленія. Въ 1550 году онъ приказалъ выслать въ Москву изъ городовъ выборныхъ людей, и когда они съѣхались, то въ воскресенье царь вышелъ съ духовенствомъ на Красную площадь, гдѣ на возвышеніи, которое называется лобнымъ мѣстомъ, отслужили молебенъ. Послѣ молебна царь обратился къ митрополиту и началъ громко говорить ему о тѣхъ безпорядкахъ, которые происходили въ его малолѣтство, во время боярскаго управленія, объявилъ, что онъ нисколько не виноватъ въ слезахъ и крови, пролитыхъ въ это время; потомъ, обратясь къ народу, просилъ его забыть все прошлое, обѣщая съ этихъ поръ быть для всѣхъ судьею и защитникомъ. Въ

этотъ же день царь поручилъ Алексѣю Адашеву принимать просьбы отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и стараться, чтобъ судьи выбирались справедливые. Въ томъ же году Іоаннъ велѣлъ составить судный уставъ или судебникъ, потому что судебникъ дѣда его, Іоанна III, уже оказался недостаточнымъ, а въ слѣдующемъ 1551 году Іоаннъ созвалъ соборъ церковный, перечислилъ передъ архіереями безпорядки, замѣченные имъ въ церкви, и просилъ, чтобъ приняты были мѣры противъ нихъ.

Въ 1553 году случилось несчастное происшествіе, которое заставило Іоанна думать, что Сильвестръ и Адашевъ не имѣютъ къ нему и его семейству никакого усердія. Въ этомъ году онъ опасно занемогъ, такъ что не думалъ остаться живъ, написалъ духовную и потребовалъ, чтобъ двоюродный братъ его, князь Владиміръ Андреевичъ и бояре присягнули еще при его жизни сыну его, младенцу. Владиміръ Андреевичъ отказался присягать; онъ поднялъ старину, объявилъ, что дядя имѣетъ больше права на престолъ, чѣмъ племянникъ, и сталъ собирать себѣ партію, а когда другіе вельможи вооружились за это противъ него, то Сильвестръ заступился за него, а отецъ Адашева прямо говорилъ, что онъ со своими друзьями не хочетъ служить Романовымъ, которые, по родству съ царицею, будутъ управлять царствомъ во время малолѣтства царя. Больной Іоаннъ изъ своей спальни слышалъ, какъ въ другой комнатѣ бояре кричали: „Не хотимъ служить младенцу: нами будутъ владѣть Романовы!“ Іоаннъ выздоровѣлъ и, разумѣется, не могъ забыть того, что случилось въ его болѣзнь, хотя еще нѣсколько лѣтъ Сильвестръ и Адашевъ попрежнему были въ силѣ; но вражда между ними и царицею Анастасіею все болѣе и болѣе усиливалась. Кромѣ того Іоаннъ, имѣя большой умъ, широкіе взгляды, не могъ въ иныхъ государственныхъ дѣлахъ соглашаться съ мнѣніями Сильвестра, а тому это не нравилось, и онъ не умѣлъ скрывать своей досады. Дѣло кончилось тѣмъ, что Сильвестръ и Адашевъ должны были удалиться изъ Москвы: Сильвестръ ушелъ въ монастырь, Адашевъ уѣхалъ воеводою въ одинъ изъ завоеванныхъ ливонскихъ городовъ.

Немного спустя послѣ удаленія Сильвестра и Адашева умерла и царица Анастасія. Царь чрезвычайно грустилъ въ своемъ совершенномъ одиночествѣ; около него не было человѣка, который бы далъ ему нравственное утѣшеніе, нравственную поддержку; люди, боявшіеся, чтобъ Сильвестръ и Адашевъ опять не приблизились къ царю, начали толковать, что царица Анастасія погибла

отъ враговъ своихъ. Друзья Сильвестра и Адашева съ своей стороны хлопотали, чтобъ подняться и возвратить вождей своихъ; по имъ это не удалось: нѣкоторые изъ нихъ были казнены, другіе сосланы; Сильвестръ и Адашевъ умерли въ изгнаніи. Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ и любимыхъ царемъ воеводъ былъ князь Андрей Михайловичъ Курбскій, кромѣ заслугъ воинскихъ отличавшійся образованностью, начитанностью, чѣмъ былъ похожъ на царя, который также удивлялъ своею начитанностью въ священномъ писаніи и лѣтописяхъ, удивлялъ искусствомъ въ рѣчи изустной и письменной. Князь Курбскій былъ другомъ Сильвестра и Адашева. Слыша, что его друзья въ бѣдѣ, слыша, что и о немъ самомъ царь въ сердцахъ высказался дурно, какъ о соумышленникѣ враждебныхъ ему людей, Курбскій рѣшился бѣжать изъ Россіи: это было ему сдѣлать легко, потому что онъ начальствовалъ войскомъ въ Ливоніи. Курбскій ушелъ къ польскому королю, Сигизмунду Августу, который принялъ его съ честью, наградилъ землями. Чувствуя, что сдѣлалъ дурно, сталъ измѣнникомъ, Курбскій вздумалъ оправдаться и написалъ Іоанну посланіе, въ которомъ всю вину складывалъ на царя, выставлялъ его гонителемъ лучшихъ людей, которые ему и царству добра хотѣли, вспомнилъ и старину: такъ какъ онъ былъ потомокъ князей Ярославскихъ, то враждебно отозвался о предкахъ Іоанна, князьяхъ московскихъ, особенно о дѣдѣ и отцѣ Іоанна, за то, что они окончили собираніе русской земли, отняли независимость у другихъ князей и сдѣлали ихъ своими подданными. Іоаннъ не утерпѣлъ и отвѣчалъ ему, оправдывая себя и своихъ предковъ.

Отъѣздъ Курбскаго и его письма произвели на царя Іоанна страшное впечатлѣніе: одинъ изъ лучшихъ воеводъ, на котораго онъ такъ полагался, измѣнилъ, ушелъ къ врагу, польскому королю, и мало того, оправдывалъ въ этомъ себя и другихъ, кто бы захотѣлъ сдѣлать то же самое; но хуже всего было то, что Курбскій до сихъ поръ былъ знаменитъ своими заслугами, умомъ, добрыми качествами. Іоаннъ, вслѣдствіе своего воспитанія, былъ подозрителенъ и раздражителенъ, а теперь вслѣдствіе ухода Курбскаго эта подозрительность и раздражительность достигли высшей степени. Кому послѣ того вѣрить, на кого положиться? Отъ душевнаго волненія Іоаннъ такъ перемѣнился въ лицѣ, что его узнать нельзя было. Онъ не считалъ себя болѣе безопаснымъ въ Москвѣ, уѣхалъ изъ Москвы въ Александровскую слободу (теперь городъ Александровъ во Владимірской губерніи), удалился отъ боляръ,

устроилъ опричнину, т.-е. новый особый дворъ изъ людей, которыхъ считалъ себѣ вполнѣ преданными, на содержаніе которыхъ опредѣлены были особые города и области; но Іоаннъ думалъ, что и опричнина его не спасетъ, что враги выгонятъ его и дѣтей его изъ Россіи, и онъ искалъ, гдѣ бы пріютиться тогда въ чужихъ земляхъ. Думая, что повсюду окруженъ враждебными людьми, онъ считалъ себя въ правѣ вести съ ними жестокую войну, истреблять ихъ, и когда онъ получалъ извѣстія о злыхъ умыслахъ, то пощады не было никому, громилъ цѣлые города и области: такъ разгромленъ былъ Новгородъ Великій, когда царь получилъ вѣсть, что Новгородцы хотятъ передаться польскому королю.

Митрополитомъ въ это время былъ Филиппъ, вызванный царемъ изъ Соловецкаго монастыря, гдѣ онъ былъ игуменомъ и прославился святостью жизни. Въ случаѣ опалы (гнѣва царскаго) на кого-нибудь, митрополиты обыкновенно ходатайствовали за опальнаго (провинившагося), что̀ называлось тогда печаловаться, просили государя простить провинившагося, брали его на свои поруки. Видя ожесточеніе царя, казни, наглость опричниковъ, митрополитъ Филиппъ сталъ печаловаться, увѣщевать Іоанна, чтобъ перемѣнилъ поведеніе и унялъ опричниковъ. Упреки святого мужа наводили раздумье на царя; но это раздумье было страшно для опричниковъ и они постарались оклеветать Филиппа, внушить Іоанну, что онъ вмѣшивается не въ свои дѣла, вступается за измѣнниковъ и потому не хочетъ добра царю. Филиппъ былъ лишенъ митрополіи и сосланъ въ заточеніе въ тверской Отрочь монастырь, гдѣ впослѣдствіи главный изъ опричниковъ, Малюта Скуратовъ, задушилъ его. Съ теченіемъ времени казни пріутихли, опричнина была уничтожена; но царь уже не могъ вылѣчиться отъ страшныхъ припадковъ гнѣва, въ которыхъ не щадилъ никого: въ одномъ изъ этихъ припадковъ онъ такъ сильно ударилъ старшаго сына своего Іоанна, что тотъ умеръ. Семейная жизнь царя, по кончинѣ царицы Анастасіи, была очень печальна и не могла нисколько его успокоить. Онъ женился въ другой и третій разъ: царицы скоро умирали, и все шли толки, что злые люди ихъ изводили; Іоаннъ выпросилъ у архіереевъ позволеніе жениться въ четвертый разъ, а потомъ уже женился и въ пятый, и въ шестой, и въ седьмой. Въ началѣ 1584 г. онъ умеръ на 54 году жизни, оставивъ своимъ преемникамъ титулъ царя казанскаго, астраханскаго и сибирскаго, оставивъ по себѣ и печальное прозваніе Грознаго.

Для характеристики отношеній народа къ этому дѣйствительно Грозному Царю приводимъ слѣдующую народную историческую пѣсню.

На святой Руси—въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ—въ золотомъ Кремлѣ,
У Ивана было—у Великаго,
У собора—у Успенскаго,
У Михаила—у Архангела,—
Ударяли въ царь-колоколъ.
Во соборѣ-то во Архангельскомъ
Стоитъ новъ-кипарисный гробъ,
Во гробу-то лежитъ Православный Царь,
Православный Царь—Иванъ Грозный Васильевичъ,
Въ головахъ его стоитъ святъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
На ногахъ его лежитъ грозенъ вострый мечъ,
Животворящему кресту всякой молится,
Золотому вѣнцу всякій кланяется,
А на грозенъ мечъ взглянетъ—всякъ ужаснется,
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ архіереи со игумнами.
Они служатъ, читаютъ, память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ память вѣчную Царю православному,
Царю Грозному Ивану Васильевичу.

69. Василій Шибановъ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный.
Дороденъ былъ князь, конь измученный палъ—
Какъ быть среди ночи туманной?
Но рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Своего отдаетъ воеводѣ коня:
„Скачи, князь, до вражьяго стану,
Авось я пѣшой не отстану!“
И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ изумленьи литовцы кругомъ,
Безъ шапокъ толпятся у входа,
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
Не даромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
„Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!“
Но князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы;
„Что долго въ себѣ я таю и ношу—
Все то я пространно къ царю напишу,
Скажу напрямикъ, безъ изгиба
За всѣ его ласки спасибо!“

И пишетъ боярин всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышетъ;
Прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ,
И злыми словами язвитъ онъ царя,
И вотъ ужъ когда занялася заря,
Поспѣло, ему на отраду,
Посланіе, полное яду.
Но кто-жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова,
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно сомнѣнья на князя нашли...
Вдругъ входитъ Шибановъ, въ поту и въ пыли:
„Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!“
И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи;
„Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
А вотъ и рубли въ награжденье!“
— Шибановъ въ отвѣтъ господину: „Добро!
Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
А я передамъ и за муки
Письмо твое въ царскія руки!“

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой,
Царь, въ смирной одеждѣ, трезвонитъ:
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть навѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ московскій народъ
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.
Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опрични кромѣшная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ—
Отверженный Богомъ Басмановъ.
Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье—
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.
И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
„Отъ Курбскаго, князя Андрея!“
И очи царя загорѣлися вдругъ:
„Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ

Посланье отъ слова до слова!—
— Подай сюда грамату, дерзкій гонецъ!“
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль—и внимаетъ:
„Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ!
Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
Отвѣтствуй, не ими-ль, средь тяжкой войны,
Безъ счета твердыни враговъ сражены?
Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?
Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
Въ небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Пріидетъ возмездія часъ,
Писаніемъ намъ предреченный,
И азъ, иже кровь, въ непрестанныхъ бояхъ,
За тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
Съ тобой предъ Судьею предстану!“—
— Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.
Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали,
И всѣ, въ ожиданьи, молчали.
И молвилъ такъ царь: „Да, бояринъ твой правъ,
И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной!
Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
Я песъ, недостойный и смрадный!
Гонецъ—ты не рабъ, но товарищъ и другъ,
И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!“
Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
Другъ къ другу приходятъ на смѣну.
„Товарищей Курбскаго ты уличи,
Открой ихъ собачью измѣну!“
И царь вопрошаетъ:—„Ну, что же гонецъ?
Назвалъ ли онъ вора друзей наконецъ?“
— „Царь, слово его все едино:
Онъ славитъ свого господина!“
День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрыпятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять началася работа.
„Ну, что же? Назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?“
— „Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ—

Но слово его все едино:
Онъ славитъ свого господина!“
„О, князь, ты, который предать меня могъ
За сладостный мигъ укоризны,
О, князь, я молю, да проститъ тебѣ Богъ
Измѣну твою предъ отчизной!
Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,
Но въ сердцѣ любовь и прощенье—
Помилуй мои прегрѣшенья!
Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Прости моего господина!
Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ—
Но слово мое все едино:
За грознаго, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь—
И твердо жду смерти желанной!“
Такъ умеръ Шибановъ стремянный.

70. Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозный царь [1]),
Что Грозный царь, Иванъ сударь Васильевичъ.
Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ и подъ Астрахань:
Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя и съ царицею;
Выводилъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Нова-города.
И тутъ ли царь похваляться сталъ,
Что вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Нова-города:
„Ахъ, какъ бы вывесть измѣну изъ каменной Москвы!“
Что взговоритъ Малюта злодѣй Скурлатовичъ:
„Ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
„Не вывесть тебѣ измѣнушки до вѣку:
„Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
„Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
„Цвѣтное платье носитъ съ одного плеча!“
И тутъ царь догадается,
На царевича злобно осержается.
Что возговоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Ахъ вы гой еси, князья и бояра!
„Вы берите царевича подъ бѣлы руки,
„Поведите во палату особую,
„Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
„Надѣвайте на него платье черное,

[1]) Народъ придаетъ такое значеніе царствованію Іоанна Грознаго, что считаетъ основаніе Москвы случившимся въ его правленіе.

„Поведите его на болото жидкое,
„На тое ли лужу поганую,
„Вы предайте его скорой смерти“.
Всѣ бояре испугалися,
Изъ палаты вонъ разбѣжалися,
Большой за меньшого хоронятся;
Одинъ остался Малюта злодѣй:
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки,
Повелъ въ палату особливую,
Снималъ съ него платье цвѣтное,
Надѣвалъ на него платье черное,
Повелъ на болото на жидкое,
Что на ту ли лужу поганую.
Провѣдалъ слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакалъ къ Никитѣ Романычу,
Какъ кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
„Гой еси, батюшка, Никита Романовичъ!
„Ты пьешь и ѣшь — прохлаждаешься,
„Надъ собой кручинушки не вѣдаешь:
„Упадаетъ звѣзда поднебесная,
„Угасаетъ свѣча воску яраго, —
„Не становится у насъ млада царевича!“
Никита Романовичъ испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачетъ на болото жидкое,
Что на ту ли лужу поганую;
Ударилъ онъ Малюту по щекѣ:
— Ты Малюта, Малюта Скурлатовичъ!
— Не за свой ты кусъ примаешься!
— Ты этимъ кусомъ подавишься!
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки
И повелъ его, куда надобно.
Что возговоритъ Грозный царь:
„Ахъ вы гой еси, князья мои и бояре!
„Надѣвайте на себя платье черное,
„Собирайтеся ко заутренней
„Слушать по царевичѣ панихиду:
„Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю“.
Всѣ бояре испугалися,
Надѣвали они платье черное,
Собрались ко заутренней
Слушать по царевичѣ панихиду.
Пріѣхалъ Никита Романовичъ,
Нарядился въ платье цвѣтное,
Привелъ съ собой млада царевича
И поставилъ за дверьми сѣверны.
Что возговоритъ Грозный царь:
„Ахъ ты гой еси, Никита Романовичъ!
„Что въ глаза ли ты мнѣ насмѣхаешься?
„Какъ упала звѣзда поднебесная,
„Что угасла свѣча воску яраго:

„Не стало у меня млада царевича!“
Что возговоритъ Никита Романовичъ:
— Ахъ ты гой еси, надежда, православный царь!
— Мы не станемъ пѣть по царевичѣ панихиду,
— А станемъ пѣть молебенъ заздравный мы!
Онъ бралъ царевича за бѣлу руку,
Выводилъ изъ-за сѣверныхъ дверей.
Что возговоритъ Грозный царь:
„Ай же ты, Никита Романовичъ!
„Города-ль возьмешь съ пригородками,
„Аль безъ счету возьмешь золотой казны?“
Испроговоритъ Никита Романовичъ:
— Не надо мнѣ-ка ни городовъ съ пригородками
— И не надо мнѣ-ка золотой казны,
— Напиши ты тое слово: кто въ Микитину [1]) отчину ушелъ,
— Того и Богъ унесъ!

71. Печальникъ Русской земли.

Смеркалось. Въ своей незатѣйливой кельѣ,
Подъ сѣнью развѣсистыхъ липъ,
Сидѣлъ у окна, во дворѣ монастырскомъ,
Опальный святитель Филиппъ.
Высокій, сѣдой, величаво-спокойный,
Великій въ смиреньи своемъ;
Хотя и въ одеждѣ простого монаха —
Всѣ чтили святителя въ немъ.
Филиппъ вспоминалъ то минувшее время,
Когда въ Соловецкой обители былъ
Игуменомъ онъ и Господнее стадо,
Какъ пастырь духовный, хранилъ...
На сѣверѣ дальнемъ, средь Бѣлаго моря,
Въ пустынной, холодной странѣ,
Въ снѣгахъ и во льду, гдѣ въ былыя годины
Лишь скалы торчали однѣ,
Создали обитель отшельники міра, —
Далъ добрую почву ихъ трудъ,
И сталъ монастырь родникомъ православья,
И нынѣ въ немъ память ихъ чтутъ.
И долго Филиппъ той обителью правилъ,
И святостью жизни своей
Давалъ онъ, достойный служителя Бога,
Примѣръ подражанія ей.
Народъ богомольный, подвижники вѣры,
Туда свое горе несли,
Стекались въ обитель на островъ пустынный
Со всей православной земли.

---

[1]) Народъ очень любилъ родъ Романовыхъ, особенно Никиту Романовича, брата царицы Анастасіи, добраго и ласковаго.

Печальныя вѣсти они приносили:
Въ Москвѣ, воспріявъ царскій санъ,
Что годъ, то свирѣпѣе все становился
Владыка Руси Іоаннъ.
Опричнину страшную вдругъ учредилъ онъ
И, гнѣвомъ безмѣрнымъ объятъ,
Казнилъ онъ безъ счета бояръ сановитыхъ
И даже ихъ малыхъ ребятъ...
Въ крови захлебнувшись, что день, то ужаснѣй
Онъ пытки придумывалъ имъ,
И только старался, чтобъ медленнѣй въ мукахъ
Они умирали предъ нимъ.
Святитель скорбѣлъ глубоко, неустанно.
Онъ Господа слезно молилъ,
Чтобъ внялъ Онъ мольбамъ неповинныхъ страдальцевъ
И сердце царя укротилъ.
И вспомнилъ Филиппъ, какъ однажды въ обитель
Монахи гонца привезли,
Съ письмомъ отъ Ивана, за царской печатью: —
Владыкой церковнымъ Москвы
Его величалъ государь, извѣщая,
Что онъ возведенъ въ этотъ санъ
И избранъ духовнымъ главой православныхъ
Всей царской земли христіанъ.
Въ Москвѣ поселившись, владыка не думалъ
О томъ, чтобъ въ довольствѣ пожить,
Не могъ онъ отречься отъ лучшаго права —
Защитою слабымъ служить,
И долгомъ священнымъ считалъ предъ Иваномъ
Просить за опальныхъ людей,
За всѣхъ, кто былъ жертвою царскаго гнѣва,
Но не былъ ни воръ, ни злодѣй.
Иванъ не любилъ, чтобъ подвластные люди
Давали совѣты ему;
Съ тѣхъ поръ, какъ избавился онъ отъ Сильвестра,
Онъ воли не далъ никому.
— „Молчи—говорилъ онъ—молчи, не вступайся
Въ мою государскую власть;
Они заслужили коварной измѣной
И худшую даже напасть!“
Но, видя въ дѣяньяхъ Ивана не кару,
А дикаго звѣрства печать,
Какъ пастырь Господняго стада, святитель
Считалъ преступленьемъ молчать.
Не разъ грозный царь угрожалъ даже гнѣвомъ
Владыкѣ, но твердъ, какъ скала,
Филиппъ не страшился угрозы—и воля
Его непреклонна была.
И смѣло, и грозно корилъ онъ Ивана,
Твердилъ ему правду въ глаза,
И рѣчи владыки подъ сводами храма
Звучали, какъ Божья гроза.

Невольно внималъ имъ Иванъ—и въ раздумьи
Изъ храма къ себѣ приходилъ,
И даже случалось, что цѣлыми днями
Смиренъ и кротокъ онъ былъ.
Такое вліянье пришлось не по нраву
Опричникамъ злымъ: вѣдь для нихъ
Насталъ бы конецъ всѣмъ кровавымъ забавамъ,
Когда бы Иванъ пріутихъ.
Устроили живо, доносчиковъ много
Явилось; къ тому же Иванъ
И самъ тяготился рѣчами Филиппа,
Хотя уважалъ его санъ.
Собралися судьи, служители Бога,
Но страхъ оковалъ имъ уста:
Должно быть, они, преклоняясь предъ властью,
Забыли завѣты Христа.
И волѣ царя раболѣпно послушный,
Презрѣнья достойный, соборъ
Изрекъ своему властелину—Филиппу
Угодный царю приговоръ.
Во время обѣдни во храмѣ Успенья,
Опричники съ шумомъ вошли;
Съ словами глумленья и съ смѣхомъ злорадным
Къ Филиппу они подошли.
Сорвали съ него облаченье, съ безчестьемъ
По цѣлой Москвѣ провезли,
И въ Отрочь-обитель въ опальную ссылку
На дровняхъ его отвезли.
Филиппъ не ропталъ; со смиреньемъ монаха,
Какъ волю Господню, пріялъ
Онъ гнѣвъ и опалу царя; не мѣняясь,
Онъ святостью жизни сіялъ
И ту же молитву твердилъ неустанно:
О, Боже, стенаньямъ внемли, —
И сердце царево, кишащее злобой,
Смягчи Ты для блага земли...
Стемнѣло—и ночь опустилась на землю,
Клонить сталъ святителя сонъ,
И всталъ на молитву, желая исполнить
Келейное правило онъ.
Вдругъ слышитъ—стучатъ... отворились ворота,
И кто-то проѣхалъ чрезъ мостъ,
Должно быть, не путникъ то былъ запоздалый,
А знатный, негаданный гость.
Обитель въ тревогѣ, сбѣгались монахи,
Поспѣшно игуменъ пришелъ,
И кто-то, въ доспѣхѣ, бряцая оружьемъ,
Съ коня боевого сошелъ.
Идутъ... Отворилась дверь кельи Филиппа,
Вошелъ, не крестяся, какъ воръ,
Невѣдомый ратникъ и, тьмою объятый,
Вперилъ онъ въ святителя взоръ.

— „Здорово, старикъ!“ Этотъ голосъ ужасный
Давно былъ Филиппу знакомъ,
Злодѣя Малюту Скуратова тотчасъ
Призналъ онъ въ томъ гостѣ ночномъ.
— „Зачѣмъ ты пріѣхалъ?“ — „Узнать, какъ содержатъ
Тебя въ заточеньи, монахъ;
Тебѣ, какъ я вижу, живется недурно
Въ тверскихъ монастырскихъ стѣнахъ.
Балуютъ изрядно! а впрочемъ позволятъ
И лучше понѣжить тебя,
Когда ты исполнишь царево желанье,
Которымъ почтилъ онъ тебя“.
— „Какое желанье?“ — „Ты знаешь, что нынѣ
Великій и грозный нашъ царь
Задумалъ смирить новгородцевъ мятежныхъ,
Какъ дѣдъ его дѣлывалъ встарь.
Онъ здѣсь недалеко и, вспомнивъ былое,
Желая тебя отличить,
Послалъ онъ меня, чтобы благословенье
На путь отъ тебя получить“.
— „Должно быть, въ забитой Москвѣ не нашелся
Никто, чтобъ царя остеречь;
Но здѣсь отъ меня, отъ простого монаха,
Иную услышитъ онъ рѣчь.
Лишь добрыхъ на доброе благословляю
Я именемъ Бога, а тѣхъ,
Кто въ гнѣвѣ безумномъ грядетъ на убійство,
Кто въ казняхъ лишь ищетъ утѣхъ,
Господь не велитъ осѣнять благодатью —
Она не для лютыхъ звѣрей“...
— „То воля царя!“ — „Но есть воля Господня,
Та выше желаній царей“...
— „Филиппъ, не упрямься! Исполни, не медля,
Державную волю, не то,
Ты знаешь—противиться волѣ царевой
У насъ не дерзаетъ никто!“
— „Повѣдай царю, что когда онъ оставитъ
Пути, по которымъ идетъ,
Когда, со слезами, въ святомъ покаяньи,
Душевный онъ миръ обрѣтетъ,
Тогда пусть пришлетъ... не тебя, иль въ обитель
Смиренно пожалуетъ самъ,
И именемъ Бога благословенье
Охотно ему преподамъ“.
— „А нынѣ... не дашь?“ — „Не имѣю я власти...
Не дамъ“. — „Не упрямься, старикъ!
Ты знаешь, какъ царь расправляться ужасно
Съ рабомъ непослушнымъ привыкъ“.
— „Малюта, я знаю, чего тебѣ нужно,
Исполни желанье свое;
Не медли напрасно“. — „Такъ это ужъ будетъ
Послѣднее слово твое?“

— „Послѣднее? нѣтъ! Но послѣднее нынѣ
Къ тебѣ обратится оно;
Его ты достоинъ за всю твою жизнь,
Его заслужилъ ты давно.
Будь проклятъ, Малюта! Я именемъ Бога
И властью апостольской днесь
Тебя проклинаю за всѣ твои звѣрства,
Въ которыхъ ты вылился весь.
Будь проклятъ за то, что въ угоду корысти,
Ты царскимъ наушникомъ сталъ;
За всѣхъ, у кого въ небываломъ признанье
Ты пыткой ужасной досталъ!
Будь проклятъ за самое страшное дѣло:
Что, тѣша себя самого,
Ты въ сердцѣ Ивана огнемъ разжигаешь
Ужасныя страсти его!
Вся кровь неповинныхъ, всѣ муки страдальцевъ,
Всѣ казни падутъ на тебя,
И будешь ты мучиться адскою мукой,
На вѣкъ свою душу сгубя!
Анаѳемѣ вѣчной тебя предаю я!
Да будетъ твой вѣчный удѣлъ“...
Какъ взвизгнетъ Малюта, какъ ястребъ на жертву,
Онъ яростно вдругъ налетѣлъ,
За горло схватилъ неповиннаго старца,
Съ проклятьемъ его повалилъ
И, стиснувъ привычными къ дѣлу руками,
Святителя вмигъ задушилъ...

72. Кулачный бой.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается.
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми;
Какъ красавица, глядя въ зеркальце,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.

Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
„Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!“
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
Подперши въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали —
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ да другъ друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
„Присмирѣли, небойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку“.
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны,
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могучія плечи распрямливаетъ,
Да кудрявую бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
„А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься,
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться?“
Отвѣчалъ Степанъ Парамоновичъ:
„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одному изъ насъ будутъ панихиду пѣть

И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить,
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“
И, услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается:
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ впервой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди,—
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ.
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь:
Какъ роса, изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
„Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до послѣднева!“
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалого купца
И привесть его предъ лицо свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
„Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти:
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?“
„Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,

Не оставь молодую вдову
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью".
„Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству Русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью"...
Какъ на площади народъ собирается;
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую...
По высокому мѣсту лобному,
Въ рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ, навостреныимъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалого бойца дожидается:
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Съ родными братьями прощается:
„Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцѣлуемтесь да обниемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!"
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною,
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,

Пройдетъ молодецъ — пріосанится,
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гусляры — споютъ пѣсенку.

73. Покореніе Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.).

Золотая Орда, по смерти Ахмата, распалась на нѣсколько царствъ: Казанское, Астраханское, Крымское, Ногайскія Орды и царство Сибирское. Всѣ эти орды главное промышляли грабежомъ. Особенно насъ безпокоили Крымъ и Казань. Ханъ Крымскій получалъ подарки отъ Московскаго и отъ Литовскаго государства, чтобъ только не приходилъ съ ордой своей грабить, и жечь, и уводить плѣнниковъ. Да и съ подарками на него нечего было надѣяться; дары онъ отъ насъ бралъ, а самъ безпрестанно нападалъ на русскія земли, даже нѣсколько разъ жегъ Москву. Много страдала Москва отъ крымскаго хана, но все-таки отъ него отдѣляла насъ степь, и Московскіе государи устроили по всему рубежу крѣпости, заставы и разъѣзды, и содержали тамъ войско. А прямо пойти и истребить его было тогда еще нельзя: и походъ степью труденъ, пока до Перекопа доберешься, да и самъ Крымскій ханъ былъ подручникъ Турецкому султану, и султанъ за него бы вступился. Казань же была къ намъ ближе и была еще опаснѣе. Грабители казанскіе господствовали на Волгѣ, разбойничали даже подъ Костромой, разбивали обозы и караваны нашихъ купцовъ, портили всю нашу торговлю съ Азіей, — не говоря уже о томъ, что въ Казани, какъ и въ Крыму, сотни тысячъ русскихъ невольниковъ томились въ рабствѣ. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный рѣшился прежде всего покончить съ Казанью. Два похода были неудачны. Въ 1552 году рѣшили въ 3-й разъ идти подъ Казань лѣтомъ. Собрано было 150.000 войска. Царь выступилъ самъ изъ Коломны 3 іюля. Войска шли тремя путями. Волгой сплавляли запасы, пушки, порохъ, всякіе снаряды и тяжести. Часть войска пошла на Владиміръ, а другая черезъ Рязань къ Сурѣ. Походъ былъ веселый. Пищи было обиліе. Въ чистыхъ поляхъ лоси словно сами выходятъ стадами на убой. Гуси и бѣлые лебеди стаями плаваютъ въ тихихъ заводяхъ; рѣки кишатъ рыбою. Шли словно не въ походъ, а на охоту, и на привалахъ и ночлегахъ жарили добычу какъ для пира. Жители Русскіе, Мордва, Мещера, Черемиса подвозили хлѣба и съ любопытствомъ разглядывали войска, бояръ, юнаго царя. Казанцы тоже готовились припять гостей и писали государю. „Ждемъ васъ на пиръ: не въ первый разъ бѣжать вамъ со сра-

момъ отъ нашего юрта". 30.000 заперлись въ своемъ крѣпкомъ городѣ съ высокими каменными мечетями, башнями и съ толстыми дубовыми и земляными стѣнами; остальное же войско и всю свою конницу поставили за лѣсомъ, подъ начальствомъ своего хитраго князя Епанчи, и условились съ нимъ, что какъ скоро они выставятъ на башнѣ знамя и станутъ махать имъ, то это значитъ, что Русскіе идутъ на приступъ—и чтобъ Епанча ударилъ на нихъ съ тыла. Распорядясь такъ, они смѣло поджидали нашихъ—и вотъ, 23-го августа увидѣли, при восходѣ солнца, что русскіе полки, съ музыкой и распущенными знаменами, между которыми выше и шире всѣхъ развивалась царская хоругвь съ изображеніемъ Іисуса Христа, подходятъ къ городу и растягиваются, чтобы обложить его съ разныхъ сторонъ.

Какъ только увидали себя лицомъ къ лицу обѣ силы,—и русская, и татарская,—въ тотъ же день перевѣдались между собою въ кровавой схваткѣ, и съ перваго раза поняли, что дѣло пойдетъ на упоръ съ обѣихъ сторонъ. Царь съ воеводами и со своимъ розмысломъ, то-есть нѣмцемъ-инженеромъ, умѣвшимъ вести подкопы въ землѣ, чтобы порохомъ взрывать башни и стѣны,—всѣ первые два дня не сходилъ съ коня, высматривая мѣста, гдѣ ставить пушки, откуда приступать къ городу и куда вести подкопы. На четвертый день, 27 августа, наши открыли огонь изъ 150 пушекъ. Казанцы отвѣчали тѣмъ же, и начался почти непрерывный, остервенѣлый бой. Больше всѣхъ донималъ нашихъ хитрый князь Епанча. Наши осаждали Казань, а онъ словно насъ держалъ въ осадѣ. Наши не пускали въ Казань хлѣба, а онъ отбивалъ хлѣбъ, который везли къ намъ, и являлся всегда тамъ, гдѣ его меньше всего ожидали. Чтобъ его истребить, пришлось отрядить противъ него половину войска. Царь думалъ сначала, что жаждой принудитъ Казанцевъ сдаться, потому что Казань стоитъ на горѣ—и отъ воды не близко; онъ и перерѣзалъ всѣ ихъ пути къ Казанкѣ и къ рѣкѣ Булаку, но видитъ, что они все держатся. Узнали, что у нихъ около городской стѣны, въ одномъ мѣстѣ есть родникъ, куда они ходятъ подземнымъ путемъ и берутъ воду. Царь приказалъ подъ этотъ ходъ подвести подкопъ. Десять дней рылись въ землѣ, и вдругъ рабочіе услыхали надъ собой голосъ и шаги. Накатили въ этомъ мѣстѣ одиннадцать бочекъ пороху и зажгли фитиль: послѣдовалъ взрывъ—и часть стѣны и тайникъ полетѣли на воздухъ. Но Казанцы не унывали духомъ, принялись въ самомъ городѣ рыть колодезь и дорылись таки до воды; вода оказалась

мутная и вонючая, но они пили ее черезъ силу, пухли и болѣли, но не сдавались. Русскіе били въ стѣны изъ пушекъ, и таранами кидали огромные камни, выстроили великіе туры или подвижныя башни, придвинули ихъ къ стѣнамъ и съ нихъ стрѣляли въ городъ на улицы изъ пищалей и луковъ. Но ничто не помогало. Чуть не каждый день высыпали Казанцы густыми толпами то изъ тѣхъ, то изъ этихъ воротъ, и завязывалась жестокая сѣча, такъ что войско наше поутомилось таки довольно. Къ тому же пошли дожди: всѣ мѣста, гдѣ оно стояло, обратились въ болота, и одинъ разъ налетѣла такая буря, что много судовъ нашихъ потопила на Волгѣ, сорвала палатки воиновъ и даже царскій шатеръ. Стали говорить, что это неспроста, что это дѣйствіе нечистой силы, что у Казанцевъ есть кудесники: что при восходѣ солнца разные старики и бабы выходятъ на стѣны, кривляются и вопятъ страшнымъ голосомъ, и одеждами своими машутъ на русскій лагерь, этимъ накликаютъ вѣтеръ и облака и изъ нихъ дождь льется рѣкою... Царь повелѣлъ послать на перекладныхъ въ Москву привезти крестъ съ частицами отъ древа креста Господня и съ нимъ вокругъ всего нашего лагеря совершить крестный ходъ съ иконами и окропить св. водою.

Наступили красные дни. Войско ободрилось. Время между тѣмъ уже подходило къ октябрю. Дѣло замѣшкалось оттого, что все ждали, когда будутъ готовы подкопы. Наконецъ къ 1-му числу октября розмыслъ (инженеръ государевъ) объявилъ, что готовы два подкопа подъ главныя башни казанскія. Царь тотчасъ объявилъ по войску, чтобы всѣ исповѣдались и причастились, ибо приближается день, въ онь же пити всѣмъ общую чашу; приказалъ, чтобы въ ночь на 2-е число все было готово, и какъ черезъ два часа по восходѣ солнца взорвутъ подкопы, то чтобы со всѣхъ сторонъ кидались на приступъ. Самъ царь въ эту ночь въ своей походной церкви велѣлъ служить раньше заутреню. Вдругъ главный воевода, князь Михайло Ивановичъ Воротынскій, присылаетъ ему сказать, что 45 бочекъ пороху ужъ въ подкопѣ, что Казанцы свѣдали о нашемъ дѣлѣ, и что нельзя терять ни минуты. Царь велѣлъ выстроиться полкамъ какъ можно тише, а самъ остался дослушать заутреню. Діаконъ читалъ Евангеліе и едва произнесъ: „да будетъ едино стадо и единъ пастырь“ — вдругъ грянулъ громъ; земля потряслась. Царь бросился къ выходу изъ шатра и видитъ: заря сіяетъ на небѣ, небо чисто и ясно, полки русскіе, словно притаясь, стоятъ передъ стѣнами казанскими и въ тишинѣ дожи-

даются знака, — а надъ Казанью стоитъ темный высокій столбъ дыму, вверху освѣщаемый розовыми лучами восходящаго солнца, и глыбы земли, обломки башенъ и стѣнъ, люди, бревна, поднятые силою взрыва, падаютъ изъ этого дымнаго столба, съ страшной высоты, на городъ... Служба прервалась-было, но царь велѣлъ доканчивать и вернулся на свое мѣсто. Діаконъ сталъ читать на ектеніи молитву о царѣ — и какъ только произнесъ: „и покорите подъ нозѣ его всякаго врага и супостата“,—раздался новый ударъ, взорвало другой подкопъ, еще грознѣе перваго. Вслѣдъ затѣмъ раздался крикъ всего русскаго войска: „съ нами Богъ!“ Царь вышелъ еще изъ шатра и видѣлъ, какъ полки кинулись къ проломамъ—къ стѣнамъ; они ставятъ лѣстницы, а на стѣнахъ вдругъ высыпали головы татарскія, и видно было, что тамъ все задвигалось; наши лѣзутъ на стѣны, а Татары льютъ на нихъ изъ тагановъ горящую смолу и скатываютъ бревна; въ проломахъ, на грудахъ земли и камней, въ страшной давкѣ—и конные и пѣшіе уже втискиваются въ городъ... Царь вернулся опять въ церковь, жарко молилъ о побѣдѣ. Прибѣжалъ къ нему посланецъ отъ князя Воротынскаго со словами: „Государь, пора тебѣ ѣхать, полки ждутъ тебя“; царь отвѣчалъ: „Какъ отслушаемъ всю службу, то и совершенную милость отъ Христа получимъ“. Воротынскій прислалъ вторично. Служба кончилась. Царь причастился св. Тайнъ, надѣлъ доспѣхи, сѣлъ на коня и поскакалъ со своимъ полкомъ: русскія знамена уже развѣвались на стѣнахъ Казани. Свирѣпый бой шелъ въ самомъ городѣ. Толпы Татаръ, тѣснимыхъ уже изнутри города, по трупамъ взлѣзли въ одномъ мѣстѣ на стѣну, замахали и завопили Русскимъ: „Погодите стрѣлять! Пока стояло наше царство и городъ нашъ, мы бились за него и за царя нашего. Теперь выдаемъ вамъ царя своего жива и здрава; ведите его къ вашему царю, а мы выйдемъ въ широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу“. И выдали своего царя, и вдругъ стали прыгать со стѣнъ, хотѣли пробиться къ лѣсу, и всѣ пали, но много положивъ и нашихъ.

Царь въѣхалъ въ городъ по кровавой улицѣ, съ которой для того поприбрали трупы, и тутъ въ городѣ его поразило неожиданное зрѣлище: его встрѣтила толпа Русскихъ, только-что освобожденныхъ плѣнниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые многіе годы томились въ неволѣ казанской. На другой день городъ былъ очищенъ отъ труповъ; царь, духовенство, войско торжественно вступили въ Казань, духовенство впереди шло съ церковными хоругвями и крестами; обошли стѣны, кропили святою водой и, выбравъ мѣсто для по-

стройки соборнаго храма, водрузили на немъ крестъ. Храмъ порѣшено строить во имя Благовѣщенія: „да послужитъ сіе первое наше завоеваніе благою вѣстью послѣдующихъ“... Воротясь же въ Москву, государь, въ память взятія Казани, построилъ въ Москвѣ Покровскій соборъ, что̀ нынче называется Василіемъ Блаженнымъ: на этомъ мѣстѣ прежде было кладбище, на которомъ похороненъ былъ и этотъ блаженный. Такъ совершилось покореніе Русскими одного изъ царствъ Магомета... Но не однимъ оружіемъ побѣдила Россія Казанцевъ и въ теченіе времени сдѣлала изъ нихъ себѣ дружественный, мирный и трудолюбивый народъ. Водрузивъ въ Казани знамя Христово и учредивъ тамъ новую, Казанскую епархію, и отправляя управлять ею св. Гурія, царь предписалъ ему поступать съ мусульманами кротко и не принуждать ихъ силою къ принятію христіанской вѣры. Этотъ наказъ былъ выполненъ св. Гуріемъ и его преемниками какъ нельзя лучше: очень скоро нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ обратились въ христіанство. Царь Казанскій потомъ съ семействомъ своимъ просплъ креститься въ Москвѣ, присягнулъ Россіи и получилъ отъ государя помѣстья.

Послѣ паденія Казанскаго царства не могло долго держаться и Астраханское. Царь спустилъ по Волгѣ двухъ воеводъ съ войскомъ и они безъ большихъ хлопотъ заняли Астрахань. Вся Волга была уже въ нашихъ рукахъ, и въ Москву явились посланники отъ Персидскаго шаха, отъ Бухарскаго и Хивинскаго хановъ и другихъ закаспійскихъ народовъ, чтобъ уговориться на счетъ торговли съ Москвой. Доставивъ теперь торговымъ людямъ прямой доступъ къ Азіи и берега Каспійскіе, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ открыть такой же доступъ и къ Балтійскому морю и овладѣть всѣмъ теченіемъ Западной Двины. Съ этою цѣлью начата была имъ война Ливонская; царь взялъ всю Ливонію, рыцари объявили свой орденъ кончившимся и поддались Польшѣ. На бѣду нашу въ Польшѣ въ это время случился храбрый и умный король Стефанъ Баторій — и война, тянувшаяся двадцать лѣтъ, кончилась неудачно: потерею всѣхъ нашихъ завоеваній въ Ливоніи.

74. Покореніе Казанскаго царства.

Середи было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты.
А изъ спальни бѣлокаменной палаты,
Ото сна тутъ царица пробуждалася,

Царица Елена, Симеону [1]) царю она сонъ разсказала:
„А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
„Что ночесь мнѣ, царицѣ, мало спалося,
„Въ сновидѣньицѣ много видѣлося:
„Какъ отъ сильнаго Московскаго царства,
„Кабы сизый орлище встрепенулся,
„Кабы грозная туча подымалась,
„Что на наше вѣдь царство наплывала".
А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался великій князь Московскій,
А Иванъ, сударь, Васильевичъ, Прозритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили подъ Казанское царство за пятнадцать верстъ,
Становились они подкопью подъ Булакъ-рѣку,
Подходили подъ другую, подъ рѣку подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ:
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣе.
Воспалился тутъ великій князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, Прозритель,
И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началася отъ канонеровъ измѣна;
Что большій за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаго ему, князю, отвѣту нѣтъ.
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
„Ты великій, сударь, князь Московскій!
„Не вели ты насъ, канонеровъ, казнити:
„Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
„А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе".
Позадумался князь Московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути.
Они тѣ-то рѣчи говорили,
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ, —
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны палаты.
И бѣжалъ тутъ великій князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала,
А того ли Ивана, сударь, Васильевича, Прозрителя;

[1]) Едигеръ—Симеонъ въ крещеніи.

И за то онъ царицу пожаловалъ
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ великаго князя онъ,
И вынялъ ясны очи со косицами;
Онъ и взялъ съ него царскую корону
И снялъ царскую порфиру;
Онъ царскій костыль въ руки принялъ.
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава.

75. Старая пѣсня.

Изъ лѣсовъ дремучихъ, сѣверныхъ
Поднялась не тучка темная,
А рать сильная, могучая,
Царя грознаго Московскаго.
Словно птица быстролетная
Пролетѣла море синее —
Перешла такъ сила русская
Степь пустую, непроходную.
И пришла она, незваная,
Къ царству славному Казанскому,
Къ бусурману — хану лютому,
Къ недругу Руси заклятому.
И куда еще — спитъ зорюшка,
А ужъ бьется Русь съ татариномъ, —
Стѣны крѣпкія разрушила,
И пошла гулять по городу.
Воеводы, рати храбрыя
Ѣздятъ, бьютъ татаръ по улицамъ,
А на башнѣ, съ русскимъ знаменемъ,
Юный царь стоитъ, какъ солнышко.

76. Завоеваніе Сибири (1582 г.).

Усобицы князей, татарскія насилія, разныя неурядицы и неправды издавна развели на Руси много народа, который, не уживаясь у себя дома, уходилъ за рубежъ, особенно за южный, и тамъ селился. Одни изъ такихъ людей садились по самому рубежу, другіе шли дальше, въ привольныя степи. Покоя имъ, правда, тутъ тоже не было отъ татарскихъ наѣздовъ, но зато жилось вольнѣе и нечего было бояться ни воеводъ княжескихъ, ни податей тяжкихъ. Широкая степь тянулась передъ глазами безъ конца, и путь въ нее лежалъ свободный, незаказанный. Всѣ эти выходцы были большею частью люди бездомовные, безсемейные, удалые и отважные; назывались они казаками. Тѣ изъ нихъ, которые населяли порубежные города, назывались казаками городовыми, а тѣ, которые ушли за рубежъ, въ степь, назывались степными или вольными. Сначала вольныхъ казаковъ было мало, и уходили они недалеко, но съ той поры, какъ татарскія орды стали слабѣть, степное казачество росло больше и больше, уходило въ степи дальше

и дальше. За прибывавшимъ народомъ дѣло не ставало: уходя въ казаки, русскій человѣкъ шелъ не въ чужую сторону, а къ своимъ же русскимъ православнымъ людямъ. Оттого всѣ, кому плохо было жить на родинѣ, бѣглые холопы, смертоубійцы, уходили въ казаки. Вольные казаки селились по берегамъ рыбныхъ рѣкъ, они мало-по-малу сошлись въ большія общества, рѣшали свои дѣла вѣчемъ или кругомъ и сами выбирали себѣ атамановъ, т.-е. начальниковъ. Эти казачьи общества то воевали съ сосѣдними Татарами, то входили съ ними въ дружбу и союзъ и сообща набѣгали на русскіе и литовскіе рубежи, или грабили въ степи проѣзжихъ купцовъ и всякаго, кто подъ руку попадался. При Иванѣ Грозномъ казаки занимали уже всѣ южныя степи и населяли берега всѣхъ большихъ рѣкъ. По рѣкѣ Дону жили казаки, бѣжавшіе изъ Московской Руси, а по Днѣпру тѣ, которые ушли изъ южной части Литовской Руси. Донскіе казаки разбойничали больше всего по рѣкѣ Волгѣ, такъ какъ здѣсь былъ большой торговый путь. Царь Иванъ Грозный не разъ посылалъ противъ нихъ своихъ воеводъ, воеводы ловили и казнили казаковъ, но разбой и грабежъ все-таки не переводились.

Въ одной изъ такихъ разбойничьихъ шаекъ атаманомъ былъ казакъ Ермакъ Тимофеевичъ. Сначала онъ былъ въ бурлацкой артели кашеваромъ, тутъ и прозвали его Ермакомъ, потому что артельный таганъ назывался ермакомъ, а настоящее, крещеное имя Ермака Тимофеевича было Василій. Работа бурлацкая Ермаку скоро прискучила; затосковалъ онъ по вольной жизни и ушелъ къ донскимъ казакамъ. Скоро за удаль, за смѣлый нравъ и за великую его силу выбрали его старшиной одной станицы (казачьяго селенія). Но Ермаку и тутъ было мало раздолья; все его тянуло туда, гдѣ гуляютъ забубенныя головы на всей своей волѣ. Не вытерпѣлъ Ермакъ, набралъ себѣ шайку молодцовъ и ушелъ съ ними на Волгу разбойничать. Никому не давалъ онъ спуску: ни царскимъ людямъ, ни посламъ иноземнымъ, ни купцамъ русскимъ и басурманскимъ. Имя Ермака наводило на всѣхъ такой страхъ, что скоро вѣсть о его воровскихъ дѣлахъ донеслась до Москвы. Царь Иванъ Грозный присудилъ Ермака и четырехъ его подручныхъ атамановъ казнить смертью. Но Ермакъ не убоялся и гнѣва царскаго: грабилъ и разбойничалъ попрежнему. Кромѣ Ермаковой шайки, гуляло по Волгѣ еще много другихъ; купцамъ наконецъ совсѣмъ не стало проѣзда, мирнымъ жителямъ житья. Царь выслалъ сильную рать унимать казаковъ. Царское войско побило,

половило и перевѣшало много душегубцевъ, но Ермакъ со своей шайкой увернулся и пошелъ на утекъ вверхъ по Волгѣ, къ Камѣ рѣкѣ, въ Пермскій край. Въ томъ далекомъ краю, куда плылъ Ермакъ, уже издавна жили русскіе люди. Самые богатые между ними были купцы Строгановы: они владѣли большой землей, держали большой промыселъ, варили соль, пахали пашню, вели торгъ. Чтобъ поселенцамъ не было обиды отъ дикихъ окольныхъ народовъ, Строгановы срубили два города, накупили пушекъ и всякаго воинскаго снаряда, пріискали ратныхъ людей и велѣли имъ оборонять землю. Недалеко отъ Строгановой земли тянулись Уральскія горы, а за горами лежала страна, которая зовется теперь Сибирью. Землю эту русскіе промышленники знали давно: лѣтъ за 300, за 400 до Ермака хаживали туда смѣлые новгородскіе купцы за дорогими мѣхами. Тамъ на рѣкѣ Иртышѣ лежало особое Татарское царство, и главный его городъ назывался Искеръ или Сибирь. Отъ этого города Русскіе и называли всю землю за Ураломъ Сибирью, и послѣ того какъ Иванъ Грозный взялъ Казань, сибирскій царь самъ напросился платить ему дань собольими шкурами, только бы русскій государь оборонялъ его отъ недруговъ. Но скоро этого сибирскаго царя выгналъ другой басурманскій царь, Кучумъ, завладѣлъ его землею, пересталъ давать дань и даже убилъ посла, который пріѣхалъ за данью отъ Ивана Грознаго. Какъ только Строгановы поставили на своей землѣ городки, Кучумъ сталъ творить имъ всякое зло. Тогда Строгановымъ напало на мысль—прибрать къ своимъ рукамъ и Сибирскую землю, богатую всякими естественными произведеніями. Послали Строгановы къ Ивану Грозному просить, чтобы онъ дозволилъ имъ воевать Сибирскую землю. Государь дозволилъ, прислалъ Строгановымъ жалованную грамату и освободилъ ихъ будущія сибирскія земли отъ податей, повинностей и всякихъ поборовъ на 20 лѣтъ. Добывъ царскую грамату, Строгановы стали придумывать, откуда достать ратныхъ людей: своей рати у нихъ на это дѣло было мало. Прослышали они про Ермака и отправили къ нему пословъ—звать къ себѣ на службу. Въ это время Ермакъ бѣжалъ отъ царскихъ воеводъ вверхъ по Волгѣ; Строгановскій зовъ пришелся ему какъ-разъ по сердцу. Со своей шайкой (въ ней было 540 казаковъ) Ермакъ приплылъ къ поселку Строгановыхъ и былъ принятъ ими съ почетомъ. Два года прожилъ Ермакъ у Строгановыхъ, оборонялъ землю отъ сосѣднихъ народовъ и ходилъ ихъ воевать въ ихъ же земляхъ. Когда стало вокругъ Строгановскихъ поселеній мирно и покойно, Строгановы снарядили Ермака въ

Сибирь. Въ помощь его казакамъ они снарядили 300 человѣкъ изъ Русскихъ, Татаръ, плѣнныхъ Нѣмцевъ и Литовцевъ; дали всѣмъ имъ жалованье, съѣстного запаса, пушекъ легкихъ, разнаго огнестрѣльнаго оружія и снаряда. 1 сентября 1581 года Ермакъ пустился въ путь.

Четыре дня плылъ Ермакъ на стругахъ и плотахъ по рѣкѣ Чусовой. Рѣка была быстрая, каменистая; казаки уставали и часто останавливались на отдыхъ. Изъ Чусовой поплылъ онъ по Серебряной рѣкѣ, отсюда переволокся по суху въ другую рѣчку и такъ доплылъ до рѣки Туры. Здѣсь начиналось Сибирское царство. До этого мѣста казаковъ никто не задиралъ, людей встрѣчали они мало, да и тѣ были бродячіе, кочевые: только глазѣли на казаковъ и уходили прочь. А съ рѣки Туры пошелъ народъ осѣдлый, пахотный, надо было ждать отъ нихъ отпора. Такъ и случилось. Сибирскіе князьки стали нападать на Ермака. Бились они храбро, но выстаивать стойко не могли, потому что бились стрѣлами и огненнаго боя никогда не видали. На рѣкѣ Тоболѣ Татары попытались остановить Ермака, протянувъ поперекъ рѣки желѣзныя цѣпи. Ермакъ придумалъ хитрое дѣло: онъ велѣлъ навязать пуковъ изъ хвороста, напялилъ на эти пуки казацкое платье и разставилъ ихъ въ лодкахъ, а самъ высадился на берегъ съ казаками и напалъ на Татаръ съ тыла. Увидѣвъ, что и въ лодкахъ казаки, и на берегу казаки, Татары ударились бѣжать, а Ермакъ, снявши цѣпи, поплылъ дальше. Тѣмъ временемъ прибѣжалъ къ Кучуму одинъ Татаринъ, котораго Ермакъ захватилъ-было въ плѣнъ, да потомъ выпустилъ, разспросивъ, что нужно. Татаринъ этотъ сталъ разсказывать Кучуму про казаковъ разные страхи. Онъ говорилъ, что русскіе люди сильны, что когда стрѣляютъ изъ луковъ, то огонь пышетъ, дымъ валитъ и громъ гремитъ, что стрѣлъ хоть и не видать, но онѣ всякій доспѣхъ насквозь пробиваютъ. Кучумъ очень опечалился и заскорбѣлъ, но все-таки не хотѣлъ отдать Ермаку свое царство безъ боя; разослалъ гонцовъ и велѣлъ всему народу собираться на войну. Когда рати набралось довольно, Кучумъ послалъ противъ Ермака своего племянника, Маметкула, съ 10 тысячами конныхъ людей, а самъ окопался на берегу рѣки Иртыша, подъ горой. Маметкулъ напалъ на Ермака яростно, бился съ нимъ долго, цѣлыхъ пять дней, но одолѣть не могъ и побѣжалъ, сгубивъ много своего народа. Казаки поплыли дальше, Татары однако не отвязались: ѣхали берегомъ да пускали въ нихъ стрѣлы. Въ одномъ мѣстѣ собралось Татаръ такое множество, что отъ стрѣлъ ихъ

проѣзду не было. Ермакъ причалилъ къ берегу, кинулся на Татаръ и побилъ ихъ крѣпко, но зато казаки были переранены всѣ до единаго. Такъ добрался Ермакъ до горы на Иртышѣ, подъ которою окопался Кучумъ. Солнце садилось, биться съ Кучумомъ было уже поздно, да и устали казаки—надо было отдохнуть. А отдыхать на открытомъ мѣстѣ было нельзя: Кучумово войско могло нагрянуть среди ночи. Осмотрѣвшись кругомъ, Ермакъ замѣтилъ на берегу городокъ, взялъ его съ бою и засѣлъ тамъ со своими казаками. Стояла уже ночь, осенняя, темная; подъ горою горѣли огни, копошились Татары, изготовляясь къ завтрашнему бою; шумъ и гулъ отъ ихъ становища несся по рѣкѣ. Не до сна было казакамъ: сердце у нихъ щемило отъ тревоги. Собрались они въ кругъ, совѣтъ держать. Одни кричали, что надо уходить домой, такъ какъ отъ труднаго похода и частаго боя у нихъ и 500 человѣкъ въ живыхъ не осталось, а у Кучума ратныхъ людей многія тысячи. Другіе стояли заодно съ Ермакомъ и хотѣли идти впередъ. Они говорили: „уходить поздно, рѣки ужъ мерзнутъ; а что Татаръ много, такъ это ничего: били ихъ доселѣ, отчего не побить и впередъ?“ Наконецъ всѣ порѣшили биться съ Кучумомъ.

На утро 23-го октября, еле забрезжилъ свѣтъ, Ермакъ съ товарищами былъ уже на ногахъ. Казаки усердно помолились и смѣло пошли къ горѣ, гдѣ Кучумово войско окопалось и огородилось засѣкой. Стрѣлы Сибиряковъ посыпались, какъ частый градъ, и чѣмъ ближе подходили казаки, тѣмъ больше валилось у нихъ убитыхъ и пораненныхъ. Видя, что казаковъ мало, Сибиряки смекнули, что въ чистомъ полѣ одолѣть ихъ будетъ легче; прорвали въ трехъ мѣстахъ свою засѣку и схватились съ казаками въ рукопашную. Пошла сѣча: рубились саблями, кололись копьями, бились, схватившись за руки. Казаки стояли крѣпко, но и Сибиряки не сдавали. Съ великимъ трудомъ казаки сомкнулись твердою стѣною, зарядили ружья и стали стрѣлять въ толпы. Сибиряки бросились назадъ въ засѣку, туда же вломились за ними казаки, а впереди всѣхъ Ермакъ и атаманъ Кольцо. Наконецъ казаки ранили Маметкула. Сибиряки выволокли его изъ боя и бросились бѣжать во всѣ стороны. Кучумъ до того времени стоялъ на горѣ и вмѣстѣ съ муллами (магометанскими священниками) молился Богу. Увидѣвъ, что рать его побита, онъ побѣжалъ вслѣдъ за другими. Казаки отдыхали трое сутокъ послѣ этой упорной битвы и хоронили своихъ мертвыхъ: ихъ набралось больше 100 человѣкъ. 26-го октября тронулись они къ городу Сибири. Тутъ не нашли они ни одной

живой души, весь городъ былъ пустъ, словно вымеръ: жители разбѣжались невѣдомо куда. Многое множество золота, серебра, мѣховъ и разныхъ другихъ дорогихъ вещей нашли тутъ казаки и все по-братски подѣлили между собой. Окольные сибирскіе народы теперь увидѣли, что имъ не подъ силу стоять противъ казаковъ. Они стали приходить къ Ермаку на поклонъ и просили у него мира. Ермакъ ласкалъ ихъ, обѣщалъ не обижать и отъ Кучумовыхъ обидъ оборонить. Окрестъ города Сибири все успокоилось, затихло, и такъ было всю зиму.

Пришла весна, стаяли снѣга, разлились рѣки; Ермакъ сталъ готовиться къ новымъ походамъ. Прежде всего полонилъ онъ Маметкула, потомъ по рѣкамъ Оби и Иртышу пошелъ воевать дальнихъ Татаръ, Остяковъ, Вогуличей. Вездѣ Ермаку была удача, вездѣ добывалъ онъ русскому царю новыхъ данниковъ. Но зато число Ермаковыхъ товарищей все убывало: въ Сибирскую землю пришло ихъ 840, а теперь оставалось всего 300 человѣкъ. Съ такой малой силой нельзя было держаться въ далекомъ краю, противъ великаго множества враговъ, и Ермакъ рѣшилъ послать о себѣ вѣсть къ царю Ивану Васильевичу, къ Строгановымъ и просить подмоги. Посломъ въ Москву поѣхалъ атаманъ Кольцо, который, вмѣстѣ съ Ермакомъ, за воровскія и разбойныя дѣла на Волгѣ былъ приговоренъ къ смертной казни. Прочитавъ присланную грамату, царь сильно обрадовался, простилъ казакамъ всѣ ихъ прежнія провинности, хвалилъ Ермака и всѣхъ его людей и велѣлъ по церквамъ служить молебны. Кольцо и его товарищей Иванъ Васильевичъ пожаловалъ деньгами, сукнами, указалъ послать казакамъ въ Сибирь большое жалованье, а Ермаку богатую шубу съ своего царскаго плеча, серебряный ковшъ и два дорогіе доспѣха. Еще велѣлъ Иванъ Васильевичъ написать къ Ермаку милостивую грамату и величалъ его въ граматѣ княземъ Сибирскимъ, а въ помощь къ казакамъ снарядилъ двухъ воеводъ съ пятью сотнями стрѣльцовъ. Атаманъ Кольцо съ воеводами и ратными людьми вернулись въ городъ Сибирь 1 марта 1583 года. Воеводы объявили Ермаку и казакамъ государеву милость и отдали имъ государево жалованье. Ермакъ, на радости, задалъ большой пиръ всѣмъ ратнымъ людямъ. У казаковъ и стрѣльцовъ шло веселье, а бѣда ужъ въ дверь стучалась. Зима стояла суровая, сибирская—носа нельзя было высунуть изъ избы, казаки не могли ни звѣря стрѣлять, ни рыбы ловить. Отъ недостатка свѣжаго корма пошли болѣзни, потомъ голодъ; перемерло много людей, умеръ и одинъ царскій воевода. А тутъ

приспѣло и другое худо. Одинъ сибирскій князекъ, Карача, обманомъ заманилъ къ себѣ атамана Кольцо съ 40 товарищами и всѣхъ до одного перерѣзалъ. Узнавъ про это, окрестные народы поднялись на казаковъ и облегли городъ Сибирь, гдѣ засѣлъ Ермакъ. Казаковъ и стрѣльцовъ было мало, но они отсиживались долго и крѣпко. Наступилъ іюнь; съѣстной запасъ у Ермака сталъ выходить, и онъ рѣшился на отчаянное дѣло. Ночью, когда Татары спали, казаки большой толпой вышли изъ города, тихо подкрались къ становищу Карачи, кинулись на Татаръ и принялись ихъ рѣзать. Заметались Татары съ просонокъ; слышатъ стоны и крики, а ничего впотьмахъ не видятъ. Когда занялась заря, Татары пріободрились, но и казаки не сробѣли—забрались въ обозъ Карачи и стали оттуда отстрѣливаться. Напослѣдокъ, около полудня, Татары не выстояли, побѣжали вмѣстѣ съ Карачею. Ермакъ вышелъ изъ города и бросился ихъ бить вдогонку. Миновала бѣда Ермака, но уже въ послѣдній разъ.

Стояло лѣто; изъ одной далекой басурманской стороны ждали въ городъ Сибирь купцовъ на ярмарку. Купцы эти два года пріѣзжали къ урочному времени, а теперь что-то запоздали. Ермакъ сталъ развѣдывать и узналъ, будто купцовъ не пропускаетъ царь Кучумъ. Ермакъ сейчасъ же отобралъ 50 человѣкъ самыхъ отважныхъ казаковъ и 5 августа 1584 года пустился съ ними на поискъ, вверхъ по Иртышу. Плыли цѣлый день, исходили не мало и берегомъ, но ни купцовъ, ни Кучумовыхъ людей не встрѣтили. Солнце стало садиться, приходилось ворочаться домой. Но отъ гребли противъ воды и отъ ходьбы казаки такъ утомились, что надо было дать имъ отдыхъ. Ермакъ повернулъ назадъ, причалилъ къ острову, велѣлъ привязать лодки и выходить на ночлегъ. Казаки вышли на островъ, разбили шатры и съ большою усталостью завалились спать всѣ до единаго, даже сторожей не выставили. Ермакъ всегда былъ очень остороженъ, а на этотъ разъ оплошалъ. Ночь была темная, ненастная; дождь лилъ ливмя, крѣпкій вѣтеръ свисталъ и вылъ, по рѣкѣ съ шумомъ ходили волны. Послѣ трудового дня казаки заснули, какъ убитые, и про Татаръ забыли. А Татары были близко: Кучумъ цѣлый день не терялъ Ермакова слѣда. Когда стала глухая ночь, онъ послалъ одного Татарина искать къ острову бродъ; лодокъ у Татаръ не было. Татаринъ этотъ былъ за что-то приговоренъ къ смерти; Кучумъ обѣщалъ его помиловать, если онъ доберется до казаковъ, не переполошивши ихъ. Татаринъ поѣхалъ, пащупалъ бродъ, высмотрѣлъ казаковъ и вер-

нулся къ Кучуму. Услыхавъ, что казаки всѣ спятъ и сторожей не выставили, Кучумъ очень обрадовался. Онъ подъѣхалъ къ рѣкѣ; Татары большой толпой, но тихо, съ опаской, стали переправляться. Казаки спали крѣпко и за воемъ вѣтра, за шумомъ волнъ не слыхали ничего. Татары перебрались на островъ благополучно, подкрались къ казакамъ, бросились на нихъ разомъ и стали рѣзать ихъ, какъ телятъ. Такъ погибли казаки; только два человѣка ушли отъ ножа татарскаго: одинъ добрался до города Сибири и принесъ товарищамъ вѣсть про гибель своихъ, другой былъ самъ Ермакъ. Услыхавъ суматоху и рѣзню, онъ вскочилъ на ноги и съ саблей бросился на Татаръ, скликая товарищей. Но никто изъ казаковъ не подоспѣлъ на кличъ своего атамана: одни лежали зарѣзанные, другіе копошились подъ Татарами. Увидѣлъ Ермакъ, что дѣло поправить нельзя, порубилъ нѣсколько Татаръ и бросился къ лодкамъ; лодки отнесло на середину рѣки. Тогда Ермакъ кинулся въ воду и поплылъ къ лодкамъ, но тяжелый доспѣхъ такъ и тянулъ его ко дну. Бился, бился Ермакъ и утонулъ. Горько плакали казаки по своемъ удаломъ и разумномъ атаманѣ. Пропалъ Ермакъ и имъ ужъ нечего было дѣлать въ Сибири. Собрались они и вмѣстѣ съ царскимъ воеводой ушли на Русь. Въ городъ Сибирь опять вошелъ Кучумъ, опять пошло въ Сибирскомъ царствѣ все попрежнему, какъ будто Ермакъ въ немъ и не бывалъ. Но не надолго заглохло великое Ермаково дѣло. Убѣжавъ изъ Сибири, казаки скоро вернулись съ новою ратной силой и покорили опять то, что̀ Ермакъ завоевалъ. А потомъ русскіе люди стали подвигаться дальше, забирали земель все больше. Кончилось тѣмъ, что вся огромная страна, которая нынѣ зовется Сибирью, сдѣлалась Русскою землею. Память о Ермакѣ и его храбрыхъ товарищахъ не умерла и никогда не умретъ. Въ сибирскомъ городѣ Тобольскѣ выстроенъ покорителю Сибири большой памятникъ; въ тобольскихъ церквахъ до сихъ поръ поминаютъ убитыхъ казаковъ, и почти въ каждой сибирской избѣ красуется на стѣнѣ портретъ атамана-князя Ермака Тимофеевича.

77. Пѣснь про Ермака Тимофеевича.

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ:

Какъ донскіе, гребенскіе и яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка, сынъ Лаврентьевичъ.
Они думали думушку все единую:
„Ужъ какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ;
На Яикъ намъ идтить, да переходъ великъ,
А на Волгѣ ходить намъ, все ворами слыть,
Подъ Казань градъ идтить, да тамъ царь стоитъ,
Какъ грозной-то царь Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ силы много-множество,
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженнымъ“.
Какъ не золотая трубушка вострубила,
Рѣчь возговорилъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ:
„Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте:
Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся,
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ предъ грознымъ царемъ вину свою:
Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, неорленые,
Мы убили посланничка все царскаго,
Какъ того-то вѣдь посланничка персидскаго“.
Какъ во славномъ было во городѣ во Астрахани,
На широкой, на ровной было площади,
Собиралисъ казаки други во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
„Какъ зима-то проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, въ походъ идтить“.
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофеевичъ:
„Ой вы гой еси братцы, атаманы молодцы,
Эй вы дѣлайте лодочки каломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабаички сосновыя,
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помочью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства басурманскаго,
Завоюемъ мы царство сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, царю бѣлому,
А царя-то Кучума въ полонъ возьмемъ,
И за то-то государь-царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду самъ ко бѣлу-царю,

Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я царю бѣлому повинную:
Ой ты гой еси надежа православный царь,
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить.
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Какъ и я-то воровской донской атаманушка,
Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы-корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все не орленые,
А теперича, надежа православный царь,
Приношу тебѣ буйную головушку,
И съ буйной головой царство Сибирское".
Рѣчь возговоритъ надежа православный царь,
Какъ и грозный-то царь Иванъ Васильевичъ:
„Ой ты гой еси Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
Ой ты гой еси войсковой донской атаманушка,
Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный тихій Донъ".

78. Далекій край.

Давно то было, было встарь.
Царилъ надъ Русью грозный царь
Иванъ Васильевичъ. Тяжела
Рука державная была
Его, какъ молотъ боевой,
Надъ всею Русскою землей.
Прошли тѣ дни, когда она
Однимъ врагамъ была страшна,
Когда, какъ помнятъ старики,
Водила русскіе полки
Она на праведную брань
Противъ Татаръ; когда Казань
Сломала, Астрахань взяла
И гордый орденъ потрясла.
Да, было это и прошло,
И темной былью поросло.
Бѣда неслась со всѣхъ сторонъ.
И угнетенъ, и разоренъ,
Шелъ врозь испуганный народъ,
Не стало славныхъ воеводъ —
На плахахъ, въ пыткахъ, на кострахъ
Они изгибли! Всюду страхъ
Царилъ надъ русскою землей... И вотъ,
Въ тѣ дни позора и невзгодъ
Въ Москву вдругъ прибылъ посланецъ,
Съ нежданной вѣстію гонецъ.
Примчался онъ издалека:
То былъ подручникъ Ермака
Съ товарищи, Иванъ Кольцо,
И сталъ предъ царское лицо;
И кланялся казакъ лихой
Царю Сибирскою землей
Отъ всѣхъ опальныхъ казаковъ,
Прося съ повинныхъ ихъ головъ,
Простыхъ людей и старшины,
Забывъ ихъ давнія вины,
Опалу милостиво снять
И даръ посильный ихъ принять.
И рѣчь простая казака,
Какъ влага въ зной, была сладка
Душѣ царя въ годину бѣдъ.
Давно подъ гнетомъ скорбныхъ лѣтъ
Не зналъ онъ радостныхъ вѣстей,
Забылъ и славу прежнихъ дней,
И торжество побѣдъ... И вотъ,
Негаданно во дни невзгодъ
Побѣдный кликъ онъ слышитъ вновь.
Знакомый кликъ былыхъ годовъ.
И словно ожилъ дряхлый царь,
Потухшій взоръ его, какъ встарь,

Сверкнулъ, заискрился огнемъ,
И на безмолвную кругомъ
Толпу бояръ своихъ въ упоръ
Язвительный онъ бросилъ взоръ.
И съ трепетомъ, какъ въ оны дни,
Во взорѣ томъ прочли они
Упрекъ насмѣшливый и злой...
Но взоръ тотъ, молніей вокругъ
Сверкнулъ на мигъ лишь и потухъ,
Усмѣшка стерлася съ ланитъ,
И царь, принявъ смиренный видъ,
Благоговѣйно устремилъ
Взоръ на иконы и склонилъ
Главу онъ набожно потомъ,
Широкимъ осѣнясь крестомъ,
Минуты двѣ онъ помолчалъ,
Всѣхъ строгимъ взглядомъ обѣжалъ
И молвилъ: „Многогрѣшныхъ насъ
Господь и въ сей невзгодный часъ,
Знать, не покинулъ до конца,
Не отвратилъ отъ насъ лица
Онъ въ милосердіи Своемъ
На окаянствѣ нашемъ всемъ.
Не посудилъ онъ Своего
Раба, призрѣвъ на скорбь его
И боль сердечныхъ тяжкихъ ранъ.
И вотъ, когда король Стефанъ,
Исполняся гордыни злой
И Божій страхъ забывъ, войной
На насъ неправдой наступилъ
И наши земли разорилъ,
Когда ужъ полчища враговъ
Отнять грозились старый Псковъ,
И люди, въ сей невзгодѣ зря
Господній гнѣвъ на ихъ царя,
Являютъ шатость душъ своихъ, —
Лукавство посрамляя ихъ,
Господь нашъ въ самый оный часъ
Взыскуетъ вновь смиренныхъ насъ
Великой милостью своей, —
Зане, лишь Онъ—судья царей“.
И снова, преклонясь челомъ,
Царь осѣнилъ себя крестомъ,
И просвѣтленное лицо
Онъ обратилъ опять въ Кольцо,
Велѣлъ ему поближе стать
И досконально разсказать
Все по порядку, что̀ и ка̀къ,
Какъ добывалъ Сибирь Ермакъ.
И оповѣдалъ все въ чередъ
Казакъ про славный тотъ походъ
За поясъ каменный, и какъ
Путь пробивалъ себѣ Ермакъ
Чрезъ горы, рѣки и лѣса.
Была то рѣчь про чудеса
Терпѣнья, доблести, трудовъ
Отважной горсти удальцовъ
Въ средѣ невѣдомыхъ племенъ,
Среди враговъ со всѣхъ сторонъ
Въ борьбѣ суровой безъ конца.
Царь молча слушалъ рѣчь Кольца —
Простой безхитростный разсказъ,
Склонясь на посохъ, зоркихъ глазъ
Не отводя. И лишь порой
Качалъ въ раздумьи головой,
Казацкой удали дивясь,
Иль мыслью въ край тотъ уносясь,
Онъ гордо подымалъ чело;
И было ясно и свѣтло
Царя суровое лицо.
Окончилъ рѣчь свою Кольцо
И снова билъ царю челомъ
Сибирскимъ царствомъ. И на томъ
Царь соизволилъ даръ принять
И повелѣлъ ему сказать
И Ермаку, и казакамъ
По многимъ тяжкимъ ихъ трудамъ
И службамъ въ дальнемъ томъ краю, —
Всѣмъ милость царскую свою.
Великимъ жалованьемъ ихъ
Пожаловалъ царь слугъ своихъ
И одарилъ онъ ихъ казной,
Цвѣтными сукнами, камкой,
И рать на помощь имъ послалъ:
Такъ край Сибирскій Русью сталъ.
Такъ край Сибирскій Русью сталъ
И русскій людъ о немъ узналъ.
Провѣдалъ онъ, что въ томъ краю
Просторъ и воля, какъ въ раю,
Что всякій звѣрь и птица тамъ
Живутъ привольно по лѣсамъ,
И рѣки рыбою полны,
И нѣтъ конца тамъ цѣлины
И нѣтъ ни царскихъ тамъ стрѣльцовъ,
Нѣтъ ни подъячихъ, ни дьяковъ,
Нѣтъ ни бояръ, ни воеводъ.
И вотъ, спасаясь отъ невзгодъ,
За поясъ каменный, путемъ,
Пробитымъ смѣлымъ Ермакомъ,

Пошла вся русская бѣда.
И все идетъ она туда,
Отъ той поры до нашихъ дней,
Со стародавней Руси всей...
И заселяетъ пустыри,
И тамъ, гдѣ жили дикари,
На мѣстѣ дебрей и степей,
Средь ею-жъ вспаханныхъ полей,
Воздвигла села, города
Все та же русская бѣда —
Все тотъ же бѣдный русскій людъ,
Все былъ его кровавый трудъ...
Такъ съ той поры, изъ вѣка въ вѣкъ
Шелъ крѣпкій русскій человѣкъ
На дальній сѣверъ и востокъ
Неудержимо, какъ потокъ,
Съ плохой винтовкой за плечомъ,
Иль съ неизмѣннымъ топоромъ,
Съ краюхой хлѣба въ кошелѣ,
Отдавъ поклонъ родной землѣ,
Отъ неприглядnаго житья,
Онъ шелъ въ безвѣстные края
Чрезъ тундры, рѣки и хребты,
Чрезъ быстрину и высоты,
Пока въ невѣдомой дали
Онъ не пришелъ на край земли,
Гдѣ было некуда идти,
Гдѣ поперекъ его пути,
Одѣтый въ бури и туманъ,
Всталъ необъятный океанъ,
И грознымъ рокотомъ валовъ,
Казалось, говорилъ безъ словъ:
„Здѣсь власть моя!.. Здѣсь твой рубежъ!
Ты за него не перейдешь!..“
И какъ пигмея великанъ,
Суровый, грозный океанъ
Пришельца звалъ на споръ съ собой;
И принялъ тотъ неравный бой,
И не попятился назадъ.
Отважный, твердый какъ булатъ,
Онъ сладилъ утлыя суда
И смѣло ринулся туда,
Въ неизмѣримый океанъ, —
И побѣжденъ былъ великанъ!..
И смѣлый русскій удалецъ,
Или изгнанникъ, иль бѣглецъ
Изъ дальней родины своей,
Сродясь не видѣвшій морей,
Онъ эту бездну переплылъ
И страны новыя открылъ
На самодѣльномъ кораблѣ.
И тамъ, въ невѣдомой землѣ,
Тамъ, въ полушаріи другомъ,
На берегу ему чужомъ
Онъ водрузилъ нашъ русскій стягъ,
Чтобъ зналъ про то и другъ, и врагъ [1]).
И не одинъ промчался вѣкъ,
А онъ, нашъ русскій человѣкъ,
Сумѣвшій все перестрадать,
Чтобъ Русь великую создать, —
Каковъ бывалъ онъ искони,
Таковъ теперь и въ наши дни,
И встарь, и нынѣ, всюду онъ,
Куда бы ни былъ занесенъ,
Куда-бъ ни брошенъ былъ судьбой
И кто бы ни былъ онъ порой,
Все тотъ же онъ всегда, вездѣ,
Отважный, сносливый въ нуждѣ,
Смышленый, ловкій, удалой,
Несокрушимый подъ бѣдой,
Несокрушимый предъ врагомъ,
И добродушный съ чужакомъ.
И тьмы пришли такихъ людей,
Изгнанниковъ съ родныхъ полей.
И сколько было между нихъ
Пизаровъ, Кортесовъ лихихъ,
Открывшихъ міру не одну
Дотоль безвѣстную страну,
И тамъ, средь дебрей, рѣкъ и горъ,
Невѣдомыхъ до этихъ поръ,
Народовъ новыхъ племена...
И кто же знаетъ имена
Могучихъ тѣхъ богатырей,
Тѣхъ русскихъ доблестныхъ людей?

---

[1]) Здѣсь говорится о нашихъ отдаленныхъ отъ Россіи владѣніяхъ на сѣверо-западныхъ берегахъ Америки, которыя были уступлены при императорѣ Александрѣ II Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ за денежное вознагражденіе.

79. Казакъ.

Самобытное созданье
Русской вольной старины,
Земли, царства покорявшій
За Царя родной страны,
  Ты откуда путь свой держишь?
Пролетѣлъ, припавъ къ лукѣ,
На худомъ, но на бѣдовомъ,
На степномъ своемъ конькѣ?
  Отъ студеной ли Торнеи,
Гдѣ всю зиму солнца нѣтъ,
Гдѣ поглядывалъ ты зорко,
Какъ ведетъ себя тамъ Шведъ?
  Иль отъ Нѣмана и Вислы —
Чай, повѣдаешь, что тамъ
Все пока благополучно,
Но дремать не надо намъ?
  Иль отъ Чернаго ты моря,
Гдѣ, разъѣздъ держа, свой взглядъ
Устремлялъ не разъ ты жадно,
Черезъ море, на Царьградъ?
  Отъ Востока-ль, гдѣ народы
На тебя, богатыря,
Какъ на вѣстника взирали
Воли Бѣлаго Царя,
  Ты летишь сказать, что новый
О подданствѣ проситъ край,
Что съ казацкаго пикета
Былъ ужъ виденъ Гималай?
  Иль ужъ годы отслужилъ ты,
И на родину твой путь?...
То-то встрѣча будетъ, спросы,
Не дадутъ и отдохнуть!
  Тамъ, въ кругу своихъ засядешь
Въ долгу ночь у огонька,
Какъ и пращуръ твой, быть можетъ,
Другъ-сподвижникъ Ермака:
  Тотъ же духомъ, тотъ же вѣрой,
Новизнами не смущенъ,
Вѣдь, какимъ ушелъ ты съ Дона,
И прійдешь на тихій Донъ!
  И тебя, тѣсняся, будутъ
Слушать дѣтки до зари,
И потомъ такіе-жъ выйдутъ,
Какъ и ты — богатыри!

80. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ (1584—1598 г.).

По смерти Іоанна IV остались двое его сыновей: старшій уже женатый Ѳеодоръ и младшій—малолѣтній Дмитрій. Москва, какъ и слѣдовало по старшинству, присягнула царю Ѳеодору, а младшій, вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ смутъ, съ матерью его Маріей изъ рода Нагихъ и ея родственниками, былъ удаленъ изъ Москвы въ Угличъ, немедленно по кончинѣ отца. Ѳеодоръ былъ хилъ здоровьемъ и не крѣпокъ духомъ. Въ высокой степени религіозный, кроткій и добрый, онъ былъ не отъ міра сего. Отцу онъ казался предпазначеннымъ не къ дѣламъ правленія, а къ иночеству. Въ началѣ его правленія особою близостью къ государю пользовались два родственныхъ (по женской линіи) боярскихъ рода: Романовы (по царицѣ Анастасіи) и Годуновы (по царицѣ Иринѣ). Изъ Романовыхъ дядя государя Никита Романовичъ, отмѣченный народной любовью еще при Грозномъ и скоро скончавшійся, былъ нѣкоторое время правителемъ государства. Послѣ него остались его сыновья, изъ которыхъ особыя симпатіи народа привлекалъ сынъ его Ѳеодоръ (въ иночествѣ Филаретъ Никитичъ), какъ своей царственной наружностью, такъ и умомъ и благороднымъ характеромъ. Но и Романо-

выхъ, какъ и другихъ именитыхъ бояръ, изъ конхъ родовитостью своею выдѣлялись особенно князья Шуйскіе—Рюриковичи, оттѣснилъ отъ престола боярин Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. Онъ не былъ родовитъ, потому что велъ происхожденіе свое отъ татарскаго мурзы Чета. Но своимъ умомъ и изворотливостью онъ умѣлъ возвыситься еще при Грозномъ: онъ тогда женился на дочери сильнаго при дворѣ Малюты Скуратова, а царевичъ Ѳеодоръ женился на сестрѣ Годунова Иринѣ. Это уже одно могло приблизить его къ Ѳеодору Іоанновичу. Но Борисъ, дѣловитый и красивый по наружности, обладалъ большимъ умомъ, былъ честолюбивъ и властолюбивъ, вошелъ въ полное довѣріе къ государю и сдѣлался въ это царствованіе правителемъ государства. Онъ держалъ скипетръ государя при его коронованіи и удостоенъ былъ титула великаго ближняго боярина, намѣстника царствъ Казанскаго и Астраханскаго, великаго конюшаго, а послѣ отраженія отъ Москвы крымцевъ получилъ очень рѣдкій титулъ „слуги царева“. Правленіе Годуновъ велъ довольно умно. Онъ заселялъ Сибирь и укрѣплялъ ее за Россіей, строилъ тамъ и въ другихъ мѣстахъ города, на югѣ отражалъ крымскихъ Татаръ, напавшихъ на самую Москву, возвратилъ отъ Шведовъ нѣкоторые города, захваченные при Іоаннѣ IV.

Но главными явленіями въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича были учрежденіе патріаршества и прикрѣпленіе крестьянъ. Наша православная церковь по имени еще считалась частью константинопольскаго патріаршества: высшая власть надъ нашимъ духовенствомъ, тоже по имени, считалась принадлежащей константинопольскому патріарху. По мѣрѣ того, какъ Царьградъ и греческая имперія клонились подъ турецкими ударами къ паденію въ государственномъ отношеніи и къ упадку въ церковномъ, быстро росло значеніе Москвы и Россіи. Въ княженіе Василія II Темнаго Греки пытались цѣною подчиненія своей церкви власти папской купить помощь себѣ у народовъ Запада противъ Турокъ и приняли такъ называемое флорентійское соединеніе церквей или унію. Но, не получивъ желаемаго, Греки только уронили себя своей невѣрностью православію въ глазахъ русскихъ, и для этихъ послѣднихъ стала тяжела и слабая зависимость сіявшей своимъ православіемъ русской церкви отъ константинопольскихъ патріарховъ; у насъ со времени святого митрополита Іоны уже сами русскіе епископы, безъ согласія константинопольскаго патріарха, поставляли себѣ всероссійскихъ митрополитовъ. Но когда Царьградъ былъ взятъ Турками, греческое православіе въ мусульманской неволѣ было сильно утѣсняемо, а

Россія именно въ эту пору почувствовала себя мощной и въ политическомъ, и въ церковномъ отношеніи наслѣдницей павшей Византіи. Прибытіе въ Москву въ 1586 году антіохійскаго патріарха Іоакима за сборомъ пожертвованій въ пользу страждущихъ на Востокѣ православныхъ, и его торжественныя служенія въ Успенскомъ соборѣ возбудили въ Царѣ мысль объ учрежденіи патріаршества въ Россіи. Ѳеодоръ Іоанновичъ созвалъ освященный соборъ и бояръ на совѣщаніе по этому предмету и сказалъ: „по волѣ Божіей на Востокѣ патріархи только по имени называются святителями, а власти почти вовсе лишены. Наша же страна, какъ видите, въ многорасширеніе приходитъ, а потому хочу, если Богу угодно и Писанія Божественныя не противорѣчатъ этому, да устроится превысочайшій престолъ патріаршескій въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Думаю, это будетъ не во вредъ благочестію, но послужитъ къ преуспѣянію вѣры Христовой“. Уѣзжавшій изъ Москвы съ большими дарами патріархъ антіохійскій принялъ порученіе спросить согласіе на это у восточныхъ патріарховъ. Чрезъ нѣсколько времени за такимъ же сборомъ пожертвованій и уже съ согласіемъ патріарховъ пріѣхалъ въ Москву патріархъ константинопольскій Іеремія. Ему было предложено стать патріархомъ всероссійскимъ, но жить не въ Москвѣ, а во Владимірѣ. Онъ отъ этого отказался, но посвятилъ въ патріархи митрополита Іова 26 января 1589 года.

Большую важность имѣло совершившееся въ это царствованіе прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. На Руси мало было развито рабство. Рабами—полною собственностью господъ были такъ называемые холопы или кабальные, образовавшіеся изъ военно-плѣнныхъ или людей, купленныхъ внѣ предѣловъ Россіи въ рабство, изъ несостоятельныхъ должниковъ и изъ добровольно продавшихся въ рабство. При мягкости славянской натуры обращеніе съ рабами у насъ не было столь тяжкимъ, какъ у другихъ народовъ; они часто отпускались господами на волю или убѣгали и рѣдко разыскивались и были возвращаемы назадъ. Весь низшій классъ народа представлялъ свободную или вольную массу преимущественно хлѣбопашцевъ или земледѣльцевъ, которые называли себя крестьянами, т.-е. христіанами. Но крестьянство и при громадномъ обиліи пустопорожнихъ земель мало выдѣляло изъ себя собственниковъ. Это объяснялось трудностью отдѣльнымъ людямъ и даже ихъ группамъ-общинамъ обрабатывать дѣвственную цѣлину Русской земли и обзаводиться своимъ хозяйствомъ и усадьбами. При легкости обро-

ковъ за пользованіе владѣльческими землями, при возможности получить отъ землевладѣльцевъ и готовый инвентарь для обработки земли, крестьяне охотно селились на владѣльческихъ земляхъ; селились и на государевыхъ земляхъ, и тогда они назывались бѣлопашцами или бѣлосошными, или на государственныхъ и назывались черносошными. Равнымъ образомъ селились они на церковныхъ земляхъ, принадлежавшихъ монастырямъ и церквамъ, и на земляхъ бояръ-вотчинниковъ, имѣвшихъ наслѣдственныя земли, или на земляхъ помѣстныхъ, какія давались дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ за службу во временное пользованіе, съ обязательствомъ по царскому указу являться на государеву службу конными, людными и оружными и со своимъ провіантомъ, т.-е. на своемъ конѣ, со своимъ вооруженіемъ, съ однимъ или нѣсколькими слугами и запасомъ провіанта на первое время похода. Крестьяне, селясь на чужихъ земляхъ и обрабатывая ихъ за оброкъ землевладѣльцамъ, платившимъ поземельныя подати, были сначала свободны уходить съ занимаемыхъ ими земель. Но эти переходы были безпорядочны: крестьяне уходили съ земель то предъ временемъ ихъ обработки и посѣва, то во время жатвы, оставляя землевладѣльцевъ безъ работы, лишая ихъ возможности воздѣлывать землю, платить поземельныя подати и даже отправлять воинскую повинность. Въ виду этого государственная власть стала ограничивать право перехода крестьянъ съ одной земли на другую. До Ѳеодора Іоанновича установилось правило, что крестьяне могутъ уходить съ обрабатываемыхъ ими земель только по окончаніи всѣхъ сельскохозяйственныхъ работъ, съ наступленіемъ зимы, около Юрьева дня (день Георгія Побѣдоносца, 26 ноября) въ теченіе трехъ недѣль. Все остальное время года они были крѣпки землѣ и не могли уходить съ нея. Но при этомъ условіи къ началу XVII вѣка получило повсемѣстное господство слѣдующее явленіе. Земли мелкихъ землевладѣльцевъ, ихъ помѣстья, за уходомъ крестьянъ въ Юрьевъ день, оставались много лѣтъ необработанными, потому что крестьяне уходили къ крупнымъ землевладѣльцамъ, которые давали болѣе льготъ по обработкѣ своихъ земель. Этимъ мелкіе землевладѣльцы были поставлены въ безвыходное положеніе: имъ нечѣмъ было платить государству поземельные налоги съ необработанныхъ земель и не на что было отбывать воинскую повинность, не на что было ни купить коня, ни пріобрѣсти оружіе, ни снарядить людей въ походъ и проч. Между тѣмъ, эти мелкопомѣстные владѣльцы составляли главную войсковую массу. Жалованье же имъ государству, кромѣ земель,

платить было нечѣмъ, а земли необработанныя не давали ничего. Въ виду этого Борисъ Годуновъ отмѣнилъ право Юрьева дня, т.-е. право перехода крестьянъ съ одной земли на другую. Такъ крестьяне стали крѣпкими землѣ, и возникло крѣпостное право. Въ началѣ оно не обращало крестьянъ въ рабовъ или холоповъ, какъ слугъ господскихъ, и первоначально не давало права помѣщикамъ продавать ихъ безъ земли, оставляя крестьянамъ свободу трудиться и работать въ свою личную пользу. Но, несомнѣнно, и въ этомъ видѣ крѣпостное право представляло для крестьянъ большую тягость.

9-лѣтній царевичъ Димитрій жилъ съ матерью и ея братьями Нагими въ Угличѣ въ опалѣ отъ правителя государства Бориса Годунова; съ нетерпѣніемъ ожидали Нагіе совершеннолѣтія царевича, чтобы занять подобающее положеніе въ Москвѣ. Но это могло лишить Годунова власти и самого его повергнуть въ опальное состояніе. И онъ, конечно, думалъ не только объ этомъ, а и о возможности проложить себѣ путь къ престолу послѣ бездѣтнаго Ѳеодора. Питая властолюбивые замыслы достигнуть такой высоты, онъ окружилъ царевича и его родственниковъ своими людьми. Мамкой Димитрія сдѣлана была Волохова. Подъ предлогомъ наблюденія за земскими дѣлами и дворцовымъ хозяйствомъ посланъ былъ въ Угличъ дьякъ Михайла Битяговскій съ сыномъ Данилой и племянникомъ Качаловымъ. Эти-то люди и сдѣлались убійцами царевича; мать его подозрительно относилась къ этимъ годуновскимъ приставникамъ и не спускала глазъ съ царевича. Но вотъ что случилось 15 мая 1591 года: Пока царица, послѣ обѣдни, на которой была съ сыномъ, замѣшкалась въ хоромахъ дворца, мамка Волохова вмѣстѣ съ кормилицею повела гулять на дворъ царевича. Сынъ мамки царевича Осипъ Волоховъ подошелъ къ Димитрію и спросилъ: „это, государь, у тебя новое ожерелье?“ „Нѣтъ, старое“,— отвѣчалъ ребенокъ и поднялъ голову, чтобы показать ожерелье. Въ рукахъ Волохова сверкнулъ ножъ, но ударъ былъ невѣренъ, поранена была лишь шея, а гортань осталась цѣла. Злодѣй пустился бѣжать. Царевичъ упалъ, кормилица прикрыла его собой и стала кричать. Битяговскій сынъ и Качаловъ нѣсколькими ударами ошеломили кормилицу, оттащили отъ нея ребенка и дорѣзали его. На крикъ кормилицы выбѣжала изъ дворца царица-мать и съ раздирающими душу криками упала на тѣло своего сына. На дворѣ никого уже не было; по соборный понамарь, бывшій въ это время на колокольнѣ, видѣлъ совершившееся и ударилъ въ набатъ. Сбѣ-

жался народъ. Слыша отъ матери, что царевича убили подосланные Годуновымъ люди, убили обоихъ Битяговскихъ, Качалова и Волохова. Тѣло царевича было положено въ гробъ и поставлено въ церкви, а къ Ѳеодору Іоанновичу отправленъ былъ гонецъ съ извѣстіемъ о страшномъ злодѣяніи. Но гонца провели сперва къ Годунову; тотъ велѣлъ взять у него грамату, написалъ другую, гдѣ говорилось, что царевичъ самъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни. Ѳеодоръ Іоанновичъ долго и неутѣшно плакалъ о братѣ. Было назначено слѣдствіе, порученное людямъ, преданнымъ Годунову. Слѣдователи повели такъ розыски, что оказалось, будто и вправду царевичъ накололся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Обвинены были въ самоуправствѣ Нагіе и Угличане. Первыхъ отправили въ заточеніе; изъ вторыхъ многихъ казнили, а еще больше сослали въ Сибирь, куда отправленъ былъ и набатный колоколъ. Но народъ не вѣрилъ этому и считалъ виновникомъ убіенія царевича Димитрія Бориса Годунова; съ чуткой тревогой всѣ думали о кончинѣ царя Ѳеодора и толковали, что̀ будетъ послѣ его смерти.

81. Чудо отъ мощей царевича Дмитрія.

(Разсказъ пастуха патріарху).

„Въ младыхъ лѣтахъ“, сказалъ онъ, „я ослѣпъ,
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лѣчился
И зеліемъ, и тайнымъ нашептаньемъ;
Напрасно я ходилъ на поклоненье
Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
Напрасно я изъ кладезей святыхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи —
Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
Вотъ наконецъ утратилъ я надежду
И къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
А снилися мнѣ только звуки. Разъ
Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
Ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенья;
Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
Богъ милостивъ — и я тебя прощу.
Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ,
И я теперь — великій чудотворецъ.
Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ:
Что-жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.

Пойду — и въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святой соборъ и слушаю обѣдню.
И, разгорясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ-будто слѣпота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку
Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія. И мальчикъ
Повелъ меня — и только передъ гробомъ
Я тихую молитву сотворилъ,
Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и внука, и могилку".

82. Отмѣна Юрьева дня.

Было времячко, время давнее,
Время давнее, время славное:
На Руси жила воля-матушка;
Никого она не боялася,
И никто не смѣлъ обижать ее.
Какъ по селамъ, по богатымъ городамъ,
Безъ боязни всѣ расхаживали;
Передъ Юрьевымъ, да передъ славнымъ вольнымъ днемъ,
Отъ лихихъ бояръ да перехаживали;
Выбирали кто кого хотѣлъ
И служили — кому вздумалось.
Не понравится — и не нудятся;
Годъ промаются, годъ потрудятся,
А придетъ пора—не останутся;
Волѣ-матушкѣ всякъ поклонится
И пойдетъ туда, куда хочется.
Было времячко, время вольное,
Время вольное, переходное.
Но пришла на волюшку невзгодушка:
Юрьевъ день у бѣдной воли отняли
И дѣтей ея, людей свободныихъ,
Въ кабалу по смерть боярамъ отдали.

83. Смутное время на Руси (1598—1613 г.).

Послѣ нежданно-страшнаго и долго памятнаго татарскаго погрома въ первой половинѣ XIII вѣка земля Русская не переживала никогда такого печальнаго и такого рокового времени, какъ въ такъ называемое смутное время или въ лихолѣтье, когда государственная жизнь русскаго народа была потрясена до послѣднихъ основъ, когда отечеству нашему угрожала близкая опасность сдѣлаться добычею враждебныхъ сосѣдей. Оно избѣжало этой опасности и не изнемогло въ трудной борьбѣ, благодаря религіозно-патріотическому одушевленію лучшихъ сыновъ своихъ и вызванному ими всеобщему подъему народнаго духа.

Царь Борисъ Годуновъ (1598—1605 г.). Черезъ 6 лѣтъ послѣ убіенія Дмитрія умеръ царь Ѳеодоръ, не оставивъ наслѣдника. У Бориса все было давно ужъ подстроено, чтобы сѣсть на царство. Послѣ царя первымъ человѣкомъ въ государствѣ былъ московскій патріархъ, а патріархомъ былъ въ ту пору Іовъ, обла-

годѣтельствованный Борисомъ и совершенно ему преданный. Когда не стало царя въ Русской землѣ, народъ всѣ надежды свои возложилъ на патріарха, ожидая отъ него указанія, кого звать на царство. А патріархъ изо всѣхъ силъ хлопоталъ о томъ, чтобы царемъ сдѣлался Борисъ. О томъ же усердно хлопотали его друзья по всѣмъ областямъ Русской земли. Самъ Борисъ оставался въ сторонѣ и показывалъ видъ, что у него никогда и помысла не было о царскомъ престолѣ. Патріархъ созвалъ соборъ изъ духовныхъ лицъ, чиновниковъ и выборныхъ изъ городовъ. Соборъ рѣшилъ призвать на царство Бориса; но Борисъ отказался. Тогда устроили крестный ходъ, и патріархъ сказалъ ему: „не мы тебя просимъ, а пречистая Богородица, самъ Іисусъ Христосъ и великіе чудотворцы“. Борисъ принялъ царство и сказалъ: „клянусь, что у меня не будетъ ни одного бѣднаго“. За бѣдный народъ, дѣйствительно, онъ стоялъ крѣпко и не давалъ его обидѣть. Противъ неправосудія были постановлены новые строжайшіе законы. Когда судья уличался во взяткахъ, то у него все имѣніе отбирали въ казну. Если это былъ дьякъ, то его возили по городу и сѣкли, при чемъ на шеѣ у него висѣлъ мѣшокъ со взяткой, будь то деньги, мѣхъ или соленая рыба; потомъ преступника заточали. Другая забота у Бориса была та, чтобы въ Русской землѣ было больше знаній. Для этого Борисъ вызвалъ много иностранцевъ. Однихъ врачей при немъ было 6 человѣкъ. При немъ состоялъ цѣлый отрядъ войска, набранный изъ иностранцевъ, искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ. Борисъ хотѣлъ завести въ Москвѣ школу, въ которой бы преподавались иностранные языки; но нѣкоторые изъ совѣтниковъ Бориса, считавшіе грѣхомъ изученіе чужихъ языковъ, затормозили дѣло. Такъ какъ нельзя было завести школы въ Россіи, то Борисъ отправилъ учиться нѣкоторыхъ русскихъ за границу. Иностранцамъ никогда прежде не было такъ привольно на Руси: ихъ не презирали, а уважали и подражали имъ. Нѣкоторые бояре стали одѣваться по иноземному и брить бороду, чтобы понравиться царю, который любилъ все иноземное. Торговля съ иностранными государствами стала гораздо значительнѣе. При Грозномъ прибытіе англійскаго корабля въ Бѣлое море казалось чуть не чудомъ, а теперь въ одинъ годъ приходило кораблей до 30. Но не потому Борисъ стоялъ за бѣдныхъ и несчастныхъ, что онъ любилъ ихъ, а потому, что ему хотѣлось прослыть правднвымъ; иностранцевъ также онъ почиталъ больше для того, чтобы они хвалили его за границей.

Ему все казалось, что люди, которыхъ онъ обошелъ, сѣвши

на престолъ, бранятъ его и замышляютъ противъ него ковы. Поэтому-то онъ изъ всѣхъ силъ старался отличиться и показать, что онъ хотя и не царскаго рода, а правитъ, какъ природный царь. Поэтому-то онъ безпощадно преслѣдовалъ тѣхъ людей, которые казались ему опасными или по знатности своего рода, или по уму. Желая повредить этимъ людямъ, Борисъ не брезговалъ никакими неправдами. Борису хотѣлось знать, что говорятъ про него въ боярскихъ домахъ, и поэтому онъ заводилъ сношенія съ боярской прислугой. Разъ одинъ служка наговорилъ что-то царю на своего боярина. Служку сдѣлали дворяниномъ, дали ему помѣстье и объявили объ этой царской милости всенародно. Тогда боярскіе люди начали умышлять каждый на своего боярина. Сговорившись человѣкъ по 5—6, одинъ шелъ доносить, другихъ выставлялъ въ свидѣтели. Тѣхъ людей, которые не хотѣли видѣть господъ своихъ въ крови и разореніи, мучили пытками—огнемъ жгли, языки у нихъ рѣзали, по тюрьмамъ сажали. А доносчиковъ царь жаловалъ деньгами и помѣстьями. Отъ такихъ доносовъ пошла въ государствѣ большая смута: доносили другъ на друга духовныя лица, жены на мужей, дѣти на отцовъ; много было пролито крови невинной, многихъ казнили, другихъ сослали и разорили до основанія. Борисъ радъ былъ всякому доносу, хотя бы онъ былъ ложный, если только обносили ненавистныхъ ему людей Мало того, Борисъ не гнушался войти въ переговоры съ доносчиками, научалъ ихъ, какъ клеветать. Вотъ, напримѣръ, какъ сгубилъ Борисъ бояръ Романовыхъ, которые казались ему особенно опасными, потому что были родственниками угасшаго царскаго дома и были особенно любимы народомъ. Дворовый человѣкъ Романовыхъ, по его приказу, положилъ въ мѣшки разныхъ кореньевъ и эти мѣшки подкинулъ въ кладовую бояръ. Исполнивши это, онъ донесъ царю, что у Романовыхъ припасена отрава для Бориса. Царь послалъ чиновника для обыска, найдены были тѣ мѣшки и привезены прямо на дворъ къ патріарху. Собрано было множество народа, передъ которымъ высыпали коренья изъ мѣшковъ. Привели Романовыхъ, Ѳедора Никитича съ братьями. Борисовы бояре кричали на нихъ, какъ звѣри. Обвиненные не могли ни слова сказать по причинѣ страшнаго шума. Всѣхъ Романовыхъ, со всѣми ихъ родственниками и друзьями, отдали подъ стражу. Ѳедора Никитича и другихъ Романовыхъ не разъ приводили къ пыткѣ; пытали ихъ людей, мужчинъ и женщинъ, но никто не сказалъ въ осужденіе Романовыхъ. Долго Романовыхъ держали въ заключеніи. Наконецъ былъ объявленъ при-

говоръ: Ѳедора Никитича и его жену постричь въ монастырь, остальныхъ сослать — кого въ Сибирь, кого въ Вятку.

Царствованіе Бориса Годунова было очень тяжелымъ временемъ для русскаго народа. Русскую землю посѣтили неслыханныя бѣдствія. Лѣтомъ 1601 г. постоянно шли дожди, хлѣбъ до августа стоялъ зеленый, какъ трава, а на Успеньевъ день былъ большой морозъ и побилъ весь хлѣбъ. Зиму кой-какъ пробивались старыми запасами, изъ старыхъ же запасовъ произвели новый посѣвъ; но новое лѣто было еще несчастнѣе прежняго: хлѣбъ весь погибъ на корню. Тогда-то разразился страшный, небывалый голодъ. Хлѣба нельзя было достать нигдѣ. Видали людей, которые, валяясь по улицамъ, щипали траву, подобно скоту, зимою ѣли сѣно, у мертвыхъ находили во рту навозъ; мясо человѣческое продавалось на рынкѣ въ говяжьихъ пирогахъ. Голодный, еле живой народъ со всѣхъ сторонъ валилъ въ Москву, гдѣ Борисъ велѣлъ бѣднымъ раздавать деньги; но наконецъ народу скопилось такое множество, что Борисъ принужденъ былъ прекратить раздачу денегъ. Явился моръ. Говорятъ, въ одной Москвѣ погибло 500 тысячъ народу. За голодомъ и моромъ слѣдовали разбои. Люди, спасавшіеся отъ голодной смерти, составляли шайки и добывали себѣ хлѣбъ оружіемъ. Особенно много разбойниковъ выходило изъ боярской дворни. Во время голода многіе бояре были не въ силахъ кормить толпы своихъ слугъ и выгоняли ихъ отъ себя. Не только въ глухихъ и отдаленныхъ мѣстахъ, но подъ самой столицей не стало проходу и проѣзду отъ разбойниковъ. Борисъ выслалъ войско, и разбои уменьшились. Но затѣмъ Русскую землю постигла новая, страшная бѣда.

Лжедимитрій I (1605—1606 г.). Вдругъ разнесся по Руси странный слухъ... Стали поговаривать, что царевичъ Димитрій Іоанновичъ живъ, что въ Угличѣ тогда зарѣзали другого мальчика, а что вѣрные люди укрыли Димитрія, тайно увезли его куда-то, и что онъ скоро придетъ требовать у Годунова свое царство. Незадолго до этого шатался по Москвѣ бойкій, грамотный и смышленый молодой человѣкъ, по имени Юрій, сынъ галицкаго служилаго человѣка Богдана Отрепьева. Проживалъ онъ больше по домамъ тѣхъ бояръ, которые были подозрительны царю, почему и за нимъ стали слѣдить. Пришлось Юрію Отрепьеву искать болѣе вѣрнаго пристанища и ушелъ онъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ и постригся въ монахи подъ именемъ Григорія. Какъ человѣкъ хорошо грамотный, онъ былъ замѣченъ самимъ патріархомъ Іовомъ и взятъ

имъ къ себѣ для книжнаго письма. Но здѣсь инокъ Григорій сталъ разсказывать, что будетъ царемъ на Москвѣ. Доложили царю Борису про дерзкія рѣчи молодого монаха и царь приказалъ сослать Григорія въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, но инокъ Григорій бѣжалъ. Убѣжавъ изъ Чудова монастыря, Григорій побоялся оставаться въ Москвѣ и даже на Руси и пошелъ, питаясь подаяніями, на Украйну. Такъ добрался онъ до Кіева, и здѣсь послѣ пріюта въ одномъ изъ монастырей онъ, уходя, велѣлъ передать архимандриту записку, въ которой говорилъ, что онъ царевичъ Дмитрій, сынъ царя Іоанна Васильевича, и что онъ не забудетъ монастырской хлѣба-соли. Пробравшись въ Польшу, Отрепьевъ скинулъ монашескія одежды, въ городѣ Гащи поучился въ тамошней школѣ, потомъ успѣлъ побывать въ Запорожьѣ и наконецъ поступилъ на службу къ польскому пану, князю Адаму Вишневецкому. Состоя на этой службѣ, притворился онъ однажды тяжко больнымъ и попросилъ, чтобы привели священника для исповѣди передъ смертью. Просьбу его исполнили. На исповѣди Отрепьевъ сказалъ священнику: „Умираю, похорони меня такъ, какъ хоронятъ царскихъ дѣтей. Видно судилъ мнѣ Богъ умереть въ скитаніи. По смерти найдешь подъ подушкой бумагу, гдѣ сказано, кто я таковъ, но не выдавай моей тайны“. Чего втайнѣ желалъ Григорій, то и случилось. Вѣсть была важная и священникъ не посмѣлъ скрыть ее отъ Вишневецкаго. Вишневецкій улучилъ время, вынулъ изъ-подъ подушки Отрепьева бумагу и прочелъ ее. А въ ней говорилось, что Годуновъ составилъ заговоръ съ цѣлью убить царевича Дмитрія, чтобы самому занять престолъ русскій послѣ смерти бездѣтнаго царя Ѳеодора, что объ этомъ узнали, что убитъ былъ въ Угличѣ подставной мальчикъ, а настоящаго царевича успѣли спрятать и воспитать въ монастырѣ подъ чужимъ именемъ, и, наконецъ, что Годуновъ случайно узналъ все это, почему царевичу Дмитрію пришлось бѣжать, скрываясь отъ преслѣдованій. Прочитавъ бумагу, Вишневецкій повѣрилъ всему въ ней написанному и поспѣшилъ разславить, что у него въ домѣ скрывается настоящій законный наслѣдникъ Россійскаго престола, братъ покойнаго царя Ѳеодора — царевичъ Дмитрій. Такимъ-то образомъ появился первый самозванецъ — Лжедимитрій, то-есть ложный Дмитрій. Лжедимитрій же, конечно, очень скоро поправился отъ мнимой смертельной болѣзни... Къ Вишневецкому стали съѣзжаться польскіе паны посмотрѣть на чудесно спасеннаго царевича. А молва пошла и пошла, пробралась на Русь и многихъ смутила...

Лжедимитрій же не терялъ времени въ Польшѣ. Ему приходилось бесѣдовать съ католическими монахами и онъ сдѣлалъ видъ, что будто бы проникается ихъ вѣрованіями, видитъ заблужденіе православныхъ и наконецъ согласился обратиться въ католичество. Это обращеніе много ему помогло: всѣ католики обѣщали ему помогать съ тѣмъ, конечно, чтобы онъ обратилъ всѣхъ православныхъ Московскаго государства въ католичество, когда взойдетъ на престолъ. Польскіе вельможи начали устраивать большія празднества въ честь Московскаго царевича. У одного изъ такихъ вельможъ, Сандомирскаго воеводы Юрія Мнишка, самозванцу понравилась дочь — Марина. Онъ рѣшилъ жениться на ней, но свадьба была отложена до его восшествія на престолъ. Въ началѣ 1604 года Мнишекъ повезъ своего будущаго зятя въ городъ Краковъ къ королю Сигизмунду III. Вѣрить или не вѣрить самозванцу, что онъ истинный царевичъ, для Поляковъ было безразлично: имъ выгодно было завести смуту на Руси и тѣмъ ослабить могущество сосѣдняго царства, но съ другой стороны король Сигизмундъ побаивался и царя Бориса. Какъ было ему поступить? И пустился король на хитрости. Сказалъ, что онъ вѣритъ, что прибывшій съ Мнишкомъ есть дѣйствительно сынъ Іоанна Грознаго, но отказался самъ явно помогать ему войсками и разрѣшилъ искать такой помощи у вельможъ польскихъ. Пользуясь такимъ разрѣшеніемъ, Мнишекъ собралъ для Лжедимитрія 1600 человѣкъ разнаго сброду. Но такого безпокойнаго люду было много и въ самомъ Московскомъ государствѣ, особенно по его окраинамъ... Заволновалась Русь; многимъ приходило въ голову, что и въ самомъ дѣлѣ можетъ быть правда, что царевичъ спасся. Говорили объ этомъ даже въ самой Москвѣ. Царь Борисъ писалъ королю Сигизмунду, что называющій себя царевичемъ есть попросту бѣглый монахъ, Отрепьевъ. Патріархъ Іовъ всенародно проклялъ Гришку Отрепьева и разослалъ граматы съ увѣщеваніемъ не вѣрить спасенію Дмитрія. А въ то же время по Руси стали ходить подметныя граматы самозванца. Народъ не зналъ кому вѣрить.

Въ октябрѣ 1604 года Лжедимитрій вступилъ въ русскіе предѣлы. Многіе города стали ему сдаваться, признавая его за своего законнаго государя. Одинъ Новгородъ-Сѣверскій удержался, защищаемый воеводою Петромъ Ѳеодоровичемъ Басмановымъ. Царское войско подъ начальствомъ князя Мстиславскаго было разбито. Тогда Борисъ послалъ противъ самозванца Шуйскаго. На этотъ разъ Лжедимитрій былъ разбитъ и затворился въ Путивлѣ, но къ

нему пришли 4000 донскихъ казаковъ. Воеводы московскіе дѣйствовали нерѣшительно, такъ какъ видѣли, что многіе воины сомнѣваются, не сражаются ли они противъ истиннаго царевича. Такъ шли дѣла, какъ вдругъ 13-го апрѣля 1605 года скоропостижно скончался царь Борисъ: Москва присягнула сыну его Ѳеодору. Это былъ прекрасный, хорошо образованный юноша. Но были на Москвѣ и такіе люди, что смущали народъ и кричали: не хотимъ служить Борисову роду. Противъ самозванца юный царь Ѳеодоръ послалъ къ войскамъ на смѣну Шуйскаго храбраго защитника Новгорода-Сѣверскаго воеводу Басманова. Пріѣхалъ Басмановъ къ войскамъ, увидалъ, что многіе и здѣсь чуть не открыто говорятъ, что ихъ заставляютъ сражаться противъ царевича, увидалъ, что съ такими воинами не справиться со Лжедимитріемъ,—и рѣшился на измѣну своему царю и сыну своего благодѣтеля: передъ войсками Басмановъ призналъ самозванца за истиннаго Дмитрія и передался ему. Лжедимитрій съ торжествомъ пошелъ на Москву, а въ Москвѣ въ это время царя Ѳеодора свергли съ престола, и люди, пріѣхавшіе изъ стана самозванца, звѣрски умертвили несчастнаго юнаго Ѳеодора и мать его; сестру же царя — царевну Ксенію Борисовну заточили въ монастырь, а послѣ постригли въ монахини; свергнули также патріарха Іова; родственниковъ Годуновыхъ разослали въ заточеніе. Въ іюнѣ самозванецъ вступилъ съ торжествомъ въ Москву, какъ истинный царь. Надо было доказать народу, что онъ дѣйствительно Дмитрій, сынъ Грознаго. Могла это подтвердить его мать Марѳа, постриженная въ монахини при Годуновѣ. Послѣ тайнаго свиданія съ Лжедимитріемъ инокиня Марѳа всенародно признала самозванца за сына. Вскорѣ послѣ этого новый царь короновался обычнымъ порядкомъ. Возвращены были изъ ссылки пострадавшіе при Годуновѣ Романовы и Нагіе. Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ (въ монашествѣ Филаретъ) былъ сдѣланъ Ростовскимъ митрополитомъ. На патріаршій престолъ вмѣсто Іова возвели архіепископа Рязанскаго Игнатія. Послѣ этого новый царь далъ народу много льготъ, такъ что имъ были довольны; одно только стали замѣчать москвичи, что царь потакаетъ Полякамъ, не отправляетъ ихъ на родину, бесѣдуетъ съ монахами-католиками, не соблюдаетъ православныхъ церковныхъ правилъ, постовъ, не молится православнымъ иконамъ. И стали припоминать слухи, которые стали расходиться съ самаго вступленія Лжедимитрія въ Москву: еще тогда князь Василій Ивановичъ Шуйскій черезъ преданныхъ людей говорилъ, что истинный Дмитрій убитъ въ Угличѣ, а въ Москву вступилъ

самозванецъ. Опять пошло недоумѣніе въ народѣ: подлинно ли хорошо поступили, свергнувъ молодого Ѳеодора Годунова съ престола. А тутъ какъ-разъ пріѣхала царская невѣста Марина Мнишекъ. Съ нею понаѣхало много Поляковъ. Никогда того не бывало, чтобы русскіе цари женились на чужеземкахъ не царскаго рода: такихъ невѣстъ и у себя на Руси было много. Не нравилось и это. Къ тому же Поляки вели себя дерзко, глумились надъ Русскими, такъ что нерѣдко и драки съ ними затѣвались. Слуху, пущенному Шуйскимъ, стали все больше да больше вѣры давать. Зналъ объ этихъ толкахъ въ народѣ князь Шуйскій и задумалъ онъ извести самозванца. Нашлись у него и сообщники. Стали ждать удобнаго случая, который вскорѣ и представился.

Состоялось царское вѣнчаніе съ Мариной. Сильно были недовольны русскіе люди. Новая царица не отреклась отъ латинства и осталась католичкой; вѣнчаніе происходило 8-го мая на пятницу и наканунѣ Николина дня, что было противъ православнаго церковнаго устава. Свадебные пиры шли на польскій образецъ; нарядъ царя и царицы былъ не русскій, а польскій. А Поляки такъ совсѣмъ разошлись, скакали по Москвѣ на коняхъ да кричали: „дали мы вамъ и царя и царицу“. Видѣлъ Шуйскій, что народъ недоволенъ, и, собравъ ночью заговорщиковъ, рѣшилъ дѣйствовать. Въ ночь съ 16-го на 17-е мая оцѣпили Кремль войсками и на разсвѣтѣ ударили въ набатъ сразу въ нѣсколькихъ церквахъ. Народъ повысыпалъ на улицу. Наученные же Шуйскимъ люди бѣгали и кричали: „Поляки бьютъ государя“. Раздраженъ былъ народъ противъ Поляковъ и кинулся бить ихъ чѣмъ попало. А тѣмъ временемъ главные заговорщики ворвались во дворецъ. Лжедимитрій, спасаясь отъ нихъ, выскочилъ въ окно и разбился. Караульные стрѣльцы хотѣли защитить его, но одинъ изъ бояръ сказалъ, что онъ ходилъ къ царицѣ Марѳѣ, матери Дмитрія, и она объявила, что истинный Дмитрій зарѣзанъ въ Угличѣ, а царствуетъ обманщикъ. Тогда Лжедимитрій былъ убитъ вмѣстѣ съ вѣрнымъ ему Басмановымъ. Толпа издѣвалась надъ его трупомъ. На самозванца надѣли маску и положили на столъ съ дудкой и волынкой. Три дня онъ лежалъ такъ, потомъ его похоронили; но черезъ нѣсколько дней трупъ его вырыли изъ земли, сожгли и, смѣшавши пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили изъ пушки въ ту сторону откуда пришелъ самозванецъ. Не стало ложнаго царя. Надо было избрать новаго. Предлагали-было соборъ созвать, но время было горячее, надо было дѣйствовать скорѣе, всѣ видѣли, что безгосударное время — самое

страшное. 19-го мая на Красной площади въ Москвѣ толпился народъ. Вышли бояре съ духовенствомъ. Выборовъ собственно не было. Закричали въ народѣ, что царемъ долженъ быть Василій Ивановичъ Шуйскій. Никто не могъ возвысить голоса противъ него, такъ какъ знали, что главный виновникъ сверженія самозванца былъ онъ, князь Шуйскій. На томъ и порѣшили. Былъ свергнутъ и патріархъ и на его мѣсто возвели митрополита Казанскаго — Гермогена.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій (1606 — 1610 г.). Бояре и купцы московскіе превозгласили царемъ боярина Василія Ивановича Шуйскаго и посадили его на царство безъ земскаго собора, безъ согласія выборныхъ людей земли русской. Въ это же время въ Стародубскомъ краѣ появился новый самозванецъ, который тоже назвалъ себя царемъ Дмитріемъ. Онъ пустилъ въ народѣ слухъ, что бояре убили не царя, а нѣмца, похожаго на него, а его Господь спасъ во второй разъ. Этому самозванцу удалось перехватить и Марину Юрьевну, которая бѣжала въ Литву, на свою родину. Она изъ своихъ выгодъ согласилась признать и второго самозванца своимъ мужемъ. Лжедимитрій II со своимъ многочисленнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ Поляковъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ, расположился около Москвы, въ селѣ Тушинѣ, за что народъ и прозвалъ его „тушинскимъ воромъ“. Тяжело было въ это время положеніе земли Русской. Крѣпкой царской власти на Руси не было, силы военной тоже, законовъ и правосудія искать было негдѣ. Шайки Поляковъ, донскихъ казаковъ и русскихъ измѣнниковъ вольно расхаживали и разъѣзжали по Россіи, грабили и жгли города, села и деревни, избивали безъ милости старыхъ и малыхъ. Народъ разбѣгался по лѣсамъ, по пустыннымъ мѣстамъ, всюду укрываясь отъ грабителей и убійцъ. По ночамъ яркимъ заревомъ освѣщалось небо со всѣхъ сторонъ, стонъ и вопли оглашали воздухъ. Царь Василій Ивановичъ не могъ ничего сдѣлать въ это трудное время безъ казны и войска, безъ крѣпкой власти. Народъ не почиталъ Василія Ивановича за царя, такъ какъ онъ былъ посаженъ на царство не земскимъ соборомъ, а боярами и его приспѣшниками, а потому въ народѣ было шатанье, неустойчивость: сегодня служили царю, завтра самозванцу, а потомъ опять царю.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ царь Василій послалъ своего племянника Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, человѣка еще молодого, но крѣпкаго умомъ и духомъ и горячо любившаго свою страдающую родину, въ шведскую землю нанимать для

подмоги иноземную рать. Скопинъ, послѣ многихъ и долгихъ хлопотъ, нанялъ рать и началъ съ нею громить враговъ земли Русской. Вокругъ Троицкой Лавры облегли, въ числѣ тридцати тысячъ, Поляки и Литовцы, желавшіе воспользоваться сокровищами богатой обители. Монахи и ратные люди крѣпко держались въ Лаврѣ, всѣми силами защищали святыню и не поддавались врагамъ. Съ малыми силами Скопинъ не могъ оказать помощи Лаврѣ. Осажденнымъ помогъ счастливый случай. Польскій король Сигизмундъ, пользуясь безурядицей на Руси, задумалъ самъ захватить московскій престолъ. Онъ двинулся со своими войсками на городъ Смоленскъ и осадилъ его. Часть Поляковъ, бывшихъ на службѣ у тушинскаго вора, пошла къ Смоленску на помощь своему королю, а другая часть не хотѣла больше вѣдаться съ самозванцемъ и разбрелась въ разныя стороны для грабежа. Самозванецъ бѣжалъ въ Калугу, а лагерь его опустѣлъ. Литовцы и Поляки, осаждавшіе Лавру, заслышавъ про бѣгство тушинскаго вора и про осаду Смоленска, тоже сняли осаду и отступили. Скопинъ нагналъ отступавшихъ и нанесъ имъ сильное пораженіе. Лаврскіе защитники, послѣ шестнадцатимѣсячнаго сидѣнья, наконецъ вздохнули свободно. Теперь Скопинъ со своимъ войскомъ пошелъ въ Москву, такъ какъ путь былъ свободенъ. Москвичи встрѣтили Скопина съ великимъ восторгомъ и радостью, какъ своего избавителя. Царь Василій плакалъ отъ радости при встрѣчѣ со своимъ племянникомъ. Имя Михаила Васильевича было у всѣхъ на устахъ: онъ сдѣлался любимцемъ народа. Многіе уже хотѣли вмѣсто неспособнаго Василія посадить на царскій престолъ его племянника, но судьба рѣшила иначе: во время московскихъ празднествъ, когда всѣ чествовали доблестнаго Скопина, Михаилъ Васильевичъ умеръ. Говорятъ, что его отравила жена Димитрія Шуйскаго (брата царя Василія), надѣявшагося занять престолъ послѣ смерти бездѣтнаго царя Василія. Велико было горе всѣхъ честныхъ русскихъ людей, много слезъ пролито по молодомъ, славномъ Скопинѣ-Шуйскомъ. По смерти Скопина дѣла пошли еще хуже. Мятежъ и сумятица кругомъ. Поляки и измѣнники опять потянулись къ тушинскому вору, засѣвшему въ Калугѣ. Опять начались грабежи и убійства. Заволновалась и Москва. Царя Василія Ивановича обвинили въ смерти Скопина, насильно свели его съ царства, постригли въ монахи, а его родню заточили въ тюрьмы.

Междуцарствіе (1610—1613 г.). Когда свели съ престола Шуйскаго, царскою властью завладѣла, до выбора новаго царя,

боярская дума. Но царя выбрать было трудно. Одни тянули на сторону тушинскаго вора, другіе хотѣли поставить на царство польскаго королевича Владислава, третьи не хотѣли ни того, ни другого. Поляки стояли близко, грабежи не прекращались, надо было поторопиться съ выборомъ царя. Сторонники Владислава взяли верхъ и послали пословъ къ королю Сигизмунду, чтобы отпустилъ сына своего на царство; они соглашались признать Владислава царемъ, если онъ приметъ православіе и дастъ клятву крѣпко стоять за вѣру и Русскую землю. А чтобы калужскій воръ (Лжедимитрій II) съ помощью черни не ворвался въ Москву, бояре впустили въ городъ Поляковъ и сдали имъ Кремль. Русскіе послы, явившись къ Сигизмунду, осаждавшему Смоленскъ, передали ему волю москвичей. Сигизмунду не хотѣлось отпустить сына въ Москву, хотѣлось самому быть московскимъ царемъ, и онъ сталъ лукавить, затягивать переговоры, уклоняясь отъ прямого отвѣта. Послы тоже были несговорчивы: они не хотѣли признать царемъ Сигизмунда, просили Владислава. Король разгнѣвался на пословъ за ихъ неуступчивость и отправилъ ихъ плѣнниками въ Варшаву. Въ числѣ пословъ былъ и ростовскій митрополитъ Филаретъ (въ міру — Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ). Когда Русскіе прослышали, что царемъ хочетъ сдѣлаться самъ король Сигизмундъ, ярый приверженецъ латинства, желавшій и православныхъ обратить въ католичество, — русскіе города стали подыматься противъ Поляковъ. Первымъ поднялся рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ. 25 городовъ прислали ему подмогу. Съ этими силами Ляпуновъ пошелъ на Москву, гдѣ распоряжались Поляки. На пути къ нему пристали и казаки, служившіе тушинскому вору, такъ какъ Лжедимитрій II въ это время былъ убитъ въ Калугѣ. Ляпуновъ припялъ и ихъ. Поляки, заслышавъ, что противъ нихъ подымается русскій народъ, приступили къ патріарху, праведному старцу Гермогену, и требовали отъ него, чтобы онъ повелѣлъ разойтись ополченію. Патріархъ отказался исполнить ихъ требованіе, за что они заточили его подъ крѣпкую стражу. Противъ Ляпунова Поляки выслали сильный отрядъ; Поляки едва не разбили Ляпунова, но его выручилъ подоспѣвшій на помощь мужественный князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, который и разбилъ Поляковъ наголову. Поляки выслали противъ Пожарскаго другой отрядъ, но онъ разбилъ и этотъ. Поляки, сидѣвшіе въ Москвѣ, почуяли для себя бѣду; они отобрали у народа оружіе и всѣ желѣзныя вещи, боясь возстанія москвичей. Народъ отдалъ Полякамъ все это безъ сопротивленія. Потомъ Поляки стали требовать, чтобы

москвичи рыли канавы и укрѣпляли Москву. Москвичи отказались. Поляки думали, что это начало бунта, кинулись на безоружный народъ и перерѣзали до 7000 душъ. Остальные, видя гибель, вооружились кое-чѣмъ и схватились биться съ Поляками. Въ это время подоспѣлъ Пожарскій и вступилъ въ бой съ Поляками. Поляки зажгли Москву; выгорѣла большая часть города, остались только Китай-городъ да Кремль (серединныя части Москвы), гдѣ и укрылись Поляки. Во время сѣчи съ Поляками Пожарскій былъ тяжело раненъ и отправился въ Троицкую лавру на излѣченіе. Его замѣнилъ въ Москвѣ Ляпуновъ. Казаки, привыкшіе къ грабежу и разгульной жизни, не любили Ляпунова за то, что онъ не давалъ имъ воли и жестоко наказывалъ грабителей; не любили его и казацкіе атаманы, князь Трубецкой и Заруцкій, за гордость и крутой нравъ. Поляки провѣдали это и погубили Ляпунова. Они написали приказъ, въ которомъ повелѣвалось отъ имени Ляпунова послѣ изгнанія Поляковъ изъ Москвы перебить всѣхъ казаковъ за ихъ прежніе грабежи и обиды. Подъ этимъ приказомъ кто-то ловко подписался за Ляпунова и приказъ переслали казакамъ. Казаки возмутились и убили Ляпунова.

Мининъ и Пожарскій. Послѣ Ляпунова не осталось уже защитника и поборника за землю Русскую. Дѣла пошли такъ плохо, что и описать трудно. Россія была на краю гибели. Смольняне двадцать мѣсяцевъ отбивались отъ Поляковъ, но и ихъ силы истощились. Изъ 80 тыс. жителей въ Смоленскѣ осталось только 8 тыс., да и тѣ обезсилѣли отъ голода и неустаннаго боя и не могли долго держаться. Смоленскъ былъ взятъ Поляками, и Сигизмунду былъ открытъ путь въ Москву. Казалось, гибель была неминуема. Но промыслъ Божій спасъ Россію. Народъ какъ бы встрепенулся. Всѣ почуяли грозную бѣду, всѣ сознали, что надо слиться въ одно тѣло, въ одинъ духъ, чтобы грудью отстоять родину. Разнесся слухъ, что кому-то было видѣніе, что Русь не спасется, пока не покается. По всѣмъ городамъ и селамъ народъ наложилъ на себя строгій трехдневный постъ. Никто ничего не ѣлъ; не ѣли даже дѣти. Всѣ съ благоговѣніемъ готовились или погибнуть, или спасти свою родину, а съ нею и свою свободу. Въ это страшное время неоцѣненную услугу Россіи оказала Троицкая Лавра. Архимандритъ этой Лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ писали граматы и разсылали ихъ по всѣмъ концамъ Россіи, увѣщевая народъ стать какъ одинъ человѣкъ противъ надвигавшейся бѣды. Эти граматы читались повсюду въ церквахъ и производили сильное впечатлѣніе

на народъ. Люди плакали на сборищахъ и клялись умереть за отчизну. Стали подыматься города. Первымъ поднялся Нижній Новгородъ. Въ октябрѣ 1611 г. одна изъ граматъ архимандрита Діонисія попала въ Нижній Новгородъ. Соборный протопопъ прочелъ ее послѣ литургіи народу и увѣщевалъ откликнуться на зовъ святой Лавры. Земскій староста, по ремеслу мясникъ, Козьма Захарычъ Мининъ Сухорукъ, созвалъ народъ на площадь и сказалъ такую рѣчь: „Православные люди, поможемъ Москвѣ, и вмѣстѣ съ ней и нашей матери Россіи. Не пожалѣемъ своего имѣнія, продадимъ дворы свои, заложимъ женъ и дѣтей и выберемъ себѣ кого-нибудь начальникомъ. Дѣло великое! съ Божіей помощью мы его исполнимъ и какая намъ будетъ похвала отъ всей земли Русской! Намъ стоитъ только начать, и всѣ города къ намъ пристанутъ, и мы избавимся отъ иноземцевъ“. Такая рѣчь по душѣ была народу. Всѣ согласились жертвовать на святое дѣло и свою жизнь и свой достатокъ. Козьма Захарычъ первый показалъ примѣръ и пожертвовалъ свое достояніе на великое дѣло: онъ приказалъ бывшимъ тутъ же своимъ дѣтямъ и женѣ нести на площадь всѣ скопленныя деньги и цѣнныя вещи, какія найдутся въ домѣ. Сокровища Минина были принесены и положены предъ народнымъ сходомъ. Его примѣру послѣдовали и другіе. Несли все, кто считалъ у себя что лишнимъ и безъ чего могъ обойтись. Скоро собралась большая сумма денегъ и много цѣнныхъ вещей. Но этого было мало. Мининъ убѣдилъ Нижегородцевъ произвести оцѣнку имущества горожанъ и взять въ общую кассу пятую часть. Всѣ согласились. Деньги были собраны, надо было найти военную силу и начальника надъ войскомъ. Ополченіе скоро собралось со всѣхъ городовъ, такъ какъ молва о движеніи въ Нижнемъ Новгородѣ разнеслась по всѣмъ городамъ Россіи, и города спѣшили прислать свои ополченія и денегъ на снаряженіе новыхъ отрядовъ. Скоро нашелся и военачальникъ для этихъ силъ. Козьма Мининъ указалъ на храбраго князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который въ это время жилъ въ своемъ помѣстьѣ, въ 120 верстахъ отъ Москвы. Пожарскій уже оправился отъ ранъ и съ радостью согласился принять начальство надъ ополченіемъ. Онъ только потребовалъ, чтобы хранителемъ и распорядителемъ земской казны выбрали Козьму Минина. Мининъ согласился.

Ополченіе изъ Нижняго пошло вверхъ по Волгѣ, къ Костромѣ и Ярославлю. На пути постепенно увеличивалась и рать, и казна. Архимандритъ Діонисій призывалъ защитниковъ скорѣе на Москву,

такъ какъ ей отъ Поляковъ грозила конечная гибель. Ополченіе двинулось на Москву. Поляки и русскіе измѣнники, заслышавъ объ этомъ, встревожились. Они приступили къ заключенному патріарху Гермогену и требовали, чтобы онъ повелѣлъ разойтись ополченію. Мужественный старецъ отвѣчалъ: „да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на спасеніе родины, а вы да будете прокляты!“ За эту рѣчь Поляки заморили патріарха голодомъ. Ополченіе, разбивая на пути шайки Поляковъ и казаковъ, подвигалось къ Москвѣ. Поляки подослали къ Пожарскому убійцу, но замыселъ ихъ не удался: убійца промахнулся. Пожарскій и Мининъ хотѣли-было отстоять Русь только земскими силами, безъ помощи казаковъ. Подъ Москвой земское ополченіе разбило себѣ особый лагерь, а казаки особый. Казаки рѣшились не принимать участія въ сраженіяхъ съ Поляками. Въ это время къ Москвѣ подошелъ свѣжій польскій отрядъ. Завязался бой между ополченіемъ и Поляками. Поляки, какъ болѣе искусные въ бояхъ, стали одолѣвать ополченіе; казаки не двигаются со своихъ мѣстъ и посмѣиваются надъ ополченцами: „пришли вы богаты, отстоитесь и одни“. Авраамій Палицынъ вошелъ въ казацкій лагерь и умолялъ помочь ослабѣвшей земской рати. Казаки послушались, кинулись на Поляковъ, но Поляки устояли и продолжали биться. Тогда Мининъ выпросилъ у Пожарскаго три дворянскія сотни, зашелъ Полякамъ въ тылъ и ударилъ на нихъ. Поляки не выдержали и побѣжали, а на другой день и совсѣмъ отошли отъ Москвы. Теперь оставалось покончить съ Поляками, засѣвшими въ Кремлѣ. Кремль былъ крѣпко обложенъ кругомъ, и у Поляковъ начался лютый голодъ. Поляки не могли держаться долго и скоро сдались. Радость Русскихъ была неописанная. Народъ молился, плакалъ. Всѣ поздравляли другъ друга, обнимались, цѣловались, какъ въ Свѣтлый Праздникъ. Начались крестные ходы и торжественное молебствіе. Восторженный народъ отъ чистаго сердца пѣлъ хвалебную пѣснь: „Тебѣ Бога хвалимъ“.

84. Монологъ Бориса Годунова.

Достигъ я высшей власти,
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно,
Но счастья нѣтъ душѣ моей.
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ

Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать,
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая.
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они-жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ,
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они-жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!..
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру, царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить!
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть!
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой,
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ, стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

85. Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.

Недавній гулъ сраженій смѣнили празднества;
Ликуя, веселится престольная Москва
И чествуетъ героя, который, ополчась,
Въ тяжелую годину страну родную спасъ;
Предъ кѣмъ благоговѣла вся Русская земля,
Когда вступилъ онъ въ стѣны священныя Кремля
Съ побѣдой, окруженный дружиной удальцовъ,
И въ честь его гудѣли всѣ „сорокъ сороковъ“,

И всѣ уста слилися въ восторженный привѣтъ:
„Хвала тому и слава на много, много лѣтъ,
Кто Русь отъ самозванца и ляховъ защитилъ:
Да здравствуетъ вовѣки князь Скопинъ Михаилъ!
Тебѣ, кто былъ престола Россійскаго щитомъ—
За подвигъ избавленья отчизна бьетъ челомъ".
И межъ толпы народа, въ блистающей бронѣ,
Князь Скопинъ тихо ѣхалъ на ратномъ скакунѣ,
И сердце ликовало въ груди богатыря,
И ликъ его былъ свѣтелъ, какъ ясная заря.
Самъ царь его съ почетомъ встрѣчаетъ у палатъ,
И мраченъ лишь Димитрій — царя Василья братъ.
Что день, то въ честь героя пиры и празднества,
На славу веселится престольная Москва.
Въ палатѣ Воротынскихъ крестинный пиръ горой;
Съ вечерни льются вина заморскія рѣкой.
Въ палатѣ золоченой, подъ звонъ веселый чаръ,
Побѣды воспѣваетъ недавнія гусляръ.
Онъ славитъ Михаила — Руси богатыря,
Избранника народа, избранника царя.
Внимаетъ пѣснопѣнью бояръ маститыхъ рядъ,
У юношей же взоры отвагою горятъ.
Но, чествуемый всѣми, не веселъ Михаилъ,
Сидитъ онъ за трапезой задумчивъ и унылъ.
И нѣтъ у князя прежнихъ чарующихъ рѣчей,
Улыбка не сіяетъ изъ голубыхъ очей.
Печалью отуманивъ прекрасное чело,
Въ душѣ его глубоко предчувствіе легло...
Онъ чуетъ, что не даромъ, лукавствомъ одержимъ,
Къ царю ходилъ Димитрій съ извѣтомъ воровскимъ.
Хоть царь Василій въ гнѣвѣ не внялъ его словамъ,
Но Дмитрій не прощаетъ и мстить умѣетъ самъ.
Во взорѣ дяди злобномъ читаетъ онъ вражду,
И этотъ взоръ невольно сулитъ ему бѣду...
Но тучка набѣжала и вновь умчится въ даль,
И молодца недолго преслѣдуетъ печаль.
—На все Господня воля! — рѣшилъ, подумавъ, князь,
И снова онъ внимаетъ пѣвцу, развеселясь,
И снова ликомъ свѣтелъ внимаетъ звону чаръ,
Веселью молодежи, рѣчамъ сѣдыхъ бояръ.
Но вотъ въ уборѣ, шитомъ каменіемъ цвѣтнымъ,
Кума къ нему подходитъ съ подносомъ золотымъ;
Ему подноситъ чару заморскаго вина
Княгиня Катерина, Димитрія жена.
Изъ рукъ ея съ поклономъ взялъ чашу Михаилъ
И всѣхъ улыбкой ясной, какъ солнце, озарилъ:
— Бояре! я за вѣру, за родину свою,
За здравье государя всея Русіи пью!—
Воскликнулъ онъ и кубокъ заздравный осушилъ,
И кликъ единодушный ему отвѣтомъ былъ.
Но что же съ Михаиломъ? Отрава? Злой недугъ?
Скользитъ тяжелый кубокъ изъ ослабѣвшихъ рукъ,

И блѣдность разлилася смертельная въ чертахъ
И пѣна проступаетъ на сомкнутыхъ устахъ...
Какъ юный дубъ могучій, подкошенный грозой,—
Онъ падаетъ на землю средь гридницы княжой.
Съ утра толпа народа спѣшитъ со всѣхъ концовъ,
Съ утра гудятъ уныло всѣ „сорокъ сороковъ“.
Какъ мать лишася сына, какъ горькая вдова—
Оплакиваетъ слезно престольная Москва
Того, кто столь недавно былъ вѣрнымъ ей щитомъ,
Кого она съ великимъ встрѣчала торжествомъ.
Зане по волѣ Божьей, во цвѣтѣ юныхъ силъ—
Почилъ ея защитникъ, князь Скопинъ Михаилъ!

86. Смерть патріарха Гермогена.

Обездолена крамолой,
Въ безднѣ смуты утопая,
Какъ корабль, гонимый бурей,
Погибаетъ Русь святая.
На Москвѣ пануютъ ляхи,
И измѣной безпримѣрной
Нагло выбранъ ужъ на царство
Королевичъ иновѣрный.
И засѣвъ въ Кремлѣ, Поляки
И измѣнники-бояре
Шумно, весело гуляютъ,
Словно въ бѣшепомъ угарѣ.
Вдругъ—нежданное извѣстье!
Все въ испугѣ, все въ смущеньи,
Нижній-Новгородъ поднялся!..
Собралося ополченье!..
Князь Пожарскій воеводой
Выбранъ цѣлою землею
И съ могучей земской ратью
Скоро будетъ подъ Москвою!...
Истомленнаго страданьемъ
Въ узахъ тягостнаго плѣна,
Непощадно мучатъ ляхи
Патріарха Гермогена,
Вымогая, чтобъ святитель
Грознымъ пастырскимъ прещеньемъ
На Москву низовой рати
Задержалъ бы наступленье.
Но безсильны надъ владыкой
Все, и лесть, и истязанье:
Шлетъ святитель вѣрной рати
Не запретное посланье,
А въ глазахъ враговъ смущенныхъ
Онъ ее благословляетъ
И помочь ей благость Божью
Со слезами умоляетъ.

Изможденъ святитель пыткой,
Истощились старца силы,
И предъ нимъ ужъ ангелъ смерти
Отворяетъ дверь могилы.
Но душа его святая,
На порогѣ самомъ рая,
Все болѣетъ и томится
О судьбѣ родного края.
И въ предсмертной агоніи,
Помертвѣлыми устами,
Все о немъ онъ молитъ Бога —
Молитъ жарко, со слезами.
Вдругъ подвалъ сырой и смрадный,
Гдѣ въ оковахъ онъ томился,
Преисполнясь ѳиміамомъ,
Чуднымъ свѣтомъ озарился.
И предсталъ предъ страстотерпцемъ,
Убѣленный сѣдинами,
Въ черной инока одеждѣ
Нѣкій старецъ, ветхій днями.
И прозрѣньемъ духа свыше
Умирающій святитель
Угадалъ, кто сей нежданный
Не отъ міра посѣтитель.
Былъ то Сергій преподобный,
Радонежскій чудотворецъ,
Вѣстникъ милости Господней,
Божьей правды ратоборецъ;
Неустанный, неумолчный,
Передъ благостью небесной
За святую Русь предстатель
И молитвенникъ болѣзный;
Кто своимъ благословеньемъ,
Въ пору бѣдствія иного,

Укрѣпилъ на бой съ Мамаемъ
Князя Дмитрія Донского.
„Миръ тебѣ, мой братъ о Богѣ! —
Кротко молвилъ гость чудесный,
Услыхалъ твою молитву
Сердцевѣдецъ Царь Небесный.
На твое за Русь родную
Призирая сокрушенье,
Онъ тебѣ, мой братъ, со мною
Посылаетъ утѣшенье.
Шлетъ тебѣ Онъ благовѣстье:
Отгони тоску сомнѣнья!
Не погибнетъ Русь святая,
Близокъ часъ ея спасенья!
Не погибнетъ Русь святая,
Врагъ надъ ней не вознесется, —
Сила земская возстала...
Братъ мой, вѣруй! Русь спасется!
Эта сила Русь вовѣки
Не продастъ и не обманетъ,
Эта сила скоро-скоро
Подъ Москвою грозно станетъ.
Грозно схватится съ врагами
И пробьетъ къ Москвѣ дорогу,
И въ Кремлѣ завѣтномъ скоро
Грянетъ „Слава въ вышнихъ Богу!“
Сокровенны для живущихъ
Тайны Божья провидѣнья!
Но тебѣ Господь въ часъ смертный
Посылаетъ откровенье:
Аки золото въ горнилѣ
Огнь палящій очищаетъ,
Какъ булатъ на наковальнѣ
Подъ ударами крѣпчаетъ;
Какъ въ природѣ бури, грозы,
Сокрушая то, что хило,
Возбуждаютъ, укрѣпляютъ
Все, что здраво, въ чемъ есть сила, —
Такъ, въ путяхъ Непостижимый,
Днями скорби и страданья
Воспитуетъ Богъ народы
На великое призванье.
Братъ мой, внемли, возвѣщаю
Волю Господа святую!
Ждетъ удѣлъ великій въ мірѣ
Нашу родину земную.
Будетъ время: средь народовъ
Русь высоко вознесется,
Но тяжелыми путями
Пробиваться ей придется.
И не разъ еще случится
Ей извѣдать горе злое,
Гнетъ неволи и безправья,
Горе смуты и крамолы,
Пришлыхъ хищниковъ обиды,
Скорби всяческой невзгоды;
Будутъ грозно подыматься
На нее войной народы,
Устроять ей будутъ ковы,
Зломъ иль завистью объяты,
И свои лихіе люди,
И чужіе супостаты.
И не разъ казаться будетъ,
Что, подъ гнетомъ бѣдъ и горя,
Краю нашему родному
Не отбиться въ этомъ спорѣ,
Не изжить ему бездолья
Выше силы, выше мѣры;
Возликуютъ супостаты,
Усомнятся маловѣры.
Но и въ черную годину,
Посреди борьбы неравной,
Не погибнетъ Русь святая
И народъ нашъ православный.
И съ враждою, и съ бѣдою
Онъ управиться съумѣетъ, —
Все онъ, стойкій, переможетъ,
Все онъ, крѣпкій, одолѣетъ.
И дождется и добьется
Онъ, за всѣ свои невзгоды,
Царства свѣта, царства правды,
Царства мира и свободы“.
Смолкнулъ Божій благовѣстникъ,
Скрылось чудное видѣнье.
Старецъ взоръ возвелъ на небо
И воскликнулъ въ умиленьи:
— „Русь не сгибнетъ! Русь спасется!..
Боже благости великой!
Отпущаеши Ты съ миромъ
Нынѣ, Господи Владыко,
Своего раба; прими же
Ты его въ свою обитель!“
И почилъ съ послѣднимъ словомъ
Успокоенный святитель.
Опочилъ онъ, русскимъ людямъ
Крѣпко вѣрить завѣщая,
Что отъ всяческой невзгоды
Отстоится Русь святая.

87. Заслуги Троицкой Сергіевской Лавры въ смутное время.

Проходили вѣка, мѣнялись игумены, мѣнялась братія, но порядки въ обители, освященные преп. Сергіемъ, оставались тѣ же. Строгое благочиніе, гостепріимство, горячая любовь къ родинѣ жили постоянно въ сердцахъ монаховъ. Слѣдуя высокому примѣру перваго игумена, троицкіе монахи не ограничивали своей дѣятельности стѣнами монастыря. Они жили жизнью всего русскаго народа. Въ горькія годины бѣдствій казна монастырская отдавалась въ распоряженіе отечества, молитвы иноковъ возносились къ Богу о ниспосланіи небеспой помощи. Особенно великія заслуги оказала Сергіева лавра въ такъ называемое лихолѣтье. Въ сентябрѣ 1608 года тридцатитысячное войско польское изъ числа собравшихся подъ знаменами тушинскаго вора, подъ начальствомъ пана Сапѣги, подступило къ Троицѣ. Поляки думали ограбить лавру, расхитить сокровища священныя, перебить троицкихъ иноковъ, среди всеобщаго колебанія оставшихся вѣрными престолу и отечеству. Сапѣга своими отрядами занялъ дороги. Монастырь въ то время былъ окруженъ стѣнами, снабженными всѣми приспособленіями на случай осады; на башняхъ были орудія для отраженія непріятеля. Но стѣны и башни были очень непрочны — и если бы Господь, по молитвамъ угодника Своего, не сохранилъ ихъ, то онѣ пали бы при первыхъ залпахъ изъ непріятельскихъ пушекъ. Изъ окрестныхъ селъ набралось всего около двухъ тысячъ, способныхъ съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить непріятеля, да 300 лаврскихъ иноковъ сверхъ рясъ надѣли воинскіе доспѣхи. Малы были защитники лавры числомъ, но бодры духомъ. Они защищали гробницу святую и честь имени русскаго отъ поруганія иноземцевъ. Всѣ надъ гробомъ св. Сергія цѣловали крестъ: сидѣть въ осадѣ безъ измѣны. Клялись пить чашу смертную за святую обитель, за родимый край. День и ночь пѣніе Божественное не умолкало въ обители. Поляки пальбою изъ 63-хъ пушекъ пытались разрушить каменную монастырскую ограду, но вреда большого не причинили. Стѣны дрожали, но не падали. Раскаленныя ядра летѣли мимо. Осажденные, видя чудесную помощь Божію, ободрились. По стѣнамъ разставили ратниковъ, установили очередь кому, гдѣ, когда держать охрану. Иноки старцы съ иконами обходили стѣны, увѣщевали ратныхъ людей. Въ ночь съ 12-го на 13-е октября Сапѣга повелъ приступъ съ лѣстницами, со стѣнобитными орудіями. Съ крикомъ, съ музыкой приближались

враги къ святымъ стѣнамъ: со стыдомъ, со скрежетомъ бѣжали они обратно къ своему лагерю. Залпъ троицкихъ пушекъ, камни, искусно метаемые, прогнали Поляковъ. Наши сдѣлали вылазку, гнались за ними, многихъ убили, ранили, захватили оружіе. Ночью 25-го октября осажденнымъ пришлось отбивать второй сильнѣйшій приступъ. Непріятель былъ вновь отброшенъ съ большимъ урономъ. Сапѣга, ожесточенный неудачей, рѣшилъ взорвать порохомъ монастырь. Осажденнымъ сдѣлалось извѣстно, что подъ стѣны обители ведется подкопъ. Но мѣсто подкопа никто разузнать не могъ. Съ каждой минутой ждали взрыва. Всѣ исповѣдались, пріобщились Св. Тайнъ, готовясь съ чистою совѣстью предстать предъ престоломъ Всевышняго. Въ такое скорбное время явился настоятелю пр. Сергій, молящійся предъ образомъ Св. Троицы, и, по окончаніи молитвы, сказалъ: „Бдите и молитесь! Всесильный Господь, по множеству щедротъ своихъ, еще милуетъ васъ и даетъ вамъ время на покаяніе“. Большимъ ободреніемъ для осажденныхъ было это видѣніе. Поляки усилили пальбу. 8-го ноября, въ день Архистратига Михаила, нѣсколько ядеръ попало въ лаврскій соборъ. Во время вечерни былъ разбитъ ядромъ, къ ужасу молящихся, большой колоколъ, поврежденъ образъ Архангела Михаила. Другое ядро пробило желѣзную дверь Троицкаго собора и ударило въ образъ св. чудотворца Николая. Благочестивый повѣствователь этихъ событій разсказываетъ, что человѣкъ уже не могъ отвратить вѣрной гибели обыкновенными средствами. Но крѣпкое упованіе на Господа и на св. Сергія не остывало въ Лаврѣ. Отъ угодника Божія ждали спасенія. Послѣ тяжкихъ минутъ испытанія чудная помощь явилась. Въ темную ночь многіе увидѣли ходящихъ вокругъ обители двухъ свѣтозарныхъ старцевъ, по образу и подобію угодниковъ Божіихъ— Сергія и ученика его Никона, изъ коихъ первый кадилъ стѣны и ограждалъ ихъ крестомъ, второй кропилъ святою водою и оба велегласно пѣли: „Спаси, Господи, люди Твоя“; потомъ, обратясь къ осаждающимъ, укоряли ихъ въ злодѣйскомъ замыслѣ: „Почто стекостеся разорити домъ Пресвятыя Троицы и въ немъ Божія церкви осквернити и иночествующихъ и всѣхъ православныхъ христіанъ погубити? но не дастъ вамъ жезла на жребій Свой Господь“. И многія иныя чудесныя видѣнія убѣдили защитниковъ, что св. Сергій не оставитъ ихъ своею помощью. На разсвѣтѣ 9-го ноября воеводы наши сдѣлали неожиданную вылазку. Взявъ благословеніе надъ гробомъ св. Сергія, рѣшили всѣ биться на смерть. Съ восторженными криками „Сергій нашъ заступникъ!“ ратники бросились на

непріятельскій лагерь. Враги не ожидали нападенія. Заряжать пушки, стрѣлять изъ нихъ—не успѣвали. Бросились въ рукопашную, рѣзались на ножахъ. Смятые Поляки обратились въ безпорядочное бѣгство. Но не кончились этою славною вылазкою испытанія, посланныя на долю осажденныхъ. Поляки, получивъ подкрѣпленіе, снова обложили монастырь. Въ самыхъ стѣнахъ обители, отъ страшной тѣсноты, появилась повальная болѣзнь. Уцѣлѣвшіе отъ вражьяго меча гибли отъ болѣзней. Вся зима прошла въ страшныхъ лишеніяхъ для осажденныхъ. Однако надѣялись, мужались до самой весны. Въ ночь на 28 мая 1609 года Лаврѣ суждено было отразить третій, послѣдній приступъ. Съ многочисленной конницей и пѣхотой, съ лучшими полками Сапѣга подходилъ на этотъ разъ къ Троицѣ. Лаврскіе подвижники были готовы снова встрѣтить врага: на стѣны вышли не только мужчины, но и женщины съ камнями, смолою, съ огнемъ, известью, сѣрою. Было общее убѣжденіе, что вражеская нога вступитъ въ святую обитель только тогда, когда всѣ поборники обратятся въ трупы. Послѣдней крови предстояло пролиться за гробницу св. Сергія. Старцы иноки неустанно молились, поручали души своей паствы Господу Богу. Темною ночью ляхи, какъ змѣи, подползли къ стѣнамъ. Наши ждали. Вдругъ грянулъ громъ польскихъ орудій. При свѣтѣ каменныхъ ядеръ пришлось разить врага. Между нашими, готовыми положить свою жизнь, не было ни страха, ни смятенія. Одни бодро отбивали нападающихъ ружейнымъ огнемъ, другіе свергали съ высокихъ стѣнъ вскарабкавшихся по лѣстницамъ смѣльчаковъ, третьи метали камни, обливали горячею смолою, сѣрою, ослѣпляли глаза известью. Цѣлую ночь ляхи нападали, православные отражали. Наступившее утро показало, что наши побѣдили. Сапѣга принужденъ былъ быстро удалиться. Скоро пришли царскія войска и заставили Сапѣгу оставить монастырь въ покоѣ. Лавра, продержавшись въ осадѣ 16 мѣсяцевъ, была наконецъ спасена. Защитниковъ въ послѣднее время было не болѣе 200 человѣкъ, да и тѣ изнуренные голодомъ. Такъ невидимая сила хранила святую обитель!

Когда государь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ низведенъ съ престола, Россія снова погрузилась въ бездну ужасовъ. 27-го августа 1610 года Поляки измѣною были впущены въ Москву, будто бы для усмиренія мятежной черни. Мнимые усмирители стали укрѣпляться въ Кремлѣ. Враги торжествовали: столица обращена была въ пепелъ; Смоленскъ и цѣлыя области оставались въ рукахъ Поляковъ, Новгородъ захваченъ былъ Шведами, шайки грабителей

бродили по государству, стойкій голосъ патріарха Гермогена замолкъ: Поляки засадили опаснаго для нихъ патріарха въ темницу. Казалось, сплоченную усиліями московскихъ правителей Россію сосѣди наши подѣлятъ на части. За гибелью столицы ждали гибели всего государства. Откуда, какъ не изъ Лавры, должно было выйти теперь слово, могущее возбудить къ дѣятельности. Государя не было, патріархъ томился въ темницѣ. Лавра, покрывшая себя еще такъ недавно неувядаемой славой; Лавра, гдѣ находилъ пріютъ всякій несчастный; Лавра, откуда нѣкогда исходило благословеніе на борьбу съ Татарами,—Лавра одна могла спасти отечество, и голосу ея всѣ внимали. И вотъ при общемъ отчаяніи поспѣшили на спасеніе отечества достойные представители Троице-Сергіевой Лавры: архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ. Они увѣщаніемъ стали дѣйствовать на народъ, потерявшій надежду на лучшее будущее. Какая же русская душа могла быть безучастной къ тому кличу по Русской землѣ, которымъ архимандритъ Діонисій изъ стѣнъ народной святыни призывалъ на спасеніе родины? Вотъ какія граматы разсылались Діонисіемъ: „Православные христіане! вспомните истинную, православную вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатію, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать во Святую Троицу. Возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобы быть всѣмъ православнымъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое разоренье учинили они въ Московскомъ государствѣ. Гдѣ Святыя Божія церкви и Божіи образы? гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, инокини, добродѣтелями украшенныя, не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? не пощажены ни старцы, ни младенцы грудные. Смилуйтесь, ратными людьми и казною помогите!“ Граматы не остались безъ дѣйствія. Первыми поднялись Нижегородцы по призыву Кузьмы Минина Сухорукаго. Явилось небывалое народное движеніе. Искра, брошенная изъ стѣнъ Троицкаго монастыря, породила яркое пламя, охватившее сердца русскія. Съ молитвою къ св. Сергію составлялось большое ополченіе; главнымъ воеводою былъ избранъ князь Пожарскій. 26-го ноября 1612 г. это ополченіе отняло Москву у Поляковъ.

88. Ночь передъ приступомъ.

Поляки ночью темною,
Предъ самымъ Покровомъ,
Съ дружиною наемною
Сидятъ передъ огнемъ.
Исполнены отвагою,
Поляки крутятъ усъ,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.
И съ польскою державою
Пришли изъ разныхъ странъ,
Пришли войной неправою
Враги на Россіянъ.
Тутъ волохи усатые,
И угры въ чекменяхъ,
Цыгане бородатые
Въ косматыхъ кожухахъ...
Валя толпою пѣгою,
Пришла за ратью рать
Съ Лисовскимъ и Сапѣгою
Престолъ нашъ воевать.
И вотъ, махая бурками
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками
Вкругъ яркаго огня
Съ ухватками удалыми
Несутся ихъ ряды,
Гремя, звеня цимбалами,
Кричатъ, поютъ жиды,
Брянчатъ цыганки бубнами,
Наѣздники шумятъ,
Дѣлами душегубными
Грозитъ ихъ ярый взглядъ.
И всѣ стучатъ стаканами:
„Да здравствуетъ Литва!“
Такъ возгласами пьяными
Встрѣчаютъ Покрова.
А тамъ, едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель черпецовъ.
Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.
Среди мечей зазубренныхъ,
Въ священныхъ стихаряхъ,
И въ панцыряхъ изрубленныхъ,
И въ шлемахъ, и въ тафьяхъ,
Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держатъ грозною
Кресты и топоры.
Священному ихъ пѣнію
Вторитъ высокій храмъ,
Желѣзное терпѣніе
На диво ихъ врагамъ.
Не разъ они, предъ битвою,
Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой;
Не разъ, сверкая взорами,
Они въ глубокій ровъ
Сбивали шестоперами
Литовскихъ удальцовъ.
Ни на день въ ихъ обители
Гласъ Божій не затихъ,
Блаженные святители,
Въ окладахъ золотыхъ,
Глядятъ на нихъ съ любовію,
Святыхъ ликуетъ хоръ:
Они своею кровію
Литвѣ дадутъ отпоръ!
Но, чу! Тамъ пушка грянула,
Во тьмѣ огонь блеснулъ,
Рать вражія воспрянула,
Раздался трубный гулъ!..
Молитесь Богу, братія!..
Начнется скоро бой!
Я слышу ихъ проклятія,
И гиканье, и вой;
Несчетными станицами
Идутъ они вдали —
Приляжемъ за бойницами,
Раздуемъ фитили!..

89. Козьма Мининъ на Нижегородской площади.

Темноголубыя небеса становились часъ отъ часу прозрачнѣе и бѣлѣе; величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ запылалъ, и первый лучъ восходящаго солнца, осыпавъ искрами

позлащенныя главы соборныхъ храмовъ, возвѣстилъ наступленіе незабвеннаго дня,—дня, въ который раздался и прогремѣлъ по всей землѣ Русской первый общій кликъ: „умремъ за вѣру православную и святую Русь!“ Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой, вотъ третій... все чаще, все сильнѣе... призывный гулъ промчался по всей окрестности—и все ожило въ Нижнемъ-Новгородѣ. Какъ бурное море, шумѣлъ и волновался народъ на городской площади; бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные—всѣ тѣснились вокругъ лобнаго мѣста; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: „Вотъ Козьма Мининъ! Глядите, вонъ онъ!“ и человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взошелъ на лобное мѣсто. Оборотясь къ соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны, и, по мановенію руки его, утихло все вокругъ лобнаго мѣста; мало-по-малу молчаніе стало распространяться по всей площади, шумъ отдалялся, глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише... тише... и черезъ нѣсколько минутъ лишенный зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

„Граждане нижегородскіе! началъ такъ безсмертный Мининъ. Кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій царства Русскаго?.. Мы всѣ видимъ его гибель и разореніе, а помощи и очищенія ни откуда не чаемъ. Доколѣ злодѣямъ и супостатамъ напоять землю Русскую кровію нашихъ братьевъ? Доколѣ православнымъ стонать подъ позорнымъ ярмомъ иновѣрцевъ? Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе! Потерпимъ ли мы, чтобъ царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? Предадимъ ли на поруганіе пречистый образъ Владимірскія Божія Матери и честныя, многоцѣлебныя мощи Петра, Алексія, Іоны и всѣхъ московскихъ чудотворцевъ? Покинемъ ли въ рукахъ иновѣрцевъ сиротствующую Москву?.. Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе!“—„Нѣтъ, нѣтъ! загремѣли тысячи голосовъ. Идемъ къ Москвѣ! Не выдадимъ святую Русь!“—„Итакъ, во имя Божіе, къ Москвѣ!.. Но чтобъ не безплодно положить намъ головы и смертію нашей искупить отечество, мы должны избрать достойнаго воеводу. Я былъ въ Пурецкой волости у князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго; едва излѣчившійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустрашимый военачальникъ готовъ снова обнажить мечъ и

грянуть Божіею грозой на супостата. Граждане нижегородскіе! хотите ли имѣть его главою? любъ ли вамъ стольникъ и знаменитый воевода, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій?“ — „Хотимъ! хотимъ!.. онъ любъ намъ“, воскликнулъ народъ, волнуясь часъ отъ часу болѣе.— „Граждане и братіи! продолжалъ Мининъ. Неужели, умирая за Вѣру христіанскую и желая стяжать нетлѣнное достояніе въ небесахъ, мы пожалѣемъ достоянія земного? Нѣтъ, православные! Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ все злато и серебро; а если мало и сего, продадимъ всѣ имущества, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ... Вотъ все, что я имѣю,—продолжалъ онъ, бросивъ на лобное мѣсто большой мѣшокъ, наполненный серебряной монетою; и пусть выступитъ желающій купить мой домъ — съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ, а Нижнему-Новгороду; а я самъ, мы всѣ, вся кровь наша — земскому дѣлу и всей землѣ Русской!“ „Отдаемъ всѣ наши имущества за Вѣру православную и святую Русь! загремѣли безчисленные голоса. Нарекаемъ тебя выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ! Храни казну нижегородскую!“ воскликнулъ весь народъ. Въ эту минуту общаго восторга разверзлись западныя двери соборнаго храма Преображенія Господня, и печерскій архимандритъ Ѳеодосій, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился, весь духовный синклитъ взошелъ на лобное мѣсто. Раздался громкій благовѣстъ. Іереи запѣли соборомъ „Царю небесный! утѣшителю, Душе истины!“ и Мининъ, а вслѣдъ за нимъ всѣ граждане преклонили колѣна. Когда-жъ, благословляя оружіе христолюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Ѳеодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: „Господи Боже нашъ, Боже силъ! Сильный въ крѣпости и крѣпкій во бранѣхъ...“ народъ палъ ницъ, зарыдалъ, и всѣ мольбы слились въ одну общую, единственную молитву: „да спасетъ Господь царство Русское!“ По окончаніи молебствія Ѳеодосій, осѣнивъ животворящимъ крестомъ и окропивъ святой водою усердно молящійся народъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: „Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Спѣшите, избранные Господомъ, на спасеніе страждущей Россіи! Какъ огонь палящій, предъидетъ сила Господня предъ вами, и посрамится врагъ нечестивый, и возрадуются сердца православныхъ! Воины Христовы! не жалѣйте благъ земныхъ: слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на землѣ и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите во имя Господне!.. На васъ

благословеніе всѣхъ пастырей духовныхъ! За васъ святыя молитвы страдальца Гермогена! Кто противъ васъ? Кто противъ Господа силъ?“ Всѣ спѣшили по домамъ, чтобъ сносить свои имущества на площадь, и не прошло получаса, какъ вокругъ лобнаго мѣста возвышались уже горы серебряныхъ денегъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ: простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи, мѣшокъ мѣдной монеты — подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми деньгами. Гражданинъ Мининъ принималъ все съ равной лаской, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижняго-Новгорода и всей земли Русской, и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ людей переносили безпрестанно эти дары въ приготовленныя для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, нимало не уменьшалось.

90. Козьма Мининъ и князь Пожарскій.

Какъ въ старомъ то было городѣ,
Во славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ Кузьма Сухорукій сынъ.
Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удалыхъ молодцовъ,
Изъ удалыхъ молодцовъ, нижегородскихъ купцовъ;
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взговорилъ:
„Охъ, вы гой еси товарищи, нижегородскіе купцы!
Оставляйте вы свои домы,
Покидайте вашихъ женъ, дѣтей,
Вы продайте все ваше злато-серебро,
Накупите себѣ вострыихъ копіевъ,
Вострыихъ копіевъ, булатныхъ ножей,
Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалова молодца,
Удалова молодца, воеводушку;
Пойдемъ-ко мы сражатися
За матушку за родную землю,
За родну землю, за матушку Москву:
Ужъ заполонили-то Москву проклятые народы Поляки злы!
Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ,
Самого-то Сузмунда короля ихъ въ полонъ возьмемъ;
Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ жидовъ,
Нечестивыхъ жидовъ, Поляковъ злыхъ!“
Ужъ какъ выбрали себѣ солдатушки, молодые ратнички,
Молодые ратнички, нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалова молодца,
Удалова молодца воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду —
Князя Дмитрія, по прозванію Пожарскаго,
За славный Москву-городъ сражатися,
Съ нечестивыми жидами-поляками войной бранитися.
Ужъ привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко московскіимъ стѣнамъ;

Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ добрыхъ воиновъ
У московскіихъ у крѣпкихъ стѣнъ;
Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое,
Какъ ужъ взгòворилъ онъ своимъ храбрымъ воинамъ:
„Охъ, вы гой еси, храбрые солдатушки,
Храбрые солдатушки, нижегородскіе купцы!
Помолимся мы на святыя на врата, на Спасскія,
На пречистый образъ Спасителя!“
Помоливши, дѣло начали.
Какъ разбили-проломили святыя врата,
Ужъ взошли-то храбрые солдатушки въ бѣлокаменный Кремль,
Какъ и начали солдатушки Поляковъ колоть, рубить,
Колоть, рубить, въ большія кучи валить;
Самого-то Сузмунда въ полонъ взяли,
Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собиралися всѣ князья, бояре московскіе,
Собиралися думу думати.
Какъ и взгòворютъ старшіе бояре, воеводы московскіе:
„Вы скажите, вы, бояре, кому царемъ у насъ быть?“
Какъ и взгòворютъ бояре, воеводы московскіе:
„Выбираемъ мы себѣ въ цари
Изъ бояръ боярина славнаго —
Князя Дмитрія Пожарскаго сына“.
Какъ и взгòворитъ къ боярамъ Пожарскій князь:
„Охъ, вы гой еси, бояре, воеводы московскіе!
Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
Не могу принять я отъ васъ царства московскаго.
Ужъ скажу же вамъ бояре, воеводы московскіе:
Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари
Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова —
Михаила сына Ѳеодоровича“.
И выбирали себѣ бояре въ цари Михаила сына Ѳеодоровича.

91. Памятникъ Козьмѣ Минину и князю Пожарскому въ Москвѣ.

Много есть на Руси монументовъ-колоннъ
Въ память доблестныхъ дѣлъ, въ честь великихъ именъ.
Благодарная Русь ими чтила людей,
Что въ поту и трудѣ порадѣли о ней;
Послужили родной, кто мечомъ, кто перомъ,
И оставили ей память многимъ добромъ.
Много есть на Руси монументовъ такихъ;
Но одинъ я люблю какъ-то больше другихъ:
Онъ стоитъ средь Москвы предъ завѣтнымъ Кремлемъ, —
И глубокая мысль отразилася въ немъ...
Да, вглядитесь, та мѣдь чуднымъ смысломъ полна!
Для меня, какъ символъ, выражаетъ она —
Образъ кровныхъ родныхъ вѣковыхъ нашихъ узъ:
То съ народомъ бояръ добровольный союзъ,

Безобманный завѣтъ между русскихъ людей
Предъ лицомъ алтаря, у престола царей,
Чѣмъ крѣпка на Руси межъ дѣтьми ея связь. —
Въ дѣлѣ земскомъ сошлись гражданинъ здѣсь и князь,
И надъ ними въ выси крестъ кремлевскій горитъ.
„Князь!“ Мнѣ слышится, такъ гражданинъ говоритъ:
„Мечъ начальства прими. Мы пойдемъ за тобой
„И за матушку Русь станемъ крѣпко стѣной;
„Храмы Божьи и тронъ отстоимъ, оградимъ
„И въ обиду родной никому не дадимъ...“

92. Мечъ Пожарскаго.

(Въ Московской Оружейной палатѣ).

Здѣсь много видимъ мы и рѣдкостей, и славы,
Доспѣховъ и державъ, престоловъ и вѣнцовъ,
Здѣсь Русская земля скрижалью величавой
Почтила подвиги исчезнувшихъ вѣковъ,
И доблесть воиновъ, и мудрость государей,
И преданность гражданъ, и пастырей мольбу,
Здѣсь могутъ вопрошать преданья и судьбу
Историкъ мыслящій и страстный антикварій.
Владиміръ и Борисъ, Татары и Мстиславъ, —
Всѣ слѣдъ оставили въ таинственной палатѣ.
Но больше всѣхъ вѣнцовъ, престоловъ золотыхъ,
Но больше всѣхъ кольчугъ, доспѣховъ позлащенныхъ,
И кубковъ дѣдовскихъ и чарокъ вѣковыхъ,
И всѣхъ сокровищъ, тутъ вѣками взгроможденныхъ, —
Мнѣ любъ здѣсь мечъ одинъ, мечъ бѣдный и простой,
Безъ пышнаго герба, мечъ ратника стальной...
Но онъ одинъ рѣшилъ событья міровыя;
Но въ битву сотни онъ водилъ другихъ мечей,
Побѣдой искупилъ честь родины своей:
То мечъ Пожарскаго, спасителя Россіи!
Смотри же на него, боярей русскихъ сынъ,
Смотри, отечество! слуга и гражданинъ!
Благоговѣй предъ нимъ и помни: чистой славы
И доблести прямой свидѣтель величавый,
Сей мечъ намъ къ родинѣ велитъ питать любовь,
Служить и дѣломъ ей, и словомъ, и совѣтомъ!
Склони главу предъ нимъ, — и удались съ обѣтомъ,
За Русь не пощадить ни жизнь свою, ни кровь!

93. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

Всѣ русскіе люди были оповѣщены граматами объ избавленіи Москвы отъ Поляковъ. Оставалось теперь важное дѣло — избраніе царя. Московскіе воеводы пригласили въ Москву выборныхъ отъ всѣхъ сословій, просили ихъ, чтобы они договорились въ своихъ

городахъ накрѣпко о государевомъ избраніи, ибо, указывалось въ граматахъ, безъ государя государство никакъ не строится, на многія части раздѣляется и воровство многое множится. Когда съѣхались выборные, назначили трехдневный постъ, а потомъ, помолясь Богу, открыли засѣданіе собора земскихъ представителей. Прежде всего порѣшили, чтобы въ цари выбирать природнаго Русскаго, православнаго. Думали, разсуждали... Многіе бояре предлагали и себя, и друзей своихъ, но никто изъ нихъ не бралъ верхъ. Какой-то дворянинъ подалъ грамату, что царемъ долженъ быть сынъ ростовскаго митрополита Филарета Никитича, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, такъ какъ онъ приходится двоюроднымъ внукомъ Ивана Грознаго. Подобную же грамату представилъ собору и другой выборный, атаманъ съ Дону. При имени шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова споры бояръ затихли, всѣ согласились, что онъ ближайшій родственникъ древняго царскаго дома св. Владиміра. Къ тому же родъ бояръ Романовыхъ издавна былъ въ особенной чести у народа, въ народѣ не изгладилась память о добродѣтельной и кроткой царицѣ Анастасіи Романовнѣ, первой супругѣ царя Грознаго; чтили и ея брата Никиту Романовича Захарьина, помнили его постоянное и безстрашное заступничество за опальныхъ предъ царемъ Грознымъ. Свѣжо было и воспоминаніе о страданіяхъ Ѳедора Никитича и Ксеніи Ивановны Романовыхъ, родителей Михаила. При Годуновѣ ихъ насильно постригли, его нарекли Филаретомъ, ее — Марѳою, и заточили по далекимъ монастырямъ; теперь же Филаретъ все еще томился въ плѣну у Поляковъ, захваченный ими вмѣстѣ съ другими московскими послами. 21-го февраля 1613 года былъ послѣдній соборъ, на который явились всѣ выборные. Каждый выборный сталъ подавать отъ своего города по граматѣ; посмотрѣли одну грамату, другую, третью; пересмотрѣли всѣ граматы, — вездѣ было написано одно: „да будетъ всей русской державѣ царь государь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ“. Тогда рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, Авраамій Палицынъ, боярин Василій Петровичъ Морозовъ вышли на Красную площадь спросить, какъ думаетъ народъ. Народъ, густыми рядами наполнявшій площадь, въ одинъ голосъ закричалъ: „Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ да будетъ нашъ царь-государь!“ „Се бысть по усмотрѣнію всесильнаго Бога“ — воскликнулъ Авраамій. Отслужили молебенъ и на молебствіи помянули избраннаго царя Михаила. Молились о томъ, чтобы православная вѣра въ россійскомъ государствѣ сіяла на всю вселенную, а пресвѣтлое царское имя передъ

всѣми великими государями было славно и страшно. Всѣ спѣшили поздравить другъ друга съ единодушнымъ избраніемъ; слышались дружныя привѣтствія; въ народѣ говорили: „давно бы пора просить на царство бояръ Романовыхъ, они всегда желали добра русской землѣ. Молоденекъ Михаилъ Ѳедоровичъ, да Господь и отрока умудритъ“...

Въ то время, какъ Москва предавалась всенародной радости, когда каждый изъ русскихъ сердцемъ присутствовалъ около единодушно избраннаго царя, Поляки спѣшили устроить ему погибель. Михаилъ жилъ тогда съ матерью, монахинею Марѳою Ивановною, въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Верстахъ въ семидесяти отъ Костромы были помѣстья бояръ Романовыхъ и ихъ усадьба Домнино, — мѣсто глухое и захолустное, вѣковой соснякъ да болото. Старостой при помѣстьяхъ и ключникомъ при усадьбѣ состоялъ сѣдовласый мужичокъ, Иванъ Осиповичъ Сусанинъ. Поляки, все еще мечтавшіе видѣть на русскомъ престолѣ своего короля, узнавъ, что молодой Романовъ живетъ безъ достаточной защиты подъ Костромой, снарядили туда конный отрядъ съ цѣлью захватить Михаила живымъ или мертвымъ. Отрядъ попалъ въ село Домнино. Чтобы найти Михаила, Поляки вызывали проводника и обѣщали большую плату. Догадался Сусанинъ о зломъ умыслѣ и рѣшился положить жизнь свою за царя. Онъ тихонько послалъ вѣсть Михаилу Ѳедоровичу о грозящей опасности, а самъ взялся быть проводникомъ Поляковъ. — „Заведу злодѣевъ въ зыбкое болото“, — думалъ онъ, — „ужъ оттуда имъ не выбраться, хоть, можетъ, я и самъ не вернусь“. Пора была зимняя, вечерѣло, наступила вьюга; Поляки торопились, Сусанинъ повелъ ихъ по лѣснымъ дебрямъ, по непроходимымъ дорогамъ. Долго колесили; мятель продолжалась, морозъ крѣпчалъ; наконецъ подошли и къ болоту, стали переваливать. Вдругъ нѣсколько лошадей со всадниками оборвались въ невылазную трясину. „Стой!“ — закричали голоса. Отрядъ спѣшился; Сусанинъ перекрестился: видѣлъ онъ, что смерть мученическая предстоитъ ему. Поляки съ угрозами обступили проводника. „Ты насъ обманулъ!“ закричали они... „Сами себя обманули вы“, — отвѣтилъ крѣпкій духомъ старикъ, — „думали вы, что я выдамъ вамъ своего царя-государя, а о томъ забыли, что у Русскихъ не найдешь измѣны. Вотъ голова моя, рубите, но до царя вамъ отсюда не дойти!“ Злодѣйскія сабли искрошили въ куски великаго сердцемъ Сусанина, но и сами злодѣи нашли себѣ могилу неподалеку отъ мѣста, орошеннаго кровью убитаго ими старца. Не выбрались они

изъ глухихъ костромскихъ лѣсовъ; усталые, голодные стали бродить наугадъ, разбрелись въ одиночку, да такъ отъ лютаго русскаго мороза и окоченѣли. На утро, черезъ дровосѣка, мѣстные мужички узнали о случившемся, отыскали останки земляка и съ честью схоронили Сусанина подъ церковью села Домнина.

Между тѣмъ изъ Москвы земскимъ соборомъ было послано въ Кострому посольство, чтобы торжественно пригласить новонареченнаго государя. Соборные послы — архіепископъ Рязанскій Ѳеодоритъ, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, бояринъ Шереметьевъ и другіе, пріѣхавъ въ Кострому, 14-го марта, крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи всѣхъ жителей города, пошли въ Ипатьевскій монастырь. Послѣ молебна въ соборной церкви послы вручили Михаилу грамату объ избраніи его на царство и просили ѣхать въ царствующій градъ. Михаилъ отказывался, инокиня Марѳа также; она указывала на молодость сына, на нестроеніе государства. „Русскіе люди измалодушествовались, сказала она, позабыли, какъ должно служить государю. И митрополитъ Филаретъ, прибавила Марѳа, въ плѣну у польскаго короля, который, прослышавъ, что выбрали Михаила, отомститъ на его отцѣ“. Тогда послы, указывая на икону Богоматери, принесенную съ крестнымъ ходомъ, сказали: „Повинуйтесь волѣ Божіей Матери! не народъ только, а Богъ избралъ тебя, государь, на великое дѣло!“ Инокиня Марѳа не могла болѣе противиться, подвела къ образу державнаго сына и сказала: „Се Тебѣ, о, Богоматерь Пречистая, чадо свое предаю“. Михаилъ принялъ тогда изъ рукъ Ѳеодорита привезенный ему царскій посохъ. 2-го мая 1613 года Михаилъ Ѳедоровичъ пріѣхалъ въ Москву, 11-го іюля совершилось вѣнчаніе на царство. Михаилу въ этотъ день исполнилось только 17 лѣтъ. Такъ вступилъ на престолъ и вѣнчался на царство родоначальникъ нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ. Царь наградилъ всѣхъ сподвижниковъ славнаго освобожденія земли отъ Поляковъ, наградилъ и потомковъ Сусанина, навсегда избавивъ ихъ отъ всякихъ податей и повинностей. Потомки Сусанина и до сихъ поръ подъ именемъ бѣлопашцевъ пользуются дарованными имъ правами. Они переселились за шестьдесятъ верстъ отъ Домнина, въ село Коробово, гдѣ соорудили въ память своего предка церковь во имя Іоанна Предтечи. Самому же Сусанину поставленъ памятникъ въ Костромѣ.

94. Иванъ Сусанинъ.

„ — Куда ты ведешь насъ? Не видно ни зги!“ —
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:
„Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга,
Намъ, знать, не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно нарочно съ пути;
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!
Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ;
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ!
Веди-жъ насъ — такъ будетъ тебѣ за труды!
Иль бойся: недолго у насъ до бѣды!
Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ мятелью...
Но что̀ тамъ чернѣетъ въ долинѣ за елью?“
— „Деревня!“ — сарматамъ въ отвѣтъ мужичокъ —
„Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! Въ ворота! Избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите, не бойтесь!“ — „Ну, то-то, москаль!—
— Какая же, братцы, чертовская даль!
Такой я проклятой не видывалъ ночи!
Слѣпились отъ снѣга соколіи очи!
Жупанъ мой — хоть выжми, нѣтъ нитки сухой!“—
Вошедъ, проворчалъ такъ сарматъ молодой.
„Вина намъ, хозяинъ! Мы смокли, иззябли!
Скорѣй!.. Не заставь насъ приняться за сабли!“
Вотъ скатерть простая на столъ постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша, и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями.
Въ оконницы вѣтеръ, бушуя, стучитъ;
Уныло и съ трескомъ лучина горитъ.
Давно ужъ за полночь! Сномъ крѣпкимъ объяты,
Лежатъ беззаботно по лавкамъ сарматы.
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ на сторожѣ, Сусанинъ сѣдой
Вполголоса молитъ въ углу у иконы
Царю молодому святой обороны.
Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ верхомъ.
Сусанинъ поднялся и къ двери тайкомъ...
— „Ты-ль это, родимый? А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь — а вѣтеръ еще не затихъ.
Наводишь тоску лишь на сердце родныхъ!“
— „Приводитъ Самъ Богъ тебя къ этому дому!
Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому;
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй;
Что гордые ляхи, по злобѣ своей,
Его потаенно убить замышляютъ
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ!
Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя,

Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье — въ одномъ лишь побѣгѣ,
И что ужъ убійцы со мной на ночлегѣ“.—
— „Но что ты затѣялъ! Подумай, родной!
Убьютъ тебя ляхи... Что будетъ со мной?
И съ юной сестрою, и съ матерью хилой?“—
—„Творецъ защититъ васъ святой Своей силой!
Не дастъ Онъ погибнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ Онъ всѣмъ сиротамъ.
Прощай же, о, сынъ мой! Намъ дорого время!
И помни — я гибну за русское племя!“
Рыдая, на лошадь Сусанинъ младой
Вскочилъ и помчался свистящей стрѣлой.
Луна между тѣмъ совершила полъ-круга;
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга;
На небѣ восточномъ зардѣлась заря;
Проснулись сарматы, злодѣи царя.
„Сусанинъ!“ — вскричали, — „что молишься Богу?
Теперь ужъ не время — пора намъ въ дорогу!“
Оставивъ деревню шумящей толпой,
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной тропой.
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вотъ утро настало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло.
То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ.
Стоятъ, не шелохнясь, и дубъ, и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза,
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ.
Другъ за другомъ идутъ въ молчаньи сарматы;
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый.
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ—
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними;
И сосны, и ели, вѣтвями густыми
Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще на сторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьѣ и мертво, и глухо.
„Куда ты завелъ насъ?“ — ляхъ старый вскричалъ.
„Туда, куда нужно!“ — Сусанинъ сказалъ—
„Убейте, замучьте! — Моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь — я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ“.
— „Злодѣй!“ — закричали враги, закипѣвъ—
„Умрешь подъ мечами!“ — „Не страшенъ вашъ гнѣвъ:
Кто русскій по сердцу — тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!

Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!"
— „Умри же!" сарматы герою вскричали,
И сабли надъ старцемъ, свистя, засверкали.
„Погибни, предатель! Конецъ твой насталъ!"
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ...
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила!

95. Михаилъ Ѳедоровичъ первый царь изъ дома Романовыхъ (1613—1645 г.).

2-го мая 1613 года царь Михаилъ торжественно въѣхалъ въ Москву, а 11-го іюля вѣнчался на царство. Безгосударное время кончилось и возрадовались русскіе люди. Однако время было трудное. Казна царская была пуста, области разорены, помѣщичьи вотчины запустѣли, служилымъ людямъ нечѣмъ жалованья было уплатить. Но русскіе люди, избирая царя, знали, что надо еще послужить и родной землѣ и новоизбранному царю своею жизнью и имуществомъ, чтобы очистить родину отъ своевольничавшихъ и мутившихъ государство казаковъ Заруцкаго и другихъ и чтобы отстоять новаго своего природнаго русскаго царя отъ враговъ внѣшнихъ — Поляковъ и Шведовъ. Начали съ Заруцкаго и казаковъ. Заруцкій, не хотѣвшій освобождать Москву отъ Поляковъ, ушелъ со своими въ Астрахань, захватилъ этотъ городъ и старался возмутить жителей, но обращался съ ними такъ жестоко, что астраханцы сами возмутились противъ него; на помощь къ нимъ былъ присланъ царскій воевода князь Одоевскій. Заруцкій убѣжалъ изъ Астрахани, но его изловили и привезли въ Москву, гдѣ и предали казни. Но кромѣ Заруцкаго по Руси тогда бродило еще много казацкихъ шаекъ, которыя грабили мирныхъ жителей. Между этими шайками отличались своими грабежами и разбоями шайки атамана, по прозванію Баловня. На Москвѣ рѣшили послать уговаривать казаковъ, чтобы они отъ воровства отстали. Уговоровъ казаки не слушали. Тогда пришлось послать противъ нихъ войско подъ начальствомъ князя Лыкова, который и разбилъ ихъ наголову. Много дѣлала зла намъ шайка Поляка Лисовскаго. Лисовскій разорялъ города, села, избивалъ жителей. При приближеніи войскъ, высланныхъ противъ него, онъ старался скрыться и уйти; двигался онъ съ удивительной быстротой; поймать его почти было невозможно. Противъ него былъ посланъ князь Пожарскій.

Въ эту же пору Руси приходилось раздѣлываться и съ ино-

земными государствами: съ Польшею и съ Швеціей. Трудно было тогда намъ расправляться съ этими врагами: за смутное время оскудѣла земля наша людьми ратными, а главное казна была почти пуста, оттого и войны эти были неуспѣшны для насъ. Мы должны были отдать Шведамъ города Иванъ-городъ, Ямы, Копорье и Орѣшекъ (по берегу Финскаго залива и р. Невы), но получили обратно захваченные ими Новгородъ, Гдовъ и Ладогу. Первая война съ Польшею кончилась перемиріемъ, заключеннымъ въ дер. Деулино (близъ Троицкой Лавры), причемъ намъ пришлось отказаться отъ Смоленска и всей Сѣверской области. Во время этого перемирія порѣшили размѣняться плѣнными. Размѣнъ происходилъ въ іюнѣ 1619 года близъ города Вязьмы на рѣкѣ Поляновкѣ. Вмѣстѣ съ плѣнными русскими боярами возвратился въ Москву и митрополитъ Филаретъ Никитичъ. Цѣлыхъ восемь лѣтъ протомился отецъ государя, митрополитъ Филаретъ, въ плѣну у Поляковъ. Поэтому на Москвѣ приготовлялась ему встрѣча особенно почетная. Государь выѣхалъ изъ Москвы и на рѣчкѣ Прѣснѣ встрѣтилъ своего отца, поклонившись ему въ ноги; Филаретъ же Никитичъ тоже поклонился въ ноги своему сыну—царю Русской земли. По прибытіи въ Москву царь задалъ большой пиръ и приказалъ освободить заключенныхъ въ тюрьмахъ и объявилъ прощеніе ссыльнымъ. Со смертью Гермогена на Руси не было патріарха, и вотъ теперь митрополитъ Филаретъ былъ посвященъ въ патріархи, послѣ чего былъ сдѣланъ соправителемъ царя и сталъ называться, также какъ и царь, великимъ Государемъ. Съ возвращеніемъ Филарета началпсь для Россіи болѣе счастливыя времена. Молодой царь во всѣхъ важныхъ дѣлахъ поступалъ по совѣту своего отца, и мудрая и крѣпкая воля Филарета Никитича стала видна во всемъ. Первымъ дѣломъ его было возвысить всѣхъ, потрудившихся въ смутные годы. Пожарскій, Козьма Мининъ и другіе получили большія награды, были отличены царскою ласкою и приближены къ царю. Всѣ недостойные царской милости, обманувшіе довѣріе юнаго Михаила, были удалены. Чтобы сдѣлать болѣе равномѣрными подати, посланы были повсемѣстно люди для ознакомленія съ дѣйствительнымъ состояніемъ плательщиковъ. Разузнавъ, безъ утайки, сколько у кого добра, должны были они обо всемъ донести государю, чтобы съ бѣдныхъ не взыскивать болѣе, чѣмъ съ богатыхъ. Много бѣдъ принесло Россіи смутное время,—такихъ бѣдъ, съ которыми не легко было раздѣлаться. Святость семейнаго союза пошатнулась. Сильно возсталъ противъ этихъ беззаконій патріархъ Филаретъ, и церковный судъ при немъ не давалъ

никакихъ поблажекъ нарушителямъ семейной нравственности: такіе люди заключались въ оковы и ссылались въ монастыри. Также обратилъ вниманіе Филаретъ на безобразную потѣху — кулачные бои, стоившіе часто жизни многимъ молодымъ людямъ. Патріархъ запретилъ эти бои подъ страхомъ наказанія кнутомъ. Строгія мѣры приняты были также и противъ взяточничества, и хотя зло это не удалось вполнѣ искоренить, но все же притѣсненные могли найти противъ безсовѣстныхъ взяточниковъ судъ и расправу. Хорошо сознавая всю необходимость образованія для русскихъ, Филаретъ основалъ въ Москвѣ при Чудовомъ монастырѣ Греко-Латинское училище. Строго блюлъ патріархъ за чистотою православной вѣры, зорко слѣдилъ и устранялъ всякія вредныя новшества, сносился, для выясненія истины, съ православными восточными патріархами. Филаретъ приказалъ отобрать старыя церковныя книги, напечатанныя съ ошибками, и печатать новыя, переведя съ правильно изданныхъ греческихъ. Въ Филаретѣ находили себѣ заступника и покровителя всѣ лучшіе люди его времени. Около него тѣснились и лучшіе грамотеи. Подъ его началомъ написана была лѣтопись, изображающая событія смутнаго времени, и въ честь его названа рукописью Филарета Патріарха Московскаго. Перваго октября 1633 года не стало Филарета Никитича. Величаво глядитъ на насъ изъ глубины вѣковъ мощный образъ этого родоначальника царей Романовыхъ. Крѣпко утвердилъ онъ родъ свой на престолѣ русскомъ, давъ собою потомкамъ своимъ образецъ духовной силы, правоты, вѣры въ Бога и единенія съ святой православной церковью.

Русская земля начала понемногу успокоиваться, стали у насъ завязываться мирныя сношенія, больше по разнымъ торговымъ дѣламъ, со Швеціею, Англіею и Франціею. Съ Польшею же нельзя было разсчитывать на прочный миръ: королевичъ польскій все говорилъ, что онъ имѣетъ права на московскій престолъ, и не хотѣлъ признавать Михаила Ѳеодоровича царемъ. Въ 1632 году умеръ польскій король Сигизмундъ и въ тотъ же годъ началась новая война съ Польшею. Но и эта война была неудачна для насъ: заключенъ былъ миръ, по которому мы должны были уступить тѣ города и области, которые отдали по Деулинскому перемирію, и заплатить 20 тысячъ рублей, но зато Владиславъ (избранный въ короли по смерти своего отца) отказался отъ правъ на русскій престолъ и призналъ Михаила Ѳеодоровича царемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ намъ чуть не пришлось воевать еще съ новымъ вра-

гомъ — съ Турціею. Донскіе казаки захватили турецкую крѣпость Азовъ. Турки тогда воевали съ Персами, не могли отомстить казакамъ, и только крымскій ханъ, по приказу султана, произвелъ набѣгъ на Московскую Украйну. Только спустя 4 года Турки выслали сильную армію, чтобы отбить обратно Азовъ. Казаки геройски отбили 24 приступа и Турки должны были уйти. Вотъ изъ-за самовольнаго захвата Азова казаками намъ и приходилось начинать войну съ Турками. А намъ и безъ того было трудно послѣ почти полувѣковой борьбы, сначала противъ враговъ внутреннихъ (самозванцевъ, бунтовщиковъ), а потомъ со Швеціею и Польшею. Турція въ тѣ времена была очень сильная и грозная держава. Начинать новую войну не приходилось, а потому царь послалъ казакамъ приказъ покинуть Азовъ. Приказъ этотъ казаки исполнили, но зато. выходя изъ крѣпости, разрушили ее до основанія. Это было въ 1642 году, а спустя 3 года—12-го іюля 1645 года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался, оставивъ шестнадцатилѣтняго сына Алексѣя Михаиловича и трехъ дочерей.

96. Литва и Юго-западная Русь.

У Балтійскаго моря по нижнему теченію З. Двины, по Нѣману и области нижней Вислы жили съ незапамятныхъ поръ Литовцы (народъ, родственный русскимъ славянамъ), раздѣлявшіеся на отдѣльныя племена: Жмудь, Литва, Пруссы и др. Лѣса и болота, въ изобиліи покрывавшіе землю Литовцевъ, долгое время препятствовали сношенію съ ними другихъ народовъ, почему жизнь ихъ отличалась суровой простотой и они долго сохраняли свои первобытныя языческія вѣрованія. Въ XIII в. большая часть литовскихъ племенъ, раздробленныхъ, враждовавшихъ между собою, была завоевана и отчасти истреблена сосѣдними народами; нѣкоторыя племена были завоеваны ливонскими рыцарями, которые поселились между Финскимъ заливомъ и З. Двиной, а Пруссы послѣ упорной пятидесятилѣтней борьбы были порабощены тевтонскими рыцарями. которые поселились между Нѣманомъ и Вислой. Нѣмецкіе рыцари, побѣдивъ литовскія племена и сдѣлавъ ихъ своими крѣпостными. насильно обращали ихъ въ христіанство и старались онѣмечить. Изъ всѣхъ литовскихъ племенъ только Литва и Жмудь, жившія по Нѣману и его притокамъ, сохранили свою независимость и въ половинѣ XIII в. выступили на сцену исторіи, такъ какъ одинъ изъ литовскихъ князей, хитрый и коварный Миндовгъ объединилъ

подъ своею властью всю Литву и Жмудь и положилъ начало сильному литовскому княжеству. Со вступленіемъ на престолъ Гедимина (1315—1340 г.) начинается быстрое возвышеніе Литвы, которая усиливается вслѣдствіе присоединенія къ ней юго-западныхъ русскихъ областей частью по родственнымъ связямъ дома Гедимина съ русскими князьями, частью завоеванныхъ. Жители русскихъ областей часто даже добровольно признавали надъ собою власть Гедимина и его сыновей, такъ какъ подчиненіе литовскимъ князьямъ освобождало ихъ отъ татарскаго ига. Кромѣ того князья Гедиминовичи женились на русскихъ княжнахъ, принимали православіе, строили христіанскіе храмы и не только не измѣняли русскихъ обычаевъ, но даже сами вмѣстѣ съ народомъ литовскимъ начинали усвапвать русскій языкъ и правы, такъ какъ по своему развитію и гражданственности Литовцы стояли гораздо ниже Русскихъ. Гедининъ присоединилъ къ Литвѣ землю витебскую и назвалъ себя великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ; волынская земля также перешла по наслѣдству къ одному изъ его сыновей. Столицей его былъ городъ Вильно. Такъ какъ сосѣдніе нѣмецкіе ордена, особенно тевтонскій, продолжали наступательное движеніе на Литву, то Гедимину и его преемникамъ приходилось вести съ ними постоянную борьбу. Гедининъ умеръ въ борьбѣ съ тевтонами. Умирая, онъ раздѣлилъ свои земли на удѣлы между сыновьями, у которыхъ послѣ этого произошли усобицы. Ольгердъ и Кейстутъ побѣдили остальныхъ братьевъ и раздѣлили землю пополамъ, причемъ великимъ княземъ сдѣлался хитрый Ольгердъ (1345 — 1377 г.). Ольгердъ присоединилъ къ Литвѣ земли кіевскую, черниговскую, сѣверскую, подольскую и даже началъ войну съ московскимъ княземъ Симеономъ. Неоднократно въ его княженіе тевтонскіе рыцари вторгались въ Литву и опустошали ее, но всякій разъ Ольгердъ съ храбрымъ братомъ своимъ Кейстутомъ отражалъ ихъ и страшно разорялъ владѣнія ордена, причемъ попавшіе въ плѣнъ рыцари сожигались предъ идолами языческихъ боговъ. При Ольгердѣ православная вѣра и русское вліяніе распространились въ Литвѣ еще сильнѣе, чѣмъ при Гедининѣ. Самъ Ольгердъ умеръ православнымъ и дѣти его были воспитаны въ православіи. Кейстутъ же былъ ревностный защитникъ язычества и, будучи непримиримымъ врагомъ Нѣмцевъ, сдѣлался любимцемъ всей Жмуди, которою онъ правилъ. Къ проповѣдникамъ католическимъ Литовцы язычники относились крайне враждебно и нѣсколько разъ избивали ихъ, видя въ католицизмѣ вѣру ненавистныхъ имъ Нѣмцевъ, которые рас-

пространяли ее огнемъ и мечемъ и часто разоряли литовскія земли. Ольгерду наслѣдовалъ на великомъ княженіи его сынъ Ягайло (1377—1434 г.).

Въ 1382 году скончался польскій король Людовикъ; послѣ него осталась только дочь Ядвига; польскіе вельможи и высшее духовенство давно помышляли о томъ, какъ бы имъ избавиться отъ такого сильнаго и безпокойнаго сосѣда, какъ Литва, отъ которой часто Польшѣ приходилось плохо, и какъ бы присоединить къ себѣ богатыя русскія области, подчиненныя Литвѣ. Поэтому они предложили руку Ядвиги и вмѣстѣ съ нею польскій престолъ православному литовскому князю Ягайлѣ съ условіемъ, чтобы онъ принялъ латинство и присоединилъ къ Польшѣ Литву и Западную Русь. Ягайлѣ сильно понравилось это предложеніе, и онъ согласился на все, что требовали отъ него Поляки. Въ 1386 году Ягайло прибылъ въ Польшу, принялъ крещеніе по католическому обряду и повѣнчался съ Ядвигой, послѣ чего былъ признанъ королемъ Польши. Прибывъ въ Вильну, столицу Литвы, Ягайло приказалъ разрушить языческія капища, потушить священные огни и перебить ящерицъ и ужей, которымъ поклонялись оставшіеся въ язычествѣ Литовцы. Язычники съ ужасомъ смотрѣли, какъ истребляли ихъ боговъ; когда же увидѣли, что боги ихъ не мстятъ за свое поруганіе, то усомнились въ силѣ ихъ и охотно пошли креститься. Но Русскіе и православные Литовцы рѣшительно объявили, что они уже крещены и вновь креститься не станутъ. Такъ какъ православныхъ было очень много и силой обратить ихъ въ латинство было трудно, то на время перестали требовать отъ нихъ перемѣны вѣры и стали подкапываться подъ нихъ стороной. Православныхъ мало-по-малу лишили правъ, какими они пользовались, православные храмы начали отдавать въ управленіе католическимъ епископамъ, наконецъ, по городамъ русскимъ и литовскимъ насажали воеводъ изъ Поляковъ; это не нравилось не только Русскимъ, но и Литовцамъ, которые стали замѣчать, что Поляки хотятъ подчинить ихъ себѣ. Поэтому между Литовцами и Поляками начались ссоры и даже вооруженныя схватки. Наконецъ дѣло дошло до того, что Литва и Русь отдѣлились отъ Ягайлы и выбрали себѣ княземъ Витовта, двоюроднаго брата его, человѣка умнаго и храбраго. Поляки и Ягайло должны были примириться съ этимъ, потому что боялись Витовта. Послѣ смерти Витовта Литва и Русь постоянно стремились отдѣлиться отъ Польши и при всякомъ удобномъ случаѣ выбирали себѣ особаго князя. Поляки же стремились подчинить себѣ

Литву, такъ что Литва то отдѣлялась отъ Польши, то вновь соединялась съ ней. Почти двѣсти лѣтъ Литва упорно отстаивала свою свободу, боролась изъ-за нея съ Польшей, но, наконецъ, должна была уступить послѣдней и подчиниться ей. Подчиненіе это произошло во второй половинѣ XVI вѣка, при королѣ польскомъ и великомъ князѣ литовскомъ Сигизмундѣ II, котораго Поляки убѣдили слить Литву и Польшу въ одно государство. Узнавъ о замыслахъ Поляковъ, Литовцы на колѣняхъ, со слезами на глазахъ молили Сигизмунда „не губить ихъ свободы, не отдавать ихъ въ польскую неволю“. Но все было напрасно: Сигизмундъ былъ на сторонѣ Поляковъ и въ 1569 году исполнилъ завѣтное желаніе Польши—подчинилъ ей Литву. Съ этого времени Литва и Польша составляли одно государство, съ этихъ поръ сталъ у Польши и Литвы одинъ государь. Вмѣстѣ съ Литвою вся Западная Русь подпала подъ власть Польши и подверглась гоненію за вѣру православную. Особенно же ухудшилось положеніе русскихъ православныхъ въ Литовско-Польскомъ государствѣ, когда здѣсь появились католическіе монахи-іезуиты, которые поставили цѣлью обращать всѣхъ въ латинство и подчинять папѣ. Іезуиты повсюду завели безплатныя школы, куда старались привлекать дѣтей православныхъ и въ нихъ поселяли ненависть къ православію. Въ проповѣдяхъ своихъ іезуиты постоянно бранили вѣру православную; королю и вельможамъ твердили, что великій вредъ для Польши въ томъ, что въ ней множество народа имѣетъ особую вѣру, что надо уничтожить православіе. Іезуиты такъ овладѣли королемъ и вельможами, что послѣдніе смотрѣли ихъ глазами, слушали ихъ ушами. Началось настоящее гоненіе на православныхъ.

Но православіе было крѣпко въ Западной Руси, и лишь немногіе соблазнялись тѣми выгодами, какія давало латинство, и дѣлались отступниками; зато для другихъ православная вѣра становилась еще дороже. Люди одного прихода теперь собирались вмѣстѣ не только, чтобъ помолиться, но и чтобъ погоревать объ общемъ горѣ. Прихожане дѣлали складчины для поддержанія и украшенія своего храма, для устройства общей трапезы въ день храмового праздника. Такъ образовались церковныя братства или братчины. Братства заводили школы, больницы, книгопечатни. Благодаря братствамъ, православные, несмотря на всѣ притѣсненія, твердо стояли за свою вѣру. Убѣдившись, что стѣсненіями и гоненіями нельзя заставить Русь отречься отъ православія, іезуиты пустились на хитрость, — они придумали обращать Русскихъ въ ла-

тинство постепенно. Зная, что Русскіе дорожатъ Св. Писаніемъ и богослуженіемъ на родномъ славянскомъ языкѣ и православными обрядами, какъ драгоцѣннымъ сокровищемъ, они на время оставили имъ все это и потребовали отъ нихъ „на первый разъ“ только подчиненія папѣ. Они думали, что потомъ легко уже будетъ обращать въ латинство тѣхъ, которые подчинятся. Такое подчиненіе папѣ они называли уніей. Объ этой уніи іезуиты стали говорить въ проповѣдяхъ, о ней писали книги и распространяли ихъ среди православныхъ. Получивъ въ половинѣ XV вѣка для Западной Руси особаго кіевскаго митрополита, короли Польши стали стремиться присвоить себѣ право назначать для русскихъ подданныхъ епископовъ и архимандритовъ. Въ XVI вѣкѣ это имъ удалось. Но, назначая епископовъ и настоятелей монастырей, они нисколько не заботились о томъ, чтобъ эти мѣста занимали люди достойные, и часто отдавали монастыри и епархіи людямъ безъ всякаго призванія и подготовки, иногда даже людямъ свѣтскимъ, въ награду за ихъ мірскія услуги. Тяжело было смотрѣть истинно православнымъ людямъ на такое состояніе Церкви, и они напрягали всѣ силы, чтобы возстановить порядокъ въ ней. Братчики стали вникать болѣе въ дѣла своихъ церквей, — теперь они нерѣдко сами выбирали себѣ священниковъ и, конечно, выбирали достойныхъ; заводили училища, гдѣ воспитывали защитниковъ и ревнителей православія. Изъ братскихъ школъ особенно знаменита стала современемъ Кіевская, получившая впослѣдствіи названіе Кіевской духовной академіи. Изъ нея вышло много извѣстныхъ духовныхъ пастырей православной церкви. Самымъ ревностнымъ покровителемъ и распространителемъ этой школы былъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила (въ половинѣ 17-го вѣка). Въ это же время Русь стали посѣщать восточные патріархи, которые оставляли здѣсь своихъ намѣстниковъ или экзарховъ для наблюденія за порядкомъ и благочиніемъ въ церкви, благословляли новыя братства, подчиняли ихъ прямо себѣ, такъ что теперь братства могли не подчиняться своимъ епископамъ, если бы они оказались порочными или не совсѣмъ твердыми въ православіи; наконецъ, патріархи выслушивали жалобы на недостойныхъ епископовъ и, если жалобы были справедливы, замѣняли ихъ болѣе достойными. Такія мѣры патріарховъ были не по душѣ тѣмъ епископамъ, которые были заражены польскими взглядами. Таковы были, напр., луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій и волынскій епископъ Ипатій Поцѣй. Эти епископы разсчитывали, что если они подчинятся папѣ, то избавятся отъ патріаршихъ наказаній и

притѣсненій Поляковъ; поэтому они согласились на унію, о которой давно уже твердили іезуиты, и заявили о своемъ намѣреніи королю Сигизмунду III. Король Сигизмундъ, который всей душой былъ преданъ іезуитамъ, принялъ замыселъ епископовъ подъ свою защиту, написалъ папѣ Клименту VIII письмо и послалъ съ этимъ письмомъ двухъ главныхъ зачинщиковъ дѣла, епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Поцѣя, въ Римъ. Все это происходило въ концѣ 1595 года; они подали папѣ письмо короля и заявили завѣдомо ложно отъ имени всего западно-русскаго народа и всей западно-русской Церкви, что православные будто бы согласны подчиниться папѣ, если онъ оставитъ имъ ихъ восточные обряды. Папа согласился, и тогда Кириллъ и Ипатій дали присягу на вѣчное соединеніе съ римской церковью. Велика была радость въ Римѣ по этому случаю, — казалось, исполнилось давнишнее желаніе папъ окатоличить русскую землю.

Когда стало извѣстно о поступкѣ епископовъ, вся Западная Русь и православная Литва заволновались; всѣ громко выражали негодованіе противъ вѣроотступниковъ и требовали отъ короля ихъ низложенія, но король утвердилъ унію и приказалъ тѣхъ епископовъ, которые остались вѣрными православію, не считать за епископовъ и не обращаться къ нимъ. Одни послушались королевскаго приказа, послѣдовали примѣру отступниковъ, соединились съ римскою церковью, удержавъ свои обряды, и стали называться уніатами, то-есть присоединенными, другіе же — и это большая часть — заявили, что они не хотятъ уніи и остаются вѣрными Церкви православной во всей ея чистотѣ. Теперь на православныхъ подняли гоненіе и уніаты. Дворяне русскіе постоянно жаловались на сеймахъ (съѣздахъ дворянъ) на притѣсненія Поляковъ и уніатовъ; но жалобы эти ничего не достигали... Такъ насильственно водворялась унія въ Западной Руси. Однако, православные не сразу уступили насиліямъ: они напрягали всѣ силы, чтобъ отстоять вѣру отцовъ своихъ. Они теперь тѣснѣе соединились другъ съ другомъ; всякій, кто принималъ унію, былъ отвергаемъ ими и становился предметомъ общаго презрѣнія. Храмы православные стали больше прежняго наполняться молящимися, бѣднякъ несъ послѣднюю копѣйку на поддержаніе своего храма, на основаніе своего училища. Изъ этихъ училищъ выходили люди, хорошо обученные Св. Писанію, лучше другихъ понимавшіе, что унія — дѣло неправое: они говорили проповѣди, писали книги противъ нея. Но тяжелы были притѣсненія, которымъ подвергали православныхъ. Не у всѣхъ до-

ставало силъ сносить ихъ, и потому неудивительно, что скоро православная Церковь начала терять сыновъ своихъ, съ каждымъ годомъ теряла ихъ болѣе и болѣе и, наконецъ, потеряла своихъ главныхъ защитниковъ и борцовъ — русскихъ дворянъ, изъ которыхъ одни уѣхали на службу къ московскимъ православнымъ царямъ, другіе совратились въ латинство изъ-за почестей и выгодныхъ должностей. Дворянъ православныхъ въ Западной Руси почти не стало. Православію остался вѣрнымъ только простой народъ — „хлопы“ (холопы), какъ ихъ называли Поляки; вѣра православная стала „хлопской вѣрой“. Никому нигдѣ не было такъ тяжело, какъ несчастнымъ „хлопамъ“. Они были въ полной власти у своихъ помѣщиковъ (пановъ); помѣщикъ могъ убить „хлопа“ и за это ни передъ кѣмъ не отвѣчалъ. Каждая вещь, всякій трудъ „хлопа“ были обложены тяжелыми пошлинами. Но такъ какъ этихъ поборовъ не хватало на панскую роскошь, то помѣщики прибѣгали къ неслыханнымъ мѣрамъ: они заставляли православныхъ платить имъ за крещеніе ребенка, за вѣнчаніе парня, за похороны. Часто даже отдавали православные храмы въ аренду евреямъ, и тогда тѣ дѣлались полными хозяевами храма, — брали церковные сосуды и облаченіе на домашнее употребленіе, требовали съ православныхъ плату за каждое богослуженіе и всякую требу. Нерѣдко бывало, что панъ, отступившій отъ православія, отбиралъ у церкви всѣ ея земли и, такимъ образомъ, лишалъ причтъ пропитанія; священникъ принужденъ былъ брать суму и идти по міру. Тогда объявляли, что священникъ бросилъ церковь, и обращали ее въ уніатскую. Случалось, что буйные паны, пропировавъ нѣсколько дней, садились на коней, врывались въ монастыри, били и увѣчили монаховъ, оскорбляли монахинь, разгоняли тѣхъ и другихъ, а монастырь, какъ оставленный братіей, отдавали уніатамъ. Потому хлопы толпами бѣжали отсюда на югъ къ казакамъ, — въ Сѣчь Запорожскую, гдѣ каждый находилъ себѣ пріютъ и защиту. Казаки давно съ негодованіемъ смотрѣли на то, что ихъ земляки и единовѣрцы угнетены, что родной ихъ языкъ, старые обычаи и прародительская вѣра подверглись гоненіямъ. Къ тому же правительство польское начало стѣснять и казаковъ, вводить между ними унію, отдавать ихъ церкви евреямъ, словомъ — дѣлать то же, что оно дѣлало въ остальной Западной Руси. Казаки не могли помириться съ этимъ, и вотъ на Украйнѣ, въ Малороссіи, начались постоянныя возстанія. Нѣсколько разъ поднимались казаки, чтобъ защитить православіе и свою свободу, чтобъ очистить Украйну

отъ Поляковъ и Евреевъ, но по большей части жестоко платились за это. Обыкновенно разбитые Поляки давали обѣщаніе прекратить гоненія, уничтожить унію; но лишь только казаки, повѣривъ клятвѣ, клали оружіе и расходились по домамъ, Поляки обманомъ захватывали зачинщиковъ возстанія и расправлялись съ ними со звѣрскою жестокостью. Такъ, гетмана Косинскаго заложили живымъ въ каменную стѣну, съ Павлюка содрали кожу, гетмана Наливайко посадили въ раскаленнаго мѣднаго быка, Остраницу разрубили на части, и части эти были развезены по Малороссіи и развѣшаны на шестахъ по городамъ. Убѣдившись, что польской клятвѣ вѣрить нельзя, что на прекращеніе польскихъ гоненій разсчитывать безумно, казачество возстало все, поголовно — отъ Стародуба и Изюма до Карпатскихъ горъ. Предводителемъ этого возстанія былъ славный гетманъ Богданъ Хмельницкій.

97. Происхожденіе казачества.

Изъ Азіи, изъ средины ея, изъ степей, выбросившихъ столько народовъ въ Европу, поднялся самый страшный, самый многочисленный, совершившій столько завоеваній, сколько до него не производилъ никто. Ужасные Монголы, съ многочисленными, никогда дотолѣ невиданными Европою табунами, кочевыми кибитками, хлынули на Россію, освѣтивши путь свой пламенемъ и пожарами—прямо азіатскимъ буйнымъ наслажденіемъ. Это нашествіе наложило на Россію двухвѣковое рабство и скрыло ее отъ Европы. Южная Россія болѣе всего пострадала отъ Татаръ. Выжженные города и степи, обгорѣлые лѣса, древній разрушенный Кіевъ, безлюдье и пустыня—вотъ что представляла эта несчастная страна! Испуганные жители разбѣжались или въ Польшу, или въ Литву; множество бояръ и князей выѣхало въ сѣверную Россію. Еще прежде народонаселеніе начало замѣтно уменьшаться въ этой сторонѣ. Кіевъ давно уже не былъ столицею; значительныя владѣнія были гораздо сѣвернѣе. Народъ оставлялъ тѣ мѣста, гдѣ природа раскинула степи, прекрасныя, вольныя, съ безчисленнымъ множествомъ травъ почти гигантскаго роста, часто неожиданно среди нихъ опрокинула косогоръ, убранный дикими вишнями, черешнями, или обрушила рытвину, всю въ цвѣтахъ, и по всѣмъ вьющимся лентамъ рѣкъ разбросала очаровательные виды, протянула во всю длину Днѣпръ съ ненасытными порогами, съ величественными гористыми берегами и неизмѣримыми лугами—и все это согрѣла умѣреннымъ дыханіемъ юга. Но беззa-

щитная. открытая земля эта была землей опустошеній и набѣговъ, мѣстомъ, гдѣ сшибались три враждующія націи, унавожена костями, утучнена кровью. Одинъ татарскій наѣздъ разрушалъ весь трудъ земледѣльца: луга и нивы были вытаптываемы конями и выжигаемы, легкія жилища сносимы до основанія, обитатели разгоняемы или угоняемы въ плѣнъ вмѣстѣ съ скотомъ. Это была земля страха, и потому въ ней могъ образоваться только народъ воинственный, сильный своимъ соединеніемъ, народъ отчаянный, котораго вся жизнь была бы повита и взлелѣяна войною. И вотъ выходцы, вольные и невольные, бездомные, которымъ нечего было терять, расположились и выбрали самое опасное мѣсто, въ виду азіатскихъ завоевателей—Татаръ и Турокъ. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила цѣлый народъ, набросившій свой характеръ и, можно сказать, колоритъ на всю Украйну, сдѣлавшій чудо—превратившій мирныя славянскія поколѣнія въ воинственныя, извѣстный подъ именемъ казаковъ, народъ, составляющій одно изъ замѣчательныхъ явленій европейской исторіи, которое, можетъ быть, одно сдержало это опустошительное разлитіе двухъ магометанскихъ народовъ, грозившихъ поглотить Европу.

Если не къ концу XIII, то къ началу XIV вѣка можно отнести появленіе казачества. Въ это время явился близъ пороговъ городокъ или острогъ—Черкасы, гдѣ было главное сборище и мѣстопребываніе казаковъ. Вначалѣ частыя нападенія Татаръ на сѣверную часть Украйны заставляли жителей спасаться бѣгствомъ, пристават къ казакамъ и увеличивать ихъ общество. Это было пестрое сборище самыхъ отчаянныхъ людей пограничныхъ націй. Дикій горецъ, ограбленный россіянинъ, убѣжавшій отъ деспотизма пановъ польскій холопъ, даже бѣглецъ исламизма—Татаринъ, можетъ быть, положили начало этому странному обществу по ту сторону Днѣпра, впослѣдствіи постановившему цѣлью, подобно орденскимъ рыцарямъ, вѣчную войну съ невѣрными. Это скопище людей не имѣло никакихъ укрѣпленій, ни одного замка. Землянки, пещеры и тайники въ днѣпровскихъ утесахъ, на днѣпровскихъ островахъ, въ гущѣ степной травы, служили имъ укрытіемъ для себя и для награбленныхъ богатствъ. Гнѣздо этихъ хищниковъ было невидимо; они налетали внезапно и, схвативши добычу, возвращались назадъ. Они поворотили противъ Татаръ ихъ же образъ войны, тѣ же азіатскіе набѣги. Какъ жизнь ихъ опредѣлена была на вѣчный страхъ, такъ точно съ своей стороны они рѣшились быть страхомъ для сосѣдей. Татары и Турки должны были всякій часъ ожидать этихъ неумоли-

мыхъ обитателей пороговъ. Большая часть этого общества состояла, однакожъ, изъ первобытныхъ, коренныхъ обитателей южной Россіи. Всякій имѣлъ полную волю приставать къ этому обществу, но онъ долженъ былъ непремѣнно принять греческую религію. Это общество сохраняло всѣ тѣ черты, которыми рисуютъ шайку разбойниковъ; но, бросивши взглядъ глубже, можно было увидѣть въ немъ зародышъ политическаго тѣла, основаніе характернаго народа, уже вначалѣ имѣвшаго одну главную цѣль: воевать съ невѣрными и сохранять чистоту религіи своей. Это однакожъ не были строгіе рыцари католическіе; они не налагали на себя никакихъ обѣтовъ, никакихъ постовъ; не обуздывали себя воздержаніемъ и умерщвленіемъ плоти; были неукротимы, какъ ихъ днѣпровскіе пороги, и въ своихъ непстовыхъ пиршествахъ и бражничествѣ позабывали весь міръ. То же тѣсное братство, которое сохраняется въ разбойничьихъ шайкахъ, связывало ихъ между собою. Все было у нихъ общее: вино, цехины, жилища. Вѣчный страхъ, вѣчная опасность внушали имъ какое-то презрѣніе къ жизни. Но въ нападеніяхъ видна была вся гибкость, вся смѣтливость ума, все умѣнье пользоваться обстоятельствами. Нужно было видѣть этого обитателя пороговъ въ полутатарскомъ, въ полупольскомъ костюмѣ, на которомъ такъ рѣзко отпечаталась пограничность земли, азіатски мчавшагося на конѣ, пропадавшаго въ густой травѣ, бросавшагося съ быстротою тигра изъ непримѣтныхъ тайниковъ своихъ, или вылѣзавшаго внезапно изъ рѣки или болота, обвѣшаннаго тиною и грязью, казавшагося страшилищемъ бѣгущему Татарину. Этотъ же самый казакъ послѣ набѣга, когда гулялъ и бражничалъ съ своими товарищами, сорилъ и разбрасывалъ награбленныя сокровища, былъ безсмысленно пьянъ и безпеченъ до новаго набѣга, если только не предупреждали ихъ Татары, не разгоняли ихъ, пьяныхъ и безпечныхъ, и не разрывали до основанія городка ихъ, который, какъ будто чудомъ, строился вновь—и опустошительный ужасный набѣгъ былъ отмщеніемъ, послѣ чего снова та же безпечность, та же разгульная жизнь.

Казалось, существованіе этого народа было вѣчно. Онъ никогда не уменьшался: выбывшіе, убитые, потонувшіе замѣнялись новыми. Это скопленіе мало-по-малу получило совершенно одинъ общій характеръ и національность, и чѣмъ ближе къ концу XV вѣка, тѣмъ болѣе увеличивалось приходившими вновь. Наконецъ, цѣлыя деревни и села начали поселяться съ домами и семействами около этого грознаго оплота, чтобы пользоваться его защитою, съ условіемъ за то нѣкоторыхъ повинностей. И такимъ образомъ мѣста около

Кіева начали пустѣть, а между тѣмъ по ту сторону Днѣпра люднѣли. Семейные и женатые мало-по-малу отъ обращенія и сношенія съ ними получали тотъ же воинственный характеръ. Сабля и плугъ сдружились между собою и были у всякаго селянина. Между тѣмъ разгульные холостяки, вмѣстѣ съ червонцами, цехинами и лошадьми, стали похищать татарскихъ женъ и дочерей и жениться на нихъ. Отъ этого смѣшенія черты лица ихъ, вначалѣ разнохарактерныя, получили одну общую физіономію, болѣе азіатскую. И вотъ составился народъ, по вѣрѣ и мѣсту жительства принадлежавшій Европѣ, но по образу жизни, обычаямъ, костюму — совершенно азіатскій народъ, въ которомъ такъ странно столкнулись двѣ противоположныя части свѣта, двѣ разнохарактерныя стихіи: европейская осторожность и азіатская безпечность, простодушіе и хитрость, сильная дѣятельность и величайшая лѣнь и нѣга, стремленіе къ развитію и усовершенствованію—и между тѣмъ желаніе казаться пренебрегающимъ всякое совершенствованіе.

98. Запорожская Сѣчь.

Гнѣздомъ казачества была Запорожская Сѣчь. Здѣсь выростала казацкая сила; отсюда по большей части выходили главные вожаки повстанцевъ и лихихъ шаекъ, гулявшихъ по морю на страхъ туркамъ; сюда сходились удальцы со всѣхъ сторонъ. Тамъ, гдѣ Днѣпръ, пробившись межъ подводныхъ скалъ (пороговъ) и каменистыхъ острововъ, широко разливается ниже впаденія рѣчки Самары и спокойно течетъ, образуя множество низменныхъ острововъ, по берегамъ, поросшимъ густымъ и высокимъ камышемъ, — тамъ устроили себѣ военный станъ запорожскіе удальцы, нерѣдко переводя его съ одного островка на другой. Но главнымъ мѣстопребываніемъ ихъ былъ островъ Хортица. Кругомъ были повсюду богатыя мѣста: устья рѣчекъ, впадавшихъ въ Днѣпръ, заливные луга, лѣса, поля! И рыбы, и всякаго звѣрья было здѣсь вдоволь. Сначала на Запорожье, въ эти благодатныя мѣста для охоты, шли ватаги охотниковъ-промышленниковъ, а потомъ въ началѣ XVI вѣка устроенъ былъ здѣсь сторожевой станъ, чтобы сдерживать Татаръ отъ внезапныхъ вторженій. Изъ этихъ-то станичниковъ и сложилось мало-по-малу запорожское казацкое братство. Занявши необитаемые острова и берега вдали отъ всякихъ властей, они считали себя здѣсь полными хозяевами, занимались охотничьимъ промысломъ въ окрестныхъ мѣстахъ, но когда ихъ силы выросли, стали они чаще и чаще отпра-

вляться на своихъ легкихъ лодкахъ грабить берега Крыма и Турціи. Бить и грабить нехристей, по ихъ понятіямъ, Богъ велѣлъ.

Запорожская Сѣчь имѣла видъ укрѣпленнаго стана. Довольно значительное мѣсто было окружено земляною насыпью, или валомъ, съ засѣкой, или тыномъ. Кое-гдѣ были поставлены и пушки. Внутри ограды были курени, деревянныя, очень незатѣйливыя жилища казаковъ или мазанки. Весь казацкій станъ, или кошъ, какъ называли его, дѣлился на нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ отрядовъ, каждый и жилъ въ отдѣльномъ куренѣ и выбиралъ себѣ куреннаго атамана. Всѣ же курени вмѣстѣ избирали себѣ кошевого атамана и другихъ старшинъ: есаула, судью и писаря. Важнѣйшія дѣла рѣшались съ общаго согласія на радѣ (сходкѣ). Во время войны повиновеніе начальству и почтеніе къ нему доходили до самой высокой степени, такъ какъ всѣ понимали, что своеволіе и несогласіе въ походѣ грозитъ гибелью не одному или нѣсколькимъ казакамъ, а всему ихъ войску. Старшинамъ шли значительные доходы, особенно съ вина, котораго истреблялось запорожцами чрезвычайно много. Всѣ казаки, ходившіе на какой-либо промыселъ,—рыболовство или охоту и проч., обыкновенно часть своей добычи дарили своей старшинѣ. Но самымъ выгоднымъ промысломъ была въ глазахъ казаковъ война. Невзначай напасть на татарскіе улусы, угнать сразу цѣлыя стада скота или табуны лошадей, или ограбить богатые берега Турціи и вернуться съ грудою всякихъ драгоцѣнностей, съ карманами, полными золота и серебра, захватить сразу столько, чтобы можно было, не трудясь, безъ заботы прожить много дней, бражничать и кутить на широкую ногу,—вотъ что было завѣтной мечтой запорожца. Тѣ атаманы-удальцы, которые умѣли часто и ловко устраивать набѣги, доставляли „товариству“ запорожскому „славу лыцарскую“ да богатую добычу, и были главными любимцами казаковъ и въ пѣсняхъ прославлялись.

Война и разгулъ—вотъ изъ чего главнымъ образомъ сплеталась жизнь запорожца. И на жизнь, и на смерть истый запорожецъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ. Онъ не жилъ семейной жизнью. Ни одна женщина не смѣла показаться въ Сѣчь; о будущемъ, о судьбѣ своихъ дѣтей, стало быть, заботъ не было, не было думы и о своей старости; рѣдкій изъ запорожцевъ умиралъ своей смертью. Одни изъ нихъ находили себѣ смерть въ морской пучинѣ; другіе гибли отъ сабли турецкой или татарской; третьи, болѣе несчастные, кончали жизнь въ невыразимыхъ мученіяхъ, какія только могла измыслить человѣческая злоба, — умирали, часто удивляя

своихъ мучителей необычайной твердостью, съ какою выносили они ужасную казнь. Гибли они цѣлыми сотнями и на турецкихъ каторгахъ. Да и тѣ изъ запорожцевъ, которые умирали у себя, въ Сѣчи,—умирали обыкновенно не въ старыхъ годахъ: боевая жизнь, полная всякихъ невзгодъ, да разгулъ, незнавшій мѣры, сильно сокращали казацкій вѣкъ. Тысячами погибали запорожцы, но Сѣчь, это гнѣздо казацкое, не пустѣло. Охотниковъ до вольнаго житья, хотя бы полнаго тревогъ и опасностей, было много среди людей, подавленныхъ панскимъ гнетомъ, тяжелымъ подневольнымъ трудомъ да нуждою безъисходною. Шли въ Сѣчь толпами, лишь бы приняли только. Запорожцы въ свое братство принимали новобранцевъ очень легко; требовалось только, чтобы человѣкъ былъ православной вѣры, способный къ военному дѣлу, расторопный, смѣтливый... Между запорожцами попадались и Литовцы, и Татары крещеные,—словомъ, могли быть здѣсь люди разныхъ племенъ; но огромное большинство было чисто русскихъ и притомъ изъ простого деревенскаго люда.

Жизнь въ Сѣчи была очень проста. Въ каждомъ куренѣ при атаманѣ, который завѣдывалъ всѣмъ хозяйствомъ, былъ поваръ съ двумя или тремя мальчиками-помощниками. На столовые расходы собиралось съ каждаго казака по пяти рублей въ годъ. Въ пищѣ казаки были вовсе не прихотливы—ѣли саламаху да терерю: первая состояла изъ ржаной муки и варилась съ водою густо; вторая же готовилась изъ муки и пшена на квасу или рыбьей ухѣ. Эти кушанья подавались на столъ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ, откуда всѣ брали ложками. Большая часть куренныхъ казаковъ вполнѣ довольствовались этой пищей. Если же находились въ куренѣ нѣсколько охотниковъ полакомиться мясомъ или рыбой, то они покупали ихъ себѣ въ складчину. Болѣе зажиточные казаки заводили свои дома въ предмѣстьѣ, гдѣ почти всѣ имѣли какіе-либо промыслы: варили медъ, пиво, или занимались различными ремеслами. Одежда казаковъ обыкновенно была тоже очень проста. Любили они щеголять хорошимъ оружіемъ да конями. Послѣ хорошей наживы на войнѣ запорожцы непрочь были рядиться и въ красивые синіе куптуши, алыя суконныя шаровары и алыя шапки съ околышемъ изъ смушекъ. Головы себѣ и бороды выбривали, оставляя лишь клокъ волосъ (оселедецъ), да запускали длинные усы. Никакихъ письменныхъ законовъ или правилъ у запорожцевъ не существовало. Войсковой судья рѣшалъ всѣ дѣла по своему усмотрѣнію, сообразуясь съ обычаями и укоренившимися понятіями у

казаковъ, а въ трудныхъ случаяхъ совѣщался съ кошевымъ и другими старшинами. Воровство, неплатежъ долговъ, убійство считались у нихъ главными преступленіями. Несмотря на то, что грабежъ былъ дѣломъ привычнымъ для запорожца, — грабить позволялось лишь враговъ; если же кто попадался въ кражѣ у своего товарища или покупалъ завѣдомо украденное, или скрывалъ у себя, то подвергался суровому наказанію. Особенно страшно было наказаніе за намѣренное убійство. Убійцу бросали въ могилу, на него опускали гробъ съ тѣломъ убитаго и засыпали землей. Суровость запорожцевъ не знала границъ; не знала ихъ и неукротимая казацкая удаль; безпредѣленъ былъ и дикій разгулъ, которому отдавались запорожцы въ досужее время. Кутить и пить безъ конца считалось молодечествомъ. Подѣливъ добычу межъ собой, запорожцы предавались необузданному разгулу, пока не прокучивали всего до конца. Иные изъ нихъ нанимали музыкантовъ и пѣвцовъ и разгуливали съ ними по улицамъ, а слѣдомъ за ними носили ведра вина и меду. Всякаго встрѣчнаго попли наповалъ, а кто отказывался, того всячески бранили... По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ бывали въ Сѣчи у казаковъ кулачные бои, и если кто во время драки нечаянно убивалъ другого, то взысканія за то не полагалось. Большіе были охотники запорожцы до лихого пляса-казачка (въ родѣ великорусскаго трепака); любили послушать пѣніе бандуристовъ.—Пѣсни о подвигахъ казацкихъ, о турецкой и татарской неволѣ, конечно, должны были сильно дѣйствовать на нихъ, возбуждать въ нихъ удаль и чувство мести, а разсказы о притѣсненіи народа, о поруганіи православія во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой разжигали ненависть къ полякамъ. Таково было Запорожье, на которое со страхомъ и ненавистью смотрѣли Поляки. Здѣсь выростала и крѣпла казацкая сила, росла и вражда къ панству: она въ понятіяхъ казаковъ и народа отожествлялась съ насиліемъ, несправедливостью, горькой обидой.

99. Казнь Остапа и смерть Тараса Бульбы.

Плѣнные казаки шли съ открытыми головами, съ длинными чубами; бороды у нихъ были отпущены. Они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостью; ихъ платья изъ дорогого сукна износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ. Что почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего

Остапа? Что было тогда въ его сердцѣ! Онъ глядѣлъ на него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руку вверхъ и произнесъ громко: „дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали нечестивые, какъ мучится христіанинъ! чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!“ Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.—Добре, сынку, добре! сказалъ тихо Бульба и уставилъ въ землю свою сѣдую голову. Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланные станки, и... Не будемъ смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волосы. Онѣ были порожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ велъ еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою, не чуя человѣчества... Остапъ выносилъ терзанія и пытки, какъ исполинъ. Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, когда ужасный хрящъ ихъ послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто похожее на стонъ не вырвалось изъ устъ его, не дрогнулось лицо его. Тарасъ стоялъ въ толпѣ, потупивъ голову и въ то же время гордо приподнявъ очи, одобрительно только говорилъ: „добре, сынку, добре!“ Но когда подвели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, казалось, какъ будто стала подаваться его сила. И повелъ онъ очами вокругъ себя. Боже! все невѣдомыя, все чужія лица. Хоть бы кто-нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти! Онъ не хотѣлъ бы слышать рыданій и сокрушенія слабой матери, или безумныхъ воплей супруги, исторгающей волосы и біющей себя въ бѣлыя груди; хотѣлъ бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, который бы разумнымъ словомъ освѣжилъ его и утѣшилъ при кончинѣ. И упалъ онъ сплою и воскликнулъ въ душевной немощи: „батько! гдѣ ты? слышишь ли ты все?“ —Слышу! раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа... но Тараса уже не было: его и слѣдъ простылъ...

А что же Тарасъ? А Тарасъ гулялъ по всей Польшѣ съ своимъ полкомъ, выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, близъ сорока костеловъ, и уже доходилъ до Кракова. Много избилъ онъ всякой шляхты, разграбилъ богатѣйшіе и лучшіе замки; распечатали и

поразливали по землѣ казаки вѣковые меды и вина, сохранно сберегавшіеся въ панскихъ погребахъ; изрубили и пережгли дорогія сукна, одежды и утвари, находимыя въ кладовыхъ. — Ничего не жалѣйте! повторялъ только Тарасъ. Не уважили казаки чернобровыхъ панянокъ, бѣлогрудыхъ, свѣтлоликихъ дѣвицъ; у самыхъ алтарей не могли спастись онѣ: зажигалъ ихъ Тарасъ вмѣстѣ съ алтарями. Не однѣ бѣлоснѣжныя руки подымались изъ огненнаго пламени къ небесамъ, сопровождаемыя жалкими криками, отъ которыхъ бы подвигнулась сама сырая земля, и степная трава поникла бы отъ жалости долу. Но не внимали ничему жестокіе казаки и, поднимая копьями съ улицъ младенцевъ ихъ, кидали къ нимъ же въ пламя. — Это вамъ, вражьи Ляхи, поминки по Остапѣ! приговаривалъ только Тарасъ. И такія поминки по Остапѣ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи, пока польское правительство не увидѣло, что поступки Тараса были побольше, чѣмъ обыкновенное разбойничество, и Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непремѣнно Тараса. Шесть дней уходили казаки проселочными дорогами отъ всѣхъ преслѣдованій; едва выносили кони необыкновенное бѣгство и спасали казаковъ. Но Потоцкій на сей разъ былъ достоинъ возложеннаго порученія: неутомимо преслѣдовалъ онъ ихъ и настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для роздыха оставленную развалившуюся крѣпость. Надъ самой кручей у Днѣстра рѣки виднѣлась она своимъ оборваннымъ валомъ и своими развалившимися остатками стѣнъ. Щебнемъ и разбитымъ кирпичемъ усѣяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слетѣть внизъ. Тутъ-то, съ двухъ сторонъ, прилежащихъ къ полю, обступилъ его коронный гетманъ Потоцкій. Четыре дня бились и боролись казаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы, рѣшился Тарасъ пробиться сквозь ряды. И пробились-было уже казаки, и, можетъ быть, еще разъ послужили бы имъ вѣрно быстрые кони, какъ вдругъ, среди самаго бѣгу, остановился Тарасъ и вскрикнулъ: „стой! выпала люлька съ табакомъ, не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ ляхамъ!“ И нагнулся старый атаманъ и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неотлучную сопутницу на моряхъ и на сушѣ, и въ походахъ, и дома. А тѣмъ временемъ набѣжала вдругъ ватага и схватила его подъ могучія плечи. Двинулся было онъ всѣми членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. — „Эхъ, старость, старость!“ сказалъ онъ, и заплакалъ дебелый старый казакъ. Но не старость была виною: сила одолѣла

силу. Чуть не тридцать человѣкъ повисло у него по рукамъ и по ногамъ.—„Попалась, ворона!—кричали ляхи.—Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собакѣ, лучшую честь воздать“. И присудили, съ гетманскаго разрѣшенія, сжечь его живого въ виду всѣхъ. Тутъ же стояло голое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу, гвоздемъ прибивши ему руки и приподнявъ его повыше, чтобы отовсюду былъ виденъ казакъ, и принялись тутъ же раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ; не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его: глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки; ему съ высоты все было видно, какъ на ладони.—„Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе, кричалъ онъ, горку, что за лѣсомъ: туда не подступятъ они!“—Но вѣтеръ не донесъ его словъ.—„Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что“, говорилъ онъ отчаянно и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника четыре кормы, собралъ всю силу голоса и зычно закричалъ: „Къ берегу, къ берегу, хлопцы! спускайтесь подгорной дорожкой, что налѣво. У берега стоятъ челны; всѣ забирайте, чтобъ не было погони“. На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны казаками. Но за такой совѣтъ достался ему тутъ же ударъ обухомъ по головѣ, который переворотилъ все въ глазахъ его. Пустились казаки во всю прыть подгорной дорожкой, а ужъ погоня за плечами. Видятъ: путается и загибается дорожка и много даетъ въ сторону извивовъ.—А, товарищи! ни куда пошло! сказали всѣ; остановились на мигъ, подняли свои нагайки, свистнули, и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластавшись въ воздухѣ, какъ змѣи, перелетѣли черезъ пропасть и бултыхнули прямо въ Днѣстръ. Двое только не попали въ рѣку, грянулись съ вышины объ каменья и пропали тамъ навѣки съ конями, даже не успѣвши издать крику. А казаки уже плыли съ конями въ рѣкѣ и отвязывали челны. Остановились ляхи надъ пропастью, дивясь неслыханному казацкому дѣлу и думая, прыгать ли имъ или нѣтъ. Одинъ молодой полковникъ, живая горячая кровь, не подумалъ долго и бросился со всѣхъ силъ съ конемъ за казаками. Перевернулся три раза въ воздухѣ съ конемъ своимъ и прямо грянулся на острые утесы. Въ куски изорвали его острые камни, пропавшаго среди пропасти, и мозгъ его, смѣшавшись съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда очнулся Тарасъ Бульба отъ удара и глянулъ на Днѣстръ,

уже казаки были на челнахъ и гребли веслами; пули сыпались на нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у стараго атамана.—„Прощайте, товарищи! кричалъ онъ имъ сверху!—вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что̀ взяли, чертовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Постойте же: придетъ время, будетъ время,—узнаете вы, что̀ такое православная русская вѣра. Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подымется изъ Русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему!“ А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ его ноги и разостлался пламенемъ по дереву. Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни и муки, и сила такая, которая бы пересилила русскую силу?

100. Иванъ Подкова.

Было время—на Украйнѣ
Пушки грохотали,
Было время—запорожцы
Жили-пировали.
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все то минуло, остались
Лишь могилы въ полѣ,
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое казачье,
Саваномъ повито.
И чернѣютъ тѣ могилы,
Словно горы въ полѣ,
И лишь съ вѣтромъ перелетнымъ,
Шепчутся про волю.
Славу дѣдовскую вѣтеръ
По полю разноситъ...
Внукъ услышитъ—пѣсню сложитъ
И съ той пѣсней коситъ.
Было время—на Украйнѣ
Въ пляску шло и горе;
Какъ вина, да меду вдоволь—
По колѣно море.
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомянешь,—
Какъ-то легче станетъ сердцу,
Веселѣе взглянешь.
Встала туча надъ лиманомъ,
Солнце заслоняетъ;
Лютымъ звѣремъ сине море
Стонетъ, завываетъ;
Днѣпръ надулся.—Что-жъ, ребята,
Время мы теряемъ!
Въ лодки! море расходилось:
То-то погуляемъ!
Высыпаютъ запорожцы,
Вотъ лиманъ покрыли
Ихъ ладьи.—Играй же море!—
Волны заходили;
За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце ноетъ, казаки же
Веселѣе стали.
Плещутъ весла, пѣсня льется,
Чайка вкругъ порхаетъ.
Атаманъ въ передней лодкѣ—
Путь-дорогу знаетъ;
Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ,
Трубку сжалъ зубами;
Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво,
Гдѣ-бъ сойтись съ врагами?
Закрутилъ онъ усъ свой черный,
Вскинулъ чубъ косматый.
Поднялъ шапку—лодки стали.
— Сгинь ты, врагъ проклятый!
Поплывемте не къ Синопу,
Братцы-атаманы,
А въ Царь-градъ поѣдемъ въ гости
Къ самому султану!—

„Ладно, батька!“ загремѣло.
— Ну, спасибо братцы! —
И накрылся. Вновь горами
Волны громоздятся,
И опять онъ вдоль по лодкѣ
Ходитъ, не садится,
Только молча исподлобья
На волну косится.

101. Украйна.

Что за чудная сторонка
Вольная Украйна!
Что живется въ ней счастливо —
Это вѣдь не тайна.
Степь привольная лоснится
Шелковой травою;
На цвѣты заря нисходитъ
Студеной росою.
Косяки пасутся въ полѣ;
Соколы шныряютъ;
Съ буйнымъ вѣтромъ вперегонку
Казаки летаютъ.
Кто забудетъ тѣ могилы,
Тѣ холмы, курганы,
Подъ которыми почіютъ
Славные гетманы.
Ихъ лучи протекшей славы
Въ мракѣ согрѣваютъ,
А родныя „Думы“ громко
Славятъ, величаютъ.
Тамъ на торбанѣ молодчикъ
Весело играетъ,
Красны дѣвицы надъ рѣчкой
Пѣсни распѣваютъ.
Тамъ сопѣлка замираетъ
Трелью соловьиной;
Птицы радостно щебечутъ
Въ рощѣ надъ калиной.
Тамъ, свои малютки ножки
Медомъ отягчая,
Межъ цвѣтовъ жужжитъ при вѣткѣ
Пчелка золотая.
Тихій вечеръ дышетъ нѣгой
Надъ Днѣпромъ-рѣкою,
Челнъ плыветъ надъ темной бездной,
Зыблемый волною.
Дальше видны: бѣлый хуторъ,
Рядомъ лѣсъ сосновый,
Прудъ съ нависшею ракитой,
Пчельникъ, садъ фруктовый.
То не соколы несутся,
Радуясь приволью:
Чумаки изъ Крыма ѣдутъ
Съ рыбою да солью.
Вотъ они остановились,
Въ степь воловъ пустили,
Кучу хворосту набрали
И въ костеръ свалили.
Тотъ готовитъ кашу съ саломъ,
Тѣ о чемъ-то спорятъ,
Молодые ладятъ пѣсни,
Старики гуторятъ.
А вдали, гдѣ такъ румяно
Зорька догораетъ,
Слышенъ звонъ: онъ тихо льется,
Льется-замираетъ.
Это благовѣстъ къ вечернѣ
Въ томъ великомъ храмѣ,
Что сіяетъ тамъ за лѣсомъ
Свѣтлыми крестами.
А во храмѣ томъ священникъ,
Въ полномъ облаченьи,
Шлетъ мольбу за Русь святую,
Молитъ о спасеньи.

102. Кобзарь въ степи.

Онъ кинулъ поводья, онъ кобзу беретъ, —
И струнами степь оглашается.
Онъ старую, звонкую пѣсню поетъ,
И пѣсня струится, кипитъ и растетъ,
Волной по степи разливается...
То струйки лимана журчатъ за холмомъ...
То блещутъ костры гайдамацкіе...
То стая орловъ на курганѣ степномъ...
То яворы стонутъ во мракѣ ночномъ...
То кости бѣлѣютъ казацкія...

То садикъ вишневый шумитъ въ тишинѣ...
То буря взыграла свободная...
То Умань пылаетъ, то Гонта [1]) въ огнѣ
Стоитъ, потрясая ножомъ въ вышинѣ.
То пѣсня звучитъ хороводная...
Все въ струнахъ ликующихъ дышитъ, живетъ,
Все былью родной откликается,
Все въ душу отраду волшебную льетъ...
И гулко и звонко та пѣсня течетъ,
Рѣкой по степи разливается...

103. О дѣлахъ царя Алексѣя Михайловича (1645—1676 г.).

Въ іюлѣ 1645 года скончался царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, оставивъ престолъ 16-лѣтнему сыну своему Алексѣю. Народъ терпѣлъ много отъ бѣдности вслѣдствіе недавняго разоренія, отъ неправаго суда воеводскаго, и такъ какъ знали, что государь по лѣтамъ своимъ еще не могъ входить въ дѣла какъ слѣдуетъ и что большую силу имѣетъ дядька царскій, боярин Морозовъ, то въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ вспыхивали бунты противъ этого боярина. Морозовъ былъ удаленъ, и царь Алексѣй Михайловичъ въ 1648 году держалъ совѣтъ съ знатными духовными и свѣтскими людьми, какъ бы выписать нужныя постановленія изъ правилъ апостольскихъ и св. отцовъ, изъ законовъ греческихъ, собрать также указы прежнихъ русскихъ государей, справить ихъ со старыми судебниками, а на какіе случаи прежнихъ указовъ нѣтъ, написать вновь, чтобы всякихъ чиновъ людямъ отъ большого и до меньшаго чина судъ и расправа во всякихъ дѣлахъ были всѣмъ равны. За это важное дѣло принялись немедленно: велѣно было также выбрать изъ дворянъ и городскихъ жителей добрыхъ и смышленыхъ людей, которые должны были представить, въ чемъ они нуждаются, отъ чего терпятъ, и такимъ образомъ составилось знаменитое Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, которое на долгое время оставалось дѣйствовать въ судахъ. Но въ то время, какъ царь Алексѣй Михайловичъ занимался внутренними дѣлами, чтобы восточной Россіи дать больше средствъ поправиться послѣ разоренія смутнаго времени, вдругъ поднялась юго-западная Россія противъ Поляковъ и стала просить царя Алексѣя Михайловича принять ее въ свое подданство. Причина была—гоненіе отъ Поляковъ-католиковъ на православную русскую вѣру.

[1]) Гонта—предводитель казаковъ, разорившихъ городъ Умань во время казацкаго возстанія противъ Польши въ 1768 г.

На защиту православной вѣры въ 1648 г. возсталъ казакъ Богданъ Хмѣльницкій. Жестоко оскорбленный Поляками и не найдя себѣ управы, онъ убѣжалъ къ запорожцамъ, куда бѣжали къ нему толпы недовольныхъ изъ Малороссіи. Хмѣльницкій съ этими недовольными и съ Татарами крымскими, съ которыми заключилъ союзъ, пошелъ противъ Поляковъ, нѣсколько разъ разбилъ ихъ войско и поднялъ всю Украйну, откуда Поляки, ксендзы и жиды принуждены были бѣжать, иначе были истребляемы. Но потомъ дѣла Хмѣльницкаго и казаковъ пошли хуже: Татары были плохіе союзники; они пользовались войною между христіанами для того только, чтобы грабить, а въ рѣшительныя минуты, когда надобно было биться, покидали Хмѣльницкаго, и Поляки начали брать верхъ. Тогда Хмѣльницкій сталъ упрашивать царя Алексѣя Михайловича, чтобы онъ взялъ казаковъ и всю Малороссію подъ свою власть и защитилъ отъ Поляковъ. Это дѣло было трудное для царя: такъ, безъ войны Поляки Малороссію не отдали бы, а вести войну было еще тяжело для Россіи: и войско было неискусное, и денегъ мало. Алексѣй Михайловичъ медлилъ, раздумывалъ, послалъ просить польскаго короля Яна Казимира, чтобы пересталъ гнать православную вѣру, уничтожилъ унію и принялъ Хмѣльницкаго въ подданство на выгодныхъ для казаковъ условіяхъ; но король не согласился. Тогда надобно было принять Хмѣльницкаго въ русское подданство, въ противномъ случаѣ онъ поддался бы турецкому султану, чтобы только не поддаваться опять Полякамъ. Въ самомъ началѣ 1654 года Богданъ Хмѣльницкій собралъ своихъ казаковъ на совѣтъ (раду) въ Переяславль южный и началъ говорить имъ: „Видно, нельзя намъ жить больше безъ царя, такъ выбирайте изъ четырехъ — султана турецкаго, хана крымскаго, короля польскаго и царя православнаго Великой Россіи, котораго уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ царемъ. Султанъ турецкій басурманъ; извѣстно, какую бѣду терпятъ отъ него наши братья, православные; крымскій ханъ тоже басурманъ: подружившись съ нимъ, натерпѣлись мы бѣды; о притѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить! А православный христіанскій царь восточный одного съ нами благочестія: кромѣ его царской руки мы не найдемъ лучшаго пристанища. Кто не захочетъ насъ послушать, тотъ пусть идетъ куда хочетъ, вольная дорога!“ Въ отвѣтъ раздались голоса: „Хотимъ подъ царя восточнаго! лучше намъ умереть въ нашей благочестивой вѣрѣ, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганцу!“ Послѣ этого гетманъ, войско и народъ присягнули

царю Алексѣю Михайловичу. Весною того же 1654 года царь Алексѣй Михайловичъ самъ поѣлъ войско къ Смоленску и осенью взялъ этотъ городъ, а на слѣдующій годъ взялъ Вильну, столицу литовскую, Ковно, Гродно. Но эти успѣхи были остановлены смутою въ Малороссіи. Богданъ Хмѣльницкій умеръ въ 1657 году, и выбранный на его мѣсто гетманъ Выговскій измѣнилъ, передался Полякамъ; измѣнникъ не долго продержался на своемъ мѣстѣ; но и другіе гетманы, бывшіе послѣ Выговскаго, тоже измѣняли и тоже не долго оставались гетманами, потому что народъ на восточной сторонѣ Днѣпра не хотѣлъ слышать о Полякахъ, хотѣлъ оставаться за русскимъ государемъ; только на западной сторонѣ Днѣпра часть казаковъ оставалась за Польшею, и у нихъ былъ особый гетманъ. Смуты въ Малороссіи дали время Полякамъ оправиться; къ тому же крымскіе Татары, боясь, чтобы Россія не взяла большой силы, помогали Полякамъ. Война затянулась, а долгая война была невозможна для тогдашней Россіи: людей и денегъ было мало; съ торговыхъ людей собирали особую подать на войну, а торговля была плохая; и купцамъ было не въ силу платить. Поэтому въ 1667 году заключено было съ Поляками перемиріе въ деревнѣ Андрусовѣ, недалеко отъ Смоленска: за Россіею остался Смоленскъ и Малороссія по восточную сторону Днѣпра, а на западной только Кіевъ.

Въ тотъ же самый годъ, когда кончилась война съ Поляками, царю Алексѣю Михайловичу дали знать, что на Дону собирается много казаковъ, хотятъ идти разбойничать на Волгу. Казаки эти были бѣглые господскіе люди и крестьяне. Начальники старыхъ донскихъ казаковъ, давно жившихъ на Дону, неохотно смотрѣли на этихъ новыхъ пришлыхъ казаковъ, которые назывались голутвенными людьми, т.-е. голью, голяками; прибѣжавши ни съ чѣмъ на Донъ, они хотѣли поскорѣе понажиться, „добыть себѣ зипуна“, какъ они сами говорили, т.-е. пограбить чужихъ, а если нельзя чужихъ, то и своихъ. Эти голутвенные нашли себѣ предводителя въ донскомъ казакѣ Степанѣ Разинѣ. Сначала онъ хотѣлъ-было поживиться на счетъ турецкаго города Азова, находившагося при устьѣ Дона, но старые казаки не пустили его подъ Азовъ, потому что были въ мирѣ съ Азовцами; тогда Разинъ перекинулся на Волгу, съ Волги на Яикъ или Уралъ, изъ Яика выплылъ въ Каспійское море, грабилъ всѣ суда, шедшія изъ Персіи въ Астрахань, приставалъ къ персидскимъ берегамъ, опустошалъ села, города, разбилъ персидскій флотъ. Лѣтомъ 1669 года онъ приплылъ съ большою добычею въ Астрахань и принесъ повинную государю.

Алексѣй Михайловичъ простилъ его съ условіемъ, чтобы онъ отдалъ всѣхъ плѣнныхъ, пушки, суда и спокойно возвратился на Донъ. Разинъ отправился изъ Астрахани на Донъ и еще на дорогѣ началъ буйствовать, а когда пришелъ на Донъ, то опять стали собираться къ нему голутвенные; счастливые разбои на Каспійскомъ морѣ сдѣлали имя его славнымъ между ними; онъ прослылъ колдуномъ: шла молва, что его ни ружье, ни сабля не беретъ, и пушки по немъ не стрѣляютъ. Разинъ сталъ предводителемъ особаго большого войска и не хотѣлъ знать атамана донскихъ казаковъ Корнила Яковлева, который былъ вѣренъ государю и не хотѣлъ пускать казаковъ на бунтъ. Въ 1670 году Разинъ съ своею шайкою опять перекинулся съ Дона на Волгу, захватилъ города: Царицынъ, Камышинъ, Астрахань; оттуда поплылъ вверхъ по Волгѣ, взялъ Саратовъ, Самару; казаки его разсѣялись по нынѣшнимъ губерніямъ: Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, всюду поднимали бунтъ, разглашая, что у Разина находится царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, недавно передъ тѣмъ умершій; лучшихъ людей истребляли. Разинъ осадилъ Симбирскъ, но здѣсь былъ задержанъ цѣлый мѣсяцъ, а между тѣмъ подоспѣло царское войско; Разинъ вступилъ съ нимъ въ битву, но потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ на Донъ. Неудача отняла у Разина всю силу: непобѣдимость страшнаго колдуна исчезла, теперь никто не шелъ къ нему, никто не заступался за него; атаманъ Корнилъ Яковлевъ схватилъ Разина и отослалъ въ Москву, гдѣ его казнили смертью.

Но въ то самое время, какъ одно царское войско укрощало бунтъ Разина на Волгѣ, другое войско осаждало Соловецкій монастырь, гдѣ засѣли бунтовщики-раскольники. Не было человѣка благочестивѣе царя Алексѣя Михайловича, и каково же ему было, когда при немъ открылась въ Россіи смута церковная, расколъ. До половины XVI вѣка книги священныя и богослужебныя были у насъ рукописныя, благочестивый человѣкъ или самъ переписывалъ, или нанималъ писца и оставлялъ переписанную книгу у себя или жертвовалъ въ церковь. Переписчикъ ошибался, не разбиралъ, или, не разобравши, отъ себя придумывалъ слово, выраженіе, самъ дѣлалъ толкованіе: смотрѣть за этимъ, поправлять каждую рукопись было нельзя. Но вотъ въ 1563 году царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный заводитъ въ Москвѣ первую типографію; какъ же печатать книги? Великая польза отъ типографіи была та, что церковное начальство могло теперь взять изданіе книгъ подъ свой надзоръ, смотрѣть, чтобъ въ нихъ все было правильно; нужно было собрать

рукописи, выбрать изъ нихъ лучшую, самую правильную; но и въ хорошей рукописи могутъ быть ошибки, перемѣны, надобно справиться съ другими рукописями, какъ въ нихъ написано это слово, особенно какъ оно написано въ древнѣйшихъ рукописяхъ; если и тутъ недоразумѣніе, если и древнѣйшія рукописи разнятся, надобно обратиться къ подлиннику; такъ какъ наши книги переведены съ греческаго языка, то надобно справиться, какое слово въ греческомъ подлинникѣ и перевести его ближе, точнѣе. Но какъ было это дѣлать у насъ въ XVI и XVII вѣкахъ, когда не было училищъ, не было ученыхъ людей, которые бы и свой языкъ древній и новый знали хорошо, да и по-гречески бы хорошо знали? Стали исправлять какъ умѣли: иные исправители, по невѣжеству, еще больше испортили; другимъ удалось поправить, выкинуть, напримѣръ, лишнее; а невѣжды кричатъ: зачѣмъ это выкинуто, слово важное! зачѣмъ такую ересь затѣвать, выкидывать слова изъ церковныхъ книгъ! Такъ былъ обвиненъ въ ереси и подвергся гоненію знаменитый Діонисій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря. А между тѣмъ Греки, пріѣхавшіе въ Москву, говорили царю и патріарху, что въ русскомъ богослуженіи они замѣчаютъ отступленіе отъ богослуженія восточной церкви. Какъ тутъ быть? своихъ ученыхъ нѣтъ; надобно призвать изъ-за границы ученыхъ, чтобы исправили, какъ слѣдуетъ, книги и уничтожили разницу въ богослуженіи. Но эти заграничные ученые прежде всего, разумѣется, должны быть православные. Такими могли быть Греки и также малороссійскіе духовные: мы видѣли, что въ Малороссіи уже были училища и потому между малороссійскими духовными были люди ученые. Царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ вызвать изъ Кіева ученыхъ монаховъ да Грековъ и далъ имъ исправлять книги. Этимъ обидѣлись прежніе московскіе исправители, которые до сихъ поръ считались людьми знающими, искусными, а теперь на ихъ мѣсто призвали изъ-за границы другихъ исправителей, которые говорятъ, что прежніе исправители дѣлали дѣло не такъ, ошибались по невѣжеству. Чтобы защитить себя, поддержать свое достоинство, старые исправители начали толковать, что новымъ исправителямъ вѣрить нельзя: Греки живутъ подъ турецкимъ игомъ, а Малороссіяне подъ польскимъ, тамъ у нихъ унія. Слышались такія рѣчи отъ людей, которые слыли знатоками дѣла, и вотъ между простыми людьми началось волненіе: какъ это священныя книги перемѣняютъ, пишутъ, печатаютъ самое святое имя по новому, Іисусъ вмѣсто Исусъ, велятъ креститься не такъ, тремя пальцами

вмѣсто двухъ! Раздались вопли: до чего мы дожили, послѣднія времена пришли, вѣру православную перемѣняютъ, антихристъ народился! по старымъ книгамъ святые отцы молились и спаслись; а теперь по этимъ старымъ книгамъ не велятъ молиться, раздаютъ новыя: значитъ, царь, патріархъ и все духовенство, которое приняло новыя книги, измѣнили древнему благочестію, православной вѣрѣ, впали въ ересь; не надобно ихъ слушать, ходить въ ихъ церковь, сообщаться съ ними! Многіе простые люди дѣйствительно повѣрили, что старое благочестіе, православіе гибнетъ отъ исправленныхъ книгъ, и рѣшили, что надобно стоять за старыя книги и за старый крестъ во что бы то ни стало. Раскольники засѣли въ Соловецкомъ монастырѣ и выдержали въ немъ долгую осаду; царское войско должно было брать его приступомъ.

Исправленіе книгъ, противъ котораго возстали раскольники, было рѣшено на соборѣ 1654 года. Соборъ этотъ созвалъ патріархъ Никонъ; онъ же привелъ въ исполненіе рѣшеніе собора и строго поступалъ съ людьми, которые возмущали народъ, крича о гибели древняго благочестія отъ исправленія книгъ. Поэтому раскольники такъ и ненавидятъ Никона, приписывая ему все дѣло, тогда какъ онъ только исполнилъ рѣшеніе собора. Сначала царь Алексѣй Михайловичъ очень любилъ и уважалъ Никона, который былъ человѣкъ умный, дѣятельный, распорядительный, большой начетчикъ въ св. писаніи и, по тогдашнему, краснорѣчивый. Царь, который былъ очень благочестивъ, поступалъ во всемъ по совѣту патріарха. Никонъ, будучи отъ природы властолюбивъ, воспользовался этимъ расположеніемъ къ себѣ царя и пріобрѣлъ себѣ большую власть и въ свѣтскихъ дѣлахъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя вражду вельможъ, которымъ тяжело было ему подчиняться, и тѣмъ болѣе тяжело, что у Никона былъ раздражительный и жесткій характеръ, вовсе несогласный съ званіемъ патріарха; всѣ, имѣвшіе дѣло съ Никономъ, встрѣчали въ немъ не кроткаго пастыря церкви, не отца, а строгаго господина, скораго на гнѣвъ, и гнѣвъ неумѣренный. Съ теченіемъ времени и самъ царь Алексѣй Михайловичъ увидалъ, что Никонъ заходитъ слишкомъ далеко, и самому царю сталъ онъ тяжелъ; выходило, что въ Россіи два царя, и часто не знали, котораго изъ нихъ больше слушаться. Царь Алексѣй Михайловичъ по своему мягкому характеру никакъ не могъ прямо объясниться съ Никономъ, твердо сказать ему, чтобы онъ перемѣнилъ свое поведеніе, не забиралъ себѣ лишней власти. Алексѣй Михайловичъ, которому тяжело стало при Никонѣ, началъ отъ него удаляться, из-

бѣгать свиданія. Никонъ, замѣтивъ это удаленіе царя, разсердился и въ Успенскомъ соборѣ, послѣ обѣдни, торжественно при всемъ народѣ объявилъ, что оставляетъ Москву, и уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, который самъ отстраивалъ и назвалъ Новымъ Іерусалимомъ. Это было въ 1658 году, и послѣ того семь лѣтъ церковь русская оставалась безъ патріарха. Никонъ не отказывался отъ патріаршества и не возвращался въ Москву, а между тѣмъ своимъ поведеніемъ все больше и больше раздражалъ противъ себя царя и вельможъ и такимъ образомъ дѣлалъ примиреніе невозможнымъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, по благочестію своему, никакъ не хотѣлъ рѣшить дѣло самъ и вызвалъ въ Москву двоихъ восточныхъ патріарховъ: александрійскаго и антіохійскаго. Патріархи пріѣхали въ 1666 году и на соборѣ приговорили снять съ Никона архіерейскій санъ и сослать въ монастырь какъ простого монаха за самовольное оставленіе патріаршества, за самовольныя безъ собора низверженія духовныхъ лицъ, проклятія, жестокія наказанія, которымъ онъ подвергалъ подчиненныхъ, и другія недостойныя дѣла. Никона сослали въ Бѣлозерскую Ферапонтову пустынь. Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ въ 1676 г. Послѣ него остались отъ первой жены, Марьи Ильиничны Милославской, двое сыновей, Ѳедоръ и Иванъ, да пять дочерей; отъ второй жены, Натальи Кирилловны Нарышкиной, сынъ Петръ и двѣ дочери.

104. Царь Алексѣй Михайловичъ и его бояринъ Матвѣевъ.

Много въ Россіи городовъ, которые древнѣе Москвы, но нѣтъ ни одного, который бы такъ долго и такъ крѣпко былъ связанъ со всѣми свѣтлыми и темными днями русскаго народа. Съ XIV в. онъ уже дѣлается средоточіемъ и государственной силы и православной святыни. Съ которой бы стороны ни подходилъ или ни подъѣзжалъ къ ней русскій человѣкъ,—завидѣвъ маковки ея церквей, онъ снималъ шапку и набожно совершалъ крестное знаменіе. „Святая“, „бѣлокаменная“ и „златоглавая“ были названія, которыя народъ издавна давалъ древней своей столицѣ. Онъ могъ бы прибавить еще: живописная, потому что, въ самомъ дѣлѣ, мало городовъ, которые представляли бы болѣе прекрасное зрѣлище, какъ Москва съ Поклонной горы, съ Воробьевыхъ высотъ или съ вершины кремлевскаго холма. Это былъ чрезвычайно обширный, особенно по тогдашнимъ понятіямъ, городъ, разбросанный по холмамъ

и ложбинамъ, вдоль извилинъ Москвы-рѣки и впадающихъ въ нее Яузы и Неглинной. Изящными постройками онъ, впрочемъ, не отличался и, за исключеніемъ нѣсколькихъ строеній въ Кремлѣ, да большей части разсѣянныхъ по городу церквей, весь онъ былъ деревянный; бревенчатые дома, которые по теперешнимъ понятіямъ можно бы назвать избами, съ высокими гонтовыми либо соломенными крышами, то тѣсно жались одинъ къ другому вдоль кривыхъ, узкихъ улицъ и неправильныхъ площадей, то оставляли голые пустыри и болотины, на которыхъ спокойно пощипывали траву городскія коровы или полоскались домашнія птицы. Мѣстами широко раскидывались, точно отдѣльныя усадьбы, хоромы какого-нибудь знатнаго боярина или князя, со множествомъ службъ, хозяйственныхъ построекъ, съ садами и огородами; другія села и усадьбы примыкали къ городу, окружая его зеленою лентою своихъ садовъ, нѣкоторыя изъ этихъ селъ впослѣдствіи вошли въ черту города, какъ-то: Сущево, Хамовники и др. Но если смотрѣть на Москву съ одной изъ сосѣднихъ высотъ, то посреди этого муравейника домовъ глазъ останавливался на группѣ каменныхъ, бѣлыхъ церквей, стройныхъ колоколенъ, золоченыхъ куполовъ, которая красовалась на высокомъ холмѣ при одной изъ крутыхъ извилинъ Москвы-рѣки: это былъ Кремль. Здѣсь были старинные соборы, гдѣ совершалось вѣнчаніе на царство государей нашихъ, гдѣ стояли ихъ гробницы, гдѣ совершалъ богослуженіе патріархъ, гдѣ лежали мощи святыхъ угодниковъ, глубоко чтимыхъ русскимъ народомъ. Тамъ же находилась колокольня Ивана-великаго, Царь-пушка и большой колоколъ,—предметы, которыми наши предки гордились такъ же, какъ древніе Греки своимъ колоссомъ родосскимъ или дельфійскимъ храмомъ. Таковъ былъ общій видъ Москвы въ половинѣ XVII вѣка, въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

До тѣхъ поръ еще не было въ Москвѣ такого государя, какъ Алексѣй Михайловичъ. Добродушный, привѣтливый ко всѣмъ, онъ получилъ не даромъ прозвище „тишайшаго“. Если по вспыльчивости и случалось ему кого-либо обидѣть, или по склонности къ веселью и шуткѣ пошутить надъ кѣмъ-нибудь, то онъ старался загладить обиду, смягчить неловкую выходку. Добродушіе царя особенно сказывалось въ домашней жизни: онъ былъ прекраснымъ семьяниномъ и жилъ со своей супругой Маріей Ильинишной душа въ душу. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые хотятъ, чтобы не только у нихъ, но и у всѣхъ близкихъ было на душѣ свѣтло и радостно. Чувство изящнаго у него было тоже сильно: онъ любилъ

свое Коломенское село за красивое мѣстоположеніе; любилъ до страсти пышные обряды. Царскіе выходы въ церковь, церемоніи во время большихъ праздниковъ, пріемы иноземныхъ пословъ и своихъ бояръ — все это совершалось при царѣ Алексѣѣ по строго установленному чину и гораздо торжественнѣе и пышнѣе, чѣмъ прежде. Вся жизнь царя представляла какъ бы стройный обрядъ. Разныя подробности церемоній или церковной службы занимали его порою не менѣе, чѣмъ государственныя дѣла. Набоженъ и благочестивъ былъ онъ въ высшей степени, любилъ читать священныя книги, проводилъ каждый день часовъ по пяти въ церкви, клалъ усердно поклоны, посты наблюдалъ очень ревностно. „Великимъ постомъ, говоритъ одинъ современникъ, царь Алексѣй обѣдалъ только три раза въ недѣлю, а именно: въ четвертокъ, субботу и воскресенье, въ остальные же дни кушалъ по куску чернаго хлѣба съ солью, по соленому грибу или огурцу. Рыбу онъ ѣлъ только два раза въ великій постъ и соблюдалъ всѣ семь недѣль поста. Сверхъ обычныхъ постовъ, онъ ничего мясного не ѣлъ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ,—однимъ словомъ, ни одинъ монахъ не превзойдетъ его въ строгости постничества“. До свѣту, часа въ четыре утра вставалъ онъ съ постели; начиналось утреннее моленіе, поклоненіе иконѣ того святого, память котораго чтилась въ тотъ день, чтеніе какого-нибудь назидательнаго слова; затѣмъ происходило шествіе къ заутренѣ. Послѣ того приходили бояре, били челомъ государю, вели разговоръ о дѣлахъ и всѣ за царемъ шли къ обѣднѣ; въ праздники царскіе выходы были торжественнѣе, пышнѣе и съ соблюденіемъ извѣстнаго чина; смотря по празднику, одѣвалась и различная одежда, болѣе или менѣе пышная. Послѣ обѣдни царь занимался дѣлами: читались доклады и челобитныя: въ извѣстные дни происходили засѣданія боярской думы. Ополудни дѣла оканчивались и слѣдовалъ царскій обѣдъ. Послѣ обѣда царь спалъ до вечерни; затѣмъ шелъ къ вечернѣ, послѣ которой проводилъ время уже въ своемъ домашнемъ кругу, игралъ въ шахматы или слушалъ разсказы бывалыхъ людей о различныхъ диковинахъ въ чужихъ краяхъ. Такъ обыкновенно шла ровно, чинно и благочестиво царская жизнь; она служила образцомъ и для бояръ. Видоизмѣнялся нѣсколько строй жизни только въ большіе праздники да во время пріемовъ важныхъ иноземныхъ посольствъ. Рождество, Крещеніе, Вербное воскресенье и Пасха — вотъ важнѣйшіе праздники, когда церковныя службы, церемоніи и всѣ обряды царской жизни совершались особенно великолѣпно. Передъ

большими праздниками царь раздавалъ милостыню, посѣщалъ заключенныхъ, выкупалъ должниковъ, прощалъ преступниковъ. Всѣ русскіе люди въ то время считали своею обязанностью творить въ праздничные дни разныя благодѣянія и богоугодныя дѣла. Алексѣй Михайловичъ дорожилъ царскимъ величіемъ: оно, соединенное съ блескомъ и пышностью, плѣняло его; на выходахъ его сопровождали бояре, разные придворные чины и рынды въ ихъ роскошныхъ уборахъ. Всѣхъ иноземцевъ поражало величіе московскаго двора. Въ лицѣ Алексѣя Михайловича, казалось, соединились многія лучшія свойства русскаго человѣка, и онъ являлся какъ бы представителемъ русскаго добродушія, мягкости и набожности. Царь Алексѣй по своей мягкой природѣ постоянно нуждался въ совѣтникахъ; онъ всѣмъ сердцемъ привязывался къ людямъ, близко стоявшимъ къ нему, легко поддавался ихъ вліянію. Такимъ близкимъ лицомъ въ началѣ царствованія былъ бояринъ Морозовъ, потомъ патріархъ Никонъ, а въ концѣ царствованія бояринъ Матвѣевъ.

2-го марта 1669 г. съ высокой башни Ивана-великаго разнеслись на всю Москву рѣдкіе, печальные удары колокола: это была вѣсть народу о преставленіи царицы Маріи Ильиничны. Народъ, правда, мало зналъ своихъ царицъ, которыя никогда не являлись публично и выѣзжали не иначе, какъ въ закрытыхъ каретахъ, но онъ питалъ уваженіе и преданность къ царскому семейству и не былъ равнодушенъ къ потерямъ, которыя его постигали. Царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ супругѣ своей великолѣпныя похороны, заказалъ по ней поминанья во всѣхъ московскихъ церквахъ, въ иныя сдѣлалъ богатые вклады; тосковалъ, печалился, глядя на дѣтей своихъ, оставшихся сиротами, но наконецъ сталъ скучать и тяготиться своимъ одиночествомъ. Не меньше царя печалились и родственники покойной царицы—Милославскіе, а также и ихъ друзья и свойственники: всѣ они были въ милости, силѣ и славѣ по свойству съ покойной. Бывало, чего бы ни пожелали они для себя или для своихъ,—честь ли боярскую, воеводство ли доходное, придворную ли должность приближенную,—тотчасъ къ Ильѣ Даниловичу, отцу царицы: тотъ дочери, а она царю,—и дѣло слажено. Теперь ужъ на это нельзя было больше надѣяться; а хуже всего для нихъ было то, что государь могъ и во второй бракъ вступить, а съ новою царицей приблизилась бы и новая родня, новые люди. Уже въ послѣднее время при прежней еще царицѣ стали появляться новые люди, на которыхъ царская

родня косо посматривала, напримѣръ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Это былъ умный, дѣльный, ловкій человѣкъ; онъ былъ сыномъ небогатаго человѣка и безъ родства, безъ связей, сдѣлался чуть ли не первымъ лицомъ въ государствѣ. Когда онъ появился при дворѣ, никто не обращалъ на него вниманія; жилъ онъ тихо и скромно въ небольшомъ домикѣ въ приходѣ Николы въ Столбахъ, никому не навязывался въ дружбу, но ни отъ кого и не удалялся: въ царскихъ ли палатахъ или въ думѣ заговоритъ съ нимъ какой-нибудь важный бояринъ, Матвѣевъ разумно и тихо отвѣтитъ, но самъ на разговоры не напрашивается, удивлять никого не думаетъ — и добился такимъ образомъ, что привыкли его видѣть, и коситься на него родовитые бояре перестали; а между тѣмъ государь все больше къ нему привязывался, принималъ его запросто и безъ совѣта его ни на что не рѣшался: коротко сказать, онъ сдѣлался любимцемъ царя, какъ бывалъ прежде бояринъ Морозовъ. Милославскіе всполошились и рады были бы оттереть его отъ двора, но уже было поздно. И государь самъ безъ него уже не могъ обойтись, да и между первыми царедворцами не мало было такихъ, которымъ онъ вошелъ въ душу. Когда скончалась царица Марья Ильинишна и вдовцу стало казаться пусто въ его кремлевскихъ палатахъ, Матвѣевъ началъ еще чаще прежняго видаться съ государемъ. Мало того, что онъ и утромъ, послѣ думы, зайдетъ въ царскіе покои и нѣсколько часовъ сряду у него просидитъ послѣ вечеренъ, государь и самъ нерѣдко сталъ къ нему жаловать. Матвѣевъ въ это время построилъ уже себѣ домъ побольше и сталъ жить пошире. Онъ былъ тогда уже начальникомъ посольскаго приказа, слѣдовательно, не только всѣ иноземцы, проживавшіе въ Москвѣ, а ихъ было не мало, но и посланники разныхъ государствъ — цесаря римскаго, польскаго короля, шведскаго и другіе, пріѣзжавшіе въ Россію, должны были къ нему являться по своимъ дѣламъ; въ маленькой и тѣсной избенкѣ такихъ людей принимать не приходилось.

Не надобно, однакожъ, думать, что домъ Матвѣева былъ чѣмъ-нибудь въ родѣ нынѣшнихъ дворцовъ: самыя обширныя и великолѣпныя тогдашнія палаты удобно установились бы, и съ крышею, и съ фундаментомъ, въ иную залу зимняго или новаго кремлевскаго дворца. Рисунковъ дома Матвѣева, какъ и самаго дома, не сохранилось, къ сожалѣнію; но есть въ Москвѣ и въ другихъ старинныхъ городахъ нашихъ много зданій, построенныхъ въ XVII вѣкѣ; есть даже нѣкоторыя изъ нихъ, которыя сохраняются безъ измѣ-

ненія, какъ образчики старины, или которыя возобновляются въ старинномъ видѣ, напримѣръ, домъ князя Юсупова въ Москвѣ, домъ, принадлежавшій фамиліи Романовыхъ, и терема царскіе, какъ они были при Алексѣѣ Михайловичѣ. Во всѣхъ этихъ зданіяхъ комнатки маленькія, низенькія, со сводами, расписанныя травами или обитыя тисненною съ узорами кожею; вдоль стѣнъ лавки; вездѣ множество образовъ, независимо отъ особой молельни; въ передней или столовой палатѣ длинный дубовый столъ, за который ежедневно садилась семья и тоже, едва ли не ежедневно, садились гости, потому что предки наши любили угостить и угоститься. Тутъ же въ особомъ шкафѣ или на полкахъ стояли тяжелыя серебряныя блюда, кубки, ковши, драгоцѣнности, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію. Женская половина была обыкновенно отдѣльная, чаще въ верхнемъ этажѣ: это были такъ называемые терема, убѣжище—недоступное для постороннихъ; тамъ жила сама хозяйка и дѣти; онѣ тамъ проводили цѣлый день; хозяинъ же, напротивъ, только приходилъ туда ночевать; женщины жили однѣ и кромѣ своего хозяйства, да разныхъ вышиваній, ни во что не вмѣшивались, ни до чего не касались. Нижній этажъ дома всегда бывалъ занятъ кладовыми и погребами. Прадѣды наши были бережливы и имѣли вещи прочныя, цѣнныя: денегъ тогда было мало, перемѣнчивости модъ не существовало, а потому шубы, женскія парчевыя и атласныя одежды, жемчужные уборы, ковры, пуховики (которые тоже составляли предметъ роскоши) хранились въ этихъ кладовыхъ за тяжелыми замками и крѣпкими засовами. Что же касается до погребовъ, хотя и ихъ берегли, какъ зѣницу ока, однако частенько ихъ тревожили: это были хранилища квасовъ разнаго сорта, пива, медовъ и виноградныхъ винъ. Какъ только у воротъ раздавался стукъ желѣзнаго кольца, замѣнявшаго теперешній колокольчикъ, — ключникъ или ключница бѣжитъ въ погребъ, тяжелые засовы скрипятъ, ключъ, визжа, отворяетъ псполинскіе замки, и пѣнистое пиво изъ дубовой бочки, шипя, струится въ объемистую ендову; откупоривается и фряжское вино, и липецкій старинный медъ. Такъ жили Русскіе двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Матвѣевъ жилъ не совсѣмъ такъ, какъ другіе. Другіе любили бражничать, Матвѣевъ этого не терпѣлъ: любилъ быть одинъ и нерѣдко заглядывалъ въ книгу духовнаго или историческаго содержанія. Онъ и самъ писалъ: его собственною рукою было написано кое-что изъ исторіи нашего отечества по извѣстіямъ, вычитаннымъ

въ старинныхъ хартіяхъ и лѣтописяхъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ иностранцами, разспрашивать, какъ живутъ люди въ чужихъ земляхъ и какъ тамъ управляются государства. Прослышавъ отъ иноземныхъ своихъ знакомыхъ, что въ большихъ городахъ другихъ государствъ существуютъ театры и театральныя представленія, онъ составилъ трушу изъ своихъ дворовыхъ людей, сформировалъ кое-какой оркестръ и нерѣдко забавлялъ царя и дворъ музыкою и театральными зрѣлищами. Эти пьесы были большею частію духовнаго содержанія; изъ нихъ нѣкоторыя были писаны Симеономъ Полоцкимъ, ученымъ монахомъ, однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени. Мало того, находя пользу и удовольствіе въ чтеніи и умной бесѣдѣ, онъ и сына пріучилъ къ тому же, давъ ему учителей иностранныхъ языковъ и исторіи. Старанія его не пропали даромъ: молодой Матвѣевъ былъ въ первое время царствованія Петра однимъ изъ полезныхъ его помощниковъ и оставилъ послѣ себя записки, въ которыхъ очень интересно разсказаны смуты, случившіяся въ Москвѣ вскорѣ послѣ смерти царя Ѳеодора Алексѣевича. Дочерей у Артамона Сергѣевича не было, но въ домѣ его жила дочь одного небогатаго дворянина Кирилла Нарышкина. Правду сказать, образованіемъ ея занимались немного, да и никто тогда въ Россіи не думалъ, чтобъ женщинѣ нужно было что-нибудь знать, кромѣ молитвъ и хозяйства; но воспитанница Матвѣева, по крайней мѣрѣ, не была отдѣлена отъ всего свѣта, какъ обыкновенно бывали въ то время дѣвицы знатныхъ домовъ; онъ ее не пряталъ въ теремъ и ее видали даже многіе изъ пріѣзжавшихъ къ нему иностранцевъ. Звали ее Наталіей и была она красивая дѣвушка. Случилось, что увидѣлъ ее царь, и красота дѣвушки произвела на него такое впечатлѣніе, что онъ черезъ нѣсколько времени сочетался бракомъ съ Наталіей Кирилловною въ 1671 году. Вслѣдъ за нею явилась во дворцѣ и родня ея — Нарышкины, а Матвѣевъ получилъ санъ боярина.

30-го мая 1672 года у царя родился сынъ, котораго назвали Петромъ. Этотъ младенецъ былъ будущій великій императоръ. Около этого времени между людьми, близкими ко двору, стали ходить слухи, что между мачихою и падчерицами не стало согласія. Какъ это случилось, съ чего это началось, врядъ ли кто-нибудь могъ достовѣрно сказать: царевны ли, дочери Алексѣя Михайловича, изъ которыхъ многія были совершеннолѣтнія, недружелюбно встрѣтили мачиху; мачиха ли оттолкнула отъ себя падчерицъ,—дѣло темное: но между царевнами и царицей не было

дружества; государь горячо привязался къ молодой своей супругѣ и къ ея младенцу и, казалось, охладѣлъ нѣсколько къ своимъ прежнимъ дѣтямъ. Глядя на это, и дворъ раздѣлился на двѣ партіи. Матвѣевъ и большая часть царедворцевъ были на одной сторонѣ, окружая Наталію Кирилловну; на нихъ ласково смотрѣлъ и царь; другіе, родственники покойной царицы, угрюмо жались около царевенъ и двухъ царевичей отъ перваго брака. Впрочемъ, все это не выходило за черту кремлевскихъ стѣнъ; не всѣ замѣчали это и въ Москвѣ, а по другимъ городамъ все оставалось, какъ прежде, да и государь не показывалъ никакой немилости своей старой роднѣ. Черезъ два года послѣ рожденія Петра „объявленъ“ былъ старшій сынъ государя, Ѳеодоръ Алексѣевичъ. „Объявленіе“ было то же, что признаніе наслѣдникомъ престола. Въ самый новый годъ, который начинался тогда перваго сентября, происходила эта церемонія. Въ передней палатѣ Кремлевскаго Дворца были собраны бояре, думные люди, духовенство. Царь вышелъ къ нимъ съ молодымъ царевичемъ, которому тогда еще не исполнилось 13 лѣтъ, и сказалъ, что настало время „дать его Господу Богу въ послуженіе и ввести его въ святую соборную и апостольскую Церковь“. Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ худенькій, довольно болѣзненный отрокъ, но душу имѣлъ добрую, здравый умъ и былъ прекрасно, по тому времени, образованъ умнымъ и ученымъ Симеономъ Полоцкимъ. Съ этого времени царевичъ Ѳеодоръ считался какъ бы наслѣдникомъ престола; на него смотрѣли какъ на будущаго государя Россіи и, дѣйствительно, когда въ январѣ 1676 года Алексѣй Михайловичъ тяжко занемогъ и скончался, онъ вступилъ на престолъ.

105. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя.

Молва передавала вѣсти о потѣшныхъ теремахъ въ Кремлѣ и въ селѣ Коломенскомъ. Иноземцы отписывали на родину о присылкѣ къ московскому двору новыхъ заморскихъ игрушекъ, „клавикордовъ“, „октавокъ“ и „часовъ съ курантами“, и выхваляли щедрость и общедоступность царя. Гонцы боярина Матвѣева чаще сновали отъ государскихъ теремовъ къ посольскому приказу и обратно. Боярин, въ тишинѣ своихъ палатъ, изыскивалъ способы къ отпечатанію разумныхъ книжекъ: „Космографіи“, „Риторики“, „Фундаментовъ“ или „Максимовъ фортификаціи“. А въ теремномъ саду, гдѣ надъ деревьями, отъ птицъ, были раскинуты мѣдныя сѣтки и въ шелко-

выхъ клѣткахъ висѣли любимыя царскія птицы, перепелки, его же хлопотами были устроены размалеванныя деревянныя горы. Съ нихъ, по праздникамъ, на повозочкахъ катались царевны, сокровенныя еще отъ постороннихъ взоровъ. Въ другомъ углу сада сооружалась веселая потѣшная площадка и прудъ для младшаго изъ царевичей, четырехлѣтняго младенца Петра, также стараніями боярина Матвѣева. На площадкѣ устанавливались деревянныя пушки, на рѣзныхъ лафетахъ, а на прудъ спускались маленькіе катеръ и шлюпъ. Что ни вечеръ, съ недавней поры, въ низенькой комнатѣ посольскаго приказа усаживался на залавокъ толстый дьякъ и съ посольскимъ толмачомъ считывалъ какія-то бумаги. Передъ дьякомъ, на столикѣ, лежали разбросанные свертки и листы вѣдомостей гамбургскихъ, гарлемскихъ, венецейскихъ, кенигсбергскихъ и амстердамскихъ, получавшихся въ Москвѣ съ той поры, какъ голландецъ Фонъ-Сведенъ устроилъ сюда отъ нѣмецкой границы постоянную почту, чрезъ Новгородъ и Псковъ. Понюхивая изъ-подъ полы запретное зелье, табачокъ, дьякъ занимался любопытнымъ дѣломъ: онъ повѣрялъ переводимыя ежедневно, на сонъ грядущій царю, зѣло предивныя выписки изъ курантовъ о заморскихъ дѣлахъ и слухахъ. Куранты занимали царя. Но, будучи вещью хорошею, почта въ то же время пускалась и на лихія продѣлки. Нѣмецъ Марселисъ, содержатель ея и преемникъ Фонъ-Сведена, былъ торжественно уличенъ въ томъ, что прежде лицъ, къ кому писались письма, распечатывалъ ихъ и тайкомъ вычитывалъ изъ нихъ разныя новости. Вышло множество ссоръ и пересудовъ.

Но ничто такъ не волновало умовъ, какъ недавно возникшія забавы царя въ потѣшныхъ теремахъ. Иные, побывавшіе въ чужихъ краяхъ, или въ сосѣдней Польшѣ, говорили, что это просто театръ, гдѣ играетъ музыка и комедіанты пляшутъ. Другіе, посмѣлѣе, или изъ партіи недовольныхъ, утверждали, что царь, съ приближенными и съ бояриномъ Матвѣевымъ, переодѣвается тамъ въ заморскія платья, читаетъ нѣмецкія книжки и готовится поворотить Россію въ басурманы. Вездѣ, и за прилавками въ гостиномъ ряду, гдѣ, развѣсивъ бухарскіе ковры и мѣха и щелкая орѣхи, толковали и перебрасывались шутками молодые сидѣльцы, и въ боярскихъ палатахъ, вездѣ шли рѣчи о новыхъ царскихъ забавахъ. Въ хоромахъ боярина Мосальскаго, зазванный отъ ранней обѣдни набожною боярыней, сидѣлъ, въ обтертой скуфейкѣ и босикомъ, разстрига-дьяконъ и, поводя косыми глазами, поминутно вздыхалъ и крестился. „Что тебѣ, Касьянычъ?“ допрашивала заботливая боярыня, доставая гостю

изъ стекольчатаго поставца графинчикъ и серебряную чарку. „Міръ, матушка, къ концу клонится, міръ!“ отвѣчалъ онъ. А въ углу той же горенки молодой князь Пехтеревъ, изъ хозяйскихъ племянниковъ, уже обвѣянный новымъ духомъ, рвавшимся сюда сквозь запоры и стѣны, спдѣлъ у рѣшетчатаго окна и полушопотомъ, наскоро, пересказывалъ двоюроднымъ сестрамъ, какъ онъ былъ въ Коломенскомъ и какъ онъ видѣлъ въ щелку двери, что такое потѣшные терема и что тамъ дѣлается. — „Мишенька, голубчикъ! Что-жъ тамъ такое, говори?“ допытывались двоюродныя сестры. „Дѣйства, миленькія, дѣйства!“ — „Какія дѣйства?“ — „А вотъ какія!“ И онъ разсказывалъ, подъ набожную бесѣду тетушки съ Касьянычемъ: „намедни играли о томъ, какъ Аларерну голову отсѣкли; а тамъ другое: какъ Артаксеркъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну челобитью и по Мардахеину наученію! И такъ-то все это мудрено, сестрицы, такъ мудрено! Это выходитъ, сперва всѣ чинно усядутся, вотъ хоть бы какъ и мы; царь съ царевичами по одну сторону, а царевны съ нянъками по другую. Дворскіе и гости сядутъ чинно сзади, поодаль. Тутъ виситъ такая занавѣсочка шелковая и свѣчки разныхъ цвѣтовъ горятъ. Поиграютъ на гусляхъ да на трубахъ. А боярин Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ выйдетъ, ударитъ въ ладоши, занавѣсъ и отдернется. Тутъ явится палата, и часовые стоятъ, и цвѣты, и звѣрь, кентавръ, и городъ заморскій, а потомъ и выйдетъ человѣкъ. А на немъ всего наверчено, наверчено! Разведетъ руками и станетъ говорить скоро, али виршу. А тамъ выдернетъ мечъ, другой человѣкъ тоже выскочитъ. Вотъ ходятъ они, ходятъ, говорятъ виршу. Занавѣсъ и задернется. Тутъ опять въ гусли да въ трубы заиграютъ. Дѣйство и кончено. Тогда уже боярин Артамонъ Сергѣевичъ только подойдетъ къ царю, въ поясъ поклонится. А царь такъ милостиво говоритъ съ нимъ али съ царевичами шутитъ, забавляется. А то еще было такое, говорятъ, дѣло, что какъ отдернули разъ занавѣсъ, а тамъ стоятъ человѣкъ десять, одинъ на другомъ. Выходитъ, пирамидъ дѣлали. Балансеръ тоже, скоморохъ, изъ Марселіи града, съ имперскими послами пріѣзжалъ. Натянулъ это канатъ передъ царемъ, да и ходитъ по немъ, вотъ какъ по мосточку, да все качается, да царю красными платочками и машетъ, и такой-то нарядно одѣтый. Эхъ, вѣдь какъ мило-то! Не вышелъ бы оттолѣ! А наши бояре еще ершатся, кобенятся!“ — „А что?“ — „Да то, сестрицы, что царю они непокорны! Нынче уже не охотою токмо, а всѣмъ и нарочито велятъ быть при дѣйствахъ: кто нейдетъ, за тѣмъ посылаютъ, силою

берутъ и велятъ идти! Самъ намедни видѣлъ, какъ Горюшкина Илью, до Лыкова Алексашку тащили по Басманной такъ-таки царскіе вершники, какъ застали ихъ въ дядевыхъ хоромахъ, и тянули къ дѣйствамъ. Инда со смѣху помрали всѣ!"

На святки царскія забавы увеличились. Къ нимъ, заботами главы посольскаго приказа, допускались и заморскіе послы. Царь не разумѣлъ чужеземныхъ языковъ, послы тоже не понимали по-русски. Но посредствомъ переводчиковъ дѣло улаживалось, и заморскіе гости возвращались домой, не нахвалясь царскими ласками и царскими угощеніями. Однажды, незадолго передъ вечеромъ, постельничій Парамоновъ вошелъ въ покои посольскаго приказа и объявилъ, что царь назавтра приглашаетъ голландскаго чрезвычайнаго посла Фанъ-Кленка, имперскихъ пословъ Франциска де-Баттони и Карла Тирлингера де-Гусмана, на свои царскія забавы и на вечернее кушанье. Заморскихъ гостей повѣстили и въ раззолоченныхъ колымагахъ привезли въ Коломенское къ царскому терему. Они шли, предводимые переводчикомъ, рядомъ невысокихъ жилыхъ царскихъ покоевъ, гдѣ носился легкій запахъ ладана отъ близости теремныхъ молеленъ, въ которыхъ еще недавно было на молитвѣ царское семейство. Передъ дверью на половину царевичей и царевенъ послы увидѣли на часахъ стрѣльцовъ. Стоя на маленькомъ коврикѣ, стрѣльцы перешептывались между собою. Ихъ разноцвѣтные кафтаны, золоченыя винтовки и обтянутыя по древкамъ краснымъ бархатомъ алебарды ярко отсвѣчивались въ отблескѣ вечерней зари, проливавшей радужные огни сквозь разностекольныя рѣшетчатыя окна терема. Послы вошли въ обширную комнату съ изразцовою зеленою печью и съ желтыми, въ золотыхъ травахъ, кожаными обоями. Тутъ послы увидѣли самого царя... Царь Алексѣй Михайловичъ, окруженный боярами, сидѣлъ за небольшимъ столикомъ. Онъ допгрывалъ съ княземъ Ромодановскимъ игру въ шахматы и, оспаривая у противника побѣду, едва замѣтилъ вошедшихъ иностранцевъ. Почти пятидесятилѣтній царь Алексѣй былъ дороденъ, съ просѣдью, но свѣжъ. Нарядъ его ослѣплялъ обиліемъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Смѣлые каріе глаза, смотрѣвшіе нѣсколько исподлобья, и важное, горделивое лицо оправдывали народное прозванье: царь-соколъ. Онъ сидѣлъ на рѣзной высокой скамеечкѣ, облокотясь бѣлой полной рукой о шахматную доску. На головѣ его была золотая шапочка, съ лисьимъ мѣхомъ, утыканная жемчугомъ и изумрудами. На немъ былъ шелковый зеленаго цвѣта опашень; на груди—наперсный, усыпанный алмазами крестъ. А возлѣ, по бокамъ царя, неотлучно стояли два

рында, съ нѣжными, отроческими лицами, въ бѣлыхъ серебристыхъ одеждахъ до земли. Одинъ держалъ царскій посохъ, изъ чернаго индійскаго дерева, а другой—царское полотенце. Одна изъ дверей комнаты была занавѣшена легкимъ парчевымъ пологомъ. Онъ поминутно колыхался, точно нетерпѣливая и вмѣстѣ робкая рука его отдергивала. Пока царь доигрывалъ игру, пологъ отодвинулся. Изъ-за него вошли двѣ тучныя мамы, въ бархатныхъ кичкахъ и въ шелковыхъ душегрѣйкахъ. Съ одною объ руку вошла бѣлокурая дѣвочка, старшая царская дочка, царевна Софія Алексѣевна, въ алой, подбитой горностаемъ шубкѣ и въ мѣховой шапочкѣ. Она усѣлась поодаль, съ неотлучной своей забавницей, съ маленькой сморщенной служкой-карлицей, столѣтней царицыной дуркой-шутихой. Вслѣдъ за нею явился и тотчасъ занялъ иностранцевъ черноглазый и чернокудрый мальчикъ, четырехлѣтній царевичъ Петръ Алексѣевичъ. Стоя возлѣ полной и статной мамы, онъ быстрыми глазами слѣдилъ за движеніями заѣзжаго рыжаго нѣмчина. Помѣстившись на скамеечкѣ у печи, нѣмчинъ заводилъ и устроивалъ заморскій органъ, только что привезенный изъ чужихъ краевъ и подаренный бояриномъ Матвѣевымъ больному царевичу Ѳеодору, вмѣстѣ съ голландскими клавикордами и венецейскими октавками. Полная мама то и дѣло останавливала быстрые порывы царевича, который размахивалъ ручками и, потягиваясь къ нѣмчину, допрашивалъ у него едва внятными дѣтскими рѣчами, гдѣ дѣлаютъ такіе органы, и далеко ли живутъ Нѣмцы, и хорошо ли у нихъ, ѣздятъ ли тамъ на корабляхъ, и стрѣляютъ ли изъ пушекъ...

Никто не зналъ навѣрное, чѣмъ угоститъ теперь царь на своей вечеринкѣ: придетъ ли балансеръ и станетъ съ помощниками пирамидъ дѣлать, будутъ ли только играть на органѣ да обносить сластями, дѣйства ли покажутъ? Ничего не знали. Царь кончилъ игру. „Ну, бояринъ“, сказалъ онъ, вставая: „ты враговъ лучше бьешь, чѣмъ берешь коней да ферязей!“ Царь выигралъ и былъ, очевидно, въ духѣ. Завидѣвъ пословъ, онъ тутъ же ласково кивнулъ имъ головою; поручилъ черезъ переводчика сказать имъ, что по случаю новаго года позвалъ ихъ къ себѣ на веселье; спросилъ, довольны ли они содержаніемъ и обхожденіемъ окружающихъ, и, обратившись къ Голландцу Фанъ-Кленку, сказалъ ему: „Минъ-геръ, поди сюда!“ Минъ-геръ подошелъ и нѣсколькими словами съ царемъ возбудилъ зависть не очень-то довольныхъ недавнимъ объясненіемъ царя съ смѣлыми моряками и торговцами-голландцами. А между тѣмъ нѣмчинъ, по данному знаку, завертѣлъ ручку органа, сначала невпо-

падъ, но потомъ оправился и веселыя извилистыя варьяціи тирольской плясовой мелодіи наполнили комнату... Царь уже не въ первый разъ говорилъ съ голландскимъ посломъ. Онъ говорилъ съ нимъ о торговлѣ и о чужихъ странахъ, о наукѣ и о морскомъ дѣлѣ; разспрашивалъ его о дворѣ франкскаго короля, у котораго Фанъ-Кленкъ былъ незадолго передъ тѣмъ; перешелъ потомъ къ своей особѣ, говорилъ, что намѣренъ улучшить у себя воинское и судное дѣло; жаловался на то, что пропалъ его любимый соколъ, и что онъ самъ уже какъ-то старѣетъ и охладѣваетъ къ этой охотѣ; спрашивалъ у Фанъ-Кленка, какъ бы ему завести настоящій театръ съ комедіантами, такой, какой, по слухамъ, заведенъ у польскаго короля.

Въ это время вошелъ бояринъ Матвѣевъ и что-то сказалъ царю, склонившись передъ нимъ. Царь отвѣтилъ ему легкимъ мановеніемъ головы и вслѣдъ затѣмъ, обратившись къ Фанъ-Кленку, сказалъ: „Передай своимъ товарищамъ, что сегодня придется услышать вамъ у меня захожаго изъ вятскихъ лѣсовъ русскаго сказочника. Вамъ это, чай, въ диковинку?“ И дѣйствительно, царь Алексѣй Михайловичъ хоть и любилъ заморскія игры и забавы, но, по его собственнымъ словамъ, не было для него ничего слаще, какъ слушать, въ часы отдыха, разнообразныя и поучительныя повѣствованія странниковъ. „Въ ихъ рѣчахъ о старинѣ“, говорилъ онъ, „складные уроки для новаго времени; а въ разсказахъ о новомъ времени познаешь то, чего не увидѣть своими глазами!“ Еще не далѣе, какъ мѣсяцъ назадъ передъ тѣмъ, царь оплакалъ и, какъ друга, проводилъ до могилы лучшаго изъ своихъ дворскихъ повѣствователей, Венедикта Тимофеева. Послѣдній поистинѣ былъ скрижалью лѣтъ давно минувшихъ и услаждалъ царскіе досуги разсказами о кіевскихъ и новгородскихъ князьяхъ и о татарщинѣ. Бояринъ Матвѣевъ снова вошелъ въ комнату и, въ поясъ поклонившись царю, сказалъ: „по твоей по волѣ, государь, привели ко двору твоему вѣрнаго раба и слугу твоего, прохожаго бахаря-сказочника. А зовутъ его Устиномъ, а сказываетъ онъ сказки и пѣсни изъ дѣтства и идетъ издалеча. Былъ въ Кіевѣ, на Волгѣ и за Ураломъ. Прикажешь его звать?“ Царь сказалъ: „зови!“ Вошли два покоевыхъ стражника и стали у двери. За ними на порогѣ показался сказочникъ, мало чѣмъ выше средняго роста, лѣтъ подъ шестьдесятъ, невзрачный, въ старомъ потертомъ кафтанишкѣ, съ рѣдкою бородою клиномъ и стриженный въ скобку. Онъ низко поклонился и сперва было сробѣлъ и смѣшался. „Здравствуй!“ сказалъ звучнымъ голосомъ царь. Сказочникъ устремилъ несмѣлый

взоръ на царя: „Не робѣй!“ продолжалъ царь: „ты гость нашъ и нашихъ гостей. Откуда ты идешь и гдѣ жилъ?“ Устинъ, Иволга по прозванію, оправился, глянулъ на бояръ и на прочихъ гостей, стоявшихъ вкругъ царя, ступилъ отъ двери и отвѣтилъ: „Иду я нонѣ, царь-батюшка, изъ далекой Украйны, изъ даурской, зауральской стороны, мѣховой да золотой твоей землицы. Въ Сибири руду копалъ. Много тамъ у насъ, по заводамъ да раздольямъ, гудочниковъ да пѣсенниковъ. Холодно жить, и людишки все перехожіе. Ну, да весело жить, и милостью твоею сыты и вскормлены!“ — „Ну, выней же чарку вина, да повѣдай намъ, Устинъ, сказку или притчу какую, повесели насъ, да и семью нашу. Вотъ и господа послы заморскіе, хоть не поймутъ тебя, да послушаютъ“. Царь сѣлъ. За нимъ сѣли и всѣ присутствующіе. Сказочнику внесли его гусли, и онъ сѣлъ ихъ ладить. Дворскіе слуги тѣмъ временемъ пошли между скамьями съ кубами романеи, мальвазіи и ренскаго. Царскимъ дѣтямъ и кому хотѣлось подавались леденцы, шептала, обсахаренныя дынныя корки и индійскія сласти, мускатъ и имбирь въ меду. Царь спросилъ: „а гдѣ же князь Ѳеодоръ?“ Дверь отворилась и старшій сынъ царя, разслабленный царевичъ Ѳеодоръ появился въ носилкахъ изъ чернаго дерева. Взоры присутствующихъ съ жалостью обратились къ нему. Тутъ царскіе гусельники и скрипотчики проиграли родъ вводной музыки. Боярин Матвѣевъ вышелъ передъ царя и произнесъ: „Повѣсть, по преподобному Нестору, зѣло предивна о князѣ Владимірѣ и о томъ, какъ парень Янъ побѣдилъ Печенѣжина“!.. Сказочнику поднесли романеи. Онъ выпилъ, утерся и сталъ, изрѣдка поигрывая на гусляхъ, нараспѣвъ сказывать о князѣ Владимірѣ Красномъ-солнышкѣ. Разсказчикъ замолкъ. Одобрительный говоръ пошелъ между слушателями. Переводчики передавали иностранцамъ содержаніе сказки. „Ну, спасибо тебѣ, Устинъ! И тебѣ спасибо, Артамонъ Сергѣевичъ!“ сказалъ царь. Матвѣевъ далъ знакъ. Царскій кравчій поднесъ Устину на серебряномъ блюдцѣ кубокъ ренскаго. И кубокъ и блюдце царь пожаловалъ сказочнику. „Ну, Устинъ“, продолжалъ царь: „не полно ли тебѣ шататься по свѣту? Оставайся-ка у насъ на Москвѣ. Ты замѣнишь намъ Венедикта Тимофеева“... — „Прости, государь“, возразилъ сказочникъ, „смилуйся и не прогнѣвайся! Канарейка-птица хорошо поетъ въ клѣткѣ, а супротивъ соловья въ лѣсу ей не справиться! Тѣсно мнѣ будетъ въ твоемъ теремѣ, да и платья-то золоченаго носить не съумѣю. Отпусти, царь-батюшка. Довольны мы твоею государскою

милостью. И внукамъ, и правнукамъ о ней скажемъ!“ Царь не настаивалъ и отпустилъ его съ миромъ.

Когда иностранцы разошлись, два стрѣльца внесли и поставили на столъ передъ царемъ невысокій желѣзный ящикъ, съ ликами святыхъ угодниковъ по сторонамъ и съ скважиною въ крышкѣ. Ящикъ былъ запертъ на замокъ, ключъ отъ котораго впсѣлъ у царя за поясомъ. Его вносили, такимъ же порядкомъ, каждый вечеръ въ царскіе покои. Этотъ ящикъ прикрѣплялся къ столбу, у оконъ, для всѣхъ проходящихъ. „А! челобитныя! Это по твоей части, Фролъ Демьяновичъ!“ сказалъ царь, обращаясь къ низенькому сѣдому старичку, правившему судными дѣлами, и подавая Демьянычу для прочтенія челобитныя, опущенныя въ ящикъ съ утра того дня. Старичекъ читалъ:—„Челобитная на Степанка, да на Иванка, да на Алексѣйку Карнаухова, да на Микитку Груздева; бьютъ тебѣ, великому царю и государю всея Русіи, спроты твои хресьяне, Ортемка, да Лука, да Костя Суздальскіе. А намъ, господине, жалоба на нихъ, что взяли они у насъ и оттягали прудъ и меленку; а гуси ихъ огороды наши и сады, и грядки портятъ. Смилуйся, батюшка, и защити!“—Отпиши, Демьянычъ, къ воеводѣ, чтобъ собралъ и выслушалъ челобитчиковъ, и дѣло бы рѣшилъ, и намъ бы отписалъ“.—„Челобитная Ѳедьки Чемеря“, продолжалъ старикъ, „на Аѳанасія Периннова. Доношу, государь отецъ, что онъ, лихой человѣкъ Аѳонька Перинновъ изъ пограничной крѣпости, изъ Тора на Донцѣ, бѣжалъ и съ Туркомъ не дрался, и въ бой не шелъ. А у меня, Ѳедьки Чемеря, укралъ шубу баранью, да пять алтынъ денегъ, да новую ширинку“.—Царь улыбнулся.—„Запиши, Демьянычъ: сдѣлать обыскъ, и коли вернется Аѳонька изъ побѣгу, за воровство бить батоги нещадно, и отдать Ѳедькѣ Чемерю взятое, шубу, деньги и ширинку“.—Старикъ продолжалъ: „Челобитная тебѣ, великому царю и многомилостивцу, сирыхъ защитнику и правды поборнику, на ярославскаго воеводу, на грабителя и губителя. Заграбилъ онъ у насъ, сиротъ, и у немощныхъ, и убогихъ, всякое состояніе и гонитъ всѣхъ, и губитъ. А у Андрея Шестипалова дочь отнялъ и держитъ... Донесеніе смиреннаго раба и богомольца твоего инока Евстигнея“.—Долго царь не произносилъ рѣшенія. Напослѣдокъ онъ сказалъ: „нарядить сейчасъ гонца за воеводою, везти его сюда неуклонно. Давно я считаю за нимъ грѣхъ и добираюсь до него. Инока же Евстигнея подъ стражу взять и держать до конца дѣла. Правъ будетъ, дать ему мѣсто архимандрита, али вотчину изъ воеводскихъ, а нѣтъ, такъ батоги. Смотри, Демьянычъ, не покривить

душою! Гляди, чтобъ судьи судили по истинѣ, правили бы дѣло по правдѣ и отнюдь бы не стыдились лица сильныхъ!"—Старикъ читалъ далѣе: „Батюшка царь, берегись! Тебя извести хотятъ! Ондрейко Лодіевъ да Сухоня Василій, да поповичъ Сережка, на торгу, на Москвѣ-рѣкѣ, онамедни ходили и хвалились извести тебя и всякія зелья собирали, и злобныя словесы говорили, и тебя, и твоихъ бояръ корили, и царское твое имя поносили..."—Царь не дослушалъ.—„Брось, Демьянычъ, эту ябеду, да и самъ не читай, кто писалъ! Мало ли что̀ языки мелютъ! Одни корятъ и хулятъ, другіе хвалятъ. Коли смотрѣть на собаку, что лаетъ, такъ еще подумаетъ, что и на льва похожа"...—Демьянычъ прочелъ еще двѣ-три незначительныя челобитныя. Въ одной погорѣлые зарайскіе крестьяне просили помощи, а въ другой жена жаловалась на мужа Царь повелѣлъ произвести слѣдствіе, пожаловать погорѣлыхъ крестьянъ, а обвиняемаго мужа, коли окажется виноватымъ, постращать хорошенько, чтобы жилъ въ мирѣ и согласіи съ женою... Царь снова заперъ челобитный ящикъ, отдалъ его Фролу Демьяновичу и пошелъ въ опочивальню. Тамъ онъ зажегъ лампаду у образа Казанской Богородицы и долго молился. Царь заснулъ, когда занималась заря и въ Донскомъ монастырѣ раздался благовѣстъ къ заутрени.

106. Какъ жили наши предки въ XVII в.

Въ XVII вѣкѣ порядокъ жизни у всѣхъ русскихъ людей отъ царя до простолюдина былъ одинъ и тотъ же. Вставали наши предки очень рано: часа въ четыре. День начинался молитвою. У зажиточныхъ людей были въ домахъ особыя крестовыя палаты. Въ этой крестовой палатѣ каждое утро и собиралась вся семья и прислуга. Зажигали лампады и свѣчи, курили ладаномъ, и хозяинъ читалъ утреннія молитвы. Послѣ этого всѣ принимались за свои дѣла: купецъ шелъ въ лавку, приказный въ приказъ, бояринъ къ государю. Дома оставались женщины, дѣти и прислуга. Принимались за дѣла и хозяйки. Хозяйкѣ дѣла было много. Она должна была дать въ домѣ всѣмъ работу: распорядиться, что̀ готовить, указать, кому что̀ дѣлать изъ сѣнныхъ дѣвушекъ: кому чинить платье, кому заняться тканьемъ или вышиваньемъ; выдать все необходимое для работы, сообразить, сколько кому и чего надо, и смотрѣть, чтобы работа была исполнена хорошо и добросовѣстно. Задавъ всѣмъ работу, хозяйка и сама не должна была сидѣть безъ дѣла. Она не должна была ограничиваться лишь присмотромъ за работою, но и сама за-

ниматься рукодѣльемъ, не сидѣть сложа руки, чтобы ни мужъ, ни гости ее безъ дѣла не видали. Хорошая хозяйка должна была сама умѣть все дѣлать: и разныя кушанья стряпать, и мясныя и рыбныя, и квасы, меды, настойки приготовлять, и всякое рукодѣлье знать. Въ этихъ хозяйственныхъ заботахъ и проходила вся жизнь замужней женщины въ то время. Не весела была эта жизнь. Со времени татарскаго ига установился у насъ обычай запирать женщинъ и дѣвушекъ въ терема, чтобы ихъ никто не видалъ изъ постороннихъ. Здѣсь онѣ и проводили всю жизнь съ сѣнными дѣвушками, занимаясь рукодѣльями и развлекаясь разговорами и пѣснями. Выходить изъ дому дѣвушкѣ позволялось только въ церковь, но и въ церковь она шла, закрывъ лицо густою фатою, чтобы никто его не видалъ. Царевенъ отъ взглядовъ постороннихъ охраняли еще строже: когда онѣ шли въ церковь, то ихъ со всѣхъ сторонъ закрывали суконными щитами, а въ церкви онѣ стояли за занавѣсками. Замужнія женщины могли выходить еще въ гости къ родственникамъ и знакомымъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія мужа. При этомъ бесѣда ихъ въ гостяхъ не должна была выходить изъ круга хозяйственныхъ заботъ. Никакой самостоятельности у женщинъ не было: до выхода замужъ она находилась, какъ и всѣ дѣти, въ полномъ подчиненіи отцу, а выйдя замужъ, попадала въ такое же подчиненіе мужу; она должна была обо всемъ его спрашивать, даже какъ вести хозяйство и какъ душу спасти. Въ десять часовъ начиналась обѣдня. Всѣ, кому позволяло время, шли въ церковь. Царь съ боярами бывалъ у обѣдни каждый день. Въ полдень обѣдали. Послѣ обѣда всѣ ложились отдыхать; этого требовалъ обычай, и отступать отъ него считалось чуть ли не грѣхомъ. Да этотъ отдыхъ и былъ совершенно естественъ, такъ какъ вставали въ четыре часа утра. Москва какъ бы вымирала и оживала только къ тому времени, когда начинали звонить къ вечернѣ. Тогда снова принимались за работу. Вечеръ предназначался удовольствіямъ. День кончался ужиномъ, послѣ котораго снова всѣ собирались въ крестовую. Здѣсь снова затеплпвались лампады, читались вечернія молитвы, и затѣмъ всѣ ложились спать. Улицы совершенно пустѣли и запирались рогатками. Повсюду на площадяхъ и перекресткахъ появлялись караулы. Лихихъ людей въ то время было много въ Москвѣ, и рѣдкая ночь обходилась безъ грабежа, хотя и велѣно было всѣхъ, кто ѣхалъ или шелъ безъ фонаря, отправлять въ стрѣлецкій приказъ. Въ тишинѣ ночной раздавался теперь лишь бой часовъ на Спасской башнѣ Кремля, стукъ въ доски стражниковъ, да слышно было,

какъ перекликались караульные стрѣльцы на кремлевской стѣнѣ: „Славенъ городъ Москва!“ протяжно заводитъ одинъ; „Славенъ городъ Владиміръ“, откликнется другой на сосѣдней башнѣ; „Славенъ городъ Тверь“, отдается издали.

Въ праздники работать было грѣхъ, и день посвящался молитвѣ. Раннимъ утромъ раздавался звонъ къ заутренѣ, и всѣ спѣшили въ церковь. Церкви строились безъ печей, зимою въ нихъ было холодно; служба шла чрезвычайно долго, но русскіе люди какъ бы не чувствовали ни холода, ни усталости и простаивали въ церкви часовъ по пяти, по шести, усердно молясь, что́ приводило въ глубокое изумленіе иноземцевъ. Не успѣвали еще отдохнуть отъ долгой утренней службы, какъ снова раздавался звонъ, и всѣ шли къ обѣднѣ, которая шла тоже очень долго. По окончаніи службы садились за обѣдъ. Праздничные обѣды продолжались долго и были очень обильны. Но едва кончался обѣдъ, какъ снова раздавался звонъ, призывавшій всѣхъ къ вечернѣ. Въ праздничные дни не считали русскіе люди грѣхомъ и повеселиться. Но забавы были не разнообразны и часто грубы. Любимымъ народнымъ развлеченіемъ были кулачные и палочные бои, которые зимою происходили обыкновенно на льду. Бойцы дѣлились на двѣ стороны и по данному знаку бросались другъ на друга. Схватки бывали такія горячія, что многіе выходили изъ нихъ калѣками, а иные, случалось, и Богу душу отдавали. Зимою любили кататься съ горъ. Дома играли въ карты, шахматы, шашки (тавлеи) и въ зернь (косточки съ бѣлою и черною стороною). Духовенство того времени строго осуждало эти увеселенія. Даже пѣть и плясать считалось зазорнымъ. Поэтому пѣніе, пляска, музыка стали достояніемъ отдѣльнаго класса людей, которые назывались скоморохами. Скоморохи ходили большими ватагами, иногда человѣкъ по пятидесяти. Они развлекали народъ игрою на гусляхъ, гудкахъ, дудкахъ и другихъ инструментахъ, пѣніемъ пѣсенъ, пляской, прибаутками; показывали ученыхъ медвѣдей, собакъ; давали представленія, надѣвая на себя смѣшныя маски (хари и личины). Иные обертывали вокругъ пояса кусокъ полотна, поднимали его надъ головою, устраивали такимъ образомъ родъ ширмъ, за которыми не видно было ни ихъ головы, ни рукъ, показывали разныя фигуры и говорили за нихъ. Получалось нѣчто въ родѣ петрушки. Скоморохи были люди веселые, ихъ смотрѣли и слушали съ удовольствіемъ. Случалось, зазывали ихъ и въ боярскія усадьбы потѣшить боярыню и боярышень. Но скоморохи были люди и опасные: они не пропускали того, что́ плохо лежитъ, иной

разъ и грабежомъ занимались. Самою благородною потѣхой у бояръ и царей считалась охота. Охота была, главнымъ образомъ, соколиная. У государя и у бояръ держалось много ловчихъ птицъ, соколовъ и кречетовъ, при которыхъ состоялъ цѣлый штатъ охотниковъ-сокольниковъ.

Въ праздничные дни и въ дни семейныхъ торжествъ у богатыхъ людей устраивали пиры, затягивавшіеся иногда съ полудня до самой ночи. Какъ и вся русская жизнь, пиры шли по извѣстному порядку. Вотъ какъ описываетъ порядокъ боярскаго пира нашъ писатель XVII вѣка, Котошихинъ. Передъ обѣдомъ хозяинъ приказываетъ женѣ выйти къ гостямъ ударить имъ челомъ. Хозяйка выходитъ, становится „въ большомъ мѣстѣ“ (въ переднемъ углу) и кланяется гостямъ, которые отходятъ къ дверямъ, „малымъ обычаемъ“ (въ поясъ). Гости въ свою очередь кланяются ей въ землю. Потомъ хозяинъ съ земнымъ поклономъ проситъ гостей, чтобы они цѣловали его жену. По просьбѣ гостей сперва онъ цѣлуетъ ее самъ; потомъ гости, одинъ за другимъ, подходятъ къ хозяйкѣ, кланяются ей въ ноги, цѣлуютъ ее и опять кланяются въ землю, а она кланяется имъ въ поясъ. Послѣ этого хозяйка угощаетъ гостей виномъ. Хозяинъ бьетъ челомъ гостямъ, кланяется имъ въ землю, чтобы они соблаговолили выпить у его жены вино. Гости просятъ, чтобы сперва выпили сами хозяева. Хозяинъ приказываетъ пить женѣ, потомъ пьетъ самъ; послѣ этого пьютъ гости. Передъ тѣмъ, какъ пить, и послѣ того, какъ выпьютъ, гости кланяются въ землю. Затѣмъ хозяйка, поклонившись, уходитъ въ свои покои къ гостьямъ, женамъ гостей, которыхъ угощаетъ у себя отдѣльно отъ мужчинъ. Женщины появлялись въ обществѣ мужчинъ только на свадебныхъ пирахъ, да развѣ ужъ собирались одни близкіе родственники. Кушанья готовились, по словамъ Котошихина, безъ приправъ: „безъ ягодъ и сахару, безъ перцу и инбирю, малосольны и безуксусны“. Все это прибавлялось въ кушанья уже на столѣ самими обѣдающими. Кушаній бывало за обѣдомъ отъ пятидесяти до ста. За каждой перемѣной хозяинъ и гости пили по чаркѣ вина, или пива, медъ, рейнское и романею. Когда приносили на столъ круглые пироги, то къ гостямъ выходили жены сыновей хозяина и его замужнія дочери. Гости, вставъ изъ-за стола, отходили къ дверямъ и кланялись имъ, а мужья ихъ били челомъ, чтобы гости цѣловали ихъ женъ и пили у нихъ вино. Начинался снова обрядъ цѣлованія, по окончаніи котораго женщины уходили, и пиръ продолжался. Незамужнія дочери гостямъ не показывались. По окончаніи обѣда

гости сидѣли еще долго, продолжая пить. Начинались здравицы: сначала за царя, за его семью, потомъ за именитыхъ бояръ, за гостей. Хозяинъ съ непокрытой головой (обыкновенно сидѣли въ шапкахъ) становился посреди комнаты, произносилъ тостъ, поднявъ кверху чашу, затѣмъ опоражнивалъ ее и опрокидывалъ надъ головой, чтобы показать, что все выпито. Гости такъ же усердно должны были осушать свои бокалы. Чѣмъ больше было гостей, тѣмъ больше было здравицъ, тѣмъ дольше шелъ пиръ. Отказываться отъ кушанья и отъ питья считалось невѣжливымъ. Тѣ гости, которые ѣли безъ конца и не наѣдались досыта, пили безъ мѣры и не напивались допьяна, считались настоящей красой пира. Иногда на пиры приглашали скомороховъ позабавить гостей, и тогда начиналось шумное, разгульное веселье. Послѣ пира гости обыкновенно подносили хозяину подарки. Бывали пиры и иного рода: приглашали духовенство, служили молебенъ, потомъ вмѣстѣ съ духовенствомъ, пропѣвъ молитву „Достойно есть“, садились за столъ. На столѣ ставилась „богородичная“ просфора. Дьяки пѣли духовныя пѣсни. На дворѣ и въ сѣняхъ кормили нищихъ и одѣляли ихъ милостынею, а иногда сажали и нищихъ за одинъ столъ съ собою.

Вся жизнь русскаго человѣка въ XVII вѣкѣ шла по извѣстному, установленному обряду. Но нигдѣ такъ ярко не сказывалась эта приверженность къ обряду, какъ въ свадьбѣ. Здѣсь все дѣлалось по установленному обычаю, по извѣстному чину. Свадьбы въ то время рѣдко устраивались по взаимному влеченію молодыхъ людей другъ къ другу. Дѣвушки жили въ затворничествѣ, никого, кромѣ близкихъ родственниковъ, не видали. Познакомиться молодымъ людямъ при такихъ условіяхъ было трудно. Да если бы и удалось имъ познакомиться, то и тогда все зависѣло отъ воли родительской, такъ какъ въ тѣ времена дѣти, какого бы возраста они ни были, находились въ полномъ подчиненіи родительской власти и безъ ихъ разрѣшенія и благословенія ничего не могли предпринять. Браки устраивались родителями, и женихъ и невѣста въ большинствѣ случаевъ не видали другъ друга до самаго дня свадьбы. Боярин, желавшій женить сына, узнавъ, что есть невѣста, посылалъ кого-либо изъ своихъ друзей къ отцу или матери дѣвушки, а если она была сирота, то къ ея брату, спросить, не хотятъ ли ее выдать замужъ, и узнать, какое за ней будетъ приданое платьемъ, деньгами, вотчинами и дворовыми людьми. Если женихъ приходился родственникамъ невѣсты по сердцу, то они, ничего не говоря невѣстѣ, приготовляли подробную роспись приданаго и посылали къ

тому, кто приходилъ отъ жениха. Если женихъ находилъ приданое вполнѣ приличнымъ, то онъ посылалъ къ родственникамъ невѣсты просить показать ее ему. На это родители невѣсты обыкновенно отвѣчали, что показать невѣсту они рады, но только не самому жениху, а кому-либо изъ его родственниковъ. Назначался день для смотринъ. Въ этотъ день родители невѣсты созывали къ себѣ своихъ родственниковъ, невѣсту наряжали въ лучшее платье и сажали за столъ. Пріѣзжала смотрильщица, мать или сестра жениха. Ее встрѣчали съ почетомъ и сажали за столъ рядомъ съ невѣстой. Во время угощенья смотрильщица старалась побольше говорить съ невѣстой, испытывая ея умъ, разсматривала ея лицо, глаза. Дальнѣйшее сватовство зависѣло отъ того, какое впечатлѣніе произвела невѣста на смотрильщицу: если она показалась ей глупой или некрасивой, то сватовство прекращалось; если же она смотрильщицѣ понравилась, то женихъ посылалъ къ невѣстину отцу сказать, что онъ невѣсту „излюбилъ“ и хочетъ „учинить сговоръ“. Родители невѣсты назначали день для сговора и начинали къ нему готовиться. Въ назначенный день женихъ, нарядившись, съ отцомъ и родственниками своими отправлялся къ невѣстину отцу. Ихъ встрѣчали съ честью и вели въ хоромы, гдѣ всѣ разсаживались „по чину“. Посидѣвъ, отецъ или иной родственникъ жениха начинали говорить хозяину, что они пріѣхали по его приказу для добраго дѣла. Хозяинъ отвѣчалъ, что онъ радъ и готовъ съ ними дѣлать сговорное дѣло. Тогда начинали уговариваться о свадьбѣ и назначали срокъ, къ которому обѣ стороны считали возможнымъ приготовиться. Составлялся письменный договоръ, при чемъ опредѣлялась неустойка: если въ срокъ, назначенный въ договорѣ, женихъ или невѣста отказывались отъ брака, то виновная сторона, нарушившая условіе, должна была уплатить другой извѣстную сумму — отъ тысячи до десяти тысячъ рублей. По заключеніи договора начинался пиръ. Невѣсту жениху все-таки не показывали, но одна изъ замужнихъ родственницъ ея дарила его отъ ея имени ширинкою (платкомъ). Послѣ сговора отказаться отъ свадьбы было уже дѣломъ труднымъ. Если та или другая сторона отказывалась отъ брака, то обиженная сторона приносила жалобу патріарху. Патріархъ начиналъ разслѣдованіе и приказывалъ съ виновныхъ взять „зарядъ“, написанный въ договорѣ.

Въ день свадьбы въ домѣ жениха и невѣсты съ утра начинались хлопоты. И тамъ и здѣсь готовился столъ, собирались гости, „свадебный чинъ“: сидячіе бояре и боярыни, тысяцкій, дружки, коровайники и т. д. Когда наступало время, назначенное для бра-

косочетанія, изъ дома жениха отправлялся къ невѣстѣ свадебный поѣздъ. Впереди на богато украшенныхъ носилкахъ коровайники несли хлѣбъ. За ними, лѣтомъ верхомъ, а зимою на саняхъ, ѣхали священникъ съ крестомъ, свадебные бояре, тысяцкій и, наконецъ, женихъ. Пріѣхавъ къ невѣстѣ, всѣ шли въ хоромы, гдѣ ихъ встрѣчали съ почетомъ отецъ невѣсты и собравшіеся у него гости. Въ домѣ невѣсты тоже съ ранняго утра шла суета: готовили также столъ для гостей, снаряжали къ вѣнцу невѣсту. При пѣніи свадебныхъ пѣсенъ дѣвушки расплетали ей косу, дѣвичью красу, надѣвали на нее лучшее платье, драгоцѣнности, закутывали фатою. Невѣста при этомъ заливалась слезами. Этого требовалъ обычай, да это было и естественно: она покидала родительскій домъ и не только не знала, что за человѣкъ ея будущій мужъ, но и каковъ онъ изъ себя. Невольно должно было сжиматься сердце при мысли о томъ, что̀ ее ждетъ впереди. Но вотъ невѣста готова. Дружки просятъ родителей благословить ее. Отецъ и мать берутъ образа, женихъ и невѣста опускаются на колѣни. Ихъ благословляютъ, потомъ отецъ беретъ за руку невѣсту и вручаетъ жениху. Женихъ въ предшествіи свадебныхъ чиновъ ведетъ невѣсту за руку изъ дому и сажаетъ ее въ колымагу или каптану. Родители невѣсты и всѣ гости, собравшіеся у нихъ, провожаютъ жениха и невѣсту на дворъ, но въ церковь не ѣдутъ, а по отъѣздѣ свадебнаго поѣзда возвращаются въ домъ и садятся за столъ. Начинается пиръ. По окончаніи вѣнчанія свадебный поѣздъ ѣхалъ въ домъ жениха. Здѣсь новобрачныхъ встрѣчали родители жениха или, если ихъ не было, посаженные мать и отецъ, благословляли молодыхъ иконами и подносили имъ хлѣбъ-соль. Послѣ этого начинался пиръ, въ время котораго снимали съ невѣсты фату, — „открывали“ ее. Молодой въ первый разъ теперь видѣлъ свою суженую. Родителямъ посылали сказать, что вѣнчались „въ добромъ здоровьѣ“. На слѣдующее утро женихъ съ своимъ дружкой отправлялся къ тестю и тещѣ и билъ имъ челомъ за то, что они его жену вспоили, вскормили и замужъ выдали въ добромъ здоровьѣ. Потомъ онъ объѣзжалъ родственниковъ своихъ и жениныхъ и приглашалъ ихъ къ себѣ на обѣдъ. Когда съѣзжались гости, повобрачная подносила подарки всѣмъ свадебнымъ „чиновнымъ людямъ“. Передъ обѣдомъ женихъ съ поѣзжанами отправлялся къ царю ударить челомъ. Войдя въ палату, всѣ кланялись царю въ землю. Царь спрашивалъ про здоровье женихово и невѣстино. Женихъ снова кланялся въ землю. Царь поздравлялъ его съ законнымъ бракомъ, давалъ образа „окладные“ въ благословеніе и

подарки: соболей, бархату, атласу, камки, серебряные сосуды. Затѣмъ царь угощалъ жениха и поѣзжанъ виномъ и отпускалъ домой. Въ то время, какъ женихъ ѣздилъ къ царю, невѣста отъ себя посылала дары царицѣ и царевнамъ — шитыя золотомъ, серебромъ и жемчугомъ полотенца. По возвращеніи жениха начинался пиръ. Въ концѣ его молодыхъ благословляли образами и всѣ гости подносили имъ подарки. На третій день молодые и всѣ ихъ гости пировали у невѣстиныхъ родителей. Имъ опять подносили подарки. Этимъ и оканчивались свадебныя празднества. Такъ какъ женихъ не видалъ невѣсты до самаго свадебнаго стола, то нерѣдко случались подмѣны невѣстъ: смотрильщицѣ показывали одну дочь, а выдавали замужъ другую, имѣвшую какіе-нибудь недостатки. Иногда вмѣсто дочери показывали служанку. Когда открывался обманъ, женихъ подавалъ жалобу патріарху и начиналось разслѣдованіе. Исходъ дѣла зависѣлъ отъ того, было ли въ свадебномъ договорѣ поставлено имя той дочери, которую выдали замужъ, или другой. Если оказывалось, что въ договорѣ стоитъ имя той, которая выдана, то бракъ признавался правильнымъ. Конечно, жизнь такой новобрачной была крайне тяжелой. Мужъ въ то время былъ полнымъ владыкой въ домѣ. Обычай требовалъ, чтобы онъ училъ свою жену, а при грубости тогдашнихъ нравовъ это ученье нерѣдко кончалось побоями, даже если мужъ и любилъ жену. Сколько же мученій должна была вынести жена, навязанная мужу обманомъ! Если дочь не выходила замужъ, то ее постригали въ монастырь. Порядокъ свадьбы былъ одинъ у всѣхъ сословій. Но къ царю ѣздили только бояре, думные люди и спальники. Пышность свадьбы, богатство подарковъ, обиліе угощеній — все зависѣло отъ достатковъ.

107. Школы и просвѣщеніе въ московскомъ царствѣ.

Послѣ татарскаго разоренія просвѣщеніе русскаго народа пріостановилось. Южная Русь запустѣла, а московская земля отрѣзана была отъ греческаго царства, откуда раньше шло на Русь просвѣщеніе. Вмѣсто Грековъ пришлось русскому народу имѣть сосѣдями полудикихъ Татаръ. Въ это время западные народы — Итальянцы, Нѣмцы и наши сосѣди Поляки далеко опередили насъ въ просвѣщеніи. Тамъ устраивались школы, сочинялись книги и развивались науки. Но русскіе люди избѣгали тогда сношеній съ западными государствами, считая иновѣрцевъ „погаными“, а ихъ науку — „грѣхомъ“. Боялись тогда, что наука повредитъ благочестію, и го-

ворили, что для православнаго христіанина одна наука — читать священныя книги. Грамотѣ учились русскіе люди кое-гдѣ и коекакъ: у дьячковъ церковныхъ, у престарѣлыхъ отставныхъ священниковъ. Бояре и богатые московскіе жители обучались у дьяковъ, т.-е. чиновниковъ изъ приказовъ московскихъ; эти дьяки въ старое время были самые сильные въ грамотѣ и письмѣ люди, они же и царевичей обучали азбукѣ и чтенію по часослову и псалтырю. На священникахъ малограмотность особенно тяжело отзывалась. Въ старину городскіе и сельскіе прихожане сами выбирали себѣ священниковъ: намѣтятъ изъ среды своей человѣка добраго и нравственнаго, укажутъ ему учиться грамотѣ. Школъ и семинарій не было, значитъ, учился онъ у кого Богъ приведетъ. Потомъ шлютъ избранника къ архіерею. Архіерей, испытавъ его въ чтеніи и знаніи службы, рукополагалъ въ священники. Не мало жаловались архіереи на малограмотныхъ ставленниковъ. Одинъ новгородскій архіерей писалъ въ Москву митрополиту: „пришлютъ мнѣ мужика посвящать во священники; дамъ ему часословъ, еле бредетъ по буквамъ; я ему псалтырь, — и того не разумѣетъ. Отошлю назадъ, а люди плачутся безъ священника; „земля наша такова, владыко“,— говорятъ, — нѣтъ грамотныхъ“. Впрочемъ и сами архіереи большою ученостью не отличались; про одного въ лѣтописи записано: „грамотѣ былъ мало ученъ“.

Первыя хорошія школы завелись въ русскихъ земляхъ, покоренныхъ Польшей, въ Малороссіи да въ Бѣлой Руси. Поляки исповѣдывали католическую вѣру, и польскіе священники всячески старались обратить Русскихъ въ свою вѣру. Были у Поляковъ хорошія школы низшія и высшія, по образцу школъ западныхъ народовъ; въ школахъ учили католическіе монахи. Въ эти школы Поляки стали привлекать православныхъ дворянъ и богатыхъ казаковъ. Русскіе дворяне, жившіе въ Польшѣ, стали поступать въ польскія школы, чтобы образованіемъ сравняться съ Поляками. За долгіе годы ученья православный мальчикъ пріучался къ католической вѣрѣ и выходилъ ополяченнымъ. Тогда же подняли старое дѣло о соединеніи церквей (уніи), начали обѣщать русскимъ архіереямъ сравнять ихъ по службѣ съ католическими, если они подчинятся папѣ. Два архіерея согласились и поѣхали въ Римъ просить папу принять русскую церковь подъ свою власть. Папа обѣщалъ, что всѣ обряды православной церкви останутся по старому, ихъ не тронутъ, лишь бы православные признали его власть надъ духовенствомъ. Тогда появились въ Польской Руси

уніатскія церкви, подчиненныя папѣ, уніатскіе архіереи и священники. Но православный народъ испугался новшества: польскіе начальники и помѣщики только силой могли заставить народъ ходить въ уніатскія церкви. Издавна при православныхъ церквахъ южной Руси бывали братства изъ прихожанъ; братство заботилось о красотѣ храма, объ устройствѣ празднествъ и трапезъ для бѣдныхъ, наблюдало за священниками. Въ это трудное время братства рѣшили твердо стоять за православную церковь: не допускать ни уніи, ни католичества. Они устраивали свои пріюты, странноприемные дома, печатали и распространяли православныя книги, а главное, устраивали школы, чтобы русскимъ не приходилось поступать въ польскія. Трудно было начинать это дѣло; ни своихъ учителей, ни учебниковъ не было; все это пришлось перенимать у Поляковъ. Братства устроили школы по образцу польскихъ; преподавали въ нихъ латинскій и греческій языки и всѣ науки, какъ въ школахъ западныхъ, но законъ Божій преподавали по строго православному ученію; учили даже, какъ обличать католиковъ, спорить съ ними. Первыхъ учителей взяли изъ вѣрныхъ православію учениковъ польскихъ школъ: потомъ явились и свои учителя. Образованные Малороссы стали переводить много книгъ для чтенія русскимъ. Кіевскую братскую школу скоро передѣлали въ высшую или академію, и стала она первой русской высшей школой; лучшіе ученики ея поступали въ монахи и посвящали себя вполнѣ дѣлу просвѣщенія народа.

При царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ кіевскихъ ученыхъ монаховъ выписывали въ Москву: имъ поручали исправлять священныя книги для печати; они были лучшими помощниками патріарховъ, когда тѣ вводили благочиніе въ церковной службѣ и пѣніе по нотамъ. Кіевскіе монахи устроили первыя школы въ Москвѣ, обучали молодыхъ бояръ и дворянъ древнимъ языкамъ и разнымъ наукамъ. Въ такой монастырской школѣ учился впослѣдствіи Ломоносовъ. Самъ государь Алексѣй Михайловичъ понималъ, что Русь далеко отстала отъ иноземцевъ; но у него характеръ былъ нерѣшительный и хотѣлъ онъ для Руси просвѣщенія и боялся; однако своихъ дѣтей онъ обучалъ гораздо лучше, чѣмъ прежде обучались царевичи и царевны. Во дворецъ пригласили ученаго Малоросса, монаха Симеона Полоцкаго и царевичи обучались латинскому и польскому языкамъ, наукамъ, даже искусству складывать стихи. Одна изъ царевенъ, Софія Алексѣевна, училась вмѣстѣ съ братьями у Полоцкаго, а прежде на Руси думали, что

женщинамъ ученье совсѣмъ не нужно. Когда сынъ Алексѣя, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, сталъ государемъ, Полоцкій въ церковной проповѣди убѣждалъ его: „Положи въ сердцѣ своемъ созидать училища, умножать учениковъ. Учиться слѣдуетъ каждому: монаху и мірянину, мужчинамъ и женщинамъ". Вмѣстѣ со школами появились въ Москвѣ и кое-какіе новые обычаи. Заѣзжіе нѣмцы устроили при дворѣ театральныя представленія. Забава понравилась. Нѣмцамъ поручили обучить нѣсколькихъ Русскихъ театральному искусству, и въ Москвѣ устроили русскій придворный театръ Появились иностранные музыканты, игравшіе на трубахъ и скрипкахъ. По домамъ богатыхъ бояръ завелась иностранная мебель, вмѣсто прежнихъ скамей и лавокъ; стали русскіе покупать часы, зеркала. Нѣмецкая слобода близъ Москвы, въ которой поселились нѣмецкіе мастера, купцы и приказчики, становилась все больше и многолюднѣй. Многіе русскіе люди не чуждались иноземцевъ, знакомились съ ними. Войны съ Поляками и Шведами показали слабость и недостатки русскаго государства. Русскіе люди начинали понимать, что нужно многое измѣнить на Руси; съ любопытствомъ присматривались они къ жизни иноземцевъ, къ порядкамъ въ другихъ государствахъ и видѣли, что многое слѣдуетъ перенять у нихъ. Видѣли, что нужно позаботиться объ образованіи, въ которомъ далеко отстали отъ иноземцевъ; видѣли, что для пользы народа необходимо завести новые промыслы и ремесла, чтобы русскіе люди получали больше доходовъ; съ малыми доходами народу тяжело было платить подати. Но много было и людей, которые всякихъ перемѣнъ и нововведеній боялись. Такіе люди полагали, что и кіевляне, какъ Греки, не тверды въ православіи подъ игомъ иноземцевъ; кіевскіе монахи, говорили они, только портятъ московское православіе; учиться у нихъ не слѣдуетъ; не слѣдуетъ ничего перенимать у иноземцевъ, потому что они чужой вѣры; а жить нужно по старинѣ, по простотѣ; предки не учились греческимъ и кіевскимъ наукамъ, и намъ не слѣдуетъ учиться.

108. Уничтоженіе мѣстничества (1682 г.) [1].

Долгоруковъ (съ Постельнаго крыльца): „Стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и иныхъ всѣхъ чиновъ ратные люди! Великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всея Великія,

[1]) Подъ именемъ мѣстничества разумѣлся обычай московскихъ бояръ считаться службою предковъ при занятіи мѣста въ военной и граждан-

Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, велѣлъ вамъ говорить: „Понеже не токмо въ минувшія лѣта, но и нынѣ, во многихъ государскихъ разныхъ, посольскихъ и иныхъ всякихъ дѣлахъ чинятся отъ вредительнаго и разрушительнаго мѣстничества и отъ тѣхъ мѣстныхъ случаевъ великія пакости, и нестроеніе, и разрушеніе, и непріятелямъ радованіе, и между боярами, окольничими, думными и ближними людьми противныя Богу дѣла, нелюбовь и великія, продолжительныя вражды,—великій государь указалъ всѣмъ чинамъ на Москвѣ въ приказахъ и походахъ, у ратныхъ, у посольскихъ и у всякихъ дѣлъ и въ городахъ быть межъ себя безъ мѣстъ, никому впредь разрядами и мѣстами не считаться и разрядные случаи оставить и искоренить, чтобъ впредь отъ тѣхъ случаевъ въ дѣлахъ помѣшки не было, разрядныя же книги сжечь, да погибнетъ тако во огнѣ Богомъ ненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и къ тому да не вспомянется вовѣки“.

1-ый простолюдинъ. „Слышь ты, Алеха, что это я какъ будто не понимаю. О чемъ это объявлялъ-то онъ намъ?“

2-ой простолюдинъ. „Эхъ, безмозглая ты башка! Вишь, бояре-то больно расходились; озорничаютъ, что ни на что не похоже, а все изъ-за мѣстовъ своихъ“.

1-ый. „Да какъ же это изъ-за мѣстовъ?“

2-ой. „Ну, да вотъ. Ты, пожалуй, со мной заспорилъ, что ты де лучше меня... Я тебѣ на то: нѣтъ, шалишь! я тебя лучше“.

1-ый. „Да чѣмъ же ты меня лучше?“

2-ой. „Молчи! ты не понимаешь. Это для примѣра. Ну, и пошли крупныя слова. Я тебя въ усъ, ты меня въ рыло“.

1-ый. „Смекнулъ“.

2-ой. „Такъ видишь ли: вотъ оно что. Нашему-то брату оно еще по простотѣ-то, пожалуй, и позволительно, ну, а боярамъ-то не приходится“.

1-ый. „Точно, правда“.

2-ой. „Самъ посуди, что за порядокъ будетъ, коли старшіе пойдутъ въ потасовку. Такъ и приказалъ теперь государь: вы де не смѣйте у меня озорничать и спору заводить“.

ской службѣ, въ придворныхъ церемоніяхъ и за царскимъ столомъ. Мѣстничество приносило большой вредъ, такъ какъ при назначеніи бояръ на службу царю постоянно приходилось разбирать ихъ споры посредствомъ справокъ въ разрядныхъ книгахъ, обсуждать въ боярской думѣ и назначать на высокія мѣста главныхъ воеводъ и полномочныхъ пословъ по знатности рода, а не по заслугамъ и способностямъ.

1-ый. „Ну, понялъ теперь. Спасибо! Дай Богъ здоровья нашему государю! Вишь, умница какой! Разомъ ихъ порѣшилъ“.

109. Дѣтскіе годы Петра Великаго.

(Годы его царствованія 1682—1725 г.).

Петру шелъ четвертый годъ, когда скончался отецъ его и на престолъ вступилъ старшій царевичъ — Ѳеодоръ Алексѣевичъ. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ царица Наталья Кирилловна, ея родственники и боярин Матвѣевъ находились въ немилости, и она жила очень тихо, не принимая никакого участія въ дворцовой жизни. Поэтому маленькій царевичъ Петръ росъ безъ такого строгаго присмотра, какой существовалъ обыкновенно надъ царскими дѣтьми. Живость его нрава съ каждымъ годомъ увеличивалась, и онъ все время проводилъ въ веселыхъ и шумныхъ играхъ, преимущественно на чистомъ воздухѣ, отчего здоровье и силы молодого царевича все болѣе и болѣе укрѣплялись. Въ старое время русскіе царевичи въ дѣтствѣ учились не многому, но царь Алексѣй Михайловичъ думалъ объ этомъ дѣлѣ иначе. Ему хотѣлось, чтобы сыновья его научились всему, чему только можно было, и онъ сдѣлалъ ихъ наставникомъ одного изъ самыхъ ученыхъ людей, жившихъ въ то время, — Симеона Полоцкаго. Подъ руководствомъ этого ученаго монаха старшіе царевичи Алексѣй и Ѳеодоръ Алексѣевичи оказали такіе успѣхи, что ихъ образованности потомъ удивлялись даже иностранцы. Не то было съ Петромъ. О немъ кромѣ опальной матери некому было заботиться, некому было думать и объ его ученіи. Когда мальчику минуло семь лѣтъ, къ нему все-таки приставили учителя, но это былъ малообразованный, и притомъ недалекій, дьякъ Никита Зотовъ. Передъ началомъ ученья приглашенъ былъ патріархъ отслужить молебенъ, окропить отрока святою водою и благословить его. Зотовъ же, принявъ царевича, посадилъ его, поклонился ему до земли и началъ учить. Ученіе началось, разумѣется, съ чтенія. Читали сначала азбуку или букварь, потомъ часословъ, псалтырь, Апостолъ и Евангеліе. Позже, когда царевичу было лѣтъ восемь, его начали учить писать. Петръ учился также и церковному пѣнію и, какъ видно, очень любилъ его, потому что, будучи уже царемъ, пѣвалъ на клиросѣ вмѣстѣ съ пѣвчими. Онъ любилъ также читать въ церкви „Апостолъ“. Кромѣ уроковъ чтенія, пѣнія и письма, Петру рано начали сообщать разныя свѣдѣнія по картинкамъ. По распоряженію Зотова было много нарисовано для царевича

разныхъ картинокъ и развѣшено по всѣмъ комнатамъ. Въ свободное время Зотовъ разсказывалъ царственному ученику своему по этимъ картинкамъ о великихъ подвигахъ русскихъ государей, о битвахъ, корабляхъ, городахъ и т. п. Царевичъ учился прилежно и охотно, былъ очень понятливъ и весьма скоро все запоминалъ. Но Зотовъ вообще самъ мало зналъ, поэтому немногому могъ научить и царственнаго отрока. Нерѣдко случалось, что пытливый ученикъ задавалъ своему учителю такіе вопросы, на которые самъ Зотовъ не могъ давать отвѣтовъ.

Поэтому Петру приходилось до многаго доходить своимъ умомъ или подыскивать себѣ случайныхъ учителей; такъ случайно нашелъ Петръ себѣ учителя математики. Князь Долгоруковъ привезъ Петру изъ-за границы астролябію. Молодой царь радостно схватилъ „заморскую игрушку“, но радость скоро смѣнилась горемъ. Долгоруковъ зналъ, что̀ можно сдѣлать съ помощью астролябіи, но какъ взяться за дѣло, этого онъ не зналъ. Не зналъ обращенія съ астролябіей и Зотовъ, не знали и другіе приближенные. Обратились къ нѣмцу-доктору—онъ не знаетъ ли? Докторъ обѣщалъ добыть такого человѣка, который бы могъ научить царя, какъ обращаться съ астролябіей, и скоро привелъ учителя. То былъ голландецъ Тиммерманъ, изъ Кокуевской или Нѣмецкой слободы, гдѣ жили вообще всѣ иностранцы, служившіе русскимъ царямъ или пріѣзжавшіе въ Москву по торговымъ и другимъ дѣламъ. Тиммерманъ не только объяснилъ Петру, какъ нужно обращаться съ астролябіей, но сталъ учить его геометріи и другимъ математическимъ наукамъ. Петръ очень полюбилъ Тиммермана и почти не разставался съ нимъ, вывѣдывая у него все, что только тотъ зналъ. Черезъ Тиммермана Петръ познакомился съ другими иностранцами, жившими въ Москвѣ. Между ними было не мало людей, отъ которыхъ онъ могъ многому научиться; жили они весело, и поэтому не мудрено, что живому, огненному Петру было пріятнѣе проводить время въ Кокуевской слободѣ, чѣмъ въ своемъ скучномъ дворцѣ. Иностранцы, среди которыхъ особенно выдавались Лефортъ и Гордонъ, помогли также Петру устроить его „потѣшное войско“. Петръ еще ребенкомъ страстно любилъ разныя военныя игры и часто игралъ въ солдаты со своими сверстниками. У маленькаго царевича было множество всевозможныхъ игрушекъ, но изъ нихъ онъ любилъ больше всего тѣ, которыя относились къ военному дѣлу. Когда Петръ подросъ, то не прекратилъ своихъ игръ, а, наоборотъ, еще больше полюбилъ ихъ. Къ своимъ сверстникамъ онъ присоединилъ еще много

дворовыхъ людей, бѣдныхъ дворянъ и разнаго охочаго люда и составилъ изъ нихъ цѣлое маленькое войско, называвшееся потѣшнымъ. Своихъ потѣшныхъ Петръ одѣлъ и обучилъ на иностранный ладъ и впослѣдствіи образовалъ изъ нихъ цѣлыхъ два полка—Преображенскій и Семеновскій, названные такъ по имени двухъ подмосковныхъ селъ, гдѣ больше всего царь проводилъ время, обучая свое войско и производя примѣрныя сраженія.

Между тѣмъ Петръ уже сталъ царемъ. Въ 1682 году умеръ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, не оставивъ послѣ себя дѣтей и не назначивъ никого себѣ наслѣдникомъ. Изъ сыновей царя Алексѣя Михайловича къ этому времени оставались въ живыхъ двое—царевичи Іоаннъ и Петръ. Старшимъ былъ шестнадцатилѣтній Іоаннъ, но онъ отличался очень слабымъ сложеніемъ, постоянно хворалъ и казался совсѣмъ непригоднымъ для царствованія. Здоровымъ, сильнымъ и живымъ Петромъ давно уже всѣ любовались и предсказывали ему великое будущее,—но ему было только десять лѣтъ. Долго совѣщались бояре, кому изъ братьевъ быть царемъ, и положили спросить весь народъ московскій, кого онъ желаетъ имѣть своимъ государемъ. Бояре вышли на дворцовое крыльцо, и патріархъ, обращаясь къ громадной толпѣ всякаго званія людей, окружавшей дворецъ, спросилъ: кого вы желаете имѣть царемъ—Іоанна или Петра Алексѣевича? Со всѣхъ сторонъ послышались громкіе голоса—„быть царемъ Петру Алексѣевичу“, и такимъ образомъ десятилѣтній Петръ взошелъ на престолъ московскій. Конечно, онъ не могъ самъ заниматься государственными дѣлами, и всѣмъ стала управлять мать его царица Наталія Кирилловна со своими родственниками. Это, понятно, не могло нравиться родственникамъ по матери покойнаго царя Ѳеодора Алексѣевича, Милославскимъ, а въ особенности не нравилось это одной изъ старшихъ дочерей царя Алексѣя Михайловича — царевнѣ Софьѣ. Въ это время царевенъ не держали уже такъ строго, не выпуская никуда изъ терема и не обучая ничему, кромѣ рукодѣлій, какъ прежде, и царевна Софья училась вмѣстѣ со своими братьями у ученаго Симеона Полоцкаго. Она отличалась большими способностями и любознательностью, очень интересовалась государственными дѣлами и въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича принимала участіе въ управленіи государствомъ. Поэтому не мудрено, что она съ большимъ неудовольствіемъ видѣла, какъ власть получила нелюбимая ею мачиха и ея приближенные, и рѣшила во что бы то ни стало захватить эту власть себѣ. Средство овладѣть правленіемъ Софья увидѣла въ стрѣльцахъ.

Стрѣльцами называлось постоянное войско, учрежденное еще царемъ Іоанномъ Грознымъ, въ мирное время жившее въ Москвѣ въ особой Стрѣлецкой слободѣ и занимавшееся мелкой торговлей и различными ремеслами. Въ описываемое время стрѣльцы были очень недовольны своими начальниками или полковниками. Полковники заставляли ихъ работать на себя и нерѣдко не отдавали слѣдуемаго стрѣльцамъ жалованья. Этимъ неудовольствіемъ искусно воспользовалась царевна Софья. Ея приверженцы начали нашептывать стрѣльцамъ, что виновниками всѣхъ ихъ бѣдъ являются родственники молодого царя—Нарышкины. „Нарышкины не только васъ, стрѣльцовъ, всячески притѣсняютъ“, говорили они, „но стараются даже причинить всякое зло царевичу Іоанну съ сестрами, дружелюбно относящимися къ вамъ“. Стрѣльцы хотя и вѣрили всему этому, но все-таки открыто поднять бунтъ не рѣшались. Тогда однажды по улицамъ Стрѣлецкой слободы проскакали двое приближенныхъ Софьи съ криками, что Нарышкины извели царевича Іоанна. Стрѣльцы заволновались, схватились за оружіе и двинулись къ Кремлю. Въ царскомъ дворцѣ при извѣстіи о возмущеніи стрѣльцовъ всѣ пришли въ большое смущеніе и хотѣли запереть кремлевскія ворота, но было уже поздно. Стрѣльцы съ бранью и криками, что Нарышкины умертвили царевича Іоанна, ворвались во дворецъ. Бояре стали ихъ успокаивать, но напрасно. Тогда вывели самого царевича Іоанна, объявившаго стрѣльцамъ, что его никто не думалъ изводить, и что никакой обиды онъ отъ Нарышкиныхъ не испытывалъ. Стрѣльцы смутились, и когда ихъ бывшій любимый начальникъ Матвѣевъ сталъ уговаривать бунтовщиковъ разойтись по домамъ, они было послушались его и начали расходиться. Но тутъ новый стрѣлецкій начальникъ, князь Долгоруковъ, котораго они сильно не долюбливали, набросился на нихъ и принялся угрожать всевозможными наказаніями за бунтъ. Стрѣльцы разсвирѣпѣли, убили Долгорукова и, подстрекаемые Милославскими и ихъ сторонниками, бросились обратно во дворецъ. Тамъ они убили Матвѣева, убили и многихъ другихъ бояръ. Любимаго брата царицы Ивана Кирилловича Нарышкина, несмотря на всѣ ея мольбы, умертвили почти на глазахъ царя. У Петра при видѣ убійства столькихъ близкихъ ему людей не вырвалось ни одного крика, ни одна слезинка не выкатилась изъ его глазъ, но зато съ этихъ поръ у него начала немного трястись голова, и это трясеніе осталось на всю жизнь. Стрѣльцы, сдѣлавшіеся полными хозяевами Москвы, такъ какъ другого войска въ ней не было, потребовали

сначала, чтобы царевичъ Іоаннъ былъ вѣнчанъ на царство вмѣстѣ съ Петромъ, а затѣмъ, чтобы царевна Софья была сдѣлана правительницей государства до тѣхъ поръ, покуда оба царя не достигнутъ совершенныхъ лѣтъ. Эти требованія были исполнены, и юный царь со своими родственниками былъ снова совершенно устраненъ отъ дѣлъ государственныхъ.

Предоставленный самому себѣ, Петръ все время проводилъ въ занятіяхъ и потѣхахъ, но и самыя эти потѣхи подготовляли для Россіи войско и флотъ, съ помощью которыхъ она заняла мѣсто между первыми государствами Европы. Петръ, желавшій все самъ изучить, все передѣлать своими руками, и въ „потѣшномъ“ своемъ войскѣ началъ службу простымъ солдатомъ, постепенно проходя всѣ чины; онъ даже и во время первой своей войны съ турками (Азовскій походъ) значился только командиромъ бомбардирской роты Преображенскаго полка. Первое время офицерами въ потѣшномъ войскѣ были преимущественно иноземцы, производившіе всѣ ученья не такъ, какъ въ древнемъ русскомъ войскѣ, а на новый европейскій ладъ, потому что, только усвоивъ себѣ европейскіе пріемы, воины русскіе могли съ успѣхомъ сражаться со своими сильными сосѣдями. Потѣшное войско училось также строить и защищать крѣпости по всѣмъ правиламъ воинской науки, училось и вести осаду такихъ крѣпостей, для чего дѣлилось на двѣ части, представлявшія изъ себя осажденныхъ и осаждающихъ. Занимаясь много со своимъ сухопутнымъ войскомъ, Петръ еще больше заботился о флотѣ. Любовь и интересъ къ флоту пробудились у Петра совершенно случайно. Однажды, гуляя съ Тиммерманомъ въ дворцовомъ селѣ Измайловѣ. Петръ забрался въ амбары. гдѣ хранились разныя старыя и ненужныя вещи, и нашелъ тамъ лодку, не похожую на всѣ тѣ, какія онъ видѣлъ. Тиммерманъ объяснилъ, что эта лодка англійская, называется „ботомъ“, и что на такомъ ботѣ можно плавать подъ парусами даже противъ вѣтра. Ботъ былъ испорченъ, но Тиммерманъ нашелъ своего земляка, по имени Брандта, который исправилъ ботъ, и скоро Петръ катался на немъ по Измайловскому пруду. Этотъ ботъ первый забросилъ въ голову Петра мысль о постройкѣ кораблей и потому носитъ названіе „дѣдушки русскаго флота“. Прудъ, по которому катался Петръ въ своемъ ботикѣ, оказался слишкомъ малъ и началъ стѣснять царственнаго моряка. Если на большомъ ботѣ трудно было кататься по Измайловскому пруду, то уже нечего было и думать плавать по немъ хотя бы на небольшихъ корабляхъ и фрегатахъ. этихъ заграничныхъ военныхъ

судахъ, о которыхъ Петръ такъ много слышалъ отъ Брандта. А молодому царю сильно хотѣлось самому выстроить такіе корабли и поплавать на нихъ. Вотъ онъ и сталъ искать мѣсто, гдѣ было бы больше простора для плаванія. Разъ кто-то сказалъ Петру, что въ 120 верстахъ отъ Москвы есть большое—больше десяти верстъ въ длину и въ ширину—Переяславское озеро. Услышалъ это царь и сталъ просить Наталью Кирилловну отпустить его туда строить корабли. Не скоро согласилась царица отпустить отъ себя на долгое время своего непосѣдливаго сына, да еще на такое страшное, невиданное въ Россіи дѣло, какъ постройка кораблей. Обрадованный Петръ захватилъ съ собою Брандта и нѣсколькихъ другихъ корабельныхъ мастеровъ и полетѣлъ въ Переяславль, гдѣ съ обычной своей горячностью и неутомимостью принялся за давно желанную работу. Скоро на Переяславскомъ озерѣ выросъ цѣлый маленькій флотъ изъ двухъ фрегатовъ и нѣсколькихъ другихъ меньшихъ судовъ, при чемъ самъ царь работалъ какъ простой плотникъ и токарь. Никакія просьбы матери, никакія другія дѣла не могли заставить Петра забыть его корабли. Царица Наталья Кирилловна рѣшила тогда женить своего семнадцатилѣтняго богатыря-сына, надѣясь, что хоть жена заставитъ его проводить больше времени дома. Но на дѣлѣ оказалось не то. Въ январѣ 1689 года Петръ женился на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, а черезъ два мѣсяца уже снова былъ въ Переяславлѣ.

110. Паденіе царевны Софіи. Азовскіе походы и постройка флота.

Между тѣмъ царевна Софья, вполнѣ освоившаяся съ властью, задумала уже сама вѣнчаться на царство, но, не найдя себѣ поддержки среди стрѣльцовъ, на которыхъ разсчитывала, должна была оставить свое намѣреніе. До 1689 г. Петръ занимался своими потѣхами и не принималъ никакого участія въ правленіи, но въ этомъ году между нимъ и Софьей произошло нѣсколько столкновеній, изъ которыхъ Софья могла убѣдиться, что 17-лѣтній Петръ самъ намѣренъ управлять государствомъ и что ей придется уступить ему власть. Наталья Кирилловна тоже открыто говорила о незаконности правленія Софьи. Стрѣльцы, несмотря на уговоры Шакловитаго, начальника стрѣлецкаго приказа, вполнѣ преданнаго Софьѣ, который былъ лично заинтересованъ въ ея правленіи, отказывались ее поддерживать. Тогда Шакловитый съ 5-ю преданными

ему стрѣльцами задумалъ погубить Петра и его мать, и для исполненія этого замысла имъ была уже назначена, какъ говорятъ, ночь съ 7 на 8 августа. Два другихъ стрѣльца, узнавъ о заговорѣ, отправились ночью въ Преображенское и предупредили Петра объ угрожавшей ему опасности. Петръ тотчасъ же ускакалъ въ Троицкую Лавру, куда къ нему на другой день пріѣхали его мать, жена, преданные бояре, пришли также потѣшные и стрѣлецкій сухаревъ полкъ. Софья пыталась уговорить Петра возвратиться въ Москву и съ этою цѣлью посылала къ нему бояръ и даже патріарха, но Петръ не возвращался. Софья сама поѣхала къ Петру, но онъ ее не принялъ, велѣлъ воротиться назадъ и потребовалъ выдачи Шакловитаго и всѣхъ его сообщниковъ. Тогда Софья пробовала поднять на свою защиту оставшихся въ Москвѣ стрѣльцовъ и служилыхъ иноземцевъ, обращалась съ рѣчью и къ народу, но безуспѣшно; иноземцы съ Гордономъ тоже ушли къ Троицѣ, а стрѣльцы заставили Софью выдать Шакловитаго съ его сообщниками. Дѣло Софьи было проиграно и она по приказу Петра должна была удалиться на житье въ Новодѣвичій монастырь, а ея сообщники были казнены. Съ этого времени Петръ сталъ самодержавнымъ государемъ, такъ какъ братъ его Іоаннъ хотя и назывался царемъ, но не принималъ никакого участія въ правленіи; Іоаннъ V умеръ въ 1696 г., оставивъ 3 дочерей — Екатерину, Анну и Прасковью.

Первыя 5 лѣтъ правленія Петра не были ознаменованы никакими важными событіями, такъ какъ 17-лѣтній Петръ продолжалъ заниматься своими потѣшными, но все-таки уже сильно было замѣтно сочувствіе Петра ко всему иностранному и новому. Не довольствуясь Переяславскимъ озеромъ, на которое было спущено, кромѣ ботика, еще 5 судовъ, вновь построенныхъ Брандтомъ при дѣятельномъ участіи самого царя, Петръ въ это время ѣздилъ въ Архангельскъ и плавалъ по Бѣлому морю; здѣсь онъ осмотрѣлъ иноземные корабли и велѣлъ построить по ихъ образцу два русскихъ корабля. Въ 1694 г. умерла Наталья Кирилловна, и Петръ сдѣлался теперь вполнѣ самостоятельнымъ. Онъ совершилъ второе путешествіе въ Архангельскъ, посѣтилъ Соловецкій монастырь, изучалъ морскую службу подъ руководствомъ голландскаго шкипера и плавалъ по Бѣлому морю на военномъ кораблѣ, купленномъ по его заказу въ Голландіи. По возвращеніи изъ Архангельска въ Москву Петръ устроилъ большіе маневры (кожуховскій походъ), во время которыхъ онъ со своими потѣшными взялъ земляное

укрѣпленіе, защищаемое стрѣльцами. Первымъ важнымъ событіемъ въ его правленіе было взятіе турецкой крѣпости Азова. Такъ какъ война съ Турками, начатая при Софьѣ, еще не была окончена, то Петръ задумалъ взять крѣпость Азовъ и такимъ образомъ проложилъ путь къ Черному морю; онъ хорошо понималъ, какъ необходимо было обладаніе сѣверными берегами Чернаго моря для политическаго могущества Россіи. Первый азовскій походъ (1695 г.), въ которомъ участвовалъ самъ Петръ подъ именемъ Петра Алексѣева, бомбардира Преображенскаго полка, былъ неудаченъ, такъ какъ съ однимъ сухопутнымъ войскомъ, при отсутствіи свѣдущихъ инженеровъ, трудно было взять сильно укрѣпленный Азовъ, гарнизонъ котораго могъ получать еще помощь съ моря. По возвращеніи изъ похода Петръ велѣлъ выстроить въ Воронежѣ въ одну зиму подъ руководствомъ иноземныхъ мастеровъ, вызванныхъ изъ Архангельска, гребной флотъ и самъ принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ кораблей. Весною 1696 г. русскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Лефорта, спустившись по Дону, осадилъ Азовъ съ моря, а сухопутное войско подъ начальствомъ генералиссимуса Шеина осадило его съ суши. На этотъ разъ послѣ 2-мѣсячной осады Азовъ былъ взятъ. По случаю взятія Азова Петръ устроилъ еще невиданное въ Москвѣ празднество: были поставлены тріумфальныя ворота съ разными изображеніями и надписями, представлявшими торжество русскихъ надъ Турками, и черезъ эти ворота торжественно прошло русское войско, возвратившееся изъ похода, при чемъ самъ Петръ въ мундирѣ капитана шелъ пѣшкомъ передъ своимъ отрядомъ (Петръ началъ свою службу во флотѣ шкипероМъ). Чтобы утвердиться на Азовскомъ морѣ и затѣмъ овладѣть Чернымъ, Петръ рѣшилъ завести большой флотъ, причемъ въ засѣданіи боярской думы было постановлено построить флотъ на счетъ свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ, торговыхъ и посадскихъ людей. Землевладѣльцы должны были соединиться въ кумпанства или отдѣльныя общества, и каждое кумпанство должно было къ извѣстному сроку выстроить одинъ корабль; всѣхъ кораблей было рѣшено выстроить 52. Гаванью для будущаго флота былъ выбранъ Таганрогъ при Азовскомъ морѣ, а корабли строились въ Воронежѣ мастерами, вызванными съ Запада. Въ то же время 50 спальниковъ и стольниковъ были посланы въ Англію, Венецію и Голландію учиться корабельному искусству, чтобы на будущее время не зависѣть отъ иностранныхъ мастеровъ.

III. Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.

Какъ за чаркой, за блинами
Потѣшались молодцы:
Надъ потѣшными полками
Похвалялися стрѣльцы!
Гдѣ ужъ вамъ, преображенцы
Да семеновцы, гдѣ вамъ,
Мелочь, Божіи младенцы,
Намъ перечить, старикамъ!
Съ слободой своей Нѣмецкой
Да съ своимъ царемъ Петромъ
Мы, молъ, весь приказъ стрѣлецкій,
Всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ!
„Всѣхъ — и самоё царевну...“
Нѣтъ, ужъ тутъ, голубчикъ, врешь!
Нашу Софью Алексѣвну
Обойдешь да не возьмешь!
Даромъ, что родилась дѣвкой—
Да иной разъ такъ пройметъ
Молодецкою издѣвкой...
А какъ въ духѣ, да взмахнетъ
Черной бровью соболиной,—
Пропадай богатыри!
Умеръ, право-бъ, заедино,
Еслибъ молвила: умри!..
Грѣхъ бывалъ и между нами,
Какъ о вѣрѣ вышелъ споръ,
И ходили съ чернецами
Въ царскій Кремль мы на соборъ.
Бунтовское было дѣло!
Да вѣдь сладила! Какъ-разъ
Словомъ вышибить сумѣла
Дурость всякую изъ насъ!
Будемъ помнить мы дни оны!..
Вышли наши молодцы:
Впереди несутъ иконы
Со свѣчами чернецы...
Не сказали-бъ, такъ узнала-бъ
Вся Москва ихъ: старики!
Не наотмашь, низко на лобъ
Надѣвали клобуки;
Не развалисты въ походкѣ,
А согбенные идутъ;
Не дерутъ, разиня глотки,
Тихимъ голосомъ поютъ;
Лица постныя, худыя,
Вѣры точно что столпы!..
Ужъ не толстые, хмельные
Никоньянскіе попы!..
Умилился людъ московскій,
Повалилъ за нами, претъ,
И на площади кремлевской,
Что волна, забилъ народъ.
А ужъ тамъ, во Грановитой,
Всѣ насъ ждутъ: царевны, дворъ,
Патріархъ, митрополиты,
Освященный весь соборъ.
Старцы свѣчи возжигали
И евангелье съ крестомъ
На амвоны полагали,
И царевнѣ бьютъ челомъ:
„Благовѣрная царевна!
Солнце Русскія земли!
Свѣтъ Софія Алексѣвна,
Государыня! вели,
„Чтобъ у насъ быть разсмотрѣнью
Съ патріархомъ о дѣлахъ
По церковному строенью
И о Никоновыхъ лжахъ!
„Процвѣтала церковь наша,
Аки райскій кринъ, полна
Благодати, яко чаша
Пресладчайшаго вина.
„Утверждалася на книгахъ,
Ихъ же имемъ отъ мужей,
Проводившихъ жизнь въ веригахъ
И въ умертвіи страстей;
„Ихъ же чтеніемъ спасались
Благовѣрные цари,
И цвѣли и украшались
По Руси монастыри.
„Но реченный Никонъ волкомъ
Вторгся въ оный вертоградъ
И своимъ безумнымъ толкомъ
Ниспровергъ церковный ладъ!
„И святыя книги рушилъ...
Ну, — и началъ все мутить“...
Патріархъ ихъ слушалъ, слушалъ,
Подымался говорить...
Да куда!.. изъ-за владыки
Ну, выскакивать попы...
Брань пошла, мятежъ и крики!
На дворѣ ревутъ толпы;
Вкругъ царевенъ — патерѣлись
Ужъ бѣдняжки! — мужики,
Чернецы орутъ, зардѣлись,
Поскидали клобуки.
Всѣ-то съ взбитыми власами,
Очи кровью налиты,

И мелькаютъ надъ главами
Палки, книги и кресты!..
Ждетъ царевна не дождется,
Чтобъ затихли; то впередъ,
Словно лебедь, къ нимъ рванется,
Образумливать учнетъ.
„Замутили царствомъ бабы,
Голосятъ кругомъ, — ахти!
Государынямъ пора бы
Въ монастырь давно идти!“
Слыша то и глянувъ гнѣвно,
И отдвинувъ тронъ златой,
Вся зардѣвшися, царевна
Удалилась въ свой покой.
Съ барабаннымъ вышли боемъ
Изъ Кремля мы, — вдругъ приказъ
Чтобъ къ царевнинымъ покоямъ
Выслать выборныхъ тотчасъ.
Ночью, съ фонарями, ровно,
Тихо вышла на крыльцо;
Такъ-то ласково, любовно
Обратила къ намъ лицо...
Видѣлъ тутъ ее я близко:
Бѣлый съ золотомъ покровъ,
А на лбу-то низко, низко,
Вязь изъ крупныхъ жемчуговъ...
„Если мы вамъ неугодны,—
Говоритъ, весь царскій домъ
Мы объявимъ всенародно,
Что изъ царства вонъ уйдемъ!
„У волоховъ иль цесарцевъ,
Гдѣ-нибудь найдемъ пріютъ...
Вы смѣняли насъ на старцевъ,
Давнихъ сѣятелей смутъ,—
„Пусть на нихъ падетъ и царство!
Но въ вину не ставьте намъ,
Коль сосѣди государство
Все растащутъ по клочкамъ.
„Коль Поляки съ ханомъ крымскимъ
Русь подѣлятъ межъ собой,—
Поклоняйтесь папамъ римскимъ!
Басурманьтесь съ татарвой!
„Мы въ церквахъ положимъ вклады
И поклонимся мощамъ,
Да и съ Богомъ!..“ Всей громадой
Пали мы къ ея ногамъ.
„Что ты, матушка, какое
Слово молвишь, — говоримъ,—
Слово — самое пустое,
Нешто мы того хотимъ!
„Знаемъ мы, безъ государей
Каковы дѣла пойдутъ:
Заѣдятъ народъ бояре,
Да въ латинство поведутъ.
„Все тѣ старцы-лиходѣи!
Чтобы пусто было имъ!
Нешто мы архіереи?
Что́ мы въ книгахъ разглядимъ?
„Ты ужъ смилуйся, пожалуй,
Хоть жалѣючи земли...
А за грубость — насъ до малу
Жестоко казнить вели!“
Ждемъ, что скажетъ... И сказала:
„Встаньте! Вѣрныхъ россіянъ
Вижу въ васъ! Я такъ и знала!..
Бойся-жъ насъ, ты, крымскій ханъ!..
„Пиръ готовь, а въ гости будемъ!..“
Мы — „ура!“ на весь народъ.
А она начальнымъ людямъ
„Выйти, — крикнула, — впередъ!“
И велитъ дьякамъ приказнымъ
Награждать кого казной,
А кого имѣньемъ разнымъ,
Соболями аль землей,
А кого боярскимъ саномъ...
„А для прочихъ молодцовъ,—
Говоритъ, — три дня быть пьянымъ
Съ нашихъ царскихъ погребовъ!..“
И была гульба въ столицѣ!
Будетъ помнить царскій градъ!..
Чернецы-жъ сидятъ въ темницѣ,
И сидятъ, стрѣльцовъ корятъ:
„Такъ-то вѣру отстояли
Вы, стрѣлецкіе полки!
Прогуляли, промѣняли
На царевы кабаки!..“
—„Ладно, братцы! щи вамъ съ кашей!
Что, братъ, скажешь? Хороша?
Лучше нѣтъ царевны нашей!
Вотъ, какъ есть совсѣмъ душа!“

112. Царевна Софья.

Во свѣтлицѣ царской, съ сводами лѣпными,
Съ утварью богатой, съ стеклами цвѣтными,
Возсѣдаетъ—въ креслѣ съ спинкой золоченой,

Въ ферязи парчевой, мѣхомъ опушенной,
Въ столбунцѣ жемчужномъ—Софья Алексѣвна,
И давно ужъ думу думаетъ царевна...
Дышетъ вся фигура силою и властью,
Огненныя очи вспыхиваютъ страстью,
Волей непреклонной—жесткою и твердой,
Губы, раскрываясь, шепчутъ вызовъ гордый...
Какъ! Возможно-ль это? Тамъ въ Преображенскомъ
Разсуждаютъ нынѣ о правленьи женскомъ,
Осуждаютъ дерзко крымскіе походы,
Слабость, неумѣнье, трусость воеводы!
Говорятъ открыто, будто князь Василій [1]),
Что, служа отчизнѣ, не щадилъ усилій
Ни въ совѣтѣ думномъ, ни на полѣ бранномъ,
Отступилъ, постыдно отраженный ханомъ,
Отступилъ, не славой громкою покрытый,
А полками хана дикаго разбитый,—
И надъ тѣмъ дерзаютъ насмѣхаться,—Боже!—
Чья любовь ей міра цѣлаго дороже!
Все идетъ оттуда! О, гнѣздо ехидны!
Ужъ давно ихъ козни злыя очевидны,
Не угомонилась старая царица:
Подстрекаетъ близкихъ гордая орлица.
Видно, еще мало пролилося крови...
(И у Софьи грозно сдвинулися брови)—
Намекаютъ нынче, что царю, молъ, время
Воспріять со славой государства бремя,
Что землею править женщинѣ не гоже,
Что зазорно это... Попытайтесь, что же?...
Смѣхъ вѣдь! Послѣ многихъ козней безуспѣшныхъ,
Ужъ не Петръ ли юный во главѣ „потѣшныхъ“,
Бредившій доселѣ мудростью нѣмецкой,
Вздумаетъ бороться съ силою стрѣлецкой?
Ужъ не онъ ли сломитъ силу вѣковую,
Сокрушитъ навѣки старину сѣдую?..
Усмѣхнулась тихо Софья Алексѣвна,
Просіяли очи, что глядѣли гнѣвно,
Какъ сіяетъ солнце изъ-за тучъ порою.
Только-бъ „онъ“ вернулся!.. Завтра же съ зарею
Въ Троицкую лавру ей собраться надо—
Отслужить молебенъ, не забыть и вклада
Щедраго въ обитель... Только бы скорѣе
„Онъ“ домой вернулся!.. И тогда „злодѣи“
Не страшны царевнѣ, не страшны ихъ козни,
Не боится Софья ни боярской розни,
Ни „орлицы“ старой, ни ея „орленка“,
Видя въ самодержцѣ будущемъ ребенка!
Въ небѣ догорало полымя заката.

---

[1]) Князь Василій Голицынъ былъ любимцемъ царевны Софіи и начальствовалъ надъ русскимъ войскомъ въ походѣ на Крымъ во время войны съ турками.

Со своею свитой, убранной богато,
Прибыла царевна въ ближнее селенье,
Гдѣ къ ея пріему шли приготовленья
Въ путевой палатѣ,—и прошла въ свѣтлицу.
Яркій свѣтъ лампады озарялъ божницу,
Надъ старинным садомъ ужъ сгущались тѣни,
Изъ окна пахнуло запахомъ сирени,
И съ глубокимъ вздохомъ, полузаглушеннымъ,
Подошла царевна ко святымъ иконамъ,
Опустяся тихо предъ рѣзнымъ кіотомъ...
Вдругъ чело холоднымъ оросилось потомъ
И въ очахъ царевны, широко раскрытыхъ,
На чертахъ смертельной блѣдностью покрытыхъ,
Отразился ужасъ непреодолимый...
Передъ ней въ кіотѣ, вмѣсто ею чтимой
Знаменья иконы, кѣмъ-то издалече
Присланной въ подарокъ,—голова Предтечи
На нее глядѣла неотступнымъ взоромъ,
Что дышалъ, казалось, скорбью и укоромъ!
Чудится царевнѣ, будто капли крови
Изъ главы сочатся... будто сжались брови
Отъ невыносимо тяжкаго страданья...
И въ умѣ у Софьи вдругъ воспоминанье
Страшное проснулось! Въ этой же палатѣ,
Здѣсь ждала царевна вѣсти о захватѣ
На пути Хованскихъ [1]); здѣсь же безъ боязни
Ожидала Софья ихъ ужасной казни...
Здѣсь вокругъ поспѣшно возведенной плахи,
На дворѣ толпились стражники, монахи,
Волновалось глухо сборище народу
И гудѣло, словно море въ непогоду...
И среди жестокихъ совѣсти мученій
Развернулся длинный свитокъ прегрѣшеній
Предъ ея очами. Сквозь туманъ кровавый
Передъ ней вставали прежнія расправы,
Рядъ насилій страшныхъ, ею совершенныхъ,
Тѣни жертвъ, безвинно ею осужденныхъ
Повѣсть роковая тайны и измѣны!
И казалось Софьѣ, будто эти стѣны,
Будто воздухъ самый, вѣтра дуновенье—
Все вокругъ немолчно вопіетъ о мщеньи,
Будто передъ нею вырастаетъ мститель,
Будто ужъ раскрылась мрачная обитель,
И судьба сулитъ ей не вѣнца сіянье,
А глухую келью и года страданья...

---

[1]) Хованскій былъ сторонникъ царевны Софьи и въ ея правленіе былъ сдѣланъ начальникомъ стрѣльцовъ, но потомъ, подозрѣваемый въ измѣнѣ, былъ казненъ вмѣстѣ съ сыномъ по приказанію Софьи.

113. Путешествіе Петра Великаго за границу.

Много наслышавшись отъ московскихъ иноземцевъ, своихъ друзей, о томъ, что другіе народы далеко обогнали Русскихъ во всѣхъ отношеніяхъ, и убѣдясь по тѣмъ инженерамъ, артиллеристамъ и морякамъ, которыхъ онъ видѣлъ самъ подъ Азовомъ и въ Архангельскѣ, что это правда, Петръ страстно желалъ посмотрѣть страны западной Европы, научиться всему, чѣмъ онѣ превосходятъ Россію, и въ свою очередь научить Россію. Но именно потому самому, что онъ желалъ научиться, а не совершить увеселительную прогулку по Европѣ, рѣшился онъ ѣхать въ качествѣ частнаго человѣка, въ свитѣ „великаго посольства“, которое онъ располагалъ послать къ различнымъ государямъ для утвержденія съ ними союзовъ, торговыхъ договоровъ и для найма корабельщиковъ, офицеровъ и ремесленниковъ. Великими послами были назначены; Лефортъ, бояринъ Головинъ и думный дьякъ Возницынъ. Свита ихъ состояла изъ 250 человѣкъ, лицъ знатныхъ и незнатныхъ, людей служилыхъ и домашней прислуги. Въ числѣ этой свиты находился и Царь подъ именемъ Петра Михайлова. „Великое посольство“ отправилось изъ Москвы въ началѣ весны 1697 года сначала въ Ригу, принадлежавшую тогда Швеціи, потомъ въ Курляндію, бывшую въ зависимости отъ Польши, и наконецъ вступило въ германскія земли, именно въ курфиршество Бранденбургское (нынѣ Прусское королевство). Посольство двигалось медленно и величественно. Пылкій и нетерпѣливый Петръ постоянно обгонялъ его, отъѣзжая въ сторону, чтобы прокатиться по морю, осмотрѣть морской портъ или фабрику, и прибылъ въ Кенигсбергъ, столицу Бранденбурга, гораздо ранѣе пословъ. Здѣсь,—все скрываясь отъ пышныхъ встрѣчъ и этикета подъ именемъ Михайлова, хотя его присутствіе не было ни для кого тайной,—онъ осматривалъ войско курфирста, изучалъ его артиллерію, нанималъ въ русскую службу офицеровъ и, пробывъ болѣе двухъ мѣсяцевъ во владѣніяхъ курфирста, отправился далѣе въ глубину Германіи. Германія двѣсти лѣтъ тому назадъ была далеко не то, что теперь: желѣзныя дороги не разбѣгались по всѣмъ направленіямъ; чистенькіе, опрятные города и деревни не свидѣтельствовали о довольствѣ и порядливости всѣхъ вообще сословій; нравы были тамъ довольно грубы; дворы маленькихъ владѣній, на которыя Германія раздѣлялась, любили щеголять тяжелою безвкусною роскошью и истощали на это средства своихъ подданныхъ. Но

все-таки, въ сравненіи съ Россіей, Германія представляла разницу поразительную. Народъ былъ трудолюбивъ и честенъ; духовенство очень образованно; купечество нѣкоторыхъ городовъ вело обширную торговлю: на Лейпцигскую ярмарку съѣзжались со всѣхъ концовъ Европы; нѣсколько германскихъ университетовъ соперничали съ лучшими въ мірѣ; нѣкоторые изъ тамошнихъ профессоровъ того времени и теперь считаются между величайшими учеными и философами. И чѣмъ глубже Петръ проникалъ въ Германію, тѣмъ страна дѣлалась прекраснѣе, тѣмъ болѣе слѣдовъ просвѣщенія онъ видѣлъ вокругъ себя. Онъ внимательно осматривалъ искусно построенныя крѣпости, богатые торговлей города, заводы, фабрики, и убѣждался, что много надобно еще сдѣлать въ Россіи, чтобы дойти до такого состоянія.

Государь однакожъ торопился оставить Германію; его болѣе всего занимали Голландцы, тогда первый въ Европѣ торговый народъ, съ которымъ онъ уже познакомился въ Архангельскѣ, и который очень ему поправился своею дѣятельностью и практическимъ смысломъ. Оставивъ, по обыкновенію, посольство подвигаться съ приличною медленностью, онъ, съ нѣсколькими приближенными, сѣлъ на небольшое судно и по Рейну спустился въ Голландію, въ селеніе, которое славилось своими верфями, Саардамъ. Всѣмъ сопровождавшимъ его было строго запрещено открывать его санъ, а потому онъ могъ пріѣхать туда какъ частный человѣкъ, тѣмъ болѣе, что онъ перемѣнилъ свою русскую одежду на голландскую, — весьма простую красную фризовую куртку, холстинныя шаровары и лакированную шляпу съ большими полями. Въ такомъ видѣ, съ нѣсколькими спутниками, подъѣзжалъ онъ къ Саардаму, когда навстрѣчу ему попался одинъ Голландецъ, котораго онъ видалъ въ Архангельскѣ. — „Кистъ! — закричалъ онъ Голландцу, удившему рыбу, — узнаешь ли меня? Я пріѣхалъ погостить у васъ въ Саардамѣ и хочу у тебя остановиться“. Удивленный Кистъ хотѣлъ назвать его царскимъ величествомъ, но Петръ велѣлъ ему молчать и называть себя не иначе, какъ Петромъ Михайловымъ. И вотъ государь московскій поселился въ маленькой низенькой комнатѣ маленькаго голландскаго домика и сдѣлался нахлѣбникомъ простого кузнеца, членомъ его семьи. Такая жизнь очень ему понравилась: онъ любовался домовитостью хозяйки, трудолюбіемъ и бережливостью хозяина, его простымъ, откровеннымъ и безцеремоннымъ обхожденіемъ, чистотой и порядкомъ, царствовавшими во всѣхъ углахъ дома, даже въ кухнѣ, гдѣ все было прибрано, все опрятно.

Извѣстно, что Петръ и послѣ во всю свою жизнь любилъ голландскіе нравы и обычаи; во всѣхъ его дворцахъ (маленькихъ и очень не роскошныхъ) видно что-нибудь, напоминающее Голландію, а въ петергофскомъ Монплезирѣ, рядомъ съ его спальней, устроена кухня совершенно въ голландскомъ вкусѣ, которую и теперь можно видѣть. На слѣдующее же утро по прибытіи въ Саардамъ Петръ и его спутники отправились на верфь и нанялись какъ простые плотники. Съ ранняго утра до поздней ночи работалъ Петръ топоромъ, долотомъ и стругомъ, изрѣдка уходя въ трактиръ, чтобы выпить рюмку джину или отобѣдать, а по воскресеньямъ отправлялся осматривать другія верфи или фабрики, обѣдалъ у мастеровыхъ и работниковъ съ ихъ семействами, шутилъ съ ихъ дѣтьми, словомъ, велъ себя, какъ природный трудолюбивый, смышленый работникъ. Но истинное его званіе скоро открылось: саардамцы съ неописаннымъ изумленіемъ узнали, что между ними живетъ и вмѣстѣ съ ними ежедневно работаетъ Московскій Царь, и съ тѣхъ поръ не стало покоя Петру. Мальчишки бѣгали за нимъ неотступно, взрослые толкались около него, женщины бросались къ нему навстрѣчу, чтобы заглянуть ему въ лицо. Любопытные начали пріѣзжать изъ окрестныхъ городовъ, такъ что наконецъ не было больше возможности ни скрыться отъ нихъ, ни работать. Притомъ великое посольство приближалось уже къ Амстердаму, и Петръ оставилъ саардамскія верфи и чистенькій домикъ Киста послѣ девятидневнаго тамъ пребыванія.

Въ Амстердамѣ, главномъ городѣ Голландской республики, пословъ нашихъ принимали съ большой торжественностью и устроили празднество, которое соотвѣтствовало вкусамъ Царя, а именно, примѣрное морское сраженіе и фейерверкъ. Но все-таки не это было нужно Петру. Въ Саардамѣ онъ могъ познакомиться съ постройкой только купеческихъ кораблей, въ столицѣ же республики были и военныя верфи, морскіе арсеналы, цѣлый флотъ: вотъ что̀ хотѣлось видѣть Петру. Онъ все это осмотрѣлъ со вниманіемъ, разспрашивалъ о томъ, чего не понималъ сразу, и пожелалъ заняться на какой-нибудь верфи, записавъ по разнымъ мастерствамъ и всю многочисленную свиту великаго посольства. Такимъ образомъ онъ провелъ въ непрерывныхъ тяжелыхъ трудахъ слишкомъ четыре мѣсяца. Онъ собственнымъ опытомъ узналъ постройку судовъ во всѣхъ ея разнообразныхъ подробностяхъ, оснастку, вооруженіе и, что̀ еще важнѣе, управленіе ими, а между тѣмъ, по окончаніи работъ, вечеромъ, совѣтовался съ великими послами, которые вели перего-

воры съ голландскимъ правительствомъ о торговыхъ и другихъ дѣлахъ, зазывалъ опытныхъ моряковъ въ русскую службу, учился гравированію и точенію, знакомился съ анатоміею, читалъ многочисленныя письма, получаемыя изъ Москвы, газеты, по которымъ слѣдилъ за тѣмъ, что́ дѣлалось въ разныхъ концахъ Европы, писалъ или диктовалъ письма въ Россію и еще находилъ время иногда погулять со своими русскими и голландскими друзьями. Выучился онъ наконецъ голландскому кораблестроительству и полагалъ, что корабельное дѣло ему извѣстно по наилучшимъ образцамъ. Но разъ случилось ему увидѣть одно англійское военное судно, и онъ убѣдился, что голландскія военныя суда далеки еще отъ совершенства, и что совершенству этому надо ѣхать учиться на англійскія верфи. Въ это время царствовалъ въ Англіи Вильгельмъ III. Вильгельмъ, прежде чѣмъ сдѣлаться королемъ Англіи, былъ президентомъ Голландской республики, къ которой сохранилъ привязанность до самой смерти и, когда только могъ, пріѣзжалъ изъ Лондона погостить посреди любезныхъ ему Голландцевъ. Онъ былъ въ Голландіи во время пребыванія Петра; они видѣлись и понравились другъ другу. Вильгельмъ сдѣлалъ Петру самую чувствительную любезность, подаривъ ему прекрасную, совершенно вооруженную яхту, а Петръ счелъ пріятною обязанностью сдѣлать ему визитъ въ Лондонѣ „незнатнымъ лицомъ“, т.-е. въ качествѣ партикулярнаго человѣка. Въ началѣ января 1698 года на легкомъ англійскомъ суднѣ, въ бурную погоду, поплылъ Петръ къ берегамъ Англіи и вечеромъ того же дня высадился въ Лондонѣ. Англія начинала въ это время выходить на тотъ путь внѣшняго величія и внутренняго благосостоянія, на которомъ она опередила всѣ прочіе народы Европы. Въ Англіи Петръ предался усовершенствованію себя и своихъ спутниковъ въ кораблестроеніи и мореходствѣ, изучалъ литейные заводы, строительное искусство, фабрики и мануфактуры, заключалъ контракты съ морскими и горными инженерами, закупалъ оружіе; словомъ, интересовался всѣмъ, что имѣло практическое значеніе и что соотвѣтствовало практическому складу его ума. Во второй половинѣ апрѣля Государь оставилъ англійскій берегъ и черезъ Голландію и германскія земли направилъ путь свой въ Вѣну. Въ Голландію и Англію его влекло желаніе ознакомиться съ морскимъ дѣломъ, съ различными заводскими и мануфактурными производствами; въ Австріи надо было ему объясниться по дѣламъ политическимъ насчетъ совмѣстной войны съ Турціей. Не найдя въ Вѣнѣ сочувствія къ союзу противъ

Турціи, Петръ не хотѣлъ оставаться въ ней долго и готовился уже къ отъѣзду въ Венецію, надѣясь съ пользой провести время въ этой славной республикѣ, долго бывшей владычицей морей; но важныя извѣстія, полученныя изъ Россіи, измѣнили его предположеніе. Это были извѣстія о новомъ бунтѣ стрѣльцовъ.

114. Великая сѣверная война (1700—1721 г.).

Возвратившись изъ-за границы, Петръ I тотчасъ же принялся за работу. Теперь у него были хорошіе помощники изъ тѣхъ людей, которые ѣздили съ нимъ вмѣстѣ учиться въ иноземныя страны. Первой заботой государя было пріобрѣсти свободную дорогу для путешествій за границу, чтобы русскіе люди могли безпрепятственно ѣздить туда для торговли и для ученія, и чтобы иноземцы могли пріѣзжать къ намъ. Надо было искать море. Бѣлое море было неудобно: лежитъ оно на дальнемъ концѣ земли русской, зимою замерзаетъ, и корабли могутъ только разъ въ годъ приплыть въ него и отплыть назадъ. Черное море съ Азовскимъ принадлежало въ то время Туркамъ, а къ Балтійскому морю не пускали насъ Шведы. Сначала Петръ задумалъ отнять у Турокъ море Азовское. Два раза ходилъ онъ на Турокъ и завладѣлъ ихъ крѣпостью Азовомъ. Но вскорѣ государь сообразилъ, что и это море неудобно, потому что оно само не велико, и плыть изъ него въ другія иноземныя государства было очень далеко, да и выходъ изъ него зависѣлъ отъ согласія Турокъ. Поэтому Петръ рѣшилъ завоевать берега Балтійскаго моря. Когда-то берега Финскаго залива принадлежали Россіи, но потомъ Шведы отняли у насъ эти земли и настроили тутъ своихъ крѣпостей. Шведское государство было въ то время весьма сильное и богатое; у него было прекрасное войско. Петръ не рѣшился начать съ нимъ войну одинъ, а заключилъ союзъ съ королемъ датскимъ Христіаномъ и польскимъ королемъ Августомъ II. Союзники условились въ одно время напасть на Швецію съ трехъ сторонъ.

Королемъ шведскимъ въ это время былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, всего 18-ти лѣтъ, Карлъ XII. Онъ былъ очень хорошо образованъ, храбръ, смѣлъ и терпѣливо переносилъ всѣ лишенія, которыя приходилось испытывать солдату во время войны. Характеръ Карла былъ прямой и твердый, — но эта твердость нерѣдко переходила въ упрямство. Любимымъ его удовольствіемъ была охота. Въ то время, когда его извѣстили, что на его землю напали враги,

онъ охотился на медвѣдей. Карлъ улыбнулся и сказалъ: „мы заставимъ ихъ воротиться тою же дорогою, которою они пришли“. Затѣмъ онъ спокойно продолжалъ свою охоту, пока не поймалъ въ сѣти 14 огромныхъ медвѣдей. Черезъ нѣсколько дней Карлъ съ небольшимъ, но прекраснымъ, храбрымъ войскомъ явился въ Данію и заставилъ Христіана заключить съ нимъ миръ. Оттуда онъ хотѣлъ идти на Августа, но вдругъ узналъ, что на его крѣпость Нарву напалъ Петръ съ войскомъ въ 40.000 человѣкъ. Наши, окруживъ городъ со всѣхъ сторонъ, стали стрѣлять въ него изъ пушекъ. Сначала самъ Петръ распоряжался осадой крѣпости, но затѣмъ поручилъ начальство надъ войскомъ иноземцу, генералу фонъ-Круи, а самъ долженъ былъ уѣхать по другимъ дѣламъ. Вдругъ неожиданно явился со своей арміей Карлъ. Въ одно осеннее утро внезапно показались Шведы изъ-за лѣса и быстро напали на нашихъ. Сначала съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ пушекъ, потомъ Шведы бросились впередъ. Въ это самое время повалилъ густой снѣгъ съ градомъ; вѣтеръ несъ его прямо въ лицо Русскимъ, которые ничего не могли видѣть въ двадцати шагахъ; Шведы ворвались въ лагерь. Наши, тогда еще неопытные солдаты, въ ужасѣ бросились бѣжать въ разсыпную. Только два полка, Преображенскій и Семеновскій, стояли на одномъ мѣстѣ и храбро отбивались отъ непріятеля, но, не получая поддержки, должны были положить оружіе. Карлъ изъ уваженія къ ихъ храбрости позволилъ имъ свободно уйти. Много нашихъ было убито и забрано въ плѣнъ. Всѣ наши пушки достались Шведамъ. Разбивъ Русскихъ, Карлъ ушелъ въ Польшу.

Потерпѣвъ пораженіе подъ Нарвой, Петръ не палъ духомъ. Еще съ бо̀льшимъ стараніемъ принялся онъ за устройство своего войска. Сейчасъ на Москвѣ кликнули кличъ: „кто хочетъ идти въ солдаты?“ Охотниковъ явилось много. Къ веснѣ были приготовлены новыя пушки. Затруднялись, гдѣ взять на нихъ мѣди, но Петръ придумалъ, откуда достать ее: онъ приказалъ изъ большихъ городовъ, изъ церквей и монастырей собрать часть колоколовъ. Въ Москву было навезено ихъ много, и изъ мѣди были сдѣланы новыя пушки. Долго тянулась эта война. Сначала Шведы побѣждали насъ, но Петръ не унывалъ. — „Господа Шведы, говорилъ онъ, побьютъ насъ еще и не разъ, но у нихъ мы научимся и побѣждать ихъ“. Дѣйствительно, наши солдаты мало-по-малу научились сражаться и стали одерживать верхъ надъ Шведами. Пока Карлъ XII бился съ Августомъ и нѣсколько лѣтъ просидѣлъ въ Польшѣ, тѣмъ време-

немъ наши, подъ начальствомъ самого Петра или его генераловъ: Шереметьева, Меншикова и другихъ, одержали нѣсколько побѣдъ надъ Шведами. Петръ взялъ у Шведовъ крѣпость Нотебургъ, которая была въ давнія времена русскою, но также была отнята у насъ Шведами. Она называлась по-нашему Орѣшекъ и стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Нева вытекаетъ изъ Ладожскаго озера. Петръ назвалъ ее теперь Шлиссельбургъ, что значитъ Ключъ-городъ, потому что онъ, какъ ключъ, отпиралъ ему дорогу въ Балтійское море. Потомъ была взята нами другая шведская крѣпость, Ніеншанцъ, и тамъ, гдѣ рѣка Нева вливается въ Финскій заливъ, Петръ основалъ новый русскій городъ, который долженъ былъ сдѣлаться столицею русскаго государства. 16 мая 1703 года былъ основанъ Санктъ-Петербургъ, то-есть городъ св. Петра. Въ этотъ день была заложена Петропавловская крѣпость. За постройкою ея наблюдалъ самъ Петръ, а также самые близкіе къ нему люди. Для постройки новаго города было выслано со всѣхъ концовъ Россіи множество плотниковъ, каменщиковъ, землекоповъ и всякихъ другихъ рабочихъ. Помогали и солдаты. Въ тотъ же день стали строить и деревянную церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Нѣсколько домовъ, арсеналъ, провіантскіе магазины и небольшіе торговые ряды,—вотъ и весь Петербургъ въ то время. На берегу Невы былъ построенъ царскій дворецъ. Онъ былъ деревянный, маленькій, раздѣленный сѣнями на двѣ половины, покрытый дощечками въ видѣ черепицы, съ оконными рамами изъ свинцовыхъ желобковъ. Онъ существуетъ и теперь и называется домикомъ Петра Великаго. Черезъ годъ Петръ устроилъ въ Петербургѣ корабельную верфь. Но тяжело было въ то время жить въ новомъ городѣ. Низменная, болотистая мѣстность, на которой онъ былъ построенъ, часто затоплялась и была очень нездорова для жителей. Болотистая почва требовала большихъ хлопотъ при постройкѣ зданій. Петербургъ лежалъ далеко отъ другихъ русскихъ городовъ, отчего сначала въ немъ трудно было достать все необходимое для жизни. Первое время въ немъ жить было и небезопасно, потому что Шведы всѣми силами старались разорить Петербургъ и для этого нѣсколько разъ подходили съ суши и съ моря, но, къ счастію, были всегда прогоняемы съ большими потерями. Для защиты Петербурга съ моря Петръ устроилъ на островахъ въ Финскомъ заливѣ крѣпость Кронштадтъ.

Спустя шесть лѣтъ послѣ основанія Петербурга, Карлъ, покончивши дѣла въ Польшѣ, рѣшилъ нанести окончательный ударъ

и Россіи. Сначала думали, что онъ пойдетъ прямо на Петербургъ, но Карлъ повернулъ на югъ и двинулся въ Малороссію. Въ это время гетманомъ малороссійскихъ казаковъ былъ Иванъ Мазепа, уже старикъ, человѣкъ весьма честолюбивый, хитрый и ловкій. Онъ пользовался большимъ довѣріемъ у Петра, старался показать себя усерднымъ слугою царя и вмѣстѣ съ тѣмъ втихомолку переписывался съ Поляками и Шведами, думая перейти на ихъ сторону и при ихъ помощи самому сдѣлаться княземъ Малороссіи. Нѣкоторые замѣчали эти его хитрости и старались извѣстить о нихъ Петра. Но царь былъ такъ увѣренъ въ Мазепѣ, что считалъ всѣ дурные слухи про него клеветой. Въ послѣдній разъ генеральный судья Кочубей и полковникъ Искра донесли Петру, что Мазепа хочетъ передать Малороссію Полякамъ. Царь не повѣрилъ имъ и отослалъ ихъ къ Мазепѣ, который приказалъ имъ отрубить головы. Расправившись съ своими врагами, Мазепа окончательно передался на сторону Карла. Когда шведскій король былъ уже въ Малороссіи. Мазепа былъ въ Батуринѣ. Въ это время Петръ послалъ къ нему по дѣламъ Меншикова. Мазепа подумалъ, что все стало извѣстно государю, испугался, велѣлъ сѣдлать коней и съ небольшимъ отрядомъ, всего въ двѣ тысячи человѣкъ, прискакалъ въ лагерь Карла. Казаки, бывшіе съ нимъ, думали, что гетманъ ведетъ ихъ сражаться со Шведами, и были удивлены, когда узнали, что Мазепа явился помогать Карлу. Между тѣмъ Петръ былъ, какъ громомъ, пораженъ извѣстіемъ объ измѣнѣ Мазепы. Онъ тотчасъ же приказалъ избрать новаго гетмана, а Мазепу прокляли въ церквахъ. Всѣ малороссійскіе казаки остались вѣрны Петру. Въ это время наши войска одержали надъ шведами блистательную побѣду. На помощь Карлу шелъ шведскій генералъ Левенгауптъ, съ большимъ обозомъ всякихъ припасовъ для арміи. Когда Карлъ быстро повернулъ въ Малороссію, Левенгауптъ не успѣлъ догнать его. Петръ настигъ Левенгаупта и нанесъ Шведамъ страшное пораженіе: весь шведскій обозъ достался нашимъ. Наступила осень, а потомъ пришла суровая зима; Шведамъ пришлось очень тяжело: у нихъ не было достаточно съѣстныхъ припасовъ, начались между ними всякія болѣзни. Армія Карла сильно уменьшилась. Весною Шведы осадили городъ Полтаву. Русская армія, которая теперь была гораздо сильнѣе шведской, также подошла къ этому городу. Шведскіе генералы совѣтовали Карлу оставить Полтаву и отступить, но упрямый король не согласился на это. Въ іюнѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ къ своему войску Петръ и рѣшилъ немедленно напасть на Шведовъ.

27 іюня 1709 года рано утромъ шведское войско стало выстраиваться къ бою. Начали приготовляться и наши. Когда наши войска построились въ боевой порядокъ, предъ ними былъ прочитанъ приказъ Петра. „Пришелъ часъ рѣшить судьбу отечества, говорилось въ этомъ приказѣ; вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное; о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи для благосостоянія вашего“.—Въ простомъ свѣтло-зеленомъ мундирѣ, въ низенькой треугольной шляпѣ, на гнѣдомъ конѣ, проѣхалъ Петръ предъ своими войсками. Въ то же время предъ своей арміей явился и Карлъ. Онъ былъ раненъ въ ногу и не могъ ѣздить верхомъ,—его несли на носилкахъ. Окинувъ взоромъ поле битвы, Карлъ двинулъ свои полки на наши укрѣпленія. Шведы стремительно бросились впередъ. Одинъ отрядъ ихъ разбилъ нашу конницу и двинулся дальше, но наши пушки заставили его отступить. Меншиковъ бросился на него съ большими силами и заставилъ положить оружіе. Въ это время бой закипѣлъ повсемѣстно. И Карлъ, и Петръ лично руководили своими войсками. Они не щадили своей жизни и подвергались страшной опасности. У Петра была прострѣлена насквозь шляпа. Вокругъ Карла падали его тѣлохранители. Шведы геройски бросались на наши войска, но всякій разъ были отбиваемы. Вдругъ пушечное ядро ударило въ носилки Карла и разбило ихъ. Онъ упалъ на землю. Шведы смутились, думая, что ихъ любимый король убитъ. Но онъ быстро поднялся, сѣлъ верхомъ на коня, не взирая на боль ноги, и явился предъ своими войсками. Шведы, воодушевленные этимъ, еще разъ бросились впередъ. Но силы ихъ стали ослабѣвать: они начали мало-по-малу подаваться назадъ. Наши тогда сами двинулись впередъ, и Шведы не выдержали, побѣжали. Карлъ, Мазепа и нѣсколько шведскихъ генераловъ ускакали съ поля сраженія и бѣжали въ Турцію.

Съ восторгомъ встрѣчало наше войско Петра, когда онъ проѣзжалъ по рядамъ солдатъ, снимая свою прострѣленную шляпу. Солдаты расположились на отдыхъ; запылали костры; стали варить кашу. Петръ обходилъ лагерь, шутилъ съ солдатами и пилъ вмѣстѣ съ ними, поздравляя ихъ съ побѣдою. Сейчасъ же во всѣ концы Россіи были разосланы извѣстія о пораженіи Шведовъ. Во всѣхъ городахъ земли русской благодарили Бога, звонили въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ, устраивали иллюминаціи. У Петра, въ день его именинъ, 29 іюня былъ большой обѣдъ, на который были при-

глашены и плѣнные шведскіе генералы. Петръ предложилъ выпить за здоровье нашихъ учителей въ военномъ дѣлѣ. „Кто же эти учителя?“ спросилъ одинъ шведскій генералъ. „Вы, господа Шведы!“ отвѣтилъ Петръ. „Хорошо же ученики отплатили своимъ учителямъ“, замѣтилъ на это генералъ.—Всѣ, павшіе въ этомъ сраженіи за Царя и Отечество, русскіе воины были погребены въ одной большой общей могилѣ. Было совершено надъ ними общее отпѣваніе. Петръ первый бросилъ въ могилу горсть земли и затѣмъ собственноручно водрузилъ крестъ. Впослѣдствіи на этой могилѣ былъ поставленъ памятникъ, а неподалеку воздвигнута церковь и при ней школа. Послѣ полтавской побѣды война со Шведами продолжалась еще двѣнадцать лѣтъ. Карлъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Турціи и успѣлъ уговорить турецкаго султана начать съ нами войну, но намъ удалось съ Турками скоро заключить миръ и снова обратить всѣ свои силы на Швецію. Мазепа умеръ въ Турціи, а Карлъ возвратился домой, но вскорѣ былъ убитъ. Шведы были еще нѣсколько разъ побѣждаемы нашими войсками. Но и русская земля сильно истомилась отъ такой продолжительной войны, и Петръ I старался поскорѣе заключить миръ, который въ 1721 г. и состоялся въ Ништадтѣ. Шведы уступили намъ земли по берегу Финскаго залива; за нами остались города: Петербургъ, Рига, Ревель, Выборгъ. Узнавъ о заключеніи мира, Петръ пріѣхалъ въ Петербургъ. Народъ услышалъ стрѣльбу изъ пушекъ и звуки трубъ и бросился къ пристани. Государь подъѣхалъ къ пристани и говорилъ народу: „миръ, братцы, миръ!“ Тотчасъ отслужили благодарственный молебенъ. Затѣмъ Петръ вышелъ на площадь, гдѣ были уже выставлены бочки съ пивомъ и виномъ, а посрединѣ было устроено возвышеніе. Петръ взошелъ на него, поклонился на всѣ стороны народу и сказалъ: „Здравствуйте, православные, и благодарите Бога, что столь долговременную войну, которая продолжалась двадцать одинъ годъ, Всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціей счастливый, вѣчный миръ“. Сказавъ это, царь зачерпнулъ ковшомъ вина изъ бочки и выпилъ за здоровье народа. Народъ плакалъ отъ радости и кричалъ: „да здравствуетъ Государь!“ Спустя немного времени была торжественная служба въ соборѣ. По окончаніи богослуженія къ Петру подошли всѣ важнѣйшіе сановники государства и отъ имени всего русскаго народа просили его принять, за труды и благодѣянія, оказанныя имъ русской землѣ, титулъ Императора, Отца отечества и Великаго. Всѣ присутствовавшіе въ церкви три раза прокричали эти слова. Въ ту минуту раздалась

пушечная и ружейная пальба и звуки трубъ. Съ этихъ поръ русскіе цари стали именоваться Императорами.

115. Петербургъ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ [1]), думъ великихъ полнъ,
И въ даль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ. И думалъ онъ:
„Отсель грозить мы будемъ Шведу —
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ
И запируемъ на просторѣ“.
Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева,
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова.
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.
Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да усмирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

116. Старый домъ.

Въ далекомъ уголкѣ, въ роскошномъ Петроградѣ,
Есть старый домъ одинъ. Не пышенъ съ виду онъ:
Ни фресокъ, ни гербовъ, на низенькомъ фасадѣ,
Внутри ни мраморовъ, ни бронзы, ни колоннъ,
Не тянется рядъ залъ въ немъ анфиладой длинной, —
Три бѣдныхъ комнатки всего-то въ домѣ томъ.
Ихъ краситъ только ликъ Спасителя старинный
Да память про того, кто жилъ когда-то въ немъ.
Есть, правда, и еще одно въ немъ украшенье,
По виду странное: то старый, ветхій ботъ;
Но русскій человѣкъ всегда въ благоговѣньи,
Всегда съ молитвою вступаетъ въ домикъ тотъ.
И чтитъ его вся Русь и свято и глубоко,
Дороже для нея онъ пышныхъ всѣхъ палатъ,

[1]) Петръ Великій.

Его заботливо, какъ бы зѣницу ока,
Гордясь имъ, бережетъ роскошный Петроградъ.
И не напрасны тѣ заботы и почтенье,
И не напрасно, нѣтъ, — признательный народъ
Толпой сбирается сюда на поклоненье,
Не даромъ любитъ такъ онъ бѣдный домикъ тотъ.
Въ тѣ дни, когда еще весь край, гдѣ блещетъ нынѣ
Роскошный градъ Петра надъ чудною Невой,
Покрытый дебрями, былъ мертвою пустыней,
Былъ чуждой, вражеской, не русскою землей, —
Въ тѣ дни пришелъ сюда великій въ родъ и роды,
Всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ — и царь, и человѣкъ
И міру онъ изрекъ: „Да вѣдаютъ народы,
Отнынѣ это — Русь и Русью будетъ ввѣкъ!“
И собственной своей державною десницей
Срубилъ онъ этотъ домъ, срубилъ онъ этотъ ботъ, —
И старый бѣдный домъ сталъ гордою столицей,
И старый утлый ботъ разросся въ русскій флотъ.
Въ тѣ дни, когда еще надъ русскою землею
Повсюду тяготѣлъ невѣжества покровъ,
И спалъ, окаменѣвъ, народъ, объятый тьмою,
Изъ дома этого къ труду и свѣту зовъ
Гремѣлъ, какъ благовѣстъ, надъ Русью усыпленной,
Гремѣлъ безъ умолку и поднималъ народъ.
И онъ воспрянулъ весь, внезапно пробужденный,
Какъ будто ожилъ вдругъ и двинулся впередъ,
Осиливая все: труды, бѣды, невзгоды,
Ломая тьму преградъ въ пути со всѣхъ сторонъ.
И раздались предъ нимъ смущенные народы,
И мѣсто въ ихъ средѣ съ почетомъ занялъ онъ.
Да, бѣденъ этотъ домъ. Но чудно величавы
Воспоминанія витаютъ въ немъ толпой:
Здѣсь занялась заря могущества и славы
Надъ Русью нашею великой и святой,
Отсюда ей блеснулъ лучъ первый просвѣщенья,
Лучъ свѣта Божьяго, лучъ правды и добра;
Здѣсь нашей родины алтарь преображенья,
Жилище было здѣсь безсмертнаго Петра.
Изъ дома этого повсюду разносилось:
Труду почетъ и честь, бездѣйствію — гроза,
Здѣсь много славнаго и страшнаго свершилось,
Добра и ужаса творились чудеса.
„Не думать о Петрѣ, а только о Россіи!“
Онъ заповѣдывалъ — и, самъ примѣръ всему,
Ей въ жертву приносилъ всѣ чувства дорогія,
Нещадный самъ къ себѣ, нещадный ни къ кому.
Прошли съ тѣхъ поръ вѣка. Давно ты, безпримѣрный
Въ ряду земныхъ владыкъ, Великій нашъ, почилъ,
Усталый по трудамъ въ борьбѣ неимовѣрной,
Отчизнѣ послуживъ до истощенья силъ.
Народъ простилъ тебѣ суровыя расправы,
Народъ забылъ уже твой страшный, грозный судъ;

Но все, что ты свершилъ для счастія и славы
Земли его родной, но твой кровавый трудъ,
Подъятый для нея, твои о ней старанья,
Онъ ихъ и только ихъ онъ въ памяти хранитъ.
О нихъ лишь въ немъ живутъ чудесныя преданья,
И только въ нихъ тебя и знаетъ онъ и чтитъ.
Любовь его къ тебѣ твой домикъ незатѣйный
Подъ крѣпкій вѣры щитъ укрыла навсегда,
И каждый Божій день толпой благоговѣйной
Молиться русскій людъ сбирается сюда.
Въ порывахъ чувствъ своихъ правдивый и свободный,
Народъ признательность здѣсь съ вѣрой сочеталъ, —
И сталъ твой бѣдный домъ святынею народной,
Народу домъ царя — молитвы домомъ сталъ.
Здѣсь память о тебѣ идетъ изъ рода въ роды,
Здѣсь ею вѣчно живъ въ своемъ народѣ ты,
Сюда приходитъ онъ во дни своей невзгоды,
Сюда несетъ свои онъ, бѣдный, тяготы,
Какъ будто вѣруя, что милосердье Бога
Доступнѣе ему изъ дома твоего,
Что потрудившися здѣсь для него такъ много,
И тамъ ходатаемъ стоишь ты за него.

117. Полтавскій бой (1709 г.).

Горитъ востокъ зарею новой,
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу къ утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки,
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы,
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ.
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ.
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ.
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая,

Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны —
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ [1]).
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины —
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ.
Надъ павшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ.
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды!..
Ура! мы ломимъ: гнутся Шведы...
О, славный часъ! о, славный видъ!..
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась;
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ.
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

118. Главнѣйшія преобразованія Петра Великаго.

По возвращеніи изъ своего перваго путешествія по Западной Европѣ Петръ задумалъ преобразовать Россію по образцу западно-европейскихъ государствъ и прежде всего обратилъ вниманіе на внѣшность русскаго человѣка. Такъ, онъ приказалъ всѣмъ, кромѣ крестьянъ и духовенства, сбрить бороды и перемѣнить длинную и широкую одежду, крайне неудобную для работы, на обще-европейское короткое платье. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ праздновать новый годъ 1 января, вмѣсто 1 сентября, ввелъ лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, вмѣсто прежняго отъ сотворенія міра. Вслѣдъ

[1]) Меншиковъ.

за этими преобразованіями дѣятельный царь произвелъ большія перемѣны въ управленіи, въ судѣ, въ положеніи сословій, въ обычаяхъ и т. д. Петръ раздѣлилъ всю Россію на 12 губерній, которыя управлялись губернаторами. Губернаторы подчинялись Правительствующему Сенату, учрежденному вмѣсто боярской думы, или царскаго совѣта. Сенатъ былъ высшимъ судебнымъ мѣстомъ, заботился о правильномъ сборѣ налоговъ и былъ руководителемъ всего управленія. Вмѣсто прежнихъ приказовъ, завѣдывавшихъ дѣлами по разнымъ частямъ управленія, учреждено было 10 коллегій: напр., военная, иностранныхъ дѣлъ, адмиралтейская и др. Дѣла въ коллегіяхъ рѣшались не однимъ лицомъ, а нѣсколькими по большинству голосовъ. Вообще царь признавалъ, что рѣшеніе дѣлъ цѣлымъ собраніемъ будетъ болѣе правильнымъ и безпристрастнымъ, поэтому ввелъ такой же порядокъ и въ церковномъ управленіи: онъ отмѣнилъ патріаршество и учредилъ вмѣсто него Святѣйшій Синодъ, который состоялъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ. Всѣхъ служащихъ въ военной и гражданской службѣ Петръ раздѣлилъ на 14 классовъ (табель о рангахъ или чинахъ), при чемъ высшіе чины давалъ только лицамъ усерднымъ и способнымъ, хотя бы они были и незнатнаго рода. Меншиковъ, напр., былъ самаго низкаго происхожденія, а царь сдѣлалъ его первымъ своимъ помощникомъ и возвелъ въ княжеское достоинство. Служащимъ давались въ награду, по иностранному обычаю, ордена Андрея Первозваннаго и княжескіе и графскіе титулы. Далѣе Петръ совершенно преобразовалъ русское войско. Прежде при началѣ войны на службу являлись помѣщики съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ слугъ, потомъ Іоаннъ IV завелъ еще постоянную пѣхоту—стрѣльцовъ, а при его преемникахъ появляются уже полки солдатъ, драгунъ, гусаръ и рейтаровъ, обученныхъ иностранными офицерами. Но всѣ эти войска, плохо вооруженныя и плохо обученныя, весьма мало были пригодны для войны, поэтому Петръ, обращавшій особенное вниманіе на военное дѣло, завелъ впервые регулярное или, какъ онъ самъ говорилъ, настоящее войско, которое устроено было по нѣмецкому образцу и исправно пополнялось рекрутскими наборами.

Петръ Великій всѣ силы свои употреблялъ на то, чтобы возвысить свою родину, но не мало пришлось ему бороться при этомъ съ невѣжествомъ, которое заставляло многихъ видѣть въ дѣлахъ царя, направленныхъ къ ихъ же пользѣ, чуть ли не грѣхъ. Много противодѣйствія встрѣчалъ императоръ со стороны темнаго, неученаго люда, и тѣмъ сильнѣе увидалъ онъ необходимость поскорѣе

распространить въ Россіи образованіе. Въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ было открыто нѣсколько школъ—морскія, инженерныя, математическія и другія. Кромѣ того, многихъ молодыхъ людей посылалъ за границу для усовершенствованія въ разныхъ наукахъ и ремеслахъ. Было объявлено, что всѣ дворяне должны обучаться грамотѣ, цифири и Закону Божію, безъ чего ихъ было запрещено производить въ чины. Но царь заботился объ образованіи не однихъ дворянъ, а и всѣхъ своихъ подданныхъ, въ особенности же духовенства, и для этого во всѣхъ епархіяхъ были учреждены духовныя школы (семинаріи). Разъ завелись у насъ школы—понадобились книги, да и вообще Петръ хотѣлъ, чтобы у насъ побольше читали умныхъ и хорошихъ книгъ, а книгъ, кромѣ богослужебныхъ, почти не было. Поэтому царь приказалъ переводить съ иностранныхъ языковъ самыя полезныя и нужныя книги и самъ придумалъ новыя буквы,—тѣ самыя, которыми и теперь печатаются всѣ русскія книги, тогда какъ прежде у насъ существовали однѣ славянскія буквы, которыми въ наше время печатаютъ только книги церковныя. Чтобы всѣ могли знать, что дѣлается въ разныхъ мѣстахъ Россіи и за границей, Петръ велѣлъ печатать особыя вѣдомости (теперь называемыя газетами), часто указывалъ, что именно въ нихъ печатать, и даже самъ иногда писалъ разныя статьи. Петръ Великій очень заботился о благочестіи въ народѣ: приказывалъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ посѣщать богослуженіе и строго наказывалъ всякое богохульство. Почитаніе Бога и заповѣдей Его царь ставилъ выше всего и часто говорилъ, что плохой слуга Божій не можетъ быть хорошимъ слугой государю и отечеству.

Во все время своего царствованія Петръ особенно заботился о развитіи въ Россіи торговли и промышленности. Петръ затронулъ всѣ отрасли народнаго хозяйства; такъ, онъ приказывалъ подданнымъ отыскивать и обрабатывать всякіе металлы и минералы; заботился о сохраненіи и разведеніи лѣсовъ, о развитіи винодѣлія и шелководства на юго-востокѣ, началъ сѣять табакъ, положилъ начало конскимъ заводамъ, заботился о разведеніи овецъ, такъ какъ хотѣлъ имѣть свое русское сукно для одежды войска, разводилъ въ Россіи холмогорскій скотъ. Петръ заботился и о развитіи разныхъ ремеслъ, для чего выписывалъ искусныхъ мастеровъ съ запада и посылалъ туда Русскихъ учиться разнымъ мастерствамъ, дорого платя за ихъ обученіе. Вообще надо замѣтить, что Петръ, сознавая превосходство западныхъ Европейцевъ надъ Русскими въ

знаніяхъ и искусствахъ, вызывалъ въ большомъ числѣ свѣдущихъ людей изъ-за границы, давалъ имъ большое жалованье и разныя льготы, но зато непремѣнно требовалъ, чтобы они учили русскихъ людей своему мастерству. На этотъ вызовъ иностранцевъ Петръ смотрѣлъ, однако, какъ на необходимую, но временную мѣру и вовсе не хотѣлъ, чтобы Россія всегда находилась въ зависимомъ отношеніи къ Западу, а поэтому въ теченіе всего царствованія онъ посылалъ за границу многихъ Русскихъ учиться разнымъ свѣдѣніямъ, необходимымъ для государства, какъ-то: кораблестроенію, ремесламъ, дѣлопроизводству въ коллегіяхъ и т. д. Больше всего Петръ заботился о развитіи мануфактурной промышленности, которая до него едва существовала въ Россіи. Заводовъ до Петра было ничтожное число, а въ его царствованіе было открыто болѣе 200 фабрикъ и заводовъ. Петръ всячески содѣйствовалъ открытію новыхъ фабрикъ и заводовъ и давалъ имъ многія льготы. Изъ такихъ вновь открытыхъ заводовъ и фабрикъ были слѣдующіе: сахарные и металлическіе заводы, фабрики суконныя, полотняныя, писчебумажная, зеркальная, шелковыхъ матерій и др. Петръ старался пріучить русскихъ людей соединять свои капиталы и составлять компаніи для разныхъ промышленныхъ предпріятій; къ участію въ этихъ предпріятіяхъ онъ привлекалъ и знатныхъ дворянъ, объясняя въ своихъ указахъ, что торги и ремесла никого не безчестятъ и столь же полезны для государства и почетны, какъ государственная служба. Что касается торговли внѣшней и внутренней, то она значительно развилась при Петрѣ и этому развитію много способствовали завоеваніе береговъ Балтійскаго моря, соединеніе Балтійскаго моря съ Каспійскимъ, Ладожскимъ и Вышневолоцкимъ каналами, а также проведеніе внутри государства многихъ сухопутныхъ исправныхъ дорогъ. Расходы государства при Петрѣ чрезвычайно увеличились вслѣдствіе частыхъ войнъ, устройства постояннаго войска и флота, множества новыхъ учрежденій и построекъ, такъ что Петръ старался изыскать источники новыхъ доходовъ. Благодаря постояннымъ заботамъ Петра объ увеличеніи государственныхъ средствъ, доходы государства къ концу его царствованія возросли съ 3 до 10 милліоновъ. Посреди важныхъ государственныхъ заботъ Петръ обратилъ также вниманіе на семейные и общественные порядки. До сихъ поръ знатные люди держали своихъ женъ и дочерей взаперти, браки устраивались родителями, и женихъ ни въ какомъ случаѣ не могъ видѣть своей невѣсты до свадьбы. Царь строго запретилъ этотъ обычай. Онъ назначилъ между обрученіемъ

и свадьбой шестинедѣльный срокъ, въ теченіе котораго бракъ могъ разстроиться, если бы женихъ и невѣста, ближе познакомившись, другъ другу не понравились. Затѣмъ Петръ установилъ ассамблеи, или общественныя собранія, на которыя сходились люди „всякихъ чиновъ“ съ женами и дочерьми. Тутъ были чиновныя особы всѣхъ ранговъ, корабельные мастера, иностранные матросы и др. Главнымъ условіемъ этихъ собраній было отсутствіе всякаго стѣсненія и принужденности: каждый воленъ былъ заниматься, чѣмъ ему хотѣлось. Гости танцовали, играли въ шахматы, курили, бесѣдовали и т. п. Царь принималъ весьма дѣятельное участіе въ ассамблеяхъ и нерѣдко, развеселившись, самъ руководилъ танцами, въ которыхъ, по отзыву современниковъ, выказывалъ большое искусство. Такимъ образомъ, благодаря Петру, русская женщина вступила въ общество и не мало способствовала смягченію нравовъ.

119. Бояринъ.

Темно и безмолвно въ боярскихъ хоромахъ,
Лишь слышенъ собакъ надрывающій вой,
Да сторожъ сидитъ у воротъ, ожидая,
Когда возвратится бояринъ домой.
Пріѣхалъ... Сошелъ онъ съ повозки угрюмо,
Взобрался съ трудомъ на крутое крыльцо
И, встрѣтивъ слугу съ фонаремъ на подъѣздѣ,
Прошелъ, закрывая отъ свѣта лицо.
— „Сердитъ, или хмель разбирать начинаетъ —
Подумалъ дворецкій — должно быть, хлебнулъ“;
Вошелъ за бояриномъ слѣдомъ въ хоромы
И вскрикнулъ, едва на него лишь взглянулъ.
— „Чего испугался? Гляди, да любуйся!
Вотъ чѣмъ награжденъ я за службу мою!
Вотъ царская ласка, подарокъ нежданный,
Вотъ какъ проявляетъ онъ милость свою!
Ступай!..“ Опустился онъ грузно на лавку,
Взглянулъ на себя съ безысходной тоской,
И долу челомъ наклонился печально,
И голову подперъ дрожавшей рукой.
— „Ты молодъ, ретивъ, но жестокъ безъ причины —
Шепталъ онъ, — жестокость въ тебѣ велика“;
И тяжкое горе нежданной кручины
Туманило взоры и мозгъ старика.
— „Обычай заморскій во всемъ возлюбивши,
Рѣшился ты насъ по-заморски обрить:
Ты думалъ, что, божескій ликъ измѣнивши,
Заставишь легко старину позабыть.
Что станетъ нетрудно сойтись намъ поближе
Съ заморскою стаей любимцевъ твоихъ;

Но ты позабылъ, что ты молодъ, а мы же
Всю жизнь провели при обычьяхъ своихъ.
Еще твою мать и царицей не звали,
А мы ужъ служили отцу твоему,
Прямили по чести, въ опалѣ бывали,
Но бороды стричь не пришлось никому.
Служилъ и тебѣ я по правдѣ исконной,
По древнимъ завѣтамъ покойныхъ отцовъ,
И отдалъ тебѣ для науки заморской
Я въ царскую службу родныхъ молодцовъ.
За что-жъ ты меня такъ жестоко обидѣлъ?
За что ты рукой своего дурака
Нанесъ мнѣ безчестье? Иль ты не предвидѣлъ,
Какъ страшно унизилъ ты тѣмъ старика?
Моя борода никому не мѣшала,
Росла она вмѣстѣ со службой моей
И вѣрную русскую грудь прикрывала,
Питали враги уваженіе къ ней.
Отвѣтишь ты Богу за наше увѣчье,
За то, что нанесъ мнѣ позорный изъянъ,
За то, что подобишь лицо человѣчье
Ты харямъ заморскихъ твоихъ обезьянъ;
За то, что, забывши завѣтъ христіанскій,
Ты бороды стричь безъ нужды приказалъ,
И скоблишь лицо ты ножемъ басурманскимъ,
Гдѣ волосу быть Самъ Господь указалъ.
Жена?.. Какъ теперь передъ ней показаться?
Какъ встрѣчу я дворню, какъ выйду на свѣтъ?
Повсюду насмѣшки я долженъ бояться,
И мнѣ отъ позора спасенія нѣтъ!..“
И долго сидѣлъ онъ въ раздумьи тяжеломъ,
И часто къ лицу поднималась рука,
Но, словно коснувшись огня, упадала,
И капали слезы изъ глазъ старика.

120. Всадникъ [1]).

Чей ликъ величавый возникъ предо мною?
Кому это Руси признательной дань?..
Вѣнецъ на челѣ и скала подъ пятою
И царственно гордо простертая длань!..
Конь борзый несется, великаго чуя,
Его не сдержала и эта гора.
Онъ аспида топчетъ, надъ нимъ торжествуя...
О, всадникъ, въ тебѣ узнаю я Петра!
Какая фигура!.. Какая картина!..
Онъ, кажется, міръ вызываетъ на бой!
Такъ полонъ весь образъ царя-исполина
Могучей отваги и силы красой.

[1]) Памятникъ, поставленный Екатериной II Петру В. на Сенатской площади въ Петербургѣ.

И сколько величья въ осанкѣ героя!
Таковъ былъ онъ вѣрно въ тотъ мигъ, какъ въ штыки,
Средь самаго пыла Полтавскаго боя,
Онъ рать свою двинулъ на вражьи полки
И самъ передъ нею, средь битвы кровавой,
Себя забывая, носился орломъ.
Чѣмъ больше гляжу я на ликъ величавый,
Тѣмъ явственнѣй, больше сдается мнѣ въ немъ,
Что бронзовый образъ своимъ выраженьемъ,
Что весь этотъ мощный и царственный видъ
Вѣкамъ и народовъ земныхъ поколѣньямъ
Какъ будто бы внятно безъ словъ говоритъ:
„Въ невѣдомомъ краѣ, въ странѣ полудикой,
„Жилъ доблестный, крѣпкій, отважный народъ.
„Господь одѣлилъ его силой великой —
„И ждалъ онъ вождя лишь, чтобъ дать ей исходъ.
„И этимъ вождемъ передъ нимъ я явился
„И двинулъ его обновленья путемъ,
„И западъ надменный, склонясь, разступился
„Предъ русскимъ народомъ, предъ русскимъ царемъ.
„Почетное мѣсто въ средѣ своей тѣсной,
„Глотая досаду, онъ имъ уступилъ,
„И сталъ именитымъ народъ неизвѣстный,
„И все это сдѣлалъ, все я совершилъ!..
„Стрѣльцы, предразсудки, и Карлъ, и природа
„Напрасно старались мнѣ путь преградить,
„Я всюду, ведомый лишь благомъ народа,
„Напору ихъ не далъ себя сокрушить.
„Побѣдные лавры вѣнчали успѣхи
„Моихъ созиданій отчизнѣ въ оплотъ:
„И стройное войско изъ дѣтской потѣхи,
„Изъ дѣтской забавы, изъ ботика — флотъ.
„И здѣсь, на болотѣ, гдѣ прежде лѣниво
„Жилъ Финнъ полудикій да звѣрь обиталъ,
„Смотрите: столица — не городъ, а диво,
„Какъ чудомъ, средь дебрей и тундры возсталъ.
„И недруговъ злобу, и силу природы,
„Со всѣмъ я боролся и все побѣдилъ.
„Отвѣтьте-жъ, вѣка, мнѣ, скажите, народы,
„Кто краю родному достойнѣй служилъ?..“

121. Личность Петра Великаго.

Петръ заботился рѣшительно обо всемъ, что только могло принести какую-нибудь пользу Россіи, входилъ во всѣ мелочи, чтобы быть увѣреннымъ, что все дѣлается такъ, какъ надо, и самъ подавалъ во всемъ примѣръ. Вся его жизнь прошла въ работѣ, и работалъ онъ, дѣйствительно, „въ потѣ лица своего“. Рано утромъ, другой разъ еще до восхода солнца, великій царь уже бывалъ на

ногахъ и садился за работу. Онъ самъ писалъ или диктовалъ своимъ такъ называемымъ „денщикамъ“, безотлучно при немъ находившимся, множество распоряженій, приказаній, относившихся къ самымъ разнообразнымъ предметамъ. Рядомъ съ указомъ о производствѣ народной переписи или рекрутскаго набора, изъ-подъ пера Петра выходило указаніе, какъ лучше жать хлѣбъ, косами или серпами, какъ лучше плести лапти. Понятно, что заботы о такихъ незначительныхъ вещахъ отнимали у царя очень много времени, которое онъ могъ бы употребить на болѣе важное дѣло, но иначе поступать ему было трудно. Мало было въ тогдашней Россіи людей, которые понимали всю высоту замысловъ Петра, клонившихся къ одной пользѣ его народа; мало было такихъ, которымъ онъ могъ поручить какое-нибудь дѣло и быть увѣреннымъ, что его поведутъ такъ, какъ онъ того желаетъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ Петру приходилось самому думать рѣшительно обо всемъ, не забывая никакихъ мелочей. Рано поутру Петръ обыкновенно занимался своимъ любимымъ токарнымъ ремесломъ, что́ служило ему отдыхомъ отъ другихъ трудовъ. Государь очень любилъ вытачивать вещи какъ изъ дерева, такъ и изъ слоновой кости, и до насъ сохранилось много его работъ. Изъ кости царь больше всего вытачивалъ разные предметы, употребляемые при Богослуженіи. Два большихъ паникадила его работы можно и теперь видѣть въ Петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ. Во время работъ въ токарной много великихъ замысловъ рождалось въ головѣ Петра, и чтобы никто не могъ ему помѣшать, къ дверямъ токарной была прибита надпись: „кому не приказано или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное“. Но иногда самъ царь указывалъ въ это время являться къ себѣ многимъ, особенно молодымъ людямъ, возвращавшимся изъ-за границы, куда ихъ посылали для науки. Царь тутъ же производилъ имъ строгое испытаніе, и отъ этого испытанія зависѣла ихъ дальнѣйшая судьба, потому что Петръ, щедро награждавшій усердныхъ и достойныхъ слугъ своихъ, строго каралъ лѣнивыхъ и нерадивыхъ. Люди, которымъ Петръ назначалъ придти къ нему утромъ, должны были приходить всегда очень рано, потому что царь въ шесть или семь часовъ утра обыкновенно отправлялся осматривать производившіяся въ Петербургѣ работы. Такъ однажды онъ назначилъ датскому посланнику явиться къ нему въ четыре часа утра. Посланникъ, не воображая, что русскій императоръ можетъ

вставать такъ рано, и думая, что онъ ослышался, явился во дворецъ въ шесть часовъ, но царя тамъ уже не было — онъ отправился на верфь. Смущенный посланникъ тоже отправился туда, и каково было его удивленіе, когда онъ увидалъ русскаго императора, сидящаго на мачтѣ корабля и что-то тамъ работающаго топоромъ. Царю доложили о пріѣздѣ посланника. „Что-жъ, если онъ не съумѣлъ найти меня во дворцѣ, такъ пусть потрудится взойти сюда". И одѣтый въ парядное платье Датчанинъ принужденъ былъ взобраться по веревочной лѣстницѣ на мачту, гдѣ царь очень милостиво его встрѣтилъ. Съ работъ Петръ отправлялся въ Сенатъ или въ одну изъ коллегій и тамъ оставался довольно долго, слушая, какъ рѣшаются дѣла, и давая свои указанія сенаторамъ и членамъ коллегіи. Днемъ до обѣда царь обыкновенно разъѣзжалъ по городу, заходя на фабрики, мастерскія или посѣщая своихъ приближенныхъ, а послѣ обѣда, состоявшаго изъ самыхъ простыхъ блюдъ, снова занимался государственными дѣлами. Въ своемъ обращеніи государь былъ чрезвычайно простъ, и каждый, кто только имѣлъ до него дѣло, могъ смѣло къ нему обращаться. Не мало было солдатъ въ его гвардіи, у которыхъ онъ крестилъ, и нерѣдко ему случалось, засидѣвшись на такихъ крестинахъ, опаздывать на какое-нибудь торжество. Послѣ крестинъ Петръ обыкновенно выпивалъ рюмку своей любимой анисовой водки и уѣзжалъ, подаривъ хозяйкѣ серебряный рубль.

Ничто такъ не гнѣвало царя, какъ ложь и несправедливость. Виновный всегда могъ заслужить его прощеніе, если искренно сознавался въ своей винѣ, но горе было тому, кто запирался и отнѣкивался — такой человѣкъ терялъ навсегда довѣріе царя. Петръ говорилъ, что никогда не можетъ повѣрить человѣку, который хоть разъ ему солгалъ. Характеръ у Петра былъ очень вспыльчивый, но ему можно было всегда говорить въ лицо правду, даже когда приходилось ему противорѣчить. Изъ своихъ приближенныхъ Петръ Великій особенно уважалъ сенатора князя Якова Ѳедоровича Долгорукова и уважалъ его именно за то, что тотъ всегда всѣмъ, и первому царю, говорилъ въ лицо всю правду, какъ бы она ни была непріятна. При громадномъ количествѣ дѣлъ, надъ которыми приходилось работать царю, при его безпрерывной дѣятельности, ему, понятно, случалось издавать необдуманныя повелѣнія. Князь Долгоруковъ въ такихъ случаяхъ никогда не боялся идти наперекоръ царской волѣ, и Петръ, одумавшись, всегда благодарилъ своего вѣрнаго слугу. Однажды случилось Петру послать въ Сенатъ указъ

о томъ, чтобы изъ Петербургской и Новгородской губерній собрали какъ можно больше рабочихъ рыть Ладожскій каналъ. Когда Долгоруковъ увидалъ этотъ указъ, то онъ воскликнулъ, что его нельзя примѣнять къ дѣлу, и въ сильномъ возбужденіи разорвалъ его. Всѣ другіе сенаторы ужаснулись, увидя такую неслыханную дерзость, и подумали, что хотя царь много дерзостей прощалъ князю Якову Ѳедоровичу, но теперь ему не сдобровать. Дѣйствительно, когда о поступкѣ этомъ доложили Петру, онъ страшно вспылилъ, поѣхалъ въ Сенатъ и, кинувшись къ Долгорукову, спросилъ, какъ онъ могъ рѣшиться на такое дѣло, за которое долженъ быть преданъ смертной казни. „Въ моей головѣ ты воленъ, государь, отвѣтилъ смѣлый князь, но я не могъ послать для исполненія такого указа, который ты, очевидно, написалъ, не подумавъ хорошенько. Вѣдь это тѣ губерніи, которыя больше всего пострадали отъ шведской войны, и взять оттуда столько рабочихъ рукъ значило бы совершенно разорить ихъ. Развѣ ты не можешь для рытья канала взять рабочихъ съ другихъ губерній, менѣе разоренныхъ и обезлюженныхъ?“ Царь замолчалъ, затѣмъ поцѣловалъ Долгорукова и сказалъ ему: „вѣрю, дядя, правду ты говоришь, опрометчиво я поступилъ, но все же въ другой разъ ты моихъ указовъ не рви“. Въ примѣръ безпристрастія царя можно привести еще слѣдующій случай. Одинъ новгородскій купецъ Иголкинъ во время объявленія Петромъ войны Шведамъ находился по торговымъ дѣламъ въ Швеціи; Шведы не отпустили его на родину и посадили въ тюрьму. Сидя въ заточеніи, Иголкинъ однажды услышалъ, какъ приставленные сторожить его шведскіе солдаты громко поносятъ и всячески бранятъ Петра Великаго. Иголкинъ подошелъ къ нимъ и попросилъ не говорить при немъ дурного про его государя, но тѣ не унялись и стали еще пуще бранить Петра. Долго крѣпился Иголкинъ, но наконецъ не могъ вынести оскорбительныхъ отзывовъ о своемъ царѣ, бросился на Шведовъ, вырвалъ у одного изъ нихъ ружье и этимъ ружьемъ убилъ обоихъ. Храбраго купца тотчасъ схватили, но когда шведскому королю Карлу XII донесли о поступкѣ Иголкина, то онъ тотчасъ велѣлъ отпустить его въ Россію, говоря, что каждый вѣрный подданный долженъ былъ бы такъ поступить. По пріѣздѣ Иголкина въ Россію, онъ былъ очень обласканъ царемъ, но отказался отъ всѣхъ предлагавшихся ему наградъ. Тогда Петръ взялъ на военную службу внука Иголкина и обѣщалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ произвести молодого человѣка въ офицеры. Но время шло, а Петръ, занятый всевозможными дѣлами, забылъ о своемъ обѣщаніи. Старикъ Иголк-

кинъ подалъ въ Сенатъ прошеніе, гдѣ жаловался на то, что полковникъ Преображенскаго полка Петръ Михайловъ обманулъ его: обѣщалъ произвести въ извѣстный срокъ его внука въ офицеры и не сдержалъ своего обѣщанія. Сенаторы начали объяснять старику, что не могутъ принять его жалобы, такъ какъ обидѣвшій его полковникъ не кто иной, какъ самъ царь, но Иголкинъ стоялъ на своемъ. Петръ, находившійся въ это время въ Сенатѣ, услышалъ шумъ и справился, въ чемъ дѣло. Когда ему доложили, онъ разсмѣялся и сказалъ: „нѣтъ, старикъ правъ, я точно обманулъ его, но теперь постараюсь наверстать потерянное“. Черезъ нѣсколько дней молодой Иголкинъ былъ произведенъ, но уже прямо во второй офицерскій чинъ.

Строго относившійся къ другимъ и награждавшій людей только по ихъ заслугамъ, Петръ Велнкій такъ же относился и къ самому себѣ. Онъ началъ службу и въ сухопутномъ войскѣ, и во флотѣ съ низшихъ чиновъ, чтобы изучить, какъ слѣдуетъ, всю службу, и соглашался быть произведеннымъ въ слѣдующій чинъ только тогда, когда считалъ, что дѣйствительно заслужилъ его. Во флотѣ онъ достигъ чина контръ-адмирала и, прослуживъ въ этомъ чинѣ нѣсколько лѣтъ, подалъ въ завѣдывавшую флотомъ адмиралтействъ-коллегію прошеніе о производствѣ въ вице-адмиралы, перечисляя при этомъ тѣ заслуги свои, на основаніи которыхъ, ему казалось, онъ имѣлъ право на повышеніе. Коллегія, разсмотрѣвъ царское прошеніе, отвѣтила, что онъ, дѣйствительно, повышеніе заслужилъ, но что теперь не можетъ быть произведенъ, такъ какъ есть другой контръ-адмиралъ, у котораго заслугъ больше, чѣмъ у царя, и который поэтому долженъ быть произведенъ раньше. Петръ остался очень доволенъ такимъ безпристрастнымъ рѣшеніемъ адмиралтействъ-коллегіи и былъ произведенъ въ желаемый чинъ только черезъ нѣкоторое время, послѣ одержанія имъ большой морской побѣды надъ Шведами подъ Гангутомъ. Немного можно найти государей, которые бы такъ заботились о своихъ подданныхъ, какъ Петръ Великій. Всякій самый бѣдный, самый незнатный человѣкъ могъ всегда найти въ немъ защитника отъ всякой несправедливости и притѣсненія. Онъ строго наказывалъ за жестокое обращеніе съ крѣпостными крестьянами. Когда въ Россіи былъ произведенъ рекрутскій наборъ, и учрежденно постоянное войско, то для солдатъ было опредѣлено извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ, которые они должны были получать на день, но прежде, чѣмъ ввести этотъ паекъ, царь самъ рѣшилъ его испробовать. Онъ цѣлый мѣсяцъ прожилъ, питаясь лишь сол-

датской пищей, и только тогда приказалъ давать этотъ паекъ всему войску, когда на себѣ самомъ убѣдился, что его довольно для насыщенія человѣка. Любовь къ подданнымъ была также главною причиной ранней смерти Великаго Петра, такъ какъ простуда, ускорившая его болѣзнь и повлекшая его кончину, была получена имъ во время спасенія тонувшихъ солдатъ.

Въ своей частной жизни Петръ отличался необычайной простотой. Столъ его былъ самый простой, одежда также, и никто не подумалъ бы, что этотъ высокій, съ огненнымъ взглядомъ человѣкъ, одѣтый въ толстый сѣрый кафтанъ,—великій императоръ Всероссійскій. Только въ немногихъ случаяхъ, при пріемѣ иностранныхъ пословъ или спускахъ кораблей, Петръ надѣвалъ роскошный, шитый серебромъ кафтанъ и голубую ленту учрежденнаго имъ ордена Андрея Первозваннаго. Когда удивлялись скромной жизни Петра, то онъ отвѣчалъ, что въ жалованьѣ своемъ воленъ, но съ народа собранныя деньги долженъ употребить на государство: въ нихъ онъ обязанъ дать отчетъ самому Богу. Всю свою жизнь работая для родины и для своихъ подданныхъ, Петръ требовалъ того же и отъ самихъ подданныхъ. „Трудиться надобно“, говорилъ онъ возвратившимся изъ заграничнаго ученія молодымъ дворянамъ; „я—царь вашъ, но у меня на рукахъ мозоли, а все для того, чтобы показать вамъ примѣръ и хоть бы подъ старость увидѣть могъ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ отечества“. Много поработалъ Петръ Великій своей геніальной головой, создавая величіе Россіи, много работалъ онъ своими руками, показывая примѣръ своимъ подданнымъ; недаромъ онъ былъ мастеромъ четырнадцати ремеслъ! Сознавая, насколько выше Русскихъ стояли въ то время по своему образованію и познаніямъ иноземцы, Петръ Великій призвалъ многихъ изъ нихъ на службу, но старался, чтобы они какъ можно скорѣе передавали свои знанія Русскимъ. Иностранцевъ при Петрѣ въ Россіи было много, но вмѣстѣ съ тѣмъ они почти никогда не стояли во главѣ какого-нибудь вѣдомства или учрежденія,—начальниками Петръ обыкновенно назначалъ коренныхъ Русскихъ, а иностранцы служили у нихъ только помощниками. Богатырь по своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ, Петръ Великій былъ богатыремъ и по виду. Громаднаго роста, широкоплечій, съ большими огненными черными глазами и быстрымъ проницательнымъ взглядомъ, казалось, проникающимъ насквозь каждаго, на комъ онъ останавливался,—таковъ былъ человѣкъ, про котораго нашъ великій поэтъ Пушкинъ сказалъ:

Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ.
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

122. Кто онъ.

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.
Только вотъ — рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый
И бранился, и вздыхалъ.
Всадникъ подлѣ — онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: „Здравствуй дѣдъ!“ —
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.
Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
„Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія...
Жди, да у моря сиди.
Вамъ вѣдь все ничто, боярамъ,
А челнокъ для рыбака
То-жъ, что бабѣ веретена,
Али конь для сѣдока.
Шведы-ль, наши-ль шли тутъ утромъ —
Кто ихъ знаетъ — ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!
Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!..
Лодка, вишь, имъ помѣшала —
И давай рубить ей дно!..
Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ“.
Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.
Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ.
Такъ и тычетъ долото —
И челнокъ на славу вышелъ.
А вѣдь былъ что рѣшето.
„Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье
На Петрово попытай!“
„На Петрово! — Эко слово
Молвилъ!“ — думаетъ рыбакъ. —
„Съ топоромъ гляди какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ?..“
И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

123. Значеніе царствованія Петра Великаго.

Обозрѣвая царствованіе императора Петра В. съ намѣреніемъ представить оное въ одной общей картинѣ, опредѣлить его значеніе въ системѣ русской и европейской исторіи, невольно чувствуешь трепетъ, падаешь духомъ и не знаешь, съ чего начать, что̀ сказать и что̀ умолчать. Сколько созданій! Сколько разрушеній, преобразованій! Сколько дѣйствій и происшествій всякаго рода! — Мысль устаетъ летать отъ одного предмета къ другому, и удивленная, изне-

моженная, приходитъ въ замѣшательство, останавливается... Что за зрѣлище представляетъ онъ самъ своею особою, съ своимъ твердымъ характеромъ, съ своей желѣзною волею, даже съ своимъ лицомъ и исполинскимъ ростомъ! Что за зрѣлище представляетъ Россія и ея жители, съ ихъ образомъ мыслей, привычками, нуждами, предразсудками, обстоятельствами, старпною—завѣтнымъ наслѣдіемъ предковъ. Россія тысячелѣтняя, смирная, терпѣливая, благочестивая, самодовольная, страна, въ которую насланъ былъ судьбою этотъ величайшій изъ всѣхъ преобразователей, ничѣмъ не довольный! Сколько разнаго дѣла дѣлается въ одно время!—Одно подготовляется, другое начинается, третье на половинѣ, четвертое близко къ концу;—съ какимъ рвеніемъ, жаромъ, усердіемъ, какъ будто всѣмъ работникамъ заданы уроки, назначенъ срокъ подъ строгою отвѣтственностію! Всѣ торопятся, суетятся, спѣшатъ кончить и боятся опоздать. Шумъ, крикъ, стукъ. Нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью. Нѣтъ остановки, передышки на минуту. Не успѣютъ справиться съ однимъ, какъ уже принимаются за другое. Все разсчитано по часамъ, по минутамъ: все переведено будто на вѣрную математическую машину. Одно сѣмя бросается передъ вашими глазами въ землю, другое прозябаетъ, третье только-что изникло изъ почвы, а это уже приноситъ плодъ, и всѣ они произрастаютъ рядомъ въ одно время. Какое движеніе, какая дѣятельность, живость во всѣхъ концахъ обширнаго царства! И что за разнообразіе! Здѣсь роются въ горахъ и достаютъ руду, тамъ изъ руды куютъ желѣзо, дальше сверлятъ изъ желѣза стволъ, а еще дальше стрѣляютъ уже изъ новаго ружья. Вотъ выписаны овцы, вотъ онѣ расплодились, вотъ настрижено съ нихъ шерсти, вотъ выткано изъ нея сукно въ только-что отстроенной фабрикѣ, вотъ кроятъ новое невиданное платье, и вотъ оно напяливается на горько плачущій народъ, у котораго только-что выбрита борода. Здѣсь скалываютъ бугры, тамъ зарываютъ рвы, громоздятъ насыпи, мѣряютъ землю, выжигаютъ болота, валятъ лѣсъ, прорубаютъ засѣки—и при послѣднемъ взмахѣ лопаты, отбрасывающей остальной камень съ новой дороги, показывается вдали первый обозъ, который подъѣзжаетъ къ готовому сообщенію. Нынѣ исчисляется народъ и производится первый рекрутскій наборъ, завтра формируется армія и прямо съ ученья идетъ на генеральную баталію; по утру побѣждена, а къ вечеру празднуетъ викторію. Но вотъ понадобились люди и работники: какъ въ святочной игрѣ, отрываются отъ одного дѣла къ другому, перебѣгаютъ съ края въ край. Каменщикъ кидается за топоръ, плотникъ спѣшитъ къ тво-

рилу, купецъ хватаетъ ружье, солдатъ садится передъ зерцало, крестьянинъ на заводъ, помѣщикъ на корабль. Вдругъ нагрянули враги—новая перемѣна: всѣ бѣгутъ къ нимъ на встрѣчу, кто съ поля, кто отъ станка, кто изъ суда, кто изъ лавки. Проводили незваныхъ гостей, и опять всѣ по своимъ мѣстамъ, какъ ни въ чемъ не бывалые, принимаются за прерванное дѣло. Замололи жернова, заходилъ топоръ, запрыгали шестерни, пошли на службу и огонь, и вода, и воздухъ, и земля. Всѣ дѣлаютъ разное, мечутся безпрестанно изъ угла въ уголъ, но никто не мѣшаетъ другъ другу: напротивъ, оказывается взаимная помощь, выходитъ ладъ.

Какой же могучій чародѣй управляетъ всею совокупностью этихъ многочисленныхъ, разнородныхъ дѣйствій? Нѣтъ, не чародѣй, а геній—Петръ. Смотрите—вотъ онъ стоитъ посреди широкаго поля русскаго царства, рабочей своей палаты, между тысячами и тьмами своихъ работниковъ. Видите, онъ выше ихъ всѣхъ на полъ-аршина... Что̀ такое сверкаетъ въ рукѣ его? не волшебный ли жезлъ какой? Какъ горятъ глаза его, какъ движется все его тѣло! Смотрите: какъ поворачиваетъ онъ головою направо и налѣво, какъ бросаетъ свои пронзительные взоры во всѣ стороны, и какъ работа вскипаетъ у русскаго человѣка тамъ, куда онъ оборачивается; и сила прибываетъ, и время увеличивается: часъ выростаетъ днемъ, день вытягивается мѣсяцемъ, мѣсяцъ старѣетъ годомъ, трудное становится легкимъ, невозможное—возможнымъ. Смотрите, какъ по его движеніямъ то вдругъ на сѣверѣ изъ болота выскочитъ городъ, то на югѣ пустится по морю флотъ, то на западѣ встанетъ линія крѣпостей, то на востокѣ скорымъ маршемъ выступитъ въ походъ армія! Иль—вдругъ весь народъ обривается, переодѣвается, различается по сословіямъ, по городамъ, по провинціямъ, по губерніямъ. Онъ самъ не свой; онъ помогаетъ, кажется, всякому работнику, присутствуетъ своимъ духомъ во всякой работѣ! Какъ жарко принимаетъ къ сердцу всякую удачу и неудачу. Удовольствіе и досада перемѣняются ежеминутно на лицѣ его. Онъ видитъ все—вотъ въ городѣ недостроена башня, вотъ въ арміи не комплектенъ полкъ, вотъ на кораблѣ покривилась мачта, вотъ на фабрикѣ спился наемный нѣмецъ. Онъ бросается стремглавъ съ своего мѣста, хватается за топоръ, долото, за кормило, выкидываетъ артикулъ, строитъ, чинитъ, сыплются награды и наказанія, снаряжаются ассамблеи и экзекуціи; гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Спрашиваю—не удивительное ли это зрѣлище?

124. Рожденіе Петра Великаго.

Ужъ какъ свѣтелъ, радошенъ въ Москвѣ
Ласковый царь Алексѣй, сударь Михайловичъ:
Народилъ ему Господь сына-царевича,
Что царевича — Петра Алексѣевича.
Какъ всѣ-то русскіе плотнички
Что плотнички сами мастеры,
Они ночку не спали — колыбель-люльку дѣлали,
А нянюшки, мамушки, сѣнны дѣвушки,
Онѣ ночку не спали — ширинку вышивали
По бѣлому рытому бархату краснымъ золотомъ;
А втапоры затюремнички они всѣ распущались,
Царскіе погребы они всѣ растворялись:
У царя у ласковаго шелъ пиръ и столъ на радости.
Всѣ князья, бояре къ царю собиралися,
Всѣ дворяне ко ласковому соѣзжалися,
Весь народъ Божій на пиру, — пьютъ, ѣдятъ, прохлажаются;
Въ весельи не видали какъ и дни прошли:
Все для младшаго царевича — Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.

125. Плачъ солдата о смерти Петра Великаго.

Ахъ, ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по-старому,
Не по-старому, не попрежнему, —
Не во всю землю святорусскую,
Что со вечера не до полночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною?
Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, славномъ городѣ,
У дворца было государева,
У крыльца было воскрашеннаго,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
Стоючи-то, онъ призадумался,
Призадумавшись, слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, какъ рѣка льется;
Ужъ и слезы льетъ, что ручьи текутъ;
Воздыхаетъ онъ, словно лѣсъ шумитъ;
Возрыдаетъ онъ, ровно громъ гремитъ;
Возрыдаючи, онъ возговорилъ:
„Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные,
„Разнесите вы снѣжки бѣлые;
„Разступися ты, мать сыра земля,
„Ты на всѣ четыре стороны;
„Развались-ка ты, бѣлъ горючъ камень;
„Расколись-ка ты, гробова доска;
„Разверзись-ка ты, золота парча;

„Распахнись-ка ты, бѣлъ-тонкій саванъ!
„Ужъ ты встань-проснись, православный царь,
„Православный царь, Петръ Алексѣевичъ!
„Подыми ты свою головушку,
„Посмотри на свою силушку,
„На свою матерь Россіюшку;
„Посмотри, сударь, на свою гвардію,
„Посмотри на свою армеюшку.
„Хорошо твоя армеюшка обряжена:
„Всѣ полковники во своихъ полкахъ,
„Подполковнички на своихъ мѣстахъ.
„Всѣ маіоры на добрыхъ коняхъ,
„Капитаны передъ ротами,
„Офицеры передъ взводами,
„А прапорщики подъ знаменами;
„Дожидаютъ они полковничка,
„Что полковничка Преображенскаго,
„Капитана Бомбандерскаго“.

126. Преемники Петра Великаго на русскомъ престолѣ.

Петръ Первый не оставилъ послѣ себя дѣтей мужескаго пола. Отъ первой супруги Евдокіи Ѳеодоровны Петръ имѣлъ сына Алексѣя, но сынъ вышелъ не въ отца и былъ врагомъ всякихъ нововведеній. Тогда Петръ призналъ своимъ долгомъ пожертвовать сыномъ, чтобы тѣмъ спасти будущность Россіи. Онъ нарядилъ надъ царевичемъ Алексѣемъ судъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; царевича признали виновнымъ и онъ умеръ въ 1718-мъ году въ одиночномъ заключеніи. Царица Евдокія, мать царевича, тоже сочувствовавшая старинѣ, была пострижена въ монахини. Второй супругой Петра была Екатерина Алексѣевна, которая и вступила на престолъ послѣ смерти Петра (1725 — 1727 г.). Петръ Великій, какъ извѣстно, приближалъ къ себѣ людей разнаго званія, на знатность рода не смотрѣлъ; и супругу онъ выбралъ себѣ изъ званія простого, но умѣвшую раздѣлить горе и радость державнаго труженика. Екатерина Алексѣевна, дочь бѣдныхъ родителей, была не русскаго происхожденія и попала въ Россію случайно во время войны со Шведами. За умъ и красоту она полюбилась государю и онъ женился на ней. Новая царица сдѣлалась ревностною помощницею своего супруга, раздѣляла и всѣ его царственные труды. Государь тоже сильно былъ привязанъ къ своей „Катеринушкѣ, другу сердешнинькому“, какъ онъ ее называлъ въ своихъ письмахъ; учредилъ въ честь ея орденъ св. Екатерины и незадолго до смерти короновалъ ее. Вступивъ на престолъ, Екатерина I окружила себя

сотрудниками покойнаго Императора, но скоро скончалась, процарствовавъ только два года. Екатерина Первая завѣщала престолъ Петру II (1727 — 1730 г.), сыну царевича Алексѣя Петровича. Такъ какъ Петру II не было еще и 12 лѣтъ, то первенствующее положеніе при малолѣтнемъ государѣ занялъ сначала князь Меншиковъ. Судьба князя Александра Даниловича Меншикова замѣчательна. Разсказываютъ, что въ молодости онъ занимался продажею пироговъ. Случайно Петръ В. разговорился съ Меншиковымъ, замѣтилъ въ немъ умнаго человѣка и сталъ давать ему различныя порученія. Меншиковъ исполнялъ ихъ быстро и толково. Потомъ Меншиковъ сдѣлался неотлучнымъ спутникомъ государя: ѣдетъ Петръ въ одноколкѣ и Меншиковъ съ нимъ; наступаетъ Петръ на Шведовъ—и Меншиковъ возлѣ; при построеніи Петербурга и государь и Меншиковъ вмѣстѣ плотничали, вмѣстѣ лѣсъ рубили, вмѣстѣ крѣпость закладывали. Но ловкій Меншиковъ, получивъ высшія отличія въ имперіи, сдѣлался непомѣрно жаденъ до богатства, бралъ взятки, вступалъ подъ чужимъ именемъ въ казенные подряды и для своихъ выгодъ пускалъ въ ходъ ложь и всякія хитрости. При Екатеринѣ I главнымъ заправителемъ дѣлъ былъ тотъ же Меншиковъ. Государыня такъ безгранично довѣряла ему, что въ своемъ духовномъ завѣщаніи, предоставляя престолъ малолѣтнему Петру Второму, выразила желаніе, чтобы онъ, достигнувъ совершеннолѣтія, женился на одной изъ дочерей Меншикова. Когда скончалась Екатерина Алексѣевна, власть князя Меншикова, какъ будущаго тестя государева, еще болѣе усилилась. Онъ переселилъ молодого императора изъ дворца въ свой великолѣпный домъ на Васильевскомъ островѣ и поспѣшилъ обручить его со своей старшей дочерью, Маріей. Но скоро надъ Меншиковымъ собралась гроза: властвовалъ онъ при Петрѣ II лишь съ небольшимъ четыре мѣсяца. Сокрушили силу гордаго правителя его враги, а враговъ у него было не мало. Наиболѣе опасными для Меншикова были князья Долгоруковы; они выжидали только случая погубить его. Меншиковъ самъ помогъ торжеству своихъ враговъ. Онъ слишкомъ ужъ стѣснялъ свободу молодого императора, дѣлалъ ему безпрестанно выговоры, вмѣшивался во всякія мелочи, упрекалъ его въ расточительности. Петръ возненавидѣлъ Меншикова и однажды пригрозилъ ему словами: „Я докажу тебѣ, что я императоръ и что мнѣ надо повиноваться“. Долгоруковы убѣдили, наконецъ, императора удалить своенравнаго правителя. Меншикова лишили всѣхъ отличій и сослали со всѣмъ семействомъ въ Сибирь,

въ городъ Березовъ; огромныя его богатства пошли въ казну. Несчастіе образумило Меншикова. Въ далекой, холодной Сибири онъ какъ бы переродился, взялся за топоръ, соху и лопату, построилъ себѣ своими руками хижину и маленькую церковь; трудомъ и молитвою искупалъ онъ прежніе грѣхи. Высокомѣрный вельможа сдѣлался смиреннымъ, благочестивымъ поселяниномъ. Черезъ два года онъ умеръ въ полномъ христіанскомъ покаяніи. Вскорѣ послѣ него умерла и дочь его; прочіе члены этой семьи, погубленной корыстолюбіемъ отца, впослѣдствіи возвращены были изъ ссылки. По сверженіи Меншикова князья Долгоруковы захватили правленіе государствомъ и сдѣлались ближними совѣтниками Петра II. Потворствуя всѣмъ прихотямъ его, они развивали въ малолѣтнемъ императорѣ дурныя наклонности. Долгоруковы уговорили Петра объявить себя совершеннолѣтнимъ и отправиться въ Москву для коронованія. Скоро было объявлено, что императоръ женится на княжнѣ Долгоруковой, Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Но свадьбѣ не суждено было совершиться. Императоръ, уже обручившійся съ княжной Екатериною Долгоруковой, въ январѣ 1730 года простудился во время крещенскаго водосвятія, заболѣлъ оспою и скончался въ тотъ самый день, въ который назначена была свадьба, имѣя отъ роду едва 14 лѣтъ.

По смерти Петра II изъ царской фамиліи оставались: дочь Петра Великаго, цесаревна Елизавета Петровна, внукъ Петра В., Петръ Ѳедоровичъ — отъ старшей дочери его Анны Петровны, да три племянницы Петра, дочери царя Іоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго. На престолъ вступила одна изъ дочерей царя Іоанна Алексѣевича — Анна Іоанновна, вдовствовавшая герцогиня Курляндская (1730 — 1740 г.). Отъ Анны Іоанновны ожидали много хорошаго; но ея царствованіе было несчастливо, такъ какъ она предоставила правленіе государствомъ своему довѣренному человѣку, курляндцу Бирону. Биронъ о Россіи не заботился, заботился только о самомъ себѣ; печальную память оставилъ онъ въ русскомъ народѣ. Корыстолюбивый, мстительный и жестокій, онъ не щадилъ тѣхъ, кто былъ его противникомъ, кто не поступалъ такъ, какъ ему хотѣлось. Не было пощады ни знатнымъ, ни простымъ людямъ; недовольныхъ его правленіемъ онъ приказывалъ казнить или ссылать въ Сибирь. Анна Іоанновна со слезами на глазахъ подписывала многочисленные смертные приговоры, составленные Бирономъ, ловко умѣвшимъ уговорить императрицу въ необходимости казней. Анна Іоанновна вѣрила ему, вѣрила въ сердечной

простотѣ и въ благоденствіе Россіи подъ его правленіемъ. Старые сотрудники Петра В. держались въ загонѣ, многіе изъ нихъ были казнены и сосланы. Казненъ былъ и умный Волынскій, одинъ изъ способнѣйшихъ дѣятелей того времени. Отъ казней знатныхъ лицъ Бирономъ перешелъ къ казнямъ простыхъ людей. Крестьяне и разные бѣдные люди отъ мукъ пытки бѣжали, куда глаза глядятъ, въ сосѣднія государства, въ глухіе лѣса, въ широкія Придонскія степи; другіе отъ нужды подѣлались разбойниками, стали промышлять недобрымъ дѣломъ. Поднялся ропотъ противъ Бирона. Онъ отвѣчалъ на народный вопль еще большими жестокостями, учредилъ тайную канцелярію. Всякій, кто хотѣлъ на кого-либо донести, говорилъ: „слово и дѣло!“ и того, кого оговаривалъ доносчикъ, хватали, отправляли въ тайную канцелярію и разными муками пытали. Казни стали обычнымъ дѣломъ. На улицахъ никто не смѣлъ поговорить, хотя бы съ пріятелемъ, опасаясь, чтобы не сочли разговоръ подозрительнымъ и не взяли обоихъ подъ караулъ. Мужъ съ женою, отецъ съ сыномъ боялись сказать слово о своемъ печальномъ положеніи, чтобы кто-либо изъ домашнихъ не подслушалъ и не донесъ. Анна Іоанновна и не подозрѣвала, сколько слезъ проливали ея подданные подъ тяжелымъ владычествомъ Бирона. Онъ окружилъ императрицу людьми, ему преданными, такъ что жалобы народа не могли достигать до ея слуха. Кромѣ того, Биронъ всячески старался разсѣять государыню, отвлечь ея вниманіе отъ дѣлъ, чтобы только самому все прибрать къ рукамъ. Потѣху за потѣхой устраивалъ онъ для государыни; однажды затѣялъ шутовскую свадьбу: придумали вѣнчать стараго придворнаго шута съ горбатой карлицей-калмычкой. Для новобрачныхъ на Невѣ, между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ, былъ построенъ ледяной домъ. Стояла тогда зима студеная, и необычная постройка удалась вполнѣ. Домъ сложили изъ большихъ прозрачныхъ льдинъ; окна, двери, крышу тоже сдѣлали изъ льда. Внутреннее убранство: столы, стулья, кровати—все было ледяное. Около дома стояли ледяныя пушки и ледяной громадный слонъ. Къ назначенному дню собрали со всѣхъ концовъ Россіи по мужчинѣ и по женщинѣ всякой народности, всякаго племени. Наступила и свадьба. Послѣ вѣнчанія по улицамъ тянулся длинный поѣздъ; впереди выступалъ слонъ въ теплыхъ котахъ; на спинѣ его въ желѣзной клѣткѣ ѣхали молодые, блистая золотомъ и бархатомъ; за новобрачными ѣхали парами представители разныхъ племенъ; одѣтъ былъ каждый по своему обычаю; ѣхали кто на волахъ, кто на оленяхъ, на ослахъ, кто на козлахъ и собакахъ; ѣхалъ и Та-

тарин съ Татаркой на откормленныхъ свиньяхъ. Звонъ бубенчиковъ, разнообразные крики животныхъ, говоръ людской оглашали воздухъ. Веселая диковинка привлекла толпы народа. Чудной поѣздъ, сдѣлавъ нѣсколько оборотовъ, остановился у дома Бирона, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ для новобрачныхъ и поѣзжанъ. Тогдашній стихотворецъ Третьяковскій, написавшій на этотъ случай стихи, въ которыхъ было мало складу, но много потѣхи, прочелъ ихъ предъ новобрачными. Послѣ обѣда начались пляски: каждая пара плясала по-своему, какъ умѣла. Затѣмъ поѣздъ отправился къ „ледяному дому". При встрѣчѣ новобрачныхъ домъ внутри освѣтился огнями: пылали ледяныя свѣчи съ фитилями, опущенными въ конопляное масло; палили изъ ледяныхъ пушекъ; ледяной слонъ пускалъ изъ хобота горящую смолу. Молодыхъ заперли до утра въ ледяномъ домѣ, поѣздъ распустили и на томъ торжество шутовской свадьбы было покончено.

Богатъ, знатенъ, силенъ сталъ Бironъ, и вотъ задумалъ надолго быть во главѣ правленія: обстоятельства этому сначала благопріятствовали. У Анны Іоанновны не было дѣтей; была племянница Анна Леопольдовна, дочь ея сестры Екатерины, бывшей замужемъ за принцемъ Мекленбургскимъ Леопольдомъ. Эту племянницу императрица взяла во дворецъ и воспитывала какъ дочь, надѣясь передать престолъ ея потомству. Привезли изъ Германіи жениха Аннѣ Леопольдовнѣ — принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго, и скоро сыграли свадьбу съ большою пышностью. Родившагося отъ этого брака младенца Іоанна Антоновича императрица поспѣшила объявить своимъ наслѣдникомъ, 1-го октября 1740 года, когда ему не было еще и двухъ мѣсяцевъ отъ рожденія. Скоро послѣ этого Анна Іоанновна сильно заболѣла и за нѣсколько часовъ до смерти подписала бумагу объ опредѣленіи Бирона правителемъ Имперіи до совершеннолѣтія младенца-императора. При императрицѣ Аннѣ Россія вела войну съ Турціей, при чемъ наши войска, подъ главнымъ начальствомъ Миниха, прославились взятіемъ Бахчисарая, столицы Крыма, и Азова, потомъ Очакова и Хотина. Однакоже Крымъ и по заключеніи мира попрежнему остался подъ владычествомъ мусульманъ. При Аннѣ же Іоанновнѣ былъ открытъ въ Петербургѣ для дворянъ первый кадетскій корпусъ. 18-го октября 1740 года Анна Іоанновна скончалась. Бironъ сдѣлался правителемъ, но не надолго: пошли большія смуты, и черезъ три недѣли фельдмаршалъ Минихъ приказалъ арестовать Бирона. Бironъ былъ схваченъ ночью, его отвезли въ крѣпость, а потомъ

сослали въ Сибирь. Правительницею государства Минихъ объявилъ Анну Леопольдовну (1740—1741 г.). Но Анна Леопольдовна скоро разссорилась съ Минихомъ, самой же ей управлять государствомъ оказалось не по силамъ. Дѣла государственныя пришли въ великое разстройство. Этимъ воспользовались Шведы и объявили Россіи войну, требуя возвращенія областей, завоеванныхъ у нихъ Петромъ Великимъ. И мирные граждане, и храбрые солдаты видѣли, что готовилась бѣда большая. Но отъ такой бѣды Россія была избавлена дочерью Петра Великаго, Елизаветою Петровною, которая 25-го ноября 1741 года была провозглашена императрицею (1741—1761 г.). Анну Леопольдовну съ мужемъ и дѣтьми удалили изъ Петербурга.

Воцареніе Елизаветы Петровны было встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ. Ее всѣ знали, какъ ревнительницу православія и какъ усердную почитательницу родныхъ обычаевъ. Она съ дѣтства отличалась любовью ко всему русскому, была проста въ обращеніи, водила хороводы съ крестьянскими дѣвушками, съ охотою слушала народныя пѣсни. При ея выѣздахъ громкіе восторженные крики народа долго не смолкали. Императрица Елизавета во внутреннихъ дѣлахъ старалась подражать примѣру своего великаго отца, старалась своимъ царствованіемъ какъ бы продолжать его царствованіе. Всѣ узаконенія Петра В., отмѣненныя при его преемникахъ, были возстановлены. Подобно своему отцу, она съумѣла окружить себя способными помощниками; много добра для Россіи сдѣлала Елизавета Петровна. Правленіе свое она начала тѣмъ, что даровала свободу двадцати тысячамъ человѣкъ, сосланнымъ во время бироновщины; но многихъ изъ потерпѣвшихъ отыскать не могли, такъ какъ ихъ поселяли въ Сибири подъ чужими именами. Изъ сотрудниковъ императрицы Елизаветы особенно былъ замѣчателенъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, отличавшійся заботами о распространеніи просвѣщенія въ Россіи. Будучи образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, Иванъ Ивановичъ только въ наукѣ видѣлъ душевное успокоеніе, только въ книгахъ находилъ отраду. Люди просвѣщенные были его истинными друзьями, имъ онъ покровительствовалъ, за нихъ особенно охотно хлопоталъ передъ государыней. До него къ образованію призывались только дворяне, онъ же старался распространить образованіе и въ народѣ, для чего и просилъ императрицу устроить во всѣхъ малыхъ городахъ начальныя школы. По его мысли въ Москвѣ было устроено первое наше высшее учебное заведеніе — университетъ (1755 г.). Онъ же былъ покровителемъ Ломоносова. Вмѣстѣ съ Ломоносовымъ трудился на пользу отечества и другой

писатель, Александръ Петровичъ Сумароковъ, бывшій главнымъ управителемъ „комидійной храмины“ или постояннаго русскаго театра, открытаго въ царствованіе Елизаветы Петровны. Сумароковъ воспитывался въ петербургскомъ военномъ училищѣ и вмѣстѣ со своими товарищами часто разыгрывалъ въ училищѣ театральныя представленія. Императрица Елизавета любила посѣщать эти представленія и милостиво относилась къ участвующимъ въ играхъ „комидійнаго искусства“. На эти представленія попалъ случайно ярославскій купеческій сынъ Волковъ. Прельстился Волковъ театральнымъ искусствомъ и, по возвращеніи въ Ярославль, сталъ обучать комидійной выправкѣ своихъ меньшихъ братьевъ и другихъ охочихъ до того молодыхъ людей. Затѣя Волкова понравилась Ярославцамъ; они выстроили деревянный театръ, гдѣ стали разыгрывать представленія какъ веселаго, такъ и нравоучительнаго содержанія. Слухъ объ Ярославскомъ театрѣ дошелъ до Петербурга. Императрица повелѣла Волкову съ товарищами пріѣхать въ столицу публично показывать свое искусство. Такъ устроился первый постоянный русскій театръ. Временныя театральныя зрѣлища бывали у насъ гораздо раньше; для нихъ при дворѣ отводились особыя палаты, и всѣ принадлежности для „комидійнаго дѣйствія и потѣхи“ переносили съ мѣста на мѣсто, смотря по мѣстопребыванію государя. Въ царствованіе Елизаветы Петровны открыта была и Академія художествъ, то-есть высшее училище для подготовленія искусныхъ строителей и живописцевъ. Заботясь о просвѣщеніи народа, Елизавета Петровна вмѣстѣ съ тѣмъ заботилась о томъ, чтобы это просвѣщеніе было истинное, въ духѣ православія. Будучи сама строгая ревнительница благочестія, она требовала того же отъ своихъ подданныхъ. Часто императрицу видѣли на богомольѣ то въ Москвѣ, то въ Кіевѣ. Въ Кіевѣ воздвиглись новые храмы и были возобновлены и украшены древніе. Въ царствованіе Елизаветы Петровны было отпечатано новое исправленное изданіе Библіи. Чтобы и человѣкъ небогатый имѣлъ возможность читать Библію, императрица приказала продавать ее по уменьшенной цѣнѣ. Но не одни внутреннія дѣла занимали Елизавету Петровну, вела она славныя для русскаго имени войны. Мы видѣли, что еще до вступленія ея на престолъ Шведы объявили намъ войну, желая отобрать у насъ завоеванныя Петромъ Великимъ области. Эту войну мы вели удачно, брали городъ за городомъ, такъ что Шведы поспѣшили заключить миръ, уступивъ намъ еще часть Финляндіи до рѣки Кюмени. Но русское оружіе еще славнѣе прогремѣло въ другой войнѣ, бывшей въ концѣ цар-

ствованія Елизаветы Петровны; то была война съ Пруссіей. Король прусскій Фридрихъ II задумалъ увеличить собственныя владѣнія насчетъ сосѣдней Австріи и внезапно захватилъ у Австрійцевъ большую область. Австрійцы просили помощи у императрицы Елизаветы Петровны. Россія уже признавалась тогда могущественнымъ государствомъ; войско ея со времени Петра Великаго считалось образцовымъ. Австрійцамъ стали помогать и другія государства. Эта война противъ Фридриха Второго продолжалась семь лѣтъ, почему и называется „семилѣтнею“.

По смерти Елизаветы Петровны на престолъ вступилъ Петръ III Ѳеодоровичъ (1761—1762 г.), сынъ Анны Петровны, герцогини Голштинской, племянникъ покойной императрицы и родной внукъ Петра I. До 14 лѣтъ онъ жилъ у своихъ родителей въ Германіи; потомъ Елизавета Петровна, еще въ началѣ своего царствованія, вызвала его въ Россію и объявила наслѣдникомъ престола; скоро Петръ Ѳеодоровичъ женился на принцессѣ Ангальтъ-Цербстской, принявшей православіе съ именемъ Екатерины Алексѣевны. Петръ III, какъ почитатель военныхъ доблестей прусскаго короля Фридриха II, прекратилъ войну съ Пруссіей, отказался отъ всѣхъ нашихъ завоеваній, даже сдѣлался союзникомъ Фридриха, и война такимъ образомъ кончилась. Война эта послужила отличною школою для цѣлаго поколѣнія русскихъ полководцевъ, славныхъ сподвижниковъ слѣдующаго царствованія; въ этой войнѣ пробовали свои боевыя силы наши знаменитые полководцы Суворовъ и Румянцевъ. Петръ III царствовалъ только полгода; онъ отрекся отъ престола въ пользу супруги своей Екатерины Алексѣевны и вскорѣ послѣ сего скончался, 6-го іюля 1762 года.

127. Наталья Борисовна Долгорукова.

Въ началѣ 18-го столѣтія, еще при Петрѣ Великомъ, жилъ въ Москвѣ вельможа графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Онъ былъ главный начальникъ всего русскаго войска, одинъ изъ любимцевъ царя: былъ у него прямой и благородный характеръ, за который любили его и царь, и народъ. Соскучась вдовствомъ, графъ женился на теткѣ царя, вдовѣ Нарышкиной. Въ январѣ 1714 года у нихъ родилась дочь Наталья. Въ февралѣ 1719 года онъ умеръ въ Москвѣ, оставивъ на попеченіе царя Петра малолѣтнихъ дѣтей своихъ. Наталья Борисовна была любимицей матери: росла она въ

довольствѣ и холѣ, окруженная самыми нѣжными заботами. Любуясь ею, мать часто мечтала о томъ, какъ Наташа выростетъ и будетъ одной изъ самыхъ знатныхъ и красивыхъ невѣстъ. Не забыла мать дать ей и образованіе, что было большою рѣдкостью въ женщинахъ того времени. Наташа очень рано выучилась читать и писать не только по-русски, но и на иностранныхъ языкахъ, и до самой смерти сохранила доброе воспоминаніе о своей образованной гувернанткѣ, взятой къ ней умною матерью. Но недолго пришлось Наташѣ пользоваться материнской лаской. Едва исполнилось ей четырнадцать лѣтъ, какъ мать умерла, оставивъ ее круглой сиротой на попеченіи гувернантки да старшаго брата. Сильно измѣнился характеръ дѣвушки послѣ смерти матери. Изъ веселой и живой она стала задумчивой и серьезной. Круглая сирота, она обращала на себя общее вниманіе красотой, богатствомъ и образованіемъ, но рѣдко выѣзжала въ общество, не находя удовольствія въ танцахъ и пустыхъ разговорахъ. Много сваталось за нее знатныхъ женіховъ, но она отказывала всѣмъ, рѣшивши выйти за того, кого полюбитъ. Ей было уже шестнадцать лѣтъ, когда она встрѣтила двадцатидвухлѣтняго князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго. Молодой человѣкъ, красивый и веселый, талантливый, очень ей понравился, и она согласилась выйти за него замужъ. Въ то время Петръ Великій уже умеръ, и въ Россіи царствовалъ его внукъ, Петръ II Алексѣевичъ, очень сблизившійся, еще будучи великимъ княземъ, съ Долгорукимъ, и такъ полюбилъ его, что они даже спали вмѣстѣ въ одной комнатѣ. Князь поддерживалъ въ молодомъ государѣ охоту учиться, старался отвлечь его отъ безпрестанныхъ праздныхъ забавъ охотою и пирами и часто помогалъ добрыми совѣтами. И такъ полюбилъ царь Долгорукаго, что пожелалъ съ нимъ породниться и обручился съ его родной сестрой, Екатериной Алексѣевной. Такимъ образомъ женихъ Натальи Борисовны становился первымъ, послѣ царя, лицомъ въ государствѣ, и немудрено, что со всѣхъ сторонъ слышала она восклицанія: „ахъ, какъ она счастлива!“ Совершился наконецъ парадный сговоръ. Рѣдко кому случалось видѣть въ жизни такое блестящее собраніе. На сговорѣ была вся царская фамилія, всѣ чужестранные посланники, вся знать. Невѣсту одарили: кто дорогими серьгами, кто часами съ брилліантами, кто другими драгоцѣнностями. Богатство Долгорукихъ было несмѣтно. Когда стали разъѣзжаться гости по Москвѣ, на ихъ пути зажгли смоляныя бочки, а около дома стояла громадная толпа народу. — „Слава Богу! кричали въ толпѣ, отца нашего Бориса

Петровича дочь выходитъ замужъ за важнаго человѣка. Теперь-то надѣлаетъ она вволю всѣмъ намъ добра".

Но счастье длилось недолго: всего только двадцать четыре дня. Въ сочельникъ 24 декабря 1729 года было обрученіе, а 18 января 1730 года неожиданно скончался государь Петръ II Алексѣевичъ, простудивъ оспу. Съ его смертью круто измѣнилось положеніе Долгорукихъ. Съ воцареніемъ герцогини Курляндской, Анны Іоанновны, они лишились милостей царскихъ и имъ грозила бѣда, такъ какъ завистники всячески старались оклеветать ихъ предъ новой государыней. Страшно подѣйствовала на Наталью Борисовну смерть государя. Просыпается она 19 января счастливая, веселая, выходитъ пить чай и видитъ въ столовой всѣхъ своихъ родственниковъ. Она знала, что государь боленъ, но не предполагала несчастія. Заплаканные глаза родныхъ, отвѣты, которые давали неохотно на ея вопросы, изъ желанія скрыть отъ нея горе, выдали ихъ. Не разъ видѣла она прежде, какъ при перемѣнѣ царя гибли въ ссылкахъ и казняхъ прежніе царскіе любимцы: она горько заплакала, предвидя недоброе. Напрасно старались утѣшить ее родные, суля другихъ женіховъ, — и знатныхъ, и богатыхъ. Но она и слышать не хотѣла о томъ, чтобы, давъ слово въ счастіи, отказать жениху тогда, когда онъ терялъ все. Вечеромъ пріѣхалъ къ ней Иванъ Алексѣевичъ, горько жаловался на свое несчастіе, разсказывалъ о послѣднихъ минутахъ дорогого покойника, какъ онъ съ нимъ разговаривалъ, какъ прощался. И плакали оба, женихъ и невѣста, и клялись, что разлучитъ ихъ одна смерть. Всѣ друзья и знакомые стали избѣгать ихъ, сторониться отъ нихъ, записывать и подличать передъ тѣми, кого прочили въ новые любимцы. Лучше не родиться, чѣмъ быть превознесеннымъ случаемъ, обстоятельствами, а послѣ пасть такъ же легко, какъ и возвыситься. Такъ шло время до апрѣля. Не весело было графинѣ. То женихъ пріѣдетъ — вмѣстѣ плачутъ, то всякія недобрыя вѣсти доходятъ. Кто говоритъ: въ ссылку сошлютъ, кто — чины да ордена отберутъ, то непріятности дома. Братъ и родные безпрестанно упрекали ее, что не отказываетъ жениху, которому грозили бѣдствія. Надобно было на что-нибудь рѣшиться. Какъ ни откладывали дня свадьбы, но наконецъ, видя упорную рѣшимость невѣсты идти на все, что ни будетъ впереди, должны были его назначить. Пришелъ этотъ день. Проводить даже въ церковь некому: никто изъ родныхъ не ѣдетъ, да и звать-то кто будетъ? Только двѣ старушки, дальнія ея родственницы, согласились поѣхать въ церковь. Надо было ѣхать вѣн-

чаться верстъ за пятнадцать отъ Москвы, въ родовое село Долгорукихъ, Горенки. Тамъ жилъ отецъ жениха, его братья и сестры, недружелюбно расположенные къ невѣстѣ, и безъ того разстроенные ожиданіемъ близкихъ бѣдъ. Стала прощаться графиня съ своими домашними и братьями, которые отпустили ее съ горькими слезами, оплакивая, какъ покойницу. Поѣхала она съ своими двумя старухами вѣнчаться и, расплаканная, вошла изъ-подъ вѣнца въ домъ свекра одна одинешенька съ мужемъ, потому что и старушки уѣхали домой. И хоть много было наприглашено гостей съ женихової стороны, но свадьба походила скорѣй на похороны, чѣмъ на веселый пиръ молодыхъ.

Черезъ три дня послѣ свадьбы, только-что молодые собрались ѣхать съ визитами, вдругъ пріѣзжаетъ чиновникъ и объявляетъ свекру Натальи Борисовны, что имъ указомъ государыни приказано тотчасъ же ѣхать въ свои дальнія деревни и жить тамъ впредь до новаго распоряженія. Ѣхали они недѣли съ три и пріѣхали, наконецъ, въ свои деревни, которыя лежали на полъ-пути отъ того мѣста, куда имъ велѣно было ѣхать. Тутъ рѣшились остановиться на отдыхъ и зажили довольно спокойно. Только разъ, уже на третью недѣлю стоянки, обѣдали всѣ вмѣстѣ въ господскомъ домѣ, окнами на большую дорогу. Кто-то взглянулъ въ окно — видитъ: по дорогѣ пыль столбомъ; несется прямо къ дому нѣсколько телѣгъ, а позади коляска. Всѣ бросились къ окнамъ — видятъ: въ телѣгахъ все солдаты, болѣе двадцати человѣкъ, а въ коляскѣ гвардейскій офицеръ. Безъ чувствъ упала княгиня со стула, а когда опомнилась, видитъ — комната полна солдатъ. Въ ужасѣ ухватилась она за мужа и не отпускала отъ себя, чтобы только его съ нею не разлучили. Никто толкомъ не говорилъ, что̀ случилось. Только по всему дому бѣготня и плачъ. Бѣгутъ крѣпостные люди, бросаются въ ноги господамъ, прощаются, вмѣстѣ куда-то идти хотятъ, а бабы голосятъ во всю мочь, будто въ могилу провожаютъ. Хотѣла-было бѣжать княгиня на свою квартиру, на дворъ къ мужику, куда ее помѣстили съ мужемъ за недостаткомъ мѣста въ домѣ, да часовые не пускаютъ, ко всѣмъ дверямъ приставлены. Вдругъ офицеръ велитъ подавать кареты: хотятъ куда-то везти; а куда — ссыльные и не знаютъ. Одно утѣшило княгиню: не разлучатъ съ мужемъ. Офицеръ сжалился надъ нею и позволилъ, передъ тѣмъ какъ садиться въ карету, сходить за вещами въ сарай, гдѣ была спальня молодыхъ, но не иначе, какъ подъ конвоемъ двухъ солдатъ. Кое-какъ собралась опять въ путь Наталья Борисовна,

и уже потомъ только, въ каретѣ, узнала отъ мужа, что велѣно ихъ везти въ Сибирь, въ маленькій городокъ Березовъ, за три слишкомъ тысячи верстъ отъ Москвы, и тамъ содержать подъ строгимъ карауломъ, никого къ нимъ не пускать, ни ихъ куда, кромѣ церкви; что запрещено даже писать къ нимъ и давать перья и чернила. Такъ, въ большомъ горѣ, доѣхали ссыльные до города Касимова, на притокѣ Волги Окѣ. Не было лица на княгинѣ; даже родные ея мужа боялись за ея жизнь. Помѣстили на квартирѣ всѣхъ вмѣстѣ, уже не врозь, какъ было прежде, а у дверей поставили часовыхъ со штыками. Такъ жили Долгорукіе съ недѣлю, пока готовили судно, на которомъ надобно было везти ихъ далѣе уже водою. До сихъ поръ Наталья Борисовна хоть не была одна съ мужемъ. При ней была ея воспитательница, на попеченіе которой княгиня была поручена еще умирающей матерью. Гувернантка не хотѣла оставить своей бывшей ученицы и воспитанницы, думая послѣдовать за ней въ дальнія деревни. Но теперь приходилось княгинѣ разстаться и съ ней. Иностранка, слабая здоровьемъ, непривычная къ русскимъ дорогамъ, разнемоглась и должна была, по настоянію и самой Натальи Борисовны, воротиться. Едва волоча ноги, гувернантка ходила нѣсколько разъ на судно, на которомъ отправляли ссыльныхъ, все прибирала въ каютѣ, сама обивала стѣны, чтобъ не прошла сырость, чтобъ не простудилась княгинюшка, справила навѣсъ на палубѣ, чтобъ не слишкомъ дулъ вѣтеръ — готовила для своей спроты все это, оплакивая участь страдалицы горькими слезами. А когда насталъ день отъѣзда, старушка, видя, что не осталось у княгинюшки денегъ на дорогу ни копѣйки, отдала ей свои послѣдніе шестьдесятъ рублей. Хотѣла-было княгиня взять съ собой хоть свою любимую крѣпостную дѣвушку, но мужнины сестры не оставили ей и этого утѣшенія, навязавъ для услугъ свою неумѣлую и злую прачку. Не помня себя, кое-какъ доплелась Наталья Борисовна до рѣки. Пришлось разставаться со второю матерью. Вошла княгиня въ каюту, увидѣла, какъ она прибрана, бросилась на шею своей воспитательницѣ, да такъ и замерла; ужъ не помнитъ, какъ и оттащили ее. Опомнилась, видитъ: лежитъ въ постели въ каютѣ, мужъ стоитъ надъ ней, даетъ нюхать спиртъ. Вскочила княгиня, бросилась на палубу, думая еще разъ увидѣть гувернантку. Видитъ, кругомъ все незнакомые берега, внизу бурлитъ рѣка, вверху хмурится небо... ужъ верстъ за двадцать проѣхали.

Доплыли до города Соликамска и пересѣли на подводы. Но не лучше былъ и сухой путь. Цѣлыхъ триста верстъ пришлось ѣхать

Уральскими горами, на границѣ Россіи съ Сибирью, верстъ пять въ гору, да съ горы столько же. А дорога—каменистая, узкая, едва можно пробираться на повозкахъ въ одну лошадь. По обѣимъ сторонамъ пропасти и обрывы, поросшіе лѣсомъ. Тягость пути увеличивалась еще и тѣмъ, что Долгорукимъ почти не давали отдыха, спѣша доставить ихъ скорѣе до мѣста. Это была не какая-нибудь нынѣшняя шоссейная большая дорога, а проселокъ, по которому, вмѣсто станцій, верстъ черезъ сорокъ были поставлены небольшіе домики для пристанища проѣзжихъ и корма лошадей, съ такими низенькими дверями, что входить туда нужно было нагнувшись. Въ этотъ переѣздъ натерпѣлись всѣ не мало горя и болѣзней. Но онъ еще ничто въ сравненіи съ дальнѣйшимъ переѣздомъ водою въ Березовъ. Ссыльнымъ дали самое дряпное, старое судно, опредѣленное на дрова. Даже офицеръ, провожавшій ихъ до сихъ поръ и теперь передававшій ихъ другому, плакалъ, разставаясь съ несчастными, и говорилъ: „Теперь-то натерпитесь вы всякаго горя“. И на этомъ-то суднѣ плыли они подъ конвоемъ изъ 24-хъ человѣкъ солдатъ еще цѣлый мѣсяцъ, пока не привезли ихъ къ городу. Березовъ — маленькій городокъ въ Тобольской губерніи за 4000 верстъ отъ Петербурга. Онъ стоитъ на островкѣ, образуемомъ рѣкою Сосною. Глухое и дикое это мѣсто. Жители ѣдятъ тамъ сырую рыбу, ѣздятъ на собакахъ и носятъ, вмѣсто одежды, оленьи шкуры. Какъ сдерутъ съ животнаго, такъ и надѣнутъ, продѣвая руки, вмѣсто рукавовъ, въ шкуру съ переднихъ ногъ. Избы тамъ въ то время строились изъ кедроваго дерева съ ледяными пластинками въ окнахъ, вмѣсто стеколъ. Страшныя тамъ бываютъ зимы, мѣсяцевъ по десяти, по восьми, и ничего не произрастаетъ тамъ: ни хлѣба, ни даже капусты. Вокругъ глухіе лѣса да болота, а хлѣбъ привозятъ за тысячу верстъ. Въ этомъ-то городѣ, который тогда былъ еще маленькимъ селеніемъ, лѣтъ за шесть до прибытія туда Долгорукихъ, построили острогъ для ссыльныхъ. Тутъ помѣстились Долгорукіе, въ большомъ, низенькомъ деревянномъ домѣ съ небольшимъ прудомъ, въ которомъ плавали гуси, утки и лебеди. Только эти птицы и развлекали несчастныхъ въ ихъ одиночествѣ. Ѣли ссыльные деревянными ложками, пили изъ оловянныхъ стакановъ. Кормили ихъ такимъ хлѣбомъ, что часто зубы не брали; держали въ такомъ холодѣ, что щи мерзли, пока ихъ ѣли; мало того, пищу приносили даже не каждый день, а на нѣсколько дней заразъ. Никуда, кромѣ церкви, не выпускали, да и то подъ карауломъ. Такъ потянулся день за днемъ, но твердо переносила все Наталья Борисовна и холодъ,

и грубое обращеніе солдатъ, и домашнія непріятности, еще болѣе увеличившіяся со скорой, по пріѣздѣ туда, смертью свекра и свекрови. Переносила она все твердо и безропотно для того, кого такъ много любила, стараясь ласками и заботами хоть сколько-нибудь утѣшить опустившаго голову мужа. Съ нимъ вмѣстѣ читала евангеліе, вмѣстѣ молилась и плакала.

Такъ прожила она въ острогѣ уже около восьми лѣтъ, но на восьмой годъ случилась новая бѣда. Одинъ мелкій чиновникъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Натальи Борисовны, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, подученнымъ бывшей государевой невѣстой, донесли, будто Иванъ Алексѣевичъ говорилъ дерзкія рѣчи противъ государыни. Князя Ивана заключили въ холодный амбаръ и разлучили съ женою, запретили съ нею видѣться. Но Наталья Борисовна выпросила позволеніе видѣть мужа по минутѣ въ сутки черезъ крошечное окно, и черезъ него цѣлые три мѣсяца передавала ему пищу, и то не сама, а черезъ часового. „Отняли отъ меня,—разсказываетъ она сама въ оставленныхъ ею запискахъ о своей жизни,—жизнь мою, моего добраго отца и мужа, съ кѣмъ хотѣла я вѣкъ окончить, кому въ тюрьмѣ была единственнымъ товарищемъ. Эта черная изба, въ которой я съ нимъ жила, казалась мнѣ веселѣе царскихъ палатъ, но Богъ отнялъ у меня и его“. Узналъ потомъ обманутый мальчикъ, что изъ-за него тяжко достается молодымъ Долгорукимъ, которыхъ онъ любилъ, и съ горя лишилъ себя жизни. Но и послѣдняго утѣшенія—хоть на минуту въ день видѣть мужа—вскорѣ лишилась Долгорукая. 4-го августа 1738 года князя Ивана увезли въ Новгородъ, даже не давъ проститься съ женой, и тамъ казнили... Она даже долго не знала, что его уже нѣтъ въ живыхъ, а когда сказали ей, что увезли, и она стала рыдать и молить, чтобъ ее отпустили за нимъ, ее втолкнули въ острогъ, заперли и приставили къ двери часового съ ружьемъ. Такъ осталась она въ Березовѣ одна-одинешенька съ двумя сыновьями, потому что родныхъ ея разослали по разнымъ мѣстамъ. И жила тамъ въ страшной нуждѣ еще годъ и десять мѣсяцевъ.

Наконецъ, въ 1740 году ее, истомленную, въ рубищѣ, привезли въ Москву съ обоими дѣтьми, изъ которыхъ старшему было уже восемь лѣтъ, но она не застала уже въ живыхъ императрицы Анны. Не признали въ убогой странницѣ жены казненнаго когда-то царскаго друга ни знакомые, ни родные. Вмѣсто прежней богатой красавицы, передъ ними была нищая, просящая хлѣба и крова для дѣтей и себя. Странствовала она приживалкою изъ дома въ домъ,

по чужимъ дворамъ да переднимъ много лѣтъ и, несмотря на всю тягость своего положенія, воспитала сама своихъ дѣтей, записала старшаго сына на службу, женила его, а сама осталась одна съ младшимъ. Выростила мать своихъ дѣтей, и больше для нея не осталось ничего, что бы привязывало ее къ жизни, въ которой она такъ много любила и столько вытерпѣла за свою любовь. Задумала она оставить міръ, уйти въ монастырь, чтобъ тамъ спокойно дожить свои послѣдніе годы. Въ 1758 году она прибыла въ Кіевъ. Выплакала она всѣ слезы; одинъ только образъ покойнаго мужа часто вставалъ передъ ней и будилъ старыя воспоминанія. Разъ, позднимъ вечеромъ, бродила она въ раздумьи по берегу Днѣпра, готовясь въ мысляхъ принять монашество. Въ рѣкѣ бушевали волны, вдали блистала зарница, тучи заволакивали мѣсяцъ. Горько, ужасно горько сдѣлалось на душѣ страдалицы... Вспомнился онъ... вспомнилось короткое время счастья... Но подавила она въ себѣ старыя воспоминанія и, быстро сорвавъ съ руки обручальное кольцо, бросила въ Днѣпръ послѣднюю дорогую вещь, оставшуюся у нея на память о быломъ. Вскорѣ потомъ она постриглась въ монахини и въ тихой монастырской жизни стала ожидать смерти. Но не шла смерть, и съ каждымъ годомъ все сильнѣе чувствовалось одиночество. Скончался и ея любимый старшій братъ; скончался почти на ея рукахъ и маленькій сынъ, слабый и помѣшанный. Недолго послѣ него жила страдалица, и въ 1771 году умерла тихо и безболѣзненно, написавъ за нѣсколько дней до своей кончины: „Оставшіеся послѣ моей смерти, пролейте слезы, вспомнивъ мою бѣдственную жизнь. Слава Богу, что она кончилась,—не льются больше мои слезы, не вздыхаетъ сердце“.

128. Наталія Долгорукова.

Настала осени пора:
Въ долинахъ вѣтры бушевали,
И волны мутнаго Днѣпра
Песчаный берегъ подрывали.
На брегъ сей дикій и крутой,
Невольно слезы проливая,
Бесѣдовать съ своей тоской
Пришла страдалица младая.
„Свершится завтра жребій мой:
Раздастся колоколъ церковный —
И я навѣкъ съ своей тоской
Сокроюсь въ келіи безмолвной.
О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ,
Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ унылом:
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ!
Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ
И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ.

Была гонима всюду я
Жезломъ судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!
Въ борьбѣ съ враждующей судьбой
Я отцвѣтала въ заточеньѣ;
Мнѣ другъ прекрасный и младой
Былъ данъ, какъ призракъ, на мгновенье.
Забыла я родной свой градъ,
Богатство, почести и знатность,
Чтобъ съ нимъ дѣлить въ Сибири хладъ
И испытать судьбы превратность.
Все съ твердостью перенесла,
И, бѣдствуя въ странѣ пустынной,
Для Долгорукаго спасла
Любовь души своей невинной.
Онъ жертвой мести лютой палъ:
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя межъ снѣжныхъ скалъ,
Ему въ душѣ не измѣнила.
Судьба отраду мнѣ дала
Въ моемъ изгнаніи уныломъ:
Я утѣшалась, я жила
Мечтой всегдашнею о миломъ!
Въ странѣ угрюмой и глухой
Она являлась мнѣ, какъ радость,
И въ душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.
Но завтра — завтра я должна
Навѣкъ забыть о страсти нѣжной!
Живая въ гробъ заключена,
Отъ жизни отрекусь мятежной.
Забуду все: людей и свѣтъ —
И, холодна къ любви и злобѣ,
Суровый выполню обѣтъ —
Мечтать до гроба лишь о гробѣ.

О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ,
Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ:
Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ!
Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ,
И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ".
Тутъ, снявъ кольцо съ своей руки,
Она его поцѣловала
И, бросивъ въ глубину рѣки,
Лицо закрыла и взрыдала:
„Сокройся въ шумной глубинѣ,
Ты, перстень, перстень обручальный,
И въ монастырской жизни мнѣ
Не оживляй любви печальной!"
Рѣка клубилась въ берегахъ;
Поблеклый листъ валился съ шумомъ;
Порывный вѣтеръ шумѣлъ въ поляхъ
И бушевалъ въ лѣсу угрюмомъ.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль рѣки
Дочь Шереметева младая.
Обрядъ свершился роковой...
Прости, послѣднее веселье!
Одна съ угрюмою тоской
Страдалица сокрылась въ кельѣ.
Тамъ дни въ постѣ влача,
Снѣдалась грустью безотрадной
И угасала, какъ свѣча,
Какъ предъ иконой огнь лампадный.

129. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ (1711—1765 г.).

На далекомъ сѣверѣ (Архангельской губерніи, близъ города Холмогоръ), въ небольшой деревнѣ Денисовкѣ жилъ въ царствованіе Петра В. зажиточный рыбакъ Василій Дорофеевъ. Женатъ онъ былъ на дьяконовой дочери, грамотной и неглупой женщинѣ. У нихъ-то и родился сынъ Михаилъ, прозванный впослѣдствіи Ломоносовымъ. Отецъ часто бралъ съ собой сына на рыбный промыселъ въ Бѣлое море и въ Ледовитый океанъ. Величественныя сѣверныя

сіянія, грозный океанъ со страшными бурями, съ движущимися ледяными горами,—все производило на мальчика сильное впечатлѣніе и сдѣлало его любознательнымъ; суровая сѣверная природа закалила его здоровье, а опасности дальнихъ плаваній съизмала пріучили къ смѣлости и борьбѣ съ препятствіями. Необыкновенно способный отъ природы, Ломоносовъ безъ труда выучился грамотѣ, и чтеніе церковныхъ книгъ стало его любимымъ занятіемъ. Крестьяне частенько заслушивались по праздникамъ и чтеніемъ, и толковыми объясненіями мальчика. Ломоносовъ досталъ откуда-то славянскую грамматику и ариѳметику и безъ учителя выучилъ ихъ наизусть; потомъ онъ называлъ эти книги вратами своей учености. Слыша отъ заѣзжихъ людей о школахъ въ Москвѣ, Ломоносову сильно захотѣлось учиться. Когда померла у него мать, а отецъ женился на другой женѣ, не взлюбившей пасынка, юноша, которому уже было 18 лѣтъ, задумалъ бѣжать въ Москву за наукой. Ломоносовъ добылъ себѣ паспортъ и три рубля денегъ, и въ декабрѣ (1730 г.) тихонько покинулъ родной домъ и съ рыбнымъ обозомъ кое-какъ добрался до столицы, терпя на пути великую нужду. Счастливый случай помогъ крестьянскому сыну поступить въ цифирную школу (при Сухаревой башнѣ). Но Ломоносову хотѣлось знать больше, и онъ является прямо къ архіерею и проситъ принять его въ Заиконоспасское училище. Это училище называлось „Славяно-греко-латинской академіей (основано при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ) и считалось, по тогдашнему, высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Архіерей, замѣтивъ способности юноши, принялъ его въ училище подъ видомъ поповскаго сына, такъ какъ крестьянскихъ дѣтей туда не принимали. Большую нужду приходилось выносить въ училищѣ Ломоносову цѣлыхъ пять лѣтъ, перебиваясь на три копѣйки мѣдью въ день, выдаваемыя отъ училища; не мало вытерпѣлъ онъ насмѣшекъ отъ товарищей школьниковъ, зло глумившихся надъ двадцатилѣтнимъ парнемъ, пришедшимъ учиться съ малолѣтками. И отецъ къ тому времени провѣдалъ, гдѣ находится бѣглецъ, и строго требовалъ, чтобы онъ бросилъ пустую затѣю и вернулся домой. Но и нужду, и насмѣшки, и укоры отца—все вынесъ Ломоносовъ ради дорогой его сердцу науки. Благодаря упорному труду и необыкновеннымъ природнымъ дарованіямъ, Ломоносовъ, на удивленіе всѣмъ, преодолѣлъ школьную греко-латинскую мудрость. Не довольствуясь уроками въ классѣ, онъ все свое свободное время проводилъ въ монастырской библіотекѣ, перечиталъ и усвоилъ всѣ книги, какія тамъ были. Но любознательному юношѣ всего этого было мало.

Услышалъ Ломоносовъ, что науки подробнѣе проходятъ въ Кіевской академіи, и сталъ проситься отпустить его туда. Его отпустили. Но и въ Кіевѣ немного нашелъ Ломоносовъ. Перечитавъ въ богатой библіотекѣ всѣ незнакомыя ему хорошія книги, Ломоносовъ черезъ годъ вернулся въ Москву, гдѣ его и хотѣли-было уже посвятить въ попы. Какъ-разъ въ это время пришелъ въ Заиконоспасское училище приказъ изъ Петербурга прислать способнѣйшихъ учениковъ въ гимназію при академіи наукъ, и Ломоносовъ былъ туда отправленъ. Преподаваніемъ въ этой гимназіи занимались почти одни только нѣмцы, такъ какъ учителей изъ русскихъ тогда еще не было, и чуть не все ученье шло на латинскомъ языкѣ. Но латинскій языкъ Ломоносовъ зналъ основательно и безъ особаго труда усвоилъ всѣ гимназическія науки.

Черезъ два года онъ, какъ лучшій студентъ, отправленъ былъ за границу въ университетъ для дальнѣйшаго изученія наукъ. А заграничные университеты славились знаменитыми профессорами. Заграничные профессора, съ перваго же знакомства съ Ломоносовымъ, увидали его необыкновенныя способности и дали ему всѣ средства основательно изучить науки. Цѣлыхъ пять лѣтъ прошло въ упорномъ трудѣ, и Ломоносовъ сталъ такимъ ученымъ, что имъ по справедливости могла бы гордиться самая просвѣщенная страна. Изъ русскихъ же людей такого глубокаго образованія не получалъ еще до Ломоносова никто, да и теперь, когда уже прошло столько лѣтъ послѣ его смерти, мало кто изъ нашихъ ученыхъ можетъ сравняться съ нимъ по своимъ способностямъ и разносторонним знаніямъ. Въ свободное время отъ научныхъ занятій Ломоносовъ интересовался также и нѣмецкой поэзіей. А въ то время въ модѣ было писать высокопарныя стихотворенія на торжественные случаи (оды). Такихъ стихотвореній у насъ въ Россіи еще не писали. И вотъ Ломоносовъ, узнавъ, что русскія войска взяли турецкую крѣпость Хотинъ, написалъ по этому случаю оду и послалъ ее въ Петербургъ. Оду напечатали и представили Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Такихъ звучныхъ стиховъ еще никто до этого не слыхалъ. Императрица осталась очень довольна; имя Ломоносова прогремѣло въ Петербургѣ, какъ имя перваго русскаго стихотворца. А между тѣмъ положеніе молодого ученаго за границей было очень печальное. Академія высылала ему самое скудное содержаніе, да и то съ большими задержками. И одному трудно было жить на эти средства, а тутъ еще Ломоносовъ женился на дочери бѣднаго портного; родилась дочь, и онъ совсѣмъ запутался въ долгахъ. Чтобы

не попасть въ тюрьму, Ломоносовъ бѣжалъ въ Голландію, думая оттуда пробраться въ Россію. На дорогѣ Ломоносовъ встрѣчается съ прусскими вербовщиками; они, прельстившись его большимъ ростомъ, подпоили его и насильно завербовали въ солдаты. Ломоносова помѣстили въ крѣпости подъ строгимъ присмотромъ и обучали воинскому дѣлу. Но изъ крѣпости ему удалось бѣжать. Скрываясь отъ всѣхъ, питаясь подаяніемъ, молодой ученый ни у кого не могъ найти себѣ помощи. Наконецъ, онъ написалъ обо всемъ откровенно въ Петербургъ, и изъ академіи ему прислали на проѣздъ денегъ. Только потомъ онъ могъ выписать къ себѣ жену съ дочерью, когда дѣла его нѣсколько поустроились.

Непривѣтливо встрѣтила академія своего питомца, которымъ должна была бы гордиться, и только черезъ полгода назначила Ломоносова помощникомъ профессора химіи, съ жалованьемъ въ 360 р. въ годъ. Но жалованье выдавали неаккуратно, да и то часто не деньгами, а книгами, которыя и приходилось продавать за гроши. Усердно принялся за дѣло Ломоносовъ и скоро пріобрѣлъ себѣ великую славу; онъ читалъ лекціи, производилъ разные опыты по химіи и физикѣ, управлялъ университетомъ и гимназіей, писалъ стихи, ученыя статьи, составлялъ книги,—словомъ, отдалъ всего себя на служеніе русскому просвѣщенію. И такъ трудился онъ во всю свою жизнь до самой смерти. Ломоносовъ горячо любилъ Россію и русскій народъ и только о томъ и думалъ, чтобы какъ можно больше распространить повсюду образованіе, приготовить людей, которые бы съумѣли воспользоваться неисчерпаемыми нашими природными богатствами. Поэтому-то Ломоносовъ много хлопоталъ и объ открытіи университетовъ, и объ устройствѣ всѣмъ доступныхъ среднихъ и низшихъ училищъ. Онъ хорошо зналъ бѣдность и невѣжество нашего народа и для устраненія этихъ золъ составлялъ проекты, какъ поднять народное благосостояніе, какъ уменьшить въ Россіи смертность. Но не всѣ тогда понимали пользу всеобщаго просвѣщенія; другіе не помогали Ломоносову—кто изъ зависти, кто изъ мелкихъ разсчетовъ. Трудна была доля этого перваго нашего ученаго. Академія почти сплошь состояла тогда изъ нѣмцевъ, которые не хотѣли признавать заслугъ русскаго человѣка; и русскіе ученые завидовали славѣ Ломоносова, и всѣ вмѣстѣ всячески старались ему во всемъ мѣшать и доставлять непріятности. Да и самъ Ломоносовъ, прямой и рѣзкій, знавшій себѣ цѣну, не могъ ужиться ни съ нѣмцами, ни съ русскими учеными, для которыхъ собственныя выгоды были дороже науки и пользы Россіи, и онъ постоянно

со всѣми ссорился. Желая утвердить науку въ Россіи и распространить повсюду просвѣщеніе, Ломоносовъ искалъ покровительства у сильныхъ и знатныхъ вельможъ (придворныхъ Елизаветы и Екатерины II). Вельможи ласкали его, обнадеживали обѣщаніями, но выполненіе его плановъ откладывали въ долгій ящикъ или дѣлали все только наполовину. Вельможи того времени и сами еще недостаточно были образованы, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить Ломоносова и настойчиво потрудиться на пользу просвѣщенія. Тяжело было Ломоносову бороться со всѣми препятствіями; горько ему было убѣждаться, что его горячія надежды на распространеніе просвѣщенія въ Россіи не могутъ осуществиться такъ скоро, какъ ему бы хотѣлось. И пошатнулось его желѣзное здоровье, надломились крѣпкія силы. За годъ до смерти Ломоносовъ удостоился высокой милости и чести: его посѣтила сама Императрица Екатерина II, разсматривала его работы, осыпала милостивыми словами. Не задолго до смерти Ломоносовъ говорилъ: „за общую пользу и особливо за утвержденіе науки въ отечествѣ и противъ отца возстать за грѣхъ не поставлю. Я посвятилъ себя къ тому, чтобы до гроба съ непріятелями россійскими бороться; стоялъ за нихъ смолоду, на старости не покину. Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ“. Въ память заслугъ Ломоносова ему поставленъ памятникъ въ Москвѣ, передъ зданіемъ основаннаго по его мысли университета.

130. Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ.

Дружно артель рыбаковъ боролася съ Сѣвернымъ моремъ —
Съ моремъ, гдѣ зимняго льда неслись еще горы. — Весна,
Щурясь, глядѣла чуть-чуть сквозь тальникъ и приниз истый ельникъ.
Кое-гдѣ мурава прошибалась на тундрахъ. — Олени
Лѣсомъ бѣгучимъ, рогастымъ, носились по тундрамъ...
Ловитъ артель рыбаковъ и моржей, и тюленей, дивуясь,
Какъ изъ ноздрей своихъ китъ мечетъ высоко, на воздухъ,
Башнями влагу. — Ночь — звѣзды, горящія жаромъ,
Въ морѣ холодномъ купаетъ. — При этомъ, на мшистомъ прилавкѣ,
Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ думаетъ думу:
„Какъ это, Господи Боже! откуда взялося все это?!
„Солнце идетъ и заходитъ! — Зори, въ свой часъ, зажигаютъ
„Алыя свѣчи свои! — Въ морѣ лавины трещатъ
„И громадами къ берегу бьются. Кто это все такъ устроилъ? —
„Какъ бы хотѣлъ я узнать о порядкахъ земныхъ и небесныхъ!
„Господи Боже! Не даромъ положилъ ты мнѣ въ дѣтское сердце
„Жажду вѣдать и знать, изслѣдить, изучить и разумно,
„Опытнымъ глазомъ глядѣть на людей и на чудный твой міръ
поднебесный!“

Мальчикъ въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ такъ у моря думалъ
И про себя говорилъ: „на Москвѣ есть колодезь, сказали,
„Чудной какой-то воды... выпьешь и вдругъ предъ тобою
„Вскроется все! — Небеса тайны повѣдаютъ; книги
„Прошлыхъ вѣковъ разогнутся; — а вѣдь все отъ воды той предивной,
„Воду же дѣдушка ту называлъ мнѣ наукой.
„Что-жъ? — была не была! — побѣгу я туда за обозомъ!..“
Былъ докладъ, на Москвѣ, отцу ректору въ Академіи:
„Мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ явился и проситъ,
„Проситъ и молится слезно принять его въ классы учащихся.
„Нищій не проситъ такъ хлѣба, какъ онъ проситъ науки и знанія“. —
Принятъ! — Вошелъ онъ туда — мальчикъ въ лаптяхъ и въ тулупѣ. —
Вышелъ оттуда ужъ мужъ въ сапогахъ и въ почетномъ кафтанѣ!
Гдѣ-то въ прусской землѣ рядовые сидѣли и пили;
Говоръ былъ о войнѣ съ Турками Русскихъ, при Аннѣ,
Вдругъ одинъ между нихъ выглянулъ истымъ пророкомъ:
Шапка слетѣла съ чела — и чело высоко поднялося,
Дивнымъ огнемъ загорѣлись голубыя лучистыя очи,
Русская кровь разыгралась и запѣлъ всероссійскій піита:
„Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
„Ведетъ на верхъ горы высокой,
„Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
„Въ долинѣ тишина глубокой!..
— „Что за чудныя вирши?! — Что за ода? — Откуда?
„Кто онъ? — Откудова взялъ и слова и размѣры?! —
„Все такъ ново!.. Музыка ухо ласкаетъ, и къ сердцу
„Теплой струею бѣжитъ! — Строки, какъ вѣщія струны,
„Дивно звучатъ и поютъ намъ высокія русскія пѣсни!“
Такъ при дворѣ говорили въ шитыхъ кафтанахъ вельможи. —
Было то на пиру, въ золоченомъ дворцѣ у Царицы,
Въ шитомъ кафтанѣ сидѣлъ мужъ именитый съ высокимъ,
Яснымъ челомъ, и о немъ говорили съ почтеньемъ другъ другу:
„Се нашъ піита, философъ, химикъ, художникъ, создатель
„Новаго стиля!“ — А этотъ химикъ, художникъ, піита
Тотъ же знакомый намъ мальчикъ въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ! —
Вотъ и сто лѣтъ ужъ прошло! И сто лѣтъ говорятъ: „Славой Россовъ
Неоспорно и есть и пребудетъ наша честь Михайлъ Ломоносовъ!“
— Посмотрите же всѣ, у кого бьется русское, честное сердце,
Кто теперь мальчикъ въ лаптяхъ и въ смиренномъ нагольномъ тулупѣ?
Кто-жъ какъ не наша Святая Русь! — Милліоны проснулись!
Говоръ сплошной повсюду: свѣта и свѣта всѣ просятъ!..
Просятъ воды животворной! Много даровъ и даяній вложилъ
Богъ-Господь въ затулупную пазуху Русскимъ;
Сердцу далъ много тепла; головѣ же и толкъ и смышленость!
Намъ предлежитъ все развить и, развивъ, такъ разумно устроить,
Чтобъ нашъ мальчикъ въ лаптяхъ и въ тулупѣ нагольномъ вдругъ,
прямо и бодро
Сталъ межъ народовъ, какъ днесь, славой и честію Россовъ,
Сталъ, устоялъ и стоитъ богатырь Михаилъ Ломоносовъ.

131. Личность Императрицы Екатерины II Великой (1762—1796 г.).

Екатерина II по происхожденію была нѣмецкая принцесса. Ей было всего пятнадцать лѣтъ, когда она прибыла изъ Германіи въ Петербургъ. Здѣсь прежде всего ей нужно было изучить русскій языкъ. Отъ природы она была одарена большими способностями, поэтому она очень скоро научилась прекрасно говорить и писать по-русски. Подъ руководствомъ учителей и сама она много читала о Россіи и горячо полюбила свою новую родину. Скоро она приняла православную вѣру и была обвѣнчана съ наслѣдникомъ русскаго престола Петромъ Ѳеодоровичемъ. Будучи великой княгиней, Екатерина снискала уже себѣ всеобщую любовь. Она вела жизнь очень скромную и чуждалась всякой роскоши; любила уединяться и въ уединеніи отдаваться самому пріятному для нея занятію — чтенію книгъ. Въ обращеніи со всѣми она проявляла постоянное вниманіе, была необыкновенно ласкова и проста. 28-го іюня 1762 г. императрица Екатерина II вступила на русскій престолъ, а 22-го сентября того же года торжественно короновалась въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ. Съ этого времени начались неусыпные труды ея на пользу Россіи. Труды эти продолжались безъ перерыва тридцать четыре года, до самаго дня смерти государыни, и сдѣлали ея имя однимъ изъ самыхъ дорогихъ именъ для каждаго русскаго и однимъ изъ славнѣйшихъ во всемъ мірѣ.

Императрица Екатерина любила окружать себя русскими людьми. Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Орловъ и очень многіе другіе вельможи были природные русскіе. Не всякій былъ такъ способенъ понимать людей, какъ понимала Екатерина. Лучшее тому доказательство — удачный выборъ: всѣ вельможи, которыхъ она избрала и которымъ поручала важныя дѣла, прекрасно оправдали этотъ выборъ. Они прославили и Россію, и государыню, и себя. Ихъ имена сдѣлались безсмертными. Императрица Екатерина отличалась замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Вотъ какъ проходилъ ея день. Вставала она рано: въ 6 часовъ утра. Вставши, тотчасъ принималась за работу: читала, писала, рѣшала важнѣйшія дѣла. Въ 8 часовъ къ ней являлись уже высшіе государственные сановники. Одни дѣлали доклады, которые государыня выслушивала внимательно, другіе получали распоряженія, съ ними императрица совѣщалась о государственныхъ дѣлахъ. При этомъ такъ много проявляла она знанія, опытности и заботливости, что вызывала всеобщее удивленіе.

Послѣ ранняго обѣда она садилась за какія-либо рукодѣлія и слушала чтеніе. Это былъ ея отдыхъ, послѣ котораго она снова принималась за дѣла государственныя. По вечерамъ собирались придворные и приглашенные. Время проходило въ удовольствіяхъ: бесѣдовали, читали, смотрѣли театральныя представленія. Все это оканчивалось рано, такъ какъ государыня любила рано ложиться спать, чтобы рано же встать и съ бодрыми силами приступить къ работѣ. Даже во время путешествій по Россіи она ни на минуту не прерывала занятій. На станціяхъ, на галерахъ, вездѣ она читала, писала, вела серьезныя бесѣды, отдавала разныя распоряженія. Въ такихъ трудахъ проходила вся жизнь государыни, посвященная Россіи. Какъ государыня православнаго народа, она всегда отличалась набожностью и преданностью православію и свято соблюдала всѣ православные обычаи. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, всегда удивлялись роскоши и пышности русскаго двора. Нигдѣ они не встрѣчали такого богатства и блеска, какъ въ Россіи. Празднества, въ которыхъ принимала участіе Императрица, были великолѣпны, но это не мѣшало самой Государынѣ отличаться большой простотой и неприхотливостью. Она была до крайности умѣренна въ пищѣ, питьѣ и нарядахъ. Обѣдъ у нея былъ всегда очень простой. Императрица Екатерина служитъ примѣромъ того, что постоянный трудъ, умѣренность въ пищѣ и правильный образъ жизни сохраняютъ здоровье и силы человѣка. Въ молодости она далеко не отличалась здоровьемъ, но дожила до старости и въ 65 лѣтъ чувствовала себя очень бодрой и способной нести самые тяжелые государственные труды. Сохранилось много разсказовъ объ Императрицѣ Екатеринѣ. Разсказы эти представляютъ ее великодушной, справедливой, снисходительной, милостивой. Она всегда готова была простить обиду, ей же нанесенную. Безъ гнѣва выслушивала все самое непріятное. Не стѣснялась признать ошибку, если дѣлала ее. Страждущіе и угнетенные вызывали съ ея стороны материнскую заботливость. Всѣ эти черты характера Императрицы Екатерины прекрасно воспѣлъ поэтъ Державинъ въ стихотвореніи „Фелица“. Императрицу Екатерину всегда всѣ хвалили за необыкновенную простоту въ обращеніи. Съ лицами высокопоставленными она была всегда такъ же любезна и добра, какъ и съ простыми слугами. Всегда и для всѣхъ у нея находилось ласковое слово. Эта ласковость обнаруживалась особенно даже въ ея обращеніи съ прислугой. Государыня какъ бы желала другимъ подать добрый примѣръ. Въ то время, вѣдь, грубое обращеніе господъ съ крестьянами было нерѣдко. „Доживу ли я

до того, чтобы меня не боялись!“ сказала она однажды, замѣтивъ, что провинившійся истопникъ боится съ нею встрѣтиться. Она любила и умѣла цѣнить заслуги людей. Вспомнимъ, какъ щедро награждала она всѣхъ полководцевъ, которые отличались въ войнахъ. „Я люблю хвалить и награждать громко“, говорила она, понимая, что ея похвалы и награды заставятъ людей еще усерднѣе трудиться. Она оказывала также покровительство всѣмъ писателямъ и ученымъ, и покровительство это также выражалось и въ похвалахъ, и въ наградахъ.

Такова была Императрица Екатерина II. При жизни она отказалась принять названія „Мудрой, Великой и Матери Отечества“, но названія эти дало ей потомство за ея дѣянія, которыя оправдали ея слова: „Любить мой народъ и быть матерью его—обязанность моя“. Постоянные усиленные труды и заботы не могли не ослабить здоровья Екатерины: 6 ноября 1796 года ея не стало. Послѣ 34-лѣтняго славнаго царствованія она скончалась на 68 году отъ рожденія, оплаканная всѣми, кому дорога слава Россіи, и возвеличенная потомствомъ. Въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ II, цѣня великія заслуги Императрицы Екатерины II, поставилъ ей великолѣпный памятникъ въ Петербургѣ. Были воздвигнуты памятники и во многихъ другихъ городахъ: въ Царскомъ Селѣ, Екатеринославѣ, Симферополѣ, Нахичевани на Дону и другихъ, а къ 6 ноября 1896 года, т.-е. къ столѣтію со дня смерти Императрицы, изготовленъ и роскошнѣйшій памятникъ ей въ Одессѣ. Въ то же время во многихъ городахъ, какъ въ Одессѣ, Херсонѣ и другихъ, мы встрѣчаемъ и отдѣльные памятники сподвижникамъ императрицы Екатерины II, названія ихъ именами улицъ, мѣстностей и т. п. Знаменитые сподвижники Екатерины, которые, по словамъ поэта, „на сушѣ лаврами и на волнахъ покрыты“, не могли быть забыты потомствомъ.

132. Внутреннія распоряженія Екатерины II.

Еще проживая въ Москвѣ послѣ коронаціи, Императрица Екатерина ознаменовала начало своего царствованія великимъ и добрымъ дѣломъ: она основала такъ называемый Воспитательный Домъ. Въ домѣ этомъ находили пріютъ и получали воспитаніе дѣти, оставленныя почему-либо родителями. До этого времени несчастные подкидыши или погибали отъ холода и голода, или выростали въ страшномъ невѣжествѣ и нищетѣ; не многіе изъ нихъ только по-

падали къ добрымъ людямъ. Теперь этихъ несчастныхъ брали въ Воспитательный Домъ и тамъ ихъ не только кормили, поили и одѣвали, но и учили. Изъ дома этого они выходили уже людьми, способными прожить безбѣдно, принося пользу себѣ и другимъ. Вскорѣ такой же домъ былъ открытъ и въ Петербургѣ. Народное здравіе привлекало къ себѣ постоянное вниманіе Екатерины II. Она постоянно заботилась о томъ, чтобы было побольше аптекъ и лѣкарей, и чтобы каждый заболѣвшій могъ получить помощь, какъ можно скорѣе. Особенно много бѣдъ приносили эпидемическія болѣзни, противъ которыхъ въ старину не знали никакихъ средствъ; отъ одной оспы вымирали сотни тысячъ дѣтей. Узнавъ, что за границей введено оспопрививаніе, Екатерина рѣшила завести его и въ Россіи и, чтобы подѣйствовать на подданныхъ собственнымъ примѣромъ, она привила осну себѣ и наслѣднику престола, великому князю Павлу Петровичу. Этотъ поступокъ государыни вызвалъ всеобщее удивленіе и съ этого времени оспопрививаніе дѣйствительно было принято въ Россіи; по указу Екатерины II оно сдѣлалось обязательнымъ.

Екатерина II вскорѣ же по вступленіи на престолъ увидѣла необходимость большой работы по собранію и пересмотру законовъ. Русскіе законы были собраны еще царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, но за сто лѣтъ много произошло перемѣнъ; государи и государыни постоянно издавали указы и повелѣнія, такъ что къ прежнимъ законамъ прибавлялись новые. Нужно было собрать все и пересмотрѣть: законы старые и уже отмѣненные исключить, указавъ, какими они замѣнены; многіе изъ прежнихъ законовъ измѣнить, много составить совершенно новыхъ. Предстоялъ громадный трудъ. Она рѣшилась собрать большую коммиссію для составленія новаго уложенія, т.-е. собранія законовъ, и потому издала 14 декабря 1766 года манифестъ, которымъ приглашала дворянъ, купцовъ, государственныхъ крестьянъ, казачьи войска, инородцевъ и пр. прислать въ Москву своихъ выборныхъ. Императрица совершенно правильно предполагала, что̀ выборные эти, явившись изъ разнообразныхъ мѣстъ, скажутъ, какія нужды испытываютъ тотъ или другой край Россіи; они укажутъ, какіе изъ существующихъ законовъ не подходятъ для той или другой мѣстности обширнаго государства, что̀ нужно отмѣнить, что́ измѣнить, а затѣмъ, дѣйствуя по указаніямъ самой государыни, выборные составятъ новое уложеніе. Эти указанія Императрицы изложены ею въ особомъ трудѣ, который называется: „Наказъ коммиссіи о составленіи

проекта новаго уложенія". Больше двухъ лѣтъ трудилась Императрица надъ составленіемъ этого „Наказа". Много она для этого читала, много бесѣдовала съ людьми, знающими дѣло, много присматривалась и наблюдала и зато она однимъ „Наказомъ" обезсмертила свое имя. Въ своемъ „Наказѣ" Императрица Екатерина подробно говоритъ о государствѣ, законахъ, наказаніяхъ, производствѣ суда, воспитаніи и проч. Здѣсь каждое слово ея показываетъ и знаніе дѣла, и любовь къ людямъ, потому-то и встрѣченъ былъ „Наказъ" вездѣ съ восторгомъ. Иностранцы хвалили русскую императрицу за ея умъ и познанія. Подданные съ благоговѣніемъ и радостью узнавали ея истинно человѣколюбивыя мысли, которыя должны были войти въ законы, а мыслей этихъ было много. Вотъ, напримѣръ, какъ говоритъ она о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Въ прежнее время наказанія отличались большой суровостью, Екатерина требуетъ смягченія ихъ. Она говоритъ: „любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ попошенія суть средства укротительныя и могущія удержать отъ множества преступленій". Въ прежнее время допускались наказанія, которыя могли даже изуродовать человѣческое тѣло. Екатерина потребовала отмѣны такихъ наказаній, говоря: „всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить". Чтобы заставить обвиняемаго сознаться въ проступкѣ, часто употребляли пытки. Екатерина считала пытку вредной и пожелала отмѣнить ее; она говорила, что слабый тѣломъ не вынесетъ пытки и приметъ на себя какую угодно вину, лишь бы избавиться отъ мученій; а крѣпкій и здоровый перенесетъ пытку, не сознается въ преступленіи и избѣгнетъ наказанія. Особенно большой осторожности требовала она отъ судей: „лучше оправдать десять виновныхъ, нежели обвинить одного невиннаго". Далѣе, по мнѣнію императрицы, „гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели ихъ наказывать". Предупреждать преступленія значитъ стараться, чтобы ихъ совсѣмъ не было. Но какъ достигнуть этого? Надо сдѣлать людей такими, чтобы они перестали дѣлать другъ другу зло, боялись закона и стремились къ добродѣтели. „Самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими, говоритъ государыня, есть приведеніе въ совершенство воспитанія". „Хотите предупредить преступленія?" — спрашиваетъ она: — „сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространялось между людьми". И государыня подробно говоритъ о воспитаніи.

Милліоны людей благословляли Императрицу Екатерину за

ея „Наказъ“. Когда съѣхавшимся депутатамъ прочли весь „Наказъ“, они были такъ тронуты попеченіемъ Государыни о благѣ подданныхъ, что рѣшили поднести ей титулы: „Великой, Премудрой и Матери Отечества“. Екатерина отвѣчала: „Великая ли я — рѣшитъ потомство; единъ Богъ премудръ; любить мой народъ и быть матерью его — обязанность моя“, и она не приняла ни одного изъ титуловъ. Коммиссія не закончила своихъ работъ; началась война съ Турціей, а въ числѣ членовъ коммиссіи было много военныхъ, которые должны были идти на войну. Но великое дѣло было сдѣлано: составленіе уложенія было начато, государыня узнала отъ съѣхавшихся членовъ всѣ нужды обширной страны, которою она правила, а вся Россія узнала, чего желаетъ государыня. Пользуясь трудами коммиссіи по составленію новаго уложенія, Екатерина издала много важныхъ законодательствъ, въ чемъ ей помогалъ князь Вяземскій. Чтобы легче было управлять такимъ обширнымъ государствомъ, какъ Россія, она увеличила число губерній. На губернію положено было не больше 400 тысячъ жителей. Нѣсколько губерній составляли намѣстничество. Губернаторы и намѣстники избирались изъ русскихъ вельможъ самой императрицей и дѣйствовали по ея указамъ. Губерніи дѣлились на уѣзды, при чемъ многія села были обращены въ уѣздные города. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ былъ учрежденъ судъ, а въ губернскомъ городѣ — высшій судъ. Обвиненный могъ принести жалобу и въ Сенатъ. Государственные доходы вѣдала Казенная Палата. Чтобы удобнѣе было вносить подати, въ каждомъ уѣздномъ городѣ было открыто казначейство. Дворянство было признано особымъ главнымъ сословіемъ. Также особыми сословіями были признаны купечество и мѣщанство. Дворяне должны были нести государственную службу и вести сельское хозяйство, а купцы и мѣщане — заниматься торговлею и промышленностью. Такъ какъ нѣкоторыя области Россіи раньше управлялись иначе, то Екатерина позаботилась о томъ, чтобы новыя законодательства были введены повсемѣстно.

Изъ „Наказа“ видно уже было, что просвѣщеніе Екатерина считала важнѣйшей заботой, вотъ почему она такъ много заботилась объ открытіи училищъ. Ея главнымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ Иванъ Ивановичъ Бецкій, съ которымъ она совѣщалась почти ежедневно. Чтобы всѣ подданные могли дать дѣтямъ образованіе, Екатерина велѣла открывать училища всюду: въ большихъ городахъ — главныя, въ уѣздныхъ — малыя. Какъ истинно образо-

ванная женщина, любившая просвѣщеніе и желавшая его распространенія, Екатерина покровительствовала всѣмъ писателямъ и ученымъ; она принимала ихъ у себя, вела съ ними продолжительныя бесѣды и чтенія, осыпала ихъ царскими милостями за труды. Знаменитый русскій ученый Ломоносовъ жилъ при Екатеринѣ II всего три года, но удостоился отъ нея большихъ милостей. Сама она вела постоянно большую переписку съ знаменитыми въ то время иностранными писателями и учеными и всѣхъ поражала своимъ умомъ и познаніями. Но больше всего заботилась она о томъ, чтобы оказывать покровительство русскимъ ученымъ и писателямъ. Въ ея царствованіе жили поэтъ Державинъ и писатель Фонъ-Визинъ. Первый изъ нихъ въ громкихъ и звучныхъ стихахъ прославлялъ царствованіе Екатерины Великой, а второй извѣстенъ комедіями, въ которыхъ изображалъ пороки общества. Сама государыня также любила писать и въ своихъ сочиненіяхъ она больше всего говоритъ о воспитаніи дѣтей. Царственныхъ внуковъ своихъ, великихъ князей Александра и Константина Павловичей Екатерина воспитывала также въ правилахъ добродѣтели; поручивъ воспитаніе ихъ князю Салтыкову, она написала ему подробныя правила, какъ воспитывать и учить великихъ князей. Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Екатерина изображаетъ пороки современнаго ей общества. Она осмѣиваетъ ханжество, суевѣріе, бездѣлье, жестокое обращеніе съ крестьянами, нежеланіе учиться. Дѣлала это императрица изъ желанія исправить людей, заставить ихъ избѣгать пороковъ, которые ею осмѣиваются. Значитъ, въ этихъ сочиненіяхъ императрица Екатерина тоже имѣла въ виду воспитаніе, только уже не дѣтей, а взрослыхъ, которые были дурно воспитаны съ дѣтства и нуждались въ исправленіи.

133. Чума и Пугачевскій бунтъ.

Двѣ большія бѣды произошли въ царствованіе Екатерины II. Въ 1770 году въ южныхъ предѣлахъ Русской земли появилась чума. Устроены были карантины. Но народъ тогда былъ темный, не понималъ, что карантины устроены для того, чтобы не пустить заразу дальше; не понималъ, что надо лѣчиться, беречься заразныхъ больныхъ, что вещи, на чемъ лежали да и гдѣ были больные, надо или сжигать, или уничтожить въ нихъ заразу разными средствами. Тогда же народъ не берегся, а старался только какъ-нибудь избѣжать карантина, не понимая своей же пользы. Стражи каран-

тинной было мало, такъ что нѣкоторые больные успѣли пробраться въ Москву, гдѣ вдругъ весною 1771 года и появилась страшная гостья—чума. Сейчасъ же были сдѣланы разныя распоряженія, но народъ по той же темнотѣ считалъ, что ничего дѣлать не нужно, что это лѣкаря выдумали разныя притѣсненія. Вмѣсто того, чтобы принимать разныя мѣры, больныхъ стали скрывать отъ полиціи и врачей; даже трупы умершихъ прятали по подваламъ или зарывали на дворахъ и въ садахъ. Разумѣется, послѣдствія сказались тотчасъ же: болѣзнь стала распространяться страшно быстро. Въ іюлѣ и августѣ умирало до тысячи человѣкъ каждый день. Присутственныя мѣста закрылись. Купцы перестали торговать, работы на фабрикахъ и заводахъ прекратились. Народъ шатался безъ дѣла: начиналось и пьянство, а съ нимъ и всякое безчинство. Въ пьяной толпѣ всегда находятся крикуны да смутьяны. Нашлись такіе и здѣсь. Ярость пьяныхъ бунтарей обрушилась прежде всего на московскаго архіепископа Амвросія за то, что онъ не позволялъ собираться народу у образа Богоматери у Варварскихъ воротъ, во избѣжаніе распространенія заразы. 16-го сентября пьяная толпа повалила въ Кремль къ архіерейскому дому. Крикъ и гамъ стояли невообразимые.—Спросимъ Амвросія, слышались голоса, зачѣмъ не велитъ молиться Богородицѣ?—Лѣкаря кидаютъ отраву въ колодцы, кричали другіе. Архіерея не было дома. Тогда бунтари принялись грабить и разбивать его покои. Въ Москвѣ въ ту пору войскъ не было, а у генерала Еропкина, присланнаго въ Москву, была команда всего въ 436 человѣкъ. Однако въ этотъ день Еропкинъ успѣлъ очистить Кремль отъ бунтарей. Но на другой день толпа разыскала архіепископа Амвросія въ Донскомъ монастырѣ и убила; потомъ разнесли два карантинныхъ дома и бросились снова въ Кремль доканчивать разрушеніе архіерейскаго дома. На уговоры генерала Еропкина толпа отвѣчала каменьями. Нечего дѣлать, пришлось пустить противъ бунтовщиковъ силу: Еропкинъ велѣлъ своей командѣ стрѣлять въ толпу, а потомъ броситься на нее съ палашами. Человѣкъ сто было переранено или убито да съ полторы сотни переловили; остальные разбѣжались, и мятежъ утихъ. По разборѣ оказалось, что бунтовали дворовые люди, купцы, фабричные и раскольники. Въ октябрѣ мѣсяцѣ чума уже значительно ослабѣла, а въ январѣ 1772 года и совсѣмъ прекратилась.

Одна бѣда прошла и надвинулась другая—заволновалось въ степяхъ казачество. Въ январѣ 1771 года взбунтовались яицкіе казаки. Ихъ усмирили, уничтожили казацкое устройство, но казаки,

повидимому, что-то замышляли. Среди нихъ стали ходить слухи, что бывшій императоръ Петръ III живъ и что онъ скоро явится, чтобы потребовать свой престолъ. И вотъ на Яикѣ (Уралѣ) появляется человѣкъ лѣтъ тридцати, крѣпкій, съ огненными и проницательными глазами. Былъ онъ донской казакъ, по имени Емельянъ Пугачевъ. Онъ уже два раза былъ въ бѣгахъ, сошелся съ раскольниками, побывалъ въ ихъ притонѣ Вяткѣ. Свѣдалъ Пугачевъ про волненія яицкихъ казаковъ, явился къ нимъ и сталъ подговаривать идти за Кубань въ подданство къ султану турецкому. Въ это же время, по совѣту двухъ купцовъ-раскольниковъ, Емельянъ вздумалъ назваться императоромъ Петромъ III. Однако его изловили, заковали въ кандалы и отправили въ Казань. Раскольники не поскупились на деньги и, подговоривъ караульнаго, дали возможность Пугачеву вмѣстѣ съ своимъ караульщикомъ бѣжать. Пробрался Емельянъ опять на Яикъ, собралъ шайку человѣкъ въ 300 и ужъ открыто объявилъ, что онъ Петръ III. Онъ направился къ Яицкому городку. Пошло тутъ то же, что и во время Разина. Выслали отрядъ казаковъ противъ Пугачева: большинство казаковъ измѣнили и перешли на сторону бунтовщиковъ, а тѣхъ, которые не хотѣли измѣнять, перевѣшали. Однако въ Яицкомъ городѣ былъ гарнизонъ, и Пугачевъ, еще не будучи увѣренъ въ себѣ, отошелъ отъ него къ Илецкому городку. Здѣшніе казаки всѣ были раскольники и встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью. Стали малыя крѣпостцы бунтоваться: вѣрныхъ слугъ царицы и родины вѣшали, убивали... Обрадовались сосѣди яицкихъ казаковъ — Киргизы смутѣ въ русскомъ царствѣ и приготовились грабить города и села. Самозванецъ распускалъ ложные слухи о вольности крестьянъ. Кромѣ казаковъ собирались къ нему Татары, Башкиры, Калмыки, бѣглые крестьяне и каторжники. А объявленія самозванца о волѣ дѣлали свое дѣло: все Поволжье заволновалось; крестьяне не слушались помѣщиковъ; дворяне разъѣзжались изъ помѣстій и поволжскихъ городовъ. Тѣмъ временемъ самозванецъ подступилъ къ Оренбургу, желая выморить его голодомъ. Однако, хотя казаки и величали Пугачева императоромъ, но много воли ему не давали и держали въ своихъ рукахъ. — „Улица моя тѣсна“, говаривалъ Емельянъ. И правда, чуть къ кому привяжется Пугачевъ, сдружится съ нимъ, такъ сейчасъ казаки такого человѣка и убивали. Въ это время войска наши были заняты въ Польшѣ и въ Турціи, такъ что внутри государства почти что не было войска. Собрали что могли и подъ начальствомъ генерала Кара послали противъ мятежниковъ. Однако Каръ испугался вол-

неній въ народѣ и сталъ отступать. Его сейчасъ же смѣнили и послали генерала Бибикова. Бибиковъ поѣхалъ и уже въ Москвѣ услышалъ дурныя вѣсти: жители были въ страхѣ, пьяные праздные люди шатались по городу, распуская слухи о скоромъ прибытіи Пугачева и о волѣ; холопы волновались; помѣщики, бѣжавшіе изъ своихъ поволжскихъ вотчинъ, много разсказывали о звѣрствахъ, совершаемыхъ самозванцемъ. Пріѣхавъ въ Казань, Бибиковъ нашелъ городъ еще въ большемъ страхѣ, еще въ большемъ волненіи, чѣмъ Москву. Какъ могъ, онъ успокоилъ дворянство и принялся за усмиреніе. Мятежъ въ это время охватилъ уже губерніи Казанскую, Нижегородскую и Астраханскую. Въ февралѣ 1774 года войска взяли бунтовавшую Самару. Вскорѣ князь Голицынъ нанесъ сильное пораженіе самому Пугачеву, такъ что онъ сталъ выбираться изъ-подъ Оренбурга. Голицынъ его настигъ и вновь разбилъ. Самозванецъ только съ четырьмя заводскими мужиками успѣлъ бѣжать и спрятался на Уральскихъ заводахъ. Генералъ Михельсонъ взялъ Уфу и возстановилъ спокойствіе въ бунтовавшихъ деревняхъ. Илецкій городокъ былъ осажденъ мятежниками. Вѣрный маленькій, но мужественный гарнизонъ геройски выдерживалъ осаду: 14 дней осажденные питались одною глиною. Услышавъ о приближеніи войскъ, мятежники сняли осаду и ушли. Казалось, наступило успокоеніе, но вдругъ Бибиковъ умеръ. Пугачевъ снова объявился и, несмотря на то, что 4 раза былъ разбитъ Михельсономъ, успѣлъ пробраться къ Казани. 12-го іюля онъ взялъ городъ и сжегъ. Крѣпость однако еще держалась и была спасена прибывшимъ Михельсономъ, въ пятый разъ поразившимъ Пугачева. Пугачевъ отступилъ и съ 500 приверженцами переправился на другой берегъ Волги; весь правый берегъ Волги возмутился и передался самозванцу. Воеводы бѣжали изъ городовъ, помѣщики изъ своихъ имѣній. Бунтовщики ловили и тѣхъ и другихъ и приводили къ Пугачеву, гдѣ ихъ ждала извѣстная страшная участь: ихъ мучили и въ концѣ концовъ лишали жизни. Вскорѣ онъ занялъ Пензу, измѣною захватилъ Саратовъ, а потомъ пошелъ къ Царицыну. Тѣмъ временемъ вмѣсто умершаго Бибикова главнокомандующимъ назначили графа Панина. Прислали даже Суворова принять начальство надъ отрядомъ Михельсона. Но еще до прибытія Суворова Пугачевъ, отбитый два раза отъ Царицына, пошелъ далѣе внизъ по Волгѣ, но въ 150 верстахъ отъ этого города былъ настигнутъ Михельсономъ и разбитъ. Послѣ этой неудачи, бросивъ на произволъ судьбы свою голытьбу, самозванецъ съ главными бунтарями ушелъ въ степи. Пріѣхалъ Су-

воровъ и бросился за Пугачевымъ. Скоро онъ такъ стѣснилъ самозванца, что ему и дѣться было некуда. Увидали бунтари-казаки, что ничего не подѣлаешь, и рѣшили заслужить себѣ прощеніе выдачею самозванца. Связали казаки Пугачева и привезли въ Яицкій городокъ; оттуда Пугачева отправили въ Москву, гдѣ онъ былъ казненъ. Мятежъ утихъ.

134. Войны Екатерины II Великой.

Главныя войны, веденныя Россіею при Екатеринѣ, были турецкія — первая и вторая. Поводъ къ войнѣ съ Турками подала Польша. Тамъ по смерти короля Августа III былъ избранъ въ короли Станиславъ Понятовскій. Онъ обѣщалъ императрицѣ уравнять права своихъ православныхъ подданныхъ (такъ называемыхъ диссидентовъ) съ правами Поляковъ-католиковъ, но сеймъ отказался исполнить требованіе русской императрицы относительно православныхъ. Екатерина твердо стояла на своемъ и, чтобы подкрѣпить свое требованіе, придвинула къ польскимъ границамъ часть войскъ. Поляки заволновались. Въ это дѣло вмѣшались и другія государства — Пруссія, Австрія и Франція. Пруссія, преслѣдуя свои выгоды, была на сторонѣ Россіи. Австрія же и Франція старались всевозможными обѣщаніями еще болѣе взволновать Поляковъ противъ Россіи. Не довольствуясь кознями своими въ Польшѣ, противники Россіи старались возбудить противъ насъ и Турцію и успѣли въ своемъ намѣреніи. Украинскіе казаки, въ схваткѣ съ польскимъ отрядомъ, вступили въ пограничное турецкое селеніе Балту. Турки, подстрекаемые нашими недругами, заявили, что это насиліе со стороны Русскихъ, и султанъ объявилъ Россіи войну (это было въ 1768 году). Такъ возгорѣлась первая турецкая война. Россія не ожидала войны и не была къ ней подготовлена, но, несмотря на это, Турки были побѣждены. Армія наша была раздѣлена на три части: одна, подъ начальствомъ князя Голицына, должна была дѣйствовать на Дунаѣ, другая назначалась въ Крымъ, а третья на Кавказъ (полуостровъ Крымъ и все сѣверное побережье Чернаго моря тогда еще не принадлежали Россіи, а были заселены крымскими Татарами, которые управлялись особымъ ханомъ и находились подъ покровительствомъ Турціи). Побѣды наши начались взятіемъ турецкой крѣпости Хотина княземъ Голицынымъ въ 1769 году. Затѣмъ въ слѣдующемъ году Румянцевъ, принявшій начальство надъ первою арміею, вмѣсто князя Голицына, взялъ нѣсколько ту-

рецкихъ крѣпостей и встрѣтился съ крымскими Татарами при рѣкѣ Ларгѣ, впадающей въ Прутъ. Румянцевъ разбилъ ихъ, взялъ обозы, знамена и 33 пушки. Въ это время великій визирь (первый турецкій министръ) съ 150-тысячной арміей переправился за Дунай съ цѣлью напасть на Румянцева. Кромѣ того крымскій ханъ, собравъ остатки своего разбитаго войска, сталъ въ тылу у Русскихъ. У Румянцева было не болѣе 17 тысячъ войска. Битва произошла у рѣчки Кагула, впадающей въ Дунай. Въ началѣ битвы часть нашего войска стала-было разстраиваться отъ натиска Турокъ; но тутъ среди ослабѣвшихъ солдатъ явился Румянцевъ съ саблей наголо и крикнулъ: „Стыдитесь, ребята! отцы ваши и матери смотрятъ на васъ, стой!“ Солдаты при видѣ своего вождя, кинувшагося въ битву, воодушевились, и многочисленное турецкое войско было разбито наголову. Послѣ этого Румянцевъ двинулъ войска свои за Дунай. Въ это же время русскій флотъ, подъ начальствомъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова, изъ Балтійскаго моря переплылъ въ Средиземное и напалъ на турецкій флотъ, собравшійся у береговъ Малой Азіи, въ Хіосскомъ заливѣ. Здѣсь 24 іюня 1770 г. произошла битва, въ которой Турки потерпѣли сильное пораженіе. Остатокъ турецкаго флота укрылся въ близъ лежащую Чесменскую гавань. Въ ночь на 25 іюня русскіе корабли обложили гавань и подожгли скучившіеся въ ней турецкіе корабли. Не прошло и шести часовъ, какъ отъ всего турецкаго флота осталось только три корабля, остальные же сгорѣли. Однимъ этимъ ударомъ былъ уничтоженъ почти весь турецкій флотъ. Въ 1771 году оба берега Дуная были заняты русскими войсками; съ другой стороны князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ вошелъ въ Крымъ, имѣя только 38.000 войска, разбилъ 75-тысячную армію Татаръ, взялъ ихъ городъ Перекопъ, поразилъ въ другой разъ 95-тысячную татарскую армію и въ двѣ недѣли занялъ весь Крымъ; крымскій ханъ былъ прогнанъ и на его мѣсто избранъ другой, который превозгласилъ себя независимымъ отъ Турціи и призналъ покровительство русской императрицы.

Между тѣмъ Поляки, надѣясь на то, что Россія занята войною съ Турціей, не исполняли требованія Екатерины относительно православныхъ, равно какъ и требованій прусскаго короля относительно лютеранскихъ подданныхъ Польши. Тогда прусскій король Фридрихъ II, съ цѣлью ослабить Польшу, предложилъ, чтобы Пруссія, Австрія и Россія, сосѣднія съ Польшею государства, заняли нѣсколько польскихъ областей. Предложеніе это было принято и

произошелъ такъ называемый первый раздѣлъ Польши. Россія заняла тогда Бѣлоруссію, искони русскую и издревле православную область. Это было въ 1773 году, а въ слѣдующемъ году кончилась и турецкая война миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи. Россія получила Азовъ, Керчь и Еникале—двѣ крѣпости при выходѣ изъ Азовскаго моря въ Черное, и еще третью крѣпость Кинбурнъ, лежавшую при устьѣ Днѣпра. Кромѣ того, по мирному договору было постановлено, чтобы Крымъ остался независимымъ отъ Турціи. Герои войны были достойно награждены и получили почетныя прозвища: Румянцевъ — „Задунайскаго“, потому что проложилъ дорогу русскому войску за Дунай, Долгоруковъ — „Крымскаго“, Орловъ — „Чесменскаго“ за свою знаменитую побѣду при Чесмѣ. Отнятыя у Турціи земли при низовьяхъ Днѣпра стали называться Новороссіею.

Спустя девять лѣтъ, въ 1783 году крымскій ханъ Шагинъ-Гирей отрекся отъ престола и передалъ всѣ свои владѣнія русской императрицѣ. Такимъ образомъ безъ пролитія крови полуостровъ Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи; уничтожилось хищническое гнѣздо, откуда въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ Татары нападали на Россію, жгли наши города и села и уводили множество плѣнныхъ. Даже сама Москва не разъ видѣла крымскихъ Татаръ подъ своими стѣнами и нѣсколько разъ горѣла отъ нихъ. Все время, пока существовало крымское царство, между нимъ и Россіей лежала широкая пустыня, потому что никто не смѣлъ селиться здѣсь, боясь хищныхъ Татаръ. Изъ Крыма Екатерина образовала Таврическую губернію и вмѣстѣ съ Новороссіею отдала ее въ управленіе князю Потемкину. Потемкинъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы улучшить состояніе ввѣренной ему новой области: строилъ новые города, заводилъ фабрики и заводы; въ самомъ Крыму старался развести шелководство и винодѣліе, для чего выписывалъ сюда изъ Франціи знающихъ это дѣло людей; призывалъ и поселенцевъ для заселенія степи, которая лежала между Россіей и Крымомъ. Въ Севастополѣ стали строить новый Черноморскій флотъ. Благодаря стараніямъ Потемкина, черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ пустынный край сталъ совсѣмъ неузнаваемъ: гдѣ прежде не видно было жилья человѣческаго, тамъ явились большіе богатые города; въ дикой степи, гдѣ прежде рыскали только звѣри, да разбойничьи шайки татарскихъ наѣздниковъ, стало процвѣтать земледѣліе, и степь оживилась. Потемкинъ за свои старанія по устройству Крыма получилъ названіе „Таврическаго“ [1]). Въ 1787 году

[1]) Древніе Греки называли Крымъ Тавридой.

императрица, желая осмотрѣть Новороссійскій край, предприняла путешествіе на югъ — въ Крымъ и пригласила съ собой бывшихъ тогда въ Петербургѣ иностранныхъ пословъ. Придворные, многочисленная блестящая свита, иностранные послы сопровождали императрицу. Путешествіе Екатерины въ Крымъ по своей пышности и великолѣпію было необычайное. Императрица выѣхала изъ Петербурга 2-го января; царскій поѣздъ составляли 14 большихъ каретъ и 125 саней. По дорогѣ вездѣ привѣтствовали императрицу радостные клики народа. Въ городахъ происходили торжественныя встрѣчи, устраивались роскошные праздники, на которыхъ присутствовали толпы народа въ праздничныхъ нарядахъ. На протяженіи всего пути отъ Петербурга до Кіева не только города и деревни, но и вся дорога освѣщалась по ночамъ кострами, разложенными по обѣимъ сторонамъ. Императрица была очень довольна восторгомъ, съ которымъ принималъ ее повсюду народъ. „Мое маленькое хозяйство идетъ изрядно“, улыбаясь, говорила она иностраннымъ посламъ. 29-го января императрица прибыла въ Кіевъ и прожила здѣсь до вскрытія Днѣпра. Кіевъ сдѣлался сборищемъ многихъ тысячъ гостей, русскихъ и иностранныхъ, которые щеголяли другъ передъ другомъ богатствомъ и роскошью. Въ апрѣлѣ императрица отбыла со всѣми своими спутниками изъ Кіева по Днѣпру на семи раззолоченныхъ галерахъ, въ сопровожденіи сорока другихъ судовъ. Въ Каневѣ встрѣтилъ ее Станиславъ, король польскій, а затѣмъ явился привѣтствовать императрицу Екатерину австрійскій императоръ Іосифъ, который сопровождалъ ее въ Херсонъ и Крымъ.

Вскорѣ Россіи пришлось снова вступить въ войну съ Турками. Турки хотя въ первое время и согласились на присоединеніе Крыма къ Россіи, но не могли быть довольны этимъ присоединеніемъ, особенно, когда со всѣхъ сторонъ толковали имъ, какъ опасно для Турціи усиленіе нашей родины и какъ необходимо положить ему предѣлъ. Разсчитывая захватить Россію врасплохъ, Турки объявили намъ войну, въ которой особенно отличился своими изумительными побѣдами Суворовъ. Въ 1788 году былъ взятъ Суворовымъ Очаковъ. Въ слѣдующемъ году онъ поразилъ сорокатысячную турецкую армію при Фокшанахъ, затѣмъ одержалъ блистательную побѣду надъ Турками при рѣкѣ Рымникѣ. Турокъ было болѣе 100.000 подъ предводительствомъ великаго визиря. Суворовъ, имѣя не болѣе 25 тысячъ войска, внезапно напалъ на непріятелей и разбилъ ихъ наголову. Обозъ, пушки, знамена и весь турецкій лагерь достались побѣдителю. Въ слѣдующемъ 1790 году онъ взялъ непрпступную

турецкую крѣпость Измаилъ. Въ это время Россія, неожиданно для себя, должна была вступить еще въ войну со Шведами. Король шведскій Густавъ III, пользуясь тѣмъ, что силы наши были отвлечены на югъ, хотѣлъ заставить Россію возвратить ему всѣ земли, завоеванныя у Швеціи Петромъ Великимъ. Такимъ образомъ мы одновременно должны были вести двѣ войны: одну на сѣверѣ, другую на югѣ. Для борьбы со Шведами былъ отряженъ флотъ и сухопутное войско. Произошло нѣсколько битвъ на сушѣ и на морѣ, изъ которыхъ одна была на Финскомъ заливѣ, недалеко отъ Петергофа. Императрица сама была въ то время въ Петергофѣ. Окна домовъ дрожали отъ пушечныхъ выстрѣловъ, но императрица была совершенно спокойна и, улыбаясь, говорила своимъ приближеннымъ: „должно признаться, что Петръ Великій построилъ Петербургъ слишкомъ близко къ шведскимъ границамъ, — отодвинуть Петербургъ нельзя, такъ надобно отодвинуть шведскую границу подалѣе“. Несмотря на всѣ свои старанія, Густавъ наконецъ убѣдился, что онъ не можетъ имѣть никакого успѣха въ войнѣ съ Россіей, и потому въ августѣ 1790 года заключилъ съ нами миръ, не пріобрѣтя ни одной пяди земли. Теперь оставалось кончить турецкую войну. Въ 1791 году наши войска дѣйствовали довольно удачно: было взято нѣсколько турецкихъ крѣпостей и разбито наголову 50-тысячное войско турецкое подъ предводительствомъ великаго визиря. Наконецъ Турки предложили миръ, который и былъ принятъ съ нашей стороны. Этотъ миръ былъ заключенъ въ Яссахъ. Крымъ былъ навсегда утвержденъ за Россіей; кромѣ того за нами былъ закрѣпленъ Очаковъ и весь сѣверный берегъ Чернаго моря. Такъ кончилась вторая турецкая война. Но не кончились вообще наши военныя дѣйствія, они продолжались въ Польшѣ.

Во время второй турецкой войны Поляки попрежнему продолжали распри между собой. Нѣкоторые изъ нихъ обратились къ Императрицѣ съ просьбою о помощи. Русскія войска прошли до самой Варшавы и заняли ее. Тогда приступлено было ко второму раздѣлу Польши. Россія получила по этому раздѣлу старыя русскія земли, въ прежніе вѣка захваченныя у насъ Поляками, именно—нынѣшнія наши губерніи Минскую, Волынскую и Подольскую. Послѣ второго раздѣла Поляки стали подготовлять повсемѣстное возстаніе. Въ 1794 году въ Варшавѣ въ великій четвергъ Поляки неожиданно напали на Русскихъ и перерѣзали болѣе 2.000 человѣкъ. Эта рѣзня послужила поводомъ ко всеобщему возстанію Польши. Екатерина послала туда войско подъ предводи-

тельствомъ Суворова. Послѣ нѣсколькихъ битвъ съ Поляками Суворовъ пошелъ къ Варшавѣ и взялъ предмѣстье ея—Прагу. Варшава затѣмъ сдалась безъ боя. Этимъ война и кончилась. Россія получила отъ Польши Литву и Курляндію. Такимъ образомъ всѣ русскія области, которыя въ XIV и XV столѣтіяхъ были отняты сначала Литвой, а затѣмъ Польшей, снова вошли въ составъ русскаго государства. Въ продолженіе своего 34-лѣтняго царствованія, слѣдуя неуклонно по той дорогѣ, которую проложилъ Великій Петръ, Екатерина сумѣла возвести Россію на такую степень славы и могущества, придать ей столько вѣса и вліянія среди другихъ европейскихъ государствъ, что Россія стала имѣть первенствующее значеніе.

135. Общество въ Екатерининскую эпоху.

Царствованіе Екатерины Великой было одно изъ самыхъ блестящихъ въ русской исторіи. Счастливыя войны, громкія побѣды, расширеніе границъ Русскаго государства, покореніе Крыма, возвращеніе юго-западныхъ областей, — все это покрыло ея имя громкою славою. Могущество Россіи достигло высшей степени. Имя императрицы пользовалось громкою извѣстностью и за границей. Но слава ея не была исключительно военною: ея заботы о просвѣщеніи, о правосудіи не меньше способствовали ея славѣ, чѣмъ блестящія побѣды. Этому могуществу и славѣ вполнѣ соотвѣтствовалъ и блескъ двора императрицы. Сама государыня въ своей частной жизни была очень скромна. Но во время пріемовъ, торжественныхъ собраній она появлялась во всемъ величіи своего сана, окруженная пышнымъ дворомъ; память объ этой пышности и блескѣ долго жила въ потомствѣ:

Вѣкъ при дворѣ — да при какомъ дворѣ!

вспоминали впослѣдствіи про екатерининскихъ вельможъ:

Тогда не то, что нынѣ, —
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!

Придворные, сановники, вельможи, въ высокихъ напудренныхъ парикахъ, въ роскошнѣйшихъ кафтанахъ, украшенные лентами, звѣздами, орденами, блистая золотомъ и драгоцѣнными камнями толпились кругомъ императрицы, стараясь заслужить милостивую улыбку. Но, склоняясь передъ величіемъ императрицы, всѣ эти вельможи были необычайно горды и важны по отношенію къ другимъ:

А въ тѣ поры всѣ важны, въ сорокъ пудъ!
Раскланяйся — тупеемъ не кивнутъ.

Жили они широко и роскошно, стараясь превзойти одинъ другого пышностью. Одинъ передъ другимъ задавали они богатѣйшіе пиры и балы, отличавшіеся иногда баснословною, сказочною роскошью. Особеннымъ блескомъ отличался праздникъ, данный Потемкинымъ по случаю взятія Измаила. Петербуржцы того времени, привыкшіе ко всякимъ диковинкамъ, и то долго говорили объ этомъ празднествѣ. Во время этого праздника, между прочимъ, былъ исполненъ торжественный гимнъ, сочиненный Державинымъ на заключеніе мира съ Турками въ селеніи Кучукъ-Кайнарджи въ 1774 году:

Громъ побѣды раздавайся!
Веселися, храбрый Россъ!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потресъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!
Воды быстрыя Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!
Ужъ не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой;
Гордость низится Селима,
И блѣднѣетъ онъ съ луной.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!
Стонъ Селима раздается
Днесь въ подсолнечной вездѣ;
Зависть и вражда мятется
И терзается въ себѣ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!
Мы ликуемъ славы звуки,
Что враги могли то зрѣть,
Что свои готовы руки
Въ край вселенной мы простерть.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!
Зри, премудрая Царица,
Зри, великая жена,
Что твой взглядъ, твоя десница —
Нашъ законъ, душа одна.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!
Зри на блещущи соборы,
Зри на сей прекрасный строй:
Всѣхъ сердца тобой и взоры
Оживляются одной.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать.

Многіе изъ вельможъ любили щеголять гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ. У Льва Александровича Нарышкина могъ безъ всякаго приглашенія обѣдать всякій представленный ему дворянинъ, заслуженный офицеръ, обратившій на себя вниманіе писатель, художникъ, музыкантъ. Ежедневно столъ накрывался человѣкъ на 50 и больше. Многихъ изъ своихъ гостей хозяинъ не могъ назвать даже по фамиліи. Выѣзжали такіе вельможи со двора не иначе, какъ въ раззолоченныхъ каретахъ, запряженныхъ цугомъ шестеркой лошадей, съ гайдуками на запяткахъ, съ скороходами впереди. Они любили держать при себѣ араповъ, карликовъ; первые служили въ качествѣ скороходовъ или лакеевъ, вторые исполняли роль шутовъ,

забавляя своихъ господъ въ минуты скуки. И въ столицѣ и въ своихъ помѣстьяхъ вельможи строили себѣ настоящіе дворцы, обставляли ихъ съ великолѣпіемъ и роскошью. Иные устраивали при этихъ дворцахъ театры, гдѣ играли свои крѣпостные актеры, музыканты и пѣвцы. Роскошная жизнь, которую вели екатерининскіе вельможи, требовала громадныхъ средствъ, и эти средства давали имъ обширныя помѣстья, которыми императрица щедро награждала за заслуги, и даровой трудъ крѣпостныхъ крестьянъ. Сначала императрица думала уничтожить крѣпостное право, но не встрѣтила въ обществѣ сочувствія. Не только у насъ, но и на Западѣ въ то время даже великіе мыслители не считали возможнымъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, говорили, что надо прежде просвѣтить крестьянина, развить его умъ образованіемъ, а потомъ уже давать ему свободу. Императрица должна была отказаться отъ своего намѣренія, и крѣпостное право не только не было уничтожено, но еще болѣе усилилось въ ея царствованіе. Крестьяне стали теперь полною собственностью помѣщиковъ. Они должны были работать на своихъ господъ и не имѣли права подавать на нихъ никакихъ жалобъ даже въ случаѣ жестокаго обращенія. За подачу жалобы крестьянъ наказывали кнутомъ и ссылали на каторгу. Такимъ образомъ помѣщики получили возможность распоряжаться своими крестьянами, какъ хотѣли. Жизнь крестьянина стала очень тяжелою. Цѣлые дни проводили они у иныхъ помѣщиковъ на „барщинѣ“, т.-е. на барской работѣ, только въ праздники или почью имѣя возможность заняться своимъ хозяйствомъ. Многіе изъ помѣщиковъ перестали даже видѣть въ крестьянинѣ своего ближняго, а смотрѣли на него, какъ на рабочее животное, обращались со своими крѣпостными крайне жестоко. Крестьянъ, какъ вещи или животныхъ, покупали и продавали. При этомъ часто отрывали дѣтей отъ родителей, разлучали мужа съ женой. Въ бракъ безъ разрѣшенія помѣщика вступить крестьянинъ не могъ, а помѣщики устраивали свадьбы по своему усмотрѣнію. Это разстраивало и семейную жизнь крестьянина. Такое отношеніе къ крестьянамъ являлось слѣдствіемъ печальнаго состоянія образованія и просвѣщенія.

До Петра Великаго и во время его царствованія у насъ мало было людей, которые сознавали бы необходимость знанія, науки. Одни толковали, что наука вредна, что она приводитъ къ безбожію, дѣлаетъ дѣтей непочтительными по отношенію къ родителямъ; другіе увѣряли, что наука ни на что ненужна, что и безъ нея всякій знаетъ, сколько копеекъ въ рублѣ, умѣетъ отличить золото отъ

серебра и мѣди, найти въ календарѣ часы восхода и захода солнца. На воспитаніе дѣтей въ это время не обращали почти никакого вниманія; дѣти были предоставлены самимъ себѣ, за ними даже не смотрѣли: „Насъ, дѣтей, было 18 человѣкъ“, говоритъ Простакова въ комедіи Фонвизина „Недоросль“, „да кромѣ меня съ братцемъ всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о святой недѣлѣ съ колокольни свалились, а достальныя сами не стояли“. Объ ученіи не было никакой и рѣчи: „Насъ ничему не учили“, говоритъ та же Простакова: „Бывало, добрые люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобы хоть братца отдать въ школу. Кстати ли, покойникъ-свѣтъ и руками и ногами, царство ему небесное! Бывало, позволитъ закричать: Прокляну ребенка, который что-нибудь перейметъ у басурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ“. Указъ Петра Великаго, требовавшій, чтобы къ пятнадцатилѣтнему возрасту каждый дворянинъ обязательно зналъ грамоту и ариѳметику подъ угрозою быть отданнымъ въ противномъ случаѣ въ солдаты безъ выслуги, заставилъ дворянъ заняться образованіемъ своихъ дѣтей. Посылать дѣтей въ немногочисленныя школы, учрежденныя правительствомъ, могли не всѣ; многимъ приходилось учить дѣтей дома, а между тѣмъ учителей не было; приходилось обращаться къ дьячкамъ, къ отставнымъ солдатамъ. Такъ, напримѣръ, Митрофанушку, сына Простаковой, училъ ариѳметикѣ бывшій гарнизонный солдатъ Цыфиркинъ, а чтенію Кутейкинъ, не кончившій курса семинаристъ, убоявшійся бездны премудрости, какъ онъ самъ говоритъ, и потому просившій отъ нея увольненія.

Лучшимъ средствомъ для того, чтобы ученики хорошенько усвоивали и запоминали пройденное, считалось тѣлесное наказаніе. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ современниковъ свое ученіе у понамаря: „Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поднесь, по той, можетъ быть, причинѣ, что часто меня сѣкли лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобы во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такого всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна, и все, что

выучилъ прежде наизусть при слушаніи урока, къ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція: меня, какъ непонятнаго, сѣчь. Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе". Начинали ученіе съ изученія азбуки; ученики въ голосъ твердили за учителемъ названія буквъ: азъ, буки, вѣди, глаголь, и т. д., пока не выучивали наизусть всю азбуку. Тогда принимались за ученіе складовъ. „Буки-азъ-ба; вѣди-азъ-ва", возглашалъ учитель и за нимъ въ одинъ голосъ повторяли то же ученики, пока не вытверживали страницу наизусть. Окончивъ склады, приступали къ чтенію часослова. Учитель произносилъ вслухъ фразу, ученики повторяли ее, пока не научались произносить безъ ошибки. Вотъ какъ, напримѣръ, Кутейкинъ учитъ читать Митрофанушку.

Кутейкинъ открываетъ часословъ, Митрофанъ береть указку.

Кутейкинъ. Начнемъ благословясь. За мною со вниманіемъ. „Азъ же есмь червь"...

Митрофанъ. Азъ же есмь червь...

Кутейкинъ. Червь, сирѣчь животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

Митрофанъ. Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ (учебнымъ голосомъ). А не человѣкъ.

Митрофанъ (такъ же). А не человѣкъ.

Кутейкинъ. Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ. Поношеніе человѣковъ.

При такихъ учителяхъ, при такихъ способахъ преподаванія нѣтъ ничего удивительнаго, что и результаты получались очень печальные. Митрофану уже 16 лѣтъ, онъ ужъ заявляетъ матери: „Не хочу учиться, хочу жениться", и учитъ еще часословъ и то со словъ учителя, не можетъ рѣшить простой задачи. „Изволилъ ты, на прикладъ", задаетъ ему задачу Цыфиркинъ, „итти по дорогѣ со мною. Ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое (Митрофанъ пишетъ: трое) на дорогѣ, на прикладъ же, 300 руб. (Митрофанъ пишетъ 300). Дошло до дѣлежа. Смекни-тко, по чему на брата". Митрофанъ начинаетъ почему-то умножать 300 на 1, и то задомъ напередъ: „единожды три — три", вычисляетъ онъ, „единожды нуль — нуль, единожды нуль — нуль". Цыфиркинъ задаетъ другую задачу: За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей. Теперь, правда, не за что, а кабы ты, баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять. Сколькожъ бы на годъ?" „Нуль да нуль нуль", начинаетъ складывать

Митрофанъ, „одинъ да одинъ!“ и задумывается. Объ задачи, вмѣсто Митрофанушки, рѣшаетъ его матушка по-своему: „Что, что? до дѣлежа?“ говоритъ она, когда Митрофанъ начинаетъ рѣшать первую задачу: „Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашелъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись. Всѣ себѣ возьми, Митрофанушка!“ „Не трудись по пустому, другъ мой! разрѣшаетъ она вторую задачу: „гроша не прибавлю: да и не за что. Наука не такая. Лишь тебѣ мученье, а все вижу пустота“.

Когда Митрофана спрашиваютъ, какая часть рѣчи „дверь“, онъ прежде всего спрашиваетъ: „котора дверь?“ и затѣмъ отвѣчаетъ, что указанная ему дверь „прилагательна“, потому что она приложена къ своему мѣсту; „вонъ въ чуланѣ“, говоритъ онъ, „шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна“. Когда его спрашиваютъ, далекъ ли онъ въ исторіи, то онъ отвѣчаетъ: „Какова исторія! Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство“, такъ какъ, оказывается, учитель съ нимъ не занимался исторіей, а любилъ больше самъ вмѣстѣ съ нимъ слушать тѣ „исторіи“, которыя разсказывала имъ скотница Хавронья. Что за наука географія, ни онъ, ни мать его и взять въ толкъ не могутъ. Когда имъ объясняютъ, что это описаніе земли, которое нужно, хотя бы для того, что, если случится ѣхать, то знаешь, куда ѣдешь, мать Митрофана заявляетъ, что это наука не дворянская, что для этого существуютъ извозчики, а дворянину достаточно лишь приказать и его свезутъ, куда нужно.

Не имѣя своихъ учителей, приходилось обращаться за границу и приглашать иностранцевъ. Нѣкоторые изъ такихъ пріѣзжихъ учителей были, дѣйствительно, люди знающіе и опытные педагоги, но въ большинствѣ случаевъ и здѣсь дѣло стояло не лучше, чѣмъ со своими доморощенными учителями. Положеніе иностранца-учителя въ домѣ помѣщика было гораздо лучше, чѣмъ положеніе русскихъ учителей. Цыфиркинъ получаетъ за обученіе Митрофана десять рублей въ годъ и ходитъ еще притомъ изъ города пѣшкомъ, а Вральманъ, учитель-нѣмецъ, живущій въ домѣ Простаковой, получаетъ 300 руб. въ годъ, пользуется хозяйскими лошадьми, ему полагается за обѣдомъ стаканъ вина, на ночь свѣча и человѣкъ для услугъ. Но многіе изъ этихъ иностранцевъ оказывались въ концѣ концовъ певчими, бывшими парикмахерами, ремесленниками, лакеями, а случалось—и преступниками. Тотъ же Вральманъ оказался въ концѣ концовъ бывшимъ кучеромъ. Былъ такой случай, что къ одному московскому дворянину нанялся въ учителя

чухонецъ, выдавъ себя за француза, и дѣтей его, вмѣсто французскаго языка, выучилъ чухонскому.

Не давая знаній, такіе воспитатели старались внушить своимъ питомцамъ преклоненіе передъ всѣмъ иностраннымъ, особенно передъ французскимъ, презрѣніе ко всему русскому, страсть къ франтовству. Въ обществѣ распространился типъ щеголя. Эти щеголи получили названіе петиметровъ. Петиметры доводили роскошь въ костюмахъ до чрезвычайности: бархатъ, кружева, драгоцѣнныя украшенія считались необходимыми принадлежностями. Въ общемъ употребленіи были бѣлила, румяна; волосы завивали, пудрили; носили парики. Женщины въ франтовствѣ не уступали мужчинамъ. На щегольство, случалось, проматывали цѣлыя состоянія. Жизнь этихъ щеголей и щеголихъ складывалась очень своеобразно: день обращался въ ночь и ночь въ день. Вставали не раньше часу, нѣсколько часовъ проводили за утреннимъ и вечернимъ туалетомъ, день и ночь посвящали удовольствію. Вотъ какъ описываетъ свой день одна щеголиха: „Поутру, едва успѣешь сдѣлать первый туалетъ, явятся учителя: танцовальный, рисовальный, гитарный, клавикордный; отъ нихъ тотчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей: тѣ разводятся, другіе мирятся; тамъ свадьба навертывается, другую свадьбу разстроили, — ну, словомъ, ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь, кто себѣ фальшивый зубъ вставитъ. И не увидишь, какъ время пройдетъ. Потомъ пустишься по модным лавкамъ. Тамъ встрѣтишься со всѣмъ, что есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ, на недѣлю будетъ что̀ разсказывать. Потомъ ѣдешь обѣдать и за столомъ съ подругами цѣнишь бабушекъ и тетушекъ; послѣ домой — и снова займешься туалетомъ, чтобы ѣхать куда-нибудь на балъ или въ собраніе. Танцуешь какъ полоумная и, когда случится въ первой парѣ, то забавляешься досадою дѣвушекъ, которымъ иначе не удается танцовать, какъ въ хвостѣ; словомъ: не умѣешь опомниться, какъ уже разсвѣтаетъ, и ты полумертвая ѣдешь домой“. Одинъ франтъ такъ описываетъ жизнь своей тетушки, которая, по его словамъ, уже тридцать лѣтъ учится наукѣ нравиться и считаться въ городѣ первою щеголихою: „Это женщина такая, которая дѣлаетъ честь своему полу и живетъ прямо щегольски: днемъ спитъ, ночное время проводитъ въ забавахъ; туалетъ ея занимаетъ 4 часа, обѣденный и вечерній 5: девять часовъ она провождаетъ во снѣ, а прочее время употребляетъ для своихъ веселостей“. Жизнь щеголей почти ничѣмъ не отличалась отъ жизни щеголихъ. „Поутру занятъ онъ зеркаломъ, потомъ нѣсколько часовъ

занимается столомъ, послѣ чего развозитъ вѣсти по городу, а остающееся время играетъ въ карты, ужинаетъ и ложится спать, чтобы на другой день, по обыкновенію своему, встать около полудня и препроводить въ такихъ же упражненіяхъ весь день. Воспитанные иностранцами, эти щеголи и щеголихи стараются на каждомъ шагу высказать свое презрѣніе ко всему русскому, восторгаются передъ всѣмъ иностраннымъ, говорятъ по-французски, или же въ русскую рѣчь вставляютъ на каждомъ шагу французскія слова, коверкаютъ и уродуютъ родной языкъ. Вотъ какъ изображаетъ императрица Екатерина рѣчь такихъ франтовъ: Belle demande! Гдѣ я пробылъ? A ma toilette, голубка, à ma toilette. Гдѣ можно индѣ такъ рано быть! Вчера послѣ ужина я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ me coucher въ шестомъ часу après minuit. Всталъ сегодня въ часъ, и теперь такая мигрена, и такъ въ носу грустно, что сказать не можно. Нѣтъ ли eau de luce понюхать?“

Надо однако сказать, что въ царствованіе Екатерины II число образованныхъ людей все увеличивалось, много было людей истинно просвѣщенныхъ, и сознаніе необходимости образованія все больше распространялось въ обществѣ. Этому много способствовали и заботы государыни о просвѣщеніи, основаніе учебныхъ заведеній не только въ столицахъ, но и въ губернскихъ и даже въ уѣздныхъ городахъ. Въ Москвѣ писателемъ Новиковымъ было основано, между прочимъ, общество, которое поставило своею цѣлью заботиться о просвѣщеніи народномъ, издавало книги для чтенія, руководило молодыми людьми въ ихъ занятіяхъ, давало имъ средства на путешествія за границу для окончанія образованія.

136. Менуэтъ.

Да-съ, видалъ я менуэтецъ —
О-го-го!.. Посланъ былъ
Въ Петербургъ я разъ—пакетецъ
Къ Государынѣ возилъ...
Ну—дворецъ—само собою
Ужъ Армидины сады!
И гирляндою цвѣтною
Колыхаются ряды.
Только спросишь: въ этой парѣ
Кто, скажите?— Назовутъ—
И стоишь ты, какъ въ угарѣ!
Вмѣсто музыки-то тутъ
Взрывы слышишь, бой трескучій,
Пушки залпами палятъ,
И отъ брандеровъ подъ тучи
Флоты цѣлые летятъ!
Спросишь, напримѣръ,—кто это?
„Графъ Орловъ-Чесменскій“—
Онъ?..
Ну-съ, а тамъ?—„Суворовъ“.—
Свѣта
Преставленье! Чисто сонъ!
А съ Самой—позвольте—кто же?
—„Князь Таврическій“—горитъ
Въ брилліантахъ весь и—Боже,
Что за поступь! Что за видъ!

Скажешь: духи бурь и грома,
Потрясающіе міръ,
Всѣ въ урочный часъ, здѣсь, дома
Собираются на пиръ.
И, вступая въ домъ къ царицѣ,
Волшебствомъ какимъ-то, тутъ
Вдругъ изящной вереницей
Кавалеровъ предстаютъ,
Передъ ней склоняютъ выи,
А Она лишь, какъ живой
Образъ—такъ сказать—Россіи,
И видна надъ всей толпой.

137. Суворовъ — великій русскій полководецъ.

Александръ Васильевичъ Суворовъ родился въ 1729 году. Отецъ его былъ заслуженный генералъ и крестникъ Петра Великаго. Уже съ раннихъ лѣтъ въ Суворовѣ обнаружилась наклонность къ военной службѣ; онъ особенно любилъ читать такія книги, въ которыхъ описывались походы и подвиги полководцевъ. Пятнадцати лѣтъ поступилъ Суворовъ въ полкъ и цѣлыхъ девять лѣтъ прослужилъ простымъ солдатомъ. Онъ жилъ съ солдатами въ казармахъ, ѣлъ солдатскую пищу, чистилъ себѣ платье и сапоги, стоялъ на часахъ во всякую погоду. Еще будучи солдатомъ, онъ обратилъ на себя вниманіе. Разъ стоялъ онъ на часахъ въ царскомъ саду. Императрица Елизавета Петровна, прогуливаясь въ саду, прошла мимо Суворова. Суворовъ такъ ловко отдалъ ей честь, что она остановилась и сдѣлала ему нѣсколько вопросовъ. Суворовъ отвѣчалъ очень бойко и быстро. Тогда императрица вынула изъ кармана серебряный рубль и сказала: „Вотъ тебѣ награда за твою усердную службу“. — „Ваше Величество! не возьму, отвѣчалъ почтительно Суворовъ: законъ запрещаетъ солдату, стоящему на часахъ, брать что-либо!“ — „Молодецъ, славный солдатъ!“ отвѣчала императрица и, положивъ рубль на землю, прибавила: „возьми, когда смѣнишься“. Суворовъ былъ внѣ себя отъ радости; онъ до конца жизни хранилъ этотъ подарокъ, какъ драгоцѣнность, и гордился имъ, какъ первою наградою за свою солдатскую службу.

Суворовъ участвовалъ во многихъ походахъ и войнахъ въ царствованіе Екатерины II и Павла I. Онъ всегда и вездѣ обнаруживалъ быструю сообразительность и необыкновенную удаль. Но полная слава его началась со второй турецкой войны, которую Русскіе вели въ союзѣ съ Австрійцами. Особенно блистательна была побѣда Суворова при рѣкѣ Рымникѣ. На Австрійцевъ напалъ самъ турецкій главнокомандующій съ большой арміею. Австрійскій принцъ, командовавшій войскомъ, пришелъ въ ужасъ и написалъ Суворову: „Спасите насъ!“ Суворовъ отвѣчалъ: „Иду!“ и съ невѣроятною быстротою явился на помощь. Принцъ тотчасъ послалъ его про-

сить къ себѣ, но посланному сказали: „Суворовъ Богу молится“. Черезъ нѣсколько времени принцъ снова шлетъ. Ему говорятъ: „Суворовъ ужинаетъ“. На третье приглашеніе былъ отвѣтъ: „Суворовъ спитъ“. А Суворовъ въ это время взобрался на высокое дерево и разсматривалъ расположеніе Турокъ. Только на утро пришелъ онъ къ принцу и сказалъ, что нужно немедленно напасть на Турокъ. Принцъ пришелъ въ ужасъ, такъ какъ у него и у Суворова было всего 25 тысячъ войска, а у Турокъ сто тысячъ, но все-таки долженъ былъ послушаться Суворова. Суворовъ, зная расположеніе войска Турокъ, тихо и незамѣтно подошелъ къ нимъ и напалъ на нихъ неожиданно. Русскіе сражались такъ храбро, что Турки не могли выдержать натиска и обратились въ бѣгство. За эту блистательную побѣду Суворовъ былъ пожалованъ въ графы и получилъ названіе Рымникскаго, такъ какъ битва произошла при рѣкѣ Рымникѣ. Взятіе крѣпости Измаила было еще замѣчательнѣе. Русскіе долго осаждали эту крѣпость, но не могли никакъ ее взять. Крѣпость, дѣйствительно, считалась неприступною. Тогда послали Суворова. Суворовъ сначала предложилъ Туркамъ сдаться. Ему отвѣчали: „Скорѣе небо упадетъ на землю и Дунай потечетъ вверхъ, нежели Измаилъ сдастся“. Тогда Суворовъ сталъ готовиться къ штурму. Онъ самъ училъ солдатъ, какъ переходить ровъ, какъ ставить лѣстницы, какъ лѣзть на стѣны. Наконецъ наступилъ день штурма. Въ пять часовъ утра русскія войска устремились на штурмъ. Подъ непріятельскимъ огнемъ солдаты переходили ровъ, лѣзли на стѣны; гдѣ не хватило лѣстницъ, солдаты втыкали въ стѣны штыки и подымались, подсаживая другъ друга. Къ восьми часамъ Русскіе уже овладѣли стѣнами крѣпости, а затѣмъ и городомъ. Суворовъ донесъ императрицѣ: „Гордый Измаилъ у ногъ Вашего Величества“. Послѣ турецкой войны Суворовъ велъ войну съ Поляками. Назначая Суворова главнокомандующимъ, Императрица Екатерина сказала: „Я посылаю въ Польшу двойную силу — армію и Суворова“. Война продолжалась недолго; Суворовъ скоро дошелъ до Варшавы, столицы Польши, и послѣ штурма взялъ ее. Императрицѣ Суворовъ донесъ: „Всемилостивѣйшая Государыня! Ура! Варшава наша!“ Императрица отвѣчала: „Ура! Фельдмаршалъ“. Такая награда очень обрадовала Суворова.

Суворову было уже около 70 лѣтъ; онъ проживалъ въ деревнѣ на покоѣ, какъ вдругъ ему пришлось опять взяться за оружіе и послужить во славу своей родины. Во Франціи явился знаменитый полководецъ Наполеонъ Бонапартъ. Онъ сталъ нападать на чужія

владѣнія и завоевывать ихъ. Тогда австрійскій императоръ просилъ помощи у русскаго императора Павла Петровича. На помощь Австрійцамъ былъ посланъ Суворовъ (1799 г.). Несмотря на свои годы, Суворовъ немедленно поскакалъ за русскимъ войскомъ, которое двигалось въ Италію, чтобы освободить эту страну отъ Французовъ. Весело шли русскіе солдаты на Французовъ, считая себя съ Суворовымъ непобѣдимыми. И дѣйствительно, Суворовъ въ скоромъ времени разбилъ Французовъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и навелъ на нихъ такой страхъ, что они стали сдавать одинъ городъ за другимъ. Въ четыре мѣсяца итальянскія земли были освобождены отъ Французовъ; у нихъ было взято до 80 тысячъ человѣкъ въ плѣнъ и отнято 25 крѣпостей. Императоръ Павелъ Петровичъ не зналъ, какъ наградить Суворова, и писалъ ему: „Вы поставили себя выше всѣхъ наградъ“. Къ прежнимъ титуламъ Суворова было прибавлено: „князь Италійскій“. Послѣ очищенія Италіи отъ Французовъ Суворову пришлось переходить черезъ высочайшія и непроходимыя горы Альпы. Переходъ этотъ былъ чрезвычайно труденъ; войскамъ приходилось карабкаться по отвѣснымъ скаламъ, идти по очень узкимъ тропинкамъ, перебираться черезъ водопады, терпѣть страшный холодъ и голодъ. При всемъ томъ Французы заняли всѣ проходы и Русскимъ приходилось пролагать путь оружіемъ. Особенно замѣчателенъ былъ переходъ черезъ такъ называемый Чортовъ мостъ, который въ видѣ арки былъ перекинутъ черезъ водопадъ на высотѣ 10 саженей. Въ самомъ началѣ похода солдаты, увидя громады горъ, покрытыя наверху снѣгомъ, смутились-было и возроптали. Суворовъ приказалъ имъ стать въ ряды и велѣлъ копать могилу. Потомъ явился и началъ говорить съ гнѣвомъ: „Вы безславите мои сѣдины. Я водилъ къ побѣдамъ отцовъ вашихъ, но вы не дѣти мои и я не отецъ вашъ. Положите меня въ могилу. Я не переживу моего стыда и вашего позора“. Онъ побѣжалъ къ могилѣ. — „Отецъ нашъ! закричали солдаты: веди насъ, куда хочешь! Умремъ съ тобою!“

Когда Суворовъ перешелъ черезъ Альпы и спустился въ Швейцарію, то оказалось, что австрійскихъ войскъ тамъ не было. Такимъ образомъ Суворовъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ непріятелями. Положеніе его было ужасное. Суворовъ созвалъ совѣтъ, на которомъ присутствовалъ участвовавшій въ этомъ походѣ великій князь Константинъ Павловичъ, сынъ императора Павла I. Суворовъ былъ очень разстроенъ. „Теперь мы среди горъ, говорилъ онъ, окружены непріятелемъ. Что предпринять намъ? Идти на-

задъ—постыдно: я еще никогда не отступалъ. Идти впередъ—невозможно: у непріятеля болѣе 60 тысячъ войска, у насъ нѣтъ и 20 тысячъ. Къ тому же мы безъ провіанта, безъ патроновъ, безъ пушекъ... Помощи намъ ждать не откуда. Мы на краю гибели!“ Скорбь Суворова тяжелымъ камнемъ ложилась и на сердце всѣхъ присутствовавшихъ. „Теперь, продолжалъ Суворовъ, остается одна надежда на Всемогущаго Бога, да на храбрость и самоотверженіе моихъ войскъ. Мы русскіе! Съ нами Богъ! Спасите честь Россіи и Государя! Спасите сына нашего Императора!“ Тутъ онъ палъ къ ногамъ великаго князя и обливался слезами. Великій князь въ смущеніи поднялъ стараго фельдмаршала, обнималъ его, цѣловалъ и отъ слезъ не могъ произнести ни одного слова. Всѣ присутствующіе были сильно взволнованы и молчали. Наконецъ одинъ изъ генераловъ сказалъ: „Отецъ нашъ, Александръ Васильевичъ! Мы знаемъ, что̀ намъ теперь предстоитъ, но развѣ ты не знаешь насъ, не знаешь ратниковъ, которые преданы тебѣ душою и безотчетно тебя любятъ. Клянемся тебѣ передъ Богомъ, мы или пробьемся сквозь ряды враговъ, или падемъ со славою!“ Всѣ вышли изъ совѣта съ мыслью или побѣдить, или умереть. Загорѣлись богатырскія сердца русскихъ воиновъ, и чудо-богатыри, какъ называлъ Суворовъ своихъ солдатъ, смѣло двинулись на враговъ. Какъ левъ, шелъ Суворовъ съ войскомъ среди Французовъ и отражалъ ихъ и справа и слѣва, и впереди и позади. Наконецъ Французы принуждены были оставить его въ покоѣ. Русскія войска вышли съ успѣхомъ изъ опасности. Императоръ Павелъ Петровичъ писалъ Суворову въ рескриптѣ: „Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, вамъ недоставало одного рода славы—преодолѣть и самую природу. Но вы и надъ нею нынѣ одержали верхъ“. Онъ наградилъ Суворова высшимъ чиномъ—генералиссимуса и при этомъ сказалъ: „Этого много для другихъ, а ему мало“. Вскорѣ послѣ возвращенія изъ этого похода Суворовъ захворалъ и скончался 5-го мая 1800 г. Прахъ Суворова покоится въ Александро-Невской лаврѣ. На могилѣ лежитъ простая каменная плита, на которой написано: „Здѣсь лежитъ Суворовъ“... Въ Петербургѣ Суворову поставленъ памятникъ.

138. Суворовъ.

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла;
Вихрь полуночный—летитъ богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль!

Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы—горы трещатъ;
Ляжетъ на воды—воды кипятъ;
Граду коснется—градъ упадетъ;
Башни рукою за облакъ кидаетъ;
Дрогнетъ природа, блѣднѣя предъ нимъ;
Слабыя трости щадятся лишь имъ.
Ты-ль, Геркулесъ нашъ, новый, полночный,
Бурѣ подобный, быстрый и мощный?
Твой ли, Суворовъ, се образъ побѣдъ?
Трупы враговъ, да лавры—твой слѣдъ!

139. Чудо-богатырь.

Ростъ не малъ, дородствомъ топокъ, неказистъ на видъ,
Но въ очахъ орла могучесть явственно горитъ.
Былъ чудакъ, не брезгалъ шуткой, пѣлъ и пѣтухомъ—
Для того, чтобъ правду-матку рѣзать прямикомъ.
Зналъ онъ силу русской мощи, зналъ, чѣмъ живъ народъ.
Для него сермяжный воинъ былъ дитя заботъ.
Ордена не скрыли сердца отъ его солдатъ:
Съ ними жилъ онъ, съ ними вмѣстѣ умирать былъ радъ.
Озиралъ орлинымъ окомъ онъ стезю побѣдъ.
Для него, съ его полками, пораженья нѣтъ.
Въ битвахъ съ Турками, гдѣ трупы заполняли рвы,—
Подъ Варшавой, гдѣ Поляки бились, какъ львы,
На равнинахъ итальянскихъ въ омутѣ враговъ,
Иль на высяхъ Санъ-Готарда въ облакахъ снѣговъ,
Иль въ родной своей деревнѣ, гдѣ читалъ псалтырь—
Былъ онъ тотъ же неизмѣнный чудо-богатырь.

140. Императоръ Александръ I Благословенный (1801—1825 г.).

Любимцемъ императрицы Екатерины Второй былъ ея старшій внукъ, сынъ наслѣдника престола, цесаревича Павла Петровича. Александръ, родившійся 12 декабря 1777 года. Императрица Екатерина особенно заботилась о воспитаніи любимаго внука, будущаго Русскаго Царя. Она сама даже писала книги для поученія и развитія своего питомца: нравоучительныя сказки и сборникъ правилъ, какъ долженъ поступать человѣкъ, чтобъ ни ему, ни другимъ не было худо. Этотъ сборникъ назывался „Бабушкиной азбукой“; заключавшіяся въ немъ правила были полны любви къ человѣчеству, полны добра и правды. Главнымъ воспитателемъ при Александрѣ Павловичѣ былъ князь Салтыковъ, человѣкъ умный, добрый, но не отличавшійся особеннымъ образованіемъ. Екатерина долго не могла

найти человѣка для руководства учебными занятіями внука. Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ молодой швейцарецъ Лагарпъ, о которомъ Государынѣ говорили много хорошаго. Она пожелала познакомиться съ нимъ и, найдя въ немъ всѣ качества хорошаго преподавателя и человѣка, поручила ему заниматься съ великимъ княземъ сначала только французскимъ языкомъ, а потомъ и другими науками. Такимъ образомъ Лагарпъ остался въ Россіи и хотя былъ назначенъ только помощникомъ Салтыкову, но, благодаря своимъ многостороннимъ познаніямъ, сдѣлался настоящимъ воспитателемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Появленіе около дѣтей наставника, обращавшагося съ ними просто, задушевно, оказало сильное вліяніе на Александра Павловича и расположило къ Лагарпу его впечатлительное, благородное сердце. Лагарпъ умѣлъ такъ хорошо говорить, что его заслушивались. Иногда въ увлеченіи бесѣды онъ забывалъ, что предъ нимъ не взрослый человѣкъ, а ребенокъ, и однакоже Александръ понималъ его сердцемъ. Въ 1793 году состоялось бракосочетаніе 15-лѣтняго великаго князя Александра Павловича съ принцессою Баденской, нареченною, при принятіи ею православной вѣры, Елисаветою Алексѣевной.

Между тѣмъ дни великой императрицы Екатерины были уже сочтены: въ 1796 году она скончалась скоропостижно отъ удара, и ей наслѣдовалъ сынъ ея, императоръ Павелъ Петровичъ (1796—1801 г.). Самымъ важнымъ изъ его внутреннихъ постановленій было „учрежденіе объ императорской фамиліи“, т.-е. опредѣленіе порядка престолонаслѣдія и отношеній между членами императорской фамиліи. По указу Петра Великаго царствующій государь назначалъ наслѣдника престола по своему выбору; но такъ какъ этотъ указъ былъ причиною тѣхъ дворцовыхъ переворотовъ, которыми ознаменовано въ нашей исторіи время со смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II, то императоръ Павелъ установилъ опредѣленный порядокъ престолонаслѣдія, въ силу котораго государю долженъ наслѣдовать на престолѣ его старшій сынъ. Во время краткаго его царствованія наслѣдникъ престола Александръ Павловичъ, еще юноша, принималъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ: присутствовалъ въ Сенатѣ, состоялъ военнымъ губернаторомъ города Петербурга, исправлялъ нѣкоторыя военныя должности и успѣлъ уже снискать къ себѣ любовь какъ въ народѣ и обществѣ, такъ и въ войскѣ Въ 1801 году не стало императора Павла, и на Всероссійскій престолъ вступилъ 24-лѣтній Александръ Первый. Воцареніе молодого, прекраснаго, благодушнаго

Александра было привѣтствовано общимъ восторгомъ: всѣ знали благородный характеръ Александра и его любовь къ человѣчеству. Вступивъ на престолъ, Александръ объявилъ манифестомъ, что въ управленіи государствомъ намѣренъ слѣдовать во всемъ примѣру великой бабки своей—Екатерины, и вскорѣ предпринялъ рядъ внутреннихъ преобразованій въ Россіи. Замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ того времени является Сперанскій, начавшій свое служебное поприще еще при императорѣ Павлѣ, а теперь выдвинувшійся своими замѣчательными способностями. Императоръ приступилъ къ преобразованію государственнаго управленія Россіи. Тогда учрежденъ былъ Государственный Совѣтъ, торжественно открытый самимъ Государемъ. Предсѣдательствующимъ на первый годъ былъ назначенъ, на случай отсутствія самого Государя, графъ Румянцевъ, а государственнымъ секретаремъ—Сперанскій. До тѣхъ поръ Россія, со временъ Петра Великаго, управлялась такъ называемыми коллегіями, которыхъ было по числу главнѣйшихъ отраслей управленія 12. Каждая изъ коллегій состояла изъ нѣсколькихъ членовъ. Теперь было установлено, чтобы управленіе каждою отдѣльною частью ввѣрить одному лицу—министру. Сперанскій долженъ былъ приступить и къ преобразованію учрежденнаго Петромъ Великимъ Сената, но тогда уже предвидѣлась война съ Наполеономъ, императоромъ Французовъ, и приготовленія къ ней заняли вниманіе всѣхъ, а потому Государь рѣшилъ отложить преобразованіе Сената до болѣе благопріятнаго времени. А между тѣмъ надъ головой Сперанскаго начинала собираться гроза. Своими преобразованіями онъ несомнѣнно принесъ большую пользу государству; но очень многіе были недовольны нововведеніями, завидовали высокому положенію Сперанскаго при государѣ и боялись, что онъ обнаружитъ ихъ неправды и злоупотребленія. Чиновники были недовольны новымъ, введеннымъ Сперанскимъ, правиломъ, что каждый чиновникъ, желающій получить высшее мѣсто, долженъ имѣть свидѣтельство объ окончаніи курса ученія или выдержать экзаменъ. Всѣ сословія сверхъ того были недовольны возвышеніемъ налоговъ. Наконецъ нашлись лица изъ высокопоставленныхъ, которыя постарались очернить Сперанскаго въ глазахъ Государя. Императоръ, несмотря на свои высокія качества, по мѣрѣ того, какъ онъ узналъ людей и темныя ихъ стороны, становился недовѣрчивымъ и подозрительнымъ. Близкіе къ нему люди обвиняли Сперанскаго въ тайныхъ замыслахъ, въ сношеніяхъ съ врагами Россіи, даже въ измѣнѣ отечеству. Пристрастіе Сперанскаго къ французскимъ порядкамъ наводило тѣнь на него.

Государь рѣшился удалить Сперанскаго изъ Петербурга, сначала въ Нижній-Новгородъ, а потомъ въ Пермь. Когда наконецъ невинность Сперанскаго была доказана, государь не сразу рѣшился возвратить его въ Петербургъ, а назначилъ губернаторомъ въ Пензу, а потомъ генералъ-губернаторомъ въ Сибирь. Наконецъ, уже въ 1824 году онъ былъ возвращенъ въ Петербургъ.

Сверхъ упомянутыхъ выше преобразованій, первая половина царствованія Александра I замѣчательна еще учрежденіемъ многихъ заведеній для народнаго и высшаго образованія: духовныхъ училищъ и духовныхъ академій, приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, гимназій и университетовъ. Были основаны университеты въ Петербургѣ, Харьковѣ и Казани, Демидовскій лицей въ Ярославлѣ и лицей князя Безбородко въ Нѣжинѣ, институтъ корпуса путей сообщенія, Царскосельскій лицей, педагогическій институтъ (для образованія учителей и профессоровъ), Ришельевскій лицей въ городѣ Одессѣ, артиллерійское училище и инженерная школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище). Сверхъ того, для пользы просвѣщенія въ 1814 году основана въ Петербургѣ Императорская Публичная Библіотека. Въ эту библіотеку каждый можетъ входить и пользоваться въ ней книгами. Однимъ изъ полезнѣйшихъ учрежденій при Александрѣ I было основанное по его мысли Человѣколюбивое Общество, къ которому причислены были Институтъ Слѣпыхъ и Домъ Трудолюбія; сверхъ того, при немъ же заведены многія больницы. Вообще вся дѣятельность Александра въ первую половину его царствованія была направлена ко благу подданныхъ и къ ихъ усовершенствованію посредствомъ образованія. Рѣдкія качества Александра I какъ бы предсказаны были поэтомъ Державинымъ въ его стихотвореніи „Ода на рожденіе порфироднаго отрока“. Поэтъ говоритъ, что къ новорожденному слетѣли съ неба геніи и принесли ему богатые дары: „Тотъ принесъ ему громъ въ руки для предбудущихъ побѣдъ, тотъ—художества, науки, украшающія свѣтъ; тотъ принесъ ему тѣлесну, тотъ—душевну красоту, прозорливость тотъ небесну, разумъ, духа высоту; но послѣдній, добродѣтель зарождаючи въ немъ, рекъ: Будь страстей своихъ владѣтель, будь на тронѣ — человѣкъ!“ Мы видѣли, сколько добра Александръ сдѣлалъ въ началѣ своего царствованія, но важныя событія какъ внутри Россіи, такъ и за границею безпрестанно отвлекали его отъ этихъ заботъ. Главной помѣхой для внутреннихъ преобразованій были войны его съ императоромъ французовъ — Наполеономъ. Эти войны

продолжались 10 лѣтъ, съ небольшими промежутками — отъ 1805 по 1815 годъ.

141. Отечественная война 1812 года.

Наполеонъ Бонапартъ, сынъ бѣднаго дворянина съ острова Корсики, съ дѣтскихъ лѣтъ обнаруживавшій склонность къ военнымъ занятіямъ, такъ прославился, что на 27-мъ году отъ роду былъ уже генераломъ и, воспользовавшись смутными обстоятельствами во Франціи, овладѣлъ верховною властью. Сначала онъ назывался первымъ консуломъ, а потомъ принялъ титулъ императора (1804 г.). Чтобы удержаться на престолѣ, достигнутомъ военными подвигами, Наполеонъ, какъ искусный полководецъ, долженъ былъ искать завоеваній, военной славы, блеска, побѣдъ, и, дѣйствительно, онъ безпрестанно воевалъ съ сосѣдями. Въ нѣсколько лѣтъ покоривъ почти всю Западную Европу, онъ свергалъ съ престола законныхъ государей, а на ихъ мѣста сажалъ своихъ братьевъ и родственниковъ. Послѣ рѣшительной побѣды надъ Австрійцами (при Аустерлицѣ въ Моравіи въ 1805 г.) и быстраго завоеванія всей Пруссіи Наполеонъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ въ Европѣ и во что бы-то ни стало задумалъ покорить Россію, единственную страну, не признававшую его власти. Въ 1811 году Наполеонъ сталъ собираться на Россію. Лѣтомъ 1812 года онъ придвинулъ къ русскимъ границамъ 600.000 войска, въ которомъ были, кромѣ Французовъ, Итальянцы, Голландцы, Австрійцы, Пруссаки, Нѣмцы всѣхъ остальныхъ германскихъ государствъ, Испанцы, Португальцы, Поляки. 12 іюня Наполеоновская армія перешла рѣку Нѣманъ, т.-е. переступила русскую границу.

Императоръ Александръ I, узнавъ о вторженіи непріятеля, такъ говорилъ въ приказѣ войскамъ: „Не нужно мнѣ напоминать вождямъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На начинающаго Богъ! Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ. Да встрѣтитъ непріятель въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Соединитесь всѣ: съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“. Такія слова Царя своего читала Россія въ манифестѣ о народномъ ополченіи. Русскіе люди откликнулись на этотъ призывъ; когда Государь пріі-

ѣхалъ въ Москву, одушевленіе было всеобщее, народъ кричалъ: „Веди насъ, куда хочешь, отецъ нашъ! Умремъ или побѣдимъ! Бери все!“ Въ короткое время составилось ополченіе до 300 тысячъ человѣкъ и собрано до 100 милліоновъ рублей. Наше войско, выставленное противъ Наполеона въ числѣ 250.000, раздѣлено было на двѣ арміи: первою командовалъ Барклай-де-Толли, второю — Багратіонъ. По плану Барклая, Русскіе начали отступать въ глубь страны, къ Москвѣ, избѣгая рѣшительной битвы съ гораздо сильнѣйшимъ непріятелемъ. На пути отступленія и жилища, и запасы опустошались самимъ народомъ. Передъ Смоленскомъ наши обѣ арміи соединились въ виду непріятеля; подъ стѣнами же этого города произошла первая битва Русскихъ съ войсками Наполеона (5 августа). Генералы Раевскій, Дохтуровъ, Коновницынъ, Невѣровскій отлично защищались и отбивали непріятеля. Городъ превращенъ былъ въ груду развалинъ. Подъ Смоленскомъ Наполеонъ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и заговорилъ о мирѣ. Отвѣта не было. Русскіе между тѣмъ продолжали отступленіе. Войска и народъ роптали на осторожность Барклая-де-Толли, оказывая ему явное недовѣріе и даже подозрѣвая въ измѣнѣ. Императоръ Александръ внялъ голосу народа и назначилъ главнокомандующимъ шестидесятилѣтняго русскаго генерала Михаила Иларіоновича Кутузова, отличившагося еще при взятіи Измаила и котораго любили и цѣнили Румянцевъ и Суворовъ. Предъ самымъ отправленіемъ въ армію, отслуживъ молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, престарѣлый вождь возложилъ на свою грудь Чудотворную Икону и сказалъ священнослужителямъ и собравшемуся народу: „молитесь обо мнѣ: меня посылаютъ на великое дѣло“. 17 августа прибылъ Кутузовъ къ войску. „Пріѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ!“ говорили солдаты. 26 августа 1812 г. произошло знаменитое сраженіе при селѣ Бородинѣ Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, въ 108 верстахъ отъ Москвы. Весь день наканунѣ Русскіе молча готовились къ битвѣ, какъ къ великому суду Божію; солдаты надѣли чистое бѣлье, многіе отказывались отъ водки: „не къ тому готовимся, не такой завтра день“... По рядамъ носили икону Смоленской Божіей Матери и служили молебны. На разсвѣтѣ 26 августа началась и только съ наступленіемъ ночи окончилась страшная, небывалая битва. Нѣсколько разъ войска бросались въ рукопашный бой; болѣе 100 тысячъ труповъ покрыли Бородинское поле: мы лишились половины арміи; въ числѣ многихъ генераловъ убитъ у насъ Багратіонъ. Потеря Французовъ была не меньше, и хотя Наполеонъ приписывалъ себѣ перевѣсъ, но побѣда на самомъ

дѣлѣ была ничья. „Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою: Французы въ немъ показали себя достойными побѣды, а Русскіе пріобрѣли право назваться непобѣдимыми!“ — такъ отзывался впослѣдствіи о битвѣ подъ Бородиномъ самъ Наполеонъ. При такомъ ужасномъ уронѣ въ арміи Кутузовъ не рѣшился возобновить сраженіе и отступилъ. Французы шли слѣдомъ за нимъ. Узнавъ о приближеніи непріятеля, жители стали покидать Москву. Скоро Москва опустѣла. 1 сентября войска наши расположились въ двухъ верстахъ отъ Москвы на Смоленской дорогѣ. Вечеромъ въ деревнѣ Филяхъ, въ избѣ, гдѣ остановился Кутузовъ, созванъ былъ военный совѣтъ для совѣщанія: отдать ли безъ боя Москву и войску перейти черезъ нее на Рязанскую дорогу, или дать сраженіе? Послѣ долгихъ споровъ Кутузовъ сказалъ: „Съ потерею Москвы еще не потеряна Россія, доколѣ сохранена будетъ армія“. Рѣшено было отступить. Кутузову не легко было рѣшиться на подобную жертву; очевидцы говорятъ, что онъ не спалъ послѣ совѣта всю ночь и нѣсколько разъ плакалъ. 2 сентября русскія войска начали переходить чрезъ Москву, а за ними слѣдомъ явились Французы.

Наполеонъ, увидавши Москву съ Поклонной горы, сказалъ: „Такъ вотъ онъ, этотъ славный городъ“. Подъѣхавъ къ заставѣ, Наполеонъ сошелъ съ коня и началъ ходить взадъ и впередъ, дожидаясь торжественной депутаціи отъ Москвы съ ключами города. Услыхавъ, что Москва оставлена, онъ не хотѣлъ вѣрить. Вмѣсто торжественной депутаціи изъ именитыхъ гражданъ, къ нему привели нѣсколько иностранцевъ, которые подтвердили извѣстіе, что жители оставили Москву. Въ этотъ же день въ Москвѣ начались пожары. Наполеонъ переночевалъ въ подгородной слободѣ, а на другой день (3 сентября) переѣхалъ по опустѣлымъ улицамъ Москвы въ Кремль, но по случаю пожаровъ не могъ оставаться здѣсь, съ трудомъ выбрался за городъ и помѣстился въ Петровскомъ дворцѣ. Три дня горѣла Москва; выгорѣла цѣлая треть домовъ. Большая часть уцѣлѣвшихъ зданій и церквей или были разрушены, или разграблены. Положеніе Французовъ въ Москвѣ было отчаянное, потому что скоро ощутился недостатокъ въ продовольствіи. На пустынныхъ улицахъ Москвы были разложены костры изъ дорогой мебели, подтапливались иконами, дорогими книгами и картинами; надъ кострами кипѣли котлы, въ которыхъ варилась конина; во многихъ мѣстахъ валялись головы сахару, мѣшки съ кофе, а хлѣба не было. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ,

съ ужасомъ ожидая приближенія зимы, предложилъ миръ, но отвѣта не было. Императоръ Александръ послѣ потери Москвы сказалъ своимъ: „я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь жить въ Сибири, чѣмъ заключить миръ, подписать стыдъ отечества и добрыхъ подданныхъ, пожертвованія которыхъ умѣю цѣнить“. Между тѣмъ Кутузовъ, спустя нѣсколько дней по выходѣ изъ Москвы, вдругъ оставилъ Рязанскую дорогу и, обманувъ преслѣдующаго непріятеля, перешелъ на старую Калужскую дорогу и расположился лагеремъ при Тарутинѣ, гдѣ могъ имѣть сообщеніе съ южными хлѣбородными губерніями. Воодушевленная твердою рѣшимостью своего Государя, вся Россія превратилась въ одинъ военный станъ: ополчались и старъ и младъ на защиту своей родины. Повсюду собирались мелкіе отряды: вставали крестьяне, вооруженные чѣмъ попало,—косами, вилами, цѣпами, и по частямъ истребляли Французовъ. Къ Москвѣ подошли также донскіе казаки въ числѣ 20.000 подъ предводительствомъ своего атамана Платова; своею удалью и смѣлостью они наводили великій страхъ на Французовъ. Началась народная война.

Время становилось суровѣе; близилась осень, а за нею зима. Французамъ было все хуже и хуже въ Москвѣ: они стрѣляли воронъ, ѣли кошекъ, лошадиную падаль, отчего развились въ непріятельской арміи разныя болѣзни. Русская армія съ каждымъ днемъ усиливалась, а непріятельская ослабѣвала. 3 октября Наполеонъ послалъ къ Кутузову съ мирными предложеніями; фельдмаршалъ донесъ Императору, который отвѣчалъ: „Въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ Меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество“. Наступила пора русскому войску дѣйствовать. Верстахъ въ десяти отъ русскаго Тарутинскаго лагеря стоялъ передовой отрядъ Французовъ, на который сдѣлано было нападеніе въ большихъ силахъ. Французы были опрокинуты и взято много пушекъ. Наполеонъ, узнавъ объ этомъ пораженіи, отдалъ приказъ выходить изъ Москвы. Самъ онъ выѣхалъ изъ Москвы 7 октября, приказавъ взорвать Кремль и зажечь всѣ общественныя зданія. Въ полночь на 11 октября раздались страшные взрывы въ Кремлѣ: разрушены были дворецъ, часть колокольни Ивана Великаго и нѣкоторыя мѣста кремлевскихъ стѣнъ, но соборы уцѣлѣли. Въ этотъ же день Французы ушли изъ Москвы. Когда къ Кутузову въ полночь пришла вѣсть о выходѣ Французовъ изъ Москвы, маститый вождь всталъ съ постели, упалъ на колѣни предъ иконой, зарыдалъ и дрожа-

щимъ голосомъ сказалъ: „Господи, Спаситель мой! внялъ Ты молитвѣ нашей... спасена Россія. Благодарю Тебя!“

Началось знаменитое отступленіе „великой арміи“, сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ битвъ. Наполеопъ хотѣлъ направить свою армію къ Калугѣ по новой, не разоренной дорогѣ; но войска наши встрѣтили его при Малоярославцѣ (Калужской губерніи) 12 октября и, послѣ жестокой битвы, заставили идти по прежнему, опустошенному пути на Смоленскъ, въ окрестностяхъ котораго нанесено Наполеону русскими войсками, которыя преслѣдовали его съ тыла и боковъ, нѣсколько пораженій: при Вязьмѣ, близъ Духовщины (22 октября) и подъ Краснымъ (5 ноября). Здѣсь взято въ плѣнъ болѣе 26 тысячъ и 126 пушекъ. За эти побѣды Кутузовъ получилъ титулъ Князя Смоленскаго. Съ ноября наступили морозы. Закутанные въ лохмотья, въ женскія платья, въ церковныя ризы, изнуренные отъ голода и дрожащіе отъ холода, Французы едва двигались, гибли тысячами, устилая дорогу своими трупами; крестьяне, даже бабы, забирали въ плѣнъ цѣлые отряды. Много погибло Французовъ при переправѣ чрезъ Березину, гдѣ, благодаря только ошибочному движенію генерала Чичагова, самъ Наполеонъ не былъ захваченъ въ плѣнъ. Послѣ Березинской переправы въ арміи Наполеона оставалось всего 10 тысячъ человѣкъ. Не доѣзжая Вильны, Наполеонъ покинулъ жалкіе остатки своей арміи и уѣхалъ въ Парижъ. Въ декабрѣ уже ни одного непріятельскаго солдата не осталось въ предѣлахъ Россіи. Въ день Рождества Христова 25-го декабря церковь праздновала и доселѣ празднуетъ особымъ торжественнымъ богослуженіемъ „избавленіе отечества отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ“. Россія и съ нею вся Европа благословила подвиги Русскаго Императора и увѣковѣчила за нимъ въ исторіи имя Александра Благословеннаго, который не себѣ, а Провидѣнію приписывалъ побѣду въ неслыханной борьбѣ. На медали, выбитой въ честь войны 1812-го года, по его повелѣнію, изображено съ одной стороны Всевидящее око, а съ другой начертано: „Не намъ, не намъ, а Имени Твоему“. Императоръ Александръ тогда же далъ обѣтъ въ воспоминаніе великой годины соорудить въ Москвѣ храмъ во имя Христа Спасителя: „Да простоитъ сей храмъ многіе вѣка и да курится въ немъ предъ святымъ престоломъ Божіимъ кадило благодарности до позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовью и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ“.

142. Переходъ черезъ Нѣманъ.

Вотъ Руси границы, вотъ Нѣманъ. Французы
Наводятъ понтоны; работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.
Чу! бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена;
Какъ громъ далеко раздается: „Vivat!“
За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?
Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
На бѣломъ конѣ проскакалъ Императоръ [1]) —
Съ подзорной трубою въ рукѣ.
Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ.
Коня на скаку осадилъ онъ и видитъ —
За Нѣманомъ туча встаетъ...
И думаетъ онъ: „Эта темная туча
Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!“
И мнится ему въ то же время, — сверкая
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ...
И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
„Сомнетъ знамена твои русскій народъ!“
„Впередъ!“ — говорятъ ему слава и геній —
„Впередъ, императоръ! Впередъ!“
И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ,
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки,
И стонутъ мосты отъ копытъ.

143. Ожиданіе Французовъ.

Не въ лузяхъ-то вода полая разливалася:
Тридцать три кораблика во походъ пошли,
Съ дорогими со припасами—свинцомъ-порохомъ.
Французскій король царю Бѣлому отсылается:
„Припасика-ка ты мнѣ квартиръ-квартиръ сорокъ-тысячъ,
„Самому мнѣ, королю, бѣлыя палатушки“.
На это нашъ православный царь призадумался,
Его царская персонушка перемѣнилася.
Передъ нимъ стоялъ генералушка—самъ Кутузовъ.
Ужъ онъ рѣчь-то говорилъ, генералушка,
Словно какъ въ трубу трубилъ:
„Не пужайся ты, нашъ батюшка, православный царь!
„А мы встрѣтимъ злодѣя середи пути,
„Середи пути, на своей земли,
„А мы столики поставимъ ему—пушки мѣдныя,

[1]) Наполеонъ I.

„А мы скатерти ему постелимъ—вольны пули,
„На закусочку поставимъ—каленыхъ картечъ;
„Угощать его будутъ—канонерушки,
„Провожать его будутъ все казачушки“.

144. Бородино.

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!—
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!
Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что-жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
Французы тутъ-какъ-тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою.
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!“
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта
Какъ ликовалъ Французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось —
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ,
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! Не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи —
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами —
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалой,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый

И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля—
Не отдали-бъ Москвы!

145. 1812-й годъ.

Чу! труба продребезжала!
Русь, тебѣ надменный зовъ!
Вспомяни-жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ.
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ восьми твоихъ морей!
Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, впередъ!
Громче бури истребленья,
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксовъ костеръ!
Гдѣ же вы, незваны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости!
Вамъ почетный былъ пріемъ!
Упилися, еле живы,
Вы въ московскихъ теремахъ,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ.
Вы отвѣдать русской славы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли!

146. Великая панихида.

(1812 г.).

Не отъ ливня, не отъ града,
И залиты, и побиты,
Полегли хлѣба на полѣ:
То подъ матушкой-Москвою,
По доламъ и по равнинамъ,
Много храбрыхъ ратей русскихъ
И французскихъ полчищъ много
Ко сырой землѣ приникло,
Переколотыхъ, побитыхъ
Палашами и штыками,
И дождемъ и пуль, и ядеръ...
Дѣти матери великой,
Милой родины защита.
Доброму царю радѣльцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили
За народъ свой и за землю,
Въ память вѣчную вамъ, братья,
Мы отпѣли панихиду,
И такую панихиду,
Что не видано на свѣтѣ
И не слыхано донынѣ!..
Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,
Свѣчъ у насъ недоставало,
Воску вдоволь не хватало;
И подъ небомъ, храмомъ Божьимъ,
Мы зажгли отъ всей Россіи
Лишь одну свѣчу большую—
Матушку-Москву родную,
Чтобы та свѣча горѣла
Вамъ за упокой душевный,
А врагамъ на посрамленье!..

147. Сказаніе о 1812 годѣ.

(Бѣгство Наполеона изъ Москвы).

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя мятели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, въ разбродъ взбираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты;
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея [1]), привыкшій
Къ торжествамъ лишь да
побѣдамъ...
Въ пошевняхъ на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами.
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...
Гдѣ-жъ вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. Надежды
И глубокіе разсчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..
И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
Видитъ, какъ въ пріемномъ залѣ—
Незадолго до похода—
Въ Тюльери [2]), стоитъ онъ гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ,
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, вспыливши, Императоръ—
„Князь, вы видите!“ —
воскликнулъ—
„Мнѣ никто во всей Европѣ
Не дерзаетъ поперечить:
Императоръ вашъ—на что же
Онъ надѣется—на что же?“
„Государь!“ —въ отвѣтъ
посланникъ—
„Взять въ разсчетъ вы позабыли,
Что за русскимъ государемъ
Русскій весь стоитъ народъ!“
Онъ тогда расхохотался,—
А теперь—теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...
Вспомнилъ онъ дворецъ
Петровскій.
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ!.. И днемъ, и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ... „Такъ вотъ что́
значитъ—
Весь народъ!..
И безнадежно
Въ даль онъ взоры устремляетъ:
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

---

[1]) Наполеонъ.
[2]) Во дворцѣ французскихъ королей въ Парижѣ.

148. Полководецъ [1]).

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится подъ стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ, другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главой лавровой. Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
За нимъ — военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье —
Но Доу далъ ему такое выраженье.
О, вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною [2]);

[1]) Въ этомъ стихотвореніи поэтъ Пушкинъ прославляетъ полководца Барклая де Толли, одного изъ героевъ отечественной войны.

[2]) Современники не сочувствовали тому плану войны съ Наполеономъ, который былъ принятъ Барклаемъ, и даже подозрѣвали Барклая въ измѣнѣ, принимая во вниманіе его нѣмецкое происхожденіе.

И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ, тебя лукаво порицалъ...
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиною.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавши впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
Вотще!
— О, люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколеньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

149. Къ тѣни полководца.

Передъ гробницею святой [1])
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ [2]).
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди спасай!“ Ты всталъ и спасъ...

150. Освобожденіе Европы изъ подъ ига Наполеона.

Послѣ изгнанія Наполеона изъ Россіи, императоръ Александръ I рѣшился продолжать войну, съ цѣлью освободить изъ подъ его ига всю Европу, и поэтому приказалъ Кутузову съ русскими войсками идти за русскую границу въ Пруссію. Пруссія заключила съ Россіею союзъ, и мы друзьями вступили въ Берлинъ. Въ Берлинѣ Русскихъ встрѣчали съ восторгомъ, восклицая: „Да здравствуетъ Александръ, нашъ избавитель!“ Союзныя Русскія и Прусскія войска погнались за Французами въ Саксонію и заняли столицу ея, Дрезденъ. Императоръ Александръ, отправившійся за границу къ русской арміи, съѣхался съ королемъ Прусскимъ въ

[1]) Гробница князя Кутузова Смоленскаго находится въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ.
[2]) Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ и др.

городѣ Бреславлѣ и вмѣстѣ съ нимъ письменно побуждалъ императора Австрійскаго присоединиться къ ихъ союзу противъ Наполеона, а затѣмъ поѣхалъ въ Дрезденъ. Саксонцы въ Дрезденѣ встрѣтили Александра съ живѣйшею радостью; въ честь его сооружены были тріумфальныя ворота съ надписями: „Александру избавителю“. „Боже, благослови оружіе его!“ „Кровь и сердца наши принадлежатъ Александру“. Подъ главнымъ начальствомъ Кутузова Русскіе постоянно побѣждали, вытѣсняя Французовъ изъ нѣмецкихъ городовъ. Но фельдмаршалъ внезапно заболѣлъ въ городѣ Бунцлау. Вмѣсто него главнокомандующимъ назначенъ былъ генералъ Барклай де-Толли, а прусскими войсками командовалъ генералъ Блюхеръ. Наполеонъ, набравъ новое войско, поспѣшилъ на встрѣчу союзникамъ. Первая встрѣча произошла, въ присутствіи императора Александра, при городѣ Люценѣ, гдѣ Французы потерпѣли большія потери. (Наканунѣ этого сраженія пришла горестная вѣсть о кончинѣ фельдмаршала князя Кутузова въ Бунцлау 16 апрѣля 1813 года. Тѣло его отвезли въ С.-Петербургъ, гдѣ оно предано землѣ подъ сводами Казанскаго собора, украшеннаго внутри знаменами, отнятыми знаменитымъ полководцемъ у Французовъ въ 1812 году). Теперь перевѣсъ силъ былъ на сторонѣ союзниковъ: у нихъ было до 500,000 человѣкъ, а у Наполеона 373,000. Несмотря на это, Наполеону еще разъ удалось 15 августа выиграть большое сраженіе подъ Дрезденомъ. Съ этихъ поръ Александръ I не только лично участвовалъ въ битвахъ, но и руководилъ ими. Отступая, наши войска остановились недалеко отъ Дрездена, подъ Кульмомъ, въ Саксоніи. и здѣсь произошла новая кровопролитная и рѣшительная битва 17 августа, въ которой Наполеонъ потерпѣлъ полное пораженіе. Ровно черезъ годъ. послѣ выхода Наполеона изъ Москвы, 7-го октября 1813 года, окончилась четырехдневная битва подъ Лейпцигомъ. Въ битвѣ участвовало до полумилліона войска съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь навсегда пало могущество Наполеона.

1 января 1814 года Александръ I перевелъ союзныя войска за рѣку Рейнъ, во Францію—и послѣ еще нѣсколькихъ сраженій путь къ Парижу былъ открытъ и ничто не могло замедлить слѣдованія къ нему союзныхъ армій. Александръ I хотѣлъ избѣжать кровопролитія и отправилъ своего адъютанта для переговоровъ о сдачѣ города, но его встрѣтили выстрѣлами. Тогда союзныя войска пошли на приступъ, какъ вдругъ французскіе маршалы послали къ Александру офицера съ просьбою о перемиріи, и наши войска

остановились. „Пришлось батюшкѣ Парижу поплатиться за матушку Москву!“ —говорили солдаты. Наконецъ условіе о сдачѣ Парижа было подписано. Въ это время Наполеонъ, спѣша къ Парижу на почтовыхъ, былъ уже отъ него въ 15 верстахъ, но узнавъ, что все кончено, уѣхалъ въ Фонтенебло, городъ въ 50 верстахъ отъ столицы. Александръ въѣхалъ въ Парижъ вмѣстѣ съ встрѣтившимъ его по дорогѣ королемъ Прусскимъ (19 марта). Ихъ сопровождала Русская гвардія. Толпы народа наполняли улицы Парижа, кровли и окна домовъ. Сначала казалось, что жители чего-то опасаются, ибо радостныя восклицанія не были еще общими. Парижане безпрерывно спрашивали: „Гдѣ Русскій Государь?“ „Вотъ онъ, вотъ онъ!“ указывали они другъ другу: „какъ онъ милостиво кланяется, съ какою ласкою онъ говоритъ съ народомъ!“ „Я вступаю въ Парижъ не врагомъ, а возвращаю вамъ миръ и торговлю“ —объяснялъ имъ Государь.—„Мы уже давно ожидали прибытія Вашего Величества“, сказалъ одинъ Французъ, на что Императоръ отвѣчалъ: „обвиняйте въ моей медленности храбрость вашихъ войскъ“. Французы воображали себѣ Русскихъ полудикими, въ странныхъ одеждахъ и едва вѣрили глазамъ, увидя красоту русскихъ мундировъ, блескъ оружія, веселую наружность войска, образованность и ласковое обращеніе офицеровъ. Похвалы Русскимъ загремѣли повсюду. Мгновенно разошлось отъ одного конца Парижа до другого восклицаніе: „да здравствуетъ Александръ! да здравствуютъ Русскіе!“ Многіе, тѣснясь около Александра, просили его остаться во Франціи. „Царствуйте надъ нами“, говорили они, „или дайте намъ монарха, который былъ бы на васъ похожъ“. Черезъ нѣсколько часовъ по занятіи Парижа обнародовано было подписанное Александромъ воззваніе къ народу, въ которомъ императоръ приглашалъ Французовъ избрать временное правительство и объявилъ, что ни онъ, ни союзники его не войдутъ болѣе въ переговоры съ Наполеономъ и членами его семейства. Французскій сенатъ издалъ опредѣленіе, которымъ Наполеонъ былъ лишенъ престола, и такимъ образомъ главная цѣль императора Александра была достигнута. Когда сенаторы представились Русскому монарху, онъ сказалъ имъ: „Человѣкъ, называвшійся моимъ союзникомъ, напалъ на мое государство несправедливымъ образомъ, а посему я веду войну съ нимъ а не съ Франціей. Я—другъ Французовъ. Въ доказательство—возвращаю всѣхъ французскихъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи“. Эти слова была обнародованы въ печатныхъ объявленіяхъ, прибитыхъ на стѣнахъ домовъ. Благодарности Парижанъ не было предѣловъ.

Наполеонъ стоялъ еще въ Фонтенебло съ 50-тысячною арміею. Однако, вслѣдствіе опредѣленія сената, маршалы и войска мало-помалу оставили его и онъ, видя безнадежность своего положенія, принужденъ былъ подписать отреченіе свое отъ престола и принялъ отъ союниковъ во владѣніе островъ Эльбу, на Средиземномъ морѣ, и нѣсколько милліоновъ годового дохода—для себя и своихъ родственниковъ. Торжественна была минута, когда въ день Свѣтлаго Воскресенія на Парижской площади, передъ Тюльерійскимъ дворцомъ, отправлено было среди русскаго воинства благодарственное молебствіе. „Не намъ, не намъ, а имени Твоему даждь славу“, произнесъ въ тотъ день Александръ I, и слова эти были выбиты впослѣдствіи на медали „За взятіе Парижа“. На Французскій престолъ, вмѣсто Наполеона, возведенъ былъ потомокъ прежнихъ законныхъ королей, бывшій въ изгнаніи, Людовикъ XVIII.

13 іюля Государь возвратился въ Петербургъ. Высшія правительственныя учрежденія опредѣлили поднести императору Александру титулъ „Благословенный“, но онъ отрекся; просили дозволенія воздвигнуть ему памятникъ. „Да соорудится мнѣ памятникъ въ сердцахъ вашихъ, да благословляетъ меня народъ мой, да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надъ мною и надъ нею благословеніе Божіе“,— былъ отвѣтъ Александра. Великія заботы о довершеніи своего царственнаго подвига скоро увлекли императора Александра изъ отечества. Сентября 13-го прибылъ онъ въ Вѣну, гдѣ устроенъ былъ съѣздъ (конгрессъ) всѣхъ монарховъ Европы, для востановленія нарушенныхъ Наполеономъ границъ государствъ и правъ государей. Марта 1-го 1815 года неожиданно явился Наполеонъ на южныхъ берегахъ Франціи и, повсюду радостно встрѣчаемый войскомъ, черезъ три недѣли былъ уже въ Парижѣ, откуда король Людовикъ XVIII долженъ былъ поспѣшно удалиться. Войска союзниковъ, едва возвратившіяся изъ Франціи, отовсюду были двинуты обратно. Въ сраженіи при Ватерлоо, близъ Брюсселя, Наполеонъ былъ совершенно разбитъ. Союзники вступили во Францію. Парижъ отложился отъ Наполеона, который вторично отрекся отъ престола и добровольно отдался въ руки Англичанъ. Тогда Александръ принужденъ былъ опять побывать въ Парижѣ, и прибытіе его туда успокоило умы и утишило волненія. Рѣшеніемъ союзныхъ Государей опредѣлена была участь Наполеона: положено было отправить его на островъ Св. Елены, принадлежащій Англіи, и тамъ подъ стражею Англичанъ Бонапартъ провелъ послѣднія шесть лѣтъ жизни, тамъ онъ и умеръ въ 1821 году. Пребываніе въ Парижѣ союзныхъ государей озна-

меновано было Священнымъ союзомъ императоровъ Россіи и Австріи и короля Прусскаго, заключеннымъ 14-го сентября 1815 г., коимъ въ основаніе европейской политики было положено чувство христіанской любви и мысль о взаимной помощи ко благу и счастію народовъ.

151. Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 1 января 1813 года.

Снѣгами погребенъ, угрюмый Нѣманъ спалъ.
Равнину льдистыхъ водъ и берегъ опустѣлый
И на брегу покинутыя села
Туманный мѣсяцъ озарялъ.
Все пусто... Кое-гдѣ на снѣгѣ трупъ чернѣетъ,
И брошенныхъ костровъ огонь дымясь тлѣетъ,
И, хладный какъ мертвецъ,
Одинъ среди дороги,
Сидитъ задумчивый бѣглецъ,
Недвижимъ, смутный взоръ вперивъ на мертвы ноги.
И всюду тишина... И се, въ пустой дали
Сгущенныхъ копій лѣсъ возникнулъ изъ земли!
Онъ движется. Гремятъ щиты, мечи и брони,
И грозно въ сумракѣ ночномъ
Чернѣютъ знамена и ратники, и кони:
Несутъ полки Славянъ погибель за врагомъ,
Достигли Нѣмана и копья водрузили.
Изъ снѣга возросли безчисленны шатры,
И на брегу зажженные костры
Все небо заревомъ багровымъ обложили.
И въ станѣ царь младой
Сидѣлъ между вождями,
И старецъ—вождь предъ нимъ, блестящій сѣдинами
И бранной въ старости красой...

152. Два великана [1]).

Въ шапкѣ золота литого
Старый Русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ!
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ:
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою—
Ахнулъ дерзкій, и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

[1]) Александръ I и Наполеонъ.

153. Наводненіе въ Петербургѣ (1824 г.).

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день! Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова...
Погода пуще свирѣпѣла,
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ
По поясъ въ воду погруженъ.
Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой,
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ! Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный царь [1]) еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
И молвилъ: „съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать“. Онъ сѣлъ
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонувшій народъ.

154. Императоръ Николай I (1825—1855 г.).

Императоръ Александръ не оставилъ по себѣ дѣтей; наслѣдникомъ престола считался старшій послѣ него братъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, находившійся съ войскомъ постоянно въ царствѣ Польскомъ въ Варшавѣ. Но онъ при жизни еще императора Александра отказался отъ престола, и потому на престолъ вступилъ третій братъ, великій князь Николай Павловичъ. Императоръ Николай началъ свое царствованіе на тридцатомъ году своей жизни, въ самомъ расцвѣтѣ силъ. Высокаго роста, стройный, широкоплечій, съ величественной осанкой, съ пронизывающимъ насквозь острымъ взглядомъ то ласковыхъ, то горящихъ гнѣвомъ глазъ, онъ царствен-

[1]) Александръ I.

нымъ своимъ величіемъ производилъ на каждаго человѣка такое неизгладимое впечатлѣніе, что невольно трепетъ овладѣвалъ разговаривавшими съ нимъ. Громкій, повелительный голосъ, властное мановеніе руки и умная, живая, доходившая до сердца, рѣчь подчиняли ему толпу. Строгій и безпощадный съ ослушниками своей воли, онъ былъ кротокъ, простъ и милостивъ со всѣми остальными. Предписывая народу законы, самъ первый подавалъ примѣръ, какъ должно ихъ уважать. Государь очень любилъ свое войско и много о немъ заботился, но въ то же время требовалъ безпрекословнаго исполненія долга и ни одного проступка противъ дисциплины не оставлялъ безъ наказанія. Производя частые смотры и парады, Николай I, обладавшій удивительнѣйшею памятью, зналъ, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы, всѣхъ офицеровъ гвардіи и флота по фамиліямъ, а въ Преображенскомъ полку такъ даже помнилъ прозвища каждаго солдата. Высокая и благородная душа Императора, всеобъемлющій умъ и рѣдкія способности дѣлали его выдающимся человѣкомъ того времени. Природа надѣлила своего избранника своими лучшими дарами, и счастье сопутствовало ему всюду. Счастливъ былъ Государь и въ своей семейной жизни: онъ былъ женатъ на прусской принцессѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и къ 1825 году уже имѣлъ первенца сына и трехъ дочерей.

День 1 января 1826 года Николай I ознаменовалъ большими милостями народу, облегчивъ участь преступниковъ и простивъ неисправнымъ крестьянамъ казенныя взысканія и недоимки за нѣсколько лѣтъ. Съ поздравленіями, по случаю восшествія на престолъ Императора Николая I и для присутствованія при похоронахъ Александра Благословеннаго, съѣхались въ Петербургъ иностранные послы; они были назначены своими государями изъ особъ самыхъ знатныхъ или знаменитыхъ, чтобы показать, какъ велико уваженіе къ памяти почившаго и къ его преемнику. Въ пятидесяти верстахъ отъ Петербурга, по московскому тракту, въ селеніи Тосно, встрѣтилъ Императоръ Николай тѣло своего брата, котораго почиталъ какъ отца, и повергся со слезами на землю передъ его гробомъ. Помолившись, Государь, удрученный горемъ, сѣлъ на коня, и при рыданіяхъ сподвижниковъ Александра Благословеннаго и безчисленнаго множества народа, медленно двинулся къ столицѣ, сопровождая всю дорогу драгоцѣнные останки. По прибытіи въ Петропавловскій соборъ гробъ поставили на катафалкѣ, и народу было разрѣшено въ продолженіе цѣлой недѣли, денно и нощно, приходить прощаться съ усопшимъ императоромъ. 13 марта, въ

присутствіи царской фамиліи, высшихъ чиновъ и иностранныхъ пословъ, былъ совершенъ печальный обрядъ погребенія незабвеннаго Александра I. Благоговѣя передъ памятью императора Александра I, Николай впослѣдствіи воздвигнулъ ему на площади Зимняго дворца великолѣпный памятникъ: высѣченную изъ гранитной скалы высочайшую въ мірѣ колонну.

Когда прошло первое время скорби, Государь рѣшилъ ѣхать въ Москву короноваться. Первопрестольная столица съ народомъ, стекшимся со всѣхъ концовъ Россіи, ликовала, встрѣчая торжественный въѣздъ въ нее своего царя. По обычаю, Государь короновался въ древнемъ Успенскомъ соборѣ. Императоръ возсѣдалъ на алмазномъ тронѣ царя Алексѣя Михайловича, а императрица на золотомъ тронѣ царя Михаила Ѳеодоровича. На празднованіе коронаціи пріѣхалъ изъ Варшавы цесаревичъ, великій князь Константинъ Павловичъ, пожелавшій лично поздравить Государя съ высокознаменательнымъ днемъ. Послѣ обряда коронованія Августѣйшая Мать обняла и поцѣловала своихъ сыновей, одного — возложившаго на себя корону предковъ, другого — уступившаго это право и явившагося теперь первымъ вѣрноподданнымъ своего брата. Изъ Успенскаго собора Государь отправился въ Архангельскій соборъ поклониться праху почившихъ царей; по дорогѣ онъ остановился на Кремлевскомъ Красномъ крыльцѣ. Цѣлое море головъ покрывало площадь Кремля; Государь оглядѣлъ эти живыя волны и три раза поклонился собравшемуся народу; крики восторга и привѣтствія потрясли воздухъ. Народъ увидѣлъ своего вѣнценоснаго монарха, и громогласное „ура!“, перекатываясь изъ конца въ конецъ по всему Кремлю, было подхвачено въ окрестныхъ улицахъ и слилось съ перезвономъ колоколовъ московскихъ церквей и гуломъ пушечной пальбы. Стонъ стоялъ въ воздухѣ... Забыть эту чудную минуту было нельзя... Даже иностранцы и тѣ были растроганы, видя и слыша подобныя проявленія народной любви къ своему Царю. По окончаніи обряда священнаго коронованія, былъ назначенъ обѣдъ въ Грановитой палатѣ, послѣ котораго вечеромъ въ Кремлѣ зажгли роскошную иллюминацію, освѣтившую разноцвѣтными, безчисленными огнями всѣ зданія дворцовъ, церквей и палатъ. Это было 22 августа. Празднованія, чередуясь одно за другимъ, продолжались въ теченіе всего сентября. Вельможи задавали пиры; купечество угощало войско; Царь приказалъ устроить гулянье для народа на Дѣвичьемъ полѣ и выставить даровое угощеніе мясомъ и виномъ для всѣхъ желающихъ; иностранцы не отставали

отъ насъ и гостепріимно растворили двери своихъ домовъ для разнообразныхъ увеселеній въ честь императорской четы; по вечерамъ жители Москвы устремлялись за городъ любоваться фейерверками... Милости, льготы и награды лились широкимъ потокомъ, знаменуя собою радость Императора, всегда, впрочемъ, отличавшагося щедростью и внимательностью къ народу и войску.

Въ 1830 году всѣ были озабочены появленіемъ въ предѣлахъ Россіи, въ Астрахани и на Волгѣ, новой страшно-губительной болѣзни, которая до того намъ не была извѣстна, — холеры. Широкимъ потокомъ разлилась она по всей Россіи и проникла въ половинѣ сентября въ Москву. Какъ только узналъ объ этомъ императоръ Николай, тотчасъ же онъ написалъ начальнику Москвы, князю Голицыну: „я самъ пріѣду дѣлить съ вами опасности и труды. Предадимся волѣ Божіей“. И, дѣйствительно, не боясь заразы, онъ прибылъ въ первопрестольную столицу и въ продолженіе восьми дней неустанно посѣщалъ городскія больницы и госпитали, ободряя больныхъ и утѣшая въ скорби московскихъ жителей. Не такъ спокойно было на слѣдующій годъ въ Петербургѣ: холера ворвалась туда, несмотря на карантины, и смертность съ каждымъ днемъ все возрастала. Вотъ разсказъ одного очевидца о холерномъ бунтѣ въ Петербургѣ: Петербургское народонаселеніе, испуганное распоряженіями, принятыми по необходимости для того, чтобы остановить развитіе холеры, а, можетъ быть, и настроенное нѣкоторыми злонамѣренными людьми и, во всякомъ случаѣ побуждаемое варварскимъ невѣжествомъ, произвело мятежъ въ Петербургѣ. Кричали объ отравѣ, обвиняли докторовъ, что они хотятъ воспользоваться Богъ знаетъ чѣмъ. Напослѣдокъ на одной изъ петербургскихъ площадей собралась толпа человѣкъ тысячъ въ 5 или 6. Кидаются въ одну больницу, находятъ тамъ несчастнаго доктора въ то время, какъ онъ подавалъ помощь умиравшему отъ холеры. Его убиваютъ. Больница опустошена; больныхъ разносятъ съ ихъ постелями по разнымъ домамъ, откуда они поступили въ больницу. Полиція ничего не можетъ сдѣлать противъ мятежа; но появляются строевыя войска, и сходбище разсѣяно. Весь Петербургъ въ тревогѣ: безпокойство овладѣваетъ жителями; ждутъ общаго возстанія. Извѣщенный о положеніи дѣлъ, Императоръ рѣшается ѣхать въ Петербургъ. Онъ отплываетъ изъ Петергофа на пароходѣ. Онъ прибылъ. Зловѣщія донесенія встрѣчаютъ его. Онъ садится въ коляску и направляется, по самымъ многолюднымъ улицамъ, прямо къ тому мѣсту на Сѣнной площади, которое наканунѣ было театромъ без-

порядковъ. Безчисленная толпа бѣжитъ за нимъ; нѣсколько разъ онъ останавливается для разговора съ тѣми, кто тѣснился вокругъ самой его коляски. Наконецъ, доѣхавъ до площади, онъ останавливается возлѣ церкви, окруженный толпою отъ 20-ти до 25-ти тысячъ человѣкъ. Тогда онъ встаетъ: представьте себѣ эту прекрасную фигуру, этотъ громкій и звучный голосъ, этотъ внушающій и строгій видъ, и эту толпу, наканунѣ столь мятежную, столь сильную въ своей смутѣ, а теперь столь спокойную, столь покоренную присутствіемъ самодержавнаго величія и магическимъ обаяніемъ геройской отваги. Вотъ слова, имъ произнесенныя: „Вѣнчаясь на царство, я поклялся поддерживать порядокъ и законы. Я исполню мою присягу. Я добръ для добрыхъ: они всегда найдутъ во мнѣ друга и отца; но горе злонамѣреннымъ: у меня есть противъ нихъ оружіе! Я не боюсь васъ: вамъ меня бояться! Намъ послано великое испытаніе—зараза. Надо было принять мѣры, остановить ея распространеніе. Всѣ эти мѣры приняты по моимъ повелѣніямъ; стало-быть, вы жалуетесь на меня. Ну, вотъ я здѣсь! и я приказываю вамъ повиноваться. Вы, отцы семействъ, люди смирные, я вамъ вѣрю и убѣжденъ, что вы всегда прежде другихъ уговорите людей несвѣдущихъ и образумите мятежниковъ. Но горе тѣмъ, кто позволяетъ себѣ противиться моимъ повелѣніямъ! Къ нимъ не будетъ никакой жалости! Теперь расходитесь. Въ городѣ зараза. Вредно собираться толпами. Но напередъ слѣдуетъ примириться съ Богомъ. Если вы оскорбили меня вашимъ непослушаніемъ, то еще больше оскорбили Бога преступленіемъ: совершено было убійство; невинная кровь пролита. Молитесь Богу, чтобъ Онъ васъ простилъ“. При этихъ словахъ, онъ обнажилъ голову, обернулся къ церкви и перекрестился. Тогда вся толпа, по невольному движенію, пала ницъ съ молитвенными возгласами. Императоръ уѣзжаетъ, и народъ тихо расходится, наставленный и проникнутый сознаніемъ своего проступка.

Важнѣйшимъ дѣломъ внутренняго устройства имперіи было при Николаѣ I составленіе свода законовъ. Послѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, въ продолженіе почти 200 лѣтъ, накопилось множество постановленій; но они не были разобраны, дѣйствующія не были отдѣлены отъ недѣйствующихъ и не собраны въ одинъ сборникъ. Хотя всѣ государи, начиная съ Петра Великаго, стремились привести въ порядокъ законы, но дѣло это вслѣдствіе сложности и трудности его подвигалось крайне медленно. Императоръ Николай I въ самомъ началѣ своего царствованія обратилъ вниманіе на необходимость составленія свода законовъ,

такъ какъ, вслѣдствіе его отсутствія, происходили большіе безпорядки въ судахъ и управленіи; медленность въ рѣшеніи дѣлъ достигла высшей степени. По справкамъ оказалось, что въ разныхъ судахъ имперіи накопилось 2.850.000 дѣлъ и 127.000 подсудимыхъ находилось въ заключеніи. Императоръ поручилъ законодательныя работы Сперанскому, одному изъ главныхъ сотрудниковъ Александра I. Подъ его руководствомъ составлено было въ 45 томахъ Полное Собраніе законовъ Россійской Имперіи, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, а затѣмъ сборникъ законовъ дѣйствующихъ, распредѣленныхъ на части по главнымъ предметамъ правительственныхъ и судебныхъ дѣлъ, изданный въ 1833 г. подъ названіемъ Свода Законовъ Россійской Имперіи. Въ 1845 г. издано было уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Николай I объѣхалъ многіе отдаленные уголки нашей обширной родины и посѣтилъ нѣкоторыя заграничныя земли. Государь, находя въ путешествіяхъ большую пользу, посылалъ также знакомиться съ родными и чужими странами своего наслѣдника, цесаревича Александра Николаевича. Николай I самъ училъ сына тайнамъ великой науки государственнаго правленія, подготовляя себѣ достойнаго преемника. Въ 1840 году прибыла въ Россію, избранная наслѣдникомъ, его невѣста, принцесса Гессенъ-Дармштадтская Марія Александровна, которая, по принятіи православія, сочеталась съ нимъ бракомъ 16 апрѣля 1841 года. Николай I цѣнилъ знаменитыхъ людей, которые своими способностями приносили пользу государству; такъ, напримѣръ, истинно по царски наградилъ онъ Карамзина, написавшаго „Исторію Государства Россійскаго“, а поэту Пушкину, прославившемуся своими образцовыми, чудными произведеніями, постоянно оказывалъ покровительство и защищалъ его отъ нападокъ недоброжелателей. Заботы царя о благѣ подданныхъ и объ удобствахъ путей сообщенія заставили его проложить многія тысячи верстъ шоссейныхъ дорогъ и первую, сперва малую линію желѣзной дороги, соединившую Петербургъ съ Царскимъ Селомъ, а потомъ и длинную — отъ Петербурга до Москвы. Въ это же царствованіе началось въ Россіи и пароходство. Покровительствуя просвѣщенію и ученымъ предпріятіямъ, государь заботился объ увеличеніи числа учебныхъ заведеній; при немъ основано было много военно-учебныхъ заведеній и техническихъ, которыя приготовляли знающихъ фабрикантовъ, заводчиковъ, сельскихъ хозяевъ, строителей и т. под.

Въ началѣ царствованія императора Николая Персы напали

на Грузію, присоединившуюся къ Россіи еще при Павлѣ I. Русскія войска, предводимыя Паскевичемъ, изгнали Персовъ изъ предѣловъ Россіи, нанесли имъ нѣсколько пораженій и взяли сильную крѣпость Эривань. Персидскій шахъ поспѣшилъ заключить миръ, по которому уступилъ Россіи ханство Эриванское. Вслѣдъ затѣмъ началась война съ Турціей. Николай I съ особеннымъ участіемъ относился къ бѣдственному положенію христіанъ, находившихся подъ властью Турокъ, и успѣлъ одними переговорами достигнуть того, что Молдавія, Валахія и Сербія получили отъ турецкаго султана свое собственное управленіе, но Греки, еще раньше возставшіе противъ своихъ притѣснителей, подверглись въ это время страшнымъ преслѣдованіямъ. Ожесточенные Турки избили много грековъ въ Константинополѣ, не пощадили даже патріарха, а затѣмъ вторглись въ самую Грецію и съ безчеловѣчной жестокостью начали опустошать всю страну. Императоръ Николай рѣшился защитить Грековъ и склонилъ на свою сторону Францію и Англію. Скоро эскадры русская, французская и англійская напали на турецкій флотъ при Наваринѣ (въ Морѣ) и совершенно истребили его. Эта Наваринская битва послужила началомъ войны Россіи съ Турціей (1828—1829 г.). Русскія войска переправились черезъ Дунай, взяли нѣсколько турецкихъ крѣпостей и, перейдя подъ предводительствомъ Дибича Балканы, заняли Адріанополь, вторую столицу Турціи. Въ то же время храбрый генералъ Паскевичъ разбилъ Турокъ въ Малой Азіи и взялъ крѣпость Карсъ, считавшуюся неприступной. Тогда испуганный султанъ сталъ просить мира, который и былъ заключенъ въ городѣ Адріанополѣ (1829 г.). По этому миру Греція была признана независимымъ государствомъ, а Россія получила восточные берега Чернаго моря. По окончаніи турецкой войны Николаю I пришлось усмирять возстаніе Поляковъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ было рѣшено отдать Россіи большую часть польскихъ земель, принадлежавшихъ ранѣе Пруссіи. Изъ этихъ польскихъ земель Александръ I образовалъ отдѣльное самостоятельное государство подъ именемъ Царства Польскаго. Тогда Поляки задумали совершенно отдѣлиться отъ Россіи и возстановить Польшу въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она находилась до перваго раздѣла. Николай I послалъ въ Польшу 100.000 армію и возстаніе Поляковъ было усмирено генераломъ Паскевичемъ, которому Николай и поручилъ управленіе польскими землями, лишивъ Поляковъ ихъ прежней самостоятельности (1831 г.). Вскорѣ послѣ усмиренія Польскаго мятежа, уніаты западно-русскихъ областей съ разрѣшенія Николая I возсоеди-

нились съ православной церковью (1839 г.), и такимъ образомъ унія, напоминавшая о временахъ польскаго владычества, прекратила свое существованіе.

155. Клеветникамъ Россіи (1831 г.).

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это—споръ славянъ между собою;
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ, иль вѣрный россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ? — Вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...
За что-жъ? Отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то-ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постели,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля? —
Такъ высылайте-жъ намъ, витіи,

Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

156. Севастопольская оборона.

Послѣ отечественной войны и счастливыхъ войнъ Николая I Россія стала самымъ сильнымъ государствомъ, и безъ согласія Русскаго Императора не рѣшалось ни одного важнаго дѣла въ Европѣ. Такое могущество Россіи было очень непріятно другимъ государствамъ; особенно не любилъ Россіи императоръ французскій Наполеонъ III, племянникъ Наполеона I. Наполеону III хотѣлось непремѣнно втянуть Россію въ войну и обезсилить ее. И вотъ вмѣстѣ съ Англіей онъ сталъ подговаривать къ войнѣ старинныхъ враговъ Россіи — Турокъ и обѣщалъ оказать имъ помощь. Турки были рады такому случаю и стали преслѣдовать православныхъ христіанъ, которые имъ были подвластны. Императоръ Николай I заступился за угнетенныхъ христіанъ, и когда Турки не исполнили его справедливыхъ требованій, онъ объявилъ имъ войну (1853 — 1856 г.). Сначала Турки вели войну одни и терпѣли пораженія. Особенно отличались въ этой войнѣ русскіе моряки подъ начальствомъ знаменитаго адмирала Нахимова: они напали въ Черномъ морѣ подъ Синопомъ на турецкій флотъ и весь его истребили (1853 г.). Видя, что Туркамъ приходится плохо, Франція, Англія, а также и Италія послали имъ на помощь свои корабли и войска. Часть непріятельскихъ кораблей разсѣялась по разнымъ морямъ и повсюду напали на русскіе побережные города. Главныя же свои силы враги направили въ Черное море, къ Крымскому полуострову. Высадивъ войско въ Крыму, союзники двинулись на городъ Севастополь. Русскія войска, которыя были тогда въ Крыму, встрѣтили непріятеля, но по своей малочисленности не могли съ нимъ справиться и отступили къ Севастополю. Севастополь былъ защищенъ только съ моря, а съ суши онъ былъ совершенно открытъ, и непріятели могли взять его безъ всякаго затрудненія. Адмиралы Корниловъ и Нахимовъ тотчасъ приступили къ укрѣпленію Севастополя. Не имѣя болѣе надобности въ корабляхъ, они потопили ихъ при входѣ въ Севастопольскую гавань и такимъ образомъ загородили входъ туда непріятельскимъ кораблямъ. Матросовъ они присоединили къ сухопутнымъ войскамъ и, при помощи способнаго инженера Тотлебена, принялись укрѣплять Севастополь съ суши. Днемъ и ночью кипѣла работа, и земляныя укрѣпленія росли одно

за другимъ; трудились не только солдаты и матросы, но также городскіе жители, даже женщины и дѣти оказывали солдатамъ помощь. Непріятели не рѣшились прямо овладѣть Севастополемъ, а принялись тоже строить земляныя укрѣпленія и ставить на нихъ пушки. Скоро кругомъ Севастополя появилось множество укрѣпленій, какъ русскихъ, такъ и непріятельскихъ. Такъ началась знаменитая севастопольская оборона, которая длилась 11 мѣсяцевъ (12 сент. 1854 г.— 27 авг. 1855 г.). Построивъ укрѣпленія, непріятели открыли ожесточенную пальбу по русскимъ укрѣпленіямъ и по городу; русскіе отвѣчали имъ тѣмъ же. Пальба эта шла почти ежедневно, и тысячи ядеръ и бомбъ летали по воздуху съ утра до поздней ночи. Въ иные дни непріятели палили и съ суши, и съ кораблей и выпускали сотни тысячъ снарядовъ. Не легко было жить въ это время въ Севастополѣ: непріятельскія ядра падали на улицы, а бомбы разрывались въ домахъ. Но въ земляныхъ укрѣпленіяхъ было въ тысячу разъ опаснѣе и страшнѣе; здѣсь ежеминутно нужно было ожидать смерти, и каждый день не мало убывало ранеными и убитыми. Несмотря на это, русскіе стояли твердо и мужественно встрѣчали всѣ опасности. Находились даже такіе смѣльчаки, которые ночью пробирались къ непріятелю, нападали на него врасплохъ и и наносили ему вредъ. Во время Севастопольской обороны императоръ Николай Павловичъ скончался, и на престолъ Русскій вступилъ сынъ его, Александръ Николаевичъ, который и продолжалъ войну. Наконецъ наступило время, когда держаться въ Севастополѣ было невозможно и русскіе принуждены были отступить. Но и непріятели не желали больше продолжать тяжелую войну, такъ какъ они потеряли множество войска и потратили не мало денегъ. Вскорѣ былъ заключенъ миръ, и положеніе православныхъ христіанъ въ Турціи было улучшено.

Въ самомъ началѣ осады Севастополя на 4-й бастіонъ явился сынъ матроса Кузьма Горбаньевъ и сталъ проситься служить при пушкахъ. — „Куда тебѣ на бастіонъ!“ сказалъ командиръ, глядя на мальчика 14-ти лѣтъ, „ты другимъ только мѣшать будешь“.— „Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе“, — отвѣчалъ тотъ: — „мы съ малолѣтства около пушекъ-то... Ну и привыкли“.—А если тебя убьютъ или изувѣчатъ? Развѣ ты не боишься?“ — „Богъ милостивъ, ваше благородіе! Можетъ и не убьютъ... а коли и убьютъ, на то воля Божія“. — И Кузьма Горбаньевъ былъ принятъ на бастіонъ. Онъ оказался ловкимъ малымъ; былъ раненъ и послѣ перевязки, вмѣсто лазарета, пошелъ опять на бастіонъ помогать морякамъ. Другой

храбрецъ, 12-лѣтній сынъ матроса, Максимъ Рыбалченко, съ другими ребятишками собиралъ непріятельскія ядра въ оврагахъ и на полѣ и приносилъ ихъ на бастіонъ. И онъ былъ принятъ на бастіонъ и усердно исполнялъ свои обязанности при пушкахъ. Оба были награждены медалями на георгіевской лентѣ. На 5-мъ бастіонѣ отличился десятилѣтній сынъ артиллериста Николай Пащенко. Онъ лихо прислуживалъ отцу, который наводилъ пушки. Прилетѣло ядро и убило отца. Тогда Николай сталъ на его мѣсто и наводилъ мѣтко пушки и мортиры. За такой подвигъ онъ былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ. Когда показывалась непріятельская бомба, солдаты обыкновенно ложились на землю или скрывались за стѣнки укрѣпленій. Бомба, прошипѣвъ, лопалась съ оглушительнымъ трескомъ и метала далеко вокругъ чугунные черепки свои, а съ ними землю и камни, при чемъ осколками всегда кого-нибудь убивало или ранило. Но бывали удальцы, которые не унывали и передъ бомбами. Однажды разрывная бомба упала близъ толпы солдатъ. Солдаты кинулись въ стороны: кто забѣжалъ за прикрытіе, кто бросился на землю, а другіе, неуспѣвшіе этого сдѣлать, стали какъ вкопанные, ожидая неминуемой гибели. Трубка шипѣла и уже догорала и бомба должна была тотчасъ лопнуть... Но матросъ Трофимъ Александровъ бросился къ бомбѣ... „Берегись, берегись! курится!“ закричали ему товарищи; но Александровъ зналъ, что̀ дѣлать; захвативъ грязи, онъ смѣло нагнулся къ бомбѣ и залѣпилъ горѣвшую трубку. Она погасла... Матросъ перекрестился и, толкнувъ бомбу ногою, крикнулъ товарищамъ: — „Эхъ, вы! зоветесь солдатами, а боитесь курицы!“ И ночью севастопольцы не оставляли непріятеля въ покоѣ. Партія удальцовъ собиралась по почамъ на вылазки, чтобы мѣшать работамъ или разорять непріятельскія траншеи, т.-е. рвы, которые копали они для подхода къ нашимъ укрѣпленіямъ. Русскіе подкрадутся тихо, разрушатъ все построенное непріятелемъ, заберутъ кирки и лопаты и возвратятся къ своимъ. Случалось при этомъ захватить и плѣннаго. Ведутъ его за шиворотъ. „Не бойся, камрадъ“, говорятъ ему, „у насъ къ разстрѣлу не поведутъ. А только на счетъ булочки — не взыщи: на сухарикахъ посидишь!“ Особенно рвались на вылазки моряки. Ихъ даже перестали пускать на вылазки. Они были нужны, а тутъ многіе клали свои головы. Особенно прославился одинъ такой удалецъ, матросъ Петръ, по прозванію Кошка. Онъ пускался на разныя опасныя продѣлки съ непріятелемъ. Былъ у него мѣшокъ съ двумя дырами для глазъ. Влѣзетъ онъ въ этотъ мѣшокъ и ползетъ въ немъ; остановится—и

лежитъ недвижимо; человѣка не видно и кажется, будто камень лежитъ. Потомъ улучитъ минуту—и ползетъ далѣе. Достигалъ онъ до передовой непріятельской цѣпи и даже въ траншеи. Высмотритъ, что нужно, вскочитъ вдругъ и бросится на часового, или повалитъ его, или штуцеръ у него выхватитъ. Иной разъ никто не замѣтитъ его, а онъ у соннаго часового утащитъ ружье, да и назадъ. Одинъ разъ притащилъ онъ въ казармы Англичанина и началъ его угощать, кормить, поить и потомъ уложилъ спать на свою постель.

5-го октября 1854 года храбрый адмиралъ Корниловъ, любимецъ моряковъ и солдатъ, въѣхалъ на Малаховъ курганъ. Три англійскія батареи стрѣляли въ это время по кургану. Адмирала просили возвратиться домой. „Постойте, мы поѣдемъ еще къ тѣмъ полкамъ“, указалъ онъ на Бутырскій и Бородинскій полки, „а потомъ и домой“. Это было въ половинѣ 12-го. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ ядро раздробило ему лѣвую ногу у самаго живота: кровь брызнула фонтаномъ. Офицеры подхватили его и положили между орудіями. „Отстаивайте же Севастополь“, сказалъ онъ имъ и скоро потерялъ память. На перевязочномъ пунктѣ Корниловъ очнулся и причастился Св. Тайнъ. Замѣтивъ, что его хотятъ переложить на носилки, но затрудняются приподнять, Корниловъ самъ перевернулся черезъ раздробленную ногу въ носилки. Его перенесли въ госпиталь. Въ госпиталѣ онъ страдалъ неимовѣрно. Нѣсколько ложекъ горячаго чая успокоили его. „Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна“, сказалъ онъ; „благослови, Господи, Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ“. Принявъ лѣкарство, онъ задремалъ. Въ это время пришелъ лейтенантъ съ извѣстіемъ, что англійскія батареи сбиты. Корниловъ, услышавъ разговоры, спросилъ въ чемъ дѣло. Ему объяснили. „Ура, ура!“ произнесъ онъ—и забылся навѣки. Черезъ нѣсколько минутъ его не стало.

Много укрѣпленій было уже взято непріятелемъ, но, несмотря на всѣ старанія, не могъ онъ взять Малахова кургана. Понынѣ видны слѣды рвовъ, пороховыхъ погребовъ и укрѣпленій на этомъ курганѣ. Отъ Малаховой башни уцѣлѣла только подземная часть. Подъ сводомъ ея, у лѣвой стѣны отъ входа, нынѣ сдѣлана надпись: „Здѣсь стояла кровать контръ-адмирала В. И. Истомина“. Его неусыпными трудами и заботами Малаховъ курганъ обратился въ важную укрѣпленную твердыню. Въ продолженіе 8-ми мѣсяцевъ адмиралъ Истоминъ не раздѣвался и былъ убитъ 7-го марта

1855 года. Возвращался онъ съ двумя офицерами на курганъ не по траншеѣ, гдѣ ходили для безопасности, а по гребню. „Ваше превосходительство“, сказали ему, „сойдите въ траншею: здѣсь итти не безопасно“.—„Э, батюшка, все равно: отъ ядра не спрячешься“, отвѣчалъ онъ. Въ это время ядро оторвало ему голову. Ленточка георгіевскаго креста осталась на шеѣ покойнаго. Нахимовъ съ другими генералами несъ тѣло Истомина до могилы. А черезъ четыре мѣсяца на томъ курганѣ былъ смертельно раненъ знаменитый герой флота—адмиралъ Нахимовъ. Онъ хотѣлъ въ зрительную трубку осмотрѣть непріятельскія укрѣпленія: пуля попала въ лѣвую сторону лба, и 30-го іюня онъ умеръ, не приходя въ чувство. Вмѣсто парчеваго покрова покрыли его флагомъ съ того корабля, на которомъ онъ побѣдилъ въ началѣ войны турецкій флотъ подъ Синопомъ.

Наступило 27-е августа 1855 года. Ровно въ полдень, когда Русскіе обѣдали, у непріятеля заиграли рожки—и тучи враговъ двинулись на Малаховъ курганъ. Ихъ встрѣтили картечью, прикладами, банниками, штыками и всѣмъ, чѣмъ попало. Жестокъ былъ этотъ бой. А къ непріятелямъ все шли свѣжія войска—и они оттѣснили Русскихъ съ кургана. Французы взобрались на него, перекинувъ мосты черезъ ровъ, и подняли на Малаховомъ курганѣ свое знамя. Нѣсколько разъ бросались туда русскіе удальцы и срывали французское знамя. Ихъ изрубили тамъ. Рвались новые удальцы, но ужъ шесть тысячъ Французовъ по мостамъ вступали съ музыкой на курганъ. Другіе непріятельскіе полки хотѣли въ это время занять другіе бастіоны, но ихъ отбили оттуда. Храбрый генералъ Хрулевъ, видя курганъ въ рукахъ Французовъ, сдѣлалъ послѣднюю попытку отбить его и съ 1.440 солдатами Ладожскаго полка кинулся туда: ихъ встрѣтилъ дождь пуль. Генералъ Хрулевъ былъ тотчасъ же раненъ, не доѣхавъ до бастіона, и не могъ дольше оставаться въ строю. Его смѣнилъ генералъ Лысенко—и тотчасъ же пуля раздробила ему ногу и контузила животъ, отчего онъ впослѣдствіи и умеръ. Лысенку смѣнилъ генералъ Мартинау—и въ ту же минуту пуля раздробила ему плечо. Поддерживая здоровой рукою больную руку, онъ ждалъ прибытія новаго командира. Но все уже было кончено: главнокомандующій приказалъ атаку оставить. При этомъ штурмѣ у французовъ убито пять генераловъ и ранено одиннадцать. Взявши Малаховъ курганъ, французы тотчасъ вооружили его противъ Севастополя и другихъ укрѣпленій. Оттуда они могли бы разнести всѣ наши укрѣпленія и весь городъ. Да-

лѣе бороться съ непріятелемъ было невозможно. Русскій главнокомандующій рѣшилъ отступиться отъ всѣхъ укрѣпленій и переправиться со всѣмъ войскомъ по мосту черезъ бухту. Съ горемъ покидали русскіе воины крѣпость, которую защищали одиннадцать мѣсяцевъ, не жалѣя ни труда, ни крови. Безпрестанные взрывы и пожары освѣщали отступленіе. По мосту протянулись солдаты, возы, пушки; по водѣ сновали лодки. Городъ пылалъ. „Вѣчная тебѣ память, родная твердыня наша!“ крестясь, шептали солдаты и оглядывались на горящій Севастополь. Непріятель не ожидалъ отступленія, и потому ему въ голову не приходило преслѣдовать насъ. Онъ готовился самъ къ защитѣ и не повѣрилъ, что Русскіе отступили. 31-го августа пришелъ приказъ главнокомандующаго: именемъ Государя благодарилъ онъ войска за безпримѣрное мужество. Побѣжденные были превознесены и награждены. 28-го октября Государь Императоръ Александръ Николаевичъ самъ пріѣхалъ къ героямъ, объѣхалъ всѣ войска и лично благодарилъ ихъ за службу. Всѣмъ защитникамъ Севастополя даны были серебряныя медали на георгіевской лентѣ и, кромѣ того, каждый мѣсяцъ службы на бастіонахъ былъ сосчитанъ за годъ

157. На войну.

(1853—1856 г.).

...Огоньки свѣтятся въ окнахъ избушекъ — большихъ двухъэтажныхъ и крохотныхъ, покачнувшихся. Дымъ несется изъ всѣхъ трубъ. Отрывочный людской говоръ слышится на улицахъ. Вотъ у одной избы столпилась кучка людей. Они проходятъ на дворъ, входятъ въ избу...—Бабушка Лукерья, Матрена! кричатъ люди,—чай не спите... Эстафета пріѣхала. Письмо привезли. И вся кучка людей входитъ въ избу, тускло освѣщенную лучиной. И всѣ крестятся, молятся на передній уголъ, уставленный образами. Посреди избы стоитъ вдова, солдатка Матрена, хозяйка избы. Съ палатей слѣзаетъ сынъ Митя, 20-лѣтній малый, съ добрымъ румянымъ лицомъ, съ ясными голубыми глазами. Съ печи лѣзетъ бабушка Лукерья, старая-старая, носъ крючкомъ, спина дугой, сѣдыя космы торчатъ изъ-подъ высоко повязаннаго платка, черные блестящіе глаза глядятъ изъ-подъ сѣрыхъ бровей. Слѣзла, спустилась, стучитъ посошкомъ, ковыляетъ-идетъ, и всѣ передъ ней разступаются и всѣ ей кланяются. Всѣ въ цѣлой деревнѣ, въ цѣломъ околоткѣ знаютъ и слушаютъ бабушку Лукерью. Перекрестились,

помолились. Нарочный подалъ эстафету, письмо...—Отъ Микиты! вскрикнула Матрена, сердце чуетъ—отъ него, и слезы въ два ручья побѣжали изъ ея глазъ. Распечатали письмо, выступилъ впередъ Васька, паренекъ грамотный, по двѣнадцатому годку, и сталъ читать: „Матушкѣ любезной нижайше кланяюсь и слезно прошу родительскаго благословенія. Пишу изъ гошпиталя подъ Евпаторіей. Сила на насъ поднялась великая. Хранцузъ, и Турокъ, и Англичанинъ съ ими; берутъ силомъ русскую землю. Погибнетъ наша земля, въ полонъ возьмутъ ее басурманы и нехристи. Матушка родимая, посылай на мое мѣсто Митьку; ему дѣлать около тебя нечего, а я совсѣмъ не гожусь: извели меня нехристи; обѣ ноги отрѣзали, руку повредили, искалѣчили. Завтра, баютъ, помирать буду за царя, за вѣру православную, за землю родимую. Прости, моя матушка родимая, не печалуйся, благослови!“... Страшный, раздирающій душу крикъ раздался изъ груди матери. Обмерла она, опрокинулась; подхватили ее, положили на лавку. Перекрестилась бабушка Лукерья, головой затрясла, выступила впередъ.—Митя! позвала она твердымъ, мужскимъ голосомъ. Выступилъ къ ней блѣдный Митя.—Слышалъ, что-ль?—Слышалъ-ста! прошепталъ Митя.—За Русь, за землю родимую, за вѣру православную хочешь ли умереть?—Краска медленно разлилась по лицу Мити; глаза загорѣлись и засверкали.—Хочу! вскричалъ онъ и ударилъ себя въ грудь кулакомъ.—Благословляй, бабушка Лукерья, завтра иду... за вѣру, за Русь родимую!—Подайте образъ! властно, повелительно сказала бабушка. И тотчасъ нѣсколько рукъ бросаются и берутъ образъ Стратилата-воина и подаютъ бабушкѣ Лукерьѣ. Бабушка Лукерья медленно, истово креститъ, благословляетъ своего внука и, благословивъ, цѣлуетъ его троекратно, а слезы сами собой катятся, бѣгутъ изъ глазъ бабушки и внука.

158. Къ русскому орлу.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночныхъ орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети, но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ брегъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ!..
И ждутъ окованные братья,
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,

Прострешь надъ слабой ихъ главой...
О, вспомни ихъ, орелъ полночи!
Пошли имъ громкій свой привѣтъ,
Пусть ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придетъ! окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подрастутъ,
Вскричатъ орлы—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

159. Высадка въ Крыму.

Опять надъ тобою, родимая, тучи!
Опять надъ тобою собралась гроза!..
Какъ волны въ часъ бури па берегъ зыбучій,
Бѣлѣя, несутся на Русь паруса
Враждебнаго флота. И сколько ихъ, Боже!..
Вставай, страстотерпецъ народъ нашъ, вставай!
Нагрянули гости нежданно; ну, что же?..
Нежданныхъ, незванныхъ гостей принимай!
На Русь нашу снова идетъ полъ-Европы
Въ союзѣ позорномъ съ турецкой Луной,
И западныхъ полчищъ враждебные скопы
Ее осадили, пылая грозой.
За что же, родная, возстали народы?..
Радушна, привѣтна для всѣхъ ты была,
Себя забывая, во дни ихъ невзгоды
Готовно на помощь ты каждому шла.
Предательство, козни, измѣну прощая,
Когда угрожалъ имъ конечный разгромъ,
Не разъ благодушно изъ бѣдъ выручая,
За зло и неправды платила добромъ.
И въ чемъ же ты нынѣ у нихъ провинилась?
Хотѣла-ль неправо кого обижать? —
Нѣтъ; только за кровный народъ ты вступилась
Да звѣрство Османовъ желала унять...
Европа, какъ видно, былое забыла,
Иль думаетъ нынѣ, что Русь ужъ не та.
За нею искусство, богатство и сила,
У насъ же союзникъ одинъ—правота.
Могуществомъ гордо своимъ возносяся,
Войной непощадной она намъ грозитъ...
Ну, что-жъ?—Не впервые!.. Крестомъ осѣняся,
Ударъ ея примемъ, какъ встарь, мы на щитъ.

160. Послѣдній штурмъ Севастополя.

Исполать тебѣ, богатырь лихой,
Севастополь нашъ, крѣпость вѣрная!
Прослывешь ты „Злымъ“, какъ Козельскъ другой, —
Обороною безпримѣрною!
Міру цѣлому ты загадкой сталъ;
Не возьметъ онъ въ толкъ, не поймете никакъ,

Чѣмъ держался онъ, твой разбитый валъ,
Противъ всѣхъ огней, противъ всѣхъ атакъ,
Не вдомёкъ, знать, имъ, не понять врагамъ
Вѣрность русскую непонятную!
Нѣтъ, не стѣны намъ, это мы стѣнамъ
Дали силу ихъ непонятную.
Слава вѣчная, исполать тебѣ,
Севастополь нашъ, богатырь лихой!
Вѣрой-правдою въ роковой борьбѣ
Постоялъ, боецъ, ты за край родной!
Не кичитесь же, не хвалитеся:
Торжество еще далеко отъ васъ,
Пуще прежняго берегитеся,—
Горе тяжкое не сломаетъ насъ!
Обуялъ насъ грѣхъ, мы забылися,
Вы воззвали насъ къ очищенію,
Одолѣлъ насъ сонъ, вы явилися,—
Рады-ль будете пробужденію?..
Огнемъ золото, Русь невзгодами
Очищается, обновляется!
Тѣмъ и крѣпки мы межъ народами,
Что въ насъ преданность не шатается,
Что въ бѣдѣ-нуждѣ стороны родной
Мы съ отечествомъ не считаемся,
И въ отпоръ врагу, что живой стѣной,
Крѣпче прежняго собираемся.
Міру вѣдомо, всѣ вы знаете,
На Руси врагу тяжелы пути,
Скоро годъ какъ вы порываетесь,—
А далеко-ль вамъ удалось уйти?..
Здѣсь вашъ первый шагъ на Руси святой,—
Просимъ далѣе дорогихъ гостей,
Всюду встрѣтите вы пріемъ такой,
Ту же Русь вездѣ вы найдете въ ней,
Кровью купите каждый шагъ въ ней вашъ.
Припасемъ мы вамъ голодъ съ жаждою,
Москвой станетъ вамъ каждый городъ нашъ,
Севастополемъ крѣпость каждая.
Хоть и незваннымъ, дорогимъ гостямъ
Поусердствуемъ угощеніемъ.
Мало арміи для почета вамъ,—
Есть за ней у насъ ополченіе—
Не нарядное, не ученое,
Ратникъ съ поля взятъ, бородой оброслъ—
Но сломить его—вещь мудреная,
Онъ стоитъ себѣ словно въ землю вросъ.
Не грозимъ мы вамъ, не коримъ мы васъ,—
Дѣло слабаго грозьба попусту,
А вы знаете не сегодня насъ,—
Рѣчь безъ хитрости ведемъ попросту,
Что придетъ пора, намъ поможетъ Богъ
И за все про все мы сквитаемся...

А не вѣрите—подведемъ итогъ,
Поглядимъ назадъ, посчитаемся...

161. Солдатская пѣсня о Севастополѣ.

Не веселую, братцы, вамъ пѣсню спою,
Не могучую пѣсню побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.
Я спою вамъ о томъ, какъ отъ южныхъ полей
Поднималося облако пыли,
Какъ сходили враги безъ числа съ кораблей
И пришли къ намъ, и насъ побѣдили.
А и такъ побѣдили, что долго потомъ
Не совались къ намъ съ дерзкимъ вопросомъ;
А и такъ побѣдили, что съ кислымъ лицомъ
И съ разбитымъ отчалили носомъ.
Я спою, какъ, покинувъ и домъ, и семью,
Шелъ въ дружину помѣщикъ богатый,
Какъ мужикъ, обнимая бабенку свою,
Выходилъ ополченцемъ изъ хаты.
Я спою, какъ росла богатырская рать,
Шли бойцы изъ желѣза и стали,—
И какъ знали они, что идутъ умирать,
И какъ свято они умирали!
Какъ красавицы наши сидѣлками шли
Къ безотрадному ихъ изголовью;
Какъ за каждый клочекъ нашей русской земли
Намъ платили враги своей кровью;
Какъ подъ грохотъ гранатъ, какъ сквозь пламя и дымъ,
Подъ немолчные, тяжкіе стоны,
Выходили редуты одинъ за другимъ,
Грозной тѣнью росли бастіоны.
И одиннадцать мѣсяцевъ длилась рѣзня,
И одиннадцать мѣсяцевъ цѣлыхъ
Чудотворная крѣпость, Россію храня,
Хоронила сыновъ ея смѣлыхъ...
Пусть не радостна пѣсня, что̀ вамъ я пою,
Да не хуже той пѣсни побѣды,
Что̀ пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что̀ пѣвали въ Очаковѣ дѣды.

162. Къ Россіи.

1854 г.

Ты земной не ищешь славы,
Духу битвъ не служишь ты,
И вѣнцы войны кровавой
Не манятъ твоей мечты.
Мирный духъ тебя съ рожденья
Благодатью осѣнилъ
И на кротость, на терпѣнье,
На любовь благословилъ.
И понять соблазнъ грѣховный
Многошумной суеты,
Благо вѣры, путь духовный
На землѣ избрала ты.

Но кругомъ тебя народы
Жадны суетныхъ честей,
Чужды мира и свободы
И кипятъ въ огнѣ страстей.
За земной стремятся славой,
Ярко блещутъ суетой,
И горды, и величавы,
И смѣются надъ тобой.
Духъ ихъ злобенъ и корыстенъ,
Грѣхъ стяжалъ у нихъ хвалу;
Имъ твой образъ ненавистенъ,
Какъ добро противно злу.
И сломить тебя мечтая,
Боевыхъ народовъ строй,
Крики злобы подымая,
На тебя ходилъ войной.

Но съ надеждой твердой въ Бога
Ты встрѣчала племена,
И возвратная дорога
Бѣглецамъ была тѣсна.
Пали гордыя дружины,
Побѣжденъ кровавый бой,—
И опять твои равнины
Зачернѣли подъ сохой.
Не для славы, не для злата,
Но за миръ страны родной,
Но за страждущаго брата
Блещетъ мечъ побѣдный твой.
Видитъ взоръ, и слышитъ ухо,
Людямъ Богъ тобой явилъ —
Что сильнѣе сила духа
Всѣхъ земныхъ надменныхъ силъ.

163. Александръ II—Царь Освободитель (1855—1881 г.).

Императоръ Александръ Николаевичъ родился въ 1818 г. апрѣля 17, на праздникъ Пасхи въ Москвѣ, въ Кремлѣ, въ сердцѣ русскаго царства. Когда подросъ великій князь Александръ Николаевичъ, воспитателемъ ему назначенъ былъ нашъ знаменитый поэтъ, Василій Андреевичъ Жуковскій. Жуковскій былъ по характеру необыкновенно добрый, страстно любящій природу, человѣкъ, мирный, незлобивый, воспѣвавшій въ своихъ стихотвореніяхъ „Творца, друзей, любовь и счастье“... Эти же черты воспитатель Жуковскій привилъ и своему высокому питомцу. Великій князь Александръ Николаевичъ въ дѣтствѣ, отрочествѣ и юности вездѣ и всегда обнаруживалъ простой, обходительный, ласковый, веселый и въ высшей степени благородный характеръ. Куда бы онъ ни являлся, вездѣ онъ очаровывалъ окружающихъ привѣтливостью, задушевной простотой и искренностью въ обращеніи. Часто великій князь путешествовалъ за границей и всюду своею привѣтливостью и добротой привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ окружавшихъ его. Сдѣлавшись Государемъ въ 1855 г. февраля 19, въ тяжелую годину для Россіи, Александръ II всѣ свои силы посвятилъ на служеніе дорогому для него русскому народу. Продолжительная война, истощившая финансы Россіи и истребившая сотни тысячъ русскихъ воиновъ, грозные внѣшніе враги, упорно наступавшіе на наши окраины съ громадными силами, внутреннія неустройства и неурядицы,—все это дѣлало положеніе Россіи опаснымъ, и отъ новаго Государя требовало сильнаго ума, крѣпкаго духа и любвеобильнаго сердца. Императоръ Александръ II не хотѣлъ новыми жертвами, новыми рѣками крови

пріобрѣсть военную славу: ему не нужны были военные лавры, онъ только горячо желалъ уврачевать тяжкія раны русскаго народа. и этотъ мирный подвигъ онъ считалъ выше славныхъ лавровъ побѣдителя. Прежде всего онъ прекратилъ трудную Крымскую войну, заключивъ съ врагами (Французами, Англичанами и Турками) въ городѣ Парижѣ миръ, сдѣлавъ имъ нѣкоторыя уступки, впрочемъ непозорящія ни русскаго имени, ни русскаго оружія. Затѣмъ, по заключеніи мира начинается благотворная и неутомимая дѣятельность Александра II на благо Россіи. Вотъ достопамятныя слова изъ Высочайшаго Манифеста, обнародованнаго при коронованіи въ Москвѣ въ 1856 г., въ августѣ мѣсяцѣ: „Мы положили въ сердцѣ своемъ дотолѣ не приступать къ совершенію коронованія нашего, пока не смолкнетъ громъ брани, потрясавшій предѣлы государства. Нынѣ благодатный миръ возвращаетъ Россіи прежнее спокойствіе. Да поможетъ намъ Всемогущій съ возложеніемъ вѣнца царскаго возложить на себя торжественный предъ свѣтомъ обѣтъ—жить единственно для счастія подвластныхъ намъ народовъ“. И дѣйствительно, вся славная жизнь Александра II была исполненіемъ этого торжественнаго обѣта.

Самымъ великимъ дѣломъ Александра II было уничтоженіе крѣпостного права. Не красна была жизнь крѣпостныхъ людей: помѣщикъ имѣлъ право бить ихъ плетьми, продавать, какъ рабочій скотъ, другимъ владѣльцамъ, при чемъ иногда отца или мать отрывали отъ дѣтей, дѣтей отъ родителей; помѣщики ссылали крестьянъ въ Сибирь или сдавали въ военную службу. Работали мужики только на помѣщиковъ и ничего не могли назвать своимъ, все было барское. Не легка была эта жизнь, да и не всѣ переносили ее. Иные уходили отъ злыхъ господъ въ степное приволье, на низовье рѣкъ Дона, Днѣпра, Яика (Урала), собирались въ вольныя дружины и составляли казацкія общины. Но бѣжали отъ неволи только смѣлые, отважные. Большинство же помѣщичьихъ крестьянъ мирилось съ своей горькой долей и терпѣливо переносило тяжелое положеніе подневольной жизни. Еще императрица Екатерина II думала освободить народъ отъ крѣпостной зависимости, но многіе въ то время враждебно встрѣтили проектъ освобожденія и Екатерина должна была отказаться отъ мысли дать волю крестьянамъ. Императоръ Павелъ I первый приступилъ къ облегченію участи крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 1797 г. онъ издалъ манифестъ, которымъ запрещалось помѣщикамъ принуждать крестьянъ работать по праздникамъ и дозволялось пользоваться работою крестьянъ только три дня въ недѣлю, а остальное время крестьяне

могли употреблять исключительно на себя. Александръ I въ 1803 г. 20 февраля издалъ указъ о добровольномъ отпускѣ помѣщичьихъ крестьянъ на волю самими помѣщиками. Крестьяне и селенія, освобождаемые помѣщиками съ землею, образовали особенный классъ— свободныхъ хлѣбопашцевъ. Николай I думалъ сдѣлать вольными всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ во всей Россіи, но ему помѣшали совершить это великое дѣло частыя войны, и слава освобожденія крестьянъ принадлежитъ Императору Александру II. 19 февраля 1861 г. онъ издалъ манифестъ, по которому болѣе 20 милліоновъ крѣпостныхъ людей были признаны свободными. Освобожденіе крестьянъ произведено было съ надѣломъ земли (отъ 5 до 12 десятинъ). Манифестъ заканчивался слѣдующими знаменательными словами: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“. За такое великое дѣло русскій народъ назвалъ Александра II „Царемъ Освободителемъ“. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости имѣло очень важное значеніе въ исторіи русскаго народа, такъ какъ съ этого времени Россія быстрыми шагами пошла по пути умственнаго развитія, развитія благосостоянія и гражданственности.

Этому развитію много способствовали дальнѣйшія великія реформы великаго Царя-Освободителя: учрежденіе земствъ, новые суды и всесословная воинская повинность. Учрежденіе земствъ совершилось въ 1864 году. Жители селъ и городовъ получили право собираться и выбирать изъ своей среды по большинству голосовъ такъ называемыхъ гласныхъ; эти гласные ежегодно собираются на нѣкоторое время въ уѣздные города и составляютъ уѣздныя земскія собранія. На этихъ собраніяхъ гласные обсуждаютъ и рѣшаютъ всѣ дѣла, касающіяся пользъ и нуждъ уѣзда, какъ-то: повинностей, школъ, торговли, путей сообщенія, народнаго здоровья, народнаго хозяйства и т. п. Потомъ гласные уѣздныхъ земскихъ собраній выбираютъ изъ среды себя членовъ, изъ которыхъ образуются уѣздныя земскія управы. Управы эти и приводятъ въ исполненіе рѣшенія земскихъ собраній. Кромѣ того, изъ гласныхъ уѣздныхъ земствъ выбираются гласные для губернскихъ земскихъ собраній, гдѣ обсуждаются и рѣшаются дѣла, касающіяся всей губерніи, а для приведенія въ исполненіе этихъ рѣшеній выбираются члены, изъ которыхъ образуются губернскія земскія управы. Въ томъ же 1864 году изданы были новые судебные уставы, чтобы водворить въ Россіи „судъ скорый,

правый, милостивый и равный для всѣхъ". Прежде судебныя дѣла тянулись цѣлые годы, а иногда и десятки лѣтъ. Рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, уголовныхъ и гражданскихъ, предоставлялось чиновникамъ, уѣзднымъ и губернскимъ судьямъ. Эти судьи не всегда были люди честные: между ними бывали люди продажные, которые торговали совѣстью, правдой и закономъ: кто былъ богатъ, тотъ и правъ; а на сильнаго и богатаго трудно было найти расправу, такъ какъ жалобы на него поступали подкупленнымъ судьямъ, которые не давали дѣлу никакого хода, или же совсѣмъ уничтожали его. Александръ II учредилъ судъ гласный, въ которомъ дѣла разбираются въ присутствіи всѣхъ желающихъ слушать судебное дѣлопроизводство. При гласномъ же разбирательствѣ дѣла уже не можетъ быть рѣшенія недобросовѣстнаго, такъ какъ никакой судья не станетъ передъ народомъ выставлять себя за нечестнаго человѣка. При разборѣ болѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ въ судѣ присутствуютъ 12 присяжныхъ засѣдателей, которые и выносятъ обвиняемому оправдательный или обвинительный приговоръ, основывая свое рѣшеніе на внутреннемъ убѣжденіи—по совѣсти. Смотря по рѣшенію присяжныхъ, судьи или отпускаютъ подсудимаго на свободу, или назначаютъ ему наказаніе по закону. Присяжные ежегодно выбираются изъ всѣхъ сословій. Перваго января 1874 года былъ изданъ Высочайшій манифестъ, которымъ была произведена новая великая реформа въ нашемъ отечествѣ. До сихъ поръ воинская повинность возлагалась на сословія мѣщанъ и крестьянъ, и значительная часть русскихъ подданныхъ изъята была отъ этой повинности. Теперь же въ Россіи введена всеобщая воинская повинность. Каждый мужчина,—и крестьянинъ, и купецъ и дворянинъ, достигши 21 года, вынимаетъ жребій и, смотря по тому, каково его семейное положеніе и здоровье, или поступаетъ въ военную службу, или освобождается отъ нея навсегда. Денежный выкупъ или замѣна охотникомъ, какъ было прежде, теперь уже не допускается, и каждый, на кого палъ жребій, обязанъ прослужить на дѣйствительной службѣ шесть лѣтъ. Срокъ этой службы сокращается только для тѣхъ, которые учатся. И чѣмъ кто учится больше, больше образованъ, тѣмъ срокъ службы для него назначается меньшій. Новый законъ придалъ такое значеніе образованію, что даже за простую грамотность, получаемую въ народныхъ школахъ, сокращался срокъ дѣйствительной службы съ шести лѣтъ на четыре; для тѣхъ же, которые получаютъ высшее образованіе въ университетѣ, академіи или въ другомъ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи, срокъ этотъ сокра-

щался до полугода. Александръ II съ первыхъ же лѣтъ своего царствованія обратилъ особенное вниманіе на народное образованіе. Было утверждено положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ и число ихъ стало быстро увеличиваться, особенно благодаря дѣятельному участію земства, а для приготовленія народныхъ учителей стали учреждать учительскія семинаріи. Число гимназій и вообще средне-учебныхъ заведеній возросло съ 88 до 280; гимназіи были раздѣлены на классическія гимназіи и реальныя училища и получили новый уставъ; въ классическихъ гимназіяхъ въ основу образованія было положено изученіе классическихъ языковъ, латинскаго и греческаго. Въ университеты позволено было принимать неограниченное число студентовъ; новые университеты были открыты въ Одессѣ и Варшавѣ, разрѣшено открыть университетъ въ Томскѣ для Сибири. Особенно замѣчательно быстрое развитіе женскаго образованія. До сихъ поръ существовали только женскіе институты и частные пансіоны и то въ очень ограниченномъ числѣ; въ царствованіе Александра II впервые были открыты женскія гимназіи и прогимназіи для приходящихъ дѣвицъ, которыя приняла подъ свое высокое покровительство императрица Марія Александровна, супруга императора Александра II. Съ развитіемъ средняго женскаго образованія были сдѣланы попытки открыть женщинамъ доступъ и къ высшему образованію; соотвѣтственно мужскимъ университетамъ и академіямъ были учреждены педагогическіе курсы, высшіе женскіе курсы и курсы для занятій медициной и хирургіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ женщинамъ былъ открытъ доступъ и къ нѣкоторымъ служебнымъ занятіямъ.

164. Передъ волей.

Передъ ветхою избенкой
Старичекъ сидитъ сѣдой
И кудряваго ребенка
Онъ морщинистой рукой
Охватилъ. Въ свой полушубокъ
Завернулъ его теплѣй;
Съ пухлыхъ щекъ и алыхъ губокъ
Не спускаетъ онъ очей.
„Охъ! не долго, внучекъ милый,
Мнѣ поняньчиться съ тобой, —
Говоритъ старикъ: — въ могилу
Мнѣ пора ужъ на покой.

Долго маялся я, много
Вынесъ горя на плечахъ, —
Не легка была дорога,
Да Господь помогъ: Онъ благъ.
Хоть во многомъ былъ я грѣшенъ
И хоть часто я ропталъ,
Но подъ старость Имъ утѣшенъ:
Мнѣ онъ радость ниспослалъ.
Знаю я, мой свѣтикъ Саша,
Веселѣй твой будетъ вѣкъ:
Доля ждетъ тебя не наша —
Будешь вольный человѣкъ!

165. Картинка (19 февраля 1861 г.).

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.
Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.
Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.
Что-жъ такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужъ такъ умна?..
Нѣтъ! Одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.
Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...
Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!
Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.
Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!
Воля, братья—это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

166. Пѣсня о волѣ.

Ахъ ты воля, моя воля,
Золотая ты моя;
Воля соколъ поднебесный,
Воля свѣтлая заря.
Не съ росой ли ты спустилась,
Не во снѣ ли вижу я?
Аль горячая молитва
Долетѣла до царя?
Знать, провѣдалъ онъ, кормилецъ,
Про житье-бытье нужду;
Аль увидѣлъ нашъ родимый
Горемычную слезу?..
Позаботился не мало—
Дай Богъ царствовать ему!
Слово молвилъ—чудо стало,
И сбылось все на яву.
Богъ храни-жъ тебя, соколикъ,
Съ слезой радости скажу
И съ копейкой трудовою
Въ церковь Божію пойду.

Тамъ съ молитвою святою
Передъ образомъ свѣчу
За тебя, нашъ ненаглядный,
Солнце красное, зажгу.
И за матушку Царицу
И за весь твой Царскій Домъ
Запылаетъ восковая
Яркимъ пламеннымъ огнемъ!
На душѣ великій праздникъ
И на всей Руси святой,
Да и на небѣ-то ясномъ
Не безъ радости большой.
Звѣзды ярче заблистали,
Солнце свѣтитъ горячѣй;
Времена не тѣ ужъ стали,
Сердце бьется веселѣй.
Удаль просится на волю,
Плугъ не страшенъ для меня,—
Распотѣшусь въ чистомъ полѣ,
Потружуся для себя,

Для родной семьи съ охотой!
И за все ему, ему
Будетъ вѣчное спасибо.
Слава Батюшкѣ—Царю!

Веселись же, людъ крещеный!
И свободу и Царя
Дружно, весело мы встрѣтимъ,
Міромъ грянемъ мы—ура!

167. На освобожденіе крестьянъ.

День встаетъ багрянъ и пышенъ,—
Долгой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно-прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,—
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ,
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!..

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ... Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ...
Слышишь, новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ;
Людямъ—миръ, благоволенье.
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ...
Дню вчерашнему—забвенье,
Дню грядущему—привѣтъ!

168. Покореніе Кавказа и завоеванія въ средней Азіи.

Кавказскимъ краемъ называются земли, лежащія между морями Чернымъ и Каспійскимъ; земли эти представляютъ какъ бы широкій перешеекъ между названными морями. По срединѣ этого перешейка, въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, тянется Кавказскій хребетъ, которымъ край дѣлится на двѣ части: Предкавказье, то-есть земли, лежащія къ сѣверу отъ хребта, и Закавказье, то-есть земли къ югу отъ хребта. Предкавказье уже съ давнихъ временъ было заселено русскими казаками. Въ началѣ XIX в. православная Грузія, одно изъ главныхъ государствъ Закавказья, приняла подданство Россіи; въ 1800 году послѣдній Грузинскій царь Георгій XII-й завѣщалъ свой престолъ Русскому императору. Вслѣдъ за Грузіей и другія, болѣе мелкія, государства Закавказья, одно за другимъ, присоединялись къ Россіи, такъ что уже въ первые годы XIX в. къ Россіи присоединилось почти все Закавказье. Тогда мы вынуждены были вступить въ борьбу съ горцами — обитателями Кавказскаго хребта, которые мѣшали нашимъ сношеніямъ съ Закавказьемъ. Въ продолженіе почти 60-ти лѣтъ велась безпрерывная война съ этими горцами. Кавказская война не могла быть ведена

правильно, какъ ведутся обыкновенныя войны съ образованными народами. Встрѣчавшіяся на каждомъ шагу затрудненія при опасныхъ переходахъ чрезъ неприступныя горы и быстрыя горныя рѣки замедляли усмиреніе края. Горцы скрывались въ горахъ и лѣсахъ. Эти лѣса представляли для нихъ самую надежную защиту отъ нашихъ преслѣдованій, а потому признано было необходимымъ проводить въ кавказскихъ лѣсахъ большія просѣки по разнымъ направленіямъ. Этими просѣками облегчались сообщенія между нашими отдѣльными отрядами, и открывались пути для слѣдованія нашихъ войскъ во всѣ стороны. Хотя у насъ и было на Кавказѣ около 250 тысячъ войска, но казалось, что не будетъ конца этой войнѣ. Трудность нашего положенія увеличивалась еще тѣмъ, что въ Кавказскихъ горахъ появилась новая мусульманская секта такъ называемыхъ мюридовъ. Ученіе ихъ требовало отъ горцевъ безусловнаго повиновенія высшему духовному лицу — имаму и непрерывной войны противъ христіанъ. Главою мюридовъ былъ знаменитый имамъ—Шамиль. Названіе имамъ означаетъ духовнаго владыку, но Шамиль былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и искуснымъ военачальникомъ. Онъ укрѣпилъ и безъ того неприступныя горы, попастроилъ крѣпостей, завелъ пороховые и оружейные заводы, но главное — воспламенялъ въ горцахъ ненависть къ Русскимъ. По окончаніи Крымской войны императоръ Александръ II назначилъ главнокомандующимъ на Кавказѣ генерала Барятинскаго, который прежде долго служилъ въ этомъ краѣ, а потому зналъ его хорошо. Съ его назначеніемъ война приняла рѣшительный оборотъ. Устрашенныя общимъ наступленіемъ Русскихъ, племена Восточныхъ горъ Кавказа, гдѣ болѣе всего была распространена секта мюридовъ, стали отпадать отъ Шамиля и покоряться Россіи. Въ апрѣлѣ 1859 года былъ взятъ Веденъ, Чеченскій аулъ, мѣсто пребыванія Шамиля, послѣ чего весь воинственный Чеченскій народъ былъ вынужденъ покориться. Шамиль бѣжалъ въ Дагестанъ — крайнюю Восточную область Кавказа, примыкающую къ Каспійскому морю, но и тамъ не могъ удержаться и, принужденный отступить къ югу, занялъ тамъ неприступныя высоты аула Гуниба. Тутъ онъ укрѣпился съ 400 отчаянными мюридами при 4 орудіяхъ; взорвавъ порохомъ нѣкоторыя скалы, чтобы сдѣлать свое убѣжище еще болѣе недоступнымъ, загородилъ всѣ лѣсныя тропинки толстыми стѣнами и башнями въ три яруса и заготовилъ кучи камней, чтобы скатывать ихъ съ высоты на нашихъ солдатъ, если бы они отважились идти на приступъ,—однимъ словомъ, рѣшился защищаться до послѣдней

крайности. Но ничто не могло остановить наше молодецкое кавказское войско. Отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ князя Барятинскаго, обложилъ гору, имѣющую 50 верстъ въ окружности, и 25 августа 1859 году пошелъ на приступъ Гуниба. Увидѣвъ, что Русскіе наступаютъ со всѣхъ сторонъ, горцы стали сбрасывать съ горъ огромные камни, но наши по отвѣснымъ почти скаламъ продолжали взбираться на высоту, не останавливаясь. Горцы растерялись и побѣжали къ аулу, гдѣ заперлись въ каменныхъ сакляхъ и продолжали отстрѣливаться. Тогда князь Барятинскій, приказавъ остановить перестрѣлку, предложилъ Шамилю сдаться. Послѣ двухчасовыхъ переговоровъ Шамиль, считавшійся дотолѣ непобѣдимымъ, видя свое безъисходное положеніе, вышелъ изъ своего убѣжища и сдался, вручая свою судьбу милосердію Русскаго Царя. Главнокомандующій принялъ его ласково и съ почетомъ, и отправилъ въ Россію. Шамиль былъ поселенъ въ городѣ Калугѣ. Плѣненіе имама Шамиля произвело такое сильное впечатлѣніе на большую часть жителей Кавказа, что всѣ племена Восточной его части, одно за другимъ, покорились русскому оружію. Но Западный Кавказъ еще не покорялся, и одолѣть его было не легко. Эта часть Кавказа прилегаетъ къ Восточному берегу Чернаго моря. Послѣ Крымской войны у насъ уже не было флота на этомъ морѣ, а между тѣмъ съ этой стороны горцевъ поддерживали всѣ наши европейскіе недоброжелатели, не хотѣвшіе допустить окончанія Кавказской войны. Турція приняла горцевъ подъ свое покровительство, какъ своихъ единовѣрцевъ, и помогала имъ, доставляя оружіе, припасы и солдатъ-добровольцевъ. Необходимо было вытѣснить горцевъ изъ ихъ горныхъ ущелій и гнѣздъ, прижать ихъ къ морю, заставить сложить оружіе и уступить намъ морской берегъ. Александръ II, по свойственному ему великодушію, желалъ избѣжать, по возможности, крутыхъ мѣръ и съ этою цѣлью самъ лично посѣтилъ Кавказскій край. Тамъ онъ однако убѣдился, что горцы Западнаго Кавказа добровольно не покорятся. Тамъ ужъ дѣйствовалъ генералъ Евдокимовъ, отлично знакомый съ мѣстностью и характеромъ горцевъ. Дѣло пошло у него такъ быстро, что черезъ годъ, въ октябрѣ 1864 года, великій князь Михаилъ Николаевичъ, назначенный въ 1863 году намѣстникомъ Кавказа, могъ уже донести Александру II о полномъ покореніи Западнаго Кавказа. Затѣмъ уже безъ особенныхъ усилій послѣдовало усмиреніе всей страны между морями Каспійскимъ и Чернымъ.

Вскорѣ послѣ окончательнаго замиренія Кавказа русское

воинство ознаменовало себя новыми доблестными дѣлами въ Средней Азіи. Къ востоку отъ Кавказа, за Каспійскимъ моремъ, въ такъ называемой Средней Азіи, или Туркестанѣ, водвореніе русскаго вліянія началось съ Петра Великаго. Русскіе проникали въ Среднюю Азію со стороны Сибири и со стороны Каспійскаго моря. При Николаѣ I большая часть киргизскихъ ордъ, кочующихъ въ сѣверной части Туркестана, признала русское подданство. Подчиненіе Киргизовъ Сѣвернаго Туркестана повело къ столкновенію съ тремя магометанскими ханствами Средней Азіи: Коканскимъ, расположеннымъ на правой или нагорной сторонѣ рѣки Сыръ-Дарьи, Бухарскимъ, между рѣками Сыръ-Дарьей и Аму-Дарьей, и Хивинскимъ на лѣвой сторонѣ рѣки Аму-Дарьи. Кочевое населеніе этихъ ханствъ, привыкшее издавна къ хищнымъ набѣгамъ и грабежамъ, враждебно относилось къ водворенію мирнаго порядка и грабило наши пограничныя владѣнія. Кокапцы и особенно Хивинцы постоянно совершали дерзкіе набѣги на наши пограничныя селенія, нападали на русскіе торговые караваны, грабили, убивали или захватывали въ плѣнъ нашихъ купцовъ, продавали ихъ на своихъ рынкахъ и заставляли ихъ исполнять разныя трудныя работы. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ притѣсненій и разбоевъ, торговля наша съ Среднею Азіею сильно затруднялась и страдала, и мы были принуждены, волею-неволею, все далѣе выдвигаться въ глубину Туркестана, для обузданія вредившихъ намъ кочевниковъ. Въ 1864 году съ этою цѣлью посланы были изъ Оренбургскаго края генералъ Веревкинъ, а изъ Западной Сибири — полковникъ Черняевъ, съ небольшими отрядами войска. Черняевъ взялъ штурмомъ коканскую крѣпость Ауліеату, а генералъ Веревкинъ овладѣлъ Коканскимъ городомъ Туркестаномъ Вслѣдъ затѣмъ, въ 1865 году Черняевъ, имѣя всего 2.000 человѣкъ и 12 пушекъ, двинулся къ Ташкенту, главному городу Коканцевъ, и взялъ штурмомъ городъ, имѣвшій 100.000 жителей, окруженный стѣною въ 24 версты длины и оборонявшійся 30-тысячнымъ гарнизономъ при 63 орудіяхъ.

Скоро враждебныя дѣйствія бухарскаго эмира заставили Русскихъ предпринять походъ въ Бухару. Генералъ Романовскій разбилъ Бухарцевъ и взялъ ихъ городъ Ходжентъ, но эмиръ и послѣ этого еще не смирился. Тогда пришлось дѣйствовать противъ него рѣшительно, и русскія войска въ 1868 году взяли главный бухарскій городъ Самаркандъ. Этимъ былъ положенъ конецъ упорству эмира: особымъ договоромъ онъ обязался предоставить нашимъ купцамъ полную свободу торговли и уничтожить рабство въ своихъ

владѣніяхъ. Послѣ этого слухъ о могуществѣ Бѣлаго Царя распространился по всей Средней Азіи. Всѣ завоеванныя въ Коканѣ и Бухарѣ земли были присоединены къ владѣніямъ Россіи и образовали особую Туркестанскую область, подъ управленіемъ генералъ-губернатора. Подъ защитою правительства торговля наша въ Средней Азіи замѣтно оживилась, и благосостояніе туземныхъ жителей стало возвышаться. Въ глубинѣ дикаго края основывались школы, стали проводиться шоссейныя дороги, вообще началъ устанавливаться порядокъ. Но этимъ еще не кончились наши военныя дѣйствія въ Азіи. Безпокойный Хивинскій ханъ, думая, что нашимъ войскамъ трудно будетъ добраться до его владѣній, окруженныхъ безводною степью, смѣло нападалъ по дорогамъ на нашихъ торговыхъ людей, уводилъ ихъ въ плѣнъ и наносилъ большой ущербъ нашей торговлѣ. Рѣшено было смирить задорнаго сосѣда. Въ 1873 году три русскіе отряда, соединившіеся въ Средней Азіи подъ общимъ начальствомъ туркестанскаго генералъ-губернатора Кауфмана, двинулись противъ Хивы. Три мѣсяца шли они по тысячеверстной степи, въ полномъ вооруженіи, подъ палящимъ солнцемъ, по сыпучимъ, раскаленнымъ пескамъ, принужденные сами рыть колодцы, чтобы добывать воду, и то солоноватую, мало годную къ употребленію. Лишенія и трудности, которыя имъ пришлось преодолѣвать, были невѣроятны. Къ тому же на нихъ безпрестанно нападали скопища Туркменъ, кочевавшихъ по Закаспійскому краю, старавшихся не пустить ихъ въ Хиву. Но терпѣливые русскіе солдаты вынесли все: бодро дошли они въ началѣ мая до Хивинскаго ханства; нѣсколько городовъ были взяты съ бою, другіе сдались безъ сопротивленія, а 29 мая сдалась и столица-городъ Хива. Въ три недѣли все ханство было покорено; ханъ изъявилъ полную покорность Русскому Царю, призналъ свою зависимость отъ него, уплатилъ военныя издержки, предоставилъ русскимъ купцамъ полную свободу торговли, уступилъ намъ часть своихъ владѣній при устьѣ рѣки Аму-Дарьи и совершенно отмѣнилъ въ своемъ ханствѣ на вѣчныя времена торговлю рабами. Черезъ два года въ Коканѣ вспыхнуло новое возстаніе противъ русскаго владычества. Возмутители объявили войну за вѣру и отказались повиноваться своему хану, покорному Россіи; напали на проживавшихъ въ Коканѣ Русскихъ, убили нѣсколькихъ русскихъ солдатъ и, наконецъ, вторглись даже въ русскіе предѣлы. Пришлось воевать съ Коканцами. Войска наши, подъ главнымъ начальствомъ генерала Кауфмана, вновь одержали надъ Коканцами полную побѣду, послѣ которой все Коканское ханство въ 1876 году

было присоединено къ Россіи, подъ названіемъ Ферганской области. Послѣ завоеванія Кокана, Хивинскій ханъ и Бухарскій эмиръ отдались подъ покровительство Россіи. Продолжавшіеся послѣ того набѣги и грабежи Закаспійскихъ Туркменъ заставили Русское правительство снарядить экспедицію подъ начальствомъ генерала Скобелева. Послѣ взятія сильныхъ Туркменскихъ укрѣпленій при Геокъ-Тепе русскія войска заняли всю Туркменію. Изъ присоединенныхъ Туркменскихъ земель уже при императорѣ Александрѣ III образована область Закаспійская.

При Александрѣ II богатый Пріамурскій край, уступленный въ XVII столѣтіи Китаю, былъ возвращенъ подъ владычество Россіи въ 1858 году по мирному договору съ китайскимъ правительствомъ, заключенному генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Муравьевымъ, награжденнымъ титуломъ графа и получившимъ имя Амурскаго. Въ Амурскій край правительство стало направлять переселенцевъ изъ Европейской Россіи и построило тамъ нѣсколько городовъ (Благовѣщенскъ на среднемъ Амурѣ и Николаевскъ на его устьѣ). Въ 1860 году, по новому договору съ Китаемъ, присоединенъ къ Россіи богатый Уссурійскій край: граница опредѣлена на рѣкѣ Уссури и отъ нея до береговъ Японскаго моря. Въ 1875 году опредѣлены границы россійскихъ и японскихъ водъ; островъ Сахалинъ, который принадлежалъ частью Россіи, а другою частью Японіи, перешелъ весь во владѣніе Россіи, русское же правительство уступило Японіи группу Курильскихъ острововъ.

169. Споръ.

Какъ-то разъ передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ-горою [1])
Былъ великій споръ.
„Берегись!“ сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
„Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ,
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ —
Берегися—многолюденъ
И могучъ Востокъ!“
— „Не боюся я Востока!“
Отвѣчалъ Казбекъ:
„Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.

[1]) Казбекъ и Шатъ-гора (Эльборусъ) главныя вершины Кавказскихъ горъ.

Посмотри: въ тѣни чинары
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!"
— „Не хвались еще заранѣ!"
Молвилъ старый Шатъ:
„Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!"
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И смутясь на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньи
Смотритъ полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ!
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой [1]).
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно—медленны, какъ тучи,
Прямо на Востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый—
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ [2])
И на вѣкъ затихъ.

170. Война съ Турками за освобожденіе славянъ (1877—1878 г.).

За освобожденіемъ рабовъ въ Средней Азіи вскорѣ послѣдовала война за освобожденіе Болгаръ. Турецкій гнетъ сталъ настолько невыносимъ для Славянъ, что въ 1875 году двѣ турецкія области, Боснія и Герцеговина, населенныя Сербами, возстали и съ оружіемъ въ рукахъ требовали равноправія съ мусульманскими подданными Турціи. Всѣ представленія Россіи какъ Турціи, такъ и европейскимъ державамъ о томъ, чтобы заставить Турцію облег-

[1]) Генералъ Ермоловъ.

[2]) Горцы называютъ шапкою облака, постоянно лежащія на вершинѣ Казбека.

чить участь нашихъ единовѣрцевъ, ни къ чему не привели, потому что Англія и Австрія явились самыми усердными покровителями турецкаго ига. Между тѣмъ волненіе балканскихъ Славянъ разгоралось; Турки, сильнѣйшіе числомъ, избивали христіанъ десятками тысячъ, но не могли окончательно уничтожить возстаніе; къ нему присоединились княжества Сербія и Черногорія. Началась упорная борьба на жизнь и на смерть. Страданія единовѣрныхъ народовъ, какъ и всегда, возбудили сочувствіе всего русскаго народа. Оно выразилось большими денежными пожертвованіями и посылкою нѣсколькихъ тысячъ добровольцевъ въ Сербію. Но борьба была не равна: Турція, снабжаемая Англіею деньгами, оружіемъ и даже командирами изъ Англичанъ, сломила силы сербовъ и уже готовилась ворваться въ предѣлы Сербіи. Тогда Императоръ Александръ II, внимая голосу всего русскаго народа, въ октябрѣ 1876 года послалъ требованіе Турціи, чтобы война была немедленно остановлена, и, чтобы поддержать это требованіе, приказалъ привести на военное положеніе часть арміи. Сношенія съ иностранными державами привели къ конференціи въ Константинополѣ. Представители Россіи, вмѣстѣ съ другими, требовали отъ Порты немедленныхъ реформъ, но Турція, подстрекаемая Англіею, отвергла справедливыя требованія. Такимъ образомъ всѣ мѣры довести дѣло до конца мирнымъ путемъ оказались тщетными, хотя Александръ II желалъ достигнуть этого безъ пролитія крови. „Я знаю“ — сказалъ онъ 10 ноября 1876 года въ Москвѣ — „что вся Россія вмѣстѣ со мною принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь“. Между тѣмъ Турція, пользуясь временемъ и усердною помощью Англіи, успѣла собрать значительныя силы и окончательно отвергла всякія требованія, а потому война сдѣлалась неизбѣжна.

12 апрѣля 1877 года она была объявлена Турціи, и русская армія, состоявшая изъ семи корпусовъ и собранная подъ Кишиневомъ, двинулась въ Румынію подъ предводительствомъ Великаго Князя Николая Николаевича, а въ то же время Кавказскій корпусъ, съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ во главѣ — въ Азіатскую Турцію. При первой арміи находился Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и другіе члены царствующаго дома. Въ началѣ іюня мѣсяца армія сосредоточилась на Дунаѣ, въ ожиданіи удобнаго времени для переправы; между тѣмъ

кавказскій корпусъ взялъ крѣпости Ардаганъ, Баязетъ и осадилъ Карсъ. Около половины іюня была совершена переправа черезъ Дунай въ двухъ пунктахъ, Турки были отброшены и была взята крѣпость Никополь. Въ то же время авангардъ арміи, подъ начальствомъ генерала Гурко, быстро двинулся къ Балканамъ, занялъ весьма важный для насъ Шипкинскій перевалъ и бросился въ долину Тунджи за Балканами. Между тѣмъ Турки постепенно сосредоточили свои силы у Плевны, подъ начальствомъ Османа-паши, а также между Рущукомъ, Силистріей, Варной и Шумлой подъ начальствомъ Мегметъ-али паши и у Шипкинскаго перевала подъ начальствомъ Сулеймана-паши. Такое положеніе дѣлъ заставило принять мѣры къ обезпеченію нашихъ фланговъ, а потому потребовало больше войскъ и лишило возможности дѣйствовать наступательно до взятія Плевны. Въ виду этого, главныя дѣйствія сосредоточились у Плевны, а на Рущукскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича и Шипкинскій отрядъ генерала Радецкаго возложено было удержаніе турецкихъ армій до рѣшенія дѣлъ въ Плевнѣ. Турки заняли сильную по своему положенію Плевну, устроили нѣсколько рядовъ укрѣпленій и сдѣлали позицію неприступною. Несмотря на мужество нашихъ войскъ, штурмы были отбиты, а потому пришлось ограничиться возможнымъ оцѣпленіемъ турецкой позиціи, чтобы не допустить подвоза снабженія и заставить Турокъ сдаться. Между тѣмъ отрядъ Наслѣдника Цесаревича, несмотря на недостаточную численность, блистательно удерживалъ втрое сильнѣйшаго непріятеля, а генералъ Радецкій отбилъ нѣсколько отчаянныхъ приступовъ Сулеймана-паши. Отдѣльный корпусъ генерала Циммермана въ Добруджѣ препятствовалъ движенію Турокъ со стороны моря и отвлекалъ часть арміи, дѣйствовавшей противъ отряда Наслѣдника Цесаревича. Это было тяжелое время войны. Но среди войска былъ Царь, раздѣлявшій со своей славной арміей всѣ труды и лишенія. Онъ вездѣ являлся, какъ утѣшитель страдальцевъ за освобожденіе христіанъ, посѣщалъ госпитали, гдѣ лежали люди, готовые отдать и послѣднюю каплю крови за него и начатое имъ дѣло. Весь русскій народъ смотрѣлъ съ благоговѣніемъ на христіанскіе подвиги своего государя и по его примѣру не жалѣлъ своихъ средствъ для облегченія участи раненыхъ и больныхъ. Пока была временная остановка на европейскомъ театрѣ войны, въ Азіатской Турціи военныя дѣйствія шли быстро, но Турки, владѣя Чернымъ моремъ, могли легко перевозить войска и успѣли выставить такія силы, что на этомъ театрѣ войны наши войска должны

были отступить и сосредоточиться въ ожиданіи подкрѣпленій. Наши моряки, несмотря на относительную слабость нашего флота, совершали чудеса храбрости и взорвали нѣсколько турецкихъ сильныхъ судовъ. Съ прибытіемъ подкрѣпленій на оба театра войны, военныя дѣйствія приняли рѣшительный характеръ. Въ началѣ октября Турки, разбитые подъ Авліяромъ, бѣжали; затѣмъ 6 ноября пала первоклассная крѣпость Карсъ, и войска Кавказскаго корпуса, преслѣдуя Турокъ, обложили Эрзерумъ. На европейскомъ театрѣ было отрѣзано сообщеніе Плевны, и войска гвардіи, послѣ взятія нѣсколькихъ турецкихъ укрѣпленій, стали твердою ногою на Софійскомъ шоссе. 28 ноября Османъ-паша рискнулъ пробиться изъ Плевны, но былъ отброшенъ назадъ и сдался со всею арміею. Между тѣмъ наступила суровая зима, Балканы казались Туркамъ непроходимыми. Но тутъ и выказалась вся доблесть русской арміи: отрядъ генерала Гурко двинулся черезъ Балканы къ Софіи и разбилъ армію Сулеймана-паши, а отрядъ генерала Радецкаго, обойдя отъ Шипки турецкую армію, взялъ ее въ плѣнъ. Послѣ такого страшнаго пораженія Турки бѣжали, а наши отряды двинулись на Адріанополь, а затѣмъ подошли къ Константинополю, готовые на штурмъ послѣдняго оплота Турокъ.

Турецкій султанъ обратился съ мольбою къ Государю о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Портѣ даровано было перемиріе, а за нимъ 19 февраля 1878 года былъ заключенъ предварительный мирный договоръ въ Санъ-Стефано, по которому Россія пріобрѣла полосу земли въ Арменіи съ крѣпостью Карсомъ и портомъ Батумомъ и возвратила часть Бессарабіи, уступленную въ 1856 году. Главная цѣль войны была достигнута: Славяне получили свободу. Они получили ее въ день восшествія на престолъ Царя-Освободителя. Зависть Англіи къ успѣхамъ русскаго оружія и боязнь русскаго вліянія на востокѣ вызвали въ Европѣ дипломатическое движеніе противъ договора съ Турціею. Александръ II согласился на пересмотръ его въ общеевропейскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, на которомъ послѣдовали нѣкоторыя измѣненія. Тѣмъ не менѣе Сербія и Черногорія получили полную независимость и расширеніе своихъ предѣловъ, а Болгарія раздѣлена на двѣ части: Дунайская — образовала особое княжество, а Забалканская — отдѣльную провинцію.

Цѣль была достигнута: христіанскіе народы Турціи, при помощи Россіи, ведомой своимъ монархомъ, были освобождены отъ турецкаго ига, освобождены навсегда. Цѣль этой войны вызвала сочувствіе всего русскаго народа; всѣ богатые и бѣдные несли свои

жертвы, самъ Государь и большая часть его семейства приняли личное участіе въ войнѣ. Оттого-то войска рвались въ бой и на упитанныхъ русскою кровью поляхъ Болгаріи взросла дорогая свобода единоплеменныхъ, далекихъ братій. Пройдутъ вѣка, смѣнятся цѣлыя поколѣнія людей, но никогда не забудется доблесть русскаго народа и христіанское милосердіе Царя-Освободителя.

171. Императоръ Александръ II на смотру въ Плоэшти въ 1877 г.

Передъ Плоэшти намъ сказали, что въ этомъ городѣ насъ будетъ смотрѣть Государь. Мы проходили передъ нимъ, какъ были съ похода, въ тѣхъ же грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ, въ тѣхъ же побурѣвшихъ и запыленныхъ сапогахъ, съ тѣми же тяжело-навьюченными ранцами, сухарными сумками и бутылками на веревочкахъ. Солдатъ не имѣлъ въ себѣ ничего щегольского, молодецкаго или геройскаго; каждый былъ больше похожъ на простого мужика, только ружье да сумки съ патронами показывали, что этотъ мужикъ собрался на войну. Насъ построили въ узкую колонну по 4 человѣка въ шеренгѣ: иначе нельзя было идти по узкимъ улицамъ города. Я шелъ сбоку, старался больше всего не сбиться съ ноги, держать равненіе и думалъ о томъ, что если Государь съ своей свитой будетъ стоять съ моей стороны, то мнѣ придется пройти передъ его глазами и очень близко отъ него. Только взглянувъ на шедшаго рядомъ со мною Житкова, на его лицо, какъ и всегда, суровое и мрачное, но взволнованное, я почувствовалъ, что и мнѣ передается часть общаго волненія, что сердце у меня забилось сильнѣе. И мнѣ вдругъ показалось, что отъ того, какъ посмотритъ на насъ Государь, зависитъ для насъ все. Когда мнѣ впослѣдствіи пришлось идти въ первый разъ подъ пули, я испыталъ чувство, близкое къ этому. Люди шли быстрѣе и быстрѣе; шагъ становился больше, походка свободнѣе и тверже. Мнѣ не нужно было приноравливаться къ общему такту: усталость прошла. Точно крылья выросли и несли впередъ, туда, гдѣ уже гремѣла музыка, и раздавалось оглушительное „ура“! Не помню улицъ, по которымъ мы шли; не помню, былъ ли народъ на этихъ улицахъ, смотрѣлъ ли на насъ, помню только волненіе, охватившее душу, вмѣстѣ съ сознаніемъ страшной силы массы, къ которой принадлежалъ, и которая увлекала тебя. Чувствовалось, что для этой массы нѣтъ ничего невозможнаго, что потокъ, съ которымъ вмѣстѣ я стремился и котораго часть я со-

ставлялъ, не можетъ знать препятствій, что онъ все сломитъ и все уничтожитъ. И всякій думалъ, что тотъ, передъ которымъ проносился этотъ потокъ, можетъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки измѣнить его направленіе, вернуть назадъ или снова бросить на страшныя преграды... „Ты ведешь насъ“, думалъ каждый: „тебѣ мы отдаемъ свою жизнь; смотри на насъ и будь покоенъ: мы готовы умереть“. И онъ зналъ, что мы готовы умереть. Онъ видѣлъ страшные, твердые въ своемъ стремленіи ряды людей, почти бѣгомъ проходившихъ передъ нимъ, людей своей бѣдной страны, бѣдно одѣтыхъ, грубыхъ солдатъ. Онъ чуялъ, что всѣ они шли на смерть, спокойные и свободные отъ отвѣтственности. Онъ сидѣлъ на сѣромъ конѣ, неподвижно стоявшемъ и насторожившемъ уши на музыку и бѣшеные крики восторга. Вокругъ была пышная свита; но я не помню никого изъ этого блистательнаго отряда всадниковъ, кромѣ одного человѣка на сѣромъ конѣ, въ простомъ мундирѣ и бѣлой фуражкѣ. Я помню блѣдное, истомленное лицо, истомленное сознаніемъ тяжести взятаго рѣшенія. Я помню, какъ по его лицу градомъ катились слезы, падавшія на темное сукно мундира свѣтлыми, блестящими каплями; помню судорожное движеніе руки, державшей поводъ, и дрожащія губы, говорившія что-то, должно быть, привѣтствіе тысячамъ молодыхъ, погибающихъ жизней, о которыхъ онъ плакалъ. Все это явилось и исчезло, какъ освѣщенное на мгновеніе молніей, когда я, задыхаясь не отъ бѣга, а отъ нечеловѣческаго, яростнаго восторга, пробѣжалъ мимо него, поднявъ высоко винтовку одной рукой, а другой — махая надъ головой шапкой и крича оглушительное, но отъ общаго вопля неслышное самому мнѣ „ура“! Все это промелькнуло и исчезло. Пыльныя улицы, залитыя палящимъ зноемъ; измученные возбужденіемъ и почти бѣглымъ шагомъ на пространствѣ цѣлой версты солдаты, изнемогающіе отъ жажды; крикъ офицеровъ, требующихъ, чтобы всѣ шли въ строю и въ ногу — вотъ все, что я видѣлъ и слышалъ пять минутъ спустя. И когда мы прошли еще версты двѣ душнымъ городомъ и пришли на выгонъ, отведенный намъ подъ бивуакъ, я бросился на землю, совершенно разбитый и тѣломъ и душою.

172. Кладъ.

Намъ Турокъ измѣнникъ, осклабясь, шепталъ:
Хватайтесь скорѣй за лопаты!
Я знаю, гдѣ пушки Османъ закопалъ.
Вотъ мѣсто — не холмъ, не редутъ и не валъ,
Здѣсь кладъ вы найдете богатый.

И точно: при свѣтѣ холодной луны
Вблизи, на подобье кургана,
Недавняя насыпь среди бѣлизны
Лежащей кругомъ снѣговой пелены
Темнѣетъ, какъ черная рана.
И песъ одичалый по насыпи той
Въ полуночи бродитъ уныло...
Эй, Турокъ! Ты лжешь — не чугунъ боевой,
Не пушки тяжелыя — кладъ здѣсь иной
Закопанъ подъ свѣжей могилой!
Лопаты о мерзлую землю стучатъ,
Спорится ночная работа.
Вдругъ стой! И попятился старый солдатъ
И въ страхѣ блѣднѣетъ, находкѣ не радъ —
Открылъ онъ ужасное что-то!
Смотри-ка, ребята, смотри да дивись!
Глядятъ: голова человѣчья
Торчитъ изъ земли... Вновь копать принялись,
Толпою вокругъ мертвеца собрались:
На тѣлѣ ни ранъ, ни увѣчья!
Стоитъ русскій воинъ безмолвенъ и прямъ,
Глубокою дремой объятый,
И ранецъ примерзъ къ молодецкимъ плечамъ,
И сдвинуты ноги, и руки по швамъ;
Лишь пальцы страдальчески сжаты.
Намъ жутко всѣмъ стало... невольный испугъ
Сжалъ сердце. Крестились солдаты,
Въ суровомъ унынье поникли вокругъ.
Промчалось мгновенье... очнулись и вдругъ
Схватилися вновь за лопаты.
Лопаты о мерзлую землю стучатъ;
Кипитъ и спорится работа.
Изъ глуби кургана встаетъ страшный кладъ!
Встаетъ при лунѣ мертвецовъ длинный рядъ,
Ихъ строится цѣлая рота.
И каждому свѣтитъ въ лицо мертвецу
Луна сквозь ночного тумана.
Какъ въ часъ торжества на парадномъ плацу
Во фронтѣ стоятъ — молодецъ къ молодцу,
Отборныя жертвы Османа!
Стоятъ неподвижно дружиной нѣмой,
Пріявшіе смерть безъ боязни,
Живыми зарытые мести людской
Не просятъ они. Судія не земной
Да будетъ отмститель ихъ казни.
И въ горѣ и въ страхѣ съ молитвой опять,
Не трогая, ихъ мы зарыли.
И псамъ на съѣденье чтобъ трупы не дать,
Курганъ стала вьюга къ ночи заметать
И бури надъ ними завыли.
Намъ плакать по мертвымъ не время. Съ утра
Срядились въ походъ. Намъ бураны,

Мятели и бури не страшны. Пора
Съ врагами кончать... Надоѣла игра!
Миръ павшимъ! а мы за Балканы.

173. Братьямъ-Славянамъ.

Ой, стоги, стоги,
На лугу широкомъ
Васъ не перечесть,
Не окинуть окомъ!
Ой, стоги, стоги,
Въ зеленомъ болотѣ
Стоя на часахъ,
Что вы стережете?
— Добрый человѣкъ,
Были мы цвѣтами,
Покосили насъ
Острыми косами.
Раскидали насъ
Посреднѣ луга,
Раскидали врозь
Далѣ другъ отъ друга.
Отъ лихихъ гостей
Нѣтъ намъ обороны,
На главахъ у насъ
Черныя вороны.

На главахъ у насъ,
Затмевая звѣзды,
Галокъ стая вьетъ
Поганыя гнѣзда.
Ой, орелъ, орелъ,
Нашъ отецъ далекій,
Опустися къ намъ,
Грозный, свѣтлоокій!
Ой, орелъ, орелъ,
Внемли нашимъ стонамъ!
Долѣ насъ срамить
Не давай воронамъ!
Накажи скорѣй
Ихъ высокомѣрье:
Съ неба въ нихъ ударь,
Чтобъ летѣли перья,
Чтобъ летѣли врозь,
Чтобъ въ степи широкой
Вѣтеръ ихъ разнесъ
Далеко, далеко!

174. Мученическая кончина Царя-Освободителя.

Вскорѣ послѣ заключенія мира съ Турками (1878 г.) начали проявляться глухіе тайные замыслы враговъ внутреннихъ, покушавшихся уже не разъ на священную особу Царя и на жизнь его приближенныхъ. Эти безумцы-преступники, поддерживаемые заграничными врагами Россіи, присвоивъ себѣ право говорить во имя, будто-бы, отечества и русскаго народа, стремились къ передѣлу имуществъ и къ уничтоженію власти Царя и его правительства, не гнушаясь ни убійствъ, ни другихъ преступленій. Первая попытка привести въ исполненіе ужасный замыселъ цареубійства была произведена еще задолго до войны (4-го апрѣля 1866 года), въ Петербургѣ. Дѣло было такъ: покойный Государь любилъ передъ обѣдомъ прогуливаться въ Лѣтнемъ саду, выходящемъ на набережную рѣки Невы. Въ этотъ день, окончивъ прогулку, Государь направился къ набережной, чтобы сѣсть въ ожидавшую его коляску. Вдругъ, въ минуту, когда Государь выходилъ изъ большихъ воротъ сада, раздался выстрѣлъ... Кто-то бросился бѣжать по набережной, кинувъ

на землю пистолетъ. За нимъ погнались полицейскіе, догнали, схватили его и едва могли спасти отъ ярости народа, который тутъ же хотѣлъ растерзать его на части. Государь Божіею милостію остался невреднмъ, хотя выстрѣлъ послѣдовалъ съ такого близкаго разстоянія, что опасность казалась неминуемою. Что́ же спасло жизнь Государя? За спиною злоумышленника случайно стоялъ русскій крестьянинъ, бывшій крѣпостной, Осипъ Ивановъ, по прозванію Комисаровъ. Замѣтивъ передъ собою дуло пистолета, направляемое въ Государя, онъ мгновенно оттолкнулъ руку злодѣя, и пуля приняла другое направленіе, не задѣвъ, къ счастію, никого. Итакъ, жизнь Государя была спасена однимъ изъ освобожденныхъ имъ крѣпостныхъ крестьянъ, какъ бы въ благодарность за великое дѣло освобожденія. Уроженецъ Костромской губерніи, Осипъ Ивановъ Комисаровъ жилъ въ Петербургѣ, обучаясь шапочному мастерству. День 4-го апрѣля, когда Богъ благословилъ его сдѣлаться спасителемъ Царя, былъ днемъ его именинъ, и онъ шелъ на Петербургскую сторону, чтобы помолиться въ часовнѣ Христа Спасителя. Государь щедро наградилъ его и возвелъ въ потомственное дворянское достоинство, присвоивъ ему фамилію Комисарова-Костромского. Всѣхъ поразило ужасомъ небывалое на Руси возмутительное преступленіе, но этотъ ужасъ смягчался всеобщею радостью — спасеніемъ драгоцѣнной жизни Государя отъ опасности. Это первое покушеніе на жизнь Государя было, къ несчастію, не послѣднимъ. Не разъ возобновлялись преступныя попытки, но провидѣніе Божіе чудесною силою спасало жизнь своего Избранника. Тяжело разсказывать объ этихъ ужасающихъ событіяхъ! Всѣ они исходили отъ той же горсти безбожныхъ злодѣевъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ богобоязненнымъ, вѣрнымъ и любящимъ своего Царя русскимъ народомъ. Едва Россія успѣла помолиться отъ всего сердца за своего Царя 19 февраля 1880 года, въ день двадцатипятилѣтія его царствованія, какъ узнаетъ она о взрывѣ динамитомъ цѣлой части дворца подъ тою залою, гдѣ долженъ былъ Царь, со своею семьею, съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и его супругою и всѣми сыновьями своими, обѣдать. Жертвою взрыва дѣлаются солдаты караула гвардейскаго Финляндскаго полка. Въ залѣ же, гдѣ надлежало быть Царю и его семьѣ, еще никого не было.

Наступилъ роковой день 1 марта 1881 года... Было воскресенье; послѣ обѣдни, Государь былъ на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ и оттуда заѣхалъ во дворецъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, а послѣ завтрака у нея велѣлъ ѣхать въ Зимній дворецъ.

Карета выѣхала на Екатерининскій каналъ и поворотила по набережной канала; ее сопровождали верхомъ шесть человѣкъ конвойныхъ; сзади ѣхалъ въ саняхъ полицеймейстеръ полковникъ Дворжицкій. По набережной шли и стояли нѣсколько человѣкъ. Экипажъ Государя не доѣхалъ еще до Театральнаго моста, какъ раздался подъ нимъ страшный трескъ, и лошади внезапно остановились. Задняя часть кареты была сильно повреждена, и всѣ стекла въ ней перебиты. Дворжицкій подбѣжалъ къ дверцѣ, изъ которой уже выходилъ Государь, спрашивая: что случилось? Разрывъ брошенной подъ карету бомбы не причинилъ ему никакого вреда, но одинъ изъ конвойныхъ, скакавшихъ позади, свалился съ лошади, смертельно раненый; мальчикъ-мясникъ лѣтъ 14-ти, несшій на головѣ лотокъ съ мясомъ, и саперный офицеръ, шедшій по панели, также лежали безъ движенія. Кучеръ Государя обернулся къ нему съ козелъ и сказалъ: „поѣдемте, Государь!“ Дворжицкій также просилъ его ѣхать скорѣе. Но Государь, не слушая, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, сказавъ: — „хочу видѣть раненыхъ“. Въ это время собравшаяся толпа успѣла остановить здороваго человѣка, кинувшаго бомбу. Одинъ изъ конвойныхъ казаковъ, при помощи трехъ проходившихъ мимо крестьянскихъ мальчиковъ, обезоружилъ и держалъ его. Государь, подойдя почти въ упоръ къ преступнику, спросилъ его фамилію и приказалъ немедленно отправить его къ градоначальнику. Затѣмъ Царь велѣлъ показать ему мѣсто взрыва и раненыхъ и подошелъ къ образовавшейся отъ взрыва ямѣ. Въ эту минуту подбѣжалъ къ нему какой-то молодой человѣкъ, поднялъ что-то высоко надъ своей головой и съ размаха бросилъ къ ногамъ Государя. Государь только успѣлъ перекреститься, какъ раздался ужасный взрывъ, и онъ упалъ, простонавъ: „помогите“. Дворжицкій и подоспѣвшій морской офицеръ Новиковъ стали поднимать Государя. Положеніе его было ужасное! Ноги ниже колѣна были раздроблены; кровь лилась страшно, на лицѣ была также кровь. Подошли матросы; съ помощью ихъ Новиковъ понесъ Государя. Въ это время подъѣхалъ великій князь Михаилъ Николаевичъ и, склонившись къ лицу Государя, спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ. Отвѣта нельзя было разслышать. Его понесли дальше. Народъ собирался со всѣхъ сторонъ; многіе падали на колѣни, крестились и плакали. Положить раненаго было некуда: карета была вся переломана, а лошади полицеймейстера Дворжицкаго, въ испугѣ отъ взрыва, понеслись по набережной. Попались на дорогѣ извозчичьи сани, но на нихъ трудно было везти раненаго. Новиковъ обратился къ Ве-

ликому Князю съ просьбой разрѣшить внести Государя въ большой домъ, находящійся тотчасъ за мостомъ, чтобы сдѣлать перевязку. Государь, услышавъ эти слова, произнесъ внятно: „Во дворецъ, тамъ умереть“. Это были послѣднія слова его; онъ закрылъ глаза и не произносилъ болѣе ни слова. Подъѣхали, наконецъ, лошади Дворжицкаго, Государя посадили въ парныя сани; съ обѣихъ сторонъ его поддерживали. Онъ сидѣлъ облокотившись, закидывая или опуская голову. Сначала ѣхали шагомъ, но силы Государя падали болѣе и болѣе; приказано было ѣхать быстро. Сани понеслись. Государь былъ внесенъ во дворецъ. Все возможное было сдѣлано лучшими врачами столицы, чтобы сохранить жизнь Государя. Духовникъ его воспользовался минутой, въ которую Государю возвратилось сознаніе, чтобъ пріобщить его Св. Таинъ. Усилія врачей не помогли: въ 3 часа 35 минутъ пополудни онъ отошелъ въ жизнь вѣчную! Царь, 25 лѣтъ трудившійся во имя любви, Царь, освободившій отъ крѣпостного ига десятки милліоновъ народа, отмѣнившій все жестокое въ казняхъ и наказаніяхъ, воздвигнувшій тысячи школъ для просвѣщенія своего народа, давшій судамъ завѣтъ правды и милости, воззвавшій всю Россію къ мирному труду для развитія внутренняго благосостоянія, сдѣлавшій солдату службу легкою и улучшившій его бытъ, освободившій милліоны Славянъ, Царь, съ первой минуты царствованія до послѣдней думавшій прежде всего о другихъ, простившій безчисленному множеству людей ихъ вины,—этотъ именно Царь падаетъ убитымъ среди бѣлаго дня въ своей столицѣ отъ рукъ злодѣевъ. Цареубійцы думали, что послѣ такого небывалаго событія непремѣнно произойдетъ смута, но ошиблись въ расчетѣ. Вся Россія съ ужасомъ и скорбью приняла страшную вѣсть и искала утѣшенія въ молитвѣ за душу вѣнценоснаго страдальца и за здравіе и спасеніе его преемника.

175. Царю-Освободителю.

Великій день! минуло четверть вѣка,
Какъ на Руси, безъ смуты и борьбы,
По манію царя и человѣка,
Къ свободѣ, къ жизни призваны рабы.
Умы твердили робкіе: „не время!“
Ихъ обуялъ неодолимый страхъ...
Но мощно онъ подъялъ святое бремя
И вынесъ на своихъ его плечахъ!
Его слова—громадно ихъ значенье!
Въ сердцахъ людей вовѣки не замрутъ:
„Сверши, народъ мой, крестное знаменье

„И Божье призови благословенье
„На честный свой и на свободный трудъ!“
Еще висѣлъ туманъ передъ разсвѣтомъ,
Съ живымъ лучомъ еще боролась мгла,
Но воля въ немъ къ добру — превозмогла
И стала новымъ царственнымъ завѣтомъ.
И мракъ тысячелѣтія густой
Въ единый день исчезъ въ лучѣ единомъ...
Взошла заря — и пахарь нашъ простой,
Уснувъ рабомъ, проснулся гражданиномъ!
Какъ былъ въ тотъ день прекрасенъ и великъ
Народный вождь, народомъ окруженный!
Какъ подвигомъ великимъ озаренный,
Былъ свѣтелъ, благъ его спокойный ликъ!
А площадь колыхалася, какъ море,
И знаменіе крестное творя,
Благословлялъ съ слезою въ каждомъ взорѣ
Весь людъ освободителя-царя...
Онъ зналъ народъ свой вѣрующій, сильный,
Онъ былъ съ народомъ — плоть одна и кровь,
Источникъ въ немъ кипѣлъ любвеобильный,
Жила въ немъ къ человѣчеству любовь!
Благословенъ твой подвигъ величавый,
Благословенъ да будешь ты во вѣкъ,
Жизнь обновленную намъ давый,
Освободитель, царь и человѣкъ!

176. Памятникъ Императору Александру II Освободителю.

Изъ мѣди и мрамора въ старомъ Кремлѣ
Воздвигли мы памятникъ прочный тебѣ,
Но мѣди и мрамора будетъ прочнѣй
Та слава, что добылъ ты жизнью своей.
Разсядется мраморъ, разрушится мѣдь,
Но память не можетъ твоя умереть.
Въ Россіи, доколѣ Россія стоитъ,
Народомъ своимъ ты не будешь забытъ,
А тамъ, на Балканахъ, давно ужъ поетъ
Тебя въ своихъ пѣсняхъ Болгарскій народъ.

177. Александръ III — Царь Миротворецъ (1881 — 1894 г.).

Недолговременна была жизнь Императора Александра Александровича. Онъ скончался не достигнувъ и пятидесяти лѣтъ. Кратокъ былъ его царственный путь,—тѣмъ не менѣе его величественныя на пользу Россіи дѣянія, миромъ и правдою преисполненныя, сдѣлались извѣстны далеко за предѣлами Россійскаго царства: просвѣщенные народы и близкихъ и дальнихъ земель внимали мудрому

слову Россійскаго Царя-Миротворца, могущественнѣйшаго изъ государей послѣднихъ временъ. Державное могущество свое Императоръ Александръ III направилъ не къ цѣлямъ завоевательнымъ, а единственно на сохраненіе общаго мира, на внутреннее преуспѣяніе, на огражденіе цѣлости Россіи и ея государственной чести. Незабвенный Монархъ, держа „честно и грозно“ достоинство своей имперіи, крѣпко оберегая основные устои государственной русской жизни, миролюбивою тишайшею душою стремился ко взаимному содружеству народовъ и царственнымъ примѣромъ всему свѣту указалъ, что миръ народовъ есть истинное, святое и величайшее благо.

Александръ III родился 26 февраля 1845 г. и былъ вторымъ сыномъ Императора Александра II. Воспитаніе великаго князя Александра Александровича было поручено сначала генералъ-адъютанту Зиновьеву, а затѣмъ генералъ-адъютанту графу Перовскому. Оба эти воспитателя были истинно русскіе люди, горячо любившіе родину. Великій князь Александръ былъ очень друженъ со своимъ старшимъ братомъ Цесаревичемъ Николаемъ, горячо любилъ его и проводилъ вмѣстѣ съ нимъ почти все время. Цесаревичъ Николай скончался 12 апрѣля 1865 г., и тогда великій князъ Александръ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола. Онъ всей душой отдался дѣлу служенія Россіи. Во время сильнаго голода (1865—1866 г.) онъ дѣятельно помогалъ своему отцу Императору Александру II въ спасеніи русскаго народа отъ голодной смерти. 28 октября 1866 г. совершилось его бракосочетаніе съ датской принцессой Дагмарой, нареченной при миропомазаніи Маріей Ѳеодоровной, послѣ чего августѣйшіе новобрачные поселились въ Аничковомъ дворцѣ. 6 мая 1868 г. у наслѣдника Цесаревича родился сынъ Николай, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай II. Въ 1877 г. во время турецкой войны Цесаревичъ былъ назначенъ командиромъ Рущукскаго отряда. Сдѣлавшись государемъ, онъ почтилъ „памятникомъ Славы“ (противъ церкви Троицы въ Измайловскомъ полку въ Петербургѣ) подвиги и славную смерть участниковъ войны съ Турками. Картины ужасовъ войны сильно подѣйствовали на доброе сердце Цесаревича Александра и, безъ сомнѣнія, послужили основаніемъ того, что потомъ во все время своего царствованія онъ избѣгалъ войны и всѣми мѣрами старался поддержать миръ. 1-го марта 1881 г. Императоръ Александръ II принялъ мученическую кончину. Тяжелая, трудная то была година. Но твердая вѣра въ Бога дала Августѣйшему Сыну силу и мужество перенести свое тяжкое горе и 2 марта 1881 года онъ вступилъ на Всерос-

сійскій престолъ. Трудны и тревожны были первые дни новаго царствованія. Принявъ Россію при тяжелыхъ условіяхъ, Александръ III уединился въ Гатчино, гдѣ и углубился въ обсужденіе унаслѣдованнаго Имъ государственнаго положенія. Вскорѣ раздалось властное и твердое слово Россійскаго Самодержца, ободрившее и успокоившее Россію, указавшее путь къ славѣ и могуществу, положившее конецъ шатанію умовъ, возстановившее правильное теченіе народной жизни. Манифестомъ 29 апрѣля 1881 года Государь возвѣстилъ своей Россіи, что онъ почитаетъ для себя священнымъ долгомъ охранять цѣлость самодержавной царской власти и что обязуется передать ее своимъ преемникамъ въ той же полнотѣ, какъ принялъ ее отъ своихъ прародителей. „Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ,— говорилось въ манифестѣ,—стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на божественный промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утвердить и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній". Вся вѣрноподданная Россія, внимая Высочайшему манифесту, съ радостью слышала, что вѣковые устои, на которыхъ созидалось Русское государство, православіе, самодержавіе и единеніе Царя съ народомъ— признаны Императоромъ, какъ залогъ величія и благоденствія Россіи. Священное коронованіе было совершено въ московскомъ Успенскомъ соборѣ 15 мая 1883 г. въ присутствіи высшихъ чиновъ государства и иностранныхъ пословъ.

Александръ III былъ истинно русскій царь и по душѣ и по наружному виду и удивительно соотвѣтствовалъ понятію о Самодержцѣ и Великомъ Государѣ всея Россіи. Высокій, могучій, съ окладистой русской бородой, съ открытымъ ласковымъ взглядомъ и доброй улыбкой, онъ производилъ обаятельное впечатлѣніе на всѣхъ, кому приходилось видѣть его и говорить съ нимъ. Истинный сынъ православной церкви, нѣжный и заботливый супругъ и отецъ, онъ своею жизнью давалъ высокій примѣръ своимъ подданнымъ. Всѣ немногія свободныя отъ государственныхъ заботъ минуты онъ проводилъ въ кругу обожавшей его семьи, часто раздѣляя съ дѣтьми ихъ игры. Въ своей жизни онъ не позволялъ себѣ никакой роскоши. Вступивъ на престолъ, онъ остался жить въ своемъ тѣсномъ Аничковомъ дворцѣ, расширивъ только садъ этого дворца для игръ его дѣтей; обстановка его комнатъ, его обѣдъ, чисто русскій, отличались замѣчательной простотой. Большую часть года онъ проводилъ въ Гатчино, обширные парки и озера котораго были любимыми мѣстами его прогулокъ; здѣсь онъ жилъ въ обстановкѣ русскаго

богатаго помѣщика прежнихъ временъ. Лѣтомъ онъ любилъ посѣщать финскія шкеры въ сопровожденіи самыхъ близкихъ ему людей, а осенью часто уѣзжалъ со всей своей августѣйшей семьей въ Данію, гдѣ запросто проводилъ время въ кругу близкихъ родныхъ, отдыхая отъ дѣлъ и набирая силъ для новыхъ трудовъ. Александръ III отличался спокойнымъ умомъ, прямотой мысли, твердостью характера и болѣе всего любилъ правду, требовалъ ея отъ другихъ и когда замѣчалъ въ человѣкѣ неискренность, то навсегда лишалъ его своего довѣрія. „У Александра душа чистая, какъ хрусталь“, говорилъ про него братъ цесаревичъ Николай. Онъ любилъ самостоятельно и спокойно обдумывать каждое дѣло, всегда старался узнать истину и строго требовалъ, что всѣ прошенія, посылаемыя на его имя, доставлялись прямо ему въ собственныя руки. Твердость, послѣдовательность, искренность сказывались во всѣхъ его царственныхъ трудахъ и отпечатлѣлись въ его собственноручныхъ помѣткахъ на докладахъ министровъ. Онъ охотно давалъ аудіенціи ученымъ и выдающимся писателямъ и отличался замѣчательной простотой въ обращеніи. Близъ себя онъ любилъ видѣть только тѣхъ лицъ, которыя пользовались его полной довѣренностью. Александръ III любилъ родную старину. Будучи еще наслѣдникомъ престола, онъ предсѣдательствовалъ въ Русскомъ Историческомъ Обществѣ (основанномъ въ 1866 г.), собранія котораго происходили у него во дворцѣ, и содѣйствовалъ напечатанію многихъ важныхъ историческихъ документовъ въ Сборникѣ этого Общества. Поддерживая своими средствами разныя общества русской исторіи и археологіи, онъ и самъ находилъ время для скромной ученой работы, особенно по изученію отечественной исторіи и древностей, и былъ глубокимъ знатокомъ въ иконографіи. Вообще онъ любилъ все русское; читалъ русскія газеты, любилъ русскую литературу, назначалъ пенсіи выдающимся писателямъ, всячески поощрялъ русское искусство, особенно живопись и музыку.

Еще будучи наслѣдникомъ престола, Александръ III лично участвовалъ въ послѣдней войнѣ съ Турціей, командуя отдѣльною частью русской арміи. Здѣсь онъ самъ увидѣлъ всѣ недостатки тогдашняго устройства нашей арміи и поэтому во все время своего царствованія обращалъ особенное вниманіе на благоустройство и усовершенствованіе нашихъ вооруженныхъ силъ, что̀ было особенно необходимо въ виду усиленныхъ вооруженій сосѣднихъ европейскихъ державъ за послѣднее 20-лѣтіе. Государь увеличилъ численность нашей арміи: пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и мощно под-

нялъ наши морскія силы. Александръ III обратилъ вниманіе на обученіе солдатъ и на ихъ жизнь. Чтобы число знающихъ военное дѣло людей было больше, Царь сократилъ срокъ службы солдата на одинъ годъ (вмѣсто прежнихъ пяти лѣтъ, солдатъ служитъ четыре года) и далъ разныя привилегіи сверхсрочно-служащимъ. Далъ всей арміи новыя ружья, которыя стрѣляютъ не въ примѣръ лучше старыхъ. Словомъ, сдѣлалъ наше войско страшнымъ врагу. Но онъ не для того собиралъ силы, чтобы воевать, а для того, чтобы мирить. Царь мира, онъ гордо и высоко несъ знамя Россіи. Онъ хотѣлъ мира и даровалъ миръ, но онъ не боялся войны. Онъ зналъ свой народъ, зналъ, что по мановенію его руки всѣ какъ одинъ подымутся и пойдутъ положить жизнь свою для защиты Царя, Отечества и Вѣры Православной. Къ 1887 году государственная мощь Россіи достигла высокой степени, и съ этого времени Императоръ Александръ III является Миротворцемъ народовъ Европы. Своимъ могуществомъ государь пользовался въ видахъ доставленія мира не только Россіи, но и всей Европѣ. Не разъ наступали тревожные для Европы дни, когда всѣ ожидали общеевропейской войны, когда нѣкоторыя государства готовились потоками крови разрѣшить свои взаимные споры, но твердая воля Императора Александра III устраняла грозный призракъ общеевропейской войны и обезпечивала мирное преуспѣяніе народовъ. Когда, съ цѣлью ослабить могущество Россіи, Германія, Австрія и Италія составили союзъ, направленный противъ Россіи, а также противъ Франціи, Императоръ Александръ III сблизилъ Россію съ Франціей подъ условіемъ, что Россія будетъ помогать Франціи, если бы на Францію напали ея враги. Французы и Русскіе хорошо сознали всѣ выгоды взаимной помощи и радостно привѣтствовали франко-русское сближеніе. Въ 1891 году французская эскадра посѣтила Кронштадтъ; французскіе моряки были приняты съ полнымъ радушіемъ и русскимъ гостепріимствомъ: въ Кронштадтъ, на имя начальника французской эскадры, шли привѣтствія изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Французскіе офицеры удостоились быть приняты Императоромъ Александромъ III въ Петергофскомъ дворцѣ. Въ 1893 году русская эскадра посѣтила французскую приморскую пристань Тулонъ; русскіе моряки были окружены всевозможнымъ почетомъ; привѣтствовать русскихъ гостей стекались Французы даже изъ самыхъ отдаленныхъ областей Франціи. Сближеніе Россіи съ Франціей указало Европѣ, что война невозможна, и всѣ европейскіе государи поняли, что всеобщимъ миромъ они обязаны Императору Александру III.

Государь сознавалъ, что сила наша въ насъ самихъ, и обратилъ все свое вниманіе на облегченіе жизни крестьянина. Подушная подать была имъ уничтожена и замѣнена другими источниками дохода, главнымъ образомъ сборами, падавшими на болѣе богатые классы населенія, какъ-то: увеличеніе сборовъ гербоваго, таможеннаго и съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, акцизъ съ табаку и т. д. Учрежденъ крестьянскій банкъ, который выдаетъ ссуды денегъ подъ землю на необременительныхъ для крестьянъ условіяхъ. Навсегда останется памятнымъ для крестьянъ и то обстоятельство, что, будучи освобождены Императоромъ Александромъ II отъ крѣпостной зависимости, они, при восшествіи на престолъ Императора Александра III, впервые наравнѣ съ другими сословіями были приведены къ присягѣ на вѣрное подданство. Въ своей отеческой заботливости о процвѣтаніи сельскаго хозяйства Царь основалъ въ Петербургѣ, въ своей столицѣ „Министерство Земледѣлія“, задача котораго споспѣшествовать нуждамъ сельскаго хозяйства. Онъ обратилъ вниманіе на заводо-фабричную промышленность. Онъ затруднилъ ввозъ чужеземныхъ товаровъ въ Россію, увеличивъ на нихъ пошлину, и благодаря этому Россія сама стала производить многіе предметы, которые раньше за большія деньги выписывали изъ-за границы. Для распространенія торговли и промышленности построены Средне-Азіатская и Закаспійская желѣзныя дороги, а также начата постройка великой Сибирской желѣзной дороги, которая будетъ вѣчнымъ памятникомъ славы почившаго Царя. Царь заботился и о рабочихъ, нанимаемыхъ на фабрики, и постановилъ не брать очень молодыхъ и болѣе 8 рабочихъ часовъ въ день не назначать. Александръ III всѣми силами стремился дать своему народу возможность научиться уму-разуму и главное примѣнить затѣмъ свои знанія къ дѣлу. Для этой цѣли повелѣлъ завести при сельскихъ приходахъ „церковно-приходскія школы“, поручивъ ихъ вѣдѣнію сельскихъ священниковъ, дабы они прежде всего учили народъ жить въ Богѣ и крѣпко держаться вѣры православной; затѣмъ учредилъ повсемѣстно такъ называемыя „промышленныя училища“, „сельско-хозяйственныя“, „желѣзно-дорожныя“ и „ремесленныя школы“. Въ этихъ школахъ дѣти, кромѣ книжной мудрости, обучаются ремесламъ, пригоднымъ и необходимымъ въ ихъ быту: столярному, портняжному, слесарному и т. п. Такимъ образомъ, научившись грамотѣ, они возвращаются домой не бѣлоручками, а хорошими, дѣльными помощниками своимъ семьямъ, мастерами на всѣ руки. Царь подумалъ и объ улучшеніи быта сель-

скихъ священниковъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ трудно сельскому священнику прокормить семью. Приходы небольшіе, крестьяне бѣдные. Царь назначилъ на подмогу священникамъ бѣдныхъ приходовъ жалованье и позаботился о вдовахъ и сиротахъ ихъ.

День 17 октября 1888 года сдѣлался великимъ праздникомъ, такъ какъ въ этотъ день чудо всемогущества и милосердія Божьяго показало намъ, что Господь хранитъ Своего Помазанника. Въ тотъ годъ Александръ III предпринялъ великое путешествіе по нижнимъ губерніямъ Россіи и по Кавказу, дабы лично ознакомиться съ нуждами своихъ подданныхъ. Это путешествіе Царь совершилъ со всей своей Царской семьей. Государь уже возвращался обратно въ Петербургъ, какъ недалеко отъ города Харькова, у станціи Борки произошло крушеніе Царскаго поѣзда. Всѣ вагоны рухнули и своими обломками придавили всю Царскую семью и ихъ спутниковъ. Спасенія, казалось, не было. Но Господь Богъ дивно сохранилъ Своего Помазанника и всю его семью. Отъ вагона, въ которомъ находился Государь Императоръ со всей своей августѣйшей семьей, остались одни обломки: все рушилось. Но вотъ, по всемогущей волѣ Божіей, изъ-подъ этихъ обломковъ вышелъ живъ и невредимъ Царь и его августѣйшая семья. Императоръ Александръ III умиленно возблагодарилъ Создателя Небеснаго за дивное спасеніе и, забывъ самого себя, тотчасъ же принялся подавать помощь несчастнымъ, заживо погребеннымъ. Самъ сталъ распоряжаться всѣми работами, подавая собою примѣръ, работая неутомимо надъ откапываніемъ раненыхъ. Не обращая вниманія на осеннюю, морозную, ненастную погоду, Царь, въ одной тужуркѣ, все время былъ на открытомъ воздухѣ. Когда, наконецъ, всѣмъ пострадавшимъ была подана докторская помощь и раненые были отправлены въ госпитали, подали новый Царскій поѣздъ и Государь съ семьей своей поѣхалъ на ближнюю станцію Лозовую. При крушеніи, о чемъ узнали только во время дальнѣйшаго слѣдованія, Царь получилъ такой сильный ударъ въ правое бедро, что у Его Величества оказался сплюснутымъ серебряный портсигаръ, лежавшій въ карманѣ, и верхняя одежда Государя была порвана. Совсѣмъ стемнѣло, когда Императорскій поѣздъ подошелъ къ станціи Лозовой. На станціи въ помѣщеніи 3 класса сельскій священникъ отслужилъ благодарственный молебенъ о спасеніи Царя и всего августѣйшаго семейства и затѣмъ панихиду по убитымъ при крушеніи. Во время панихиды Государь неудержимо плакалъ. Затѣмъ въ томъ же помѣщеніи былъ поданъ обѣдъ Государю и его семьѣ, на который Его Величество позвалъ

всѣхъ присутствующихъ: и генераловъ, и солдатъ, и поѣздную прислугу, и мѣстныхъ крестьянъ. Торжественную картину представляла эта общая трапеза, на которой Царь каждаго старался обласкать и каждому сказать милостивое, доброе слово. Дивно хранимый Богомъ, Императоръ Александръ III всегда являлся ангеломъ-утѣшителемъ въ минуты народной скорби. Припомнимъ 1892 годъ, когда насъ постигло тяжкое бѣдствіе. Неурожай, голодъ и моръ повергли все народонаселеніе въ уныніе. Холерныхъ больныхъ боялись, боялись за ними ходить, даже родные боялись навѣщать ихъ. Тѣ, кто побогаче, спѣшили уѣхать куда-нибудь подальше, въ другія страны, чтобъ спастись отъ холеры. Но Царь со своей семьей былъ тамъ, гдѣ опасность, и въ эту тяжелую годину оставался среди своего народа, въ своей столицѣ. Мало того, вмѣстѣ съ Государыней Императрицей онъ посѣтилъ холерный баракъ Обуховской больницы и обошелъ всѣхъ холерныхъ больныхъ, милостиво бесѣдуя съ каждымъ. Да и вообще, рѣдкій годъ, что Царь не ѣздилъ по разнымъ больницамъ и лазаретамъ, не страшась входить въ заразныя отдѣленія съ тифомъ, корью, скарлатиною, не взирая на возможность занести заразу своимъ собственнымъ дѣтямъ. Онъ руководился лишь однимъ святымъ чувствомъ состраданія, однимъ благимъ желаніемъ утѣшить страждущихъ. Во время голода Императоръ Александръ III, скорбя сердцемъ о бѣдствіи своего народа, для спасенія его жертвовалъ собственные милліоны денегъ. Онъ устроилъ коммиссію для поданія помощи голодающимъ и предсѣдательствовать въ этой коммиссіи назначилъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора Николая Александровича, будучи увѣренъ, что въ сердцѣ его роднаго сына горитъ тотъ же пламень любви къ человѣку, любви къ народу русскому.

Отличаясь крѣпкимъ здоровьемъ и большой физической силой, Александръ III, казалось, имѣлъ всѣ задатки долгой жизни, но съ весны 1894 года онъ сталъ недомогать, хотя долго не придавалъ своей болѣзни надлежащаго значенія. Осенью онъ отправился на южный берегъ Крыма, но усилившійся тяжкій недугъ не уступилъ ни лѣченію знаменитѣйшихъ докторовъ, ни благодатному климату Крыма, и Александръ III тихо скончался въ Ливадіи 20 октября 1894 г. на рукахъ своей супруги, окруженный всей своей семьей. Кончина Александра III была такъ же праведна, какъ праведна была вся его жизнь, исполненная глубокой вѣры, евангельской любви и христіанскаго смиренія. Въ послѣдніе дни онъ уже чувствовалъ приближеніе смерти и мужественно готовился къ ней, какъ вѣрую-

щій христіанинъ, не оставляя, однако, заботъ о дѣлахъ правленія до дня кончины. Рано утромъ 20 октября онъ сказалъ своей супругѣ: „чувствую конецъ, будь покойна. Я совершенно покоенъ“. Въ этихъ словахъ, полныхъ величавой простоты и спокойнаго мужества, высказалась поразительно великая душа почившаго Государя, безбоязненно глядѣвшаго въ лицо приближавшейся смерти, съ полнымъ сознаніемъ исполненнаго долга передъ Россіей и своей семьей. Весь міръ содрогнулся отъ ужасной вѣсти о горѣ, постигшемъ Россію. И друзья и недруги — всѣ слились въ одну общую, неподдѣльную скорбь. У гроба почившаго Царя собрались представители всѣхъ государствъ. Всѣ понимали, какое значеніе имѣлъ для всѣхъ народовъ нашъ Царь-Миротворецъ. Особенно скорбѣли съ нами наши друзья Французы и прислали массу вѣнковъ на гробницу почившаго Государя.

Сынъ Царя-Миротворца, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ, по вступленіи на Всероссійскій Престолъ, въ своемъ манифестѣ объявилъ народу: „Вспоминаемъ завѣты Усопшаго Родителя Нашего и, проникшись ими, пріемлемъ священный обѣтъ передъ лицомъ Всевышняго — всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастія всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ“.

178. Семнадцатое октября 1888 года.

„Отчего сегодня, мама, все звонятъ колокола,
И лампадку, словно въ праздникъ, предъ иконой ты зажгла?
Развѣ праздникъ?“ „Да, мой милый! Въ этотъ день, потрясена
Словно громомъ — Божьимъ чудомъ, наша вздрогнула страна...
Ѣхалъ Царь съ Своей Семьею... Поѣздъ вдругъ сошелъ съ пути, —
Было многимъ здѣсь могилу суждено, дитя, найти;
Кровь лилась, стонали люди, смерть была со всѣхъ сторонъ!
Государь съ Своей Семьею — только Богомъ былъ спасенъ!
Оттого-то нынче праздникъ, перезвонъ колоколовъ,
Оттого-то и лампадку я зажгла у образовъ...
Послѣ судъ былъ... все открыли, — чья вина была? чей грѣхъ?“
„Что же, — вдругъ спросилъ малютка — Царь велѣлъ казнить ихъ всѣхъ?“
„Нѣтъ, мой милый. Милость Божью твердо помня надъ собой,
Всѣхъ простилъ Онъ, Царскимъ словомъ снялъ со всѣхъ вину долой!“
И задумался ребенокъ... Мать окончила разсказъ, —
По щекамъ его бѣжали слезы тихія изъ глазъ...
И вечернюю молитву въ этотъ свѣтлый день твердя,
Онъ спросилъ у мамы тихо имя добраго Царя.

179. Видѣніе.

Безотрадная ночь, какъ темница, мрачна,
Рѣзкій вѣтеръ доносится съ моря,
Крутитъ снѣгъ надъ рѣкою и ропщетъ волна,
Непогодѣ бушующей вторя;
Разбиваясь у стѣнъ, она глухо шипитъ
И слезой орошаетъ холодный гранитъ.
Изъ рѣки, словно призракъ, грозящій волнамъ,
Поднимается грозно твердыня [1]);
За стѣнами твердыни возносится храмъ [2]);
Въ храмѣ этомъ отчизны святыня...
Гробъ стоитъ золоченый, порфирой покрытъ,
А въ гробу Императоръ усопшій лежитъ [3]).
Миръ блаженный разлитъ на челѣ у Царя,
Озаренномъ улыбкой застывшей...
Правосудья Небесъ, предъ лицомъ алтаря,
Словно ждетъ Миротворецъ почившій...
Ровно свѣчи горятъ, храмъ объятъ тишиной,
Слышно только, какъ плачетъ мятель за стѣной.
У подстѣнья собора и въ мрачныхъ углахъ
Блещетъ мраморный рядъ саркофаговъ,
Императоровъ - предковъ покоится прахъ
Въ нихъ подъ сѣнью воинственныхъ стяговъ.
Въ изголовьяхъ могилъ, словно очи, горятъ
Неподвижныя точки надгробныхъ лампадъ.
Полночь. Звонъ загудѣлъ... Дрогнулъ каменный сводъ,
Мракъ и холодъ ворвались въ обитель...
Исполинскою тѣнью изъ гроба встаетъ
Императоровъ всѣхъ прародитель [4]).
Онъ таинственнымъ взоромъ глубокихъ очей
Будитъ царственный сонмъ вѣнценосныхъ тѣней...
И встаютъ изъ могилъ монархи-вожди
И, вѣнчанныя лавромъ, царицы.
Но не гордость царитъ въ ихъ усталой груди
И опущены долу рѣсницы...
Подошедъ къ изголовью, монарховъ глава
Гостю новому молвитъ такія слова:
„Миръ Тебѣ, Миротворецъ! Блаженъ Твой удѣлъ...
Предъ Тобой преклоняются дѣды...
Не исторгнувъ меча, превзойти ты съумѣлъ
Незабвенныя наши побѣды!
Не увлекъ Тебя брани кровавый кумиръ,
Въ мірѣ создалъ навѣкъ Ты незыблемый миръ!
Пусть за ратную славу хвалы намъ поютъ,
Наши лавры стяжали мы кровью...

[1]) Петропавловская крѣпость въ Петербургѣ.
[2]) Петропавловскій соборъ въ Петербургѣ.
[3]) Александръ III.
[4]) Петръ Великій.

Ты же первый безъ крови приходишь на судъ,
Защищенный всемірной любовью!..“
Замолчалъ онъ и долу главою поникъ,
И за нимъ преклонился сонмъ грозныхъ владыкъ...
День ненастный забрезжилъ надъ хладной рѣкой,
Храмъ унылый стоитъ за стѣнами,
Надъ твердыней разлитъ безотрадный покой
И лампады мерцаютъ во храмѣ.
Рядъ гробницъ, какъ и прежде, печаленъ и тихъ,
Только новый виднѣется гробъ между нихъ.

180. Къ портрету Императора Александра III.

Въ томъ Царская Его заслуга предъ Россіей,
Что — Царь — Онъ вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля,
Ихъ громко высказалъ — и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколъ ударитъ, и въ мгновенье
Всѣ сорокъ-сороковъ въ Христово Воскресенье
О Свѣтломъ Праздникѣ по Руси возвѣстятъ, —
Такъ слово царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,
И какъ живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ
Вдругъ къ жизни призваны, очнулся долъ и лѣсъ, —
Воскресла духомъ Русь, сомнѣній мракъ исчезъ —
И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней закрѣплено — сознаньемъ.

181. На могилѣ Императора Александра III.

Съ душой, проникнутой любовью и смиреньемъ,
Съ печатью благости и мира на челѣ
Онъ былъ ниспосланнымъ отъ Бога воплощеньемъ
Величія, добра и правды на землѣ.
Въ дни смуты, въ темное, безрадостное время
Мятежныхъ замысловъ, безвѣрья и угрозъ
Подъялъ на рамена Онъ Царской власти бремя
И съ вѣрой до конца то бремя Божье несъ.
Но не гордынею и силой грозной власти,
Не блескомъ суетнымъ, не кровью и мечемъ —
Онъ ложь, и непріязнь, и лесть, и злыя страсти
Смирилъ и побѣдилъ лишь правдой и добромъ.
Онъ возвеличилъ Русь, свой подвигъ ни единый
Не омрачивъ враждой, не требуя похвалъ;
И — тихій Праведникъ — предъ праведной кончиной
Какъ солнце въ небесахъ надъ міромъ просіялъ!
Людская слава — дымъ, и жизнь земная — бренна.
Величье, шумъ и блескъ—все смолкнетъ, все пройдетъ!
Но слава Божія безсмертна и нетлѣнна;
Царь-Праведникъ въ родныхъ преданьяхъ не умретъ.

Онъ жилъ — и будетъ жить! — И въ горнюю обитель,
Съ престола вознесенъ, передъ Царемъ Царей
Онъ молится — нашъ Царь, нашъ свѣтлый Покровитель —
За Сына, за Семью, за Русь... за всѣхъ людей.

182. Стародавняя пора

Степь и море.

Было время и приволье —
Стародавняя пора;
Широко степей раздолье,
Непроѣздные бора.
Много рѣкъ тогда струилось
По зеленымъ по доламъ,
И чего-то ни водилось
По безлюднымъ берегамъ:
Векши, соболи, лисицы,
Горностаи и куницы;
Предъ закатомъ клектъ орлиный,
Ночью щекотъ соловьиный,
Волчья стада завыванье
И сороки стрекотанье.
А на ловахъ, по лѣсамъ,
Туръ видѣлся здѣсь и тамъ.
Съ вепремъ, съ дикими конями
Приходилось въ бой вступать;
Непроѣздными мѣстами
Путь на сѣверъ пролагать.
Гладь зеркальную зыбей
Величаво колебало
Стадо бѣлыхъ лебедей;
Быстро воздухъ разсѣкало
Ясна сокола крыло.
Эхо въ даль степей несло
Черна ворона вѣщанье.
О родной землѣ сказанье
Пѣснь Баянова вела;
Вѣщихъ гуслей рокотанье
Пѣсня въ звукахъ берегла.
И былины русской звуки
Къ морю синему текли,
Какъ въ ладьяхъ Дажьбога внуки [1])
Славу въ даль свою несли;
Какъ Олегъ съ дружиной славной
Сине-море бороздилъ
И на „Новый Римъ“ [2]) державный
Страхъ и трепетъ наводилъ.

Лысая гора.

Мѣсяцъ въ небѣ показался,
Звалъ на игрище людей.
Съ дуба темнаго вѣтвей
Лѣшій спрыгнулъ и помчался;
Свистъ и гамъ въ лѣсу раздался.
Вотъ за лѣсомъ и поляной
Берегъ высится песчаной.
Дружно тамъ костры зажглися,
Хороводы заплелися;
„Ой, Дидъ Ладо!“ повторяли
И вокругъ огней плясали.
А русалки-то гурьбой
По волнамъ Днѣпра мелькаютъ
И хохочутъ, и рыдаютъ;
Попадись-ка имъ хмельной —
Мигомъ стащутъ въ омутъ свой.
Пляской парней, молодицъ,
Пѣньемъ жалобнымъ дѣвицъ
Злобно тѣшатся онѣ.
На своемъ глубокомъ днѣ
Старый дѣдъ не усидѣлъ;
Завизжалъ онъ, загудѣлъ,
Высоко плеснулъ волной,
Показался надъ рѣкой;
Но лишь мѣсяцъ появился
Изъ-за тучекъ — какъ сробѣлъ,
Задрожалъ и потемнѣлъ
И вдоль берега разлился
Серебристою струей
Старый дѣда — Водяной.

Богатыри.

Гридня княжая большая,
Никогда не запертая,

[1]) Внуками Дажьбога называли себя древніе русскіе.
[2]) Новый Римъ — Царьградъ.

Пиромъ славилась честнымъ —
Княземъ ласковымъ своимъ.
Тамъ на гусляхъ яровчатыхъ
Скоморошина игралъ,
И на камкахъ, на хрущатыхъ
Князь съ княгиней возсѣдалъ.
А вокругъ стола сидѣли —
Пили крѣпко, жирно ѣли —
Земли Русской сыновья:
И Добрыня, и Илья,
И Чурило молодой,
Дюкъ — пришлецъ земли чужой,
Ставръ Годиновичъ съ женой;
И Хотенушка шальной;
Гость торговый Соловей,
И Алеша лиходѣй.
Но славнѣе и сильнѣй
Русскихъ всѣхъ богатырей
Сынъ крестьянскій удалой,
Зло врагамъ, своимъ святой
Карачаровскій Илья.
Онъ злодѣя - Соловья
(Что проѣзду не давалъ,
Шипомъ - посвистомъ стращалъ)
Съ бою взялъ живьемъ, скрутилъ,
Князю плѣнника дарилъ.
Подпивши, князь велѣлъ,
Чтобъ разбойникъ посвистѣлъ.
И лишь свистнулъ Соловей:
Двери дрогнули сѣней,
Князь съ княгиней дрожатъ,
Сколько замертво лежатъ:
Гости, отроки, князья...
Ухмыляется Илья!

Вѣче и князь.

И на вѣче людъ стекался
Дѣло видѣть и судить.
Князь съ дружиной совѣщался,
Какъ порядки заводить;
Князь вершилъ суды людскіе,
Споры ладилъ городскіе;
То на ловы отправлялся,
То въ походы снаряжался.
Зналъ за столъ отцовскій спорить,
Дань собрать, въ союзъ вступить,
Двухъ сосѣдей перессорить,
Свой удѣлъ распространить.

Въ стольномъ градѣ за побѣду
Храмъ умѣлъ соорудить
И на зло врагу-сосѣду
Городокъ въ глуши срубить.
На невѣрныхъ съ ополченьемъ
Братьевъ всѣхъ идти сзывалъ,
И съ молитвой, псалмопѣньемъ
Въ степь безбрежную вступалъ.
Наугадъ шелъ встрѣтить хана
Ихъ станицу разносилъ,
Бралъ Белдюза, Шаракана [1]) —
Люто плѣнниковъ казнилъ.
А княгиня молодая,
Ладу съ поля поджидая,
Какъ кукушка куковала,
Къ солнцу красному взывала.
Съ вѣтромъ буйнымъ и суровымъ
Ей хотѣлось въ даль летѣть:
Рукавомъ своимъ бобровымъ
Раны князю отереть.

Нашествіе татаръ.

Степь покрылася полками:
Врагъ невѣдомый грядетъ —
И съ верблюдами, конями,
Какъ потокъ на Русь течетъ.
Отъ каленыхъ стрѣлъ стемнѣло;
Въ гулъ ужасный все слилось,
И стонало, и ревѣло:
Ржанье, клики, скрипъ колесъ.
Нѣтъ защиты, нѣтъ спасенья!
Рати всѣ истреблены;
Пали грады и селенья —
Жены въ плѣнъ отведены!

Заключеніе.

Сила темная, степная
Славу Руси погребла;
Но въ терпѣньи Русь родная
Духа жизнь обрѣла.
Новыхъ подвиговъ святынѣ
Съ упованьемъ отдалась;
Годы шли—какъ крипъ въ пустынѣ
Расцвѣла и разрослась.
Властелиномъ надъ морями,
Надъ высокими горами
Стала Русь — и новой славой
Озарилась небывалой:

---

[1]) Белдюзъ и Шараканъ — имена половецкихъ хановъ, взятыхъ въ плѣнъ Владиміромъ Мономахомъ.

Отъ Невы и до Дуная
До Батума, до Алая [1]) —
Гдѣ долина Зарявшана
„Раемъ на землѣ“ зовется;
Гдѣ вода съ хребта Тянь-шана
Серебристой лентой вьется,
Гдѣ чинаръ и шелковица,
Рисъ, хлопчатникъ и пшеница...
Тамъ зардѣлась надъ степями,
Надъ заснувшими землями
Славы сѣверной заря!
Имя Бѣлаго царя
Ужъ возносится ордами —
Блещетъ благости дѣлами.
Древній плѣнъ свой забывая,
Свѣтитъ нынѣ Русь святая
Степи, прежде роковой,
Путеводною звѣздой.

183. Русь.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ, —
Вижу — даль степей
Зеленѣется,
И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.
По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.
Посмотрю на югъ, —
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся;
Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.
Гляну къ сѣверу, —
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;
Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходитъ по морю;
И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...
Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!
Широко ты, Рѹсь,
По лицу земли
Въ красѣ царственной
Развернулася!
У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ-бъ разгулъ нашла
Воля смѣлая?
У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?
У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?
Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?
На поляхъ своихъ
Подъ курганами
Положила ты
Татаръ полчища.
Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.
И давно-ль было,
Когда съ запада
Облегла тебя
Туча темная?.. [2])

[1]) Алайское предгорье — отрасль хребта Тянь-шана образуетъ долину Зарявшана, называемую туземцами земнымъ раемъ. Рѣки, орошающія эту долину, берутъ начало въ ледникахъ Тянь-шана — хребта, отдѣляющаго Туркестанъ отъ Китайской имперіи.

[2]) Нашествіе Французовъ въ 1812 г.

Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,
И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!
Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань, —
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь, —
Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.
И въ глухихъ степяхъ
Подъ сугробами,
Улеглися спать
Гости навѣки.
Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!..

И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кишитъ
Православный людъ.
По сѣдымъ морямъ
Изъ далекихъ странъ
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ,
И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота;
И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.
Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!

184. Пѣснь Русскому Царю.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю —
Все ниспошли!
Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!
Все-жъ недостойное
Прочь отжеси!
Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ —
Долгіе дни!

Мирныхъ вопителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!
О, Провидѣніе,
Благословеніе
Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!
Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ сопутникомъ
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная
Жизнь поднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

185. Москва—сердце Россіи.

Широко раскинулась первопрестольная столица, „сердце“ Россіи—Москва бѣлокаменная. Первопрестольною она называется потому, что была первою столицею собравшейся вокругъ нея Русской земли. Москва—сердце Россіи, ибо въ ней сосредоточены дорогіе для каждаго русскаго человѣка святыни и памятники древности; Москва—сердце Россіи, ибо около нея собралась, окрѣпла и выросла раздробленная Русь; Москва—сердце Россіи, ибо она находится въ серединѣ самой важной части нашего отечества—Европейской Россіи. Вмѣстѣ съ народомъ русскимъ Москва переносила невзгоды и униженія, вмѣстѣ съ нимъ она была и свидѣтельницей его радостей и ликованія. Не разъ враги нападали на нее, разоряли и жгли ее, но разоренная и выжженная она быстро поднималась изъ развалинъ и украшалась лучше прежняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣплялась все больше и больше любовь къ ней русскаго народа. И не даромъ прозвалъ ее народъ „матушкой“ Москвою. Москва занимаетъ холмистую мѣстность по обѣимъ сторонамъ рѣки Москвы. На самомъ высокомъ холмѣ, на лѣвомъ берегу рѣки расположена старинная крѣпость Москвы—Кремль, окруженный со всѣхъ сторонъ высокою стѣною съ башнями и бойницами. Москва—сердце Россіи, а Кремль—сердце Москвы. Въ Кремлѣ сосредоточены святыни Москвы и памятники древности. Къ Кремлю примыкаетъ Китай-городъ, тоже окруженный стѣною; здѣсь сосредоточивается главная торговля Москвы. Вокругъ Кремля и Китай-города раскинулись остальныя части Москвы, занимающія большое пространство во всѣ стороны. Много въ Москвѣ красивыхъ домовъ, много въ ней величественныхъ зданій, но главная красота Москвы—ея многочисленные храмы Божіи. Замѣчательное зрѣлище представляетъ Москва со своими церквами, когда смотришь на нее съ ближайшихъ высотъ. Близъ Кремля у Воскресенскихъ или Иверскихъ воротъ, ведущихъ въ Китай-городъ, возвышается небольшая часовня. Въ этой часовнѣ помѣщается одна изъ самыхъ замѣчательныхъ святынь Москвы—чудотворная Иверская икона Божіей Матери. Цѣлый день съ утра до ночи тѣснится народъ передъ святою иконою; одни просятъ помощи Царицы небесной, другіе приносятъ благодареніе за посланныя отъ Бога милости. Русскіе Государи, посѣщая свою первопрестольную столицу, прежде всего останавливаются у Иверскихъ воротъ и прикладываются къ чудотворной иконѣ. За Иверскими воротами слѣдуетъ Красная площадь; за нею

возвышается Покровскій соборъ, болѣе извѣстный въ народѣ подъ именемъ церкви св. Василія Блаженнаго. Соборъ этотъ, построенный царемъ Іоанномъ IV Васильевичемъ, замѣчателенъ по своему внѣшнему виду и наружнымъ украшеніямъ; въ немъ почіютъ мощи Василія Блаженнаго. Близъ Покровскаго собора находится Лобное мѣсто, съ котораго встарину объявляли народу о важнѣйшихъ дѣлахъ; здѣсь же митрополиты и патріархи русскіе, въ день вступленія на святительскій престолъ, преподавали благословеніе народу. По серединѣ Красной площади стоитъ памятникъ незабвеннымъ освободителямъ Москвы отъ Поляковъ—князю Пожарскому и гражданину нижегородскому Мининну. Съ Красной площади ведутъ въ Кремль двое воротъ—Спасскія и Никольскія. Спасскія ворота въ народѣ зовутся святыми, по чудотворной иконѣ Спаса; эта икона помѣщается надъ воротами, поэтому черезъ эти ворота народъ проходитъ не иначе, какъ съ обнаженною головою. За Спасскими воротами начинается Кремль.

Здѣсь, близъ самыхъ воротъ находится Вознесенскій дѣвичій монастырь съ красивыми и богатоукрашенными храмами. Монастырь этотъ былъ основанъ благочестивою супругою великаго князя Дмитрія Іоанновича Донского, которая, овдовѣвши, постриглась въ немъ въ монахини. Въ Вознесенскомъ монастырѣ находятся гробницы русскихъ царицъ и царевенъ. За Вознесенскимъ монастыремъ слѣдуетъ Чудовъ монастырь. Чудовъ монастырь основанъ св. митрополитомъ Алексѣемъ послѣ чудеснаго исцѣленія имъ жены татарскаго хана. Монастырь этотъ памятенъ и тѣмъ, что въ стѣнахъ его скончался доблестный защитникъ православной вѣры и земли Русской, патріархъ Гермогенъ. Въ одной изъ церквей Чудова монастыря въ богатой серебряной ракѣ почіютъ мощи святого митрополита Алексѣя. Чудовъ монастырь обладаетъ богатою ризницею и драгоцѣнными старинными рукописями. Почти въ серединѣ Кремля возвышается знаменитая Ивановская колокольня, извѣстная въ народѣ подъ именемъ Ивана Великаго. Ивановская колокольня была выстроена при Борисѣ Годуновѣ во время голода, чтобы дать работу и прокормленіе народу. Ивановскою она названа потому, что построена на мѣстѣ церкви во имя св. Іоанна Лѣствичника, которая перенесена потомъ въ нижній ярусъ колокольни. Въ трехъ верхнихъ ярусахъ помѣщаются колокола кремлевскихъ соборовъ; всѣхъ колоколовъ 34, изъ нихъ самый большой вѣситъ 4000 пудовъ. У подножія Ивановской колокольни на особомъ каменномъ основаніи лежитъ громадный Царь-колоколъ, вѣсящій болѣе 12 т. пудовъ.

Царь-колоколъ (при Борисѣ Годуновѣ) висѣлъ на колокольнѣ, а затѣмъ во время пожара упалъ. Его вновь перелили, прибавили металлу, но не успѣли поднять на колокольню; пожаръ уничтожилъ подмостки и колоколъ опять упалъ, при чемъ у него отшибся край. Въ этомъ видѣ онъ сохраняется до настоящаго времени. Близъ Ивановской колокольни находятся главныя святыни Кремля — древніе соборы московскіе: Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій.

Московскій Успенскій соборъ былъ заложенъ княземъ Іоанномъ Даниловичемъ Калитою по совѣту св. митрополита Петра, а въ нынѣшнемъ своемъ видѣ построенъ при великомъ князѣ Іоаннѣ III и существуетъ болѣе 400 лѣтъ. Въ теченіе этого времени онъ неоднократно подвергался пожарамъ и разореніямъ отъ непріятелей, но ни разу не былъ разрушенъ. Наружный видъ храма поражаетъ своею изящною простотою; стѣны его почти гладкія; на верху находятся пять вызолоченныхъ главъ. Внутри соборъ имѣетъ величественный видъ; весь храмъ и столпы расписаны древнею живописью. Въ нижней части иконостаса, находятся старинныя иконы, которыя были перенесены сюда изъ удѣльныхъ княжествъ послѣ присоединенія ихъ къ Москвѣ; всѣ иконы богато украшены; между ними особенно замѣчательны: икона Всемилостиваго Спаса, перенесенная по преданію изъ Корсуня въ Новгородъ, а отсюда въ Москву; икона Успенія Божіей Матери, написанная св. Петромъ Митрополитомъ, и чудотворная Владимірская икона Божіей Матери, написанная евангелистомъ Лукою. Въ Успенскомъ соборѣ почіютъ мощи святыхъ митрополитовъ Московскихъ: Петра, Іоны и Филиппа. Въ придѣлѣ святыхъ апостоловъ Петра и Павла находятся въ особыхъ ковчегахъ части мощей: правая рука по локоть апостола Андрея Первозваннаго, глава св. Григорія Богослова, глава св. Іоанна Златоустаго и многія другія. Въ Успенскомъ соборѣ находятся еще три древности: у праваго столпа устроено патріаршее мѣсто съ шатромъ, утвержденнымъ на каменныхъ столпахъ; тутъ стоитъ и посохъ митрополита Петра изъ чернаго дерева. У лѣваго столпа устроено царское мѣсто, въ видѣ шатра съ витыми золочеными колоннами и двуглавымъ орломъ надъ балдахиномъ. Противъ южныхъ дверей стоитъ третье, весьма древнее великокняжеское мѣсто, называемое Мономаховымъ престоломъ; оно все рѣзное изъ орѣховаго дерева. Въ ризницѣ собора множество священныхъ и драгоцѣнныхъ вещей, въ томъ числѣ крестъ греческаго царя Константина. Въ Успенскомъ соборѣ, какъ главномъ

изъ храмовъ первопрестольной столицы, совершается издревле священное коронованіе и муропомазаніе на царство русскихъ монарховъ.

На мѣстѣ нынѣшняго Архангельскаго собора стояла прежде деревянная церковь во имя Архистратига Михаила. Іоаннъ Даниловичъ Калита вмѣсто деревянной церкви построилъ каменную, а Іоаннъ III Васильевичъ на мѣстѣ этой каменной церкви построилъ нынѣшній Архангельскій соборъ. Онъ стоитъ на самомъ живописномъ мѣстѣ Кремлевскаго холма и, подобно Успенскому собору, украшенъ пятью позлащенными главами. Внутри храмъ довольно мраченъ. Своды его опираются на четыре столпа; стѣны храма расписаны: на западной стѣнѣ представлена картина страшнаго суда съ ликами архангеловъ, созывающихъ родъ человѣческій со всѣхъ концовъ земли, а по сѣверной и южнымъ стѣнамъ тянутся изображенія бывшихъ князей, какъ бы возставшихъ по звуку послѣдней трубы. Четырехъярусный иконостасъ доходитъ почти до самаго купола и весь блеститъ серебромъ и дорогими каменьями. Мѣстныя иконы въ богатыхъ ризахъ. Въ Архангельскомъ соборѣ находятся гробницы князей, царей и другихъ особъ царскаго рода до Петра Великаго. Въ самой срединѣ собора, у праваго столпа стоитъ гробница юнаго царевича Димитрія, убитаго въ Угличѣ; около него погребены первый царь изъ дома Романовыхъ—Михаилъ Ѳеодоровичъ и сынъ его Алексѣй Михайловичъ. У второго праваго столпа покоятся два мученика временъ татарскихъ—князь Михаилъ Черниговскій и вѣрный бояринъ его Ѳеодоръ; у самой стѣны южныхъ дверей находится могила основателя собора, великаго князя Іоанна Даниловича Калиты. Великіе князья и цари русскіе обыкновенно передъ каждымъ походомъ приходили въ Архангельскій соборъ прощаться съ предками и испрашивать ихъ загробнаго благословенія. Русскіе монархи и теперь, послѣ священнаго коронованія въ Успенскомъ соборѣ, прежде всего идутъ въ Архангельскій соборъ поклониться своимъ предкамъ и испросить у нихъ благословенія на благополучное царствованіе.

Благовѣщенскій соборъ въ прежнее время былъ домовою церковью великихъ князей и царей. Въ немъ находится Донская чудотворная икона Божіей Матери; эта икона была при войскѣ Димитрія Іоанновича на полѣ Куликовомъ. Къ Благовѣщенскому собору примыкаетъ большой Кремлевскій дворецъ съ Грановитою палатою и Краснымъ крыльцомъ. Въ Грановитой палатѣ русскіе цари послѣ своего коронованія даютъ пиры и принимаютъ поздравленія своихъ

подданныхъ и иноземныхъ пословъ. Красное крыльцо служитъ для торжественныхъ выходовъ Государя въ соборы и обратно. На дворѣ Кремлевскаго дворца стоитъ церковь Спаса Преображенія, или Спаса на Бору, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла церковь того же имени во время основанія Москвы. Въ этой церкви почіютъ нетлѣнныя мощи св. Стефана, просвѣтителя Пермскаго. Близъ соборовъ кремлевскихъ находятся патріаршія палаты съ богатою ризницею. Въ этой ризницѣ хранится множество драгоцѣнныхъ облаченій и другихъ предметовъ, принадлежавшихъ митрополитамъ и патріархамъ русскимъ. Кромѣ того въ Кремлѣ замѣчательны: оружейная палата и арсеналъ. Въ оружейной палатѣ собраны разныя драгоцѣнности, принадлежащія русскимъ царямъ, а также и другіе предметы древности, напримѣръ оружіе, знамена и пр.; здѣсь же хранится государственный щитъ, государственный мечъ и государственное знамя. Въ арсеналѣ находится громадный запасъ оружія. Около арсенала разставлено множество пушекъ, отнятыхъ русскими войсками у непріятелей, а также старинныя русскія пушки и между ними громадная пушка, извѣстная подъ именемъ царь-пушки.

На берегу Москвы рѣки, близъ Кремля, красуется величественный храмъ Христа Спасителя, построенный въ память избавленія нашего отечества отъ нашествія Наполеона въ 1812-мъ году. Послѣ изгнанія Наполеоновской арміи изъ предѣловъ Россіи, въ самый день Рождества Христова, вышелъ отъ Императора Александра Павловича манифестъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: „Спасеніе Россіи отъ враговъ... есть явно изліянная на Россію благодать Божія, есть поистинѣ достопамятное событіе. Въ сохраненіе вѣчной памяти и того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ Россійскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ престольномъ городѣ Нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа... Да благословитъ Всевышній начинаніе Наше“. Съ тѣхъ поръ ежегодно 25-го декабря служатъ во всѣхъ православныхъ храмахъ нашихъ благодарственный молебенъ въ память освобожденія Россіи отъ „двадесяти языковъ“, а въ настоящее время сооруженъ и освященъ величественный храмъ въ память того же событія. Освященіе храма было совершено съ особою торжественностью въ маѣ мѣсяцѣ 1883 года въ присутствіи Императора Александра III, Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Царской фамиліи.

Храмъ Спасителя имѣетъ 48½ саж. высоты и увѣнчанъ пятью вызолоченными главами. Средняя глава гораздо больше остальныхъ, подъ которыми помѣщаются колокола. Наружныя стѣны храма украшены изваяніями изъ бѣлаго мрамора. Изваянія эти изображаютъ преимущественно тѣхъ святыхъ русской церкви, которые прославились своими подвигами въ защиту и славу нашего отечества. Между прочимъ здѣсь изображены св. Александръ Невскій, св. Стефанъ Пермскій, четыре московскихъ святителя (Петръ, Алексѣй, Іона и Филиппъ) и преподобный Сергій, благословляющій Дмитрія Донского. Кромѣ того изображены и тѣ святые, память которыхъ празднуютъ въ дни, когда происходили главныя битвы въ 1812 году. Храмъ построенъ въ два яруса и внѣшнимъ видомъ напоминаетъ древніе русскіе храмы. Четыре громадныхъ столпа, соединенные между собою арками, поддерживаютъ его внутри; отъ этого образуется широкая галлерея между арками и наружной стѣной. Галлерея эта назначена для крестныхъ ходовъ. Надписи на стѣнахъ этой галлереи напоминаютъ объ отечественной войнѣ. Стѣны выложены бѣлымъ мраморомъ, на которомъ вырѣзаны золотыми буквами описанія каждаго сраженія и имена убитыхъ и раненыхъ воиновъ, въ немъ участвовавшихъ. Тутъ же начертаны манифесты, относящіеся къ тому времени. Двѣ лѣстницы ведутъ въ другую галлерею, устроенную во второмъ ярусѣ. Стѣны этой галлереи украшены священными изображеніями. Тутъ мы видимъ св. Владиміра, даровавшаго Россіи ученіе Христово, святыхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, основателей нашихъ монастырей, св. Бориса и Глѣба, преподобнаго Сергія Радонежскаго, взирающаго съ радостнымъ трепетомъ на Божію Матерь, явившуюся въ его убогую келью; московскихъ святителей и многихъ другихъ, имена которыхъ до сихъ поръ повторяются съ благоговѣніемъ и признательностью. Въ верхней галлереѣ два придѣла: одинъ во имя св. Чудотворца Николая, другой—во имя св. Александра Невскаго. Но главный, нижній придѣлъ посвященъ Рождеству Христову. Иконостасъ представляетъ часовню, сдѣланную изъ бѣлаго мрамора. Иконостасъ и стѣны храма украшены прекрасно исполненными иконами, изъ которыхъ особенно замѣчательны: икона Тайной вечери на горнемъ мѣстѣ, а надъ нею изображеніе Рождества Христова. Храмъ Христа Спасителя замѣчателенъ какъ своимъ богатствомъ, такъ и красотою отдѣлки и громадностью. Въ немъ могутъ молиться до 10 тысячъ человѣкъ, и онъ настолько высокъ, что колокольня Ивана Великаго съ своимъ крестомъ могла бы свободно въ немъ помѣститься.

186. О необходимости изученія исторіи.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго. Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе. Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества. Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ Олимпійскихъ [1]) умолкалъ шумъ, и толпы безмолвствовали вокругъ Геродота, [2]) читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ исторію: старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены вѣрѣ и дѣеописанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностью внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы

[1]) Торжества древнихъ грековъ въ честь ихъ главнаго бога Зевеса, происходившія около города Олимпіи и состоявшія изъ всевозможныхъ состязаній.

[2]) Знаменитый историкъ у древнихъ грековъ, жилъ въ V вѣкѣ до Р. Х.

живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній [1]), тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть греки, римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла [2]) или Сципіона [3]). Всемірная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а Россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что̀ въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но хижины Ельца, Козельска, Галича, дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами. Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣетъ; никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли составить одну державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который

[1]) Писатель у древнихъ римлянъ.
[2]) Аѳинскій полководецъ въ V в. до Р. Х.
[3]) Римскій полководецъ во II в. до Р. Х.

смѣлостью и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частью міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи, и просвѣтилъ Божественною Вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ [1]), Ливіемъ [2]), для всякаго не Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей; ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожъ смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новгорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ, простосердечный витязь, слѣпецъ Василько, другъ отечества, благолюбивый Мономахъ, Мстиславы храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ, Михаилъ Тверской, столь знаменитый великодушною смертью, злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій, герой юноша, побѣдитель Мамаевъ—въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю монарха достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра—и между сими двумя самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ, достойный своего счастія и несчастія, страшный Лже-Димитрій, и за сонмомъ доблестныхъ патріотовъ, бояръ и гражданъ, наставникъ трона, первосвятитель Филаретъ съ державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и царь Алексій, мудрый отецъ императора, коего назвала Великимъ Европа. Или вся новая исторія должна безмолвствовать, или россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца, но исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ

[1]) Величайшій историкъ у древнихъ грековъ, жилъ въ V в. до Р. Х.
[2]) Знаменитый историкъ у древнихъ римлянъ жилъ въ I в. по Р. Х

на землѣ величественные горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины, но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожъ путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные. Историкъ Россіи могъ бы, конечно, сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи ея главнаго народа, о составѣ государства, представить важныя, достопамятнѣйшія черты древности въ искусной картинѣ и начать обстоятельное повѣствованіе съ Іоаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ твореній въ мірѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, пріятныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для автора, утомительныхъ для читателя. Но сіи обозрѣнія, сіи картины не замѣняютъ лѣтописей. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанія: мы должны сами видѣть дѣйствія и дѣйствующихъ, тогда знаемъ исторію. Хвастливость авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали и своими бѣдствіями изготовили наше величіе: а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней исторіи; но добрые Россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному?.. Такъ я мыслилъ, и писалъ объ Игоряхъ, о Всеволодахъ, какъ современникъ, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ и если, вмѣсто живыхъ цѣлыхъ образовъ, представлялъ единственно тѣни, въ отрывкахъ, то не моя вина: я не могъ дополнять лѣтописи!

187. Памятникъ тысячелѣтія Россіи (1862 г.).

Въ Новгородскомъ кремлѣ, противъ Софійскаго собора, въ память совершившагося тысячелѣтія Россіи, 8-го сентября 1862 года воздвигнутъ величественный памятникъ. Памятникъ представляетъ собою громадный шаръ, изображающій Россійскую державу. Наверху шара стоитъ Ангелъ съ крестомъ надъ склонившею колѣни Россіей, въ видѣ царственной жены, держащей круглый щитъ съ изображеніемъ двуглаваго орла. Внизу, на подножіи, кругомъ шара, расположены, вылитыя изъ бронзы, 109 фигуръ важнѣйшихъ исто-

рическихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной службы, начиная съ князя Рюрика. Первый князь Руси представленъ въ полномъ вооруженіи; правая рука его положена на продолговатый остроугольный щитъ, на которомъ вырѣзано число 862. На памятникѣ тысячелѣтія вылита изъ мѣди вся исторія Россіи,—исторія наглядная, живая; „да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу!..“ Вотъ съ Евангеліемъ въ рукахъ св. славянскіе учители Кириллъ и Меѳодій... Со свиткомъ лѣтописи, въ монашескомъ одѣяніи, первый лѣтописецъ преп. Несторъ. Предъ Равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ, высоко поднявшимъ крестъ, лежитъ низверженный и разбитый идолъ Перуна... Дмитрій Донской, герой Куликовской битвы, наступилъ ногою на Татарина, держащаго въ рукахъ знамя съ изображеніемъ луны... Подлѣ воевода Іоанна III — Холмскаго, Воротынскаго, Щени, стоитъ въ отчаяніи надъ разбитымъ вѣчевымъ колоколомъ послѣдняя посадница Великаго Новгорода, Марѳа Борецкая... Около стола, на которомъ лежитъ царская корона, изображены освободители отечества въ тяжелую годину междуцарствія: келарь Авраамій Палицынъ, убѣждающій князя Пожарскаго избавить Москву отъ Поляковъ, Мининъ, стоящій у мѣшка съ разсыпанною казною, и умирающій за Царя Сусанинъ. Вотъ величественная фигура Петра I съ поднятымъ скипетромъ; у ногъ его стоитъ на колѣняхъ Шведъ и держитъ изорванное знамя... Къ ногамъ сидящей на тронѣ Екатерины II Потемкинъ повергаетъ турецкія трофеи и въ награду получаетъ изъ рукъ Императрицы лавровый вѣнокъ. Побѣдитель Наполеона, умиротворитель народовъ, Александръ I положилъ на карту Европы свою шпагу съ вѣтвію оливы... Графъ Сперанскій подноситъ Императору Николаю I книгу „Сводъ законовъ“... На памятникѣ увѣковѣчены храбрые вожди 12-го года: Кутузовъ, Багратіонъ, Платовъ, Барклай-де-Толи; безсмертные защитники многострадальнаго Севастополя: Корниловъ, Нахимовъ; знаменитые проповѣдники, писатели, художники, композиторы: Ѳеофанъ Прокоповичъ, Платонъ — митрополитъ Московскій, Иннокентій — архіепископъ Херсонскій и Таврическій; Ломоносовъ, Карамзинъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь; Бортнянскій, сочинитель (композиторъ) духовныхъ музыкальныхъ произведеній; Брюловъ, создатель картины „Послѣдній день Помпеи“, и творецъ оперы „Жизнь за Царя“ Глинка. Всего фигуръ на памятникѣ 109 и слѣдующая надпись: „Совершившемуся тысячелѣтію Всероссійскаго Государства въ благословенное царствованіе Императора Але-

ксандра II, лѣта 1862“. Десять вѣковъ русской жизни смотрятъ на насъ съ высоты новгородскаго памятника. Сколько здѣсь, въ этой мѣдной лѣтописи, поучительнаго для русскаго человѣка! Какое множество достопамятныхъ событій и дорогихъ лицъ воскресаетъ въ памяти при взглядѣ на этотъ величественный монументъ! Изучайте же старательно славную исторію своего отечества; по примѣру славныхъ предковъ своихъ, честно трудитесь на пользу родной земли.

Объяснительный Словарь.

Агаряне — мусульмане.
Ажно — такъ что.
Аллахъ — наименованіе Бога у магометанъ.
Анатомія — наука о внутреннемъ строеніи человѣческаго тѣла.
Антикварій — изучающій и собирающій всякія древности.
Антиминсъ — освященный платъ съ изображеніемъ положенія во гробъ Іисуса Христа, кладется на престолъ церковный при совершеніи св. евхаристіи.
Анфилада — рядъ комнатъ, расположенныхъ по прямой линіи.
Аргамакъ — рослая и дорогая азіатская лошадь.
Аренда — условная плата владѣльцу имѣнія, за пользованіе его землей.
Арка — дугообразный сводъ.
Армидины сады — сады, волшебные по своему великолѣпію.
Арсеналъ — зданіе, гдѣ хранится оружіе.
Артикулъ — воинскій уставъ.
Археологія — наука о древностяхъ.
Астролябія — снарядъ для измѣренія угловъ между предметами.
Аудіенція — пріемъ просителей сановникомъ.
Аулъ — селеніе, поселокъ.
Бармы — оплечья, ожерелье со священными изображеніями на торжественной одеждѣ нашихъ государей.
Бастіонъ — выступъ въ укрѣпленіи.
Басурманъ — невѣрный, всякій иноземецъ и иновѣрецъ.
Баталія — сраженіе.
Батарея — нѣсколько боевыхъ орудій, соединенныхъ для дѣйствія въ одномъ мѣстѣ.
Батырь — молодецъ, удалой наѣздникъ.
Баянъ — пѣвецъ въ княжеской дружинѣ.
Бебряный — бобровый.
Бердышъ — старинное оружіе, продолговатый топоръ съ копьемъ, который насаживался на длинное древко.
Бивакъ — мѣсто, на которомъ устроена временная остановка войска во время похода.
Бобыль — одинокій, неимѣющій надѣла крестьянинъ.
Бомбардиръ — унтеръ-офицеръ въ артиллеріи.
Бороня — защищая.
Борть — дупло стараго дерева.
Брань — сраженіе.
Братчина Никольщина — товарищество или артель, которая празднуетъ въ складчину, на общій счетъ, Николинъ день.

Булатъ — сталь; подразумѣвается холодное оружіе.
Булла — указъ римскаго папы.
Бурмицкія зерна — крупныя жемчужины.
Бусы — суда.
Валежникъ — лежачій, сухой лѣсъ.
Валуны — гранитъ, оглаженный и округленный природою.
Вежа — кочевой шалашъ.
Вериги — разнаго рода желѣзныя цѣпи, полосы, кольца, носимыя на голомъ тѣлѣ для смиренія плоти.
Виватъ — да здравствуетъ.
Викторія — побѣда.
Вирши — стихи.
Витія — ораторъ, краснорѣчивый человѣкъ.
Возгоріе — возвышенность.
Волхвъ — чародѣй, знахарь.
Воспалиться — воспламениться, разсердиться.
Втапоры — въ ту пору.
Выя — шея.
Галера — мореходное судно, парусное и гребное.
Гатить (болото) — заваливать хворостомъ, соломой, землей.
Геній — самобытный, творческій даръ въ человѣкѣ.
Гербъ — родъ щита съ изображеніемъ на немъ знаковъ, присвоенныхъ государству, городу, дворянскому роду.
Гетманъ — начальникъ малороссійскаго казачьяго войска.
Гоголь — утка.
Гонтовый — сдѣланный изъ короткихъ дранокъ.
Горнило — горнъ, мѣсто для плавки, очистки огнемъ.
Граять — каркать.
Гривна — 1) единица цѣнности въ древней Руси: кунная, серебряная и золотая; кунная была изъ низкопробнаго серебра; серебряная равнялась 4 куннымъ, золотая равнялась 50 куннымъ; 2) родъ медальона, носимаго на цѣпи на шеѣ.
Гридни — младшіе дружинники князя.
Гридница — пріемная комната во дворцѣ древне-русскихъ князей.
Гужъ — кожаная глухая петля въ упряжѣ.
Гужомъ ѣхать — одинъ за другимъ.
Гусли — музыкальный инструментъ, на которомъ играющій перебираетъ проволочныя струны пальцами.
Гусляръ — играющій на гусляхъ.
Гяуръ — невѣрный, бранное слово у магометанъ для иновѣрцевъ.
Демественный ладъ — старинный церковный напѣвъ.
Дивъ — названіе птицы удода.
Долгомѣрное (оружіе) — далеко стрѣляющее.
Доспѣхи — полное вооруженіе и одежда воинскія.
Древле — въ давнія времена.
Дуванъ дуванить — дѣлить добычу.
Дьякъ — письмоводитель, секретарь.
Дьякъ думный — дьякъ въ боярской думѣ.
Ендова — сосудъ для разливки питей.
Еретикъ — вѣроотступникъ.
Есаулъ — чинъ въ малороссійскихъ казачьихъ войскахъ, соотвѣтствовавшій ротмистру.

Жупанъ — короткій кафтанъ.
Забрало — наличникъ или подъемная рѣшеточка впереди шлема, для лица.
Заводь — рѣчной заливъ.
Заложиться — поступить на службу.
Зане — такъ какъ.
Заразить — убивать.
Застѣнокъ — мѣсто пытокъ, гдѣ допрашивали съ истязаніемъ.
Засѣка — цѣликомъ срубленныя деревья, которыми загораживаютъ дорогу.
Зеліе — трава, лѣкарство, отрава.
Зодчество — наука и искусство созидать зданія, архитектура.
Изгономъ нахлынули — сдѣлали набѣгъ.
Иконографія — описаніе иконъ.
Ильма — дерево, похожее на вязъ.
Инвентарь — совокупность предметовъ, необходимыхъ для веденія хозяйства.
Инда — такъ что.
Индѣ — мѣстами.
Исламъ — магометанская вѣра.
Исполать — на многія лѣта.
Истовый — настоящій, истинный.
Калики перехожіе — нищіе странники.
Кальянъ — азіатскій приборъ для куренія табаку чрезъ воду.
Камка — шелковая китайская ткань съ разводами.
Канунъ — пиво или брага, сваренныя къ празднику или для поминовенія усопшихъ.
Каптана — зимняя карета, устроенная, какъ колымага, но поставленная не на колеса, а на полозья.
Карантинъ — врачебная застава для проѣзжающихъ изъ заразныхъ мѣстностей.
Кардиналъ — высшій духовный сановникъ въ Римѣ.
Келарь — инокъ, завѣдывающій монастырскими припасами.
Киверъ — военный головной уборъ изъ твердой кожи.
Кистень — увѣсистый набалдашникъ на короткой палкѣ, просто насаженный или привязанный ремнемъ.
Клевретъ — товарищъ, собратъ.
Клектъ — крикъ.
Кобза — осмиструнная округлая балалайка.
Кобзарь — играющій на кобзѣ нищій, слѣпецъ, и поющій думы, т.-е былины Украйны.
Ковы — заговоръ, вредный замыселъ.
Ковыль — степная трава.
Колымага — лѣтняя карета на колесахъ, длинная и высокая, крытая сукномъ, безъ рессоръ, въ двѣ оглобли, въ которыя лошади запрягались гуськомъ.
Кольчуга — броня, доспѣхъ изъ мелкихъ колецъ.
Комплектъ — опредѣленное количество.
Конъ — мѣсто игры, поприще.
Коранъ — священная книга у магометанъ, въ которой собраны изреченія и наставленія ихъ пророка Магомета.
Корма судна — задній конецъ судна.

Корчемство — тайная продажа вина.
Косица — високъ.
Космополитизмъ — расширеніе идеи отечества на весь міръ.
Косяки — табуны лошадей.
Котора — вражда, раздоръ
Коты — крестьянская обувь, на подобіе башмаковъ, съ высокимъ передкомъ.
Крамола — возмущеніе, мятежъ.
Крашенина — крашеный и лощеный холстъ, обыкновенно синій.
Кринъ — лилія.
Кружало — кабакъ.
Кудель — пучокъ льна, изготовленный для пряжи.
Кудесникъ — колдунъ, чародѣй.
Куманика — морошка.
Кумиръ — изваяніе языческаго божества, идолъ.
Кумысъ — квашеное кобылье молоко.
Кунтушъ — польскій верхній кафтанъ.
Курганъ — могильный насыпной холмъ, относящійся большею частію къ отдаленной древности; ими усѣяны степи южной Россіи.
Ланиты — щеки.
Лафетъ — станокъ подъ артиллерійскимъ орудіемъ.
Ловчій — охотникъ, охотничій.
Лузь — лугъ.
Люлька — табачная трубка.
Ляхъ — полякъ.
Магнатъ — титулъ венгерскихъ и польскихъ вельможъ.
Мадонна — итальянское наименованіе Богоматери.
Маневры — построеніе и движеніе войскъ въ примѣръ войны.
Манифестъ — всенародное объявленіе.
Марево — миражъ — нижніе слои воздуха отражаютъ мелкіе степные предметы въ самыхъ разнообразныхъ образахъ и являютъ подобіе обширныхъ водъ; вблизи все это исчезаетъ.
Матера (вдова) — въ лѣтахъ, почтенная.
Маячить — кружить.
Меланхолія — уныніе, тоска, равнодушіе къ окружающему.
Менуэтъ — старинный танецъ.
Метафизическій — находящійся за предѣлами всякаго возможнаго опыта.
Мечеть — мусульманскій храмъ.
Монументъ — памятникъ.
Муссійскій — мусія — мозаика — рисунокъ или картина, составленная изъ разновидныхъ кусковъ какого-либо твердаго тѣла.
Нагайка — ременная плеть.
На карачкахъ — на четверенькахъ.
Налученъ — ножны для лука.
Наметъ — шатеръ.
На полы — пополамъ.
Наручни — запястья.
Насадъ — плоскодонное судно.
Начетчикъ — начитанный въ старопечатныхъ церковныхъ книгахъ.
Неключимый — негодный, безполезный.
Неуемчиво — нельзя унять, успокоить.

Нимфы — низшія божества у древнихъ грековъ, олицетворяли живыя стихійныя силы и изображались въ видѣ дѣвушекъ.
Обручъ — княжескій вѣнецъ.
Окольные — свита царя.
Оксамитный — изъ бархатной парчи.
Опальный — подпавшій гнѣву, опалѣ.
Орденъ Ливонскій — общество Ливонскихъ рыцарей.
Отроки — младшіе члены дружины.
Охабень — верхняя одежда въ древней Руси.
Паволока — шелковая ткань, которая привозилась изъ Греціи.
Пазы — щели.
Палашъ — прямая и широкая сабля.
Палица — ручное оружіе, дубина, окованная желѣзомъ, употреблялась въ древніе и средніе вѣка.
Панъ — баринъ.
Папа — римско-католическій первосвященникъ.
Парча — шелковая ткань, протканная золотомъ и серебромъ.
Пінта — стихотворецъ, поэтъ.
Пигмей — карликъ, человѣкъ величиною съ кулакъ.
Пищаль — старинная пушка, ружье.
Плаха — мѣсто казни.
Позиція — размѣщеніе, расположеніе.
Понтоны — легкія разборныя лодки, служащія въ войскахъ для быстрой постановки мостовъ.
Порты — одежда.
Порфира — верхняя торжественная одежда государей, широкій и длинный плащъ багрянаго шелка, подбитый горностаемъ.
Постельничій — бояринъ, который смотрѣлъ за спальнею государя.
Починокъ — селеніе на вновь расчищенномъ лѣсномъ мѣстѣ.
Поясъ каменный — Уральскій хребетъ.
Правежъ — битье батогами неисправнаго должника.
Прагматизмъ — изображеніе историческихъ событій, особенно поступковъ и дѣйствій историческихъ личностей или цѣлыхъ группъ, въ связи съ ихъ причинами, сопровождающими обстоятельствами и слѣдствіями.
Пращъ — сложенный петлею ремень, куда кладется камень, который мечутъ съ большой силой, закруживъ пращъ.
Приворотникъ — сторожъ у воротъ.
Призирать — взглянуть съ участіемъ.
Приказъ — правительственное мѣсто въ Московскомъ государствѣ.
Приниэистый — низкій
Провіантъ — хлѣбные запасы для войска.
Пушкарь — воинъ при пушкѣ.
Пѣтье — пѣніе.
Пяда — разстояніе между большимъ и указательнымъ пальцами, если ихъ раздвинуть; мѣра въ четверть аршина.
Разгорчиво — легко разгорается.
Рамена — плечи.
Регаліи — знаки царскаго сана: корона, держава, скипетръ, гербъ, мантія.
Редутъ — полевое укрѣпленіе: мѣсто, окруженное рвомъ и валомъ.

Ризница — мѣсто при церкви, гдѣ хранятся ризы и вообще вся церковная утварь и драгоцѣнности.
Рынды — почетные царскіе оруженосцы тѣлохранители, изъ знатныхъ молодыхъ людей.
Рытый бархатъ — не гладкій, а съ клѣтками, разводами или цвѣтами.
Сайгакъ — степное животное антилопа.
Саркофагъ — гробница.
Свитка — широкая, долгая запашная одежда, безъ перехвата.
Секта — братство, принявшее свое отдѣльное ученіе о вѣрѣ.
Сермяга — кафтанъ изъ грубаго крестьянскаго сукна.
Символъ — картинное изображеніе съ переноснымъ, символическимъ, иносказательнымъ значеніемъ.
Синклитъ — высшее гражданское правительство.
Сиповочка — тростниковая дудочка.
Система — планъ, предначертанное устройство.
Скатный жемчугъ — крупный, круглый, ровный, будто скатанный.
Скипетръ — царскій жезлъ.
Скрижали — двѣ каменныя плиты, на которыхъ были выбиты 10 заповѣдей.
Смежившіяся очи — закрывшіяся очи.
Смежиться — закрыться.
Смердъ — крестьянинъ, простолюдинъ.
Смушка — шкурка ягненка.
Сопѣлка — дудка.
Сохатый — лось.
Спальникъ — придворный чинъ въ Московскомъ государствѣ.
Сполынья — сѣверное сіяніе.
Ставка — станъ.
Стезя — дорожка, тропинка.
Стихарь — священная церковная одежда.
Стогны — площадь, улицы въ городѣ.
Столбунецъ — дѣвичья мѣховая шапка въ древней Руси.
Стольникъ — придворный чинъ въ Московскомъ государствѣ.
Стремянный — конюхъ.
Стругъ — рѣчное судно.
Стрѣльница — укрѣпленіе, съ котораго стрѣляли, башня.
Стрѣхи — соломенныя крыши.
Стягъ — военное знамя.
Стяжать — пріобрѣтать.
Ссыпь — складчина ячменемъ, солодомъ для варки къ празднику пива и меда.
Супостатъ — непріятель.
Схима — монашескій чинъ.
Сходня — доска, съ набитыми на ней брусками для выхода изъ лодки.
Сѣкира — топоръ.
Сѣнь — кровъ, защита, шатеръ.
Сѣча — битва.
Таганъ — желѣзный треножникъ, подъ которымъ разводятъ огонь для варки.
Тактика — наука, излагающая основанія боевого устройства войскъ и правила ихъ дѣйствій въ военное время.

Тальникъ — верба, кустарная ива.
Таранъ — окованное съ носка бревно на вѣсу, которое раскачиваютъ и бьютъ имъ въ стѣну.
Тать — воръ, мошенникъ.
Тафья — маленькая шапочка, въ родѣ скуфьи.
Творило — мельничный затворъ для удержанія и спуска воды.
Тевтонъ — нѣмецъ.
Тимпаны — музыкальный инструментъ въ родѣ литавръ.
Торбанъ — малороссійскій струнный музыкальный инструментъ.
Тризна — языческія помники по умершемъ, сопровождавшіяся пиромъ и военными играми.
Трофеи — знаки побѣды, состоящіе изъ отнятыхъ у непріятеля знаменъ и другихъ военныхъ принадлежностей.
Туга — тоска, печаль, скорбь.
Туръ — дикій быкъ, зубръ.
Тушканчикъ — земляной зайчикъ.
Тѣльникъ — крестъ, носимый на шеѣ.
Узорчатый — узорно изукрашенный.
Узорочье — драгоцѣнныя вещи и ткани съ литыми или рѣзными, съ шитыми или ткаными узорами.
Уключина — вырѣзка въ борту лодки, куда входитъ весло.
Улемы — ученое сословіе въ Турціи.
Улусъ — собраніе кочевыхъ кибитокъ.
Уставщица — установительница.
Фавнъ — богъ лѣсовъ, полей и горъ у древнихъ римлянъ.
Фениксъ — сказочная жаръ-птица у древнихъ грековъ, которая сама сжигала себя, чтобы изъ пепла снова возродиться молодой и сильной; служила символомъ безсмертія.
Фертомъ ходить — ходить щеголемъ.
Ферязь — женское платье въ старину, застегнутое до низу, — сарафанъ.
Филиграновая работа — серебряная, витая, сѣточкой, съ узорочными украшеніями.
Филинъ — сова.
Фитиль — льняная или пеньковая веревка.
Флегматикъ — лѣнивый, равнодушный, спокойный.
Фрегатъ — военное судно.
Фрески — стѣнная живопись.
Фронтъ — лицевой или передній строй войска.
Харатейный — писанный на пергаментѣ.
Хартія — старинная рукопись.
Цехины — итальянскія монеты.
Цехъ — группа или общество людей, занимающихся однимъ мастерствомъ.
Цимбалы — кимвалы — древній музыкальный инструментъ, въ видѣ двухъ металлическихъ полушарій, которыми ударяли одно о другое.
Цѣлизна — земля вовсе никогда непаханная.
Чайка — лапчатая водяная птица.
Чалма — головной уборъ мусульманъ.
Чекмень — кафтанъ.
Челобитчикъ — проситель, истецъ.

Чепракъ — нарядная покрышка лошади, надѣваемая подъ сѣдло.
Червленый — багряный, ярко-малиновый.
Червчатый — ярко-малиновый.
Чинаръ — дерево яворъ, платанъ.
Чохъ — чиханье.
Чресла — поясница.
Чубъ — отрощенный клокъ волосъ на темени.
Чумакъ — извозчикъ на волахъ.
Шальвары — широкіе штаны.
Шеломъ — шлемъ, каска.
Шелягъ — монета.
Шеренга — строй солдатъ плечомъ къ плечу.
Шестерня — малое машинное колесо.
Шестоперъ — оружіе, родъ булавы, на голову которой насаживались металлическія стрѣлы.
Ширинка — полотенце, носовой платокъ.
Шкеры — морское прибрежье, густо усѣянное островками.
Шкиперъ — корабельщикъ, управляющій купеческимъ судномъ.
Штуцеръ — винтовка, нарѣзное ружье.
Экзекуція — тѣлесная кара, наказаніе.
Эпархія — область, управляемая по духовнымъ дѣламъ архіереемъ.
Эскадра — отрядъ кораблей подъ однимъ начальствомъ.
Эстафета — извѣстіе, посланное съ нарочнымъ верховымъ.
Этикетъ — чинъ, порядокъ.
Яворъ — (чинаръ) дерево.
Яровчатый — изъ явора.
Ярлыкъ — ханская грамата, вообще письмо или записка.
Яшма — камень почти кремневой крѣпости, различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ.